НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА

Вадим Старк

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все, кто знал Наталью Гончарову, сходились в одном: она была изумительной красавицей. Свет ревниво следил за ее успехами, пристально всматривался в ее поступки. Сплетники злословили по поводу ее отношений с Дантесом, приписывали ей равнодушие и прозвали «кружевной душой». Даже влюбленный в нее Дантес отказывал ей в уме. Многие считали ее виновницей гибели Пушкина. Сам же он называл Натали не только своей Мадонной, но также «женкой» и «бой-бабой». Она воспитала семерых собственных и троих приемных детей.

Жизнь Натальи Николаевны, в 18 лет ставшей женой первого поэта России, а в 24 года оставшейся вдовой, по сей день вызывает споры, рождает мифы и разноречивые толки. Книга доктора филологических наук Вадима Старка рассказывает о женщине, ставшей источником вдохновения для Пушкина, о ее истинной роли в истории роковой дуэли, о дальнейшей судьбе той, которой Пушкин писал: «С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

- В. П. Старк. Наталья Гончарова
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая. СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ
    - Фамилия Гончаровых
    - Дед
    - Отец и мать
    - Случайная родина — Кариан
    - Род Загряжских
    - Яропoлец
    - Полотняный Завод
  - Глава вторая. ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО
    - Натальин день
    - «Что в имени тебе моем?»
    - Жизнь у деда
    - Дом на Никитской
    - Московская барышня
    - Лето 1828 года
    - Первая встреча
  - Глава третья. «ЯРМАНКА НЕВЕСТ»
    - «Неприступный Карс»
    - Дон-Жуанский список Пушкина
    - «Роман в письмах»
    - Второе сватовство

        - Свадьба
        - Первая квартира
        - «Медная бабушка»
    - Глава четвертая. ЖЕНА ПОЭТА
        - Между Арбатом и Мойкой
        - Светская дама
        - Разлуки и письма
        - Ревность и кокетство
        - Родня
        - Машка, Сашка, Гришка, Наташка
        - Денежные проблемы
    - Глава пятая. ДУЭЛЬ
        - Белая голова
        - Письма Дантеса Геккерену
        - История с Соллогубом
        - Анонимные письма
        - Сватовство Дантеса
        - Подстроенное свидание
        - Смерть Пушкина
    - Глава шестая. ВДОВА
        - Последний долг
        - Суд земной и суд Божий
        - Отъезд из Петербурга
        - Траур в Полотняном Заводе
        - Вдовья доля
        - Возвращение в свет
        - Два лета в Михайловском
    - Глава седьмая. ГЕНЕРАЛЬША ЛАНСКАЯ
        - Род Ланских
        - Вторая свадьба
        - Новая семья
        - Мать и дети
        - Замужество Александрины
        - Последние годы
        - На закате дней
        - ИЛЛЮСТРАЦИИ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ
    - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

В. П. Старк. Наталья Гончарова

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Наталья Николаевна» — это сочетание имени и отчества по ассоциации вызывает только одну фамилию — Пушкина. В ту эпоху, которую мы называем пушкинской, говорили, что первый романтический поэт женился на первой романтической красавице. На самом деле Пушкин в 1831 году уже не был поэтом-романтиком, хотя массовый читатель все еще воспринимал его как автора «Руслана и Людмилы», «Кавказского

пленника» и «Бахчисарайского фонтана». Пушкин-романтик и помыслить не мог ограничить свою свободу браком, как не представлял себя «отцом семейства» его герой Онегин из «деревенских» глав романа. Другой Пушкин — «умнейший человек России», автор «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Арапа Петра Великого» — мог искать счастья «на проторенных дорогах», оставаясь, как следовало гению, поклонником «юности и красоты». «Я женат и счастлив, — скажет „огончарованный“ поэт, — лучшего не дождусь». И Пушкин никогда не сожалел о сделанном выборе.

Короткая совместная жизнь поэта с Натальей Гончаровой отозвалась в главном — в сочинениях поэта: его стихах, прозе и письмах. Одного короткого письма Натальи Гончаровой из Москвы в Болдино, которое дает Пушкину надежду на соединение с нею, оказывается достаточно, чтобы, вопреки логике жизни, все «Повести Белкина» обрели счастливый конец. И роман «Евгений Онегин» был закончен вскоре после свадьбы вставным письмом Онегина Татьяне, полным тех чувств, которые тогда владели автором. Пушкин и Наталья Николаевна соединились в московском храме Большого Вознесения и расстались в петербургской церкви Спаса Нерукотворного Образа. Им суждено было прожить вместе всего пять лет, 11 месяцев и восемь дней. Ей было 24 года, а ему 37 лет, когда прозвучал роковой выстрел на Черной речке, отнявший у Натальи Николаевны мужа, а у России национального поэта. Незадолго до смерти Пушкин сказал о жене: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском». И он оказался прав не столько в отношении современников, сколько потомков. «Потерпела» она от суждений многих пушкинистов и даже от его собратьев по перу. Ее роль в истории дуэли, виновность или невиновность — вот что занимало и занимает всех до сих пор.

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков не только тактично обошел молчанием всю историю отношений жены поэта с Дантесом, но и вообще ограничился констатацией фактов. Особое внимание отношениям Натальи Николаевны и Дантеса было уделено впервые в книге Павла Елисеевича Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1916 году: «Ее соблазняли, и она была жертвой двух Геккеренов». Щеголев детально проследил дуэльную историю от 4 ноября 1836 года, когда Пушкин получил анонимный пасквиль, причислявший его к ордену российских рогоносцев, до смерти поэта 29 января 1837-го. Как пишет Щеголев, «после всего происходившего в ноябре Пушкин не считал искренним и сколько-нибудь серьезным увлечение Дантеса Натальей Николаевной».

В 1929 году свое видение Натальи Николаевны выразила Марина Цветаева в очерке «Наталья Гончарова». В нем представлены две Натальи Гончаровы — жена поэта и художница, красавица и труженица, двоюродная бабушка и внучатная племянница. В таком сопоставлении, как пишет Цветаева, «…с Натальи Гончаровой с самого начала снята вина». И продолжает: «Нет в Наталье Гончаровой ничего дурного, ничего порочного, ничего, чего не было в тысячах таких, как она, — которые не насчитываются тысячами. Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души и сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И сразила». Но не вяжется этот портрет с женою Пушкина, в которой душу он любил более лица ее. В пристрастных суждениях-осуждениях Цветаевой (ибо Пушкина любит она страстно, а в его любви к жене видит одно — чары) есть бьющее в самую точку сравнение: «Как Елена Троянская *повод,* а не причина Троянской войны (которая сама не что иное, как повод к смерти Ахиллеса), так и Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной». При всей разнице в стиле и жанре они оказываются близки друг другу — Цветаева и Щеголев.

Говоря о семейной жизни Пушкина, Щеголев приводит цитату из письма Пушкина-жениха П. А. Плетневу от 29 сентября 1830 года: «Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, — но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна* etc».

Другая позиция, близкая к той, которой придерживались друзья Пушкина, и к тому, что хотелось самому поэту, нашла выражение в 1935 году в первой книге, посвященной Наталье Николаевне, — «Невеста и жена Пушкина». Ее автор — известный пушкинист Модест Людвигович Гофман, выехавший в 1922 году в заграничную командировку и оставшийся в Париже, где он по праву стал признанным главой пушкиноведения в русском зарубежье.

Книга открывается цитатой из пушкинской поэмы «Цыганы»:

> К чему? вольнее птицы младость.
> Кто в силах удержать любовь?
> Чредою всем дается радость;
> Что было, то не будет вновь.

По поводу этих строк Гофман пишет: «Всем своим „донжуанским“ опытом Пушкин знал радость и муки (чаще

муки!), которые дает крылатый бог любви, и знал прежде всего, что любовь крылата: найдет, налетит, властно покорит не умеющее ей сопротивляться бедное человеческое сердце».

Гофман замечает: «Пушкин не мог теперь, в этот период, не увидеть, что Наталья Николаевна его любит, а не со спокойным безразличием дает свою руку», но тут же напоминает, как «гуляет вольная луна».

Через два года после Гофмана В. В. Вересаев к столетию гибели поэта выпустил свою популярную книгу «Спутники Пушкина». Очерком, посвященным Наталье Николаевне, он обобщил все то, что в воспоминаниях, рассказах и письмах современников было высказано о ней. Он выразился более чем определенно в отношении написанного о Наталье Николаевне ее старшей дочерью от второго брака, А. П. Араповой, назвав ее сообщения «лживыми» и «тенденциозными», «в которых нельзя верить ни одному слову». Однако один из лживых рассказов Араповой о связи Пушкина со свояченицей Вересаев непоследовательно принимает и закрепляет одной фразой без всяких оговорок: «За время одной из беременностей жены он интимно сошелся с девушкой-сестрой ее Александриной Гончаровой».

То же самое можно заметить и в связи с тем, что пишет Вересаев по поводу ревности, испытываемой Натальей Николаевной к объектам пушкинского интереса. При этом привлекается суждение Софьи Николаевны Карамзиной, писавшей в 1834 году: «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». Карамзина пишет о поэтических увлечениях, Вересаев же переводит это высказывание на более прозаическую почву: «Ревность и подозрения Натальи Николаевны были очень не лишены оснований. У Пушкина за время его женатой жизни был целый ряд увлечений: графиня Н. Соллогуб, А. О. Россет-Смирнова, графиня Д. Ф. Фикельмон». Дальше речь идет о якобы имевшей место связи Пушкина с Александриной Гончаровой, а в целом создается ложное впечатление, что у Пушкина была связь со всеми названными дамами.

По поводу ревности Пушкина Вересаев также пишет, привлекая для поддержки своих суждений вовсе не равнодушного свидетеля из прошлого — Анну Николаевну Вульф, с которой Пушкин имел роман в период михайловской ссылки: «Я здесь меньше о Пушкине слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят, чем о нем; от времени до времени я

постоянно слышу, как кто-нибудь кричит об ее красоте». К чести Вересаева, следует заметить, что, приведя свидетельства современников Пушкина о нравах, царивших при дворе, о романах Николая I, он по поводу жены Пушкина написал вполне определенно: «Наталья Николаевна держала императора в должных границах, так что ему ничего больше не оставалось, как изображать добродетельно-попечительного отца и давать Наталье Николаевне благожелательные советы держаться в свете поосторожнее, беречь свою репутацию и не давать повода к сплетням».

Однако если в этом вопросе Вересаев был сдержан в отношении Натальи Николаевны, жены поэта, то в отношении вдовы Пушкина, а тем более генеральши Ланской он пересказывает ту же Арапову, в сообщениях которой, по его собственному выражению, «нельзя верить ни одному слову», и заключает: «Все эти данные с большой вероятностью говорят за то, что у Николая завязались с Натальей Николаевной очень нежные отношения, результаты которых пришлось покрыть браком с покладистым Ланским». То, что Вересаев определил как «большую вероятность», под пером некоторых наших современников приобрело несомненность факта, хотя для того не было никаких оснований.

Важным этапом в освещении преддуэльной истории, отношений Натальи Николаевны и Дантеса стала публикация в 1946 году французским писателем российского происхождения Анри Труайя двух писем Дантеса Геккерену начала 1836 года. С тех пор ни одно исследование о последнем годе жизни Пушкина и Натальи Николаевны не обходилось без обращения к этим письмам. Как позднее оказалось, Труайя ввел в обиход лишь фрагменты двух писем, но и их оказалось достаточно для самых разных умозаключений. Содержащиеся в них, хотя и со слов Дантеса, признание Натальи Николаевны в любви к нему и выражение собственных его чувств к ней вызвали различную реакцию. Кто-то высказал мысль, что поскольку имя Натальи Николаевны в письмах прямо не названо, то и речь в них может идти о какой-то другой замужней даме, в которую был влюблен Дантес. Особенно далеко по этому пути пошел С. Б. Ласкин, который даже назвал имя — Идалия Григорьевна Полетика. Кто-то, как И. М. Ободовская и М. А. Дементьев, подверг сомнению время написания писем, полагая, что они были сочинены Дантесом спустя годы «для оправдания потомством». Авторами книг «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина» явно руководило желание оправдать Наталью Николаевну, в чем она не нуждалась.

Зато Анна Андреевна Ахматова, чьи работы о Пушкине стали, несомненно, значительным вкладом в изучение всего, что связано с последним этапом жизни Пушкина, отдала дань этим письмам, нисколько не сомневаясь в их подлинности. На основании всего двух посланий Дантеса к Геккерену Ахматова опровергла мнение П. Е. Щеголева, полагавшего, что историю увлечения Дантеса Натальей Николаевной следует вести с осени 1834 года. Проведенный поэтессой, если так можно выразиться, «сердечный анализ» писем Дантеса оказался наиболее проницательным в сравнении со всем, что написано о них. А своим очерком «Александрина» Ахматова расставила «все точки над i» в хитро сплетенной истории связи, якобы существовавшей между сестрой Натальи Николаевны и Пушкиным, написав: «От всего этого за версту пахнет клеветой».

Полная публикация писем Дантеса к Геккерену, осуществленная уже в конце 1990-х годов Сереной Витале, убедила всех, что письма эти подлинные и речь в них идет именно о Наталье Николаевне. К сожалению, самые значительные работы последних десяти — пятнадцати лет не могли охватить корпус этих писем.

В 60-е годы XX века так называемая «тагильская находка» писем семейства Карамзиных 1836–1837 годов привнесла в историю дуэли Пушкина до того неизвестные подробности. Изданные Н. В. Измайловым, эти письма, как никакие другие свидетельства эпохи, позволили по-новому взглянуть на трагедию Пушкина и на место в ней Натальи Николаевны. Но, как оказалось, и эти послания, исходящие из круга самого близкого к Пушкину, и эпистолы его противника, как и все другие свидетельства современников, можно интерпретировать в зависимости от изначальной установки их исследователя.

В поисках истины следует помнить прежде всего слова самого Пушкина, обращенные к Наталье Николаевне перед смертью: «Ты ни в чем не виновата». Жена Пушкина не нуждается в оправдании, ее честь защищена им самим. Она — его «ангел», «Мадонна», «Муза», «царица», «женка», «душка», «бой-баба», мать его детей. Этим все сказано. Но в очередной раз приходится обращаться к тому, что, казалось бы, и без того известно, чтобы представить жизнь Натальи Николаевны. Начинать надо издалека, пройдя путь от альфы до омеги.

И следует вспомнить слова А. А. Ахматовой, предварившие ее статью «Гибель Пушкина», явно не случайно помеченные днем именин Натальи Николаевны:

«Как ни странно, я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что тема семейной трагедии Пушкина не должна

обсуждаться. Сделав ее запретной, мы, несомненно, исполнили бы волю поэта.

И если после всего сказанного я все-таки обратилась к этой теме, то только потому, что по этому поводу написано столько грубой и злой неправды, читатели так охотно верят чему попало и с благодарностью приемлют и змеиное шипение Полетики, и маразматический бред Трубецкого, и сюсюканье Араповой. И раз теперь, благодаря длинному ряду вновь появившихся документов, можно уничтожить эту неправду, мы должны это сделать».

Глава первая. СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Портреты предков на стенах
И печи в пестрых изразцах.

А. С. Пушкин

Фамилия Гончаровых

«1812-го Года 27-го Августа в Тамбовской Губернии Селе Кареяне Родилась 5м Дочь **Наталья** в 3 часа утра Крестины 8го сентября восприемники **Загряжской** и Матушка **Ка<терина> Ан<дреевна>:** — Имянины ее 26го Августа»[1] (подчеркнуто в оригинале. — *В. С.)*.

Так детально отметил в записной книжке появление на свет Натальи Николаевны ее дед Афанасий Николаевич Гончаров. Отметил всё: и дату, и место, и время рождения, и то, что внучка была пятым ребенком, и когда ее крестили, и кто крестил: один из хозяев Кариана Александр Иванович Загряжский и Екатерина Андреевна Гончарова, во втором браке Новосильцева, мать Афанасия Николаевича, то есть дядя и прабабка младенца. Подчеркнуты ее имя и имена восприемников. Особой строчкой отмечен и день именин Натальи, пришедшийся на канун ее рождения. Запись сделана конечно же позднее, ибо Афанасий Николаевич находился в момент появления на свет внучки за тысячи верст от помянутого места — путешествовал по Европе. Лишь в сентябре 1812 года он вернулся в Россию, охваченную войной с Францией. В знаменательный для отечества год родилась Наталья…

Семейство Гончаровых, к которому она принадлежала, берет свое начало от калужского посадского человека, горшечника-гончара, о чем говорит и сама их фамилия. Гончар в мифах многих народов — герой или бог, творящий из глины, как египетское божество плодородия Хнум, людей и даже мироздание. Согласно индийской мифологии сам Брахма в одном из своих воплощений был гончаром. В шумерском же антропологическом мифе бог вод Энки призывает на помощь гончаров-формовщиков, добрых и благородных творцов, в помощь богине-прародительнице Намму, для того чтобы из глины, взятой над бездной, слепить человека и его судьбу. Во всех этих и других типологически сходных мифах народов Старого и Нового Света с

их «бродячими сюжетами» о сотворении человека из глины отражаются стадии приготовления и формовки глины в гончарном деле. В Западной Африке и части Средней Азии, где гончарное дело было сугубо женским, горшечница, обладающая сверхъестественными способностями, может выйти замуж только за кузнеца, кующего при помощи огня культовые орудия и предметы. Вместе они выступают в роли жрецов, обеспечивающих плодородие земли. Отличие священных занятий гончара от божественных во всех религиях состоит в том, что гончар не может вдохнуть в свое творение душу. Эти представления древних народов были осмыслены и христианством, закреплены духовной литературой. Так, иеромонах Клементий Зиновьев в виршах петровской поры прописал:

> Преть можно гончарство святым делом назвать:
> Поневаж Бог Адама зволил з глины создать.

В свете сказанного символичным представляется брак Гончаровой с Пушкиным.

Основателя династии Гончаровых звали Иван Дементьевич. Он, а потом и его сын Абрам Иванович держали гончарную лавку в Калуге, старинном купеческом городе на Оке.

В Калуге, прародине Натальи Николаевны, у Гончаровых издавна был свой дом. Получение в екатерининские времена дворянского достоинства позволило им построить в конце XVIII века в городе двухэтажный каменный барский дом, который сохранился до наших времен, хотя и подвергался разного рода перестройкам. Калужские дворяне Гончаровы, живя в имении, имели возможность при поездках в губернский город по делам или для участия в дворянских выборах останавливаться в собственном доме. И последующие поколения Гончаровых пользовались городским домом. Несомненно, бывала в нем и Наталья Николаевна: в детстве, с братьями и сестрами, и позднее, уже будучи замужем. Пушкин еще не однажды будет поминать провинциальную Калугу в письмах к жене, гостившей у деда в Полотняном Заводе, предостерегая от выездов туда с сестрами.

Гончаровский дом расположен напротив пятиглавой церкви Святого Георгия «за верхом», выстроенной в петровские времена, в 1700–1701 годах, в старых московских традициях — с грандиозной шатровой колокольней, с летним верхним и зимним нижним храмами. Уже к екатерининским временам относится пятиярусный иконостас верхнего храма с пышной позолоченной деревянной резьбой. Для нескольких поколений Гончаровых эта приходская церковь была почти домашней: они были ее

вкладчиками, в ней поминали их всех поименно.

Семейное предание, закрепленное историческими трудами, гласило, что внук родоначальника Афанасий Абрамович Гончаров основал неподалеку от Калуги на реке Суходрев полотняную и бумажную мануфактуры, которые позволили ему составить огромное состояние. Петр I, создавая русский флот, поощрял производства, потребные для его нужд, и Гончаров первым в России сумел наладить изготовление парусного полотна, которое до него ввозилось из Голландии. Царь поддерживал талантливого предпринимателя, переписывался с ним по поводу его предприятий, присылал ему мастеров полотняного дела из Голландии. Это предание было даже закреплено толкованием известного портрета А. А. Гончарова, на котором он представлен якобы с письмом государя в руке.

Пушкин, пользуясь трудами известного историка И. И. Голикова, не преминул отметить этот факт в «Истории Петра Великого» под 1718 годом: «В 1717 из Амстердама подрядил Петр между прочим плотинного мастера и послал его к калужскому купцу Гончарову, заведшему по его воле полотенную и бумажную фабрики. Петр писал Гончарову: VI — 255». Как видим, Пушкин осторожно делает ссылку на труд Голикова с указанием тома и страницы, оставляя на его совести правдивость приведенного сообщения. Это свидетельство того, что у него были основания сомневаться в правильности данного показания. У Голикова в указанном месте читаем: «Во всем деле руководящая роль принадлежит Гончарову; ему пишет Петр Великий из Голландии, что „поелику он не имеет у себя хорошего плотинного мастера, то он для него наняв искуснаго, посылает при сем, прописав за какую плату он его нанял и заключает, а буде ему тягостно производить такое жалованье, то он Государь будет ему платить свое“».

Поэт видел и сам портрет прапрадеда жены. До нашего времени дошло несколько его старых вариантов, не говоря уже о поздних копиях. Оригинал хранится ныне в семье Гончаровых, прямых потомков изображенного по мужской линии. В Калужском краеведческом музее экспонируется старинная копия, а в музее Полотняного Завода представлена современная копия. Этот портрет запечатлен и на старых фотографиях интерьеров большого усадебного дома. Художник представил Афанасия Абрамовича в весьма почтенном возрасте, судя по всему, уже в конце жизни, в царствование Екатерины II. Только недавно было установлено, что он родился в 1705 году, а значит, в 1718-м ему было всего 13 лет. Это обстоятельство окончательно убедило в том, что ни в какой переписке с Петром в это время он состоять

не мог. На портрете он представлен, по всей вероятности, с грамотой на чин коллежского асессора, дававший ему права потомственного дворянства.

Бывая в Полотняном Заводе, Пушкин видел и соседнюю с гончаровской, слиянную с ней, усадьбу Щепочкиных, которая напоминала о еще одной калужской фамилии, связанной с основанием заводов на Суходреве. Всё, что касается истории Полотняного Завода, в действительности обстояло иначе, чем гласило семейное предание, закрепленное Голиковым.

Шла Северная война со Швецией за выход к Балтийскому морю, Петром I создавался русский флот, во главе Адмиралтейств-коллегии стоял прапрадед Пушкина адмирал Иван Михайлович Головин, выдавший свою дочь Евдокию за прадеда поэта по отцовской линии Александра Петровича Пушкина. Спуская на воду очередной корабль, царь, по преданию, сказал Головину, своему главному корабельному мастеру: «Смотри, Иван Михайлович, твои детки!» Для создания флота требовалось парусное полотно, которое приходилось ввозить из-за границы, и потому стоило оно дорого. Петр мечтал о производстве отечественной парусины. Сметливым человеком, взявшимся наладить ее выпуск в России, оказался калужский купец Тимофей Филатович Карамышев. 7 марта 1718 года был издан подписанный царем указ, гласивший: «Для делания парусных полотен построить заводы в том месте, где приищет, с платежа с того места мельницы оброку; и тот завод умножить; и к тому заводу, сколько понадобится нанимать работных людей и покупать нужные для того припасы».

Место было «приискано» в 30 верстах от Калуги на реке Суходрев у села Сгомань, где еще с 1688 года стояла «мельница о трех жерновах». Два года ушло на строительство парусно-полотняной мануфактуры. К ней особым указом были приписаны бобыли села Товаркова, наняты «тати» (воры) и «винные» (виноватые) люди, поставлено было обучение, и дело пошло. К 1722. году действовало уже 60 ткацких станов и трудились на них 140 рабочих. Именно Карамышеву прислал царь иностранного мастера по производству полотна, которого самолично для того нанял в Голландии. Чтобы отходы от производства полотна не пропадали, Карамышев решает устроить тут же и бумажное производство. 30 января 1720 года определением Берг- и Мануфактур-коллегии Карамышеву было разрешено «при той парусной фабрике построить своим коштом бумажную мельницу и делать бумагу, какая может в действо произойти: картузную, оберточную, писчую. Принимать работных людей вольных с уговором достойной платы… и чтобы ученики обучались в

художестве своем совершенно против иностранцев действовать». В год смерти Петра I, 1725-й, бумажная мануфактура дала первую отечественную бумагу. К этому времени сам Карамышев уже не мог один управляться с обширным делом и привлек для того своих приказчиков — племянника Григория Ивановича Щепочкина и калужского посадского человека Афанасия Абрамовича Гончарова.

В 1732 году Гончаров и Щепочкин вошли с Карамышевым в долю, а после его смерти в 1735 году «полюбовно» поделили производство, чтобы не грызться между собой. Гончаров продолжил дело на старом месте, а Щепочкин перенес доставшиеся ему строения на новое место, так называемый Новый двор, и открыл в придачу еще одну полотняную мануфактуру. Так в селе Сгомань, или Взгомонье, образовались два полотняных и одно бумажное предприятия, а село с 40-х годов XVIII века стало именоваться Полотняные Заводы (в пушкинское время название чаще употребляли в единственном числе).

Гончаров на своих предприятиях добился такого качества производимого полотна, что оно оказалось конкурентоспособным на европейском рынке и при дешевизне, прежде всего труда мастеровых, стоило значительно меньше голландского, а потому пользовалось спросом. Весь английский королевский флот, как говорили, ходил под гончаровскими парусами. По признанию самого Афанасия Абрамовича, на него трижды «шел золотой дождь»: в период войны Англии и Франции за Канаду 1756–1763 годов, во время отложения Америки от Англии и конечно же в Русско-турецкую войну. Так что для Гончаровых войны становились источником благосостояния.

Елизавета Петровна также покровительствовала Гончарову, пожаловав его чином коллежского асессора. Этот чин восьмого класса по Табели о рангах давал потомственное дворянство. Не случайно представитель старинного рода Пушкин, не нуждавшийся в таком пожаловании, писал:

> Не рвусь я грудью в капитаны
> И не ползу в асессора…

Для промышленника Гончарова дворянское звание, что всего важнее, давало право приобретения крепостных, столь необходимых для работы его предприятий.

Ко времени царствования Екатерины II относится расцвет заводов, поставлявших полотно российскому флоту, сыгравшему особую роль в победах Русско-турецкой войны за выход к южным морям. Благоволившая к Афанасию Абрамовичу Гончарову

Екатерина во время знаменитого путешествия на юг «в полуденные страны» почтила в 1775 году Полотняный Завод своим присутствием. Отведенную императрице в усадебном доме опочивальню с той поры не переделывали и стали называть екатерининской, а памятник в честь ее посещения, заказанный в Германии, вошел в историю жизни Пушкина под именем «Медная бабушка». В 1789 году императрица подтвердила права Гончаровых на дворянство особым указом, с выдачей грамоты Афанасию Николаевичу, внуку Афанасия Абрамовича. Эта грамота дала основание и для утверждения за родом Гончаровых герба, описание которого гласит:

«Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображена серебряная Звезда шестиугольная; в нижней части в красном поле серебряная же Шпага, перпендикулярно остроконечием обращенная вниз. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром.

Афанасий Гончаров за размножение и заведение парусных и бумажных фабрик в 1744-м году пожалован Коллежским Асессором. Сын его Николай Гончаров в 1777-м из воинской службы отставлен Майором; а внук Афанасий Николаев сын Гончаров в службу вступил в 1770-м году, в 1786-м произведен Надворным Советником, и, находясь в сем чине, 1789-го года Октября во 2-ой день пожалован на дворянское достоинство Дипломом».

Итак, по чину еще Афанасий Абрамович с 1744 года пользовался дворянскими правами, но формально только с 1789-го его потомки стали принадлежать к дворянскому сословию.

Нам до сих пор неизвестно имя жены Афанасия Абрамовича, видимо, рано скончавшейся и оставившей ему троих сыновей и двух дочерей: Николая, Афанасия, Ивана, Александру и Варвару. Можно сделать предположение, что ее имя было Татьяна. В Калужском областном художественном музее хранится происходящая из Полотняного Завода небольшая иконка середины XVIII века с изображением святого Афанасия Великого и мученицы Татианы, благословляемых Христом. Ориентированный на традиционные образцы, отличающийся изысканностью письма и некоторой манерностью, этот семейный образ по-своему характеризует семью его заказчиков Гончаровых. Выходцы из купеческой среды, стремившиеся в дворянство, они вместе с тем не могли еще принять расцерковленной культуры, проникавшей в эпоху Просвещения в православные храмы. Афанасий, епископ Александрийский, самый чтимый из святых, носивших это имя, которого церковь почтила наименованием Великого и столпа

православия, родился около 296 года в Александрии и скончался 2 мая 373 года. К этому дню приурочено и его церковное поминовение. Татиана же поминается лишь однажды в году, 12 января. Дочь знатного римлянина, тайного христианина, дьяконица Римской церкви, пострадавшая за веру, она была убита мечом около 225 года. Таким образом, пути этих святых в земном их бытии никак не пересекались. Изображение их на иконе вместе свидетельствует о том, что она выполнена на заказ, а святые являются ангелами-хранителями членов семьи, скорее всего, мужа и жены. Такая традиция была достаточно распространена и встречается даже на храмовых иконах. При этом святые изображались с явным портретным сходством с заказчиками или их предками, чаще всего строителями родовых церквей.

Первенцем в семье Афанасия Абрамовича был Николай Афанасьевич Гончаров, пошедший, следуя дворянской традиции, в военную службу и дослужившийся до чина секунд-майора, данного ему при выходе в отставку в 1777 году. Женился он на представительнице старинного дворянского рода Екатерине Андреевне Сенявиной, родившейся в 1744 году. Происходила она, как и Гончаров, из калужских дворян. Это было первое в роду Натальи Николаевны соединение богатства со знатностью. Род Сенявиных прославился знаменитыми мореплавателями, один из которых, Д. Н. Сенявин, родился в 1763 году на Калужской земле под Боровском в селе Комлеве. Род был польского происхождения, восходивший в России к Алехне Сенявину, герба Сенява (Szeniasva), выехавшего из Польши на Русь в начале XVI века. Уже его сын Иван Алехович в 1514 году получил в смоленском наместничестве вотчину с селами, принадлежавшими его предкам. Позднее, уже в 1525 году, ему же были пожалованы деревни в Боровском уезде — существующие и поныне Юрово, Фатово, Агтоново и Борисо-Мохово. Его праправнук Матвей Федорович в том же Боровском уезде получил вотчину от царя Михаила Федоровича. Наконец, в 1688 году Аким Иванович Сенявин получил, опять же в Боровском уезде, поместье за вотчину, то есть с правом полного распоряжения. Именно его сыновья положили начало морской династии Сенявиных[2]. Одна из представительниц рода, Феодосия Наумовна, была замужем за флотским капитаном Матвеем Васильевичем Ржевским, и этот брак породнил семью Сенявиных с тем самым кланом, кровь которого текла и в жилах Пушкина (к роду Ржевских принадлежала прабабушка поэта Сарра Юрьевна, приходившаяся троюродной сестрой Матвею Васильевичу). Таким образом, семья прабабушки Натальи Николаевны и одновременно ее крестной матери была Пушкину хорошо знакома.

После смерти супруга Екатерина Андреевна во второй раз вышла замуж 13 августа 1784 года за майора Ивана Васильевича Новосильцева, пережила и его и умерла 25 апреля 1816 года. Похоронена она в знаменитом Боровском Пафнутьеве монастыре неподалеку от Калуги. Памятник на ее могиле был поставлен сыном, Афанасием Николаевичем. Наталья Николаевна в тот год, когда скончалась ее прабабушка и крестная мать, жила как раз в Полотняном Заводе, но вряд ли ее, по малости лет, взяли на похороны. Однако конечно же она неоднократно бывала на этой могиле. На памятнике выбито: «Сей памятник воздвигнут в знак сыновней любви надворной советник и кавалер Афанасий Николаевич Гончаров 1816 года».

Молодой дворянский род Гончаровых был продолжен только по линии Афанасия Николаевича Гончарова, и его внучка Наталья родилась потомственной дворянкой в третьем поколении[3].

Дед

После смерти Афанасия Абрамовича майорат достался его старшему сыну Николаю Афанасьевичу, а затем внуку Афанасию Николаевичу. Афанасий Николаевич родился около 1760 года, прожил довольно большую жизнь и скончался в 1832 году. В службе он состоял с 1770 года, дослужился к 1786 году до чина надворного советника, удостоившись, опять-таки за управление на пользу отечеству полотняными заводами, ордена Святого Владимира IV степени.

Афанасий Николаевич женился на представительнице старинного боярского рода Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной, дочери Платона Ивановича Мусина-Пушкина и Марии Федоровны Хомяковой. Это был второй в роду Гончаровых приток знатной дворянской крови. Предки Надежды Платоновны принадлежали к старшей ветви рода Мусиных-Пушкиных. В «Начале автобиографии» Пушкин писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы». В этом перечне фамилий, берущих свое начало от легендарного Ратши, Пушкин первыми называет Мусиных. Основатель фамилии Пушкиных Григорий Александрович Пушка открывает собою седьмое колено рода; его пятый сын Константин был прямым предком поэта, а третий сын Василий по прозвищу Улита — предком ветви Мусиных-Пушкиных. Приставка «Мусин»

появилась после его внука Михаила Тимофеевича по прозвищу Муса. Прямой предок поэта Иван Гаврилович Пушкин приходился Михаилу Мусе троюродным братом.

Однако между семейством Мусиных-Пушкиных и просто Пушкиных существовало и более близкое родство по линии Приклонских, кровь которых текла в жилах и графа Алексея Ивановича Мусина, издателя «Слова о полку Игореве», и Александра Сергеевича Пушкина. Мать графа, Наталья Михайловна, была дочерью Михаила Ивановича Приклонского. Ее кузина[4] Лукия Васильевна и ее муж полковник Василий Иванович Чичерин — родители Ольги Васильевны Чичериной, вышедшей замуж за Льва Александровича Пушкина. Таким образом, Ольга Васильевна Пушкина, бабушка поэта и одновременно его крестная, доводилась А. И. Мусину-Пушкину троюродной сестрой.

Впрочем, Пушкин оказывался в родстве с Мусиными-Пушкиными, а значит, и с Натальей Николаевной не только по отцовской, но и по материнской линии. Дело в том, что пострадавший в царствование Анны Иоанновны граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, сын Ивана Алексеевича — петровского сподвижника и первого графа в роду, был женат первым браком на Марии Ржевской, дочери Матвея Алексеевича Ржевского. Его брат Юрий приходится Пушкину прапрадедом. Дочь Юрия Алексеевича Сарра вышла замуж за Алексея Федоровича Пушкина, отставного капитана и тамбовского помещика; от этого брака появилась на свет Мария Алексеевна Пушкина, на которой женился Осип Абрамович Ганнибал. Их единственная дочь Надежда Осиповна — мать поэта.

Судьба графа Платона Ивановича пересеклась и с биографией прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. В то время, когда крестник Петра I постигал военные науки во Франции, прибывший в Париж с дипломатическим поручением П. И. Мусин-Пушкин оказал возможное содействие обучавшимся там и бедствовавшим вдали от родины юным российским подданным. Абрам Петров, как его тогда называли, писал кабинет-секретарю Петра А. В. Макарову 5 марта 1722 года: «И вот рассуди, государь мой, что мы здесь в долгу не от мотовства, а от бумажных денгах, о чем Вы, я чаю, известны через графа Мусина-Пушкина, какое здес житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня своей милостью не оставил, что обедал и уженал при нем по вся дни». Позднее Ганнибал служил в Ревеле в ту пору, когда там губернаторствовал граф Платон Иванович.

Участь самого Платона Ивановича, жестоко пострадавшего по

делу Волынского, конечно же была известна Пушкину. Его хотя и не «казнили смертию», но подвергли «усечению языка» и ссылке на Соловки. Елизавета Петровна вернула его из ссылки, но политическая его карьера закончилась вместе с делом Волынского. В переписке Пушкина с Лажечниковым по поводу романа «Ледяной дом» всплывает и имя этого мученика. Лажечников пишет Пушкину 22 ноября 1833 года: «… историческое лицо Бирона останется навсегда в том виде, в каком сохранилось оно до нас. Может быть, искусная рука подмоет его немного, но никогда не счистит запекшейся на нем крови Волынского, Еропкина, Хрущева, графа Мусина-Пушкина и других…»

Пушкин не мог не знать и о том, что, обвенчавшись с Натальей Николаевной, он вновь породнился с Мусиными-Пушкиными. Ее бабушка Надежда Платоновна принадлежала к самой старшей ветви рода Мусиных-Пушкиных. Ее и Алексея Ивановича общим предком был Михаил Иванович Мусин-Пушкин, внук родоначальника Михаила Мусы. Отец Надежды Платоновны был полным тезкой своего упомянутого выше знаменитого родственника, пятиюродного брата из графской ветви рода, в честь которого он и был назван.

Пушкин писал в стихотворении «Моя родословная»: «Я просто Пушкин, не Мусин». Тем не менее у Пушкиных и Мусиных-Пушкиных, а значит, у поэта и его жены, был общий предок Ратша, от которого пошли все Пушкины и Мусины-Пушкины. В качестве «ратшичей» Пушкин и его жена приходились друг другу братом и сестрой в 13-й степени, принадлежа к одному и тому же колену потомков прародителя. С раннего детства «портреты дедов на стенах», предков и родных, украшавшие парадные покои господского дома в Полотняном Заводе, с их строгими лицами, в париках, высоких прическах, в старинных одеяниях были знакомы Наталье Гончаровой.

Семейная жизнь Надежды Платоновны и Афанасия Николаевича не сложилась. Не стерпев сумасбродств супруга и его любвеобильности, Надежда Платоновна в 1808 году покинула Полотняный Завод. Они не разводились, но остаток дней прожили врозь. Афанасий Николаевич, выделив жене содержание в 200 тысяч рублей в год, почел себя свободным от всяческих по отношению к ней обязательств. После разъезда с женой он отправился в длительное заграничное путешествие, из которого вернулся вскоре после рождения внучки Натальи.

Отец и мать

Наталья Гончарова была в семье Николая Афанасьевича Гончарова и Натальи Ивановны, урожденной Загряжской, пятым ребенком. В записи о ее рождении, сделанной дедом Николаем Афанасьевичем, значится, что крестным отцом был Загряжский, без указания имени и отчества. Совершенно очевидно, что в этой роли выступил, как его называет отец новорожденной, «шурин Загряжский» — ее дядя Александр Иванович Загряжский, старший брат ее матери, пригласивший семейство Гончаровых в Кариан. Крестной стала мать Афанасия Николаевича, Екатерина Андреевна Новосильцева, урожденная Сенявина, в первом браке Гончарова.

Родителей Натальи Гончаровой с полным правом можно назвать москвичами. В Москве и Подмосковье прошли детство, отрочество и началась юность Натальи Ивановны Загряжской, ее красота стала обращать на себя внимание окружающих. Своеобразной данью любви к ней москвича, переводчика Александра Васильевича Иванова станет посвящение ей перевода с французского романа английского писателя Р. М. Роша «Изгнанный сын, или Вертеп разбойников». Первая его часть вышла в 1808 году, когда Наталья Ивановна уже была замужем; но тем не менее посвящение было сделано Наталье Ивановне Загряжской. Одно из двух: или автор специально использовал для посвящения девичью фамилию, под которой он знал предмет своих чувств, — или же он не ведал ничего о том, как сложилась ее судьба после того, как она была увезена в Петербург.

В Петербурге Наталья Ивановна вместе с сестрами Софьей и Екатериной была принята ко двору фрейлинами к супруге Александра I императрице Елизавете Алексеевне, урожденной Луизе Марии Августе принцессе Баденской. Наталья Ивановна, как в будущем ее дочь, блистала при дворе, прославленная за красоту и окруженная вниманием многочисленных поклонников. Неожиданно в нее влюбился фаворит императрицы кавалергард Алексей Охотников. Так она оказалась втянута в историю, которая потрясла современников, переживалась потомками. Эта история окончилась смертью одного из ее участников и свадьбой Натальи Ивановны. Вся ее дальнейшая жизнь и особенности ее характера, сыгравшие свою роль и в ее отношениях с Пушкиным, во многом были определены тем, что произошло в конце 1806-го — начале 1807 года.

Главная участница разыгравшейся драмы — императрица Елизавета Алексеевна, которую отличали преданность новому отечеству, его обычаям, православной вере, любовь к русской литературе. Деятели «дней Александровых прекрасного начала», писатели, в их числе Николай Михайлович Карамзин, составляли

ее окружение.

Ни для кого в придворном мире не являлся секретом роман Александра I и Марии Антоновны Нарышкиной, урожденной княжны Четвертинской, больно задевший императрицу Елизавету Алексеевну. Тема эта целое столетие была под запретом. Только в начале XX века ее коснулся Д. С. Мережковский в своем романе «Александр I». События, невольной участницей которых станет Наталья Ивановна Гончарова, представляются следующим образом:

«Вскоре после Аустерлица появилось в иностранных газетах известие из Петербурга: „Госпожа Нарышкина победила всех своих соперниц. Государь был у нее в первый же день по возвращении из армии. Доселе связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляет ее напоказ, и все перед ней на коленях. Эта открытая связь мучит императрицу“.

Однажды на придворном балу государыня спросила Марию Антоновну об ее здоровье.

— Не совсем хорошо, — ответила та, — я, кажется, беременна.

Обе знали от кого».

Марию Антоновну Нарышкину Пушкин впервые поминает в ранней поэме «Монах», написанной именно в 1813 году. Известна она стала только в 1928 году, будучи найдена в бумагах лицейского товарища Пушкина, князя Александра Горчакова. Он неоднократно в 1870—1880-х годах рассказывал историку Царскосельского лицея В. П. Гаевскому о том, что уговорил Пушкина уничтожить «Монаха» — стихотворение «довольно скабрезного содержания». Однако как раз в бумагах Горчакова поэма и была найдена, притом в весьма потрепанном виде, судя по которому она передавалась лицеистами из рук в руки. Позднее Горчаков вряд ли давал ее кому-либо читать, почитая «дурной поэмой», но уничтожить не решился.

В этой поэме Нарышкина поминается в монологе чёрта, соблазняющего монаха:

Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправливать жилет.

Мария Антоновна, которой в ту пору было 34 года, еще с 1801 года была фавориткой Александра I. Пушкину, как и всем лицейским, жившим в непосредственной близости от Екатерининского дворца, летней резиденции императора, было известно об этом многолетнем романе.

Ф. Ф. Вигель, приятель Пушкина, чьи «Записки» использовал в своем романе Мережковский, писал: «Кому в России не известно имя Марии Антоновны? Я помню, как в первый год пребывания моего в Петербурге, разиня рот, стоял я перед ее ложей и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: в Петербурге, тогда изобиловавшем красавицами, она была гораздо лучше всех. О взаимной любви ее с императором Александром я не позволил бы себе говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной; но эта связь не имела ничего похожего с теми, кои обыкновенно бывают у других венценосцев с подданными».

Позднее в качестве эпиграфа ко второй главе «Пиковой дамы» Пушкин использовал светский разговор Дениса Давыдова с М. А. Нарышкиной:

— Il paraît que monsieur est décidément pour suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elies sont plus fraîches[5].

Прочитав «Пиковую даму», Давыдов 4 апреля 1834 года написал Пушкину: «Помилуй, что за дьявольская память! — Бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М. А. Нарышкиной насчет les suivantes, qui sont plus fraîches, а ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы». Этот эпизод нашел отражение и в черновиках «Романа в письмах»: «Недавно кто-то напомнил эпиграмму Давыдова какой-то спелой кокетке, которая смеялась над его демократическою склонностью к субреткам: que voulez<-vous>, ma<dame> elles sont plus fraîches. — Многие принял<и> сторону дам большого света — утверждали, что любовь питается блеском и тщеславием». В доме Нарышкиных на Фонтанке часто устраивались балы губернского дворянства, на которых присутствовала вся петербургская публика. Об одном из своих посещений великолепного нарышкинского особняка Пушкин писал жене в Полотняный Завод 18 мая 1834 года: «Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкиных».

Имя мужа Марии Антоновны как самого знаменитого рогоносца пушкинской поры будет поставлено под анонимным пасквилем, полученным поэтом 4 ноября 1836 года. Александр I имел от своей фаворитки дочь Софью. Императрица Елизавета Алексеевна также родила дочь от кавалергарда Охотникова, в 1806 году. В октябре 1806 года человек, якобы подосланный великим князем Константином Павловичем, смертельно ранил фаворита императрицы при выходе из театра, и в январе 1807 года он умер. Эта история наделала много шума.

Алексей Яковлевич Охотников вышел из среды среднего дворянства Воронежской губернии, где его семье принадлежали

поместья в Землянском уезде. Начав службу сенатским регистратором, он 21 мая 1801 года был определен эстандарт-юнкером в Кавалергардский Ее Величества полк, шефом которого была в ту пору императрица Елизавета Алексеевна. Через четыре месяца, 25 сентября, он получил первый офицерский чин корнета, а 5 ноября 1802 года произведен в поручики. 24 июня 1804 года Охотников был назначен полковым адъютантом. 29 марта 1806 года ему следует очередной чин штаб-ротмистра. В 1805 году он влюбился в императрицу. Семейное предание в изложении историка Кавалергардского полка С. А. Панчулидзева так передает эту историю.

«Муж — высокопоставленное лицо — невзирая на красоту, молодость и любовь к нему своей жены, часто изменял ей. Ко времени ее сближения с Охотниковым она была окончательно покинута своим мужем, который открыто ухаживал, даже в ее присутствии, за одной дамой того же круга. Про эту связь говорил весь Петербург. Иные не находили в том удивительного, считая забытую жену за слишком серьезную и скучную, и вполне оправдывали легкомысленность мужа; другие смотрели с сожалением на молодую женщину, переносившую с достоинством это тяжелое и незаслуженное оскорбление. Между таковыми был и Охотников. Чувство Охотникова возросло от сознания, что оно никогда не встретит взаимности, так как в Петербурге все говорили о неприступности молодой женщины и любви ее к своему мужу.

Но, вероятно, последняя измена переполнила чашу терпения молодой женщины. И, покинутая, одинокая, она невольно заметила взгляды молодого офицера. В них она прочла глубоко скрытое чувство любви и сожаления к ней; видя эту симпатию к ее несчастию, она сама увлеклась. Любовь их продолжалась два года. Наконец наступил роковой день: осенью 1806 года, при выходе из театра, Охотников был кем-то ранен кинжалом в бок. <…> Подозрение его падало на брата мужа любимой женщины. Последнее время тот неустанно следил за своей невесткою и, как думал Охотников, преследовал ее своею любовью.

Если убийство и было дело его рук, то навряд ли мотивом была любовь к невестке, а напротив — его любовь и преданность к брату; если он и следил за своей невесткою, то именно из-за боязни за честь брата».

Тяжело раненный Охотников подал 27 октября 1806 года прошение об отставке, «за имеющеюся… грудной болезнью». Поданное по команде прошение доходит до командующего гвардейским корпусом великого князя Константина Павловича, который предписал шефу полка Уварову: «Охотникова лично

освидетельствовать в болезни, и действительно ли он к службе неспособен, а что по тому окажется, мне донести». 14 ноября 1806 года Охотников был уволен со службы. Смертельный исход стремительно приближался. Тогда императрица с помощью своей сестры Амалии устроила с ним свидание. В минуту расставания она поцеловала его в губы. Он прошептал в ответ: «Я умираю счастливым, но дайте мне что-нибудь, что я унесу с собою». В качестве последнего дара он получил локон волос Елизаветы Алексеевны, упавший ему на грудь, медальон с ее портретом и памятное кольцо. Умер он 30 января 1807 года. Императрица с сестрой в траурном платье посетила его квартиру. На другой день принцесса Амалия забрала оттуда шкатулку с письмами императрицы, которые ее поклонник завещал ей вернуть. Через шесть месяцев над могилой Охотникова на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры появился надгробный памятник, сооруженный на средства императрицы в виде грота со скульптурой плакальщицы у сломанного дерева с надписью: «Кавалергардского полку штаб-ротмистр Алексей Яковлевич Охотников. Умер 30 января 1807 года на 26-м году от рождения».

Уже после того как Охотников был смертельно ранен, 3 ноября 1806 года на свет появилась дочь императрицы, названная в ее честь Елизаветой, прожившая всего полтора года и умершая 30 апреля 1808 года. Она считалась конечно же дочерью Александра I, но была погребена неподалеку от могилы своего истинного отца — в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

После этой истории Елизавета Алексеевна еще больше замкнулась в себе. Посол Наполеона в России генерал Савари писал о ней: «Царствующая императрица живет в полном уединении. Она кушает у себя, одна с сестрой принцессой Баденской Амалией, по крайней мере 3 раза в неделю. В другие дни, когда она обедает у императора, она появляется в столовой за минуту до подачи кушанья, удаляется немедленно после кофе и возвращается в свои внутренние комнаты, откуда она высылает даже фрейлину или придворную даму, несущую при ней дежурство».

Трудно сказать, какая роль досталась во всем этом деле Наталье Ивановне Загряжской. Разрывался ли Охотников в своих чувствах между императрицей и ее фрейлиной или последняя была для него лишь временным увлечением? Стала бы она супругой-ширмой или они вместе покинули бы двор, удалившись в деревню, как иногда бывало в завершение подобных историй? Роковой удар кинжалом нарушил планы всех участников этой драмы.

Наталью Ивановну выдали за Николая Афанасьевича Гончарова, тогда камер-юнкера, красавца и наследника значительного состояния, обращенного уже к тому времени в майорат. После ранней смерти старшего брата Дмитрия он остался единственным ребенком Афанасия Николаевича и Надежды Платоновны. Они не чаяли в нем души, дали ему европейское образование, для чего приглашались лучшие учителя, обучавшие его различным наукам и языкам, к которым у него оказались необыкновенные способности. Он в совершенстве овладел французским, английским и немецким, писал стихи. У Николая открылись и незаурядные музыкальные способности — он виртуозно играл на скрипке и виолончели. Среди его гувернеров в Полотняном Заводе оказался и будущий учитель Пушкина, профессор французской словесности в Лицее Давид де Будри, родной брат Жана Поля Марата. Николай Афанасьевич был на 11 лет старше Пушкина. В 1804 году он был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел, куда поэт поступил в 1817 году по окончании Лицея. При дворе Гончаров безумно влюбился в Наталью Ивановну.

Венчание состоялось за три дня до смерти Охотникова, 27 января 1807 года в парадной Большой церкви Зимнего дворца во имя Спаса Нерукотворного Образа, устроенной Растрелли в стиле русского барокко. Ее достопримечательностью был древний флорентийский образ Божьей Матери, писанный, по преданию, евангелистом Лукой. А стоило поднять глаза вверх, то взору открывался великолепный живописный плафон «Воскресение Христово» работы итальянского мастера Франческо Фонтебассо (1760).

Наталья Ивановна вступила в семейство Гончаровых. Годом их свадьбы датируется письмо Н. А. Гончарова из Петербурга бабушке Е. А. Новосильцевой, к которому приписку сделала молодая супруга, также именуя ее бабушкой:

«Цалую ваши ручки милая Бабушка и молю Бога, чтоб вы были здоровы, сестрицы свидетельствуют вам свое почтение, честь имею пребывать вам

всепокорная внука

Наталья Гончарова».

Молодых удалили от двора и из Петербурга. Николаю Афанасьевичу был дан чин коллежского асессора с назначением секретарем московского генерал-губернатора. Ему обещалась если не счастливая семейная жизнь, то, во всяком случае, хорошая карьера. Однако не сложилось ни карьеры, ни семейной жизни. С 1814 года, после падения с лошади, у него стали проявляться признаки душевной болезни, со временем принявшей

хроническую форму.

Молодые Гончаровы поселились в Пречистенской части Москвы. Еще основатель Полотняного Завода Афанасий Абрамович Гончаров в 1740-е годы завел в Москве дом в приходе церкви Святой Троицы в Серебрениках, который после его смерти в 1784 году перешел во владение внука, Афанасия Николаевича. Кроме того, бабушке Екатерине Андреевне принадлежал дом в приходе Вознесения, на Большой Никитской. Именно в этом доме и устроилась в 1808 году молодая чета. Здесь 1 мая 1808 года родился их первенец — сын Дмитрий, наследник Полотняного Завода[6]. Восприемниками его были брат матери Александр Иванович Загряжский и бабушка Екатерина Андреевна Новосильцева — они же будут крестными Натальи Гончаровой.

22 апреля 1809 года появилась на свет Екатерина, старшая из трех дочерей Гончаровых, которой суждено будет сыграть значительную роль в истории дуэли Пушкина в качестве возлюбленной, а затем невесты и жены Жоржа Дантеса.

Второй сын, Иван, родился 22 мая 1810 года[7].

Крестной матерью была всё та же прабабушка; крестным отцом Екатерины стал Александр Иванович Загряжский, а Ивана — его старший братец Дмитрий.

На следующий год, 27 июня, родилась вторая из сестер Гончаровых — Александра Николаевна, или Александрина, как ее называли в семье. Однако она появилась на свет не в Москве, как обыкновенно считается, а в Петербурге, как раз в ту пору, когда Пушкин был привезен туда для определения в Лицей. Точное место рождения Александрины устанавливается по сохранившейся записи деда Афанасия Николаевича: «1811 года с 26 на 27 июня в Петербурге на мызе принцессы Барятинской на 21 версте по Петергофской дороге родилась 4м дочь Александра в половине 12 часа ночи. Восприемником был Николай Михайлович Мусин-Пушкин, восприемницею княгиня Варвара Александровна Шаховская». Если строго следовать этому свидетельству, она родилась не 27-го, как обыкновенно указывается, а 26 июня.

Местоположение этой дачи в пяти верстах от Петергофа соответствует Михайловке, одной из великокняжеских усадеб, где некогда было пять дачных участков, один из которых и принадлежал в описываемую пору княгине Е. И. Барятинской. А. Н. Гончаров называет ее принцессой, так как она была урожденной принцессой Голштейн-Бек. Она владела усадьбой с 1790 по 1816 год. Усадьбу еще называли «гетманской мызой», ибо до Барятинской она принадлежала гетману Украины графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. На этом участке летом

сдавались главный господский дом и еще два помещения, специально для того построенные. Соседним участком владела княгиня В. А. Шаховская, крестная мать Александрины. Гончаровы жили, видимо, в главном доме (позднее для нового владельца усадьбы, великого князя Михаила Николаевича, он был перестроен архитектором Боссе в Кавалерский или Гофмейстерский корпус, сохранившийся до наших дней). «Гетманской мызой» и поныне называют в Михайловке этот дом, в котором родилась Александра Николаевна Гончарова.

Наконец, пятым ребенком Гончаровых явилась на свет Наталья Николаевна.

Случайная родина — Кариан

Село Кариан, или Кареян, «Знаменка тож», в котором родилась Наталья Гончарова, расположено среди просторных степей в тридцати пяти верстах к югу от Тамбова при впадении реки Кариан в Цну. Мощный лесной массив, сложившийся издавна у их слияния, послужил основой для создания живописного парка, пересекаемого речками, образующими естественные и искусственные озерки и острова. Издалека, когда подъезжаешь к селу, видна доминирующая над ним трехъярусная колокольня.

Первым владельцем Кариана был Артемий Григорьевич Загряжский, прапрадед Натальи Николаевны по материнской линии. При нем в селе была еще деревянная Покровская церковь. Каменный дом и новая каменная же Знаменская церковь были построены уже при его сыне Александре Артемьевиче. Просторный одноэтажный дом с мезонином и выступавшим к парку овалом парадной залы покоился на высоком цокольном этаже, в котором располагались многочисленные службы и жили дворовые. Церковь, поставленная по осевой линии дома, но на достаточном от него отдалении, была выстроена в 1743–1745 годах. Она была вполне типична для своего времени — восьмерик на четверике с четырехколонными портиками под треугольными фронтонами на север и юг. С западной стороны располагался обширный притвор с приделами, в том числе трапезной с симметричными перекрытиями и примыкавшей к ним колокольней, под которой был главный вход в храм. Такой окончательный вид церковь, в которой крестили Наталью Николаевну, приобрела в 1810-е годы, когда над ее отделкой трудился тамбовский архитектор Смирнов.

Прихожанами этой церкви были и соседи Загряжских, в чьих имениях не было храмов, и среди них — владельцы неподалеку

расположенного села Столовое, или Александровка. Оно принадлежало в ту пору Михаилу Ивановичу Поле-тике. Один из его сыновей, Александр Михайлович, породнится позднее с Загряжскими и Строгановыми, женившись на побочной дочери графа Г. А. Строганова Идалии, которой суждено будет сыграть зловещую роль в истории дуэли Пушкина. Граф Григорий Александрович, ставший одним из опекунов детей Натальи Николаевны и Пушкина после гибели поэта, приходился сыном Елизавете Александровне Загряжской, тетке Натальи Ивановны.

После смерти Александра Артемьевича Загряжского имение досталось его сыновьям Ивану и Николаю — отцу и дяде Натальи Ивановны Гончаровой. Имение требовало больших затрат, так что Иван Александрович заложил его в 1806 году, незадолго до своей смерти, за 21 тысячу рублей в Московский опекунский совет.

Храм с приделами был и местом упокоения владельцев Кариана. В трапезной при церкви похоронены последние владельцы имения из рода Загряжских — генерал-лейтенант Иван Александрович с женой Александрой Степановной и сыном Александром Ивановичем, действительным камергером. К 1813 году в живых остался только дядя Николай Александрович.

Сюда, к родственникам, перед самым рождением младшей дочери Натальи прибыло семейство Гончаровых, гонимое наступающей французской армией. В конце августа Николай Афанасьевич писал неизвестному корреспонденту:

«Несчастливый переворот политических дел Европы и загоревшаяся неожиданная война в отечестве возвели, наконец, бедствия домашних неустройств наших до той степени, которой, кажется, уже никакие удары судьбы превзойти не в силах. Вам известны они будут в полной мере, когда, думая найти в прародительском доме семейство ваше, с ужасом застаете лишь стены собственности прежней, сделавшейся жертвой вероломных хищников и варваров, столь нагло нарушивших священный союз с Россией! Сии надвинувшиеся громовые тучи на любезный край наш и предчувствия вящих нещастий решили меня, между страхом и надеждою за своих колеблющегося, спасти жену, в то время на сносе беременною и невинных изнемогающих болезнию младенцев от когтей Тигров, соорудивших погибель вселенной.

Итак, для всякой осторожности назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем деревню шурина моего Загрязского, село Кареян, где они теперь все находятся с 19-го числа августа. Служба моя при гражданском губернаторе в Калуге, требуя меня налицо, заставила против воли бросить все заведения наши, ибо естьлиб не был при нем, то по понуждению дворянства идти на ратное поле конечно б и я не миновал участи протчих.

Должностным невозможно было в таких смутных положениях получить отпуски, ибо строго запрещалось оставлять город, но выезжать лишь тогда, когда приказано будет губернатору и всей его канцелярии в случае неизбежной опасности и лишь тогда выбираться вместе с присутственными местами. Меня ж, к щастию, по особенному препоручению, освободили выездом прежде, и теперь соединился я уже с моим семейством там же в Кареяне, где ожидаем гибель или спасение. Бога ради, дайте себя видеть и удостовериться нам, что имеем еще близкого сердцу нашему и истинного друга в числе живых. Все те, которые решились принять меры осторожности, отправились в Тамбовскую губернию или в самый город Тамбов; в числе последних выслал туда же сам губернатор Каверин своих детей, так как в край отдаленный от центра России, где и до сих пор все жители спокойны.

Маршрут: из Калуги на Тулу, на г. Богородицк, на г. Козлов, на г. Амбур и в Тамбов, откудова всякой рассказать может дорогу в Село Знаменское, Кареян тож.

Искренной друг по гроб Н. Гончаров».

Его третья дочь появилась на свет 27 августа, на следующий день после Дня святой Натальи, как его празднуют в православии. 28 августа 1812 года Калужская губерния была по приказу М. И. Голенищева-Кутузова объявлена на военном положении.

Губернатор Павел Никитич Каверин, при котором и состоял Н. А. Гончаров, вступил в управление Калужской губернией 19 января 1811 года. Еще в начале августа 1812-го он предписал вооружить жителей и организовать в уездах кордоны для защиты от неприятельских фуражиров и мародеров, а также от беглых русских солдат. С августа по октябрь этими кордонами было убито и взято в плен свыше трех с половиной тысяч человек. Он же руководил и эвакуацией присутственных мест и государственного имущества, а также доставкой продовольствия в действующую армию, организацией госпиталей для раненых и транспортировкой военнопленных. Гончарову было поручено сопровождать казенное добро в Тамбовскую губернию. Туда же были эвакуированы и дети губернатора. Старший его сын, будущий приятель Пушкина Петр Павлович Каверин, узнав о войне с французами, спешно вернулся в Россию из-за границы, прервав обучение в Геттингенском университете, и отправился на театр военных действий.

Наталью крестили в Знаменской церкви, давшей второе название селу. Крестины состоялись на 13-й день по рождению, 8 сентября 1812 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, то есть в Натальин день по григорианскому календарю, как он

отмечается ныне. Такой выбор дня крещения Натальи Гончаровой, скорее всего, принадлежал ее весьма набожной матери и тезке, чей день рождения приходился непосредственно на 26 августа — Натальин день. Ей явно было хорошо известно, что в католичестве и лютеранстве Натальин день празднуется одновременно с Рождеством Богородицы и именно от него производен, так как *Natalius* и означает на латыни *рожденная* или *природная*. В православии Натальин день ныне отмечается 8 сентября по новому стилю, а Рождество Богородицы — 21 сентября.

По канону отец и мать не должны находиться в храме в момент крещения и могут слышать всё происходящее только из притвора церкви. Впрочем, процедура крещения не изменялась на протяжении столетий. Так, трижды погружая новорожденную в купель, крестит ее священник и, глядя на восток, провозглашает: «Крещается раба Божия Наталья во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь. Ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

Первый год жизни Натальи прошел в Кариане, хозяевами которого были в ту пору Александр Иванович Загряжский, ее дядя и крестный отец, и брат деда Николай Александрович, живший в Москве. Его жена Наталья Кирилловна Загряжская в начале войны 1812 года приехала в Кариан, а сам он так и остался в Первопрестольной при французах.

Об этом сохранился живописный рассказ в «Записках» графа Ф. В. Ростопчина. Вспоминая о дне, предшествовавшем вступлению французов в Москву, он пишет: «Под утро явился ко мне некий Загряжский, состоявший в должности шталмейстера при имп. Павле. Это был человек очень пошлый, враль и барышник. Он заявил мне, что, так как жена его не прислала ему лошадей из деревни и так как все имущество свое он зарыл в своем саду, то хочет остаться в Москве, чтобы оберегать оное. Я дал ему почувствовать, что он рискует подвергнуться многим неприятностям, но что мне не приходится давать ему ни приказаний, ни дозволений. У человека этого уже был готов свой план. Он остался и представился герцогу Виченцкому, который знал его, потому что покупал у него лошадей во время своего посланничества в России. Он озаботился устройством конюшни Наполеона и фабрики для починки седел французской кавалерии».

Александр Иванович Загряжский не мог отказать в гостеприимстве Наталье Кирилловне, жене своего дяди, тем более в отсутствие ее супруга. То, что она жила с мужем в разъезде, ничего не меняло, так как формально она числилась его женой, а

он был одним из владельцев Кариана. Загряжский, в оправдание своего желания остаться в Москве, как раз и говорит Ростопчину о том, что его жена находится в деревне, имея в виду их тамбовское поместье Кариан.

В знаменитых «Рассказах бабушки» Е. П. Яньковой приводится живописная история о некоей Загряжской, в 1812 году также оставшейся в Москве во время занятия ее французами. Выйдя навстречу Наполеону, она вручила ему большие ключи, якобы от Кремля, за что тот пожаловал ей подмосковные голицынские Кузьминки, куда она и въехала. Пушкин писал:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля.

Пришлось Наполеону, за неимением кремлевских, принять те ключи, которые поднесла ему Загряжская. Когда же по оставлении французами Москвы вернулся законный хозяин имения князь Сергей Михайлович Голицын, то она не захотела выезжать. Посланец князя, вернувшись из Кузьминок, докладывает барину: «Там живет новая помещица Загряжская». Голицын в ответ: «Что ты, батюшка, вздор городишь: какая это такая Загряжская, я ее знать не знаю, велите ей выезжать из моего дома, а то я ее по шеям выгнать велю». В несколько иных словах ей было сказано: «Извольте, мол, сударыня, выезжать, князь просит вас честью выехать, а то будет вам неприятность». Она ж в ответ: «Я знать не хочу Голицына: Кузьминки мои, мне их император Наполеон пожаловал». Пришлось послать за становым приставом и так почти силой была выпровожена из Кузьминок их новоявленная владелица. Остается неизвестным, какая это Загряжская и кем она приходилась владельцам Кариана.

Сама Наталья Николаевна никак не могла помнить Кариан и какие-либо события, с ним связанные, и только по рассказам близких, в том числе старших братьев и сестер, могла себе его представить. Так и Пушкин рассказывал позднее жене, как его на втором году жизни в Петербурге прогуливала няня и встретилась с императором Павлом. Однако Пушкин в сознательном возрасте жил и в Москве, где родился, и в Михайловском, куда его впервые привозили показать деду Осипу Абрамовичу, жившему в разъезде с бабушкой Марьей Алексеевной, и в Петербурге, куда также привезли его младенцем в 1800 году. Наталья же Николаевна, насколько известно, больше никогда не была на своей случайной родине.

Судя по приходно-расходным книгам Кариана, учитывавшим приобретение для многочисленного семейства Гончаровых тех продуктов, которые не могло дать натуральное хозяйство, вроде сахара, чая, кофе и разнообразных специй, Наталья Ивановна с детьми прожила здесь до августа 1813 года, когда ее дочери исполнился год.

Позже имение оказывалось в руках де Местров, Строгановых и Щербатовых[8]. Его первые владельцы стали забываться, не говоря уже о Гончаровых, которые прожили здесь всего один год. И все-таки сейчас, когда поминают Кариан, то в первую очередь называют его родиной Натальи Николаевны Пушкиной, где она сделала первые в своей жизни шаги и произнесла первые слова.

Род Загряжских

По линии матери Наталья Николаевна принадлежала к роду Загряжских — одному из древнейших русских дворянских родов, чьи представители издавна в качестве служилых землевладельцев были связаны с тамбовской и волоколамской землями. Род происходил от выехавшего к великому князю Дмитрию Донскому ордынца по имени Исахара, в православном крещении нареченного Гавриилом. Сын его Антоний Гаврилович служил при великом князе Василии Дмитриевиче и первым стал писаться Загряжским. Его потомки служили боярами и воеводами, состояли послами, отличались в сражениях. В конце XVI — начале XVII века особенно много Загряжских состояло на воеводстве в разных городах — Рязани, Путивле, Новгороде-Северском, Осколе, Стародубе, Рыльске, Вязьме, Тобольске и Томске. Прямой предок Натальи Николаевны Иван Иевлевич, по прозвищу Ползуха, был воеводой попеременно в Юрьевне, Брянске, Одоеве, Смоленске и Чернигове, где и умер в феврале 1662 года.

Артемий Григорьевич Загряжский, прапрадед Натальи Николаевны, при императрице Анне Иоанновне был генерал-поручиком и кавалером ордена Святого Александра Невского, а при Елизавете Петровне уволен с чином генерал-аншефа. У него были сын Александр и дочь Мария[9].

Александр Артемьевич, прадед Натальи Николаевны, дослужился до чина генерал-поручика и оставил после себя двоих сыновей — Николая и Ивана, и двух дочерей — Екатерину и Елизавету. Младший сын, генерал-лейтенант Иван Александрович Загряжский, приходится Наталье Николаевне дедом. В XVIII столетии Загряжские достигли заметного положения как в силу собственных заслуг, прежде всего по военной линии, так и через

родство с теми фамилиями, которые по-своему знаменовали собой этот век: Салтыковыми, Строгановыми, Разумовскими[10].

Наибольшие плоды Загряжским принесло их породнение с семейством Разумовских. Кирилл Григорьевич Разумовский, брат морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича, сделал невиданную даже для XVIII века карьеру, уже в юности превратившись из пастушка общественного стада в одного из крупнейших сановников государства: в 16 лет он камер-юнкер, в 18 — обер-камергер, в 22 года — гетман Малороссии. К нему в полной мере относятся иронические слова Пушкина: «Настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древние роды их восходят до Петра и Елизаветы».

Кирилл Григорьевич родился 18 марта 1726 года на хуторе Лемеши, неподалеку от города Козельца близ Чернигова, в семье реестрового казака Григория Яковлевича Розума. Таково было первоначально прозвище отца, любившего говорить о себе: «Гей! Що то за голова, що то за розум!» Однако, несмотря на весь свой хваленый разум, выше рядового казака он не поднялся, и виной тому было неумеренное пьянство. У него с женой, казачкой Натальей Дементьевной, было трое сыновей и три дочери. Старший, Данила, умер молодым, еще до возвышения среднего, Алексея. Обладавший великолепным голосом, Алексей был увезен в столицу. Там он получил фамилию Разумовский, обратил на себя особенное внимание Елизаветы Петровны, помогал ей во время дворцового переворота 1740 года, а затем тайно обвенчался с ней, получив графский титул.

Вскоре после вступления на престол Елизаветы Петровны Кирилл Григорьевич был вызван в Петербург, а в марте 1743 года под именем Ивана Ивановича Обидовского отправлен учиться в Европу. Он посетил Германию, Францию, Италию, слушал лекции в Кенигсберге, Берлине, Геттингене, Страсбурге. Среди его профессоров был и знаменитый математик Леонард Эйлер. Кирилл Разумовский изучил несколько языков, в том числе французский, немецкий, латынь. Науки давались ему легко — тут наконец проявился унаследованный от отца разум. Как вспоминают современники, он «был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего». Доброта, щедрость, великодушие и природная насмешливость отличали бывшего пастушка. Весной 1745 года Кирилл Разумовский возвращается в Петербург и 29 мая производится в действительные камергеры с награждением орденом Святой Анны. О Кирилле Разумовском недоброжелатели ядовито отзывались: «Отсутствие гениальных способностей вознаграждалось в нем страстною любовью к отечеству». 27 мая

1746 года в 18 лет Кирилл Разумовский был избран президентом Академии наук. Пожалуй, во всемирной истории науки не было столь юных президентов научных учреждений. За время его управления значительную роль в академии стали играть русские ученые, именно при нем выдвинулся М. В. Ломоносов, которому Разумовский оказывал постоянное покровительство. В свою очередь, Ломоносов воспел его как сподвижника Елизаветы под именем Полидора («многозлатного»):

При ней я видел Полидора.
Он пред лицем ея сиял
Среди геройского собора
И ласково ко мне взирал.

До избрания Разумовского место президента академии было вакантно в течение шести лет, он же занимал его полстолетия. 29 июля 1746 года Кирилл Григорьевич вступил в брак с троюродной сестрой Елизаветы Петровны, Екатериной Ивановной Нарышкиной, получив к бракосочетанию орден Святого Александра Невского. Кириллу Григорьевичу суждено было стать и последним гетманом Левобережной Украины — он был избран по указке русского правительства казацкими старшинами на Глуховской раде 1750 года. Гетманство его продолжалось до 1764 года, а с ликвидацией оного Кирилл Григорьевич был в компенсацию произведен в чин генерал-фельдмаршала. Скончался Кирилл Григорьевич Разумовский в 1803 году, немного не дожив до семидесяти пяти лет.

Про Кирилла Григорьевича вспоминали, что он, скромный по природе, сохранил пастушью свирель и простонародное платье — кобеняк, которое носил в ту пору, когда пас стадо. Кобеняк в новой жизни заменили роскошные кафтаны, в которых он «многозлатно» блистает перед потомками с известных своих портретов, писанных лучшими живописцами. Старая русская пословица гласит: «По одежке протягивай ножки». С очаровательным пастушком произошла удивительная метаморфоза, под стать перемене его одежки.

Пушкин записал о нем рассказ, связанный со вступлением на престол Екатерины II:

«Гр. К. Разумовский был в заговоре 1762. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разум.<овский> еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит: к нему стучатся. Кто там? — Орлов, отоприте. — Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Р. не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку,

но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. П. и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Раз<умовский> взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увел его. Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года».

На самом деле речь шла о другом Пушкине, а дед поэта не сидел в крепости, но семейное предание свело его с К. Г. Разумовским.

После Кирилла Григорьевича остались шестеро сыновей и три дочери, которые быстро сумели забыть «ничтожество» своего происхождения. Язвительный современник, приятель Пушкина Ф. Ф. Вигель называет их «русскими Монморанси». Ехидство прозвища раскрывается пушкинскими словами: «Достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требует его возвышения. Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожников, денщиков, певчих и дьячков спесь герцога Монморанси, первого христианского барона…»

Первенцем в семье Кирилла Разумовского как раз и была Наталья Кирилловна Загряжская, появившаяся на свет в 1747 году и скончавшаяся в год смерти Пушкина. В 1772 году она вышла замуж за молодого измайловского офицера Николая Александровича Загряжского, с которым разъехалась после почти 30 лет совместной жизни. Впоследствии она жила в семье графа Виктора Павловича Кочубея, женатого на ее воспитаннице и племяннице Марии. По воспоминаниям князя П. А. Вяземского, «Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли…». Многие из этих историй Пушкин записал, в том числе и рассказ о ее знаменитом отце. Как она вспоминала (что зафиксировал Пушкин), Потемкин, ее любивший, готов все был для нее сделать, даже приписать каким-то образом «мамзель», дававшую Машеньке уроки игры на клавесине, к одному из гвардейских полков, чтобы дать ей жалованье.

Брата ее мужа, Ивана Александровича Загряжского, родного деда Натальи Николаевны, Потемкин сделал своим адъютантом, что открыло тому путь к карьере и чинам вплоть до генерал-поручика. Чуть ли не к нему относится записанный Пушкиным рассказ об адъютанте Потемкина, «жившем в Москве и считавшемся в отпуску»: будучи вызванным светлейшим князем, он преодолел дальний путь и застал своего начальника в постели со святцами в руках:

«**Пот**.: Ты, братец, мой адъютант такой-то?

Ад.: Точно так, ваша светлость.

Пот.: Правда ль, что ты святцы знаешь наизусть?

Ад.: Точно так.

Пот. (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая?

Ад.: Мученика Феодота, в<аша> св<етлость>.

Пот.: Так. А 29 сентября?

Ад.: Преподобного Кириака.

Пот.: Точно. А 5 февр.?

Ад.: Мученицы Агафьи.

Пот. (закрывая святцы): Ну, поезжай же себе домой».

Со старшим сыном гетмана, министром просвещения Алексеем Кирилловичем, Пушкин был знаком с отроческих лет, будучи представлен ему перед поступлением в Лицей. В качестве министра просвещения тот участвовал в основании Лицея и управлении им, присутствовал 19 октября 1811 года на его открытии, а также на всех лицейских актах. Во все время обучения Пушкина он надзирал за учебой лицеистов и их поведением, вникая порой в совершенные мелочи.

Особенно же из сыновей гетмана прославился Андрей Кириллович, известный дипломат, страстный любитель искусств, многие годы проживший в Вене, подружившийся там с Моцартом, Гайдном, Бетховеном. На средства, доставшиеся ему от отца, он построил мост через Дунай, доныне носящий его имя.

Род Разумовских, столь счастливо и неожиданно возвысившийся, прервался в третьем поколении. Из шести сыновей Кирилла Григорьевича лишь двое, Алексей и Григорий, оставили потомство, да и то наследники Григория Кирилловича не были признаны законными в России, поскольку он женился в Австрии, не расторгнув брак с первой женой. Сыновья же Алексея Кирилловича умерли холостыми, последними в своем роде. Зато его побочные дети — братья Перовские, получившие фамилию по названию подмосковного поместья Разумовских Перово, — оставили заметный след в русской истории. Один из них, Алексей, — писатель, известный под псевдонимом Антоний Погорельский, двое других — Василий и Лев — были причастны к тайным обществам; позднее Лев Алексеевич стал крупным сановником, министром. Со всеми Перовскими был хорошо знаком Пушкин.

Представители рода Загряжских не однажды поминаются у Пушкина. Так, в подготовительных заметках к «Борису Годунову» читаем: *«Убиение св. Димитрия.* Чиновники Владим. Загрядской и Никиф. Чепчугов не согласились». В связи с убийством царевича Дмитрия делаются пушкинские «Заметки на полях статьи М. П. Погодина „Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия“». В тексте самой статьи говорится: «Выбор пал на двух чиновников, Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова,

одолженных милостями правителя; но оба уклонились от сделанного им предложения: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубством; обязались только молчать, с сего времени были гонимы». Внимание Пушкина обратили и следующие слова статьи, касающиеся согласия князя Василия Шуйского принять участие в следствии по делу убиения царевича: «С другой стороны — как Шуйский, подобно **баснословным** (подчеркнуто Пушкиным. — *В. С.)* Чепчугову и Загряжскому, не отказался, под благовидным предлогом, от такого поручения, которое, кроме адских мук, навлекало на него не только презрение всего рода, но и ненависть россиян, если при исполнении его должно было очевидно перед тысячами людей кривить душой». Против слов о «баснословных» Загряжском и Чепчугове Пушкин сделал даже заметку: «Почему, если об них упоминает современная летопись?» Какую летопись имел в виду Пушкин?

Подготовительные заметки представляют собой конспекты отдельных мест десятого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Владимир Федорович Загряжский (Загрядский), московский дворянин, по Карамзину, намечался в убийцы Дмитрия, но имел мужество отказаться.

В «осьмой» главе «Истории Пугачева» Пушкин пишет о губерниях, охваченных восстанием: «Состояние сего обширного края было ужасно, дворянство обречено было погибели. Во всех селениях, на воротах барских дворов, висели помещики или их управители». В примечании к этим словам Пушкин приводит список жертв пугачевцев, где в числе убитых в Пензенском уезде значится «кадета Петра Загряжского приказчик». Упомянутый кадет — это Петр Иванович Загряжский, в будущем генерал-майор, потом шталмейстер.

История знакомства Пушкина с еще одной яркой представительницей рода Загряжских, известной поэтессой пушкинской поры Екатериной Александровной Тимашевой, урожденной Загряжской, отозвалась в стихотворении «Я видел вас, я их читал…», которое он, будучи в Москве, 20 октября 1826 года записал в ее альбом. Князю П. А. Вяземскому Александр Сергеевич писал о ней из Михайловского 9 ноября 1826 года: «Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло». Ее муж Егор Николаевич Тимашев был знаком Пушкину еще с лицейской поры, будучи в то время ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, а с 1823 по 1830 год — наказным атаманом Оренбургского казачьего войска.

В сентябре 1833 года во время поездки в Оренбургскую губернию Пушкин вместе с Владимиром Ивановичем Далем

совершил увеселительную поездку в имении Ташлы, где общался с Тимашевым, тогда оренбургским предводителем дворянства, и с его женой. Кому-то из Тимашевых некогда принадлежало и пушкинское Кистенево, что отражено в его втором, старинном названии «Тимашево тож».

Во время той же поездки в Оренбург для собирания материалов к «Истории Пугачева» Пушкин знакомится с еще одним представителем рода Загряжских — симбирским гражданским губернатором Александром Михайловичем Загряжским. У дальнего родственника своей жены поэт даже остановился, скорее всего, по ее рекомендации. Во всяком случае, Наталья Николаевна знала, что Пушкин заедет к нему. 10 сентября 1833 года, когда он прибыл в Симбирск, Загряжский передал ему письмо от жены, не дошедшее до нас наряду со всеми другими ее письмами мужу.

Год спустя после Пушкина по окончании Московского университета приедет в Симбирск, к себе на родину, Иван Александрович Гончаров. Ровесник и однофамилец Натальи Николаевны, будущий писатель родился 6 июня 1812 года в Симбирске в богатой купеческой семье. Позднее в своих «Воспоминаниях» под именем Льва Михайловича Углицкого он вывел Александра Михайловича Загряжского. Вскоре по приезде представленный губернатору Гончаров так описал его: «У губернатора были красивые, правильные черты лица. Живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий. Улыбка веселая, немного насмешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями. Дома, в утреннем наряде, с белыми, как снег, манжетами, он смотрел франтом, каких я видал потом в Петербурге, в первых рядах Михайловского театра. В черных волосах у него пробивалась преждевременная седина, как бывает у брюнетов». Гончаров даже бегло описал обстановку его кабинета: «На этажерках, на столе, стояли статуэтки, дамские портреты, разные элегантные безделушки. На стенах несколько картин и у одной — шкап с книгами». Описание и внешности хозяина, и обстановки его кабинета явно сбивалось на «онегинское». В дальнейшем рассказе Гончаров прямо сравнивает «Углицкого» с Онегиным: «Он долго служил адъютантом у разных начальников и сохранил в памяти живую характеристику о них. У него была масса воспоминаний, скопившихся за тридцать с лишним лет, с начала нынешнего столетия. Он так же, как Онегин, помнил и все анекдоты „от Ромула до наших дней“». Живя на широкую ногу, он был в долгах как в шелках, и Гончаров заключил: «Итак, он жил, прежде всего, долгами, как отец

Онегина, по словам Пушкина». При первой же встрече Углицкий представил Гончарова своей жене Марии Андреевне (реальной Каролине Осиповне), «худощавой даме с поблекшими щеками и синими впалыми глазами». Их дочь Соня (в действительности Елизавета) «молодая, прелестная девушка, между 15 и 16 годами, с таким же острым и живым взглядом, как у отца, с грациозно сложенными губами, с красивым носиком, с ярким нежным румянцем». Гончаров поступил на службу к губернатору в качестве его секретаря и вскоре, после отставки своего начальника и причисления его к министерству, отправляется с ним и всем его семейством в Петербург. Это произошло в мае 1835 года, а вспоминалось Гончарову спустя 52 года, в августе 1887-го.

В ту пору, когда Пушкин прожил несколько дней в симбирском доме Загряжского, его дочери Елизавете, родившейся 15 декабря 1821 года, было 12 лет, а Гончаров знал ее тринадцатилетней. В Петербурге она была отдана в Смольный институт, а выпущена из него в 1839 году с золотой медалью. С Гончаровым она, видимо, более не встречалась. Спустя еще четыре года, в 1843-м, она вышла замуж за младшего брата Пушкина Льва Сергеевича. Не последним обстоятельством, привлекшим к нему юную Загряжскую, послужило то, что он был братом трагически погибшего поэта. Романтическая притягательность фамилии Пушкина, пусть всего лишь брата Александра Сергеевича, оказалась для нее, как и для Натальи Николаевны, сильнее всех прозаических соображений.

Лев Сергеевич обвенчался с Елизаветой Александровной Загряжской 13 октября 1843 года в Одессе, где уже год после увольнения по прошению из армии служил в чине надворного советника чиновником портовой таможни. От этого брака родилось четверо детей: Ольга, Анатолий, Софья и Мария. Софья умерла через месяц после рождения. У старшей, Ольги, хотя она и была замужем дважды, своих детей не было, и в 1902 году она приняла монашеский постриг в арзамасском Алексеевском монастыре, где скончалась в 1920 году. Род Пушкиных, слившийся с родом Загряжских, продолжил Анатолий Львович, многие годы живший в Болдине и там же похороненный.

Представители нескольких поколений Загряжских были связаны с Волоколамской землей. Еще в 1627 году Иван Афанасьевич Загряжский, по прозвищу Полосуха, служил воеводой в Волоколамске. Генерал-майор Борис Александрович Загряжский избирался волоколамским дворянством в предводители. Позднее волоколамским уездным предводителем дворянства был и Иван Николаевич Гончаров, брат Натальи

Николаевны.

Самой значительной фигурой из рода Загряжских в XVIII столетии оказался Александр Артемьевич, своим выдвижением обязанный во многом всесильному фавориту Екатерины II и своему родственнику, светлейшему князю Г. А. Потемкину.

Младший из сыновей Александра Артемьевича, дед Натальи Николаевны Иван Александрович Загряжский, женился на Александре Степановне Алексеевой, от которой имел сына Александра Ивановича и двух дочерей — Софью, вышедшую за графа де Местра, и Екатерину, оставшуюся девицей. Иван Александрович служил в гвардейском полку и, по воспоминаниям современников, отличался необузданным характером. Его выходки составили ему славу, его имя было на устах всего света. Однажды, когда его полк стоял в Дерпте, он влюбился в местную красавицу баронессу Поссе и не просто завел с ней роман, но совершил по тогдашним временам весьма серьезное преступление — обвенчался с ней при живой жене. Баронесса Поссе, урожденная Эуфрозиния Ульрика Липхарт, родилась в 1761 году в семье богатого помещика, ротмистра российской кавалерии Карла фон Липхарта и Маргарет фон Фитингоф. Совсем юной в 1778 году в Дерпте она была выдана замуж за барона Мориса фон Поссе, владельца имения Выйду в Лифляндии. От этого союза родилась дочь Жаннет. Брак оказался неудачным, и 28 января 1782 года супруги Поссе развелись. Обвенчавшись с Иваном Александровичем Загряжским, Ульрика Поссе навсегда покинула родину и уехала с новым мужем в Россию.

Иван Александрович привез свою прибалтийскую супругу к дожидавшейся его в Яропольце русской жене, рассчитывая — как оказалось, не без оснований — на ее великодушие. Правда, поначалу произошла душераздирающая сцена, из которой виновник вышел посрамленным и, приказав перепрячь лошадей, ускакал в Москву. Поостыв, Александра Степановна, бывшая значительно старше соперницы, смирилась и, проявив не только жалость, но истинное душевное благородство, поступила, как графиня Глейнау в «Письмах русского путешественника» Карамзина[11].

Один из известнейших мемуаристов эпохи, Степан Петрович Жихарев, живший в ту пору в Москве, записал 31 декабря 1805 года в своем дневнике: «Услышав поутру о приезде Ивана Александровича Загряжского, знаменитого владельца еще более знаменитого села Кареяна, искреннего друга и сослуживца моего деда, я тотчас же отправился к нему и, к великой радости моей, застал его дома. Все семейство его, два сына и три дочери, находится в Петербурге, а он живет на холостую ногу и, кажется,

не упускает случая повеселиться. Он рад был меня видеть, благодарил, что приехал сегодня, а не завтра… Он по-прежнему окружен пышностью и не изменяет своим привычкам, приобретенным в штабе князя Потемкина, которого он был один из первых любимцев и ежедневных собеседников».

Между тем 22 октября 1785 года родилась будущая мать Натальи Николаевны, нареченная Натальей. Она лишилась матери в неполных пять лет. Ранняя смерть матери сняла многие щекотливые проблемы, которые могли возникнуть со временем. Александра Степановна добилась того, чтобы узаконить рождение Натальи, уравняв ее в наследственных правах с единокровными сестрами.

Так Наталья Ивановна оказалась вполне обеспеченной и материально не зависимой от сестер. В 1813 году после смерти холостого брата Александра трем сестрам Загряжским досталась его часть имения Кариан, где родилась Наталья Николаевна. Наталья Ивановна отказалась от своей доли имения с условием, что сестры обязуются выплатить ей с 1814 по 1826 год 300 тысяч рублей. Еще не вышел срок выплаты этой компенсации, когда в 1821 году умер их дядя Николай Александрович Загряжский, наследницами которого также оказались три его племянницы. При вступлении в наследство был аннулирован прежний договор и заключен новый, по которому Наталья Ивановна стала владелицей Яропольца и 1396 душ, к нему приписанных.

В результате подобного зачета Наталья Ивановна, по всей вероятности, недополучила значительную сумму, что привело к охлаждению отношений между сестрами. Так считала сама Наталья Ивановна, но ее родственницы считали иначе. Вероятно, если в детстве любовь Ивана Александровича и Александры Степановны, не делавших никакого различия между ними, питала их взаимные чувства, то после смерти родителей старшие сестры могли дать понять младшей, что она незаконная Загряжская. Впрочем, зная тяжелый и капризный характер Натальи Ивановны, можно предположить, что ее собственные претензии к сестрам стали причиной возникшего между ними охлаждения. В любом случае оно не было перенесено на племянниц, забота о которых в Петербурге во многом легла на плечи Екатерины Ивановны Загряжской, сущего ангела, по отзыву Пушкина.

Поскольку старшие сестры не делили между собой Кариан, то после смерти незамужней Екатерины он перешел к Софье. С семьей Софьи Ивановны, в замужестве графиней де Местр, Пушкин познакомился задолго до того, как ее племянница стала его женой. С графом Ксавье де Местром родители Пушкина были дружны еще во времена его московского детства. Он гостил в их

доме, по словам Ольги Сергеевны, «почти ежедневно»; они, в свою очередь, бывали у него. Граф де Местр — французский эмигрант, живший в России с 1800 года и участвовавший в войне 1812 года на стороне России, ученый, художник-миниатюрист и писатель. В детстве Пушкин слышал, как он читал свои стихотворения, а в лицейские годы познакомился с вышедшими в 1815 году его книгами «Пленник Кавказа» и «Молодая сибирячка», а позднее и с другими его сочинениями. Софья Ивановна вышла за де Местра в 1813 году, а в 1816-м они переехали в Петербург, где знакомство с Пушкиным было продолжено. Ксавье де Местр выполнил миниатюрные портреты матери Пушкина Надежды Осиповны и его брата Льва в ту пору, когда сам Александр Сергеевич еще учился в Лицее. В годы петербургской юности Пушкин мог не однажды встречаться с четой де Местров, а Наталья Николаевна, уже вдова, одно время жила с ними под одной крышей.

Яропольц

Село Яропольц Волоколамского уезда Московской губернии — одно из имений Загряжских, любимое местопребывание Натальи Ивановны Гончаровой, где с детства бывала и Наталья Николаевна. Пушкин никогда не бывал в Кариане, где родилась его жена, но не однажды приезжал в Яропольц.

Тамбовский Кариан и волоколамский Яропольц были главными имениями, оставшимися после смерти в 1821 году Николая Александровича Загряжского. По полюбовному разделу с сестрами Наталья Ивановна Гончарова получила Яропольц, а родовой Кариан оказался в совместном владении Софьи Ивановны и Екатерины Ивановны. Хотя окончательный раздел был закреплен в 1823 году, с лета 1821-го Наталья Ивановна с детьми могла бывать в Яропольце, так что с ним уже на десятом году жизни познакомилась Наталья Николаевна.

Яропольц впервые упоминается в 1136 году как укрепленный пункт князя Ярополка Владимировича, сына Владимира Мономаха. Владея в ту пору Ростовом и Суздалем, Яро-полк использовал Волок Ламский в борьбе с Новгородом. От его имени и произошло название Яропольца. Долгое время село принадлежало Иосифо-Волоколамскому монастырю, пока его не выкупил Иван Грозный и Яропольц не стал на время государевым селом, местом царской охоты. В 1684 году Яропольц с ближайшими деревнями с тысячей дворов и землями, к ним приписанными, был пожалован царевной Софьей, правительницей при малолетних царях Иване и Петре, украинскому гетману Петру Дорофеевичу Дорошенко после того,

как он отрекся от гетманства и принял сторону Москвы. Здесь бывший гетман прожил последние 14 лет своей жизни, здесь умер и был похоронен.

Двадцать четвертого августа 1833 года Пушкин, заехав в Ярополец, посетил могилу П. Д. Дорошенко и на другой день написал из Москвы Наталье Николаевне о теще: «Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому я ходил на поклонение».

Дорошенко был женат на Агафье Борисовне Еропкиной, которая родила ему троих сыновей. После его смерти село было поделено между двумя наследниками — старшим Александром и младшим Петром. Средний сын Алексей, учившийся в то время за границей, участия в разделе не принял. Александру досталась юго-западная часть вотчины, отошедшая впоследствии Загряжским, а от них Гончаровым. Петр же получил северо-восточную часть отцовских владений, которую он продал в 1717 году графу Григорию Петровичу Чернышеву. Так сложилось существующее и поныне разделение Яропольца на две части — гончаровскую и Чернышевскую.

Бывший в молодости денщиком Петра Великого, Григорий Чернышев всей своей жизнью и карьерой служил наглядной иллюстрацией принципов, провозглашенных царем-преобразователем, среди которых — продвижение по службе людей не по знатности рода, а в соответствии с личными заслугами. Настоящая фамилия Чернышева — Чернецкий, и был он из мелкой шляхты, родом с Украины. Его сын Захар Григорьевич приумножил славу отца, отличившись в царствование императрицы Елизаветы Петровны взятием Берлина в 1760 году во время Семилетней войны (1756–1763) и дослужившись до генерал-фельдмаршала. Назначенный вскоре генерал-губернатором Москвы, он привлек к строительству своего имения замечательного зодчего М. Ф. Казакова, бывшего тогда главным архитектором Москвы, возглавлявшим комиссию по ее застройке. В создании архитектурного комплекса яропольцкой усадьбы участвовал и архитектор В. И. Баженов с учениками.

При Пушкине этой частью Яропольца владел внук фельдмаршала Григорий Иванович. С родственниками и соседями Гончаровых по Яропольцу Пушкины также состояли в родстве. Григорий Иванович Чернышев доводился троюродным братом матери Пушкина Надежде Осиповне.

По семейным преданиям, для проектирования господского дома Александра Петровича Дорошенко якобы был приглашен Карло Бартоломео Растрелли, строивший тогда придел в соборе

расположенного поблизости Новоиерусалимского монастыря, а тот прислал для осмотра местности своего сына, будто бы снявшего план и отвезшего его отцу. Однако это, скорее всего, одна из легенд, рождавшихся тогда, когда имя действительного архитектора оставалось неизвестным. Стиль постройки в Яропольце далек от тех барочных сооружений, которые связываются с именем строителя Воскресенского Смольного монастыря и Зимнего дворца в Петербурге. Скорее, по всем внешним признакам, его проектировал кто-то из зодчих школы Баженова и Казакова, строивших и Чернышевскую усадьбу.

Старший сын гетмана Александр Петрович Дорошенко женился на Прасковье Федоровне Пушкиной, дочери Федора Матвеевича Пушкина, а их дочь Екатерина вышла за Александра Артемьевича Загряжского, деда Натальи Ивановны Гончаровой. Именно по этой длинной цепочке Ярополец, пожалованный некогда гетману Дорошенко, достался в конце концов Наталье Ивановне, а после ее смерти перешел в род Гончаровых. Вследствие брака между А. П. Дорошенко и П. Ф. Пушкиной в жилах Натальи Николаевны текла и кровь Пушкиных, а значит, она состояла в родстве с Александром Сергеевичем не только по линии Гончаровых, но и по линии Загряжских. Насколько оно было далеким?

Пушкины и Загряжские, представители древних фамилий, могли, как говорится, счесться родством. Имя Федора Матвеевича Пушкина вошло в историю России петровского времени и не однажды в стихах и прозе было помянуто Пушкиным. Он писал в статье «Опровержение на критики» о представителях своего рода конца XVII века: «При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным». Давно уже замечено, что здесь Пушкин описался, назвав Федором Алексеевичем Федора Матвеевича. Позднее, в «Начале автобиографии», он называет правильно его и его отца: «… окольничий Матвей Степанович (подписался. — *В. С.)* под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Циклером и Соковниным». В стихотворении «Моя родословная» поэт имел в виду именно его:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

Академик С. Б. Веселовский комментирует эти строки с точки зрения историка: «Выражения „оппозиция“ Пушкиных деятельности Петра I и „неукротимость“ родни Ф. М. Пушкина представляются неудачной и неверной характеристикой сообщников Алексея Соковнина и Ивана Цыклера. Немного дерзко звучит и выражение, что Ф. М. Пушкин был повешен (не повешен, а обезглавлен) за то, что „не поладил“ с Петром I». Веселовский полагал, что поэт не был осведомлен о том, какое участие приняли Пушкины, то есть «неукротимая родня», в заговоре против Петра I. Он доказывает, что они явились всего лишь второстепенными его участниками, хотя и пострадали при его раскрытии. Ф. М. Пушкин, женившись на дочери Алексея Соковнина Пелагее (у Пушкина ошибочно «дочь Цыклера»), попал в среду сторонников старомосковского уклада жизни. Отец «не поладившего» с царем, боярин Матвей Степанович Пушкин, тогда самый крупный представитель своей фамилии на государственной службе, был после казни сына сослан в Енисейск, лишен боярства и имущества. Малолетнего внука Федора он взял с собой в Сибирь, где оба вскоре скончались. Дядя казненного, боярин Яков Степанович, хотя его вина не была доказана, также был удален из Москвы — сначала на Белоозеро, а затем в свою касимовскую деревню, в которой вскоре и умер. За неимением мужского потомства эта ветвь Пушкиных вовсе угасла. Таким образом, эта оппозиция, как писал Веселовский, «вывела навсегда весь род Пушкиных из среды московской знати и из правящих верхов государства».

Пушкин не случайно в набросках статьи «Опровержение на критики» включил в план автобиографии сюжет «казненный Пушкин» с именами, ключевыми для понимания истории своего рода, какой она ему представлялась: «Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я». Заключительные пункты этого плана объясняют определенную избирательность сюжетов из истории пушкинского рода, на которых поэт останавливает свое внимание и в некотором смысле тенденциозно акцентирует их разработку для читателей. Он выделяет прежде всего тех родственников, которые вошли в общую или частную семейную историю как гонимые, подвергшиеся опалам и казням. В своей собственной судьбе он видит развитие этой роковой семейной темы.

В каком родстве с казненным состоял поэт? Ольга Сергеевна Павлищева в «Воспоминаниях о детстве А. С. Пушкина»,

записанных с ее слов 26 октября 1851 года, рассказывает о бабушке Марии Алексеевне следующее: «По отцу, будучи внучкою Федора Петровича Пушкина, замешанного в заговоре Соковнина, она приходилась внучатною сестрою зятю своему Сергею Львовичу». Поправив Пушкина в его мнении о родстве родителей, она допускает другую ошибку, назвав Федора Петровича (вместо Федора Матвеевича) участником заговора Соковнина. О. С. Павлищева довольно хорошо, в чем-то даже лучше брата, разбиралась в родословной Пушкиных, но значительно хуже в русской истории. Она путает Федора Матвеевича с тезкой, тоже стольником Федором Петровичем, их прямым предком, полагая последнего участником заговора против Петра I. Тут же ею поминается стихотворение «Моя родословная», в котором мятежный Пушкин назван «пращуром». Судя по всему, в семье Пушкиных существовало предание, что их предок был казнен Петром I, но никто не знал точной степени родства с ним.

Слово «пращур» в буквальном смысле означает прямого предка в шестом колене. Таковым по отношению к Пушкину Федор Матвеевич не является, так как еще в десятом колене от Ратши разошлись ветви, к которым они принадлежали. Их общий предок — это Иван Гаврилович Пушкин, живший в XV веке. К шестнадцатому колену по одной ветви относился Федор Матвеевич, к двадцатому подругой — Александр Сергеевич. Таким образом, ни о каком близком родстве между «казненным» Пушкиным и поэтом речи быть не может. Федора Матвеевича можно называть пращуром Пушкина лишь условно-обобщенно. Зато интересно отметить тот факт, что детям Пушкина Федор Матвеевич приходился прямым пращуром по линии Натальи Николаевны, так как она была его прапраправнучкой.

Для современного человека в эпоху разрушенных связей между целыми сословиями курьезным представляется родство людей далее третьего-четвертого колена, ибо порой забытыми оказались даже имена родных дедов и прадедов. В древней же Руси почиталось делом чести и непременным фактором сосуществования в обществе «счесться» родством, каким бы отдаленным оно ни казалось. Конечно, это в первую очередь относилось к дворянству. Порода в системе Московского государства поднимала человека несоизмеримо выше личной заслуги, которая служила на практике лишь слабым подспорьем к «отечеству», то есть происхождению.

Ликвидация местничества (1682), когда знатность рода была основным критерием при определении места того или иного лица в служебной иерархии, казалось, положила конец этой практике, но на самом деле она надолго осталась в нравах русского

общества. Появление при Петре I знаменитой Табели о рангах (1722), отделившей от родового происхождения титулы, чины и звания, привело к забвению старых исторических родов, рождению бюрократического дворянства. Пушкин писал: «У нас нова рожденьем знатность». Естественно, что в патриархальной Москве и в русской провинции, вдалеке от чиновного Петербурга с министерствами и департаментами, устойчивее сохранялся старый родовой дух. Разговоры о родне составляли неотъемлемую часть беседы в родовых поместьях, в окружении фамильных портретов. От знаменитой «бабушки московской», ее рассказов о старине в стихах Пушкина, думается, произошло название известных «Рассказов бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой, наполненных милыми воспоминаниями о давно отошедших в лучший мир родственниках, пленяющими несколько поколений читателей. Тема дворянства стала одной из ведущих тем большой литературы на протяжении двухсот лет — от петровского времени, потрясшего и возвысившего Россию, до русской эмиграции XX века. Литература эта создавалась преимущественно писателями-дворянами, многие из которых состояли друг с другом в родстве.

Установление родственных уз между представителями различных дворянских фамилий, конечно, можно посчитать забавой, этаким генеалогическим экзерсисом. С одной стороны, это действительно так, ибо никакое родство между людьми не может объяснить их природы, а по отношению к поэтам — тайны их творчества. Такое исследование может разве что удовлетворить наше обыкновенное любопытство. Но уже само это любопытство, особенно по отношению к Пушкину, о котором мы, кажется, все уже знаем, а все же хотим узнать еще что-то, является проявлением нашей любви к первому поэту России, почитавшему историю своего рода. Наталья Николаевна также выросла на рассказах о своих предках, среди которых оказались и общие с Пушкиным.

Яропольцкая усадьба, доставшаяся Наталье Ивановне, была уже вполне сложившимся поместьем, так что она практически ничего нового в ее облик не вносила. В 1755 году, при Александре Артемьевиче Загряжском, в усадьбе числился «дом господский и при нем флигели каменные о двух этажах». Судя по всему, сам главный дом был тогда деревянный. В тот год была освящена каменная церковь во имя Иоанна Предтечи, возведенная по распространенной схеме — восьмерик на четверике. В 1770-х годах, когда первый из Загряжских еще владел Яропольцем, господский дом по-прежнему был деревянным (как он выглядел, неизвестно), но уже началось

возведение каменного строения. В 1786 году владельцем усадьбы становится генерал-майор Борис Александрович Загряжский. Первым делом в 90-е годы XVIII столетия он завершает строительство каменного господского дома и всего комплекса усадьбы, которая приобретает вид, в основном сохранившийся до нашего времени. Существовавшие ранее каменные службы были, по всей видимости, соединены переходными галереями с выстроенным заново главным домом. В 1808 году Борисом Александровичем была произведена перестройка церкви с расширением ее за счет устроения двух новых приделов — во имя Святого Бориса и Святой Екатерины, то есть в честь небесных покровителей хозяина и его матери Екатерины Александровны Загряжской, урожденной Дорошенко. Внешний декор церкви подвергся переделке в строго классическом стиле путем пристройки колонн, накладки новых пилястр, карнизов и лепнины.

Интерьеры дома подробнейшим образом описаны Марией Петровной Карцовой-Огаревой, племянницей Е. Б. Гончаровой, урожденной княжны Мещерской — жены последнего владельца усадьбы Н. И. Гончарова. Хотя эти воспоминания относятся к концу XIX — началу XX века, но их автор еще застала обстановку дома пушкинских времен:

«Стены нижнего этажа были художественно расписаны в тонах жженой сепии; у дверей шли вертикальные орнаменты в кобальтовых тонах на белом фоне, удивительно гармонировавшие со стенной живописью, изображавшей уголки парка. Эта живопись была однородна в столовой и прилегавшей к ней гостиной. Потолки в тех же тонах были скромно украшены. В гостиной летящий аист нес в клюве люстру из стеклянных подвесок и кобальтовой фарфоровой середины. Двери были резные, прекрасного рисунка, выполненные местным мастером-крестьянином, славившимся тогда на всю Россию и получавшим заказы для строившихся церквей; его работу можно было увидеть в соборе Н. Афона. Во всем ничего кричащего, а величие и гармония размеров, соединенные с удобством и уютом. Ни за границей, ни в других стародворянских усадьбах я этого не наблюдала».

На втором этаже располагались библиотека, бильярдная и жилые комнаты. М. П. Карцева вспоминает: «Наверху в доме была большая библиотека. При мне остались только длинные застекленные полки высоко на стенах, а шкапы были вынесены в биллиардную там же во втором этаже». Сохранилось и несколько фотографий интерьеров дома, запечатлевших его убранство, которое в значительной мере относится к пушкинской поре.

Посетивший Яропoлец в 1903 году Владимир Гиляровский поместил десять лет спустя в журнале «Столица и усадьба» очерк, посвященный усадьбе, в котором, между прочим, приводит рассказы местных старожилов. Воспитанница Натальи Ивановны Авдотья Кузьминична поведала Гиляровскому легенду о том, как во время первого приезда ее благодетельницы в Яропoлец после свадьбы Пушкина с Натальей Николаевной со стены в спальне сорвалось и разбилось вдребезги зеркало. Наталья Ивановна сказала тогда: «Не пройдет это даром», — и всю оставшуюся жизнь, после того как Пушкин был убит, она не снимала траура по нему. После смерти Пушкина к ней не однажды приезжала гостить Наталья Николаевна с детьми, погружаясь в воспоминания о том времени, когда она бывала здесь вместе с мужем.

Княжна Екатерина Александровна Мещерская, двоюродная сестра Е. Б. Гончаровой, часто бывавшая в яропoлецком доме, вспоминала: «Центральную часть дома занимала парадная зала. Направо была приемная, налево комнаты Александра Сергеевича и Натальи Николаевны, кабинет поэта». Очевидно, что только из уважения к памяти поэта мемуаристка могла назвать эти комнаты пушкинскими, что, впрочем, закрепилось в сознании нескольких последующих поколений. Так называемая «пушкинская» комната, судя по ее фотографиям и сохранившемуся облику, представляла собою парадную спальню дома. Об этом свидетельствует наличие в ней спаренных колонн, которые отделяли альков от остальной части помещения. Наталья Николаевна занимала эту памятную ей комнату, когда уже вдовою жила в яропoлецком доме.

Полотняный Завод

Главное имение Гончаровых представляло собой редкий образец слияния усадебного комплекса с промышленным. Заводы являлись основой благосостояния семьи, и потому их создатель Афанасий Абрамович, для того чтобы обезопасить фамильное дело на будущее, в конце жизни хлопотал о создании майората — неделимого имения, переходящего из поколения в поколение. Ему удалось добиться своего: в 1778 году был издан специальный указ, по которому никто из наследников не мог ни продавать, ни делить заводы и приписанные к ним деревни. Владельцем становился старший в роде, а остальные могли только пользоваться доходами с заводов. Этот указ осложнил в будущем решение материальных проблем семьи Пушкина и Натальи Николаевны.

Тогда владельцем заводов и распорядителем доходов с

майората являлся внук его основателя Афанасий Николаевич Гончаров. Выйдя в отставку, он полностью посвятил себя Полотняному Заводу. Но если дед умел наживать, то внук умел с большим вкусом тратить нажитое. Полотняный Завод был превращен им в великолепную барскую усадьбу со всевозможными затеями, на которые так изобретателен был Екатерининский век. Афанасий Николаевич любил жить широко, ни в чем не отказывая себе и не отставая от виднейших вельмож. Трехэтажный барский дом «покоем», построенный им рядом с фабриками, поражает при первом взгляде своими масштабами, а при внимательном знакомстве — великолепием отделки интерьеров, над которыми трудились и русские, и иностранные мастера. Огромных расходов требовало не только создание всего великолепия усадьбы, но и ее содержание. Да и свой московский дом Афанасий Николаевич поставил на барскую ногу.

Неотъемлемой частью имения являлись собственно заводы, давшие ему основание. История самого рода Гончаровых не просто связана с Полотняным Заводом, но всем обязана ему, начиная со своего зарождения. Когда речь идет о старых русских фамилиях, таких как Пушкины, то история родового поместья следует за историей тех заслуг перед отечеством, которые были вознаграждены их пожалованием. Другое дело, когда речь идет о новом, выслужном дворянстве, а тем более поднявшемся из купеческого сословия, как это и было в случае с Гончаровыми. Заводы дали им состояние, а со временем и права на дворянство, и только после этого могла создаваться собственно дворянская усадьба. Подобное могло произойти лишь в результате Петровских реформ, когда в гору пошли и соединились с «гордым русским дворянством» такие фамилии, как Строгановы, Демидовы и другие, не столь известные и громкие. К ним относились и Гончаровы. Так что по своему рождению Наталья Николаевна принадлежала к так называемому новому дворянству.

Ей едва исполнился месяц, когда тогдашний владелец Полотняного Завода, дедушка Афанасий Николаевич, в сентябре 1812 года неожиданно вернулся из-за границы. В его дневнике читаем запись: «Приехал на Завод в 4-м часу пополудни. Не нашел ни хозяев, ни приказчиков и дом совершенно пустым».

Когда Москва была оставлена французами, Полотняный Завод снова оказался в зоне военных действий. Кутузов повел русскую армию по старой Калужской дороге в убеждении, что Наполеон в надежде на запасы пойдет на Калугу, как и произошло. Сражением под Малоярославцем русские войска сумели оттеснить французскую армию на старую Смоленскую

дорогу. Афанасий Николаевич становится свидетелем происходящих событий, что отражается в дневнике, который он неизменно ведет.

«12/24 октября. Суббота. Сей день большое сражение в Малом Ярославце. Город начал гореть, и с сей ночи французская армия начала ретироваться.

13/25 октября. Воскресенье. На Заводе. Сей день сражение в Медыни, где наши три казачьи полка разбили неприятельской корпус, состоящий из 5000 человек, взяли 5 пушек и двух генералов».

Еще через день, во вторник 15 октября, со стороны сражения от села Детчина в Полотняный Завод въехал штаб главнокомандующего фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. В те дни А. Н. Гончаров записал в дневнике:

«15/27 окт., вторник. На Заводе. Утром вся дворня и фабричные разбежались с Заводу в разные места. А к вечеру Главная наша армия пришла ко мне на Завод, где учреждена Главная квартира. Я ж, отдав весь свой дом под оную, сам выехал ночевать в Товарково к Петру Антипову.

16/28 окт., середа — в Товарково. По утру рано ездил на Завод в Главную квартиру, был у Светлейшего, коим весьма хорошо был принят, благодарен за порядок нашедшей у меня на Заводе и им даны мне караулы расставить при всех магазеинах и фабриках, также и по садам для сбережения всего имущества. Пробыл я на Заводе до вечера, откуда на ночь опять уехал в Товарково.

17/29 окт., четверг — в Товаркове же. Рано по утру отправился опять на Завод. После обеда вышла армия и Главная квартира в село Адамовское. Провожал Светлейшего, которой для моего збережения оставил мне эскадрон кирасиров на мое содержание и 4 пленных мне отдали с рук на руки. Графа Moroet, St. Air и двух женщин. Был до самого вечера на Заводе, а ночевал опять в Товарково».

Для Полотняного Завода война была окончена. Теперь дневниковые записи А. Н. Гончарова посвящены сражениям в ближайших местах.

Л. Н. Толстой в «Войне и мире» упоминает, как в столичных кругах «обвиняли Кутузова и говорили, что он с самого начала кампании мешал им победить Наполеона, что он думает только об удовлетворении своих страстей и не хотел выходить из Полотняных Заводов, потому что ему там было покойно…». Александр I, вовсе не понимая намерений полководца, но прислушиваясь к подобным суждениям, писал Кутузову: «… ненужное и пагубное отступление Ваше после сражения под

Малым Ярославцем до Гончарова уничтожили все преимущества положения Вашего…»

Жители Калуги и ее окрестностей заволновались было из-за приближения неприятеля, так что Кутузов вынужден был отправить из Полотняного Завода послание городскому голове Калуги:

«Государь мой Иван Викулич!

Именем моим поручаю вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение и опасность. Уверьте их, что я ищу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, и что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молите его о поддержании сил и храбрости нашего воинства, исполняйте ваши обязанности и будьте покойны. Вы есте и будете защищены: в том удостоверяет вас всегда доброжелательный и усердный

Князь Г<оленищев->. Кутузов

16 октября 1812 г.

с. Полотняный Завод».

Судя по дате отправки письма, о пустых слухах рассказал Кутузову не кто иной, как посетивший его в этот день Афанасий Николаевич Гончаров, беспокоившийся о своем имуществе.

17 октября французская армия вынуждена была, как на то и рассчитывал Кутузов, уйти на старую Смоленскую дорогу. Фельдмаршал в тот же день выступил из Полотняного Завода в село Кременское. Русские войска еще недели три проходили через Завод.

На территорию главной усадьбы Гончаровых въезжали через Спасские ворота, к которым с одной стороны и ныне примыкает полотняный завод. С другой стороны стояла церковь Спаса Нерукотворного Образа, построенная в 1736 году, которая была разрушена в советские годы. При ней исторически сложилась и фамильная усыпальница Гончаровых, также разгромленная. Напротив заводских построек располагается конный двор с воротами середины XVIII века, от которых тянется каменная ограда в сторону соседней усадьбы Щепочкиных, буквально сливающейся с гончаровской. В сравнении с домом Гончаровых дом Щепочкиных время и люди пощадили: в нем сохранились фаянсовые печи, лепнина и даже росписи плафонов, выполненные, скорее всего, теми же мастерами, которые некогда отделывали гончаровский дом.

После смерти Пушкина именно в Полотняный Завод, ища душевного покоя, приезжает Наталья Николаевна с детьми,

приобщая их к дорогим ей местам и воспоминаниям своего детства. Завод тогда принадлежал старшему ее брату Дмитрию Николаевичу, затем его сыну Дмитрию Дмитриевичу и, наконец, внуку, Дмитрию Дмитриевичу-младшему. С ним, заводчиком и уездным предводителем дворянства, подружился ссыльный Анатолий Васильевич Луначарский и жил в Полотняном Заводе в 1900 году. Жена Д. Д. Гончарова Вера Константиновна была до замужества актрисой московского частного театра Ф. А. Корша. Гончаровы открыли в Полотняном Заводе народный театр, в репертуаре которого были пьесы и Шекспира, и Пушкина. Луначарский, принявший в этом живейшее участие, вспоминал: «Полотняный Завод превратился в настоящие маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный и привлекательный характер». Он подчеркивал, что всё там помнило Пушкина, «заветами которого и памятью о друзьях и врагах в высокой мере овеян был дворцеподобный дом Гончаровых».

Глава вторая. ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

I love this sweet name[12].

А. С. Пушкин

Натальин день

В год рождения Натальи Гончаровой предвестием Отечественной войны явилась комета, описанная Львом Толстым в романе «Война и мир»: «При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая как будто, с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, влепилась тут в одно избранное ею место на черном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными другими мерцающими звездами».

Толстовское описание кометы между «бесчисленными другими» звездами отзывается на известное пушкинское сравнение: «Как незаконная комета / Среди расчисленных светил». В пушкинское время наблюдение звездного неба и поиск новых неизвестных комет являлось чуть ли не своеобразной модой. Друг Пушкина В. И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» так описал комету: «… небесное тело, сравнительно с прочими, огромной величины, но редкое… сквозящее; иногда в ней заметно ядро, а окружная среда образует как бы хвост, бороду или космы; звезда с хвостом, косматая». Аристотель еще в IV веке до н. э. объяснил явление кометы следующим образом: легкая теплая «сухая пневма» (газы Земли) поднимается к границам атмосферы, попадает в сферу небесного огня и воспламеняется — так образуются «хвостатые звезды». Авторитет Аристотеля был столь незыблем, что в науке вплоть до XVI столетия сохранялся этот «приземленный» взгляд на природу комет, поэтому астрономы ими не занимались.

Только датский астроном Тихо Браге вернул кометы в семью небесных тел. Однако и в пушкинское время кометы наблюдали прежде всего любители, так как для этого не требовалось особенного оборудования, мощных телескопов — вполне достаточно оказывалось обыкновенной подзорной трубы или даже бинокля. У Пушкина среди его рисунков 1824–1827 годов в так называемой третьей масонской тетради есть рисунок подзорной трубы. Такая же, по преданию принадлежавшая поэту, и сейчас лежит на выступе одной из книжных полок в кабинете на Мойке, 12, где ему суждено было скончаться.

Комета, которую описал Толстой, лучше всего была видна к началу 1812 года, хотя правильнее было бы называть ее кометой 1811 года. Астрономы, указывая год кометы, имеют в виду не время ее видимости, а момент наибольшего сближения с Солнцем. Эта комета миновала перигелий еще 12 сентября 1811 года. В России комету задним числом стали считать провозвестницей Отечественной войны 1812 года. До наших дней дошло старинное увлечение — «ловля» комет. Как и рыбной ловлей, ею занимаются стар и млад, люди разного звания и профессий. Все их снаряжение — любительский телескоп или бинокль да звездный атлас. Чтобы открыть комету, в первую очередь нужно знание созвездий и особенно межзвездных туманностей, а кроме того — терпение. «Толстовскую» комету обнаружил еще весной 1811 года француз Оноре Флоржерг. 26 марта, проведя очередное «прочесывание» неба, он заметил светящееся дискообразное пятнышко со сгущением к центру и без хвоста. Именно так должна выглядеть далекая комета. Флоржерг сверился с каталогом межзвездных туманностей, составленным Ш. Мессье: не попалась ли ему одна из них? Но в этой части неба никаких «обманок» отмечено не было. К третьему вечеру пятно заметно сместилось, и стало ясно, что открыта новая комета — далекая и медленная. Летом, по мере приближения к Солнцу, у нее начал отрастать хвост. Особенно роскошным он стал к зиме 1811/12 года. Не очень длинный, чуть больше ковша Большой Медведицы, он был необыкновенно красив. Но комета уже уходила от Солнца и Земли, хвост сокращался, и она таяла в пространстве. Напоследок ее видели бесхвостой туманностью уже далеко за кольцом астероидов летом 1812 года, всего за неделю до Бородинского сражения. Еще 50 веков будет лететь она прочь от Солнца и потом вернется, чтобы засиять снова около 4280 года. Год этой знаменательной кометы, отметившей противостояние России и Франции, стал годом рождения Натальи Гончаровой в России и Жоржа Дантеса во Франции. Должно было пройти 24 года, прежде чем они встретились.

История полна самых неожиданных совпадений. «Бывают странные сближения», — писал Пушкин. Одно из них касается Натальи Николаевны: в Натальин день, 26 августа 1812 года (8 сентября по новому стилю), состоялась грандиозная битва под Бородином, завершившаяся в ночь на 27-е, в день ее рождения. Кутузов писал: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи…»

Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», прочтенном им на публичном экзамене 1815 года в присутствии Гаврилы Романовича Державина, воспел эти дни:

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл…

Была на Руси традиция — в честь одержанных побед и в память «на поле брани убиенных» ставить храмы, посвящаемые тем святым, в день поминовения которых состоялись сражения. В Петербурге такими были Сампсониевская церковь в честь Полтавской победы, Пантелеймоновская в честь Гангута и Гренгама, Иоанно-Предтеченская в честь Чесмы. Под Петербургом, рядом с Лиговом, в Старо-Панове, на даче графов Буксгевденов была некогда церковь во имя Адриана и Натальи, в память об участии основателя храма в Бородинском сражении и по имени его жены. Это был единственный в Петербурге храм во имя Натальи, к тому же расположенный при большой дороге, по которой не однажды проезжал и Пушкин с Натальей Николаевной. Теперь и на поле Бородинской битвы поставлена часовня в память Адриана и Натальи.

В объявлении генерал-губернатора Москвы графа Ф. В. Ростопчина от 27 августа для сведения москвичей перелагались известия, доставленные курьерами от Кутузова с поля боя: «Вчерашний день 26-го было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью Божиею Русское войско не уступило в нем ни шагу, хотя неприятель с отчаянием действовал против его. Завтра надеюсь я, возлагая мое упование на Бога и на Московскую Святыню, с новыми силами с ним сразиться».

Однако той же ночью, 27 августа, противник, пользуясь темнотой, отошел на исходные позиции. Русская армия также отходит от Бородина в сторону Москвы. Нового генерального сражения так и не состоялось. А в ту же ночь за 500 верст от Бородина в селе Кариан Тамбовской губернии у Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых родилась дочь. Если бы не война с Наполеоном, то она появилась бы на свет в Полотняном Заводе Калужской губернии.

Если заглянуть в святцы, то можно убедиться, что 26 августа празднуется икона Пресвятой Богородицы Владимирской. Считается, что она была написана святым апостолом и евангелистом Лукой и доставлена в 450 году в Царьград из Иерусалима, а около 1131 года прислана царьградским патриархом на Русь. Князь Андрей Боголюбский перенес икону во Владимир, а в правление великого князя Василия Дмитриевича, при нашествии Тамерлана в 1395 году, она была принесена в Москву, где торжественно с крестным ходом встречена и 26 августа чудесно спасла город.

В тот же день 26 августа отмечается День святых Адриана и Натальи и с ними еще двадцати трех мучеников, живших в IV веке в Никомидии. По повелению императора Максимилиана тамошние христиане были подвергнуты пыткам. Пораженный их мужеством начальник воинского отряда Адриан также объявил себя христианином. Разгневанный император велел и его мучить вместе с остальными. Жена Адриана Наталья, будучи тайной христианкой, ухаживала за мучениками в темнице, а по их кончине перевезла мощи Адриана в Византию, где и сама мирно почила. И Наталья Николаевна, и Пушкин конечно же знали о житии Натальи — хотя бы в кратком варианте, представленном в Четьих минеях и поминаемом в день ее почитания в церкви. В 1836 году Пушкин, отзываясь на выход «Словаря о святых», заметил не без иронии, что «есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно», добавив: «Не позволяя себе никакой укоризны, не можем по крайней мере не дивиться крайнему их нелюбопытству».

Натальин день и день Бородинской битвы для Пушкиных стал семейным праздником. Именины Натальи празднуются один раз в году. Для Александра Сергеевича и Натальи Николаевны эти праздники слились с днем ее рождения, следуя один за другим. Пушкин неизменно отмечал эти дни, поздравлял жену в письмах, когда ее не было рядом. Шесть раз суждено было поэту отмечать эти даты. В первый год семейной жизни он встретил праздник в Царском Селе на даче Китаевой.

В 1832 году Натальин день Пушкины праздновали в Петербурге, на Фурштатской улице в доме Алымовой. На следующий год поэт, бывший в те дни в разлуке с женой, пишет ей из Москвы в Петербург: «Поздравляю тебя с днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи…»

27 августа 1833 года Пушкин начинает свое письмо к Наталье Николаевне словами: «Вчера были твои имянины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел».

В 1834 году точно в Натальин день поэт приехал к жене из Петербурга в Полотняный Завод. В 1835 и 1836 годах они отмечали этот день под Петербургом, на дачах в Новой Деревне и на Каменном острове. До 25-летия Бородинской битвы и 25-летия жены Пушкину не дано было дожить. Наталья Николаевна встретила эту дату вдовой в Полотняном Заводе.

«Что в имени тебе моем?»

Само имя Наталья, которым окрестили будущую жену поэта, для него было дорого уже с лицейских лет. Одно из первых известных стихотворений Пушкина, написанное летом 1813 года, названо «К Наталье». Его эпиграф взят из сатирического послания Шодерло де Лакло, обращенного в 1774 году к фаворитке Людовика XV графине дю Барри.

> Pourquoi craindrais-je de le dire?
> C’est Margot qui fixe mon goût[13].

В ту пору, когда в Кариане Наталья Гончарова делала первые робкие шаги в своей жизни, Пушкин испытал первую любовь:

> Так и мне узнать случилось,
> Что за птица Купидон;
> Сердце страстное пленилось;
> Признаюсь — и я влюблен!

Эта проба пера обращена к крепостной графа Варфоломея Васильевича Толстого, актрисе его царскосельского театра. По рассказу историка Лицея Виктора Павловича Гаевского, лицеисты, посещавшие спектакли, «засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однако ж, была плохою актрисою». Ей было адресовано первое любовное признание Пушкина:

> Так, Наталья, признаюся,
> Я тобою полонен.
> В первый раз еще, стыжуся,
> В женски прелести влюблен.

С нею же связано и стихотворение «К молодой актрисе», написанное два года спустя, летом 1815 года. А. Д. Илличевский

писал 2 сентября 1815 года своему другу П. Н. Фуссу: «…у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие». Другой лицеист, С. Д. Комовский, вспоминал: «Пушкин любил подчас, тайно от начальства, приносить некоторые жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами графа В. Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств; причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской его крови. Одно прикосновение его к руке танцующей производило в нем такое электрическое действие, что невольно обращало на него всеобщее внимание во время танцев». В первой редакции этого воспоминания последняя фраза отсутствовала и вместо нее следовала сноска: «Пушкин до того был женолюбив, что, будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна».

Спектакли, которые так запомнились лицеистам, давались в дачный сезон, до сентября. В репертуаре театра графа Толстого была комическая опера А. М. К. Саккини «Обманутый скупец». В переводе И. А. Дмитревского герой оперы Гервасио получил имя Милон. В финале первого действия героиня Назора, увлеченная Милоном, падает на стул, притворяясь, что теряет сознание. Пушкин обыграл этот фрагмент оперы в исполнении Натальи:

Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская ах!
Спокойно в кресла упадаешь.
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: *ах! как хороша!*
Увы, другую б освистали:
Велико дело красота.

Выражения первых любовных чувств рядятся у юного поэта в привычные образы французской поэзии. Эти образы по-своему освещают лицейскую комнату; она представляется Пушкину монастырской кельей, а сам он — монахом: «Знай, Наталья! — я… монах!»

В перечне тех, кто мог бы выступить в качестве воздыхателей

Натальи, первыми называются «арап» и «турок» — кровным отголоском далекого африканского предка Пушкина, выкраденного из сераля. Однако если эти и другие воздыхатели представлены по национальному признаку: «учтивый китаец», «грубый американец», наконец, «немчура» с привычными атрибутами — «колпаком на волосах», «с кружкой, пивом налитою» и «с цыгаркою в зубах», — то один персонаж оказывается вдруг принадлежащим к совершенно другому ассоциативному ряду:

Не представь кавалергарда,
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром;
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

Своеобразным предупреждением, неким пророчеством звучат эти строки, обращенные уже как бы и не к актрисе толстовского театра, пленившей автора стихов, и даже не к отвлеченной Наталье, созданной его поэтическим воображением, а к той, которая таким образом уже давала о себе знать. Так впервые и еще не однажды в том же роде проговорится Пушкин, прежде чем на горизонте его жизни замаячит француз Жорж Дантес, облаченный в русский кавалергардский мундир…

К той же актрисе обращены стихи в первой и третьей песнях поэмы «Монах», написанной в 1813 году. Первый раз имя Наталья встречается в ней в своеобразном гимне юбке:

Люблю тебя, о, юбка дорогая.
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Второй раз оно упоминается в рассуждении лирического героя поэмы об искусстве живописца, владея которым, он непременно запечатлел бы прелестную Наталью:

Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

К следующему, 1814 году относится еще одно лицейское увлечение Пушкина — горничной княжны Варвары Михайловны Волконской, также звавшейся Натальей. Эта история запомнилась не только Пушкину. Лучше всех ее описал Пущин: «У дворцовой гауптвахты, перед вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гуляющих в саду, разумеется, и нас, l'inévitable Lycée[14], как называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который между другими помещениями был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этих фрейлин было тогда три: Плюскова, Валуева и княжна Волконская. У Волконской была премиленькая горничная Наташа». Однажды Пушкин, идя с другими этим коридором, услышал шорох платья и, решив, что это непременно Наташа, бросился к ней и расцеловал «самым невинным образом». Однако он обознался в темноте — это была сама княжна Волконская, которая и пожаловалась своему брату князю П. М. Волконскому, начальнику Главного штаба, а тот — самому государю. На другой день Александр I выговорил директору Лицея Е. А. Энгельгардту: «Что ж это будет? Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника Лямина, но теперь уже не дают прохода фрейлинам жены моей». Уже знавший обо всем Энгельгардт тотчас нашелся: «Вы меня предупредили, государь, я искал случая принести Вашему Величеству повинную за Пушкина; он, бедный, в отчаянии: приходил за моим позволением письменно просить княжну, чтобы она великодушно простила ему это неумышленное оскорбление».

Рассказав императору подробности происшествия и добавив, что сделал уже Пушкину строгий выговор, директор просил разрешения о письме. Царь ответил: «Пусть пишет, уж так и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажите ему, чтобы это

было в последний раз». И шепнул, улыбаясь: «La vieille est peut-être enchanteé de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit[15]». (Княжне Волконской было в ту пору 35 лет.)

Нам ничего не известно о письме с извинениями, хотя Пушкин и получил прощение; но княжна заслужила стихотворение «Кж. В. М. Волконской», которое, дойди оно до ее ушей, вызвало бы новый скандал:

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce, — oh, mon Dien, non[16].

Подобные вирши конечно же ни под каким видом не могли быть вручены почтенной княжне.

Увлечение Пушкина-лицеиста горничной отразится в стихотворении «К Наташе», написанном в 1814 году:

Свет-Наташа! Где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимний
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Все эти стихи при жизни Пушкина не печатались и сохранились в лицейских сборниках. Несомненно, что одна из двух названных Наталий помянута в лирическом отступлении в черновиках поэмы «Руслан и Людмила»:

На мураве — в тени древесной,
Во время красное весны

Я помню давние забавы
Я помню маленький лужок
Где видел я под вечерок
Моей Наташи сон лукавый.

В окончательном варианте поэмы это реальное имя будет заменено на нейтральное Лида, не раз использованное Пушкиным: «Я помню Лиды сон лукавый…».

Та же тема с именем Натальи варьируется и в стихотворении, написанном, скорее всего, в 1819 году, когда создавалась пятая песнь «Руслана и Людмилы», с которой оно столь очевидным образом перекликается:

Недавно тихим вечерком
Пришел гулять я в рощу нашу
И там у речки под дубком
Увидел спящую Наташу.

Еще одна Наталья, по словам лицейского товарища Пушкина Модеста Корфа, была «предметом первой любви поэта». Это графиня Наталья Викторовна Кочубей, жившая с родителями летом в Царском Селе на даче в 1813–1815 годах. Она была на полтора года младше Пушкина. К ней обращено стихотворение «Измены», написанное в подражание Парни и напечатанное в феврале 1816 года в «Российском Музеуме» с подписью «1… 17–14» — по порядку русского алфавита, «А… П-н», то есть Александр Пушкин.

С именем Натальи Кочубей связал в свое время П. К. Губер «утаенную любовь» поэта, утверждая, что в поэме «Полтава» воспевалась не Мария Раевская, а Наталья Кочубей. Можно оспаривать мнение Губера, однако нельзя не согласиться с его рассуждением: «Но уже то обстоятельство, что в черновиках поэмы „Полтава“ Мария Кочубей первоначально называлась Натальей, должно заставить нас призадуматься. „Я люблю это нежное имя“, — гласит английский эпиграф, замененный в печатном издании цитатой из байроновского „Мазепы“. Какое имя? Наталья или Мария? Весы как будто колеблются». Действительно, и в плане будущей поэмы, и в черновиках героиня первоначально названа Натальей:

И подлинно в Украине нет
Красавицы Нат<алье> равной…

или

…жертвой пламенных <страстей>
Судьба Нат<алью> назначала.

Наконец:

Наталья странною душой…

В самом первом варианте поэмы проставлено было подлинное имя дочери Василия Леонтьевича Кочубея:

Он горд Матреной молодой
Своею дочерью меньшой.

Однако эти стихи были тут же исправлены с переменой имени:

Он горд Натальей молодой…

Вышедшая в сентябре 1820 года за генерала графа А. Г. Строганова, троюродного брата Натальи Николаевны Гончаровой, графиня Наталья Кочубей, по собственному признанию Пушкина, была им выведена в восьмой главе «Евгения Онегина»:

К хозяйке дама приближалась.
За нею важный генерал…

Генерал был действительно «важный», хотя вовсе и не старый, каковым он представляется порой благодаря опере Чайковского. В романе он — хороший знакомый Онегина, а значит, не должен быть много его старше. Граф Александр Григорьевич родился в 1795 году, так что Пушкин был моложе его всего на четыре года. В ранней юности он отличился в войне 1812 года, но генералом стал значительно позднее, как раз ко времени создания Пушкиным означенной главы. Впрочем, таковы уж законы собирательного образа, что на Татьяну восьмой главы претендовали и другие дамы, прежде всего ровесницы Натальи Кочубей Анна Петровна Полторацкая, в 16 лет выданная за 52-летнего генерала Е. Ф. Керна, а также Екатерина Александровна

Буткевич, ставшая в восемнадцатилетнем возрасте женой 72-летнего графа В. В. Стройновского, статского генерала.

То же самое можно сказать и в отношении так называемого Дон-Жуанского списка, в котором первое из названных в нем имя Наталья I обыкновенно связывают с графиней Кочубей, хотя им с тем же правом могли быть обозначены и актриса Наталья, и горничная. Зато в планах так и не осуществленного романа «Русский Пелам» в качестве его персонажей однозначно намечены автором «Кочубей и дочь его». Как бы то ни было, именно Наталья открывает список тех, в кого некогда был влюблен Пушкин.

В российской словесности за именем Наталья тянется шлейф литературной традиции, начатой Карамзиным повестью «Наталья, боярская дочь», написанной в 1792 году. В свое время она пользовалась почти такой же популярностью, как и «Бедная Лиза». Действие повести относится ко времени царя Алексея Михайловича. Дочь боярина Матвея, влюбившаяся в опального боярского сына Алексея Любославского и, послушная велению сердца, бежавшая с ним из родного дома — первый в русской литературе образ привлекательной русской девушки, натуры глубокой и непосредственной, предтечи пушкинской Татьяны. Ее разговор с верной няней как будто предваряет знаменитую сцену из «Евгения Онегина». Веселая беззаботность жизни Натальи прерывается появлением Алексея, тоскою сердца, которое сказало ей: «Вот он!» Сходным представляется ощущение Татьяны Лариной:

> Давно сердечное томленье
> Теснило ей младую грудь;
> Душа ждала кого-нибудь,
> И дождалась. Открылись очи;
> Она сказала; это он!

Пушкин как будто отсылает своего читателя к Карамзинской повести: «Много цветов в поле, в рощах и на лугах зеленых. Но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было красавиц в Москве белокаменной, ибо царство русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравниться с Натальею — Наталья была всех прекраснее». Карамзин тут же приводит суждение Сократа о том, что «красота телесная бывает всегда изображением душевной», и заключает: «Нам должно поверить Сократу, ибо он был, во-первых, искусным ваятелем (следственно, знал принадлежности красоты телесной), а во-вторых, мудрецом или любителем мудрости (следственно,

знал хорошо красоту душевную)». Данное Карамзиным описание внешности боярской дочери, в свою очередь, перекликается с известными описаниями красоты Натальи Гончаровой, единодушно называющими ее первой московской красавицей.

Позднее в стихотворении «Жених»[17], написанном в Михайловском, Пушкин дает имя Наталья героине, принадлежавшей к купеческому сословию, с уточнением в первых его строках:

> Три дня купеческая дочь
> Наташа пропадала…

В основе стихотворения, выдержанного в духе баллады, лежит русская народная сказка о царевне и разбойниках, записанная Пушкиным в 1824 году со слов няни Арины Родионовны (в первой публикации 1827 года стихотворение имело подзаголовок «Простонародная сказка»). Сказка была введена в сон купеческой дочери, имя которой дает сам Пушкин.

Мотивы сватовства и женитьбы связываются с именем Наталья у Пушкина неоднократно. В следующий раз у Пушкина невеста получает имя Наталья в романе «Арап Петра Великого». Она — дочь боярина Ржевского, просватанная царем Петром за его черного крестника Ибрагима. В этом сюжете отзываются как повесть Карамзина, так и реалии биографии Ганнибалов, предков автора. Прабабушка Пушкина действительно принадлежала к старинному боярскому роду Ржевских, но имя ее было Сарра Юрьевна, и она не была женой Абрама Ганнибала. Тот был женат дважды, но оба раза не на боярских дочерях. Его первой женой была Евдокия Андреевна Диопер, дочь капитана, грека на русской службе. Вторая жена, Христина Матвеевна фон Шеберх, — опять же «капитанская дочка», но прибалтийского происхождения. Только художественная задача «породнить» африканского уроженца со знатным российским дворянством заставляла Пушкина соединять, таким образом, факты биографий своих предков.

Имя Наталья поначалу предназначалось и героине «Евгения Онегина». Впервые оно встречается в черновике XXI строфы первой главы романа в сцене появления Онегина в театре. Первоначальные варианты десятого стиха «В большом рассеяньи взглянул» выглядели так: «Своих Анют, Наташ, Аннет» или «Наташ знакомых». Пушкин сначала отказался от перечисления знакомых Онегину актрис, а затем и от *Наташ,* их заменивших.

В следующий раз имя Наташа появится в черновиках XXIV строфы второй главы «Онегина», чтобы тут же навсегда исчезнуть

со страниц романа: «Ее сестра звалась… Наташа». К этому имени относятся варианты следующей строки: «Мне жаль, что именем таким» и «Мы нынче именем таким». Но когда концовкой третьего стиха становится слово *роман* в родительном падеже, то появляется наконец в рифму с ним имя Татьяна. Дело, конечно, не только в рифме, хотя и в ней тоже. Замена имени дала поэту возможность заметить:

Ее сестра звалась Татьяна.
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.

Имя Татьяна Пушкин счел более подходящим для главной героини. Если с именем Наталья в сознании поэта по-карамзински связывались «воспоминанья старины», боярства, то в окончательной редакции, где укрепилось имя Татьяна, к нему добавилось уточняющее: «иль девичьей!». В черновом варианте строфы Пушкин рассуждает по поводу выбора имен, которые давались в России при крещении:

Всегда признаться мы должны,
Что вкуса очень мало
У нас и в платьях, и в домах,
И на крестинах, и в стихах.

Именины в России традиционно отмечались более торжественно, чем день рождения, бывший скорее семейным домашним праздником. День ангела знали все — для этого достаточно было заглянуть в календарь. В шутливом именинном стихотворении, обращенном к Анне Николаевне Вульф, Пушкин, отмечая популярные имена и первым называя имя Наталья, признается:

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.

Имя Наталья — «природная» — по смыслу устраивало

Пушкина по отношению к выросшей в деревне героине «Евгения Онегина». Однако в русской традиции пушкинского времени оно считалось простонародным, и им редко называли дочерей в дворянских семьях, хотя так звали мать, сестру и одну из дочерей Петра I. Именами Тишайшего царя Алексея Михайловича и его супруги, боярской дочери Натальи Кирилловны, Карамзин назвал героев своей повести, дав новую жизнь имени Наталья. Но в семье, к которой принадлежала Наталья Гончарова, оно задолго до Карамзина было освящено фамильной традицией. Наталью Ивановну назвали в честь ее тетки Натальи Кирилловны Загряжской, а та конечно же была названа с учетом имени царицы и Натальи Демьяновны Разумовской, своей бабки.

Заменив в романе имя Наталья на Татьяну, Пушкин всё же воспользовался им, когда параллельно с деревенскими главами «Онегина», в иронической перекличке с романом писал в Михайловском поэму «Граф Нулин»:

> К несчастью, героиня наша…
> (Ах, я забыл ей имя дать!
> Муж просто звал ее Наташа,
> Но мы — мы будем называть
> Наталья Павловна)…

* * *

Пушкин, переживший войну 1812 года в Царском Селе, в Натальин день, 26 августа, участвует в репетиции пьесы «Роза без шипов»[18], которую сочинил Алексей Николаевич Иконников, лицейский гувернер, по отзыву поэта «странный человек», «чудак», «беден, горд и дерзок». Сюжет пьесы связан с событиями Отечественной войны. Спектакль был показан 30 августа, в день именин венценосного тезки Пушкина, императора Александра I. В этот же день в Александро-Невской лавре военный министр князь А. И. Горчаков в присутствии императорской четы зачитал донесение Кутузова от 27 августа. Лицеисты прочли его 31-го в газете «Северная пчела», узнав, таким образом, о происшествиях, случившихся в Натальин день.

Мы не знаем, в какой роли выступал Пушкин в пьесе «Роза без шипов», но очевидно, что не в главной, доставшейся, как вспоминают, лицеисту Маслову, нетвердо выучившему свои слова; его по ходу действия заменил сам автор Иконников, текст роли знавший основательно, но зато нетвердо державшийся на

ногах. Министр просвещения граф Разумовский выразит свое неудовольствие по поводу спектакля директору Лицея В. Ф. Малиновскому.

Лицеисты, в вывороченных шинелях игравшие ополченцев, через два дня после представления, 3 сентября, провожали проходившие через Царское Село войска — шесть дружин петербургского ополчения и эскадроны гродненских гусар и Польского уланского полка:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались.

Каждому из лицеистов предстояло пройти свой путь служения отечеству, путь Пушкина ясно обозначился в тот памятный для России год. Война 1812 года, всколыхнув Россию, вызвала невиданный патриотический подъем, поспособствовав тем самым развитию национальной русской литературы. Пушкин, сын своих родителей, появился на свет в Москве; Пушкин-поэт родился в Царском Селе. Знаменитая французская писательница Жермена де Сталь, гонимая Наполеоном и посетившая Россию в 1812 году, предсказала появление в русской литературе Пушкина: «Россия еще не имеет оригинальной литературы, но необычайные происшествия нашего времени обещают появление в России необычайного гения». Фамилия первого национального русского поэта могла быть иной, но он должен был явиться, и им стал Пушкин. Тогда же в далекой русской провинции родилась та, которой суждено было стать его женой.

П. К. Губер, комментируя Дон-Жуанский список Пушкина, задался вопросом, почему замыкающая первую половину списка вторая Наталья, то есть Гончарова, не была обозначена литерой «II», как это сделано в том же списке по отношению к имени Катерина, вплоть до Катерины IV. Он находит ответ в том, что под знаком «NN», следующим в списке уже после Катерины II, сокрыта Наталья Кочубей, а потому Наталью Гончарову Пушкин оставил без всякого номера. Возможно, все гораздо проще и вместе с тем значительнее. Думается, что даже если бы в этом списке вовсе не было загадочной NN, Пушкин все равно оставил бы Наталью Гончарову без номера. Наталья Гончарова не могла иметь номера — ни второго, ни третьего, никакого; она была вне всяческих сравнений, выбивалась из ряда, будучи единственной в своем роде. Мечта, идеал не может иметь порядкового номера, как и «роза без шипов».

Самое имя Наталья вошло в сознание поэта с первой любовью

и первыми стихами. Судьба как будто играла с Пушкиным, в отрочестве и в ранней юности подставляя ему на пути носительниц этого имени. Его как бы само собою выводило пушкинское перо — но лишь до той поры, пока он не встретил Наталью Гончарову. С этого времени поэт больше не называл так своих героинь. Он обрел реальную Наталью, жену. И только младшую дочь, родившуюся незадолго до его гибели, он наречет Натальей.

Жизнь у деда

Около года прожив в Кариане, семейство Гончаровых возвратилось в Полотняный Завод. Если бы не война, то именно здесь родилась бы Наталья Гончарова. В этом родовом их имении прошло ее раннее детство. Николай Афанасьевич, управлявший поместьем в отсутствие отца, сумел было привести в порядок пошатнувшиеся дела, но вернувшийся Афанасий Николаевич отстранил сына и вновь стал бесконтрольно распоряжаться доходами. С 1814 года, после удара головой во время неудачного падения с лошади, у Николая Афанасьевича начинает развиваться душевная болезнь. Наталье Ивановне пришлось принять на себя весь груз забот о семействе. Вскоре они переезжают в Москву — все, кроме младшей, любимой внучки, которую дед оставил при себе. До шести лет прожила она в Полотняном Заводе, где дед, а вослед ему и все обитатели имения, вплоть до дворни, обожали и баловали ее. Афанасий Николаевич всегда любовно называл ее Ташей, как и все в семье, а ласкательно — Ташенькой и Ташкой.

Красота Таши была унаследована от отца и матери. Ее отличие от старших сестер во многом определилось тем, что она провела первые, самые восприимчивые годы на лоне природы, вне той сложной ситуации, которая сложилась в родительском доме благодаря строгой матери и слабохарактерному и полусумасшедшему отцу. Наталья Ивановна со старшими детьми приезжала по приглашению тестя погостить летом в Полотняный Завод, иногда брала младшую дочь в Москву, но большую часть года она оставалась у деда.

Как и о детстве Пушкина, о первых годах жизни Натальи Гончаровой почти не сохранилось воспоминаний, кроме разве что рассказа подруги ее отрочества и юности Надежды Еропкиной:

«Наташа была действительно прекрасна, и я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые,

веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда вовремя останавливал слишком резкие порывы. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность. Большинство считало ее кокеткой, но обвинение это несправедливо».

Несомненно, Полотняный Завод сыграл для Натальи Гончаровой ту же роль, что для Пушкина — подмосковное Захарово. Первые впечатления ее детства были получены именно там. Туда устремляла она позднее свои воспоминания и делилась ими с Пушкиным. Полюбив ее, он загодя полюбил и места ее детства.

Конечно же «милое Захарово», как называл его поэт, могло идти в сравнение с Полотняным Заводом разве что по степени привязанности к ним Пушкина и Натальи Николаевны. Скромное благоприобретенное Захарово с небольшим деревянным домом и садом было для Пушкиных местом летнего времяпрепровождения, дохода практически не приносило, а затрат требовало. Полотняный Завод же был не только крупной усадьбой с множеством строений, но основой благосостояния всего гончаровского семейства.

В одном ряду с заводскими постройками высился огромный трехэтажный барский дом в 21 окно по фасаду, с парадным подъездом под центральным балконом второго этажа. В первом, служебном, этаже помещались людские, кухня, всякого рода подсобные помещения и кладовые. Здесь же в особой комнате за железной дверью помещался гончаровский архив.

Поднявшись из просторного вестибюля по главной дубовой лестнице, оказываешься на площадке парадного этажа. Она составляет центр восточной анфилады дома, обращенной к подъездному двору. Следуя от нее на север через прихожую и бильярдную, попадаешь в зал, расположенный в выступающем ризалите и открывающий собою северную боковую анфиладу. За залом располагается лакейская, предваряющая кабинет хозяина и примыкающую к нему угловую комнату. Окна этих комнат выходят на завод, так что хозяин мог всегда наблюдать за тем, что там происходит.

Западная парадная анфилада начинается кабинетом, за ним следуют столовая и большая гостиная в пять окон. Этот фасад обращен к нижнему саду с его плотинами и искусственными прудами с соединяющими их мостиками и клонящимися к воде плакучими ивами. Расположенная по центру большая гостиная делит западную анфиладу на половины хозяина и хозяйки. С северной стороны от нее располагаются комнаты хозяина (в

пушкинские времена — Афанасия Николаевича), с южной — китайская диванная, предваряющая парадную екатерининскую опочивальню и комнаты хозяйки, выходящие окнами к южному боковому фасаду. К ним примыкают детская, служебная лестница и еще один угловой кабинет, завершающий анфиладу лицевого фасада. Через сообщающуюся с ним комнату и проходную можно вновь попасть на площадку главной лестницы.

Скорее всего, именно эта детская вблизи апартаментов деда Афанасия Николаевича, в парадном этаже, стала той комнатой огромного гончаровского дома, в которой под наблюдением нянек и гувернанток прошли шесть лет детства любимой внучки хозяина.

Для остальных обитателей дома, прислуги и гостей отводились комнаты третьего этажа. В правой, выступающей по фасаду части дома одну из комнат занимал в середине октября 1812 года М. И. Кутузов. Гости всегда поражались величине дома, многочисленности комнат и роскоши убранства. Один из посетителей Полотняного Завода вспоминал: «Палаты, куда меня привезли, поразили меня огромностью, богатством и великолепием».

Некоторых гостей — но только не хозяев — смущало соседство завода. Парк же располагался как бы сбоку от главного дома. Парковые ворота с двумя эффектными башенками, хотя и расположены по оси парадного подъезда, но, пройдя через них, можно было только пересечь узкую часть парка и выйти к реке. Чтобы попасть в парк, надо за воротами повернуть направо, в главную его аллею. Подковообразно изгибается река Суходрев в новом русле, обходя парк, прорезанный главной Елизаветинской аллеей, которую позднее стали называть Пушкинской. Она оказывается центральной осью регулярного парка, на площадках которого высажены фруктовые деревья. Далее аллея переходит в пейзажную часть парка; дойдя до изгиба реки, дорога плавно поворачивает вместе с ней и далее идет вдоль берега. Образовавшуюся дугу стягивают три малые аллеи, ответвляющиеся от главной и сходящиеся у площадки на развилке. Она отмечена ныне памятником Пушкину, обращенным к месту, где некогда была беседка, также «пушкинская», от которого открывается один из лучших видов на окрестности. На месте пейзажного парка в XVIII веке, при первых владельцах, в излучине Суходрева была роща со зверинцем. Парк здесь разбил только Афанасий Николаевич в конце XVIII — начале XIX века, а для собак была устроена особая псарня.

С детских лет, проведенных в Полотняном Заводе, Наталья Николаевна полюбила всякую живность, особенно собак.

Не случайно в первый год семейной жизни в Царском Селе она завела себе собаку. Когда та однажды пропала, Пушкину пришлось обратиться за помощью к поэту и переводчику Николаю Михайловичу Коншину, состоявшему правителем канцелярии главноуправляющего Царским Селом. Когда пропажа была возвращена, Пушкин запиской поблагодарил Коншина: «Собака нашлась благодаря вашим приказаниям — жена сердечно вас благодарит, но собачник поставил меня в затруднительное положение, я давал ему за труды 10 рублей, он не взял, говоря: мало, но по мне и он и собака того не стоят, но жена моя другого мнения».

Кажется, именно эту собаку сочно описал В. А. Жуковский в письме князю П. А. Вяземскому: «С тех пор, как ты сказал мне, что у меня слюнки текут, глядя на жену его, я не могу себя иначе и вообразить, как под видом большой датской лягавой собаки, которая сидит и дремлет, глядя, как перед ней едят очень вкусно, и с морды ее по обеим сторонам висят две длинные ленты из слюней».

В будущем прекрасная наездница, Натали берет первые уроки верховой езды в Полотняном Заводе: покуда ей седлают пони, которого в поводу водит грум, а рядом семенит гувернантка.

За воспитанием и образованием внучки Афанасий Николаевич наблюдал лично. На первом месте, естественно, стоял французский язык, который, несмотря на прошедшую войну с Францией, оставался господствующим в среде русского дворянства. Сам дед французским языком владел лучше, нежели русским, в котором на письме допускал очевидные погрешности. Как некогда отец Натали в этих стенах получал уроки французского языка и словесности от Давида де Будри, так теперь француженки-бонны обучали его дочь.

Богатейшая хозяйская библиотека включала множество изданий. А. П. Бутович, товарищ Николая Афанасьевича по учению, вспоминал: «У нас также была большая библиотека из русских и французских книг, в которых нам дозволялось рыться…»

«Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, «Панорама Парижа и летописание сего города и его достопримечательностей» Льва Цветаева в двух частях, «Histoire de M-me d'Emeville écrite par elle-même» в двух томах, книги с пометками Николая Афанасьевича «История России от древнейших времен» М. М. Щербатова, «Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции князем Андреем Яковлевичем Хилковым» 1791 года, «Юридические рассуждения о разных понятиях, какие имеют народы о собственности…» С. Десницкого — это только малая

толика тех книг, что составляли библиотеку Полотняного Завода.

Из французских книг — сочинения Расина, Мольера, Лафонтена, Корнеля, Грессе… Часть томов подписана *Gantscherof* или *Гончаров,* на некоторых стоит штамп с родовым гербом Пушкиных и подписью «Theodore de Pousckine». Очевидно, это память посещений Гончаровых Федором Алексеевичем Пушкиным, отцом Софьи Федоровны, который в 1798 году был губернатором Калуги. Были в библиотеке и рукописные книги, в основном учебники, и среди них — история французского языка Левекка, автора «Histoire de Russie». По ним учили еще отца Натальи Николаевны, а потом и ее.

В свое время Пушкин познакомился с тамошней библиотекой настолько хорошо, что со знанием дела наставлял жену, проводившую в Полотняном Заводе лето 1833 года: «…в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка». Но в пору детства она читала в оригинале под присмотром гувернанток разве что басни Лафонтена и сказки Шарля Перро, а если и представляла себя литературной героиней, то Золушкой в изящных башмачках, с тыквой, обращавшейся по мановению волшебной палочки в роскошную золотую карету.

Конечно же бонны преподавали ей и русскую грамматику, но в стихию разговорного языка она погружалась, общаясь с няньками и дворовыми девочками. Среди последних у нее появились и подружки — Параша и Таня, к которым она была очень привязана. Потом Наталья Николаевна попросит отдать их себе в приданое; они будут нянчить всех ее детей, как от Пушкина, так и от Ланского, и останутся с ней до конца жизни. Застольные и свадебные песни, гадания, пословицы и поговорки, «преданья старины глубокой» — все то, что составляло мир девичьих в русских усадебных домах, не могло не отложиться в памяти Натальи Гончаровой.

Болдинской осенью 1833 года, будучи в разлуке с женой, которую он вывез из Полотняного Завода в Петербург, Пушкин в черновиках «Родословной моего героя» набрасывает портретный профильный рисунок, представляющий ее девочкой с короткой стрижкой. Не раз из-под его пера рождались подобные воображаемые портреты, но этот — самый ранний по возрасту изображенной, шести-семи лет, соответствующий концу ее детства, проведенного под опекой деда в Полотняном Заводе.

К тому времени, как Наталье пришло время продолжать образование, не ограничиваясь учителями, приглашавшимися в деревню, можно сказать, закончилось и ее детство, шесть радужных лет, прошедших в Полотняном Заводе, когда еще ничто

не омрачало ее впечатлений, а будущее составляло тайну за семью печатями.

Дом на Никитской

Для Натальи Николаевны старая столица была так же дорога воспоминаниями детства, как и для Пушкина, родившегося в Москве и жившего в ней до двенадцати лет, покуда его не увезли в Петербург в 1811 году, за год до начала Отечественной войны и рождения будущей жены.

Во время пожара Москвы 1812 года дом на Никитской сгорел, и Гончаровы поначалу снимали жилье. В доме Кошелева 11 февраля 1815 года у них родился третий сын, Сергей[19]. Крестили его в церкви Симеона Столпника, что на Поварской. Крестным на этот раз был дедушка Николай Афанасьевич, а крестной — как всегда, прабабушка Екатерина Андреевна. После ее смерти в 1816 году принадлежавший ей дом перешел во владение Николая Афанасьевича. На одном из писем деда, Афанасия Николаевича, отправленном в год смерти его матери, обозначен адрес: «Дмитрию Николаевичу Гончарову в Москве. На Никитской в Доме бывшем Г-жи Навасильцевой В приходе Вознесенья». Это письмо без всяких комментариев говорит о его отношении к внукам: «Благодарю тебя, любезный друг Митенька, за письмо. А на Ишку я очень сердит: он так заспесивел, что и имя сваво не приписывает. И ты его за меня не цалуй, а сестер всех перецалуй. Наташу и мамашу поздравь от меня с их днями рождения…»

Письмо свидетельствует, что в тот год на Натальин день мать взяла четырехлетнюю Ташу в Москву.

В 1818 году у Гончаровых родился последний ребенок — Софья, скончавшаяся в том же году.

К этому времени на содержание семьи Афанасий Николаевич выдавал сыну приблизительно по 30 тысяч рублей в год, а также деньги для детей и на провизию, не считая того, что натурой доставлялось из деревни.

Разросшемуся семейству было тесно в старом доме. К 1820 году он был отремонтирован, а рядом выстроен новый, также деревянный, на каменном фундаменте. После пожара Москвы 1812 года почти вся Пречистенка была отстроена заново. Как выразился грибоедовский Скалозуб, «пожар способствовал ей много к украшенью». Новый гончаровский дом, одноэтажный, с двускатной кровлей и мезонином, деревянный, выходил на Большую Никитскую торцом в три окна. Справа от дома ворота прорезали длинный сплошной забор, отделявший от улицы двор с

хозяйственными службами, тянувшимися вдоль Скарятинского переулка и Малой Никитской улицы. Под мезонином располагалось крыльцо с навесом, по сторонам от него — соответственно три и шесть окон.

В этом доме и прошло все московское девичество Натальи Гончаровой. Известен всего один портрет, запечатлевший ее в возрасте 10–11 лет. Кто был его автором, неизвестно. Другие, карандашные, портреты всех детей Гончаровых находились некогда в Полотняном Заводе у Афанасия Николаевича. О них, скорее всего, и идет речь в его письмах внукам. Так, 1 ноября 1821 года он пишет в постскриптуме письма старшему внуку: «P. S. К пяти вашим милым рожицам не достает у меня Сережиной рожицы, то не худо бы тем же форматом мне ее доставить в карандаше и одного мастерства, а что будет стоить — я заплачу».

В следующем письме Афанасий Николаевич развивает тему портретов: «Письмо твое получил и мерачку к тем пяти портретам, кои я имею, при сем посылаю. Я желаю иметь в карандаше не для того, что дешевле, а потому, что уже пятерых имею и коллекция вся в рамках, то и нужно, чтоб и шестой был им одинакой и той же величины. Для чего и Денги за него 75 а<лтын> при сем тебе вълагаю. А рамки мне не нала, я зделаю дома одинакою с моими».

Особо пишет он о портрете Натальи, младшей и любимой внучки, копию с которого он сделал сам и послал ей: «Ташке скажи, что я с ейо портрета сам срисовал этот образчик, который у сего влагаю».

На позднейшей фотографии кабинета Афанасия Николаевича нетрудно усмотреть эти шесть портретов, расположенных в один ряд в «одинаких» рамках.

Пушкин, будучи в Полотняном Заводе, конечно же видел их, в том числе и портрет Натали. Во вторую болдинскую осень, разлученный с женой, Пушкин на листе с черновиками «Медного всадника» несколько раз рисует ее. Один из набросков представляет ее в образе девочки, какою поэт ее никогда не видел. Распознать, кто именно изображен на рисунке, было бы конечно же невозможно, если бы не нахождение его рядом с другими изображениями Натальи Николаевны, которые не вызывают никакого сомнения. Этот рисунок не только передает общее сходство с другими ее портретами, выполненными Пушкиным, но и сходен с единственным ее детским портретом. Хотя этот портрет представляет Натали в фас с легким поворотом вправо, а Пушкин изображает ее в профиль с поворотом влево, как выполнено большинство его портретных рисунков, он сумел по памяти воспроизвести ту же прическу: с челкой, разделенной

пробором.

Наталья Гончарова в детстве. А. С. Пушкин. 1833 г.

Наталья Ивановна и Наталья Николаевна Гончаровы. Рисунок А. С. Пушкина на листе с черновиком поэмы «Медный всадник». 1833 г.

Так что Пушкин дважды попытался представить себе Наталью Николаевну в ее детские годы. Позднее, уже супругами, они могли делиться друг с другом воспоминаниями своего московского детства — довоенного для Пушкина, послевоенного для Натальи Николаевны.

Московская барышня

Надежда Михайловна Еропкина, хорошо знавшая Наталью Гончарову той поры, вспоминала: «Натали еще девочкой-подростком отличалась редкой красотой. Вывозить ее стали очень рано, и она всегда окружена была роем поклонников и воздыхателей. Участвовала она и в прелестных живых картинах, поставленных у генерал-губернатора кн. Голицына, и вызывала всеобщее восхищение. Место первой красавицы Москвы осталось за нею».

Эта картина, конечно же написанная уже после гибели Пушкина и оттого учитывавшая произошедшую трагедию, тем не менее важна для нас, поскольку отражает взгляд человека, знавшего Наталью Гончарову с детства. То, как Еропкина описывает ее внешность, не могло быть навеяно ни портретами, которых она не знала, ни позднейшими встречами, о которых нам ничего не известно. Она передает воспоминания своей московской юности: «Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что всё в ней было так удивительно хорошо. Но для меня остается загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Все в ней самой и манере держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было „comme il faut“ — без всякой фальши».

При этом мемуаристка не находит объяснения этому феномену ни в родителях, ни в сестрах Гончаровых: «Сестры были красивы, но изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своем уме, никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько пренеприятна».

Свои рассуждения Еропкина заканчивает словами: «Поэтому Наталья Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленила ее необычайная красота и прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Имена по крайней мере четверых представителей «роя поклонников и воздыхателей» Натальи Гончаровой известны нам по позднейшим письмам Пушкина к жене. Главным содержанием одного из этих посланий оказывается шутливый рассказ Пушкина о Давыдове, ее «несчастном любовнике», как он его называет: «Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно. Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февр. 18 была свадьба на Никитской в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно

утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяз<емские> слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов, или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?» Рассказав анекдот о собственной его с Натальей Николаевной свадьбе, Пушкин переводит его в шутку упоминанием Петушкова и Буянова — гостей Лариных в пятой главе «Евгения Онегина». Буяновым ранее был назван герой поэмы его дядюшки-поэта Василия Львовича «Опасный сосед», отчего Пушкин зовет его в романе «Мой брат двоюродный Буянов».

До настоящего времени оставалось непроясненным, какой же это Давыдов. Указывался только инициал его имени — «В». По всей вероятности, речь шла о Владимире Петровиче Давыдове, родившемся в 1809 году, то есть бывшем на три года старше Натальи Гончаровой. Он был весьма состоятелен, а значит, по мнению московских матушек, в том числе и Натальи Ивановны, являлся завидным женихом. Только его юный возраст мог служить препятствием к браку, да и сам он тогда еще не стремился связать себя узами[20].

Пушкин поддразнивал Наталью Николаевну, упоминая ее былых поклонников Давыдова и Сорохтина, ставя их к тому же в один ряд с вымышленными литературными персонажами.

В 1832 году, когда Пушкин провожал траурный кортеж с телом умершего в Петербурге Афанасия Николаевича Гончарова, на другой день по приезде в Москву, 22 октября, он получил сразу три письма от Натальи Николаевны, в ответ на которые сообщил: «Здесь я живу смирно и порядочно; хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot». Выпив кофе, принесенного ему слугой Ипполитом, Пушкин продолжил писать жене, припомнив былого ее поклонника Давыдова: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие».

Другой поклонник Натальи Николаевны, Федор Фоминский — по выражению Пушкина, «студент дурак, твой обожатель», — поднес ему «роман *Теодор и Розалия,* в котором он описывает нашу историю». Полное его название — «Неведомые Теодор и Розалия, или Высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия». Этот роман в письмах вышел в 1832 году. Он посвящен «Ольге Львовне Турчаниновой, урожденной княжне Грузинской, и Александре

Николаевне Неведомой». Вероятно, под «Неведомой» автор скрыл Наталью Гончарову. В романе нет ничего общего с историей Пушкина и Натальи Николаевны, кроме описания венчания героев в церкви Вознесения с такими реальными подробностями, которые свидетельствуют о том, что Фоминский присутствовал на венчании Пушкина с Гончаровой. Есть в романе и прямое обращение к поэту: «Бесподобный автор Онегина! Ты превосходно изобразил Истомину, но живописующая кисть твоя должна упасть к ногам твоей богини». И далее дается описание наружности Розалии, сбивающееся на описание внешности Натальи Николаевны.

Давыдов, Фоминский, Сорохтин да Новомленский — вот имена былых поклонников Натальи Гончаровой времен ее московской юности. Ни от кого другого, кроме как от нее самой, Пушкин не мог их знать, и это свидетельствует о том, что между ними установились те доверительные отношения, которые исключали какие-то секреты в отношении их прошлой жизни. Впрочем, Пушкин, как мы знаем, был менее откровенен с женой, не желая вызывать ее ревность.

Лето 1828 года

В семействе Гончаровых фамилия Пушкиных была, как говорится, на слуху, и не только в связи со стихами дяди и племянника. Летом, когда Гончаровы выезжали в Ильицыно, одно из своих поместий в Зарайском уезде Рязанской губернии, Пушкины оказывались их соседями. Они издавна числились среди помещиков Зарайского уезда. Еще в 1690 году Петр Петрович Пушкин поменял свои ярославские земли на зарайские. Позднее, в XVIII веке, дед Пушкина Лев Александрович числится владельцем поместий Латыгори, Ананьина Пустошь, сел Саблино, Лобково и др. Упомянутые Латыгори и кроме них Чернятина Пустошь состояли даже в совместном владении Льва Александровича Пушкина и Афанасия Абрамовича Гончарова. Последний, скорее всего, и купил эти земли у деда Пушкина. Могли ли они предполагать, что их потомки породнятся? Хотя такого рода браки между соседями по имениям были в ту пору в порядке вещей, но Пушкин, как мы знаем, никогда не был в этих местах. Зато его отец неоднократно посещал их.

По соседству с гончаровскими поместьями расположены были земли Матвея Михайловича Сонцова, полученные им в качестве приданого за Елизаветой Львовной Пушкиной. Сонцовское имение Плуталово располагалось всего в двух верстах от гончаровского Ильицына. Сергей Львович не однажды гостил у

своей сестры в Плуталове и даже помянул одну из поездок в поместье шурина в письме П. А. Вяземскому от 2 августа 1837 года: «Любезнейший князь Петр Андреевич! Возвратясь из деревни Матвея Михайловича, я нашел письмо ваше…»

Ильицыно постоянно упоминается в письмах сестер Гончаровых. В детстве Наталью Гончарову часто возили туда. На одной из своих ученических тетрадок она аккуратно выводит: «Ильицыно». Лето не прерывало занятий, надо было выполнять домашние задания, за чем следили гувернантки, обучавшие барышень языкам и манерам. Сохранились некоторые тетради Натальи Гончаровой, исписанные ее аккуратным почерком: по географии, истории, русскому языку, литературе.

Лето 1828 года Наталья Гончарова провела с матерью, братьями и сестрами в Ильицыне, где сохранились старинный парк и церковь Ильи Пророка, выстроенная в XVIII веке[21]. Оттуда было отправлено трогательное письмо пятнадцатилетней Натальи Гончаровой деду Афанасию Николаевичу:

«Любезный Дединька!

Я воспользоваюсь случаем, дабы осведомиться о вашем здоровии и поблагодарить вас за милость, которую вы нам оказали, позволив нам провести лето в Ильицыно. Я очень жалею, любезный дединька, что не имею щастия провести с вами несколько времени, подобно Митиньки. Но в надежде скоро вас видеть, целую ваши ручки и остаюсь на всегда ваша покорная внучка

Наталья Гончарова.

Ильицыно, сего 17 июня 1828 года».

Для Пушкина же это последнее лето перед встречей с Натали, проведенное в Петербурге, было насыщено различными событиями и переживаниями, к числу которых относится прежде всего неудачное сватовство к двадцатилетней дочери Алексея Николаевича Оленина, президента Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки. После сватовства к Софье Пушкиной это была вторая попытка поэта устроить свою семейную жизнь. С Аннет Олениной связан цикл лирических стихотворений, который отразил всю гамму переживаний новой любви: ее взлеты и падения, надежды и разочарования.

Ряд произведений, связанных с именем Аннет Олениной, открывается стихотворением «To Dawe Esg-r.» («Зачем твой дивный карандаш»), созданным, вероятнее всего, экспромтом 9 мая 1828 года на борту пироскафа[22] в Финском заливе по пути из Петербурга в Кронштадт. Оно обращено к английскому художнику Джорджу Доу (1781–1829), автору портретов

генералов для Военной галереи Зимнего дворца, отбывавшему из России. В его проводах участвовал А. Н. Оленин с семейством, там же присутствовал и влюбленный поэт. Позднее Пушкин включил воспоминание об этом плавании в очерк «Участь моя решена, я женюсь», написанный во время напряженного ожидания ответа на сватовство уже к Наталье Гончаровой: «Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, — и уже вообразил себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся: морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — My native land, adieu[23]. Подле меня молодую женщину начинает тошнить; это придает ее бледному лицу выражение томной нежности… Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие».

Ухаживание Пушкина за Олениной стало предметом салонных пересудов, докатившихся и до Москвы. П. А. Вяземский в письме жене от 21 мая дал отчет о совершённой им вместе с Адамом Мицкевичем поездке в олонинскую усадьбу Приютино: «Там нашли мы и Пушкина с его любовными гримасами». Ситуация в целом напоминает сцену из романа «Арап Петра Великого», когда влюбленному Ибрагиму его приятель Корсаков говорит: «С твоим ли пылким, задумчивым и подозрительным характером, с твоим сплющенным носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?..»

В июле того же года Аннет Оленина начала писать роман, озаглавив его «Непоследовательность, или Надо прощать любви», где речь шла о Пушкине. Если нам ничего не известно о том, что думала о влюбленном в нее поэте Софья Пушкина, то Оленина высказалась вполне определенно: «Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лицо его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и неограниченное самолюбие — вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия». В этих словах звучит приговор света, слышится «свист Мефистофеля», который преследует поэта всю жизнь. Остается только радоваться за Пушкина, что родители Олениной отказали ему.

Этой любви сопутствовали другие — литературные — переживания: по поводу распространения запрещенных цензурой отрывков из «Андрея Шенье» и «богопротивной» поэмы «Гавриилиада». Сватовство явно не носило публичного, официального характера. Неопределенное политическое

положение Пушкина, недавно возвращенного из ссылки, к тому же не состоявшего на службе, литературные неприятности, установление над ним полицейского надзора — всё это вместе взятое предрешило неудачный исход сватовства. После того как Пушкину дали понять, что он нежелательный жених, наступило обострение его отношений с семейством Олениных. Оно отразилось в едких строфах черновиков восьмой главы «Евгения Онегина», где среди гостей на петербургском балу под именем Лизы Лосиной выводится Аннет Оленина:

Тут Лиза Лосина была
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива.
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

Говорить в сослагательном наклонении — дело неблагодарное; но женись Пушкин на Олениной или хотя бы получи он согласие на этот брак, покидать Петербург не было бы необходимости, а значит, он не оказался бы в Москве. Неудача с Олениной вела к встрече с Натальей Гончаровой.

Первая встреча

Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову в декабре 1828 года на балу в доме танцмейстера Иогеля. Но этой встречи могло не произойти, если бы не неудачное сватовство к Аннет Олениной. Получив отказ и отметив лицейскую годовщину, поэт в ночь на 20 октября уезжает в Тверскую губернию, в Малинники, в лоно семейства Прасковьи Александровны Осиповой. Для него этот побег из Петербурга был и лечением сердечных ран, и возвращением к воспоминаниям о годах михайловского изгнания, когда поэзия и тригорские обитатели спасительным образом воздействовали на него. Оказавшись среди тех, кто нашел отражение в деревенских главах «Евгения Онегина», Пушкин возвратился к роману: к 4 ноября был перебелен текст седьмой главы.

Дельвиг писал Пушкину 3 декабря: «Город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною, второй уверяет, что ты для материалов 7-ой песни отправился; третий утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; четвертый же догадывается, что ты

составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву».

Старицкая барышня Варвара Васильевна Черкашенинова на следующий день после встречи с Пушкиным сделала запись:

«Ноября 23 дня 1828 года. День назад я с Катей была в Малинниках… Собралось много барышень из соседних имений. Тут были сестры Ермолаевы, Катя Казнакова, Катя Вельяшева, Маша Борисова, Аня Вульф, Сушкова и другие. В центре этого общества находился Александр Сергеевич. Я не сводила с него глаз, пока сестра Катя не толкнула меня локтем: „Ты что глаза пялишь на него или влюбилась безумно?“ А ведь и верно: я полюбила своего поэтического кумира. Катя Казнакова спела два романса, все ей аплодировали, а Пушкин, хлопая в ладоши, восклицал: „Замечательно! Превосходно!“ Меня обуяла ревность: „Противная выскочка, подумаешь, диво какое, пропищала пару романсов и стала чуть ли не героем дня! Мы тоже не лыком шиты!“ И я решительно вышла на середину комнаты.

Когда я кончила петь, мне тоже громко аплодировали, мой же кумир, кончив хлопать, подошел ко мне и, восторженно смотря мне прямо в глаза, сказал: „Чудесно и бесподобно!“ Зардевшись, я ответила: „Я не певица, но Ваша похвала для меня весьма приятна“.

Сейчас двенадцатый час ночи, гости уехали. Продолжаю свою запись. После меня барышни начали просить Александра Сергеевича прочитать какое-нибудь свое новое стихотворение. Он, улыбаясь, отшучивался и говорил, что нового он ничего не написал. Тогда Аня Вульф (мне кажется, что она влюблена в него) попросила прочитать хотя бы экспромт.

— Экспромт, но о чем же? — спросил Пушкин.

— Ну, хотя бы выразите свое заветное желание.

Пушкин немного задумался, потом, тряхнув вьющимися кудрями, громко продекламировал:

Теперь одно мое желанье,
Одна мечта владеет мной.
У ног любимого созданья
Найти и счастье и покой.

Мы в восхищении восторженно разом воскликнули: „Браво! Браво!“ Этот экспромт перепишу крупными буквами на хорошую бумагу и помещу в рамку. Счастливый радостный день».

Ни к одной из тверских барышень не могли относиться эти стихи, выражавшие внутреннее устремление, обострившееся после очередного неудачного сватовства. Они были обращены к еще неведомому идеалу.

С 4 на 5 декабря Пушкин выехал из Малинников в Москву — как оказалось, навстречу своей судьбе. Он приезжает в Москву с седьмой главой «Онегина», то есть вместе с Татьяной «на ярманку невест». Именно зимой, на Рождество, Москва, славившаяся своими невестами, устраивала им смотрины, на которые съезжались дворяне со всех российских губерний себя показать и других посмотреть.

В самом конце декабря 1828 года на одном из детских балов, которые ежегодно давал на Рождество для своих учеников и учениц танцмейстер Петр Андреевич Иогель. Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову. В детстве Пушкина также водили на бывшие в ту пору знаменитыми детские балы к Иогелю, «переучившему столько поколений в Москве». О первой встрече Пушкина и Натали мы знаем со слов ее подруги, княгини Екатерины Алексеевны Долгоруковой, урожденной Малиновской, дочери директора Московского архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского: «Увидел он ее в первый раз у Иогеля на балу около 1826». Как видим, рассказчица, будучи на год старше Гончаровой, вспоминая детские балы уже в старости и связывая их с собственным четырнадцати-пятнадцатилетием, ошиблась годом. Наталье тогда исполнилось 16 лет, а в этом возрасте барышень начинали вывозить на «большие» балы. Зима 1828/29 года стала для нее первым светским сезоном. Бал у Иогеля был одним из многих, устраиваемых на Рождественской неделе. Знаменитый танцмейстер приглашал на него не только тогдашних, но и прежних своих учеников. Пушкин, также бывший его учеником, посетил этот бал, следуя убеждению, выраженному им в тот год в стихах, посвященных Аннет Олениной:

> Лишь юности и красоты
> Поклонником быть должен гений.

Иогель устраивал балы в разных московских домах, на этот раз — у Кологривовых на Тверском бульваре[24]. Танцмейстеру было в ту пору уже 60 лет, но он был все еще легок, как юноша. Л. Н. Толстой, который как раз в тот год появился на свет 28 августа, на следующий день после шестнадцатилетия Натальи Гончаровой, явно с учетом ее первой встречи с Пушкиным писал в «Войне и мире»: «Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки: был, как пух летающий, по правилам искусства расшаркивающийся добродушный Иогель, который принимал билетики за уроки от всех своих гостей; было то, что на эти балы еще езжали только те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцати- и четырнадцатилетние девочки, в

первый раз надевающие длинные платья. Все, за редкими исключениями, были или казались хорошенькими: так восторженно они все улыбались и так разгорались их глазки. Иногда танцевали даже pas de châle лучшие ученицы, из которых лучшая была Наташа, отличавшаяся своей грациозностью…»

До нас дошло совсем немного рассказов о первой встрече Пушкина с Гончаровой, да и те оставлены не очевидцами, а переданы с чужих слов. Так, сын князя П. А. Вяземского Павел, в описываемую пору бывший восьмилетним мальчиком, писал позднее: «Пушкин поражен был красотою Н. Н. Гончаровой с зимы 1828–1829 годов. Он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог потрепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество… Холостая жизнь и несоответствующее летам положение в свете надоели Пушкину с зимы 1828–1829 г. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 г.».

А. П. Арапова, дочь Натальи Николаевны от второго брака, в своих воспоминаниях писала в свойственной ей манере, расцвечивая рассказанное матерью: «Нат. Ник. Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Ал. Сер. не мог оторвать от нее глаз. Слава его уж тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению, не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта».

Сам Пушкин писал позднее теше Наталье Ивановне: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась».

На Святках, когда Пушкин впервые встретил Наталью Гончарову, произошедшие в нем перемены не прошли не замеченными для окружающих. Первым обратил внимание на необычное поведение друга Вяземский, 9 января сообщивший жене: «Пушкин на днях уехал. Он все время собирался написать к тебе письмо вроде разговора у камина при каштанах или моченых яблоках. Он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею

объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том и другом месте видел я его редко, но видел с теми и другими, и всё не узнавал прежнего Пушкина». Написано это было тогда, когда Пушкин вновь убыл в тверские края, как, вероятно, обещал Прасковье Александровне Осиповой. Она с семейством еще на Рождество переехала из деревни в ближайший уездный город.

«В Крещенье приехал к нам в Старицу Пушкин.<…> Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском», — записал в дневнике сын Осиповой Алексей Николаевич Вульф, который к тому времени прибыл на праздники в Тверскую губернию. Именовавший себя «Тверским Ловеласом», а Пушкина «Санктпетербургским Вальмоном»[25], теперь, приехав в Старицу, он не узнавал своего любвеобильного приятеля. Весело проводя праздники в кругу старицких барышень, Пушкин уделял внимание всем, но никому в особенности. «Все барышни были от него без ума», — рассказывала позднее Екатерина Евграфовна Синицына, тогда еще Смирнова, дочь берновского священника. Она впервые увидела Пушкина в Старице на балу у тамошнего исправника В. И. Вельяшева. Уже в Павловском, когда шли к обеду, Пушкин предложил одну руку Смирновой, а другую Евпраксии Николаевне Вульф. Ее мать Прасковья Александровна явно была недовольна тем, что Пушкин, как она выразилась, «какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». За обедом, сидя между двумя барышнями, он с «одинаковою ласковостью» угощал обеих, а когда начались танцы, танцевал с ними по очереди. Дошло до того, что Осипова рассердилась и уехала, а Евпраксия ходила с заплаканными глазами. В те дни Евпраксия и ее мать, кажется, потеряли надежду на осуществление своих матримониальных планов в отношении Пушкина. Впрочем, Евпраксия выйдет замуж только после его женитьбы на Наталье Николаевне.

Та же поповна, чуть ли не первая и единственная из тех, кто описывал внешность поэта, заметила, что он был красив: «…рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами, и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее». Влюбленность, казалось, преобразила Пушкина, он сиял.

На обратном пути в Петербург Пушкин, возвращавшийся вместе с Алексеем Вульфом, в разговорах с ним все чаще сворачивал на тему, тогда особенно его волновавшую. Уже по прибытии в столицу, в самый день приезда, 18 января, Вульф,

остановившийся у Пушкина в гостинице Демута, записал в дневнике: «На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и пр. Пушкин говорит очень хорошо; пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы; но эти самые качества причиною, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщин он знает как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим умом он приобретает благосклонность оного».

Глава третья. «ЯРМАНКА НЕВЕСТ»

Я верю: я любим; для сердца
нужно верить.
Нет, милая моя не может
лицемерить…

А. С. Пушкин

«Неприступный Карс»

Время, когда Пушкин стал всерьез задумываться о том, чтобы жениться и завести семью, совпало с окончанием его михайловской ссылки. 5 сентября 1826 года, вызванный Николаем I, он оказался в Москве, которую не видел с 1811 года. В седьмой главе «Евгения Онегина» поэт передает свое ощущение от встречи с Москвой:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва… как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Пушкин увидел Первопрестольную уже обновленной после пожара 1812 года и как бы помолодевшей, отчего даже заметил шутя, что «московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц».

Поэт был доставлен в старую столицу в разгар коронационных торжеств. Москву тех дней описал Сергей Тимофеевич Аксаков, приехавший тогда же из деревни. «Москва, еще полная гостей, съехавшихся на коронацию из целой России, Петербурга и Европы, страшно гудела в тишине темной ночи, охватившей ее сорокаверстный Камер-коллежский вал. Десятки тысяч экипажей, скачущих по мостовым, крик и говор еще не спящего четыресоттысячного населения производили такой

полный хор звуков, который нельзя передать никакими словами. Это было что-то похожее на отдаленные, беспрерывные громовые раскаты, на шум падающей воды, на стукотню мельниц, на гудение множества исполинских жерновов».

Пушкин же выразил свои впечатления в письме хозяйке Тригорского П. А. Осиповой, с которой, внезапно покинув Михайловское, даже не успел проститься: «Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели. — Сегодня 15-го сент. у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле: пироги заготовлены саженями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот злоба дня». Празднество состоялось 16 сентября, и Пушкин присутствовал на нем. Где-то здесь же были в числе зрителей и Гончаровы, но они еще не были знакомы с поэтом.

Пушкин пережил два неудачных сватовства (к Софье Пушкиной и Аннет Олениной), прежде чем, наконец, встретил ту, с которой соединил свою жизнь. После того как он в первый раз увидел Наталью Гончарову, он смог прожить в Петербурге меньше двух месяцев. Его так тянуло в Москву, что, собравшись без разрешения властей отправиться на Кавказ, он намеревался задержаться в старой столице. 4 марта без особого спроса, на основании одного лишь свидетельства частного пристава он получает подорожную на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно с заездом в Москву. Незадолго до отъезда поэт пишет стихотворение, подведшее итог его отношениям с Аннет Олениной, — «Я вас любил…». Теперь для него эта любовь была обозначена прошедшим временем. В то же время в периодике и частной переписке живо обсуждается первая напечатанная проза Пушкина — вышедшая к Святкам в альманахе «Северные цветы на 1829 год» четвертая глава исторического романа «Арап Петра Великого», в которой сам царь приезжает в дом боярина Ржевского сватать его дочь Наталью за своего крестника Ибрагима. Представляется, что отнюдь не случайно именно эту главу напечатал Пушкин, а в расчете на то, что она будет прочтена в доме Гончаровых. В ней старый князь Лыков, поклонник старинного уклада, говорит: «Из всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости Господи), царской арап всех более на человека походит». Ему вторит сам хозяин, Гаврила Афанасьевич Ржевский: «Конечно, человек он степенный и порядочный, не чета ветрогону…» Не успел он договорить, как на

двор въехал сам царь… Следующая глава, в которой все в доме Ржевских, в том числе и Наталья, узнают о сватовстве, будет напечатана только после смерти Пушкина. Пока же ему предстояло узнать, как его самого воспримут в доме Гончаровых.

Поэт снова прибыл в Москву 14 марта 1829 года. Был Великий пост, когда балов не давали, и встретить Гончаровых он мог только на концертах в общественных местах. Спустя пять дней, 19 марта, в зале Благородного собрания на концерте виолончелиста Карла Марку и певца П. А. Булахова, которым дирижировал капельмейстер А. Морини, он встретился с сестрами Гончаровыми — Натальей и Александрой. Через неделю произошла новая встреча с Натальей, опять же на музыкальном вечере в Благородном собрании, где пели супруги Лавровы, Булахов, Сальвати и дирижировал Морини. Интересно отметить, что запись в «Визитерской книге» 19 марта гласит: «1. Наталья Николаевна Гончарова». Она еще не являлась членом Благородного собрания, и билет ей брала Александра, которая, как и Екатерина, уже состояла в нем. То, что Наталья Николаевна прибыла первой, говорит о том, что ей хотелось приехать пораньше, возможно, в надежде до начала концерта поговорить с Пушкиным. Но он прибыл позднее — был записан 35-м. Скорее всего, на этом концерте они договорились о новой встрече здесь же через неделю.

Наталья Николаевна и Пушкин вновь встретились 26 марта в Благородном собрании на концерте певцов супругов Лавровых и того же Булахова, а также Сальвати и Гильлома. Дирижировал опять Морини. Наталья Николаевна записана в визитерской книге под третьим номером, а Пушкин под 41-м, причем единственный раз полностью с именем и отчеством, так что нет никаких сомнений в том, что это именно он, а не какой-то его московский однофамилец.

В начале апреля Ф. И. Толстой официально представил Пушкина Гончаровым. Он получил приглашение бывать у них в доме и стал пользоваться им довольно часто, хотя и был весьма застенчив, как заметили домашние, прежде всего младший брат Натали Сергей. Перед тем как сделать формальное предложение, Пушкин просил жену директора московского архива Министерства иностранных дел Анну Петровну Малиновскую переговорить с Натальей Ивановной. Малиновские, давние друзья и Пушкиных, и Гончаровых, жили в ту пору на Мясницкой, знаменитой московской улице, которую поминает Пушкин в «Дорожных жалобах», написанных год спустя:

То ли дело быть на месте,

По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

Шестнадцатого апреля на балу в Благородном собрании, первом на Святой неделе, были и Пушкин, и Гончаровы. В «Визитерской книге» отмечена, опять же первой, Наталья Николаевна, а под номером 82 — Пушкин. Пост кончился — теперь они могли и танцевать, и объясниться: «Верней нет места для признаний…»

По городу же в это время поползли слухи, что Пушкин ухаживает за Екатериной Ушаковой. Они казались тем более справедливыми, что поэт, собрав предосудительные сведения о ее женихе князе А. И. Долгорукове и предоставив их отцу невесты, добился расстройства этой свадьбы. Пушкин явно не хотел компрометировать Наталью Николаевну, но вместе с тем поддерживал в ней чувство ревности. Так, пользуясь старым как мир приемом всех влюбленных, Пушкин старался достичь своей цели: заставить Наталью Николаевну полюбить его.

Сам поэт тогда никого не разуверял относительно поползших по Москве и дошедших до провинции слухов, однако позднее рассказывал, что он каждый день ездил на Пресню, где жили Ушаковы, чтобы дважды в день проезжать мимо окон Натальи Гончаровой. Чуть позднее, в явно автобиографическом очерке «Участь моя решена, я женюсь…», Пушкин, описывая от первого лица день еще холостого героя, говорит: «Утром встаю когда хочу, принимаю кого хочу, вздумаю гулять — мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепиано, подле нее ремесленник музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо, учитель ее бранит, я шагом еду мимо…» Так повторяется день за днем: «На другой день опять еду верхом переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепиано. Она твердит на фортепиано вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась». Конечно же барышне из приличной семьи не пристало отвечать на подобные знаки внимания, но Наталья Гончарова не могла не заметить их и не оценить. Вряд ли он решился бы свататься, если бы не был уверен в ответном чувстве.

В самый канун собственного сватовства он получает письмо от неудачливого поклонника Елизаветы Ушаковой Александра Лаптева, в котором тот рассказывает Пушкину о своем сватовстве,

просит содействия и делится планами тайного ее увоза. В альбоме Ушаковых Пушкин рисует могилу Лаптева с пародийной эпитафией:

Пленился он смазливой рожей,
Он умер, мы умрем,
И вы умрете тоже,
† Лаптев †
et son amante ne vint pas!!![26]

Лаптев писал Пушкину: «Известно ли ей, что она не только мне предназначена, но действительно предопределена судьбой и что все мои испытания, через которые меня заставляют пройти, являются бесполезными предосторожностями?» Как бы иронически ни относился Пушкин к своему корреспонденту, но эти слова не могли не найти отклика в его собственной душе.

«Пусть она торопится сделать выбор и устроить свою жизнь, — продолжал Лаптев, — молодость и миловидность улетучиваются, как утренняя роса». А уж последующие слова и вовсе соответствовали положению самого влюбленного поэта: «Сладость-любить, несомненно, больше сладости быть любимым, вот почему, наверно, нам обоим предписали воздержание, так как старшие знают, что болезнь эта заразительна. Увы! Вот почему меня отлучают от ее присутствия». Кажется, от Ушаковой Пушкина никто не отлучал, другое дело — от Гончаровой. Лаптев явно в курсе сердечных дел своего адресата, он ощущает схожесть ситуаций и продолжает: «Я старше, и мне стыдно, что я дал превзойти себя в здравом смысле и в сдержанности семнадцатилетней девушке. Вот и попробуйте после этого сказать, что молодые особы — это не те, на которых можно больше всего полагаться. Какая перспектива спокойствия и блаженства открывается счастливому смертному, которому отец отдаст ее руку».

Пушкин также готов жизнь отдать за свою любовь, о чем он вскоре сам напишет Наталье Ивановне, а пока он читает романтически-возвышенные слова Лаптева: «Пусть сотрется из памяти все происшедшее, пусть начнется новая эра, пусть будут уверены, что если мне доверят ее на продолжительное путешествие, я буду охранять ее как зеницу ока; для того чтобы лучше защищать ее, я немедленно начну заново обучаться владению оружием, будучи уверен, что она и сама примет в этом деятельное участие и не позволит захватить себя живьем, когда случится, что я отобью удары, которые будут ей предназначены, и что скорее увидят меня пренебрегшим тысячей смертей, чем

уступившим ее». Заканчивается письмо словами: «…пора кончить это дело».

На следующий день, 30 апреля, Пушкин через графа Ф. И. Толстого просит руки Натальи Гончаровой, но получает неопределенный ответ. Ее мать отложила решение, ссылаясь на молодость дочери.

Первого мая Пушкин пишет Наталье Ивановне: «На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца, больного и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью…»

(Позднее, обращаясь памятью к тем дням, он писал ей же: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад».)

Тогда же, не дожидаясь ответа, в ночь с 1 на 2 мая Пушкин покидает Москву — уезжает на Кавказ. Позднее он объяснит Наталье Ивановне, какими чувствами был тогда обуреваем: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ при всей его неопределенности на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? Клянусь вам, не знаю, но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастию, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние».

Душевное состояние, как всегда, найдет себе выход в стихах. 15 мая в Георгиевске был написан первый вариант стихотворения «На холмах Грузии», в котором лирическому герою вспоминается прежняя любовь, как автору — первая встреча с Марией Раевской 15 мая 1820 года: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь…» Но в окончательном варианте ей уже нет места:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

В таком виде стихотворение было впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1831 год», вышедшем в самом конце 1830 года в Петербурге. Летом 1830 года княгиня В. Ф. Вяземская переслала это стихотворение уехавшей вслед за мужем-декабристом в Сибирь княгине М. Н. Волконской, сообщив со слов Пушкина, что оно обращено к его невесте Наталье Николаевне Гончаровой. Мария Николаевна явно с этим согласилась и не упоминала его в своих «Записках» в числе стихов, адресованных ей. Образы прошлого, вызванные лирическим обращением к минувшему, сливаются в стихах поэта с образом Натальи Гончаровой, ощущением новой любви.

Во время пребывания на Кавказе Пушкин отметил свое тридцатилетие. Осенью 1828 года, еще в Петербурге, он беседовал с К. А. Полевым в гостинице Демута. Тот, говоря о нем самом, произнес его стих: «Ужель мне точно тридцать лет?» Поэт тотчас возразил: «Нет, нет! У меня сказано: „Ужель мне скоро тридцать лет?“ Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью».

За стаканом вина в доме городничего селения Душет майора Ягулова поэт встретил свой юбилей. Следующий день рождения он отмечал уже в Полотняном Заводе, во время визита к Афанасию Николаевичу Гончарову, деду Натальи Николаевны, в хлопотах о предстоящей женитьбе.

Путешествие Пушкина на Кавказ оказалось сродни средневековым странствиям рыцарей во имя прекрасных дам. В написанном в ту пору стихотворении, в одном из автографов названном «Легенда», этот образ нашел отражение:

Жил на свете рыцарь бедный[27],
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом светлый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму.
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,

Он на женщин не смотрел.
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Он себе на шею четки
Вместо шарфа повязал
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
A. M. D. своею кровью
Начертал он на щите.
И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,
Lumen coeli, santa Rosa!
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.
Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен,
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.

А стихотворение «Поедем, я готов…» того же 1829 года с биографически обусловленной в нем темой путешествия и мучительной любви к Гончаровой тонкими ассоциативными нитями связано со стихотворением «Легенда».

Одним из атрибутов странствий влюбленных рыцарей становились временные увлечения сарацинками. Своеобразной пародией на такой роман в «Путешествии в Арзрум» оказывается встреча с калмычкой, поэтически преображенная в написанном тогда же стихотворении, где явно слышится перекличка с собственной ситуацией и воспоминание об оставленной Москве:

Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,

Когда нет мыслей в голове,
Не распеваешь: Ma dov'è,
Галоп не прыгаешь в собранье…

Последний стих с многоточием явно навеян воспоминанием о балах в Благородном собрании, где Пушкин наблюдал, как танцует Натали.

Поэт вернулся в Москву 20 сентября и остановился в гостинице «Англия». Первый визит он наносит Гончаровым, застав их за утренним чаем. Сидевшее за столом семейство услышало сначала стук в передней; затем в примыкавшую к ней столовую влетела галоша, предупредившая появление самого Пушкина. Первым делом он справился о Наталье Николаевне, которой не было за завтраком. За нею послали, но она не решилась выйти без разрешения матери, которая еще спала. Доложили Наталье Ивановне, и та приняла Пушкина, не вставая с постели.

Именно в письме к ней Пушкин позднее передаст впечатление от этого приема в доме Гончаровых: «Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с каким приняла меня м-ль Натали… У меня не хватило мужества объясниться — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери».

Как Пушкин понял, до Натальи Ивановны дошли новые сплетни о нем. Ей могли попасться на глаза некоторые его стихи — вроде тех, что были напечатаны в альманахе М. А. Бестужева-Рюмина «Северная звезда» в июле 1829 года, когда сам Пушкин был на Кавказе, и среди них стихотворение «Она мила, скажу меж нами». Появление его в период пушкинского сватовства к Наталье Гончаровой было нежелательно. В сентябре, по возвращении с Кавказа, Пушкин набрасывает заметку в жанре «письма в редакцию», начав ее словами: «Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе». Ниже текста он рисует профиль Натальи Николаевны. Это одно из первых ее изображений, выполненных Пушкиным. По ассоциации с написанным в заметке Пушкин вспоминает историю с самовольной публикацией в 1827 году другого своего стихотворения — «Фавн и Пастушка», — предпринятой издателем Федоровым.

В «Северных цветах на 1829 год» с ведома Пушкина О. М. Сомов в «Обзоре российской словесности за 1828 год» рассуждает о стихотворениях, «которые написаны были в молодости поэтами, впоследствии прекрасно загладившими сии грехи литературные», и «которые, может быть, с умыслом были утаены». В частности, он приводит в пример «Фавна и Пастушку» — «стихотворение, от которого поэт наш сам отказывается, и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой. <…> Выпускать в свет ранние, недозрелые попытки живых писателей против их желания — непростительно».

Решив и вовсе отказаться от авторства «Фавна и Пастушки», Пушкин в статье «Опровержение на критики» (1830) пишет: «В альм<анахе>, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на П<анае>ва». На самом деле авторство Пушкина в данном случае не вызывает сомнений.

Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек,
Он гонится за ней —
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой.
Пастушка робко дышит,
К реке летя стрелой.
Бег Фавна за собой
Все ближе, ближе слышит.
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья…

Отречение Пушкина от пропущенного бдительной цензурой «Фавна и Пастушки», эротизм которого навеян «Картинами» и «Превращениями Венеры» Э. Д. Парни, объясняется опасением реакции со стороны Натальи Ивановны. Теми же соображениями, но уже скорее в адрес самой Натали Гончаровой, руководствовался Пушкин в отношении стихотворений, опубликованных Бестужевым-Рюминым, и прежде всего того из них, что воспевало глаза Олениной. Лучшее тому доказательство

— появление на листе с текстом заметки портрета Натальи Николаевны. Природа пушкинских рисунков, перекликающихся с текстами, которые они сопровождают, проявилась в данном случае самым наглядным образом. Следует заметить, что в первый раз Пушкин отказывается от «Фавна и Пастушки» после того, как его холодно приняла Наталья Ивановна. Во второй раз он обращается к той же теме, вновь отказываясь от «Фавна и Пастушки» и вспоминая публикацию Бестужева-Рюмина, после нового охлаждения отношений с будущей тещей после возвращения из Арзрума.

Наталья Ивановна Гончарова — «Маминька Карса». Рисунок А. С. Пушкина в «Ушаковском альбоме». 1829 г.

Наталья Гончарова с веером. Рисунок А. С. Пушкина в «Ушаковском альбоме». 1829 г.

Наглядным отражением отношений Пушкина с домом Гончаровых станут и другие его рисунки, уже не в рабочих тетрадях, предназначенных только для самого себя, но в так называемом «Ушаковском альбоме», перелистать который мог если не любой желающий, то всякий, кому это позволит его хозяйка. В начале октября в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой шутливо обозначены Наталья Гончарова — именем «Карс» и Наталья Ивановна — «Маминька Карса». Пушкин всего

один раз употребил подобное сравнение в письме С. Д. Киселеву от 15 ноября 1829 года: «Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hotel d'Angleterre мимо Карса? По крайней мере мочи нет — хочется». И именно семейное предание Киселевых дает объяснение этому прозвищу: Пушкин именует Наталью Гончарову по названию неприступной турецкой крепости и рисует ее в ушаковском альбоме с подписью «Карс». На одном из рисунков она представлена спиной в пестром платье, со шляпкой на голове и с веером в руках, на котором написан первый стих католического гимна: «Stabat Mater dolorosa»[28]. Под рисунком уже рукой одной из барышень Ушаковых подписано: «О горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!» «Маминька Карса» столь долго держала Пушкина на расстоянии, подвергая его испытанию, что он в том же Ушаковском альбоме изобразил себя в монашеской рясе с клобуком на голове.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин описывает свои впечатления от Карса, к которому так стремился и которого достиг к вечеру 12 июня 1829 года: «Я ехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющий на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс!* И пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучаясь беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе».

На другой день Пушкин уже знакомился с взятой русскими войсками крепостью: «Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом».

«Карс»-Натали и «матушка Карса» казались неприступными, в чем пришлось в очередной раз убедиться Пушкину, вернувшемуся с Кавказа.

Дон-Жуанский список Пушкина

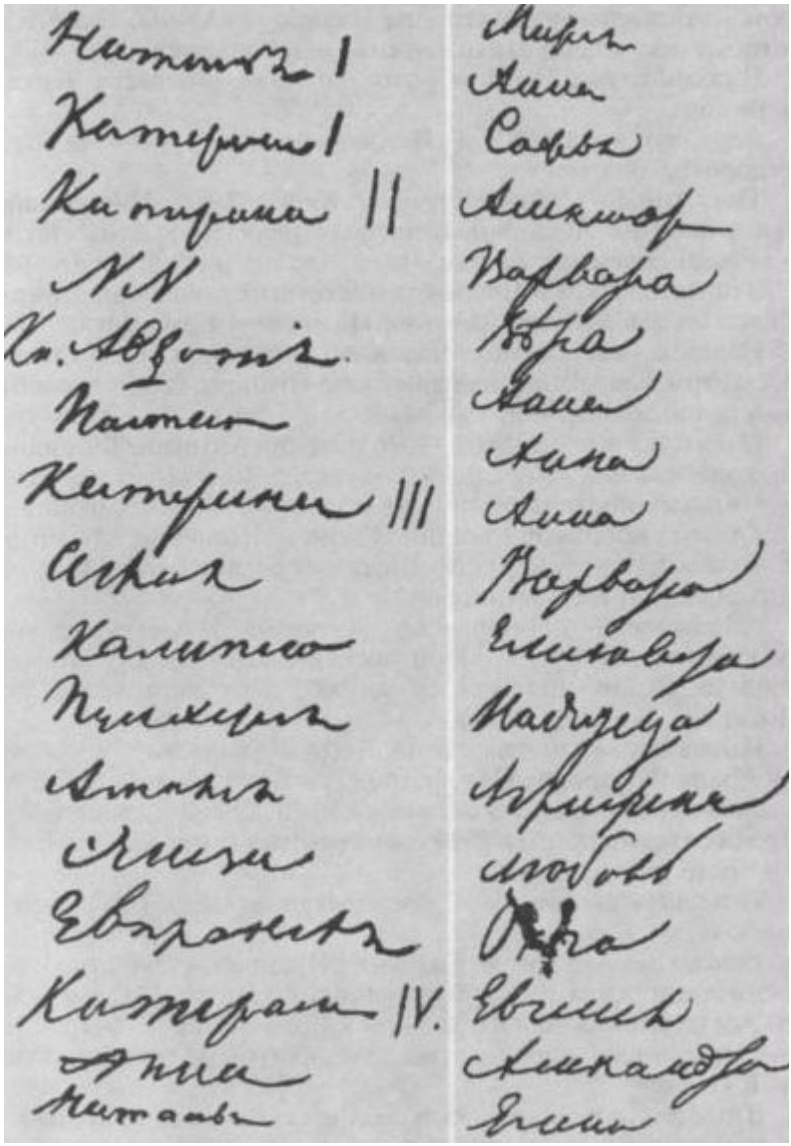
Зимой 1829/30 года, будучи в Москве после поездки в Арзрум, Пушкин записал в альбом Елизаветы Ушаковой свой так называемый Дон-Жуанский список. Точнее, это даже два списка, первый из которых включает имена тех женщин, которых всерьез любил поэт, в отношении второго до сих пор не существует убедительного суждения. Первый список открывает и замыкает имя Наталья.

«Mon manage avec Natalie (qui par parenthese est mon cent-treizieme amour) est decide»[29], — известил Пушкин княгиню Вяземскую в конце апреля 1830 года, незадолго до помолвки. Признавался также: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал. Все они изрядно надо мной

посмеялись; все за одним-единственным исключением, кокетничали со мной».

Первый список включал 16 имен:

Наталья I
Катерина I
Катерина II
NN
Кн. Авдотья
Настасья
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пулхерия
Амалия
Элиза
Евпраксея
Катерина IV
Анна
Наталья.



Дон-Жуанский список Пушкина. «Ушаковский альбом». 1829 г.

Наталья I, как мы помним, — это графиня Наталья Кочубей, хотя с этим именем связываются также увлечения и крепостной актрисой, и горничной княжны Волконской. Однако все остальные перечисленные в нем дамы были из того же круга, к которому принадлежал и Пушкин.

Катерина I — это, несомненно, Екатерина Павловна Бакунина.

Катерина II, по мнению П. К. Губера, опубликовавшего и

прокомментировавшего в специальном издании Дон-Жуанский список Пушкина, — это Екатерина Семенова, великая трагическая актриса.

Так называемой «утаенной любовью» Пушкина, обозначенной инициалами NN, некоторые современные исследователи стали считать императрицу Елизавету Алексеевну. В частности, японский пушкинист Кайдзи Касама с ее именем связывает набросок ненаписанного стихотворения «Prologue» («Я посетил твою могилу…»): «Тайная возлюбленная женщина умерла, и через несколько лет после долгого отсутствия герой стоит перед ее могилой». Однако в этом построении концы явно не сходятся с концами. Сам автограф не имеет даты, и его традиционно относят к 1835–1836 годам, а не к 1827-му; Елизавета Алексеевна похоронена в Петропавловском соборе, а в стихотворении явно ощутимо тесное петербургское кладбище: «Я посетил твою могилу — но там тесно; les morts m'en distrait<en>t („мертвецы меня отвлекали“) — теперь иду на поклонение в Ц.<арское> С.<ело> и в Баб<олово>». Далее вспоминаются «(Грей) лицейские игры, наши уроки… Дельвиг и Кюхель<бекер>, поэзия…». Очевидно, речь идет о могиле не императрицы, а лицейского товарища-поэта барона Дельвига. Таким образом, единственное стихотворение Пушкина, которое можно связать с Елизаветой Алексеевной (оно было записано в ее альбом), не дает никаких оснований для того, чтобы говорить об «утаенной любви». Вычитать в нем, помимо политических упований, можно разве сочувствие к ней и ее судьбе:

> …признаюсь, под Геликоном,
> Где Касталийский ток шумел,
> Я, вдохновленный Аполлоном,
> Елизавету втайне пел.

В отношении «кн. Авдотьи» ни у кого нет сомнений в том, что так обозначена княгиня Евдокия Ивановна Голицына.

До сих пор не проясненной в этом списке оказывается лишь некая Настасья.

Катерина III дружно идентифицируется исследователями с Екатериной Раевской, в замужестве Орловой. Представление о ней лучше всего дает письмо Пушкина Вяземскому из Михайловского той поры, когда он писал «Бориса Годунова»: «… моя Марина славная баба, настоящая Катерина Орлова!» Не случайно в семейном альбоме Раевских она, властвовавшая над супругом, шутливо изображена с пучком розог в руках.

Нет колебаний и в отношении Аглаи: так звали супругу

Александра Львовича Давыдова — Аглая Антоновна, урожденная герцогиня де Граммон. Как писал ее родственник, знаменитый поэт-гусар Денис Давыдов, «от главнокомандующих до корнетов все жило и ликовало в Каменке, но главное — умирало у ног прелестной Аглаи».

Я вами точно был пленен,
К тому же скука… муж ревнивый…
Я притворился, что влюблен,
Вы притворились, что стыдливы.
Мы поклялись, потом… увы!
Потом забыли клятву нашу,
Себе гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.

Многочисленные кишиневские романы представлены в Дон-Жуанском списке именами гречанки Калипсо Полихрони, некогда бывшей возлюбленной Байрона, и румынкой Пульхерией, дочерью боярина Варфоломея. Вспоминали, что многие добивались ее руки, но «едва желающий быть нареченным приступал к исканию сердца — все вступления к изъяснению чувств и желаний Пульхерица прерывала: „Ah, quel vous êtes!..“[30]».

Следующее имя в списке переносит нас уже к одесскому периоду жизни Пушкина, когда он был влюблен в Амалию Ризнич. По словам ее мужа, богатого негоцианта Ивана Ризнича, она была к Пушкину вполне равнодушна. Так это было или нет, сказать трудно — мужья склонны обманываться; но то, что кокетство ее было безмерно, очевидно, и ревность Пушкина отравила эту любовь. Даже когда чувство угасло, да и сам его объект перешел в мир иной, Пушкин в шестой главе «Онегина» припоминал:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным.

Ревность окрасила собой и другое чувство поэта, вызвавшее всего больше откликов и породившее многочисленные легенды: к Элизе, как обозначена в Дон-Жуанском списке графиня Елизавета

Ксаверьевна Воронцова.

Евпраксия Николаевна Вульф следует в списке за Элизой, но чувство к этой юной деревенской барышне носит совершенно иной характер. Шутливая влюбленность кажется лекарством от любви к женам одесского негоцианта и новороссийского губернатора:

> Зизи, кристалл души моей,
> Предмет стихов моих невинных,
> Любви приманчивый фиал
> Ты, от кого я пьян бывал.

Катерина IV — вероятнее всего, Екатерина Ушакова, хотя, возможно, и Катенька Вельяшева.

В старшей сестре Евпраксии, Анне Николаевне Вульф, или ее кузине Анне Петровне Керн некоторые пушкинисты видят Анну из первой половины Дон-Жуанского списка. Но скорее их нужно видеть во второй половине списка, а предпоследней в первой половине считать Аннет Оленину. Она во всех смыслах предшествует Наталье, которая замыкает его.

Что касается двадцати одного имени второй половины списка, то относительно их принадлежности у комментаторов и вовсе нет согласия:

> Мария
> Анна
> Софья
> Александра
> Варвара
> Вера
> Анна
> Анна
> Анна
> Варвара
> Елизавета
> Надежда
> Аграфена
> Любовь
> Ольга
> Евгения
> Александра
> Елена
> Елена
> Татьяна

Марией может быть и княгиня Мария Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова, внучка полководца, которой посвящено стихотворение 1823 года «Давно об ней воспоминанье», и графиня Мария Александровна Мусина-Пушкина, урожденная княжна Урусова, которой адресовано стихотворение «Кто знает край, где небо блещет».

Не вызывают споров Софья — Софья Федоровна Пушкина и Александра — Александра Ивановна (Алина) Осипова, которой посвящено стихотворение «Признание».

В таком случае Варвара — это, возможно, Варвара Черкашенинова.

Вера, как полагала Т. Г. Цявловская, — это княгиня Вера Федоровна Вяземская.

Три Анны — Анна Петровна Керн, Анна Николаевна Вульф и Анна Ивановна Вульф, их тверская кузина Нетти («За Netti сердцем я летаю…»).

Вторая Варвара и Елизавета — сестры Ермолаевы, дочери старицкого помещика Дмитрия Ивановича Ермолаева.

Надежда — вероятно, Надежда Борисовна Святополк-Четвертинская, вспоминавшая, как Пушкин бывал у них в доме и танцевал с ней.

И конечно же Аграфена — это графиня Аграфена Федоровна Закревская.

Никаких предположений не существует лишь в отношении имен Любовь и Евгения. Расположенная между ними Ольга соотносится с крепостною любовью поэта — Ольгой Михайловной Калашниковой.

Александра — по-видимому, Александра Александровна Римская-Корсакова, которой посвящены стихи LII строфы седьмой главы «Евгения Онегина»: «Красавиц много на Москве».

Имена двух Елен относят и к Елене Николаевне Раевской, и к Елене Федоровне Соловкиной, которой в Кишиневе был увлечен Пушкин, а также к неизвестной Елене, помянутой в строках едва начатого в 1829 году стихотворения «Зачем, Елена, так пугливо…».

Татьяна — скорее всего, московская цыганка Татьяна Демьянова.

Наконец, Авдотья — Евдокия Ивановна Овошникова, воспитанница театрального училища в Петербурге, выпуска 1822 года, упомянутая в послании к Всеволожскому «Прости, счастливый сын пиров», а также в программе романа «Русский

Пелам».

Второй список включил в себя всех, кто, вне зависимости от их социального статуса, сыграл заметную, но всё же не такую значительную роль в истории пушкинских романов, как охваченные первым списком. Главное же — мы находим в нем имена тех, кто не совсем отошел в прошлое, в какой-то мере продолжал играть роль в реальной жизни Пушкина еще совсем недавно или даже играл ее ко времени создания списка.

Кто бы ни скрывался за каждым именем, очевидно, что с большинством из поименованных Пушкина связывали мимолетные романы, нежная привязанность и только с немногими — глубокие любовные переживания, отравленные жестоким кокетством его избранниц и ревностью к соперникам. Юные же создания, как мы видели, предпочитали Пушкину других. Наталья Гончарова, замыкавшая список тех, кто вызвал у поэта наиболее яркие чувства, оказалась первой, отдавшей предпочтение Пушкину.

«Роман в письмах»

Двенадцатого октября Пушкин отправляется из Москвы в Петербург с заездом в тверские деревни, пребывание в которых действовало на него целительным образом. Среди прочего здесь осенью 1829 года создается эпистолярный «Роман в письмах». В нем высказал поэт свои любимые мысли, отразил свои переживания и душевные муки в связи с неудачным сватовством к Гончаровой. В посланиях героев романа Лизы, Саши, Владимира мы слышим голос самого Пушкина, его раздумья о женитьбе. Деревня, в которой поселилась Лиза, ассоциируется с Михайловским: «Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, всё это осенью и зимой немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем».

В письме Саши из Петербурга, адресованном в деревню подруге Лизе, среди светских новостей на первом месте сообщается, что «роман Елены Н. и графа Л. кончается — по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена». Речь заходит о Владимире: «Зачем же не выйти за него — ты бы жила на Английской набережной, по субботам имела бы вечера и всякое утро заезжала бы за мною». Таков идеал петербургской барышни: жить в самом аристократическом месте столицы, устраивать светские приемы, иметь собственный выезд и делать визиты.

Лиза отвечает: «Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и приехать к вам на свою свадьбу. Откровенно

признаюсь, что Владимир** мне нравится, но я никогда не предполагала выйти за него. Он аристократ — а я смиренная демократка. Спешу объясниться и заметить гордо, что родом принадлежу я к самому старинному дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого мильонщика. Но ты знаешь, что значит наша аристократия. Как бы то ни было, ** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует богатой невестой и выгодным родством. Если я когда-нибудь выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься своим сахарным заводом, я хозяйством — и буду счастлива, не танцуя на бале у гр. К. и не имея суббот у себя на Английской».

В следующем письме Лизы мы читаем: «Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья, ** здесь. Что мне делать? Голова моя кружится, я теряюсь…» Так Пушкин дарит героине романа свои ощущения: «…голова моя закружилась».

И вот уже рассказ Лизы воспринимается так, как будто это Натали пишет о Пушкине: «Ты заметила прошедшею зимою, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но мы виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видом пренебрежения, — ничем не могла я от него избавиться. На балах он вечно умел найти место возле меня. На гулянье он вечно с нами встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу».

За обедом, когда героиня «спросила довольно некстати, по делам ли он приехал в нашу сторону», он ответил вполголоса: «Я приехал по одному делу, от которого зависит счастье моей жизни». Очевидно, эту фразу произнес Пушкин в подразумеваемом разговоре с Натали.

Саша пишет в ответ те слова, которые так хотел бы услышать Пушкин: «Мой совет: обвенчаться как можно скорее в вашей деревянной церкви и приезжать к нам, чтобы сделаться Форнариной[31] в картинах, которые затеваются у С **. Поступок твоего рыцаря меня тронул, кроме шуток. Конечно, в старину любовник для благосклонного взгляда уезжал на три года в Палестину; но в наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидеться со владычицей своего сердца, — право, много значит».

В свою очередь, Владимир сообщает своему другу: «Вот уже две недели, как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-ти летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет.

Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. Так и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню».

Друг не понимает его: «Охота тебе корчить г. Фобласа[32] и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на ci-devant[33] гвардии хрипуна 1807 г.». Слово «хрипун» в офицерском быту означало хвастовство, соединенное с высокомерием.

В возражениях Владимира мы снова слышим голос поэта: «Не я, но ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг, — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами».

Строки о впечатлениях, которыми Владимир делится с другом, кажутся написанными о Наталье Гончаровой, какой она была в глазах Пушкина: «С Лизой я вижусь каждый день — и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высшего петербургского общества, а между тем — что-то живое, снисходительное, добротное (как говорит бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревенем. Она слушает и понимает — редкое качество в наших женщинах».

Образ Лизы невольно сливается у Владимира с ее деревенской подругой Машенькой, и сказанное о них невольно переносится читателем на Натали: «Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужьев».

«Роман в письмах», как никакое другое произведение Пушкина, выразил его собственные переживания, что, вполне вероятно, явилось одной из причин, по которым он не был завершен. Однако, как кажется, для его героев дело шло к венцу. Автору же было еще далеко до желанной развязки. Уже вернувшись в Петербург, 23 декабря 1829 года, Пушкин как раз и пишет стихотворение «Поедем, я готов…», которое заканчивает стихами:

Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,

Как дань привычную, любовь я принесу?

Стихотворение связано с предпринятой Пушкиным попыткой получить разрешение на путешествие за границу — хоть в Париж, хоть в Китай, — в чем ему было отказано. Приведенная строфа с рифмой *деву — гневу* явилась отражением первого неудачного сватовства поэта к Натали Гончаровой. Уже после проставленной под стихотворением даты поэт приписывает другими чернилами и другим пером еще одну строку: «Но полно, разорву оковы я любви». Этими грустными словами Пушкин встречал наступавший 1830 год.

Второе сватовство

В это время в Москве в самый канун Нового года, 30 декабря, на балу у генерал-губернатора князя Д. В. Голицына представлялись «живые картины», в одной из которых участвовала Наталья Гончарова. Эта картина имела шумный успех и по просьбе публики повторялась несколько раз. Весть о триумфе Натальи Николаевны дошла до Петербурга. «Кто был прелестен, так это маленькая Алябьева, которая очень красива, и маленькая Гончарова в роли Дидоны была восхитительна», — писал московский почт-директор А. Я. Булгаков своему брату в Северную столицу. Ему вторил Вяземский в письме Пушкину: «А что за картина была в картинах Гончарова!»

Согласно античной мифологии Дидона после смерти супруга бежала в Африку, где основала Карфаген. По греческой версии, когда соседний царь стал преследовать ее своим сватовством, она взошла на костер, сохраняя верность погибшему мужу. По римской версии, обработанной Вергилием в четвертой песне «Энеиды», карфагенская царица по воле Венеры стала возлюбленной Энея, приставшего к ее берегам по пути из Трои. Когда же, повинуясь воле Юпитера, Эней продолжил свой путь, оставленная Дидона взошла на костер. Таким образом, Дидона представляется символом жертвенной любви.

Поставленная на этот сюжет «живая картина» с участием Натальи Гончаровой в 1830-х годах была изображена на вазе, где представлена сцена с участием трех действующих лиц: Энея, сидящего в кресле и рассказывающего о своих приключениях, и внимающих ему сестер — Дидоны, также в кресле, и ее сестры Анны, склонившейся над нею. Эта ваза сейчас экспонируется в музее-даче Китаевой в Царском Селе.

Пушкину же предстояло последнее любовное испытание,

перед тем как соединить свою судьбу с Натальей Николаевной. Пушкин встречается с приехавшей в Петербург графиней Каролиной Собаньской. Эта очаровательная полька, урожденная графиня Ржевуская, бывшая на пять лет старше Пушкина, с 1816 года жила врозь с мужем и находилась в официальной связи с генералом И. О. Виттом, организатором тайного сыска за декабристами и Пушкиным. Эту любовь Пушкин действительно утаил — ее имени нет в Дон-Жуанском списке. Он познакомился с ней еще в Одессе. В воспоминание о прошлом 5 января 1830 года Пушкин записал в альбом Каролины стихотворение «Что в имени тебе моем?».

Второго февраля 1830 года он пишет Собаньской письмо — свидетельство вспыхнувшего страстного чувства: «Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем больше я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами, — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь терзает мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам».

Это послание так и не было дописано, а на листе с его черновиком появились, следами внутренних борений, профили самого Пушкина и Натальи Гончаровой. Рисунок как бы подвел итог размышлениям и борьбе чувств — в пользу той, чьей руки он добивался и рядом с которой представлял себя.

Его ревнивое беспокойство проявляется, хотя и в шутливой форме, в письме Вяземскому, которого он спрашивает в конце января — начале февраля: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского[34]? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву».

П. А. Мещерский, с которым Пушкин встречался в салоне княгини Зинаиды Волконской, действительно был влюблен в Гончарову, и Наталье Ивановне он представлялся несомненно более желанным женихом для дочери. Однако сама Натали, кажется, уже сделала свой выбор, с которым матери пришлось согласиться. В Масленицу на балу у московского генерал-губернатора И. Д. Лужин по просьбе Вяземского в разговоре с Натальей Гончаровой и ее матерью спрашивает их мнение о Пушкине и получает не только благоприятный отзыв, но и просьбу передать ему поклон. В марте 1830 года Пушкин, получив неожиданный привет от Гончаровых через приехавшего в Петербург Лужина и справедливо углядев в нем завуалированное приглашение, стремглав мчится в Москву. Его внезапный отъезд

вызывает недоумение Николая I и графа Бенкендорфа.

Вяземский сообщает жене: «Государь очень предубежден против меня. По некоторым приметам полагаю, что они приписывают какое-то тайное единомыслие в приезде моем сюда и отъезде Пушкина в Москву. По крайней мере государь изъявил удивление, что Пушкин уехал, и сказал „Quelle mouche l'a piqué?“[35]»

Николай I прямо сказал В. А. Жуковскому: «Один сумасшедший уехал, другой сумасшедший приехал». Император в тот же день отправился в Москву, и его кортеж обогнал Пушкина в пути между двумя столицами. Сам же поэт, выехавший 4 марта, пробыл в дороге восемь дней.

Четырнадцатого марта Пушкин писал Вяземскому: «3-го дня приехал в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были N. Гончарова и княгиня Вера, а вслед за ними братья Полевые. Приезд государя сделал большое впечатление». 12 марта газеты сообщили: «…был дан концерт в пользу Московской глазной больницы; Его Императорское Величество изволил осчастливить оный своим Высочайшим присутствием; многие обоего пола особы, споспешествуя благотворительной цели в пользу страждущего человечества, украсили оный концерт своими талантами; съезд состоял из 2657 особ, из числа коих на хорах было 600».

На концертах поэт мог, как прежде, видеться с Натали. 18 марта Пушкин снова встречает ее, в сопровождении брата Сергея, в Благородном собрании, где выступали лейпцигский скрипач Бекер, певицы фон Массов и Герстель, виолончелист Марку, кларнетист Титов.

Вместе с тем он зачастил к Ушаковым, так что уже и в Петербурге заговорили о том, что он женится на Екатерине Николаевне. Вяземский пишет жене: «Почему же нет? А шутки в сторону, из несбыточных дел это еще самое сбыточное». Ему вторит М. П. Погодин, сообщающий в Рим С. П. Шевыреву: «Говорят, он женится на Ушаковой старшей… и заметно степенничает».

В письме Вяземскому, переданном братом Натали Иваном Николаевичем, Пушкин шутит: «Распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы». Вяземский же пишет жене: «На днях получил письмо от Пушкина через Гончарова; держа письмо в руке нераспечатанное и разговаривая с ним, я думал: ну как тут объявление мне о женитьбе его? Не выдержал и распечатал письмо. Но все же должен быть он влюблен в нее не на шутку, если ездит на вечера к Малиновскому. Зачем же и Гончарова не

фрейлина? Обидно и грустно». Пересказывая петербургские толки, он прибавляет: «Скажи Пушкину, что здешние дамы не позволяют ему жениться, начиная от Мещерской до Багреевой, которой он, видно, нужен. Да неужели он в самом деле женится?» В другом письме он выражает сомнение: «Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его».

Однофамилец Натали, будущий писатель Иван Александрович Гончаров, зайдя в церковь Никитского монастыря, увидел задумчивого и сосредоточенного Пушкина, прислонившегося к колонне. Монастырь был расположен неподалеку от дома Гончаровых, так что поэт зашел туда, скорее всего, по пути к ним или после визита. В те дни он — непременный посетитель всех домов, где можно было встретить Гончаровых, и особенно часто бывал у Малиновских.

Наконец, перед тем как 5 апреля официально попросить руки Гончаровой, Пушкин составляет письмо Наталье Ивановне, которое начинает словами: «После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам — вполне чистосердечно и подробно. Умоляю вас проявить терпение и особенно снисходительность».

Описав первую встречу с Натали и напомнив о первом неудачном сватовстве, он продолжает: «Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. <…> Только привычка и длительная близость могла бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь спокойное безразличие ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; — может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они, безусловно, покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения?»

Неизбежным представляется ему вопрос о материальном положении и видах на будущее: «До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же, не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы? Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми».

На другой день, 6 апреля, в Пасхальное воскресенье, Пушкин вновь делает предложение Наталье Николаевне. В прошлый раз он просил ее руки после Святой недели, теперь — в первый же день по окончании Великого поста, когда это позволялось по церковному канону. Сватом выступает всё тот же Ф. И. Толстой. На этот раз предложение было принято благосклонно. Как рассказывала В. А. Нащокина, Пушкин одолжил у ее мужа фрак, в котором отправился к Гончаровым. Суеверный Пушкин приписал удачу именно «счастливому» фраку, так что Нащокин подарил его другу. С тех пор в важных случаях Пушкин надевал «нащокинский» фрак. Вера Александровна вспоминала: «Насколько помню, в нем, кажется, и похоронили поэта».

В разгар сватовства журналы обсуждали только что вышедшую отдельной книжкой седьмую главу «Онегина», в которой Татьяну привезли на «ярманку невест» в Москву. Читатели покуда оставались в неведении относительно дальнейшей судьбы героини, судьба же автора романа была уже решена.

Пушкин, обыкновенно не баловавший родителей своими посланиями, написал им письмо: «Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, — м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия, — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость».

Ответ Сергея Львовича и Надежды Осиповны из Петербурга, которым они давали сыну свое благословение, помечен 16 апреля. «Тысячу, тысячу раз да будет вдохновен вчерашний день,

дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо, — писал отец. — Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твое счастье. Я хотел бы написать ей, но покуда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права». Ему вторит мать: «Твое письмо, дорогой Александр, преисполнило меня радости, да благословит тебя небо, мой добрый друг, да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к нему, моля о твоем счастье, сердце мое переполнено, я не могу выразить всего того, что чувствую. Мне хотелось бы заключить тебя в свои объятия, благословить, сказать тебе вслух, до какой степени жизнь моя связана с твоим благополучием. Будь уверен, что если всё закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети».

До нас дошел черновик письма Пушкина к родителям, оборванный на самом щекотливом вопросе: «Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помышлять от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для…»

Отец решил отдать сыну 200 последних незаложенных душ из нижегородского своего имения, о чем и сообщает ему в том же письме: «Ты знаешь положение моих дел. У меня тысяча душ — это правда, — но две трети моих имений заложены в Воспитательном доме. — Я даю Оленьке около 4000 р. в год. В именье, которое досталось на мою долю после покойного моего брата, находится около 200 душ, совершенно свободных, и я даю их тебе в твое полное и безраздельное владение. Они могут принести около 40 000 руб., а со временем, может быть, и больше».

В тот самый день, когда родители Пушкина в Петербурге пишут ему письмо, сам он обращается с письмом к графу А. Х. Бенкендорфу: «…Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря Его Величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же

моего положения, я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно… Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя… Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность…»

На черновике письма — поколенный портрет Гончаровой, представленной сидящей в профиль влево.

Бенкендорф не замедлил с ответом:

«Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое вам угодно было написать мне. Его Императорское Величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг, и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается вашего личного положения, в которое вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только вы сами не сделаете его таким. Его Императорское Величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостаивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь над вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал вам, могли пойти вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени вы будете в этом все более и более убеждаться. Какая же тень падает на вас в этом отношении? Я уполномочиваю вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным.

Что же касается трагедии вашей о Годунове, то Его Императорское Величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью.

В заключение примите искреннейшие пожелания в смысле будущего вашего счастья и верьте моим лучшим к вам чувствам.

Преданный вам А. Бенкендорф

28 апреля 1830».

Приехавший с Кавказа брат Левушка не замедлил сочинить остроту:

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован.

Двадцать шестого апреля жених поздравлял дядюшку с именинами. Василий Львович между тем вторит племяннику Льву, повторяя и устно и письменно его бонмотку: «Он околдован, очарован и огончарован». Дядюшка казался счастливым более всех, хотя еще не видел Натальи Николаевны: «Невеста его, сказывают, мила и прекрасна. Эта свадьба меня радует и должна утешить брата моего и невестку…»

В тот же день Вяземский отписал жене: «Нет, ты меня не обманывала, мы сегодня на обеде Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, а у него по-пустому пить двух бутылок не будут. <…> Грон говорил тебе об уме невесты? Беда, если в ней его нет! Денег нет, а если и ума не будет, то при чем он останется с его ветреным нравом?»

Поздравляя Пушкина с предстоящей женитьбой и вспомнив свое определение красоты невесты — «une beauté romantique», Вяземский пишет: «Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения».

Казалось, все было улажено: Наталья Ивановна дала свое согласие, император выразил свое удовлетворение, родители благословили… Но пройдет еще около года, прежде чем состоится свадьба.

Пушкин между тем уже приглашает княгиню Вяземскую быть на свадьбе посаженой матерью. Однако даже 28 апреля за обедом в доме Ушаковых, которые еще не знали о благополучном сватовстве, Пушкин держит себя так, словно ничего еще не решено. Екатерина Николаевна, за которую московские сплетники давно уже сватали поэта, пишет брату Ивану: «Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и, кажется, что не имеет сего благого намерения, mais on ne peut répondre de rien[36]».

Тридцатого апреля Пушкин участвует в бракосочетании на Пресне своих друзей Елизаветы Николаевны Ушаковой и Сергея Дмитриевича Киселева — сначала в церкви, а затем в доме Н. А. Шереметева у Сухаревой башни. Всё происходящее он впервые как бы примеривает к себе. В этот день Вяземский пишет жене в Москву насчет женитьбы Пушкина: «Я желал бы, чтобы

государь определил ему пенсию, каковую получают Крылов, Гнедич и многие другие. Я уверен, что если бы кто сказал о том государю, он охотно бы определил. Независимость состояния необходимо нужна теперь Пушкину в новом его положении. Она будет порукой нравственного благосостояния его. Не понимаю, как с характером его выдержит он недостатки, лишения, принуждения. Вот главная опасность, предстоящая в новом положении его».

В конце апреля — начале мая Пушкин получает два письма от родителей, адресованных также Наталье Николаевне, и письмо от сестры Ольги.

Своей ревностной поклоннице Елизавете Михайловне Хитрово, мужественно принявшей известие о предстоящей свадьбе, Пушкин пишет: «J'épouse une madonne louche et rousse[37]».

В. А. Муханов пишет брату в Петербург: «Пожалей о первой красавице здешней, Гончаровой… Она идет за Пушкина».

Оповещены все родственники, происходит традиционный обмен визитами и поздравительными посланиями. 2 мая Пушкин везет в дом Гончаровых дядюшку М. М. Сонцова.

Наталья Николаевна тогда же обращается с письмом к деду Афанасию Николаевичу:

«Сего 2 майя, 1830 года.

Любезный дедушка!

Позвольте принесть вам мою усерднейшую благодарность за вновь оказанное вами мне благодеяние. Никогда не сомневалась, любезный дедушка, в вашем добром ко мне расположении, и сей новый знак вашей ко мне милости возбуждает во мне живейшую признательность. Для дополнения щастия моего остается только, любезный дедушка, просить вас о вашем родительском благословении. Смею льстить себя надеждой, что вы и впредь сохраните мне доброе ваше расположение и не лишите меня милостей, коими до сих пор пользовалась.

При сем целую ручки ваши и честь имею пребыть с искренним почтением покорная внука ваша

Наталья Гончарова».

Под «благодеянием» и «новым знаком милости» подразумевается выделение ей в приданое части села Катунки Балахнинского уезда Нижегородской губернии, приобретенного еще Афанасием Абрамовичем в 1770 году с торгов у княгини Одоевской. По состоянию на 1830 год к нему относилось 847 десятин земли. Имение было поделено на три части, содержавшие соответственно 280, 284 и 281 крестьянскую душу. Последняя часть с деревней Верхней Полянкой и была выделена в приданое

Наталье Николаевне. Выбор в качестве приданого части села именно в Нижегородской губернии явно был связан с тем, что самому Пушкину имение было выделено в той же губернии. Пушкину в будущем еще предстояло разбираться с этим «благодеянием», а пока он также поблагодарил Афанасия Николаевича письмом от 3 мая:

«Милостивый государь, Афанасий Николаевич!

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталию Николаевну, благословили вы и меня. Вам обязан я больше нежели чем жизнию. Счастье вашей внуки будет священная, единственная моя цель и всё, чем могу воздать вам за ваше благодеяние.

С глубочайшим уважением, преданностию и благодарностию честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою,

Александр Пушкин».

Одновременно Пушкин сообщает родителям и сестре о «благосклонном удовлетворении», выраженном императором по поводу предстоящей женитьбы, и о его разрешении издавать «Бориса Годунова».

В этот же день, уже на правах жениха, Пушкин сопровождал Натали в Благородное собрание на благотворительный спектакль. Играли драму Августа Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» с участием Екатерины Семеновой и одноактную комедию Хмельницкого «Воздушные замки». Н. П. Озерова, видевшая их на этом спектакле, писала: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Уверяют, что они уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно… Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде, хотя разыгрывает из себя сентиментального».

Однако было бы странно, если бы все прошло гладко. До деда доходят нежелательные слухи. 5 мая внучка пишет ему уже не о приданом, а о своих чувствах:

«Любезный дедушка!

Узнав через Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что всё то, что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое щастие, целую ручки

ваши и остаюсь на всегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова».

Это письмо, наполненное выражением тех же самых чувств, что переполняли тогда Пушкина, как нельзя лучше дает представление об отношении самой невесты к жениху. Пушкина можно было поздравить со сделанным выбором. И поздравления от друзей следуют одно за другим. Еще 29 апреля Плетнев писал Пушкину: «Теперь смотрю на тебя с спокойствием, потому что ты вступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя, кроме рассудка твоего и совести: на них-то я всегда и надеялся в тебе больше всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдумано, ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить дела твои». Он предлагает проект, который мог бы обеспечить Пушкину постоянный доход: предоставить издателю Смирдину на четыре года права на все напечатанные произведения поэта, за исключением «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника», чтобы ежемесячно получать 600 рублей. В конце письма Плетнев просит: «…поцелуй за меня ручку у твоей невесты-прелести».

Пятого мая, в канун помолвки, Пушкин ответил Плетневу: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!.. Заключай условия, какие хочешь, — только нельзя ли вместо 4 лет 3 года — выторгуй хоть 6 месяцов. Не продать ли нам Смирдину и Трагедию? Поручение твое к моей невесте исполнено. Она заочно рекомендуется тебе и жене твоей».

Ответ на это письмо Пушкин получит уже после помолвки:

«Отдай поклон моей знакомке новой,
Так сладостно рифмующей с Кановой».

(Плетнев уже прочел пушкинское стихотворение «К вельможе», обращенное к князю Николаю Борисовичу Юсупову, в котором была помянута Наталья Николаевна:

Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск А*, и прелесть ***.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой[38],
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Ему не составило труда восстановить скрытые имена двух первых московских красавиц: Алябьеву — по первому инициалу, а Гончарову — по рифме с Кановой.)

Плетневу вторит Дельвиг: «Милый Пушкин, поздравляю тебя. Наконец ты образумился и вступаешь в порядочные люди. Желаю тебе быть столько же счастливым, сколько я теперь. Я отец дочери Елизаветы. Чувство, которое, надеюсь, и ты будешь иметь, чувство быть отцом истинно поэтическое, не постигаемое холостым вдохновением».

Свадьба

Пушкин хотел было венчаться в домовой церкви князя Сергея Михайловича Голицына. Однако московский митрополит Филарет не дал на это благословения по причине, что в домовых церквах венчать нельзя. Упрашивать его было уже поздно, и остановились на приходской церкви Гончаровых. Поутру в день свадьбы Наталья Ивановна Гончарова прислала сказать, что свадьбу придется отложить, ибо у нее нет денег на карету. Пушкин послал деньги.

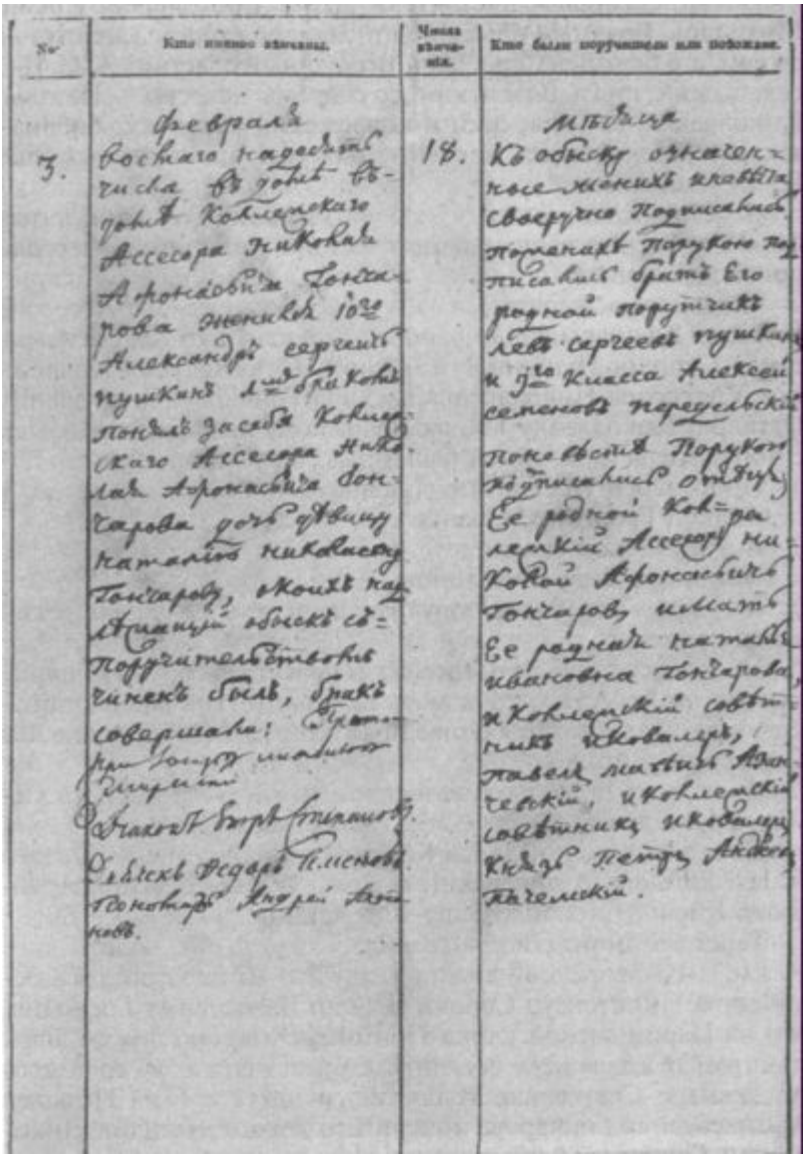
Посаженой матерью Пушкина на свадьбе должна была быть княгиня Вера Федоровна Вяземская. Для этого она с мужем прибыла из Остафьева и даже ездила к Наталье Ивановне, хлопоча об ускорении свадьбы, которая бесконечно откладывалась изо дня на день. Княгиня, будучи беременна, стала у себя в доме прибивать образ, встав на детскую кровать, которая под ней проломилась; она упала и расшиблась, долго была без чувств, изошла кровью и потеряла ребенка. Поэтому она не смогла присутствовать на венчании. Посаженой матерью вместо нее согласилась быть графиня Е. П. Потемкина[39]. Ее поиски отразились в шутливом пушкинском стихотворении:

> Когда Потемкину в потемках
> Я на Пречистенке найду,
> То пусть с Булгариным в потомках
> Меня поставят на ряду.

Венчание состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Вознесения Господня на Царицынской улице — отрезке Большой Никитской, на которой и жили Гончаровы. День появления Пушкина на свет пришелся как раз на празднование Вознесения. Тот факт, что венчание его с Натальей Николаевной происходило

именно в Вознесенской церкви, воспринимался им как символ.

Храм был новый, его заказчиком являлся светлейший князь Г. А. Потемкин, выделивший в 1795 году землю, на которой спустя два года начались строительные работы. Рядом располагалась небольшая пятиглавая церковь Вознесения в Сторожках, или Старое Вознесение, с шатровой, типично московской колокольней над притвором, построенная еще в 1685 году[40]. Новая церковь должна была стать центром полуциркульной площади. Строительство продвигалось очень медленно — к 1816 году была возведена только западная часть храма с трапезной, куда из старой церкви Вознесения перенесли приделы. В то время, когда проходило венчание, еще продолжалось сооружение подкупольной части новой церкви. Поэтому есть предположение, что Пушкин венчался с Натальей Николаевной в одном из приделов старой церкви, о чем А. Я. Булгаков сообщил брату в Петербург: «Филарет таки настоял на своем: их обвенчали не у Серг. Мих., а у Старого Вознесения». По другой версии, церемония проходила в новой, недостроенной церкви, как записал в 1850-х годах П. И. Бартенев со слов княгини Е. А. Долгоруковой, присутствовавшей на ней: «Венчались в приходе невесты, у Большого Вознесения». (Впрочем, новый храм стали так называть только с 1840-х годов, после завершения его строительства.)



Запись в метрической книге церкви Большого Вознесения о венчании А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой. 1831 г.

Тот же Булгаков на следующий день, 19 февраля, снова писал брату: «Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? И так совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж! то-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Гришке Корсакову, быть ей милэди Байрон. Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на

бале: пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня».

Обряд совершал настоятель храма протоиерей Иосиф Михайлов. Брачный обыск подписали: со стороны жениха — он сам, его брат Лев Сергеевич, титулярный советник А. С. Передельский, князь Вяземский; со стороны невесты — Наталья Николаевна, ее мать, отец и коллежский советник, библиотекарь Московского архива Коллегии иностранных дел П. М. Азанчевский.

В метрической книге церкви Вознесения Господня в графе «Кто именно венчаны» под третьим номером за февраль появилась запись:

«Восьмаго надесять числа в доме Коллежскаго Ассесора Николая Афонасьича Гончарова женился 10-го Класса Александр Сергеич Пушкин 1-м браком. Поял на себя Коллежскаго Ассесора Николая Афонасьича Гончарова дочь девицу Наталию Николаевну Гончарову, о коих надлежащий обыск с поручительством чинен был, брак совершали:

Протоиерей Иосиф Михайлов Диакон Георгий Стефанов Дьячек Федор Семенов Пономарь Андрей Антонов».

В графе «Кто были поручители» в той же метрической книге записано:

«К обыску означенные жених и невеста своеручно подписались: по невесте отец и мать ее родные Гончаровы порукою подписались. По женихе брат его родной Порутчик Лев Сергеев подписался.

По женихе порукою подписался 9-го Класса Алексей Семенов Передельский.

По невесте подписались Коллежский советник и Ковалер Павел Матвеич Азанчевский и Коллежский советник и Ковалер Князь Петр Андреевич Вяземский».

Текст брачного обыска гласил:

«1831-го февраля 18 дня по Указу Его Императорского Величества Никитскаго Сорока Церкви Вознесения Господня, что на Царицынской улице Протоиерей Иосиф Михайлов с причтом о желающих вступить в брак женихе 10-го класса Александре Сергеевиче Пушкине, и невесте Г-на Николая Афанасьевича Гончарова дочери Его девице Наталии Николаевой Гончаровой обыскивали и по троекратной публикации оказалось: 1-е что они православную веру исповедуют так, как святая, соборная и Апостольская Церковь содержит;

2-е между ими плотскаго кровнаго и духовнаго родства т. е. кумовства, сватовства и крестнаго братства по установлению Св. Церкви не имеется; 3-е состоят они в целом уме, и к

сочетанию браком согласие имеют вольное, и от родителей дозволенное, жених и невеста первым браком; 4-е лета их правильны, жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали самую сущую правду. Естли же что из объявленнаго показания окажется что ложное, или что скрытое, за то повинны суду, как духовному, так и гражданскому. Во уверение всего выше писаннаго как сами жених и невеста, так и знающие их состояние поручители своеручно подписуются.

К сему обыску во всем выше писанным вышеозначенный 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску Наталья Николаевна дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску Мать ея Калежская Ассесорша Наталья Иванова дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску по женихе брат его Поручик Лев Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску по женихе 9-го Класса Алексей Семенов сын Передельский руку приложил.

К сему обыску по невесте Коллегский Советник и Кавалер Павел Матвеев сын, Азанчевский руку приложил.

К сему обыску по невесте Отец ея, Коллегский Асессор, Николай Афанасьев сын Гончаров, руку приложил.

К сему обыску по женихе Коллежский Асессор и Кавалер Князь Петр Андреев сын Вяземский руку приложил».

Этого момента Пушкин ждал, предчувствовал его и по-своему выразил в молитвенном прошении в «богопротивной» «Гавриилиаде»:

…дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком осеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О, рогачей заступник и хранитель,
Молю, — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренье.
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

А под сводами церкви звучала молитва священника: «Господи Боже наш, во спасительном твоем смотрении ныне рабы твоя, Александр и Наталья, якоже благословил еси сочетатися друг

другу, в мире и единомыслии сохрани; честный их брак покажи; нескверное их ложе соблюди; непорочное их сожительство пребывати благоволи, и сподоби их старости маститей достигнута чистым сердцем делающа заповеди твоя».

Во время венчания, когда молодые шли вокруг аналоя, с него нечаянно упали крест и Евангелие. Пушкин, на что все обратили внимание, побледнел. В довершение погасла свеча у него в руке, а шафер устал держать венец над его головой и попросил замены, что было нарушением обряда. Выходя из церкви, Пушкин сказал: «Tous les mauvais augures[41]».

Первая квартира

Из церкви молодые поехали на первую семейную квартиру. Еще 23 января 1831 года Пушкин подписал договор о найме второго этажа дома на Арбате, принадлежавшего губернскому секретарю, карачевскому предводителю дворянства Никанору Никаноровичу Хитрово и его жене Екатерине Николаевне, урожденной Лопухиной. Дом был снят на полгода за две тысячи рублей. Сами хозяева жили в ту пору в своем орловском поместье Дроново, а в московском доме осталась их экономка. Все дела Пушкин вел с поверенным Хитрово Семеном Петровичем Семеновым. Он присмотрел дом Хитрово, вероятно, еще в конце предыдущего года, уверенный в скорой свадьбе. Расположенный неподалеку от дома Гончаровых, в сердце старой Москвы, между церквами Николы в Плотниках и Святой Троицы, в приходе которой он состоял, дом на Арбате во всех смыслах устраивал Пушкина. В «Книгу, данную из Московской городской шестигласной думы маклеру Анисиму Хлебникову, для записи в оную в сем 1831 году условий с тем, чтобы таких актов в коих заключается о продаже или уступке от одного лица другому недвижимого имения…», под десятым номером внесен текст договора, подписанный Пушкиным: «1831-го Года Генваря 23-го дня я нижеподписавшийся Г-н Десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин, заключил сие условие с служителем Г-жи Сафоновой Семеном Петровым сыном Семеновым по данной Ему Доверенности от Г-на Губернского Секретаря Никанора Никанорова сына Хитрово в том, что 1-е нанял я Пушкин Собственный Г-на Хитрово Дом, Состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы что на Арбате, каменный Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, и там же запасной амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи сроком

от выше писанного числа впредь на шесть месяцев, а срок считать с 22-го Генваря и по 22-е ж Июля сего 1831-го Года по договору между нами за две тысячи рублей государственными ассигнациями…» Аванс в половину суммы, то есть тысячу рублей, Пушкин заплатил при подписании договора, а остальное должен был внести по истечении трех месяцев.

Пушкин занял весь дом с прилегающими строениями, за исключением нижнего этажа, где находились комнаты для экономки и покои для хозяев на случай их приезда, а также мезонина над людской, где помещалась хозяйская прислуга. Он принял дом по описи, обязуясь «содержать во всей чистоте и целости как мебель, так равно и службы». В случае пожара по вине Пушкина или его слуг, «чего Боже сохрани», он должен был уплатить хозяину 50 тысяч рублей; если же «пожар последует от молнии, соседей, или от людей Г-на Хитрово», то «ему не отвечать».

В первой половине февраля Пушкин переезжает в дом на Арбате. Это было его первое в жизни собственное жилье. Если до того Пушкин мог обходиться услугами одного своего давнего и верного слуги Никиты Козлова, то теперь он нанимает целый штат: экономку Марию Ивановну, дворецкого Александра Григорьева, повара и др. Сама квартира Пушкиных состояла из просторного углового зала, кабинета Пушкина, будуара Натальи Николаевны и спальни.

В этот дом на Арбате Наталья Николаевна вошла уже Пушкиной. У входа молодых встретили П. В. Нащокин и П. А. Вяземский, благословили образом и поднесли два бокала с шампанским. По легенде, один из них упал с подноса и разбился, став для суеверного Пушкина еще одним дурным знаком.

Праздничным ужином распоряжался Лев Сергеевич Пушкин:

> Наш Лева Пушкин очень рад.
> Что своему он брату брат.

За столом собрались посаженые родители жениха и невесты — Е. П. Потемкина, А. П. Малиновская, П. А. Вяземский и И. А. Нарышкин, а также родители невесты, ее брат Дмитрий, сестры Александрина и Екатерина, Нащокин, поручители Передельский и Азанчевский. Десятилетнему Павлу Вяземскому хорошо запомнились и тот день, и обстановка квартиры на Арбате: «В щегольской, уютной гостиной Пушкиных, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обеим сторонам дивана, никогда мною не

виданное и не слыханное собрание стихотворений Кирши Данилова[42]. Былины эти, напечатанные в кожаном переплете и переданные на дивном языке, приковали мое внимание на весь вечер». Мальчику надолго запомнились слова Пушкина о «прелести и значении богатырских сказок». Все остальные гости любовались «изумительной красотой Наталии Николаевны и веселым, радостным Пушкиным».

На следующее утро, когда Пушкины были в постели, явились друзья. Новобрачный так с ними заговорился, что вернулся к молодой супруге лишь перед обедом. Она в спальне заливалась слезами, о чем сама рассказывала княгине Вяземской. Так началась ее семейная жизнь в новом доме, без матери, братьев и сестер.

Череда последовавших вскоре балов, на которые Пушкин вывозил юную жену, надолго запомнилась москвичам. 20 февраля молодожены были на балу у Анастасии Михайловны Щербининой, дочери княгини Е. Р. Дашковой, в ее двухэтажном доме на углу Знаменки и Крестовоздвиженского переулка. Поэт разговорился со своим петербургским знакомым А. И. Кошелевым, который, кажется, более внимательно, чем слушал поэта, следил глазами за его женой. «Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша», — сообщил он на другой день князю Одоевскому в Петербург.

В воскресенье, 22 февраля, в Большом театре устроен был маскарад в пользу бедных, пострадавших от холеры. Пушкины сидели за одним столом с семейством почт-директора А. Я. Булгакова. Тот отметил, что Пушкин «очень ухаживает» за молодой женой, но напоминает при ней Вулкана рядом с Венерой[43]. Младшая дочь Булгакова Ольга Александровна незадолго до Натальи Николаевны, 28 января, обвенчалась с князем А. С. Долгоруковым. Эти свадьбы были самыми громкими в сезоне, и все невольно сравнивали молодых жен. Любящий отец Булгаков, естественно, отдавал предпочтение новоиспеченной княгине Долгоруковой перед Пушкиной: «К столу беспрестанно подходили любопытные — смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая, но Ольге все дают преимущества».

Двадцать четвертого февраля Пушкин снова вывозит Наталью Николаевну на маскарад в зал Благородного собрания. Здесь была уже вся Москва, старые и новые московские друзья и приятели. Пушкин и Натали представились писателю и археологу А. Ф. Вельтману соединением умственной и физической красоты. Сказанные им слова были тотчас подхвачены присутствующими: «Пушкин, ты — поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия».

В этот день в альманахе «Сиротка», изданном в пользу

бедных, впервые был напечатан пушкинский сонет «Мадона», посвященный Наталье Николаевне. Тогда же по Москве стали ходить по рукам стихи, якобы написанные Пушкиным в качестве отклика на собственную свадьбу. А. Я. Булгаков приводит их в письме брату, хотя и сомневается в авторстве Пушкина:

Кто хочет быть учен — учись,
Кто хочет быть спасен — молись.
Кто хочет быть в аду — женись.

На все эти разговоры Пушкин собирался дать отклик в повести «Египетские ночи», оставшийся в черновиках: «Но главной неприятностью платится мой приятель: приписывание множества чужих сочинений, как-то… о женитьбе, в котором так остроумно сказано, что, коли хочешь быть умен, — учись, коли хочешь быть в аду — женись».

Наконец, как водится, Пушкин устраивает бал у себя на арбатской квартире. Наталья Николаевна впервые выступает в качестве хозяйки дома, принимающей гостей. Приглашены были семейства Гончаровых и Булгаковых, ближайшие друзья и знакомые Пушкина. В качестве почетного гостя присутствовал князь Николай Борисович Юсупов — тот самый вельможа, что ценил «и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

Булгаков-московский, как и рассчитывал Пушкин, описал всё происходившее на другой же день Булгакову-петербургскому: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force[44], говорил он. Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил всё по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа».

Поглядеть на юную жену поэта специально приехала из Захарова дочь Арины Родионовны, Марья Федоровна. Узнав ее, Пушкин воскликнул, выведя Наталью Николаевну:

— Посмотри, Марья, вот моя жена!

Довольству Пушкина, казалось, не было конца; он велел принести и женино рукоделие. «Вынесли мне это показать ее работу, шелком, надо быть, мелко-мелко, четвероугольчатое, вот как то окно», — рассказывала спустя годы Марья Федоровна.

В последний день Масленицы, когда заканчивались все балы и празднества, Пашковы пригласили Пушкиных на санное

катание. Почти 40 участников разместились в трех больших санях. В сани с самим Сергеем Пашковым и его женой уселись Пушкины, Елизавета Нарышкина, Н. Г. Ломоносов, князь Платон Мещерский, Сергей Норов, П. П. Свиньин, девица Долгорукова, поэтесса Елизавета Сушкова (будущая графиня Ростопчина) и ее гувернантка мадам Дювернуа. После катания потчевались блинами у Пашковых.

Одним из первых с «окончанием кочевой жизни» поздравит Пушкина Плетнев: «Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне бродить без цели. Всё, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искренне поздравление мое и Наталье Николаевне: цалую ручку ее».

В ответ Пушкин пишет: «Я женат — и счастлив. Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился…»

Екатерина Андреевна Карамзина отправила 3 марта очень теплое послание: «Задолго до получения вашего письма, милый Пушкин, я поручила Вяземскому поздравить вас со счастливым днем и пожелать, чтобы ваше счастье было настолько постоянно и совершенно, насколько это возможно на земле. Спасибо за то, что вы вспомнили обо мне в первые моменты вашего счастья, — это истинное доказательство дружбы. Я повторяю мои пожелания или скорее надежду, что ваша жизнь станет тихой и спокойной настолько же, насколько она была бурной и мрачной до сих пор, что ваша кроткая и красивая избранница будет вашим ангелом-хранителем, что ваше сердце, всегда такое доброе, очистится возле вашей молодой супруги. Божественное милосердие да благословит и да сохранит вас! Я очень бы хотела быть свидетельницей вашего нежного и добродетельного счастья. Вы не усомнитесь в искренности этих пожеланий, как не сомневаетесь в дружбе, которая их внушила той, которая до конца жизни вам преданная — Е. Карамзина». Особую приписку она сделала для Натальи Николаевны, первой назвав ее Пушкиной: «Прошу вас передать Mad. Пушкиной мою благодарность за ее любезные строки и сказать ей, что я ценю ее молодую дружбу, и уверить ее, что, несмотря на мою холодную и суровую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно если она упрочит счастие своего мужа. Дочери мои, как вы сами можете представить, нетерпеливо желают познакомиться с прекрасной Natalie».

Лишь в воспоминаниях, записанных много позже гибели Пушкина, оценивая происходившее задним числом, люди, иногда

далекие в ту пору от Пушкина, могли подобно Н. М. Смирнову сказать, что «женитьба была его несчастие» и «все близкие друзья его сожалели, что он женился»: «Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более что, не имея еще собственного имения, живя произведениями своего пера и женясь на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо».

Своеобразным подарком Пушкину к свадьбе станет его портрет, заказанный в 1827 году Оресту Кипренскому лицейским товарищем, бароном А. А. Дельвигом, и купленный у его вдовы Плетневым в январе 1831 года за тысячу рублей. Пушкин откликнулся посланием к художнику:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных Аонид[45].

В конце февраля вышел третий номер рукописного журнала «Момус», выпускавшегося кружком студентов Московского университета, членами которого были поклонники Натальи Николаевны Давыдов и Сорохтин. В этом номере были помещены два произведения, в которых обыграна свадьба Пушкина и Гончаровой. Первое, «Элегия», представляло собой монолог несчастного отвергнутого влюбленного:

Мне предпочла она другого;
Другой прижмет ее к груди!..
Былое, возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! Невозвратно… Боже! Боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;
Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!..
А я? Меня пожрет страданий пламень!..
Быть может, раннею весной

Гуляя с ним, она отыщет камень —
Друзья! Могильный камень мой…
Эраст Фаев

2 генваря 1831

Гранатный переулок.

Там же была напечатана драматическая сценка «Два разговора об одном предмете», подписанная «Простодушный», в которой под говорящими именами Надежды Изразцовой и Фузеина выведены Гончарова и Пушкин:

«(Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.)
Фарсин. Видел ли ты ее?
Иксин. Кого?
Фарсин. Профан! Ее: Надежду Изразцову?
Иксин. Видел. Что ж дальше?
Фарсин. Не правда ли, что она более нежели божественна?
Иксин. Неправда. Она хороша и только.
Фарсин. Вандал! Готтентот! Можно ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие, смотри на них… Впрочем, они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек… А моя Надежда? О! какое сравнение!
Иксин. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! Растолкуй ради бога!
Фарсин. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду — и она меня любит.
Иксин. А! теперь понимаю.
(Семейство Изразцовых приближается; к ним подходит поэт Фузеин.)
Иксин. Фузеин знаком с Изразцовыми?
Фарсин. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.
Иксин. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!
Фарсин. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. *(Уходя.)* Ах, как она прекрасна!

(Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.)

Иксин. Вот и семейство Изразцовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

Фарсин *(протяжно)*. Говорят… *(Со смехом.)* Поддели молодца!..

Иксин. Как хочешь, думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, я сам то же думаю.

Иксин. Например, что за глаза, что за колорит?

Фарсин. О! что до глаз, так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то — каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба.

Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Изразцовым, — не то заговоришь. Это — нелепость невиданная, неслыханная! Планы трагедий Сумарокова гораздо сноснее, версификация Тредьяковского благозвучнее.

(Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать.)».

В конце апреля в журнале «Московский калейдоскоп» за 1831 год в статье «Тверской бульвар» Михаил Николаевич Макаров за подписью «Тверской отшельник» напечатал стихотворение, где перечислил гуляющих по бульвару, среди которых и Пушкин с Натальей Николаевной:

Здесь и романтик полупьяный,
И классицизма вождь седой,
С певцом ругавшийся Татьяны;
И сам певец с своей женой.

Десятого апреля с поздравительным визитом у Пушкиных был Сергей Николаевич Глинка, написавший экспромт, напечатанный 24 апреля в семнадцатом номере «Дамского журнала»:

ПУШКИНОЙ И ПУШКИНУ

(Экспромт, написанный в присутствии поэта)

Того не должно отлагать,
Что сердцу сладостно сказать,
Поэт! Обнявшись с красотою,

С ней слившись навсегда душою,
Живи, твори, пари, летай!..

Теперь ты вдвое вдохновлен;
В тебе и в ней все вдохновенье.
Что ж будет новое творенье?
Покажешь: ты дивить рожден!

10 апреля 1831 года. В доме поэта

В Петербурге не меньше, чем в Москве, обсуждают свадьбу и ожидают молодых. 24 апреля Д. Н. Гончаров сообщает деду Афанасию Николаевичу в Полотняный Завод: «Что же касается до сердечных обстоятельств нашего дома, я с тех пор, как выехал из Москвы, ничего не знаю, ибо я получал раза три письма от маменьки, но особенного она мне ничего не пишет, и что там у них делается, ничего не знаю. Я даже не извещен и о предстоящем отъезде наших молодых из Москвы, о чем, впрочем, я уведомлен только с Воскресения через отца Александра Сергеевича, с которым я иногда видаюсь».

Я. И. Сабуров, помнивший Пушкина по его петербургской юности, пишет брату: «Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина: склонится ли он под супружеское ярмо, которое не что иное как *poolpure*[46] и часто не слишком верная. Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни? Впрочем, мы ничего не теряем. Во всяком случае, на худой конец, больше будет прекрасных строф… Пусть брак и семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее…»

Одно из немногих суждений, в которых заключено сожаление по поводу предстоящей судьбы Натальи Николаевны в браке с Пушкиным, высказано ровно через месяц после их свадьбы, 18 марта, бывшим директором Лицея Е. А. Энгельгардтом в письме Матюшкину: «Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами. Жаль ее: она верно будет несчастлива».

Просвещенный человек и незаурядный педагог Егор Антонович в Лицее проглядел Пушкина, не увидел в нем ничего хорошего и не пожелал менять мнение даже спустя годы. Он готов прислушиваться и к сплетням, если они были направлены против поэта и подтверждали его собственное мнение о нем. Наталью Николаевну, которую Энгельгардт и в глаза не видел, он представляет и любезной, и образованной, и даже с деньгами, которых у нее не было. Для Пушкина же он не находит ни одного

доброго слова.

В середине марта проездом из Петербурга к месту службы сутки провел в Москве поэт В. И. Туманский, одесский приятель Пушкина, которому он радовался, как ребенок, оставил обедать и познакомил со своей «пригожею женою». Он, кажется, был единственным, кто не восхитился красотой Натальи Николаевны: «Пушкина беленькая, чистенькая девочка с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка и неразвязна; а все-таки московщина отражается в ней довольно заметно». После обеда хозяин читал восьмую (первоначально девятую) главу «Онегина», вызвавшую восторг гостя: «Ах!., что за прелестная вещь девятая песнь Онегина. Как глубокомысленно означил Пушкин этикетное петербургское общество; как хороша Татьяна, увлеченная примером большого света на поприще притворства и приличия; как смешон и вместе жалок Онегин, гаснущий от ее холодности; как трогательно свидание их…» Самому Пушкину еще предстояло из московской барышни сотворить петербургскую Татьяну.

О встрече с поэтом в дни начала его семейной жизни вспоминала цыганка Таня: «Раз всего потом довелось мне его видеть. Месяц, а может и больше после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: „Радость моя, Таня, здорово!“ Обернулась я, а это Пушкин, окно опустил, высунулся в него сам, а оттуда мне ручкой поцелуй посылает… А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная, — глядит на меня, улыбается. Уж я не знаю, право, что она об этом подумала, только очень конфузно показалось мне это в ту пору…»

Среди тех, кто тогда в обществе сумел по достоинству оценить этот союз, была почтенная дама Екатерина Евгеньевна Кашкина, двоюродная тетка П. А. Осиповой, сообщившая ей: «Кстати об этом авторе: с тех пор, что он женился, это совсем другой человек — положительный, рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы, так как утверждают, что она столь же умна, как и красива, — осанка богини, с прелестным лицом; и когда я его встречаю рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького очень умного и смышленого животного, которое ты угадаешь и без того, чтобы я тебе называла его». Догадаться, какое животное имела в виду Кашкина, нетрудно, но представила она его очень мило.

Сын же Прасковьи Александровны, приятель Пушкина

Алексей Вульф, еще задолго до свадьбы, которая все время откладывалась, 28 июня 1830 года записал в дневнике: «Сестра сообщает мне любопытные новости, а именно две свадьбы: брата Александра Яковлевича и *Пушкина на Гончаровой,* первостатейной московской красавице. Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и его образом мыслей. Если *круговая порука есть* в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов, то тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. Желаю, чтобы я во всем ошибся».

Кажется, в связи с замужеством Натальи Николаевны, наделавшим столько шума в Москве, «бабушке московской» Е. П. Яньковой припомнилась женитьба Осипа Абрамовича Ганнибала на Марии Алексеевне: «Когда она выходила за Ганнибала, то считали этот брак для молодой девушки неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки»:

Нашлась такая дура,
Что не спросясь Амура,
Пошла за *Визапура*[47].

В веренице встреч и ярких впечатлений начала семейной жизни, кажется, одно должно было напомнить Пушкину былое, увлечения юности, за которые теща укоряла его, а жена ревновала. Уже незадолго до отъезда в Петербург Пушкин с Натальей Николаевной имели возможность присутствовать на благотворительном спектакле «Медея» в зале Благородного собрания, в котором главную роль исполняла княгиня Е. С. Гагарина, для всех тогдашних театралов известная как Екатерина Семенова, великая трагическая актриса. Выйдя замуж за князя Ивана Алексеевича Гагарина, она покинула театр и выступала только на домашней сцене или в благотворительных спектаклях. Первый выход Пушкина с невестой 3 мая 1830 года состоялся, как мы помним, в Благородное собрание, где давали драму А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» с участием Семеновой. А незадолго до свадьбы Пушкин подарил ей экземпляр «Бориса Годунова» с надписью на обложке: «Княгине Екатерине Семеновне Гагариной от Пушкина. Семеновой — от сочинителя». Нам неизвестны обстоятельства этой прощальной встречи Пушкина с той, в которую он некогда был влюблен и чье имя занес в свой Дон-Жуанский список. Преувеличенные рассказы о беспутной жизни Пушкина в годы петербургской юности, доходившие до ушей Натальи Ивановны, включали в число его возлюбленных и Семенову. Но хорошо знавший актрису и сам безнадежно в нее влюбленный **Н.** И. Гнедич полагал, что она

вовсе не отвечала ему взаимностью.

Воспитанница театрального училища в Петербурге, она была незаконной дочерью и крепостной учителя кадетского корпуса поручика Жданова, которому ее мать Дарья была подарена богатым смоленским помещиком Путятой за воспитание сына. Сама она 15 лет была в связи с князем Гагариным, от которого имела четверых детей, но только в 1826 году оставила сцену и поселилась с ним в Москве, а в 1828 году вышла за него замуж. Наталья Николаевна видела ее на сцене только в благотворительных спектаклях.

«Медная бабушка»

С самого начала семейной жизни Пушкин по-новому строит свои отношения с семейством Гончаровых, и Наталья Николаевна держит при этом его сторону. Уже 24 февраля Пушкин в совершенно ином тоне, нежели прежде, пишет деду жены. Известив его о состоявшейся свадьбе, Пушкин сообщает: «Вы все еще тревожитесь насчет приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтоб вы не расстраивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать».

Родственники жены ожидали, что после свадьбы Пушкин с женой совершит поездку в Полотняный Завод, но он вежливо устраняется от такого визита: «Долг наш и желание были бы ехать к вам в деревню, но мы опасаемся вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение».

Впервые Пушкин говорит уже не только от себя, а настойчиво употребляет местоимение «мы», выступая тем самым и от лица жены. Наталья Николаевна делает приписку к письму мужа:

«Любезный дедушка!

Имею счастие известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей стороны чувства преданности, любви и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы по-прежнему остаетесь моим вернейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и честь имею пребывать навсегда покорная внучка

Наталья Пушкина».

Это первое известное нам письмо Натальи Николаевны, которое она подписывает фамилией Пушкина. Интересно, что Пушкин самым внимательным образом прочел эту маленькую приписку, сделав в ней три исправления. Во-первых, жена ошиблась, написав «с моей стороне» и Пушкин исправил на «стороны». Во-вторых, выражение «преданной любви» он исправил на «преданности, любви». И, наконец, перед «честь имею»

приписал «целую ручки ваши».

Это было и первое письмо, написанное Пушкиным на бумаге Полотняного Завода с водяными знаками «АГ. 1830», то есть с инициалами адресата. Ею пользовались все в семействе Гончаровых, а со времени свадьбы и до конца жизни и Пушкин будет писать на гончаровской бумаге.

В другом, не дошедшем до нас письме Пушкин, уже на правах своего человека, даже рекомендует Афанасию Николаевичу Александра Юрьевича Поливанова в качестве жениха для его средней внучки Александры. В том же письме зашла речь и о нижегородской деревне Катунки, выделенной дедом для Натальи Николаевны. Судить об этом позволяет ответ Афанасия Николаевича от 9 апреля: «Сейчас получа письмо ваше, спешу вам на то своим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже. — Паче ваш поверенный может иметь способ совершить сию крепость — с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию».

Афанасий Николаевич составляет «крепость», оставив пропуски для цифр, которые надлежало вписать:

«Лета 1830 Майя в… день Надворный Советник и Кавалер Афанасий Николаев сын Гончаров, сговорил я дочь сына моего Коллежскаго Ассесора Николая Афанасьева, а мою внуку девицу Наталью в замужество 10-го класса за Александра Сергеевича Пушкина, а в приданое за нею даю… недвижимого имения: находящегося в залоге, Императорскаго Воспитательнаго Дома Московского Опекунскаго Совета позволению онаго и переходом на нея девицу Наталью числющагося по ныне онаго Совета долга и всех обязанностей в платеже капитала и процентов из имения моего. Доставшегося мне по наследству после покойнаго родителя моего Николая Афанасьевича Гончарова, состоящаго Нижегородской губернии Балахнинскаго Уезда (в таких то деревнях писать имею по скольку душ) а всего по 7-ой ревизии… душ мужеска полу с женами и детьми их со внучатый приемными обоего пола; с наличными и беглыми; вновь рожденными и со всеми к ним принадлежностьми со всем их строением. С пожитками и со скотом с пашенною и непашенною земле, с лесами, иными по косами и всякими угодьями, сколько по писцовым и отказным книгам, по дачам, межеванью и по всяким крепостям и сделкам к вышеписанным деревням принадлежит и в моем при тех деревнях владении состоит, не оставляя и не исключая ничего, но все без остатку, каковому имению по совести

объявляю цену… И имеет она Наталья право оным имением владеть, продавать и укреплять на общем праве владельцев, даже я не предоставляю себе права переменять или уничтожать сию запись и возвратить себе отданнаго ей внуке моей Наталье имения, а потому сия запись и навсегда да будет в запись».

Пушкин отсылает к Афанасию Николаевичу своего поверенного для переговоров по поводу судьбы заложенного имения и в очередном письме весьма по-деловому высказывает свое мнение относительно составленного документа: «Мне нельзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться. И имение могло быть наконец совершенно потеряно. Если вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покаместь Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, *с условием, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным* — (Дай Бог, чтобы оно и долее оставалось таковым!). В таком случае вексель должен быть дан *от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских,* чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не в десятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим вашим внукам, а доверенность на управление только в случае их замужества».

В результате всех этих переговоров появились проекты нужных Пушкину документов. Первый из них — доверенность (также с пропусками для чисел), которая тут же была подвергнута критике как неправомерная с юридической точки зрения (скорее всего, поверенным Пушкина, рукой которого на ней сделаны пометки):

«1831 года Майя… дня. Мы нижеподписавшиеся надворный советник и кавалер Афанасий Николаев сын Гончаров и из дворян 10-го класса Наталья Николаева Пушкина заключили сие условие:

1-е. Я Афанасий Гончаров занял у нее Натальи Пушкиной денег государственными ассигнациями 000 рублей, в чем и дал ей от крепостных дел заемное письмо, писанное и совершенное сего Майя дня в Медынском Уездном Суде сроком и т. д.

2-е. А я Пушкина, получа означенную доверенность во управление мое, его, Гончарова, имение, обязываюсь вышеизъясненное письмо при жизни его, Гончарова, ко взысканию никуда не представлять и никому не передавать, разве в таком токмо случае должна я представить, ежели какое государственное место вызывать будет его, Гончарова, кредиторов и т. д.

3-е. Есть ли означенной Гончаров, который дед мой родной, кончит жизнь его (чего Боже сохрани) прежде заплаты мне по

описанному заемному письму денег, то я должна сие условие сохранить свято и нерушимо с сыном его, а моим отцом, коллежским ассессором Николаем Афонас. Гончаровым, который есть единственный после его наследник. — Вот тут преткновение, ибо он наследник, без него ничего, — ни вступает во владение, ни уничтожается опека, потому что дети его, при жизни его, не могут вступить во владение, чего я прежде не догадался».

Вся сделанная запись перечеркнута от первых до последних слов и внизу приписано: «Стало один конец — дать ей заемное письмо. А от ней подать в суд просьбу, что она при выдаче ее в замужество получила полное вознаграждение от вас и уже из имения вашего от наследников никакой части требовать не должна, а остается довольною вашим вознаграждением, а условие остается в двух только пунктах».

В конечном итоге появился на свет проект другого документа от имени Натальи Николаевны, который устраивал Пушкина:

«1831 года мая… дня я нижеподписавшаяся из дворян 10-го класса Наталья Николаева дочь Пушкина дала сей реверс Надворному Советнику Афонасью Николаевичу Гончарову в том, что по заемному письму данному мне им сего 1831 года мая… дня в занятых им у меня деньгах… руб. сроком на один год обязуюсь я Наталья Пушкина не токмо по истечении сего срока но даже до конца жизни его г. Гончарова в помянутой сумме денег, а также и на оную процентов нисколько не взыскивать, равно обязуюсь при жизни его г. Гончарова сие заемное письмо ни кому не передавать в противном же сему случае волен он г. Гончаров просить о поступлении со мной по законам и денег нисколько не платить. По кончине же г. Гончарова вольна я Пушкина сим обязательством его г. Гончарова расположить так как сама заблагорассудится».

Все документы от имени Натальи Николаевны, сохранившиеся в семейном архиве Гончаровых, не могли составляться без ее участия в заботах о будущем семьи. Но они, кажется, так и остались в проектах, которым не был дан законный ход. В итоге Наталья Николаевна получила в приданое от деда заложенное имение и медную статую Екатерины II, а от матери — заложенные бриллианты и изумруды. Наталья Ивановна предоставила зятю с дочерью закладные квитанции, чтобы они выкупили их сами, что Пушкин и сделал, а перед отъездом из Москвы вновь заложил.

Пушкины предполагали прожить в Москве полгода, на этот срок и была снята квартира на Арбате, а в конце июня собирались переехать в Петербург, о чем поэт писал Плетневу еще 13 января: «Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце,

пол-года проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя — та же тетка. То ли дело в П. Б.! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна»[48].

Одна из подруг Натальи Гончаровой, княгиня Долгорукова, урожденная Малиновская, так представила картину отношений тещи с зятем той поры: «Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери». Пушкин предпочел бы, чтобы она более заботилась о материальном ее положении. Как раз с выяснением денежных дел был связан тот самый крупный разговор, который переполнил чашу терпения, после чего Пушкин увозит жену в Петербург.

Оттуда он написал теще решительное письмо, в котором объяснил причины отъезда: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

Всеми своими планами, в том числе и относительно переезда в Петербург, он делится только с Плетневым. Ему, не только другу, но и издателю, от которого во многом зависело материальное благополучие поэта, он поверяет свои дела, рассказывает об отношениях с тещей в уверенности, что тот поймет его, как никто другой. Так, заканчивая адресованное ему письмо, начатое еще 26 марта, Пушкин сообщает: «О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 30,000 р., я женился и обзавелся кой как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частию оттого, что их дела расстроены, частию от того, что на слова надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо

женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать».

Уже появился на свет первенец Пушкина и Натальи Николаевны, дочь Мария, когда за праздничным обедом 7 июня 1832 года все Гончаровы собрались за одним столом, Пушкин возобновил, пользуясь достойным поводом, разговор о приданом жены.

Впервые идея о продаже статуи Екатерины II появилась еще до свадьбы Пушкина с Натальей Николаевной, летом 1830 года, когда они нанесли визит деду невесты. Тогда началась история с «Медной бабушкой», как остроумно назвал ее поэт, которая затянулась надолго.

Бронзовая статуя была в восьмидесятые годы XVIII века заказана самим Потемкиным в Берлине скульптору Мейеру, в 1782 году отлита, а в 1786-м окончательно отделана, о чем свидетельствовала и надпись на ней: «Мейер лепил, Наукиш отлил, Мельцер отделал спустя шесть лет в 1786 году». Потемкин скончался, так и не расплатившись за нее. Несколько лет спустя статую приобрел прадед Натальи Николаевны Николай Афанасьевич Гончаров, решив установить ее в Полотняном Заводе в память о посещении его Екатериной II в декабре 1775 года. Такова была семейная легенда; но и Пушкин, и его друзья, в том числе С. А. Соболевский, всю эту историю излагали иначе, называя заказчиком самого прадеда Натальи Николаевны. Как бы то ни было, но скульптура была доставлена в Полотняный Завод, где и пребывала долгие годы, так и не установленная. Возможно, сначала помешала смерть Николая Афанасьевича, а позднее — нежелание наследников хлопотать о разрешении на установку и вступать в новые неизбежные расходы. Когда же Пушкин посватался к Наталье Николаевне, то Афанасию Николаевичу пришла в голову идея продать статую на металл, чтобы вырученные деньги отдать в приданое любимой внучке. Поэту не оставалось ничего иного, как попытаться претворить ее в жизнь, так как рассчитывать на приданое в какой-то другой форме ему явно не приходилось. Ко всему прочему, он доверился информации Афанасия Николаевича относительно цены в 40 тысяч рублей, которую ему якобы предлагали некие покупатели. Однако когда после долгих хлопот Пушкину удалось получить разрешение на переплавку и продажу статуи у самого императора, мифические покупатели не объявились.

Эпопея с «Медной бабушкой» возобновилась с переездом Пушкиных в Петербург: статуя, заменившая приданое, была перевезена в Северную столицу и стояла во дворе дома Алымовых, где в ту пору жил поэт с женой. Ввиду увеличения

семейства он был особенно заинтересован в ее продаже, но теперь речь пошла не о переплавке монумента, а о возможности его приобретения в казну. Но окончательно решить судьбу «Медной бабушки» своими силами, без вмешательства всесильного графа Бенкендорфа, было невозможно. 8 июня 1832 года Пушкин, явно вследствие новых переговоров с Гончаровыми, обращается к Бенкендорфу с письмом, напоминая о прежнем разрешении расплавить и продать ее на металл, и предлагает другое решение ее судьбы: «Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и мне стало совестно и жалко ее уничтожать… Ваше превосходительство… подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда». Он предлагает установить памятник «либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает», и хочет получить за нее «25 000 рублей, что составляет четвертую часть того, что она стоила».

Через два дня письмо Пушкина начало канцелярское прохождение. 10 июня оно было переслано в Министерство императорского двора, где на нем появилась резолюция министра, князя П. М. Волконского, а на копии, пущенной в делопроизводство, была поставлена помета: «На подлинном собственноручно г. министром отмечено: „Писать к президенту Академии, чтоб послать осмотреть сию статую к автору Пушкину гг. Мартоса, Демута, Галберга, Орловского с тем чтобы донесли как о достоинстве ея, так и о цене“». Еще через три дня, 13 июня, уже за подписью самого князя Волконского отправляется письмо президенту Академии художеств.

22 июня конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович сообщает предписание министра под роспись ректору И. П. Мартосу, профессору В. И. Демут-Малиновскому и академикам С. И. Гальбергу и Б. И. Орловскому.

Двенадцатого июля после осмотра статуи Мартос, Гальберг и Орловский составили акт «о достоинствах этого произведения как монументального, которое непростительно было бы употребить для другого какого-либо назначения». По их мнению, она «заслуживает внимания правительства; что же касается до цены сей статуи 25 тысяч рублей, то мы находим ее слишком умеренной, ибо одного металла… имеется в ней по крайней мере на двенадцать тысяч рублей, и если бы теперь… сделать такую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой г. Пушкиным».

В феврале 1833 года уже Наталья Николаевна возобновила хлопоты по поводу «Медной бабушки», обратившись с письмом к Волконскому: «Князь, как я намеревалась продать в казну

бронзовую статую, которая, как мне сказали, стоила моему деду 100 000 рублей, а за которую я хотела бы получить 25 000. Посланные для ее осмотра академики говорили, что она стоит этих денег. Но, не получая больше известий об этом, я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к вашей любезности. Намереваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую спросил мой муж, кажется чрезмерной? В последнем случае нельзя ли было выдать нам, по крайней мере, *материальную* стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить, когда и как вам будет угодно. Суббота. 18 февраля 1833».

Проставленная под прошением дата отнюдь не случайна: ровно двумя годами ранее Пушкин и Наталья Николаевна обвенчались. Несмотря на то, что на этот раз с прошением обращалась сама Наталья Николаевна, и даже на то, что Пушкин, надписавший письмо, приложил к нему свой перстень-талисман, в волшебную силу которого так верил, оно не возымело успеха. Князь Волконский, наведя необходимые справки, хотел было даже не отвечать на прошение сам, наложив на представленном ему экстракте дела резолюцию: «Гр. Сансе просить ответить г-же Пушкиной, что я крайне сожалею о невозможности исполнить ее просьбу по весьма затруднительному положению, в котором находится нынче кабинет, отчего не может делать никаких приобретений сего рода». Но, прикинув, что подобная отписка будет выглядеть не слишком прилично, он в конце концов 23 февраля ответил сам, соблюдя все приличия и в самых изысканных выражениях, письмом, которое не оставляло никаких сомнений в окончательности отказа и бесполезности дальнейших обращений по этому поводу.

Письмо Натальи Николаевны находилось в архиве Министерства императорского двора в специально заведенном деле «О бронзовой колоссальной статуе Екатерины II, предлагаемой к покупке писателем А. Пушкиным», ныне хранящемся в Пушкинском Доме. После этого письма Пушкину оставалось лишь смириться с невозможностью получения приданого от Гончаровых. «Медная бабушка» осталась стоять во дворе дома Алымовых.

Последним отголоском этой истории стало позднейшее недатированное письмо Пушкина Любови Матвеевне Алымовой, дочери домовладельца, с просьбой позволить ростовщику Юрьеву забрать монумент. Эта новая сделка Пушкина со своим кредитором, очевидно, не состоялась — статуя так и осталась на месте. Только после смерти Пушкина она была продана заводчику Францу Берду, у которого ее, в свою очередь, купило екатеринославское дворянство, решившее, подобно Гончарову,

отметить память «великой жены», основавшей их город во время того же самого путешествия на юг в 1775 году, когда она заезжала в Полотняный Завод. В 1846 году многострадальная статуя дождалась, наконец, установки, пусть и не в Полотняном Заводе, а, что было даже почетнее, в Екатеринославе. Ее поставили на главной городской площади перед Екатерининским собором, заложенным некогда великой императрицей.

Восьмого января 1835 года Пушкин записал в своем дневнике историю, служащую прекрасной иллюстрацией широко известной скупости князя Волконского и сомкнувшуюся с другой историей — о закладе самим Пушкиным драгоценностей жены:

«Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене, они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был перезаложить их в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. — „Дороже нет“, — отвечал Волконский. — „Если нет, делать нечего, — отвечал государь, — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе“. Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелись уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня „Записки“ Екатерины II и сходит от них с ума».

Символично, что князь Волконский отверг статую Екатерины II, а великая княгиня Елена Павловна зачитывается полученными от Пушкина «Записками» прабабушки, переписанными Натальей Николаевной. Да и девять тысяч рублей, в которые оценивалась «бедная» табакерка, соответствуют сумме заклада, полученной в московском ломбарде за упомянутые бриллианты Натальи Николаевны. Пушкин, передав эту историю потомству, как нельзя лучше отомстил скаредному князю Волконскому.

Глава четвертая. ЖЕНА ПОЭТА

А у князя жонка есть,
Что не можно глаз отвесть…

А. С. Пушкин

Между Арбатом и Мойкой

Пятнадцатого мая 1831 года, прожив почти три месяца в доме на Арбате, молодожены отправились в Петербург. Это было своеобразное «свадебное путешествие» и единственная совместная поездка четы Пушкиных. Добирались они трое суток. Если Пушкину главная дорога России была хорошо знакома с отроческих лет, с той поры, когда дядюшка Василий Львович отвез его поступать в Лицей, то в жизни Натальи Николаевны это было первое большое путешествие в сознательном возрасте. Они преодолели 722 версты с остановками для смены лошадей на двадцати семи почтовых станциях в пределах четырех губерний — Московской, Тверской, Новгородской и Петербургской.

Прибыли они 18 мая, поселившись на неделю в знаменитой петербургской гостинице Демута. В первом письме в Москву, адресованном Нащокину, Пушкин сообщает: «Приехали мы благополучно, мой милый Павел Воинович, в Демутов трактир, и на днях отправляемся в Царское Село, где мой домик еще не меблирован… Моя жена тебе очень кланяется».

Один из первых визитов, чуть ли не на другой день по приезде, супруги Пушкины нанесли Елизавете Михайловне Хитрово. Ее дочь Дарья Федоровна Фикельмон не замедлила отметить свое первое впечатление: «Пушкин… привез свою жену, но не хочет еще ее показывать. Я видела ее у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая — лицо Мадонны… Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более чем поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, что ему недостает, чтобы быть красивым, — он так хорошо говорит, его разговор так интересен, сверкающий умом без всякого педантства».

В среду 20 мая на вечере у Плетнева Пушкин представил Наталью Николаевну ближайшим друзьям. Сам он впервые встретился у Плетнева с Гоголем, которого тот специально позвал к себе для знакомства с поэтом.

Пушкин и Наталья Николаевна 22 мая наносят визит семейству Карамзиных. Представление жены в этом доме было для поэта особенно важно, мнением вдовы историографа он дорожил более, чем чьим бы то ни было. Екатерина Андреевна на другой день написала Вяземскому о своем первом впечатлении: «Мы видели Пушкина и его красивую жену, они выглядели очень хорошо вместе». Ее дочь Софья Николаевна вторит ей: «Мы несколько раз видели Александра Пушкина, который образумился и очень счастлив, и только раз — его очень красивую жену». Так к московским голосам восхищения красотой Натальи Николаевны присоединяются петербургские. Пушкин рассказывает о своих царскосельских планах Карамзиным, для которых, как и для Пушкина, Царское Село было почти родным.

В этот визит, по всей видимости, был решен вопрос о мебели для нового жилища. Карамзины предложили Пушкину по сходной цене купить мебель Вяземского с его царскосельской дачи. Пушкина это устраивало вдвойне — и дешево, и близко.

Завязалась курьезная история. Вяземский ошибочно полагал, что эта мебель взята напрокат, и просил Карамзиных «отдать» ее купцу. Таким купцом оказался Пушкин, сообщивший прежнему владельцу о своем приобретении. Вяземский же, узнав, что отдавать мебель не надо, захотел ее оставить себе, разрешив Пушкину пользоваться ею до своего приезда. Пушкин написал другу 3 июля: «Ты требуешь назад свою мебель. Эх, милый! Трудно в Царском Селе мне будет найти новую. Нечего делать, возьми себе назад. Только мне жаль будет тебе оставить ее за ту же цену. Ей-богу, ваше сиятельство, больше стоит. Она мне досталась по оказии и по знакомству; право не грех прибавить рублей сто». «Нет, батюшка, государь мой Александр Сергеевич, — возражал Вяземский 14 июля, — ста рублей не придам вам за мебели, сказать по совести, довольно будет с вас и того, что я ни гроша не беру за прокат и что можете пользоваться ими до приезда моего».

В те дни, когда мебель Вяземского перевозится на дачу Пушкина, собственные его вещи Нащокин отправляет обозом из Москвы.

Нам неизвестно, когда точно Пушкин представил жену родителям, но конечно же молодые были у них в гостях 23 мая, в день рождения Сергея Львовича. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна 4 июня сообщила мужу: «Брат мой и его жена приехали устраиваться здесь и пока проведут лето в Царском Селе. Они очень приглашают меня поселиться с ними. <…> Они обожают друг друга; моя невестка совершенно очаровательна, красавица и умница, и при всем том еще ребенок».

Елизавета Михайловна Хитрово пригласила Пушкина с женой в день его рождения к себе, явно желая сделать им приятное; но Пушкин даже по такому случаю не хотел вывозить жену в свет. День рождения он твердо решил отметить вдвоем с Натальей Николаевной в собственном жилье в Царском Селе. В канун дня рождения он сообщает Елизавете Михайловне в посланной с нарочным короткой записке: «Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренне сожалею, что не могу провести у вас вечер», — к которой Наталья Николаевна делает приписку: «Я в отчаянии, что не могу воспользоваться вашим любезным приглашением, — мой муж увозит меня в Царское Село. Примите выражение моего сожаления и совершенного уважения». В ее словах явственно сквозит недоумение. Она не могла покуда понять, что Пушкин в начале их семейной жизни хотел приобщить ее к воспоминаниям своей лицейской юности и отпраздновать свой день рождения без посторонних, с ней одной.

Проницательная Дарья Федоровна Фикельмон в письме Вяземскому от 25 мая 1831 года, в канун дня рождения Пушкина, написала по-своему пророческие строки: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его — прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем; у Пушкина видны все порывы страстей, у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, — добавляет она, — я видела эту красивую женщину всего только один раз».

За неполные шесть лет петербургской жизни Пушкины жили на семи квартирах и трех дачах. Самая счастливая и безмятежная пора связана с небольшим уютным домиком в Царском Селе, где они провели пять месяцев 1831 года — большую часть лета и лучшее время осени. По имени тогдашней хозяйки мы называем этот домик дачей Китаевой.

Еще в ту пору, когда Пушкин пребывал в Михайловском, сосланный туда Александром I, вступивший на престол новый император Николай I велел построить в Царском Селе для двух вышедших на покой личных камердинеров покойного брата Агафонова и Китаева домики на месте бывшего плаца — на углу Колпинской и Кузьминской улиц, напротив Александровского парка. Дом Китаева был построен из казенных средств по проекту архитекторского помощника Горностаева, просмотренному придворным архитектором В. П. Стасовым. Чертеж фасада был одобрен государем 11 декабря 1826 года и скреплен подписью

министра двора князя Волконского. Начатое в 1827 году строительство было завершено год спустя. Яков Китаев вскоре скончался, и с 1830 года владелицей домика стала его вдова.

Мысль поселиться с Натальей Николаевной именно в Царском Селе пришла Пушкину уже через полтора месяца после свадьбы, когда стало очевидным, что в Москве с тещей ему не ужиться. Дача была заранее снята П. А. Плетневым на условиях, которые изложил ему Пушкин: «Отлагаю чтение до Царского Села, где ради бога найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше, но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не нужно, ибо под боком у нас будет садище, а нужна кухня, да сарай, вот и все. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что всё де готово, и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову». Условия найма «фатерки» Пушкин формулирует весьма определенно: «1) на какой бы то ни было улице Царскосельской. 2) До января и потому квартера должна быть теплая. 3) Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно».

Двадцать четыре версты самой благоустроенной тогдашней дороги в России, украшенной придорожными фонтанами и отделанными мрамором верстовыми столбами, — и мечта, которая владела Пушкиным, наконец осуществилась. Семья поэта поселилась в уютном домике Анны Китаевой. Хозяйка занимала в доме три комнаты, а остальные семь с отдельным входом были в распоряжении Пушкина с Натальей Николаевной. Плетнев в полной мере исполнил пушкинские условия: дом был с мезонином, в котором была только одна комната, присмотренная для кабинета. Поскольку домик занимал угловой участок со схождением улиц не под прямым углом, то и его фасады располагались соответственно, а овальная гостиная как бы сводила их между собой, соединяла посредством огибающего ее крыльца с колоннами. На первом этаже одна за другой шли буфетная со столовой, овальная гостиная, будуар Натальи Николаевны и спальня. Мебелью Вяземского, уехавшего за границу, обставили дачу, как пришлось. Обеденного стола не оказалось, вместо него был приспособлен овальный гостиный. Собственные вещи прибыли из Москвы с большим опозданием.

Нанятый в Москве дворецкий Александр Григорьев должен был доставить в Царское Село обоз с вещами Пушкиных. Надзор за исполнением данного поручения принял на себя Нащокин, которому Пушкин сообщает 1 июня 1831 года: «Вот уже неделя, как я в Ц. С. <…> Теперь, кажется, всё уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следственно, без больших расходов и без сплетен». Только 11 июня Пушкин извещает

Нащокина: «…получил весь мой московский обоз. <…> Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской», — а 3 сентября рассказывает об увольнении нечистого на руку дворецкого: «Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Алекс.<андра> Григорьева оказался ошибочен: я потребовал щетов; заседание было… бурное… вследствии сего Алекс.<андр> Григ. <игорьев> сдал министерство Василию (за коим блохи другова роду)… Алекс.<андр> Гр.<игорьев> при отставке получил от меня в виде аттестата плюху…»

Иллюзия идиллической деревенской жизни вблизи столицы была нарушена вспыхнувшей холерой. И без того не дешевая жизнь в Царском Селе еще вздорожала после неожиданного переезда туда гонимой холерой императорской семьи, которая заперлась в своей резиденции. Ей вослед устремились двор и общество. Двор въехал в Царское Село 10 июля, что на иной лад перестроило всю жизнь маленького городка: «Царское Село закипело и превратилось в столицу». Поэт, искавший творческого и семейного уединения, вместо этого оказался в самой гуще придворной жизни. В большом Петербурге семейство Пушкиных еще могло оставаться в стороне от двора; в летней же резиденции, да еще запертой карантинами, оказаться в стороне от него не было никакой возможности.

День Пушкина по уже давно сложившемуся распорядку начинался рано с утренней прогулки и купания, затем он работал до середины дня, после чего следовала послеобеденная прогулка с Натальей Николаевной. Посмотреть на них стекались любопытные. А. О. Россет вспоминала, «что летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женой, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая по-тогдашнему красивая шаль». Вероятно, это та самая шаль, о которой сохранилось воспоминание барона Ф. А. Бюлера, в будущем директора Московского архива Министерства иностранных дел, а тогда десятилетнего мальчика: «Пушкина видел я в 1831 г. вместе с его молодою красавицей женою в саду Александровского дворца, в Царском Селе. Он тогда провел там все лето по случаю свирепствовавшей в Петербурге холеры. Однажды он вез оттуда жене своей в подарок дорогую турецкую шаль; ее в карантине окурили и всю искололи». Россет любила обедать у Пушкиных: там кормили пищей самой простой и полезной: щами или зеленым супом, большими рублеными котлетами со шпинатом; на десерт подавали варенье из белого крыжовника.

Самые близкие и дорогие Пушкину люди разделяли его

радость, переносили свои чувства к нему на Наталью Николаевну. Особенно приятно поэту было эпистолярное общение с П. А. Осиповой. Только к пушкинским письмам к ней делает приписки Наталья Николаевна. Например, к письму от 29 июля она добавила: «Разрешите мне поблагодарить вас за все те приятные вещи, которые вы мне говорите в письме к моему мужу; заранее поручаю себя вашей дружбе и дружбе ваших дочерей, примите выражение моего почтения».

Прасковья Александровна, в свою очередь, адресовала ей отдельную приписку к письму Пушкину от 21 августа: «Поистине, сударыня, те три строчки, которые вы прибавили для меня в письме, только что полученном мною от вашего мужа, доставили мне больше удовольствия, чем в другое время доставили бы три страницы, и я благодарю вас от всего сердца. Радуюсь надежде когда-нибудь увидеть вас, ибо я готова восхищаться вами и любить вас. Благодаря вам счастливы люди, которых я люблю, и тем самым вы уже имеете право на мою благодарность. Прошу вас верить очень дружеским чувствам покорной слуги вашей

Прасковьи Осиповой».

Перед самым днем рождения Натальи Николаевны Пушкин вчерне закончил «Сказку о царе Салтане» на основе записанной в Михайловском со слов Арины Родионовны сказки «Некоторый царь задумал жениться». Из всех его сказок эта самая радостная, оптимистическая, в ней даже зло не наказывается, а прощается. В бумагах поэта она обозначена первой в списке его сказок под названием «Сказка о женихе». В ней явно отразились его собственные тревоги и беспокойства, связанные со сватовством, препятствия, чинимые матерью невесты, и радостные ощущения от начала семейной жизни. «Три девицы» и «сватья баба Бабариха» отзываются ситуацией трех сестер Гончаровых, из которых две засиделись в невестах, и их сварливой матери. Хотя Бабариха ни разу не названа их матерью, но в конце, когда Гвидон, обращенный в шмеля, не стал ее жалить, прямо сказано:

А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей…

Во всех (в том числе и няниной) вариациях народной сказки, лежащих в основе пушкинской, отсутствует образ Царевны Лебеди, он привнесен автором под впечатлением тех чувств, которые рождала в нем Наталья Николаевна, и пропитан ощущением Царского Села с его царственными лебедями на глади Большого озера. Реальные события царскосельской жизни

— рождение великого князя Николая Николаевича и его крестины в придворной церкви Екатерининского дворца — также, вероятно, служили импульсами к созданию сказки. Еще 16 июля Пушкин сообщал Плетневу: «У нас в Ц. С. всё суетится, ликует, ждут разрешения царицы». Надежда Осиповна писала дочери 20 августа, что все царскосельские дамы, в том числе Натали, «готовятся к крестинам, которые состоятся послезавтра, в субботу». Соседство двора и радужные надежды на царя, с которым Пушкин встречался запросто и который благоволил к нему, — эта атмосфера нашла отражение в сюжете сказки и определила ее мажорный финал.

Сказка явилась своеобразным подарком Пушкина ко дню рождения и именинам жены, которые они впервые отпраздновали вместе. Эти дни для Пушкина всегда были священны как годовщина Бородинского сражения, весть о котором он встретил там же, в Царском Селе, в стенах Лицея; теперь же они стали дороги вдвойне.

Подходил к концу самый светлый, даже несмотря на эпидемию холеры, период жизни четы Пушкиных. Когда порой становилось грустно, поэт утешал себя и своих друзей, отделенных от него карантинами. «Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу, — писал он Плетневу. — Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богаче; мы встретим еще новых знакомцев, молодые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные ребята; мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо».

Многое для них переменилось и определилось за пять месяцев царскосельской жизни, только в отношениях с родными все осталось по-прежнему. Пушкин пишет Нащокину: «Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто… бранит меня да и только… Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Натальи Николаевны…»

Д. Н. Гончаров навестил сестру и шурина 21 сентября, о чем написал деду: «…четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей. Я видел также Александра Сергеевича; между ними царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось, — они думают переехать в Петербург в октябре; а между тем ищут квартеры».

Завершающим аккордом царскосельской жизни стала вставка

Пушкиным в восьмую главу «Евгения Онегина» письма Онегина Татьяне, отмеченная в автографе датой: «5 окт. 1831. С<арское> С<ело>». Она уравновесила письмо Татьяны Онегину, установив тем самым своеобразную симметрию в разрешении любовной коллизии романа. Письмо Онегина исполнено тех чувств, которые испытывал их автор в начале своей семейной жизни:

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами.
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами.
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть… вот блаженство.

Завершение романа совпало для поэта с началом новой, неведомой доселе жизни. Как в облике Татьяны для ее создателя сливаются жизнь и поэзия, так для Пушкина они слились в Наталье Николаевне. «Евгений Онегин», роман его жизни, был закончен. В заключительной строфе восьмой главы автор запутывает читателя, обращает его к той легенде, которую он создал, намекая:

А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал…
О много, много рок отьял!

Та или те, которых можно было бы назвать ее прототипами, теперь были заслонены свершившейся реальностью: Пушкин обрел свой Идеал.

Первоначально Пушкины намеревались провести в Царском Селе и зиму, отсрочив тем самым начало великосветской жизни, предполагая окунуться в нее после Рождества, на Масленицу, когда атмосфера всеобщего праздника объединяла на время все слои общества, отменяла ограничения этикета. Это способствовало бы адаптации Натальи Николаевны к непривычной среде. Но неожиданный переезд двора в Царское Село облегчил приспособление к высшему свету. Теперь откладывать переезд в Петербург не имело смысла, нужно было вывести супругу в свет в самом начале сезона. Таким образом, Пушкин оказался озабочен поисками петербургской квартиры. Его родители и сестра, искавшие тогда же квартиры для себя,

помогают и ему, однако их требования к столичному жилью во многом различались.

Около 15 октября Пушкин пишет Вяземскому, что покидает Царское Село и поселяется в Петербурге, сообщая свой первый петербургский семейный адрес: «…у Измайловского мосту на Воскресенской улице в доме Берникова», ошибочно указав вместо Вознесенского проспекта Воскресенский, весьма далекий от Измайловского моста через Фонтанку.

Вероятнее всего, первое семейное жилье приискали сыну Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины, снявшие себе, по словам дочери, «премиленькую квартиру у Синего моста», по соседству. Дом располагался вблизи Садовой улицы и принадлежал обер-прокурору Сената А. С. Берникову. Однако снятая квартира не устроила Пушкина, прежде всего из-за того, что Наталье Николаевне, уже беременной, было бы затруднительно подниматься на третий или четвертый этаж. Поэтому через неделю Пушкин присмотрел более удобную квартиру, ближе к центру, на втором этаже. Уже 22 октября он сообщает Нащокину: «Пиши мне: на Галерной в доме Брискорн». На следующий день сестра поэта, О. С. Павлищева, о том же пишет мужу: «Александр, который по приезде предлагал мне переехать к нему, своего предложения больше не повторял, а если бы и сделал это, я бы не согласилась: образ жизни, который они будут вести, мне не подходит: они будут принимать слишком много гостей, которые совсем не интересны мне, а мои друзья не в дружбе с ними. Пока они еще не совсем устроились; по приезде они выбрали дом, который им потом разонравился, и нашли другой, на Галерной, за 2500 рублей. Моя невестка беременна, но это еще не заметно; она очень хороша собой и любезна».

Хозяйкой дома была Ольга Константиновна Брискорн, вдова тайного советника Федора Максимовича Брискорна. Сама хозяйка с детьми от двух браков жила в особняке, выходившем на Английскую набережную. Участок дома по Галерной поначалу не был застроен. Только после смерти мужа вдова решила застроить участок с противоположной стороны, возведя на нем четырехэтажный доходный дом, на что и получила позволение в мае 1829 года. Строительство велось быстро, и уже с сентября 1830 года «Санкт-Петербургские ведомости» стали публиковать объявления о сдаче внаем «в доме, состоящем 1-ой Адмиралтейской части под № 225 по Галерной улице и Английской набережной… вновь отделывающихся квартир, удобных для помещения, со службами и с отоплением всех мест. Поварни в оных снабжаются посредством машин». Однако две самые дорогие квартиры продолжали пустовать. В одну из них и

въехали Пушкины. Скорее всего, Александр Сергеевич прочел объявление в той же газете: «По Галерной улице, в доме под № 225, отдаются в наем квартиры: в бэль-этаже одна о 9, а другая о 7 чистых комнат с балконами, кухнями, конюшнями, сараями, ледником, сухим подвалом, чердаком… на хозяйских дровах каждая по 2500 рублей в год».

Итак, квартира значилась в бельэтаже (ныне это второй этаж) с двумя балконами, то есть занимала половину парадного этажа дома. Переезд на Галерную состоялся не тотчас, некоторое время заняли хлопоты по устройству на новом месте. Посетивший Пушкина на новой квартире М. П. Погодин записал в дневнике 28 октября: «Он только что переехал и разбирается».

Название улицы напоминало о том, что здесь, в Адмиралтейской части города, некогда располагался галерный флот Петра I и селились его моряки. В этом квартале находился в ту пору и дом капитана галерного флота, грека на русской службе Андрея Диопера. На его дочери Евдокии женился первым браком прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал. Ему, чернокожему африканцу, она родила белую дочь. Затеян был бракоразводный процесс, затянувшийся на годы. Евдокия закончила жизнь свою на покаянии в Тихвинском Вознесенском женском монастыре.

Ко времени, когда Пушкин с женой поселился в этом квартале, о прошлом Адмиралтейской части напоминали разве что легенды и сохраненные названия улиц и набережных, ставших теперь вполне аристократическими. Параллельно расположена парадная Английская набережная с ее знаменитыми особняками, задние фасады которых выходили как раз на Галерную улицу. Представления светской барышни, мечтающей выйти замуж, о будущем доме на Английской, как мы помним, нашли свое отражение в «Романе в письмах», начатом осенью 1829 года в Тверской губернии в деревенской ситуации, близкой той, что изображена в письмах героев, и заброшенном перед отъездом Пушкина в Москву, где он сделал первую попытку сватовства к Наталье Николаевне.

То немногое, что нам известно о начале петербургской семейной жизни Пушкиных, протекавшей в доме Брискорн, позволяет говорить, что Наталья Николаевна была посвящена во все дела мужа и по мере сил помогала ему: пересылала письма, готовила подсобные материалы. К примеру, ее рукой были переписаны девять первых страниц «Записок Екатерины II». От кого Пушкин получил список, неизвестно. Секретный характер рукописи не позволял воспользоваться услугами обыкновенного писца. История этой копии необычна. Когда описывали после смерти Пушкина его бумаги, Николай I по поводу этого

документа распорядился кратко и выразительно: «Ко мне». В конце 1830-х годов копии «Записок» изымались правительством у частных лиц, а оригинал хранился за семью печатями в Государственном архиве. «Записки» были впервые изданы в 1859 году в герценовской Вольной русской типографии в Лондоне. Пушкинский же список более чем на сто лет исчез из поля зрения исследователей и был найден только в 1949 году в архиве Зимнего дворца. Вся копия была переписана на гончаровской бумаге с водяными знаками «АГ 1830» и «А. Гончаров 1830».

Переехав в Петербург, Пушкины сняли жилье только на полгода, предусмотрев предстоящее увеличение семейства и смену квартиры на более поместительную. К концу пребывания их в доме Брискорн Наталья Николаевна, готовившаяся стать матерью, уже не выезжала. Новую квартиру Пушкин начал подыскивать загодя. С этой целью он еще в марте 1832 года дважды посетил семью своего знакомого, полковника Алексея Илларионовича Философова, чтобы, как выразилась его сестра Екатерина Илларионовна, «осмотреть горницы», которые они собирались в мае освободить: «В первый раз, как он приходил, мы были дома одни; я, не взглянув на него и увидя, что шляпа у него очень затаскана, приняла его за лакея и отвечала сухо, не смотря на него, что заставило его, не оглядев горниц, скорей убираться вон. Когда же мне сказали, что это был Пушкин, два дня с досады не знала, что делать, не могла себе простить низкого чувства — судить людей по платью. Третьего дня он еще раз пришел, и братец был дома, уже принял его получше меня; я же отвесила ему низкий поклон за вину свою, и не знаю, сколько еще должна отвесить таковых же, за приятные часы, доставленные мне его стихами».

К 6 апреля 1832 года, годовщине получения Пушкиным согласия Натальи Ивановны на брак с ее дочерью, поэт заказывает для жены золотое кольцо с бирюзой с гравированной изнутри надписью: «А. Р. 6 avril 1832». Это кольцо потом хранилось в семье Пушкиных, пока не было подарено младшим сыном поэта Григорием Александровичем Пушкинскому Дому; ныне оно находится в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина.

В первой половине мая 1832 года Пушкины переезжают с Галерной улицы на Фурштатскую в дом Алымова. В Литейной части встречались дома в два этажа с каменным нижним и деревянным верхним, каким был и дом Алымова. Это единственный из домов, где жили Пушкины, не сохранившийся до наших дней. Однако его нетрудно представить себе по рисункам и планам. Такой дом, выходивший окнами на улицу с бульваром, с двором и деревянными постройками при нем,

должен был напомнить Наталье Николаевне уютные московские особняки. Квартира была в 14 комнат, с паркетным полом на втором этаже, с кухней, людской и прачечной.

Хозяин дома, титулярный советник Матвей Никитич Алымов, в мае 1831 года потерял жену Екатерину Петровну, умершую от холеры. Он происходил из старинной русской фамилии, родственной Пушкиным. Его старший сын Петр Матвеевич, вышедший в отставку штабс-капитаном артиллерии, был помещиком Старицкого уезда Тверской губернии и соседом Вульфов. Через его брата Павла Матвеевича Алымова, поручика Корпуса инженеров путей сообщения и псковского помещика, Пушкин в середине мая 1832 года послал первое письмо с нового адреса — Прасковье Александровне Осиповой, поздравляя ее с рождением внука[49]: «Дай Бог ему и его матери здравствовать, а нам всем побывать у него на свадьбе, если нам не пришлось быть на его крестинах. К слову о крестинах: они скоро будут у меня на Фурштатской, в доме Алымова».

Прасковья Александровна ответила из Пскова: «От души желаю, чтобы эти строчки застали вас уже отцом и чтобы ваша прелестная супруга так же благополучно разрешилась от бремени, как и моя дочь. Я жду этого известия с 20-го с нетерпением и не перестаю думать об этом». Как она и хотела, Пушкин прочтет эти строки, уже став отцом.

Косвенно с ожиданием появления на свет первого ребенка можно связать стихотворение, которое Пушкин вписал в альбом княжны Анны Давыдовны Абамелек 9 апреля 1832 года:

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Еще двухлетней знал ее Пушкин-лицеист: в Царском Селе жили ее родители. В 1814 году, когда родилась Анна, ее отец князь Давыд Семенович Абамелек был полковником лейб-гвардии Гусарского полка. Пушкин видел Анну маленькой девочкой.

Можно согласиться со всеми, кто писал об Анне Абамелек, что Пушкин с полным основанием мог славить ее таланты и что он любил детей. Но представляется, что главным импульсом к

созданию этого стихотворения было ощущение, связанное с ожиданием рождения собственного ребенка, и с мыслями о том, как он будет нянчить его, как некогда малютку Абамелек, и как будет гордиться, наблюдая ее взросление.

Наталья Николаевна родила дочь Марию 19 мая 1832 года. Роды были тяжелыми, и только к середине июня она начала поправляться и принимать гостей. Неожиданно письмом от 2 августа Пушкина и Наталью Николаевну приветствует в стихах и прозе живший по соседству граф Д. И. Хвостов: «Свидетельствуя почтение приятелю-современнику, знаменитому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, посылаю ему песенку моего сочинения, на музыку положенную, и прошу в знак дружбы ко мне доставить оную вашей Наталье Николаевне». Озаглавленная «Соловей в Таврическом саду 1832 года», она заканчивалась словами:

Любитель муз, с зарею Майской
Спеши к источникам ключей,
Ступай послушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей.

Пушкин не медлит с ответом: «Жена моя искренно благодарит вас за прелестный и неожиданный подарок. Я в долгу перед вами: два раза почтили вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры заслуженной и вечно юной. На днях буду иметь честь явиться с женой на поклонение к нашему славному и любезному патриарху».

Оправившаяся после родов и появившаяся снова в свете Наталья Николаевна, как и прежде, пожинает лавры, о чем Вяземский сообщает в письме жене 3 сентября: «Наша поэтша Пушкина в большой славе и очень хороша». Вяземский использовал при этом любимое выражение Пушкина, когда, будучи чем-то особенно доволен, он говорил: «Очень хорошо».

В конце ноября 1832 года Пушкины перебрались на новую квартиру в один из аристократических кварталов столицы, на Гороховую улицу у пересечения ее с Большой Морской (современный адрес — Гороховая, 14). Не последнюю роль в выборе нового жилья сыграла необходимость работать в архиве, помещавшемся по соседству, в здании Главного штаба на Дворцовой площади. Там же находилась и Коллегия иностранных дел, в которой поэт теперь числился по службе.

Трехэтажный каменный дом, в котором поселилось семейство, принадлежал купцу П. А. Жадимеровскому. 1 декабря был подписан контракт о найме квартиры: «Я,

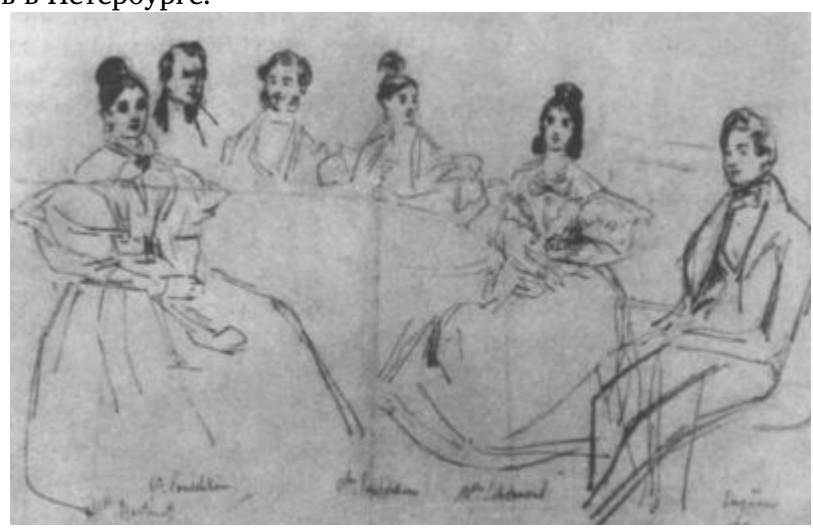
нижеподписавшийся, Титулярный Советник Александр Сергеевич Пушкин, заключил сей контракт с Фридрихсгамским первостатейным купцом Петром Алексеевичем Жадимеровским в том, что нанял я Пушкин у него Жадимеровского в собственном его каменном доме, состоящем 1-ой адмир. час. 2-го квар. под № 132-м Отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: 1-н сарай для экипажей, конюшни на 4 стойла, 1-н небольшой сарай для дров, 1-н ледник и чердак для вешанья белья, — от вышеписаннаго числа впредь на один год, т. е. по 1-е декабря 1833 года, за который наем обязан я Пушкин платить ему Жадимеровскому по три тысячи триста рублей банковыми ассигнациями в год, платеж оных денег производить за каждые четыре м-ца по равной причитающейся сумме вперед без всякого отлагательства, а ежели я Пушкин в платеже наемных денег буду неисправен и по срокам не заплачу, то волен он, Жадимеровский, оные покои отдать другому, хотя бы то и с уменьшением против моей наемной цены, а я Пушкин обязан как за содержание, так и за все убытки, от сего последовать могущие, ему Жадимеровскому заплатить и до показанного срока от платежа отказаться не могу — также оную квартиру не передавать другому без согласия Жадимеровского». В контракте было указано, что в трех комнатах «стены обклеены французскими обоями» и в пяти комнатах полы «штучные, в прочих сосновые», печи с медными дверцами, двери «с задвижками, замками и ключами», «переплеты как летние, так и зимние с целыми стеклами и оные все с медными задвижками», в кухне «английская плита, очаг с котлом и пирожная печь с машинкою».

До недавнего времени считалось, что Пушкины сняли квартиру в угловом доме. Однако последние исследования убедительно доказали, что они поселились в соседнем особняке на Гороховой. Об этом свидетельствует, во-первых, сам текст контракта, где указано, что квартира снята у Жадимеровского «в собственном его доме», тогда как лицевой корпус по Большой Морской значился «во дворе статского советника Александра Степановича Воронина»; к тому же в контракте вовсе не упоминается Большая Морская, а прямо сказано, что дом расположен «на проспекте Гороховой улицы». Во-вторых, дом на Большой Морской не имел третьего этажа. В-третьих, число комнат по планам дома на Гороховой совпадает с указанным в контракте.

Пушкин, сообщив о переезде на новую квартиру Нащокину в письме от 2 декабря, писанном уже «в Морской в доме Жадимировского», оправдывается перед другом-кредитором, что

был вынужден «употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными», и все еще рассчитывает выручить деньги за «Медную бабушку» (после переезда статуя Екатерины II осталась на прежнем месте, во дворе дома Алымова): «Мою статую я еще не продал, но продам, во что бы то ни стало. К лету у меня будут хлопоты. Нат. Ник. брюхата опять, и носит довольно тяжело. Не приедешь ли ты крестить Гаврила Александровича?» Так, как мы видим, хотел поначалу назвать Пушкин своего первого сына — в честь далекого предка, выведенного им в «Борисе Годунове», или в честь основателя рода Загряжских, ордынца Исахара, в православном крещении Гавриила.

В ту зиму все в доме переболели — и Пушкин, и Наталья Николаевна, и их годовалая дочь Маша. 31 января, в канун Нового года, Пушкин начал «Капитанскую дочку», назвав главную героиню Машей, по имени дочери. Вернулся он и к оставленному прежде «Дубровскому», в котором героиня также носит имя Мария. При работе над ним Пушкину вспоминаются и Болдино, и Михайловское, но прежде всего Захарово: «Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями. Дубровский узнал сии места; он вспомнил, что на сем самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей». Перед мысленным взором Пушкина предстает деревня, к которой его так тянет, но обстоятельства заставляют жить в Петербурге.



Пушкины в кругу современников. Слева направо: графиня Э. К. Мусина-Пушкина, граф В. А. Мусин-Пушкин, А. С. Пушкин, Н. Н. Пушкина, баронесса А. К. Шернваль, князь Е. Г. Гагарин. Рисунок Г. Г. Гагарина. 1832 г.

Встреча Нового года у Одоевских. Третий справа — А. С. Пушкин. Рисунок В. Ф. Одоевского. 1835 г.

Сохранилось по-своему уникальное изобразительное свидетельство одного из светских визитов Пушкиных, относящееся к концу этого года. Карандашный рисунок, исполненный князем Григорием Григорьевичем Гагариным, талантливым художником-любителем, запечатлел их за завтраком у графа В. А. Мусина-Пушкина в гостинице Демута в компании с его женой Эмилией Карловной, сестрой Авророй Шернваль, их подругой П. А. Бартеневой и князем Евгением Гагариным. Они представлены сидящими за круглым столом, Пушкин рядом с женой. Это единственное изображение смеющегося Пушкина и единственное, где он запечатлен вместе с Натальей Николаевной. Художнику удалось передать непринужденную атмосферу маленького кружка, в котором Пушкин явно чувствовал себя уютно. К. А. Полевой писал: «Кто не знал Пушкина лично, для тех скажем, что отличительным характером его в обществе была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Он казался при этом стесненным, попавшим не на свое место. Зато в искреннем, небольшом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее. Тут он любил и посмеяться, и похохотать, глядел на жизнь только с веселой стороны и с необыкновенною ловкостью мог открывать смешное».

Реальная жизнь со всеми навалившимися заботами отнюдь не располагала к веселости. Во второй половине февраля Пушкин пишет Нащокину: «Жизнь моя в П. Б. ни то, ни се. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, труды требуют уединения».

В. А. Соллогуб оставил воспоминание о своем первом, в юности, посещении дома Пушкиных после знакомства с поэтом в театре: «На другой день отец повез меня к Пушкину — он жил в довольно скромной квартире; самого хозяина не было дома, нас приняла его красавица-жена. Много я видел на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как

лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные женщины меркли как-то при ее появлении».

Родители Пушкина 6 мая ненадолго приезжают в Петербург, перед тем как ехать на лето в Михайловское. Они остановились в гостинице «Париж» неподалеку от дома Жадимеровского. 8 мая Сергей Львович пишет дочери: «Александр и Натали пришли тотчас же; их маленькая очень была больна, но благодаря Бога, со вчерашнего дня совершенно избавилась от болезни и, право, хороша, как ангелок». «Хотел бы я, дорогая Олинька, чтоб ты ее увидела, ты почувствуешь соблазн нарисовать ее портрет, ибо ничто, как она, не напоминает ангелов, писанных Рафаэлем». Ему вторит Надежда Осиповна: «…маленькая хороша, как ангел, и очень мила, чувствую, что полюблю ее до безумия и буду баловницей, как все бабушки. Я немного ревную ее к тетке. Натали должна родить в июле. Мы видаемся всякий день, они живут в трех шагах от Отель де Пари».

В середине мая Пушкин пишет Прасковье Александровне, приглашавшей его приехать в Тригорское: «Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне до смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три. Жена моя передает вам и Анне Николаевне тысячу приветствий. Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданьица эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания…»

Прасковья Александровна отвечает через неделю: «…Что поделывает миленькая Маша? Как поживает моя прелесть Натали и вы? — Хотя вы мне упорно не верите, мне всё же кажется, что вы вторично станете отцом в этом месяце».

В начале лета 1833 года Пушкины переехали на дачу в Новую Деревню на Черной речке и больше в дом Жадимеровского не вернулись, хотя контракт был заключен на год. Пушкин по соглашению с управляющим освободил дом к 1 августа, заплатив за две трети года. Однако сам хозяин счел контракт нарушенным и подал к оплате счет на недостающие 1063 рубля 33 и $^1/_3$ копейки. Пушкин платить отказался, и домовладелец подал иск в суд. Дело долго переходило из одной инстанции в другую, пока уже в апреле 1835 года не было вынесено окончательное решение

в пользу хозяина дома. Пушкин тем не менее при жизни так и не заплатил этого долга, и расчет по нему будет произведен уже опекой над его детьми в 1837 году.

На берегах Черной речки располагались тогда самые модные, новые и красивые дачи. Берега реки рисовали художники и воспевали поэты. Актер Петр Андреевич Каратыгин писал о Черной речке, что «в начале тридцатых годов она щеголяла своими обитателями: гвардейская молодежь, светские львицы тогда взмывали пыль своими кавалькадами… На Черной речке… поселялись в ту пору люди, занимавшие значительное положение в обществе».

Один из самых удобных и живописных участков принадлежал в Новой Деревне Федору Ивановичу Миллеру, служившему метрдотелем еще императору Александру 1 и сохранившему свое место при Николае I. Человек предприимчивый, он построил на своем участке несколько дачных домов и сдавал их внаем.

Первыми 23 июня новую дачу посетили родители Пушкина, обозрев весь дом и сад, который с видимым удовольствием им показывала Наталья Николаевна. Свое впечатление от дачи Надежда Осиповна передает в очередном письме дочери: «Александр и Натали на *Черной речке*[50]. Они наняли дачу Миллера, что прошлого года занимали *Маркеловы,* она очень красива, сад большой и дом очень большой, в 15 комнат с верхом. Натали здорова, она очень довольна своим новым жилищем, тем более что это в двух шагах от ее тетки…»

Наталья Николаевна должна была вот-вот родить. Родители поэта отправились, наконец, в Михайловское, о чем Надежда Осиповна сообщила Ольге Сергеевне: «Мы не станем дожидаться родов Натали, которые будут через три недели, она здорова, много гуляет, ездит на Острова, на Спектакли, сбирается писать тебе всякий раз, как я ей передаю твои письма, но так ничего и не делает». Перед отъездом старшие Пушкины еще раз посетили сына с невесткой. «Александр и Натали вас целуют, — пишет Надежда Осиповна дочери и зятю, — она скоро родит, а он несколько недель спустя поедет в деревню, их маленькая прелестна, они очень хорошо устроились на *Черной речке».* Хотя лошади из Михайловского давно уже были посланы, родители явно тянули с отъездом в ожидании родов.

Пушкин же пишет Нащокину: «Вот как располагаю я моим будущим. Летом после родов жены отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний, да может быть в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически».

Однако эти планы в полной мере не сбылись. Наталья

Николаевна родила сына Александра 6 июля, отправить жену с детьми в Полотняный Завод не удалось, и пришлось впервые снять на лето дачу, притом дорогую, в ближних окрестностях, на Черной речке. Сам же Пушкин путешествие предпримет, но не в Астрахань, а в Оренбург и только потом в Нижний Новгород и Болдино. Изменение маршрута было вызвано необходимостью сбора материалов для «Истории Пугачева».

С Черной речки, пока Пушкин странствовал по следам Пугачева, Наталья Николаевна одна переехала в город 1 сентября 1833 года, сняв новую квартиру на Пантелеймоновской улице в доме 113 Литейной части, принадлежавшем петербургскому плац-адъютанту капитану лейб-гвардии Павловского полка Александру Карловичу Оливье, или Оливио, и подписала контракт. Дом был расположен очень удобно, прямо напротив церкви Святого Пантелеймона, давшей название улице, в третьем доме от Цепного моста через Фонтанку у Летнего сада. Квартира в бельэтаже была в «десять комнат с особою к оной внизу во флигеле кухнею и при оной двумя людскими комнатами, конюшнею в шесть стойлов, одним каретным сараем, одним сеновалом, особым ледником, одним подвалом для вин, с обшей прачечной в каждый месяц два раза по четыре дни, одним отделением на чердаке… для вешания белья».

По возвращении Пушкина из путешествия он с женой обедал в Екатеринин день у Екатерины Андреевны Карамзиной. Его дневниковую тетрадь, уже четвертую по счету, открывает запись: «24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной — видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером *Rout* у Фикельмонт». Из писем родителей Пушкина, в очередной раз остановившихся в «Отель де Пари», известно, что поэт с женой и братом заехал к ним по пути. Надежда Осиповна написала дочери на другой же день: «Вчера я видела Натали, она очень хороша, хотя похудела, они все трое ехали на большой вечер к Фикельмон». Надежда Осиповна сообщает, что дом Оливье, «занимаемый Александром, очень красив; верю охотно: ежели платишь 4 тысячи 800 руб., то можно весьма хорошо устроиться».

Во вторник, 28 ноября, Пушкин с Натальей Николаевной посетили недавно открытый Михайловский театр, в котором в этот день давали спектакль французской труппы по пьесе К. Делавиня «Дети Эдуарда». В дневнике осталась запись: «Вчера играли здесь *Les Enfants d'Edouard,* и с большим успехом. Экерн удивляется смелости применений… Блай их не заметил. Блай, кажется, прав». Так впервые Пушкин помянул Экерна — барона Геккерена, голландского посланника в России.

Перед Рождеством, 20 декабря, в день рождения Ольги

Сергеевны, уехавшей в Варшаву, состоялся семейный обед у родителей, снявших квартиру по соседству, на котором присутствовали не только Пушкин с Натальей Николаевной, но и маленькая Маша, о чем Надежда Осиповна с удовольствием сообщила дочери на следующий день: «Вчера был день твоего рождения, мой добрый друг. Мы провели его по-семейному: твои братья, Натали, даже маленькая Маша пришли нас поздравить. <…> Натали много выезжает, в высшем свете столько балов, город полон иностранцев, послов и принцев крови…» В самое Рождество Пушкин с женой вновь посетил родителей. Надежда Осиповна на другой день писала тригорской знакомой, баронессе Евпраксии Вревской: «Натали много выезжает, танцует ежедневно. Вчера я провела день по-семейному, все мои дети у нас обедали. Только и разговору что о праздниках, балах и спектаклях, я не приму в них никакого участия, в моем возрасте довольствуются рассказами».

Приближался Новый год с его обыкновенными пожалованиями. К примеру, капитана Оливье произвели в полковники, а сам Пушкин неожиданно для всех — и прежде всего для самого себя — был пожалован в камер-юнкеры, одновременно со своим сослуживцем Н. Ф. Ремером, моложе его семью годами. По рассказу Льва Сергеевича, его брат узнал о своем производстве 30 декабря на балу в доме графа А. Ф. Орлова. Первой его реакцией было такое бешенство, что Жуковский и Виельгорский отвели его в кабинет хозяина, всячески там успокаивали и чуть ли не обливали водой. Нащокин в своих записках заметил, что если бы не они, «то он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю». Соболевский на полях этих заметок оставил комментарий! «Пустяки! Пушкин был слишком благовоспитан». Он конечно же не помчался бы во дворец, да его и не приняли бы, но то, что в порыве раздражения поэт мог говорить об этом, вполне вероятно.

Новый год Пушкин с женой встречал у Натальи Кирилловны Загряжской. Он начал дневник 1834 года записью о камер-юнкерстве и застольных разговорах со Сперанским «о Пугачеве, о Собрании Законов, о первом времени царств<ования> Александра, о Ермолове etc.»: «1 янв. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Н. Н. танцовала в Аничковом. Так я же сделаюсь русским Dangeau[51]».

Симптоматично, что сразу же после сообщения о камер-юнкерстве следует запись о семейных сценах у Безобразовых, вызванных ревностью супруга к императору, после чего Пушкин

вновь возвращается к своему назначению, поминая Николая I: «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике».

Само по себе пожалование в камер-юнкеры было почетно, соответствовало формальному положению Пушкина на иерархической лестнице и было бы воспринято с благодарностью всяким другим лицом, отставшим по службе и вдруг возведенным в придворное звание, которое по недавно еще действовавшему положению приравнивалось к чинам пятого класса[52] и помимо того, что открывало доступ ко двору, давало значительные преимущества для дальнейшей карьеры.

Пушкин, имевший чин титулярного советника (девятый класс по Табели о рангах), только-только достиг права на звание камер-юнкера и формально не мог рассчитывать на получение более высокого и соответствующего его возрасту и славе звания камергера. Как бы предвидя будущее, он еще в 1831 году, живя в Царском Селе, обращался к Бенкендорфу с просьбой дать ему два чина вперед, вровень со своими сверстниками, то есть произвести из коллежских секретарей прямо в коллежские асессоры, но был пожалован только очередным чином титулярного советника, который и носил до конца жизни. Пожалование же в камергеры начиналось с восьмого класса. Так, П. А. Вяземский, пожалованный в камер-юнкеры в 1811 году, девятнадцати лет, и получивший чин коллежского асессора в 1817 году, в 1831-м был произведен в камергеры, на что Пушкин откликнулся шутливыми стихами:

> Любезный Вяземский, поэт и камергер…
> (Василья Львовича узнал ли ты манер?
> Так некогда письмо он начал к камергеру,
> Украшену ключом за Верность и за Веру[53])
> Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
> На заднице твоей сияет тот же ключ.
> Ура! хвала и честь поэту-камергеру —
> Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

То, что это пожалование Пушкина состоялось именно тогда, в период переговоров о его возвращении на службу, должно было послужить ему своеобразным сигналом, свидетельством того, что император может прощать своим подданным заблуждения юности.

Вяземский писал великому князю Михаилу Павловичу уже

после гибели поэта, 14 февраля 1837 года: «Нужно сознаться — Пушкин не любил камер-юнкерского мундира. Он не любил в нем не придворную службу, а мундир камер-юнкера. Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы отличием, которое он бы оценил, но ему казалось неподходящим, что в его годы, в середине его карьеры, его сделали камер-юнкером наподобие юношей и людей, только вступающих в общество. Вот и вся истина об его предубеждении против мундира».

Пушкин поначалу даже заявлял, что не будет шить мундира. В таком настроении он явился к Смирновым, недавно вернувшимся из-за границы. И Николай Михайлович, и Александра Осиповна стали его убеждать, что «пожалование в сие звание не может лишить его народности» и что «все знают, что он не искал его, что его нельзя было сделать камергером по причине чина его». Они признавали, что «натурально двор желал иметь возможность приглашать его и жену к себе и что государь пожалованием его в сие звание имел в виду только иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому церемониалу, установленному при дворе». После долгих споров им удалось «полуубедить» Пушкина, согласившегося с тем, что император не имел намерения его оскорбить. Однако в отношении мундира Пушкин продолжал отнекиваться, ссылаясь на то, что он слишком дорого стоит. Смирнов взялся похлопотать о мундире и на другой день, заехав к портному, узнал от него о продаже нового мундира князя Витгенштейна, перешедшего в военную службу. Портной, обшивавший и Пушкина, заявил, что мундир будет ему впору. Послав мундир Пушкину, Смирнов сопроводил его запиской, в которой писал, что купил для него мундир, предоставляя его воле взять его или отослать назад и тем ввергнуть его в убыток. О том, что мундир шился для Витгенштейна, Смирнов не сообщил. Пушкин мундир принял и чуть ли не в тот же день поехал в нем ко двору.

Нащокин со слов Пушкина рассказывал, что Бенкендорф в 1831 году предлагал ему звание камергера, на что он ответил: «Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера». Пушкин вспомнил об этом предложении в связи со слухами, что он сам добивался звания камер-юнкера.

Седьмого января Пушкин записал в дневнике: «Гос.<ударь> сказал княгине Вяз.<емской>: J'espére que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à present il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc etc.[54] Великий кн. намедни поздравил меня в театре. — Покорнейше благодарю Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

На самом деле никто по поводу этого назначения не смеялся — скорее он сам страшился насмешек. С. Н. Карамзина не без ехидства написала 20 января И. И. Дмитриеву: «Пушкин крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торжественною красотою жены, которая, несмотря на блестящие успехи в свете, часто и мучительно страдает мучением ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить голову ее мужа».

Одна из дневниковых записей самого Пушкина фиксирует его неудачное появление в новом мундире: «26-го янв. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраке. — Я уехал, оставя Н.<аталью> Н.<иколаевну>, и, переодевшись, отправился на вечер к С.<алтыкову>. — Гос.<ударь> был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches[55]».

Мать Пушкина писала Ольге Сергеевне 12 января: «Знаешь ли ты, что Александр — камер-юнкер, к большому удовольствию Натали; она будет представлена ко двору, вот она и на всех балах; Александр весьма озадачен, этот год ему хотелось поберечь средства и уехать в деревню». Это письмо пролежало неотправленным до 19 января, так что Сергей Львович смог в приписке к нему сообщить дочери и о представлении Натальи Николаевны ко двору: «Вот новость, какую Мама не успела тебе сообщить. Натали представлялась позавчера, в воскресенье, но как это совершилось, мы того не знаем, вчера она приходила, но нас не застала, хоть мы и соседи, но живем не по-соседски». Надежда Осиповна все-таки передала дочери подробности в очередном письме: «Как новость скажу тебе, что представление Натали ко двору огромный имело успех, только о ней и говорят, на балу у Бобринского император танцевал с нею французскую кадриль и за ужином сидел возле нее. Говорят, на балу в *Аничковом* дворце она была прелестна. И вот наш Александр превратился в камер-юнкера, никогда того не думав».

Об этом дне Пушкин записал в дневнике: «17 бал у Бобр.<инского>, один из самых блистательных. Гос.<ударь> мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его».

Эти хлопоты задержали отъезд Натальи Николаевны в Полотняный Завод, и только 15 апреля 1834 года Пушкин проводил ее с детьми до Ижоры, оставшись, как писала дочери Надежда Осиповна, «один в этом большом доме». С домовладельцем у Пушкина вскоре начались неприятности, о чем он сообщил Наталье Николаевне: «С хозяином Оливье я

решительно побранился, и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобой сестры».

В середине августа Пушкин переехал на новую квартиру. Незадолго до того, 4 августа, он подал прошение об отпуске на три месяца для поездки в Нижегородскую и Калужскую губернии и, получив его, 17 августа уехал. Уже по возвращении Пушкин запишет в дневнике: «Я был в отсутствии — выехал из П. Б. за пять дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — моими товарищами…» На самом деле торжественное открытие монумента состоялось через две недели, 30 августа.

Завернув на один день в Москву, Пушкин остановился в доме Гончаровых на Никитской. Выехав утром 21 августа, к вечеру того же дня он прибыл в Полотняный Завод. Семья Пушкиных поселилась в Красном доме в центре села. Это был одноэтажный деревянный дом с антресолями, выкрашенный в красный цвет, с высокими окнами парадного этажа, с обтянутыми полотном белыми колоннами, в 14 комнат. К ним примыкала пристройка с залом, освещаемым тремя люстрами. Возле дома были разбиты цветник и фруктовый сад с беседками в китайском стиле. Последние годы жизни здесь жил Афанасий Николаевич. Сад выходил к крутому обрыву над П-образным прудом, за которым тянулись еловые аллеи в сторону фабрики. Пушкин по давней деревенской привычке вставал рано и уходил к беседке над обрывом. Вспоминалось написанное в июне: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc…»

Главный вопрос, который окончательно решился во время пребывания Пушкиных в Полотняном Заводе, — переезд сестер Гончаровых в Петербург.

Еще 11 июня, сообщая жене, что «упадет как снег на голову», приехав к ней на Заводы, Пушкин предостерегает ее: «Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому П. Б. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; вот овдовеешь, постареешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя нам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в П. Б. не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином. Но вы, бабы, не понимаете счастия независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: Hier Madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du

bal[56]».

В письме от 14 июля он продолжает эту тему: «Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! Смотри… Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети покаместь малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не оберешься, а семейственного спокойствия не будет. Впрочем, об этом еще поговорим».

В Полотняном Заводе все решилось окончательно. 25 августа 1834 года, в канун дня рождения тещи и Натальина дня, Пушкин пишет в Яропольц Наталье Ивановне и, принеся поздравления, сообщает: «Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, я жену отправляю к вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с вами проведет день ваших общих имянин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покаместь поздравляю вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».

Шестого сентября Пушкин с женой, детьми и свояченицами уезжает из Полотняного Завода в Москву. В записях расходов Д. Н. Гончарова под этой датой отмечен расход в 200 рублей на уплату ямщикам за четыре тройки.

Уже через день в дневнике А. И. Тургенева появилась запись о встрече в Малом театре: «Поскакал в театр, в ложе у Пушкина жена и belles soeurs[57] его». Так наблюдательным Тургеневым было отмечено первое появление на публике сестер Гончаровых. На следующий день Тургенев нанес визит Пушкиным: послушал несколько страниц из «Истории Пугачева» и предложил в подарок Наталье Николаевне на выбор мелочи, привезенные им из Парижа. Пушкин 9 сентября известил его: «Жена выбрала булавки и сердечно вас благодарит». Тогда же он пишет письмо Соболевскому в петербургскую гостиницу «Париж», которое передала ему Наталья Николаевна: он должен был помочь ей отыскать ростовщика Шишкина, чтобы занять у того денег для жизни в отсутствие мужа (10 сентября, оставив семью в Москве, поэт уехал в Болдино).

Первого октября 1834 года Наталья Николаевна с детьми и сестрами прибывает из Москвы в Петербург и поселяется в доме Баташева. Эта квартира была снята Пушкиным в августе, но о намерении ее снять он сообщал жене в Полотняный Завод еще в конце июня: «Наташа, мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж,

занимаемый теперь Вяземским. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку: боятся чахотки. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе»[58]. «С князем Вяземским я уже условился, — писал Пушкин, — беру его квартиру. К 10 августа припасу ему 2500 р. и велю перетаскивать пожитки». 11 августа Вяземские отправились за границу.

Владельцем дома являлся отставной полковник лейб-гвардии Гусарского полка Сила Андреевич Баташев, сын коллежского асессора из купцов, владельца крупных металлических заводов; его предок, как и Гончаров, начинал при Петре I. Баташевы имели несколько домов в Петербурге, но тот, в котором поселился Пушкин, был самый известный и пользовался спросом за свое расположение на парадной набережной Невы. Пушкин снял просторную квартиру с балконом на втором этаже и маленькую на первом. Контракт на наем этой квартиры не сохранился, но представление о ней дает объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 30 сентября 1832 года, по которому ее снял до него Вяземский: «В доме коллежской ассессорши Баташевой на Невской набережной, между Гагаринскою пристанью и Летним садом, отдается в наймы бель-этаж вместе с отделением, находящимся в 1-м этаже и состоящее всего из 30 чистых комнат с кухнею, сверх того людскими покоями, кладовыми и прочими службами. К сей квартире принадлежит комната для швейцара».

Итак, помещения первого и второго этажа (бельэтажа) сдавались только вместе. Вполне вероятно, что Пушкин, желая иметь «особый кабинет», устроил его себе в первом этаже; оттого у тех, кто посещал именно Пушкина, особенно тогда, когда он один приезжал с дачи, создалось впечатление, что он живет в первом этаже. Парадные комнаты, где собирались гости, комнаты сестер, Натальи Николаевны, детей с кормилицами и няньками располагались в бельэтаже. «30 чистых комнат» — это самое большое жилье, какое Пушкины снимали в Петербурге. Пушкин рассчитывал на доходы, которые, как показало время, не сложились. Позднее семье пришлось переехать в квартиру поменьше в том же доме. В пушкинское время это был трехэтажный дом на подвале, с одиннадцатью окнами по фасаду и мезонином с полуциркульным окном, который в конце 1880-х годов был обращен в четвертый этаж. В доме Баташева Пушкины жили дольше, чем на других квартирах.

Еще 14 августа 1834 года, пока Наталья Николаевна была в Полотняном Заводе, Пушкин переехал на новую квартиру, заплатив за перевоз мебели 35 рублей. Помимо возврата денег князю П. А. Вяземскому, снимавшему эту квартиру с 1 мая 1834 года, Пушкин, видимо, возместил еще тысячу рублей

К. Л. Курдюмову, успевшему ее снять до него. На год квартира стоила шесть тысяч рублей. Оба уплатили деньги вперед, а жить стали Пушкины. Платить за эту большую квартиру он будет в складчину со свояченицами, на приезд которых и был рассчитан ее размер. 7 ноября Надежда Осиповна из Михайловского сообщает дочери: «Наконец у нас есть вести от Александра. Натали опять брюхата, сестры ее с нею и снимают очень красивый дом пополам с ними, он говорит, что это ему удобно в отношении расходов, но несколько стесняет, ибо он не любит менять своих привычек главы дома».

Новый, 1835 год Пушкины встречали у В. Ф. Одоевского, который запечатлел их на рисунке вместе с другими гостями. На нем представлены сидящие за праздничным столом Жуковский, Кривцов, Пушкин, Соболевский, Иван Киреевский, Глинка и Любимов. По другую сторону стола весьма схематично изображены спиной к зрителю семь дам. Наталья Николаевна, судя по прическе, описанной некогда Пушкиным, сидит наискосок от мужа, напротив Соболевского.

В первый день нового года Пушкин с женой зашли в гостиницу Демута к его родителям накануне их переезда в квартиру, присмотренную для них сыном на Моховой улице. Уже в доме Кельберга они дважды, 3 и 4 января, посетили родителей Александра Сергеевича. Надежда Осиповна, сообщая дочери о новом жилье, пишет и о светских успехах невестки и ее сестер: «Здесь все по горло в праздниках. Натали много выезжает со своими сестрами, однажды она привела ко мне Машу, которая так привыкла видеть одних щеголих, что, взглянув на меня, подняла крик и, воротившись домой, когда у нее спросили, почему она не хотела поцеловать бабушку, сказала, что у меня плохой чепец и плохое платье. Саши я еще не видала».

Наталья Николаевна наносила уже только семейные визиты. 5 марта Сергей Львович известил дочь: «Натали уже не может подниматься на лестницы, по крайней мере, врач ей это запретил. Позавчера она к нам заезжала, она хотела видеть мама, но та просила ее остаться в коляске. Мы живем в третьем этаже». Через несколько дней, 11 марта, Надежда Осиповна, расспрашивая Ольгу Сергеевну, гуляет ли ее сын, пишет: «Его кузина *Маша,* которая его старше, тоже всегда это делает, едучи ко мне, хоть путь и не долог. *Сашу* я не видаю, у него идут зубы. Натали более не отваживается подыматься на лестницы, я не видала ее с именин Леона, она родит в мае месяце». Именины Льва Сергеевича приходились на 18 февраля, так что с того дня Надежда Осиповна, по болезни не выходившая из дома, и Наталья Николаевна, из-за беременности не имевшая возможности

подняться к ней, не виделись. Пушкин же, оставляя жену или дома, или в коляске, заходил к матери чаще, чем когда-либо, обеспокоенный ее состоянием. 21 марта Надежда Осиповна пишет дочери: «Александр здоров, навещает меня по утрам, у Натали большой флюс. Маша прелестна, она тоже меня навещает, но Сашу, у которого идут зубы, я не видаю. Он так часто хворает, что его боятся выводить».

В очередном письме от 22 апреля 1835 года Надежда Осиповна отвечает на расспросы дочери о брате и невестке: «Я редко ее видаю, она здорова, почти всякий день на спектакле, гуляет; она родит в конце мая месяца. Они занимают очень красивый дом на большой набережной за шесть тысяч семьсот рублей. Это должно быть прекрасно, судить же не могу: с тех пор как я в Петербурге, я вижу лишь дом Кельберга».

Первого мая Пушкин заключил новый контракт с хозяином дома Баташевым о найме той же квартиры за шесть тысяч рублей в год до 1 мая 1836 года, уплатив сразу треть суммы. Остальную сумму он обязался заплатить в два приема:

1 сентября 1835 года и 1 января 1836-го. Надежда Осиповна сообщила об этом дочери 8 июня и добавила: «Натали поручила мне тебя поцеловать, на этот раз она слаба; она лишь недавно оставила спальню и не решается ни читать, ни работать, у нее большие проекты по части развлечений, она готовится к Петергофскому празднику, который будет 1-го июля, она собирается также кататься со своими сестрами на Островах, она хочет взять дачу на *Черной речке,* ехать же подалее, как желал бы ее муж, она не хочет, — словом, чего хочет женщина, того хочет Бог». По поводу же планов самого Пушкина Сергей Львович пишет: «Александр не решил, что будет делать этим летом, по крайней мере, мы о том не знаем». Родители, да и никто из близких, не знали, что Пушкин ждал решения своей судьбы, отправив 1 июня 1835 года письмо графу Бенкендорфу с просьбой разрешить ему выпуск газеты.

Около середины июня 1835 года Пушкины переезжают на лето в Новую Деревню за Черную речку, сняв, как и в 1833 году, дачу на участке Миллера. На обложке неоконченной статьи «О Байроне и о предметах важных…» Пушкин сделал помету: «1835 г. Черн. Речк. да<ча> Мил<лера> 25 июля». Александра Николаевна Гончарова пишет брату Дмитрию: «Мы переезжаем на Черную речку, следственно лошади необходимы… Еще два мужских седла, одно для Пушкина, а другое похуже для Трофима». Торопя брата с присылкой лошадей, она передает и просьбу Пушкина: «*Пушкин ради Христа просит, нет ли для него какой-нибудь клячи,* он не претендует на что-либо хорошее, *лишь*

бы пристойная была; как приятель *он надеется на вас».*

Вскоре после переезда на дачу, в субботу 22 июня, в Иоанно-Предтеченской церкви на Каменном острове крестили новорожденного сына Пушкиных Григория. Восприемниками были В. А. Жуковский и Е. И. Загряжская.

Перед отъездом Пушкин написал значительную часть «Сцен из рыцарских времен», в которых, начиная с первой сцены, где Бертольд просит денег у Мартына, а Франц скорбит о бедственном своем состоянии, невольно отразились заботы, владевшие автором. Под текстом была сделана помета: «15 августа», не только датирующая рукопись, но и соотносящая текст сцен, в которые вставляется переработанное стихотворение «Легенда» о рыцаре, поклоняющемся исключительно Пресвятой Деве, с Днем Успения Богородицы. И вновь, как в Болдине, хотя и в шутливом варианте второй песни Франца, развивается тема женской неверности:

Воротился ночью мельник…
Женка! что за сапоги?
Ах, ты пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра. — Ведра? право? —
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни на яву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор.

Так в «Сценах» соседствуют темы идеальной любви и обыденной супружеской неверности.

В день рождения Натальи Николаевны, 27 августа, Пушкин расписался в получении свидетельства об отпуске до 23 декабря. Перед отъездом Пушкина в Михайловское он с Натальей Николаевной посетил в Павловске родителей, сестру Ольгу с ее сыном Львом, о чем та на другой день написала мужу: «Вчера приезжал Александр с женой, чтобы повидаться со мною. Они больше не собираются в Нижегородскую деревню, как предполагал Monsieur, так как мадам и слышать об этом не хочет. Он удовольствуется поездкой в Тригорское, а она не тронется из Петербурга». Наталья Николаевна действительно никогда не хотела уехать в деревню, но в данном случае не ее желание, а воля императора изменила планы Пушкина.

В конце августа 1835 года Пушкины вернулись с дачи на прежнюю свою квартиру в доме Баташева на Французской

набережной. 3 и 4 сентября Ольга Сергеевна Павлищева, приехавшая на три дня в Петербург, посещает брата на его городской квартире. Три года она не видела Наталью Николаевну и нашла ее еще более похорошевшей. Познакомившись со свояченицами, она отозвалась, что они хороши, «но ни в какое сравнение не идут с Натали». К своим племянникам Маше и Саше она привела познакомить их кузена, своего сына Леву, или Лоло, как она звала его по-домашнему.

Пятого сентября Е. Н. Вревская пишет брату А. Н. Вульфу: «… поэт еще не приехал, да мне и не верится, чтоб он расстался с женой на такое долгое время». Она оказалась права: Пушкин выехал в Михайловское только 7 сентября и, не пробыв и полутора месяцев, 20 октября отправился к жене в Петербург.

Последний год жизни Пушкина с Натальей Николаевной начался с их участия в торжественной церемонии в Зимнем дворце по случаю Нового года. С утра была отслужена литургия в дворцовой церкви, а в час пополудни в Золотой гостиной приносились новогодние поздравления императрице Александре Федоровне. Вечером Пушкин с женой вновь прибыл во дворец на публичный маскарад, устроенный в честь десятилетия царствования Николая I. Приглашенных было множество. Барон Павел Александрович Вревский написал брату Борису в Голубово 8 января 1836 года: «Мадам Пушкину я замечаю всегда среди достойных быть замеченными. Я был впервые 1-го января на большом маскараде во дворце. Это праздник самый популярный из всех в этом роде существующих».

В дневнике супругов Паниных, который они вели вместе весь 1836 год, день 1 января отмечен рукой графини Натальи Павловны: «Мы отправляемся к выходу двора. Я опаздываю и проношусь галопом по всем залам, чтобы быстрее попасть на свое место». О происходившем в Золотой гостиной она записала: «Императрица желает мне красивого младенца в качестве новогоднего подарка». Ее тезке Наталье Николаевне, находившейся в том же положении, Александра Федоровна, скорее всего, также пожелала рождения красивого ребенка. Наталья Николаевна ожидала родов в конце мая, Наталья Павловна — в середине июля.

Любитель костюмированных балов граф Виктор Павлович, отправившийся уже один, без жены, на маскарад во дворец, вернулся, как она замечает, «в хорошем настроении». Дневник Паниных тем более интересен, что они жили в ближайшем соседстве с Геккереном, а некоторое время даже в его пустующей квартире, освободив ее к 18 мая 1836 года — дню возвращения посла из Гааги. Эта квартира Дантеса и Геккерена располагалась

в двухэтажном вытянутом доме по Невскому проспекту[59], принадлежавшем семейству графов Влодеков. Хозяйкой его числилась «жена генерал-лейтенанта Влодека», не жившая в Петербурге, а фактически им владели ее зять, граф Василий Петрович Завадовский, и дочь Елена Павловна.

В наступившем году долги накладывались на долги, зависимость на зависимость; душевное состояние Пушкина оставляло желать лучшего, что замечали в первую очередь самые близкие ему люди. 18 января Прасковья Александровна Осипова отвечает на письмо Пушкина от 26 декабря: «Оттенок меланхолии, которая царит в вашем письме, перешел и в мое сердце, и каждый раз, что я его перечитываю, чувство это возникает вновь, а между тем одному Богу известно, как я желаю, чтобы вы были счастливы и довольны». Сразу же после этих слов по вполне понятной ассоциации она пишет о Наталье Николаевне, припомнив только что полученное ею письмо от барона Вревского: «Один знакомый пишет мне из Петербурга, что Наталья Николаевна продолжает быть первой красавицей среди красавиц на всех балах. Поздравляю ее с этим и желаю, чтобы можно было сказать о ней, что она самая счастливая среди счастливых. Прощайте, искренно мною любимый Александр Сергеевич, моя нежная дружба к вам тоже выдержала испытание временем».

В середине января 1836 года Пушкин написал Нащокину, единственному корреспонденту, которому без оглядки доверял свои домашние обстоятельства: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

В этих строках своего письма, перекликающегося со стихотворением «Вновь я посетил», Пушкин написал было: «…и смерти нечего бояться», а потом зачеркнул слово «смерти», заменив его на «старости».

В том же письме Пушкин заметил по поводу своей жены: «А у ней пречуткое сердце».

Последнее лето совместной жизни Пушкины вновь провели на Островах. Еще в первой половине апреля 1836 года Пушкин, вернувшись из Михайловского после похорон матери, договаривается о снятии на лето дачи Доливо-Добровольского на набережной Большой Невки на Каменном острове. Давняя его тригорская приятельница Анна Николаевна Вульф, сообщая матери из Петербурга о том, что пушкинский «Современник» «не

пользуется большим успехом», не без ехидства заметила: «А жена его уж на будущие барыши наняла дачу на Каменном острове еще вдвое дороже прошлогоднего». Дачу, конечно, снимал Пушкин, он учитывал свои доходы и просчитывался, а виноватой оказывалась Наталья Николаевна. Выпад Анны Вульф против жены Пушкина конечно же объясняется ее давними чувствами к нему. Однако именно такого рода неблагожелательные отзывы некоторых современников Пушкина, в том числе и лиц из его ближайшего окружения, создали тот фон, который в конечном итоге и определил отношение к Наталье Николаевне, и влияет на него даже в наше время.

Переезда на дачу Пушкин не дождался. Наталья Николаевна без него, с сестрами и детьми, около 10 мая перебирается на новую дачу, располагавшуюся неподалеку от Каменноостровского театра. Владельцем дачи был Флор Иосифович Доливо-Добровольский, член совета при Главноначальствующем над Почтовым департаментом. На участке значилось два дома, оба были сняты Пушкиными: в одном жили Александр Сергеевич с Натальей Николаевной, в другом — дети и свояченицы. От дачи открывался красивый вид на Старую Деревню. Посол Франции де Барант писал: «Острова составляют одну из красот Петербурга. Вообразите себе по ту сторону реки, за мостом, целый лабиринт, около двух квадратных верст дерна, лесов, садов, перерезанных тысячами потоков, то маленькими ручейками, то речками или озерами; все это граничит с большими сосновыми лесами, прилегающими к морю».

Пушкин же отправляется в Москву. Каретный мастер И. Эргарт едва успел поправить пушкинскую карету, что обошлось в 344 рубля 80 копеек. Перед отъездом Пушкин успел подписать 1 мая 1836 года новый, дошедший до нас контракт с отставным гвардии полковником и кавалером Силой Андреевичем Баташевым на наем другой квартиры в его доме под двадцатым номером в Литейной части. Квартира занимала в нем «верхний этаж, состоящий из двадцати жилых комнат, с находящеюся в ней мебелью, значащуюся в приложенной при сем описи». По поводу срока найма и цены в контракте значилось: «На один год с платежем, т. е. по первое июля будущаго тысяча восемь сот тридцать седьмаго года ценою за четыре тысячи рублей ассигнац.». При заключении контракта Пушкин заплатил в соответствии с его условием 1333 рубля 33 копейки, обязавшись уплатить в следующий раз такую же сумму 1 октября 1836 года и остаток 1 февраля 1837-го. Но за месяц до истечения второго срока оплаты, 1 сентября 1836 года, Пушкин уже заключил новый контракт на наем в доме княгини С. Г. Волконской жилья,

которому суждено было стать его последней семейной квартирой.

Светская дама

Еще женихом Пушкин не мог не размышлять о том, как вывезет Наталью Николаевну в большой свет, что нашло отражение в восьмой главе «Евгения Онегина»:

> И ныне музу я впервые
> На светский раут привожу;
> На прелести ее степные
> С ревнивой робостью гляжу.

«Большой свет» — так в наброске общего плана будущего издания Пушкин условно назвал девятую главу романа, завершив 26 сентября 1830 года в Болдине работу над ним. Жизнь внесла в этот план перемены: восьмая глава, подвергшись существенной редакции, была выделена и превращена в «Путешествие Онегина», а ее место заняла девятая, перенумерованная в восьмую. Очевидная симметрия замысла, когда восьмая глава по закону контрапункта перекликается с четвертой, уже в Царском Селе была дополнена письмом Онегина к Татьяне.

Собственно большим светом называли в пушкинские времена только петербургский высший свет, близкий к двору, составлявший его обрамление, в которое теперь Пушкину предстояло ввести Наталью Николаевну. Став его женой, она обратила на себя внимание самой высокой сферы тогдашней русской жизни, и интеллектуальной и придворной. Если первое могло доставить ее супругу только удовольствие, то второе вызывало опасения. Он понимал неизбежность сближения с двором и императорской четой, но хотел по возможности оттянуть его. Холера уже не в первый раз расстроила планы Пушкина, который не хотел сразу вводить Наталью Николаевну в водоворот светской жизни, теперь же это происходило почти помимо его воли. Еще в августе сестра поэта Ольга Сергеевна, вовсе далекая от двора, отвечает мужу в Варшаву на его расспросы относительно Натали: «Моя невестка прелестна; я вам писала… ею восхищается *Царское,* а императрица хочет, чтобы она была при дворе; ее это огорчает, потому что она неглупа; или не совсем так: хотя она вовсе не глупа, но пока еще немного робка, но это пройдет, и она поладит и с двором, и с императрицей, как женщина красивая, молодая и любезная. Но думаю, что Александр, напротив, на седьмом небе; я сердита, что

я далеко от *Царского* и не вижу их хозяйства. Физически они совершенная противоположность: *Вулкан и Венера, Кирик и Улита* и проч. и проч.».

Вспомним, что еще К. Я. Булгаков сравнил чету Пушкиных с Вулканом и Венерой, имея в виду контраст их внешности. Сопоставление же Ольгой Сергеевной своего брата и его жены со святыми Кириком и Иулитой, трехлетним мальчиком и его матерью, казненными во времена гонения на христианство, исходит разве что из их разницы в росте и представляется, мягко говоря, весьма ироничным.

На знаменитом полотне «Парад на Марсовом поле 6 октября 1831 года», исполненном художником Г. Г. Чернецовым, среди публики, наблюдающей парад, представлен и Пушкин рядом с Жуковским, Крыловым и Гнедичем. 15 апреля Пушкин в доме графа Кутайсова позирует художнику. Под карандашным наброском тот подписал: «1. Александр Сергеевич Пушкин, рисовано с натуры 1832 года, апреля 15-го, ростом 2 аршина 5 вершк. с половиной стоя». Это единственное документальное свидетельство о росте Пушкина — 166,7 сантиметра, правда, с учетом каблуков.

Наталья Николаевна была ростом выше Пушкина, а при каблуках разница в их росте становилась и вовсе заметной. Вспоминали, что, как только представлялась возможность, Пушкин старался не стоять рядом с женой. Этим как раз можно объяснить курьезную ситуацию, свидетельницей которой были П. А. Осипова и А. П. Керн, ее описавшая: «С нею я его видела два раза. В первый раз это было в другой год, кажется, после женитьбы. Прасковья Александровна была в Петербурге и у меня остановилась: они вместе приезжали к ней с визитом в открытой колясочке, без человека. Пушкин казался очень весел, вошел быстро и подвел жену ко мне прежде (Прасковья Александровна была уже с нею знакома, я же ее видела только раз у Ольги одну). Уходя, он побежал вперед и сел прежде ее в экипаж; она заметила шутя, что это он сделал от того, что он муж». Сделал он это, конечно, оттого, чтобы не казаться и вовсе маленьким рядом с женой, когда подсаживаешь ее в коляску.

Наступило воскресенье 25 октября 1831 года — торжественный день первого выхода Натальи Николаевны в большой свет. Он произошел на званом вечере в роскошном особняке, снимаемом австрийским посланником, литератором и публицистом графом Шарлем Луи Фикельмоном и его женой Дарьей Федоровной (Долли, как называли ее близкие люди), урожденной графиней Тизенгаузен, внучкой фельдмаршала Кутузова, на Дворцовой набережной в соседстве с Летним садом и

Марсовым полем. В их доме сосуществовали два салона: самих супругов Фикельмон и матери Дарьи Федоровны, давней приятельницы Пушкина Елизаветы Михайловны Хитрово. Они сообща сумели так поставить свой дом, что, как отзывался Вяземский, «вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух салонах». Елизавета Михайловна и ее дочь давно обещали Пушкину ввести его жену в большой свет и сдержали слово. На другой день графиня Д. Ф. Фикельмон записала в дневнике: «Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, — ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, все возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете».

Рассказы о красоте жены Пушкина расходились по белу свету, так что люди, даже никогда ее не видевшие, очень верно ее описали, как Ф. Г. Толь: «Наталья Николаевна была очень хороша, высока ростом, стройна, черты лица удивительно правильны, глаза одни небольшие, одним она иногда немного косила: quelque chose de vague dans le regard[60]». Сам Пушкин иногда звал жену «моя косая Мадонна».

Первый бал, на который Пушкин впервые выезжает в Петербурге с Натальей Николаевной, был устроен графом В. П. Кочубеем в его особняке 11 ноября 1831 года. Здесь она должна была встретиться со своей тезкой графиней Натальей Викторовной Строгановой, урожденной Кочубей, дочерью хозяина дома, «первым предметом любви Пушкина». Даже если это и так, то теперь поэт мог сказать первыми строками своего лицейского стихотворения:

Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.

В октябре 1831 года граф Александр Григорьевич Строганов, троюродный брат Натальи Николаевны, был произведен в чин

генерал-майора с назначением в свиту Его Величества. На этом балу, таким образом, Наталья Викторовна впервые явилась свету в сопровождении мужа-генерала.

В это время, как раз в первой половине ноября, Пушкин готовит к изданию очередную, восьмую главу «Евгения Онегина». По мнению Плетнева, в восьмой главе «Евгения Онегина» поэт описал именно графиню Строганову:

> К хозяйке дама приближалась,
> За нею важный генерал.

Но в целом образ Татьяны в петербургском свете сливается с образом Натальи Николаевны:

> Она была нетороплива,
> Не холодна, не говорлива,
> Без взора наглого для всех,
> Без притязаний на успех,
> Без этих маленьких ужимок,
> Без подражательных затей…
> Все тихо, просто было в ней,
> Она казалась верный снимок
> *Du comme il faut*… Шишков, прости:
> Не знаю, как перевести.
>
> Беспечной прелестью мила,
> Она сидела у стола
> С блестящей Ниной Воронскою,
> Сей Клеопатрою Невы:
> И верно б согласились вы,
> Что Нина мраморной красою
> Затмить соседку не могла,
> Хоть ослепительна была.

После бала у Кочубеев графиня Фикельмон запишет свое впечатление о Наталье Николаевне: «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей всё улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь ее облик как будто говорит: „Я страдаю“. Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу —

быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!»

Появление в свете Натальи Николаевны тотчас стало темой переписки, затронувшей даже провинцию. Так, побочный сын знаменитого вельможи князя А. Б. Куракина барон М. Н. Сердобин сообщает в ноябре своему сводному брату барону Б. А. Вревскому, мужу тригорской приятельницы Пушкина Е. Н. Вульф, что Натали была «отменно хорошо принята, она понравилась всем и своим обращением, и своей наружностью, в которой находят что-то трогательное». Так и в «губернии Псковской» прознали про светские успехи Натальи Николаевны.

Не прошло и недели после бала у графа Кочубея, как даже далекая от света сестра поэта Ольга Сергеевна пишет мужу, делая тем самым слухи о Наталье Николаевне достоянием Варшавы: «Что касается моей невестки, то эта женщина здесь в большой моде. Она принята в аристократическом кругу, и общее мнение, что она красивее всех; ее прозвали „Психеей“[61]». «Психе» по-гречески «душа» и одновременно «бабочка». «Душа моя» — будет звать Пушкин Наталью Николаевну в своих письмах. В греческой мифологии Психея представлялась олицетворением души, дыхания. Обычно она изображалась в виде бабочки, то вылетающей из погребального костра, то отлетающей в Аид, или в виде птицы, порхающей тенью и сновидением. Объединив различные предания, Апулей создал поэтическую легенду о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью.

В канун бала у Кочубеев министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде запрашивает Николая I, каким чином определить «известного нашего поэта, коллежского секретаря Пушкина» в Коллегию иностранных дел. Супруга же министра однажды без ведома Пушкина привезла его жену на небольшой придворный вечер в Аничков дворец. Сделать она могла это только с позволения или пожелания императрицы, которая с царскосельской поры хотела видеть Наталью Николаевну при дворе. Пушкин был взбешен, наговорил графине грубостей и, между прочим, сказал: «Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю». Посещать балы и вечера в Аничковом, как правило, могли только придворные, а Пушкин таковым не являлся. Через два года он получил это право в качестве камер-юнкера.

Двенадцатого февраля 1834 года Надежда Осиповна писала дочери: «Александр на отъезде, а в первых днях первой недели поста сбирается и Натали, она навестит в деревне своих родителей и останется там до августа. Александра сделали камер-юнкером, не спросив на то его согласия. Это была нечаянность, от которой он не может опомниться. Никогда он

того не желал. — Его жена теперь на всех балах. Она была в *Аничковом.* Она много танцует, к счастью для себя не будучи брюхатой».

Надежда Осиповна тогда не знала, что Наталья Николаевна все-таки была беременна и сезон закончился для нее выкидышем. Письма матери Пушкина стали на это время хроникой жизни Натальи Николаевны. 3 марта она передает дочери распорядок дня невестки: «Масленая очень шумная, всякий день утром и вечером бал, спектакль — с понедельника до воскресенья; Натали на всех балах, всегда хороша, элегантна, везде принята с лаской; она всякий день возвращается в 4 или 5 часов утра, обедает в 8, встает из-за стола, чтобы взяться за туалет и мчаться на бал; но она распрощается с этими удовольствиями, чрез две недели она едет в деревню к матери, где думает остаться шесть месяцев». Это писалось за три дня до последнего дня Масленицы, когда и случился выкидыш, на время нарушивший строившиеся планы. Пушкин записал в дневнике: «6 марта. Слава богу! Масленица кончилась. А с нею и балы. Описание последнего дня масленицы (*4-го мар.)* даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцовали мазурку, коей окончился утренний бал. Дамы съехались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. — Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидывали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. — Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались».

Надежда Осиповна, узнав о случившемся от сына, писала дочери 9 марта 1834 года: «В воскресенье вечером на последнем балу при дворе Натали сделалось дурно после двух туров мазурки; едва поспела она удалиться в уборную императрицы, как почувствовала боли такие сильные, что, воротившись домой, выкинула. И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленую, будучи два месяца брюхата. Тетка ее утверждала противное, и племянница продолжала танцевать. Теперь они удивлены, что я была права».

Две недели ушло на поправку, Наталья Николаевна исхудала, к тому же, едва оправившись, она простудилась на прогулке, схватила «горловую жабу» и вновь несколько дней провела в постели.

Пушкин без жены не выезжал, но после ее выздоровления не выезжать стало невозможно: «Я все-таки не был во дворце — и

рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта». Вспоминается пушкинская сентенция по поводу присылки за ним фельдъегеря в 1826 году в Михайловское: «Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается…» На этот раз обошлось и без фельдъегеря, и без придворного врача Арндта, которому еще суждено быть посланным императором к постели умиравшего поэта.

Екатерина Николаевна писала брату по поводу бала, от которого Пушкин отговорился: «Бал был в высшей степени блистательным, и я вернулась очень усталая, а прекрасная Натали была совершенно измучена, хотя и танцевала всего два французских танца. Но надо тебе сказать, что она очень послушна и очень благоразумна, потому что танцы ей запрещены. Она танцевала полонез с императором; он, как всегда был очень любезен с ней, хотя и немножко вымыл ей голову из-за мужа, который сказался больным, чтобы не надевать мундира. Император ей сказал, что он прекрасно понимает, в чем состоит его болезнь, и так как он в восхищении от того, что она с ними, тем более стыдно Пушкину не хотеть быть их гостем. Впрочем красота мадам послужила громоотводом и пронесла грозу».

Больше отлынивать от посещения двора Пушкину явно было невозможно, и после записи в дневнике 1834 года о фельдъегере следует:

«18-го дек. Третьего дня был я наконец в А.<ничковом>. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придв. лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8 ½ в А.<ничковом>, мне в мунд.<ирном> фраке, Н. Н. как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую г.<рафиню> Бобр.<инскую>, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в А.<ничков> ездят с круглыми шляпами, но это еще не всё). Гостей было уже довольно; бал начался контр-дансами. Г<осударын>я была вся в белом, с бирюзовым головным убором; г<осуда>рь — в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Г.<раф> Бобр.<инский>, заметя мою Δ шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился. Г<осуда>рь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Кеннинга и Веллингтона. У Доро спросили, как находит он бал. Je m'ennuis, отвечал он. — Pourquoi celà? — On est debout, et j'aime à être assis[62]. Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: Mon cher ami, ce n'est pas

ici le lieu de parler de la Pologne. — Choisissons un terrain neutre, chez l'amb.<asadeur> d'Autr.<iche> par exemple[63]. Бал кончился в 1 ½».

Балы следовали один за другим, но сестрам Гончаровым всё было мало. Екатерина Николаевна 31 декабря написала брату Дмитрию: «Праздники у нас проходят довольно тихо, балов в этом году не так уж много. Вчера мы были на балу у Сухозанет[64], где была страшная давка, слишком много народа, чтобы было можно хорошо повеселиться».

О светских развлечениях нового сезона Пушкин пишет в своем дневнике уже 8 января 1835 года: «6-го был бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го; г<раф> Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобр.<инский> Брызгаловым (кастеляном Мих.<айловского> замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства).* Гос.<ударь> полковником Изм.<айловского> полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным».

В мемуарах А. О. Смирновой, отличавшейся тонким пониманием людей и умением создать запоминающийся портрет даже мельком упомянутого ею человека, мы находим еще одно упоминание о графе В. И. Панине, танцевавшем на приеме во дворце: «Крылов, Юсупов и длинный Панин в трико с венками из роз на голове были ужасны, и я не постигаю, как люди позволяют себе делать такие глупости».

Очередной светский сезон заканчивался, Наталья Николаевна на этот раз вела себя осторожно, а Пушкин углубился в «Историю Петра», от которой долгое время был отвлечен, занимаясь «Историей Пугачева». 18 февраля в дневнике появилась запись: «С генваря я очень занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят».

В летний сезон 1835 года в ожидании разрешения на отъезд в деревню Пушкин с женой и свояченицами посещает воскресные балы на Минеральных Водах в Новой Деревне. О первом бале, состоявшемся 14 июля, писал К. Я. Булгаков: «Было человек с 500, и прекрасно. Все островские дамы, Завадовская, Пушкина, купцы немцы с семействами, угощение, освещение, музыка, два оркестра, все было очень прилично и хорошо, а всего лучше, что в 7 началось и в 11 кончилось. Надеюсь, что эти балы, напоминающие немецкие воды, продержатся».

На память о другом светском празднике, устроенном 17 июля П. Н. Демидовым для императорской фамилии в бывшем поместье княгини Шаховской, осталась книга «Образцы

застольных бесед покойного С. Т. Кольриджа». На внутренней стороне обложки сделана запись рукой Пушкина: «Купл. 17 июля 1835 года, день Демид. праздника, в годовщину его смерти». Пушкин с женой и свояченицами приехали туда из Стрельны. Праздник описала в письме брату Екатерина Николаевна: «17 числа мы были в Стрельне, где мы переоделись, чтобы отправиться к Демидову, который давал бал в двух верстах оттуда, в бывшем поместье княгини Шаховской. Этот праздник, на который было истрачено 400 тысяч рублей, был самым неудавшимся: все, начиная с двора, там ужасно скучали, кавалеров не хватало, а это совершенно невероятная вещь в Петербурге, и потом, этого бедного Демидова так невероятно ограбили, один ужин стоил 40 тысяч, а был самый плохой, какой только можно себе представить; мороженое стоило 30 тысяч, а старые канделябры, которые тысячу лет валялись у Гамбса на чердаке, был и куплены за 14 тысяч рублей. В общем, это ужас, что стоил этот праздник, и как там было скучно».

Двадцать первого июля Пушкин сопровождает жену и свояченицы на очередной бал в зал Минеральных Вод. Екатерина Николаевна писала брату Дмитрию: «Ты уже знаешь, что мы живем это лето на *Черной речке,* где мы очень приятно проводим время, и конечно не теперь ты стал бы хвалить меня за мои способности к рукоделию, потому что буквально я и не вспомню, сколько месяцев я не держала иголки в руках. Правда, зато я читаю все книги, какие только могу достать, а если ты меня спросишь, что же я делаю, когда мне нечего делать, я тебе прямо скажу, не краснея (так как я дошла до самой бесстыдной лени) — ничего, решительно ничего. Я прогуливаюсь по саду или сижу на балконе и смотрю на прохожих. Хорошо это, как ты скажешь? Что касается до меня, я нахожу это чрезвычайно удобным. У меня множество женихов, каждый божий день мне делают предложения, но я еще так молода, что решительно не вижу необходимости торопиться, я могу еще повременить, не правда ли? В мои годы это рискованно выходить такой молодой замуж, у меня еще будет для этого время и через десять лет. У нас теперь каждую неделю балы на водах в *Новой деревне.* Это очень красиво. В первый раз мне там было очень весело, так как я ни на одну минуту не покидала площадку для танцев, но вчера я прокляла все балы на свете и всё, что с этим связано: за весь вечер я не сделала ни шагу; словом, это был один из тех несчастных дней, когда клянешься себе никогда не приходить на бал из-за скуки, которую там испытала».

Летний сезон 1836 года начался для Натальи Николаевны и Пушкина 1 июля участием в ежегодном празднике в Петергофе в

честь дня рождения императрицы Александры Федоровны. В. Ф. Ленц писал: «Двор длинной вереницей совершал процессию среди этого моря огней. На одном из диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо». О том же дне вспоминал и граф В. А. Соллогуб: «Пушкина я видел в мундире только однажды на петергофском празднике. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива[65] драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами. Из-под треугольной его шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев».

Надежда Осиповна писала дочери 3 июля: «Натали, говорят, была дивно хороша, и правда, после последних родов она стала красива, как никогда». Заканчивает она письмо еще одним сообщением о сыне и невестке: «Знаешь ли ты, что Александр в сентябре месяце на три года уезжает в деревню, это решено, он уже получил отпуск, и Натали совершенно тому покорилась». Сергей Львович продолжает: «Александр едет, но куда — мне ничего не известно, и сам он еще того не знает. Вряд ли приедет он нас навестить, а ежели и сделает это, то молнии подобно, а, однако, нам многое нужно порешить промеж себя прежде, нежели расстаться, быть может, на очень долго».

Дантес также был на петергофском празднике. Еще 20 июня он писал Геккерену: «Через несколько дней мы должны оставить лагерь и 1 июля прибыть в Петергоф, где, говорят, праздник будет как никогда блестящим». В этом письме Дантеса всплывают имена общих с Пушкиным светских знакомых, поминаются те события петербургской жизни, участниками которых были и Пушкин с Натальей Николаевной.

Дачная жизнь Пушкиных и Гончаровых на Островах между тем протекала своим чередом: семейные праздники, визиты тетки Екатерины Ивановны, приезд младшего брата Гончаровых, Сергея, прожившего у них всю первую половину августа.

Продолжались и праздники на Водах. Екатерина Николаевна пишет брату 14 августа 1836 года: *«Ездил и мы несколько раз верьхом.* Между прочим, у нас была очень веселая верховая прогулка большой кампанией. Мы были на Лахте, которая находится на берегу моря, в нескольких верстах отсюда. *Дам нас было только трое и еще Соловая,* урожденная Гагарина, одна из тех, кого ты обожаешь, мне кажется, и двенадцать кавалеров, *большею частью кавалергарды.* Там у нас был большой обед; были все музыканты полка, так что вечером танцовали, ***и*** *было весьма весело».* В письме сообщается также, что барышни Гончаровы с Натальей Николаевной посетили уже три бала на Водах, на одном

из которых присутствовала императорская фамилия, и собираются еще раз в субботу на закрытие сезона.

О летних развлечениях на Водах кавалергард Дантес рассказывает в письме Геккерену 2 августа: «После возвращения из лагеря погода у нас стоит прекрасная, да и развлекаемся мы от души. Во-первых, двор пребывал на Елагине очень долго, а это делает жизнь на Островах чрезвычайно веселой, к тому же у многих возникла превосходная мысль устраивать нам праздники на Водах, наподобие тех балов, что дают за границей. Право же, они прелестны и удались настолько, что двор соблаговолил там побывать».

Летний сезон 1836 года, закончившись 17 августа балом на Минеральных Водах, стал последним для Пушкина с Натальей Николаевной.

Разлуки и письма

За совместную жизнь Пушкин с Натальей Николаевной расставались девять раз на срок от десяти дней до четырех месяцев и шести дней, а всего ровно на 13 месяцев. В это время только письма и думы друг о друге связывали их.

Первая после свадьбы разлука супругов происходит в декабре 1831 года. Еще 24 ноября Пушкин сообщает Бенкендорфу, что вынужден ехать в Москву «по неотложным делам» с разрешения «одного лишь квартального», так как служебный статус его пока не определен. 3 декабря, получив 28-дневный отпуск, он отправляется дилижансом в Москву для приведения в порядок денежных дел.

Тотчас по приезде в Москву Пушкин пишет жене записку: «Сей час приехал к Нащокину на Пречистенском Валу в дом г-жи Ильинской. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Целую тебя, женка, мой ангел. 6 дек.». На конверте проставлен адрес: «М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербург. В Галерной в доме Брискорн». Это первое письмо Пушкина-мужа Наталье Николаевне, и оно было написано не по-французски, а по-русски. И впредь по-французски он ей никогда не писал.

Во втором, уже пространном письме из Москвы от 8 декабря, главным станет проявление заботы: «…как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя». В Петербурге предстоял бал в Зимнем дворце, и Пушкин был уверен, что жена отправится на него, несмотря на беременность: «Дома ты не усидишь, поедешь во дворец и, того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы». Он наставлял Наталью Николаевну: «Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. <…> Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрилей не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить».

Времяпрепровождение Натальи Николаевны в отсутствие Пушкина можно представить по письму Ольги Сергеевны Павлищевой мужу, написанному в конце декабря, до нас в оригинале не дошедшему, но процитированному в «Воспоминаниях» ее сына: «Александр уехал в Москву еще перед Николиным днем и, по своему обыкновению, совершенно нечаянно, предупредив только Наташу, объявив, что ему необходимо видеться с Нащокиным и совсем не по делам поэтическим, а по делам гораздо более существенным — прозаическим. Какие именно у него дела денежные, по которым

улепетнул отсюда, — узнать от него не могла, а жену не спрашиваю. Жду брата, однако, весьма скоро назад. Очень часто вижусь с его женою; то я захожу к ней, то она ко мне заходит, но наши свидания всегда случаются среди белого дня. Заставать ее по вечерам и думать нечего: ее забрасывают приглашениями то на бал, то на раут. Там от нее в восторге, и прозвали Психеею, с легкой руки госпожи Фикельмон, которая не терпит, однако, моего брата — один бог знает почему».

Девятнадцатого декабря Наталья Николаевна была на придворном балу в Аничковом дворце, несмотря на запрет мужа туда ездить. В очередной раз блистала она своей красотой, и присутствовавшая на балу княжна Варвара Николаевна Репнина писала своей матери, что Натали «действительно великолепна». Рождественский пост еще не начался, балы продолжались. Уверенный, что жена будет плясать, Пушкин советует ей быть осторожной, а о себе сообщает: «Дам московских еще не видал; на балах и в собрание вероятно не явлюсь», — и передает поклоны от Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Лишь последнего он упоминает с инициалом имени, чтобы жена не подумала, что привет от ее поклонника В. Давыдова: «Все тебе кланяются; очень расспрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен очень много». А. И. Тургенев в тот же день, 8 декабря, отписал брату Николаю в Англию: «Поэт Пушкин здесь, как слышно, на несколько дней. У него жена, как сказывают, первая красавица в С.-Петербурге». В следующем письме, от 10 декабря, Пушкин повторяет вновь: «Москва еще пляшет, но я на балах еще не был».

Пушкин в старой столице встречался и с Вяземским, и с Дмитриевым, не ездил лишь на Никитскую к Гончаровым, о чем писал жене: «Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат. Ив., иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен».

Письма Натальи Николаевны до нас не дошли. По их поводу со временем образовалась история почти детективная. После того как они с позволения Николая I были возвращены Наталье Николаевне, дальнейшая их судьба покрылась мраком. Никто из биографов Пушкина, даже П. В. Анненков, читавший переписку поэта, их не видел. Н. О. Лернер пытался найти их, но не смог дать ответа на вопрос, где они. В 1966 году этим вопросом задалась С. Г. Зегель, так и назвав свою работу: «Где письма

Натальи Николаевны Пушкиной?», но, как представляется, также безуспешно. На основе просмотра архивных документов нынешней Государственной национальной библиотеки она утверждала, что эти письма хранились в Румянцевском музее, готовились там к изданию, а затем загадочно исчезли. Однако проведенная уже в 1971 году С. В. Житомирской экспертиза архивных документов, выявление всех упоминаний писем и их анализ убедительно доказали, что сын поэта А. А. Пушкин сдал в музей только письма отца. Еще в 1902 году П. И. Бартенев писал В. И. Сайтову, издававшему «Переписку» Пушкина: «Писем Натальи Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их». Однако десять лет спустя он же выразил сомнение по этому поводу и написал о возможной публикации писем в «далеком будущем». Так что если их не сожгла сама Наталья Николаевна, что вполне вероятно, то они могли сгореть вместе с домом А. А. Пушкина в 1919 году.

За неимением писем Натальи Николаевны мужу приходится судить о их содержании по ответным письмам Пушкина. Писала она часто, порой даже длинно, исправно выполняла данные супругом поручения, переправляла ему корреспонденцию; со слугами не справлялась, давая им волю; выражала ревность; давала искренний отчет о своей жизни, чем порой вызывала нарекания Пушкина. Отъезд Пушкина явился своеобразным испытанием для Натальи Николаевны. Сладить с домом она конечно же еще не могла. Дворецкий Василий Калашников завел роман с Меланьей Семеновой, крепостной Натальи Николаевны, доставшейся ей в приданое.

Пушкин отзывается в третьем письме из Москвы, написанном около 16 декабря: «Василий врет, что он истратил на меня 200 рублей. Алешке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, что я ими очень недоволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алешкой разделаюсь по моем приезде. Василия вероятно принужден буду выпроводить с его возлюбленной — enfin de faire maison nette[66]; всё это очень досадно.

Не сердись, что я сержусь». (Василия Калашникова он так и не «отошлет», а, напротив, устроит его судьбу, оженив на другой год с гончаровской Меланьей. Вполне вероятно, что именно

Наталья Николаевна за них заступилась; она же отпустит их после смерти мужа на волю.)

Последнее письмо Пушкина 1831 года к жене из Москвы датировано 16 декабря. Он ставит ее в известность обо всех своих делах. В этот приезд ему удалось частично погасить свои карточные долги; так, он уплатил Л. И. Жемчужникову 7500 рублей из 12 500, которые был тому должен по векселю, выданному 3 июля 1830 года сроком на два года. Среди дел, о которых хлопочет Пушкин в Москве, Наталью Николаевну особенно занимал выкуп ее заложенных бриллиантов. Пушкин отвечает ей: «Голкондских алмазов дожидаться я не намерен, и в новый год вывезу тебя в бусах». Выкупить бриллианты жены удастся только в феврале 1832 года, заплатив за них около девяти тысяч рублей. Наталья Николаевна запечатлена с ними на известном акварельном портрете работы Александра Павловича Брюллова, завершенном весной 1832 года, когда бриллианты были наконец доставлены в Петербург.

На одном из вечеров у княгини Вяземской Пушкин встретил-таки студента и давнего «обожателя» Натальи Николаевны Владимира Давыдова, о чем не преминул сообщить ей шутя: «Увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься)».

В то время, когда Пушкин в Москве старался избегать балов, Наталья Николаевна в Петербурге продолжала блистать в окружении всё новых поклонников своей красоты, затмевая соперниц. Скорее всего, на балу во дворце ее увидел прославленный генерал А. П. Ермолов, о чем 21 декабря написал своему бывшему адъютанту Н. П. Воейкову: «Гончаровой-Пушкиной не может женщина быть прелестнее. Здесь многие находят ее несравненно лучше красавицы Завадовской». Так пушкинская Татьяна затмевает Нину Воронскую, «Клеопатру Невы», прототипом которой, по общему убеждению современников, явилась графиня Елена Михайловна Завадовская, урожденная Влодек.

В канун Рождества Пушкин выехал из Москвы в Петербург, куда прибыл 27 декабря, в воскресенье. В перечне прибывших в столицу в «Санкт-Петербургских ведомостях» он обозначен еще как «отст. <авной> 10 класса Пушкин», хотя уже был зачислен на службу с чином девятого класса.

В середине января 1832 года доверенный Нащокина А. Х. Кнерцер привозит из Москвы новогодние подарки: Пушкину — чернильницу с арапчонком с пояснением: «Посылаю тебе твоего предка с чернильницами…» (она и ныне стоит на столе поэта в его кабинете на Мойке), а Наталье Николаевне — золоченую корзиночку «с каменьями». В письме Нащокину от 28

января Пушкин сообщает, что Брюллов на днях будет писать портрет Натальи Николаевны. В другом январском письме, в разгар балов, поэт извещает Нащокина: «Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность. — На балах пляшет, с государем любезничает, с крыльца прыгает. — Надобно бабенку к рукам прибрать».

Следующая разлука Пушкина с женой была вызвана неожиданной смертью 8 сентября 1832 года деда Натальи Николаевны, Афанасия Николаевича Гончарова, жившего с февраля 1832 года в Петербурге. Пушкин хлопочет о разрешении похоронить его в Полотняном Заводе. 10 сентября он подает прошение в департамент хозяйственных и счетных дел об отпуске на двадцать дней «по домашним обстоятельствам» для сопровождения тела А. Н. Гончарова и перезакладе кистеневских крестьян в Опекунском совете. В тот же день заводится дело «об увольнении титулярного советника Пушкина в отпуск», а 12 сентября он получает свидетельство на свободный проезд до Москвы и разрешение на перевоз тела Афанасия Николаевича для погребения в Полотняном Заводе.

Пушкин выехал в Москву «поспешным дилижансом» 17 сентября, но прибыл только 21-го и остановился в гостинице «Англия» в Глинищевском переулке. Тотчас же отправился он к Нащокину, о чем на другой день отписал жене, объясняя задержку и предупреждая возмущение: «Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву вчера в середу. Велосифер, по-русски Поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм[67], поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и — неслыханная вещь! — их подковывали по дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву…» Тут он, не удержавшись, даже выругался по матушке. Он поведал жене о своих спутницах по путешествию: «Теперь послушай, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и как маленький Иосиф вышел чист из искушения».

Домашние заботы и в Москве занимали Пушкина: «Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобой воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит».

Письмо, отправленное 30 сентября 1832 года, начинается с

упоминания некоего Пушкина, которого без него принимала Наталья Николаевна: «Вот видишь, что я прав: нечего было тебе принимать Пушкина». Речь идет, вероятно, о Федоре Матвеевиче Мусине-Пушкине, приходившемся Наталье Николаевне двоюродным дядей[68]. С 1817 по 1836 год он служил в лейб-гвардии Гусарском полку, так что Пушкин, скорее всего, был с ним знаком. К тому же с 1826 года он был женат на приятельнице Ольги Сергеевны, Александре Осиповне Ришар, в первом браке Геннингс. Что было сказано о нем в очередном не дошедшем до нас письме Натальи Николаевны, неизвестно, но очевидно, что этот визит был кем-то сочтен неприличным.

Следом поэт первый раз в своих письмах упоминает Идалию Полетику, которая с этого времени входит в жизнь Пушкиных: «Просидела бы ты у Идалии и не сердилась бы на меня». Идалия Григорьевна Полетика, урожденная Обортей, была внебрачной дочерью португальской графини д'Ега и графа Григория Александровича Строганова, двоюродного брата Натальи Ивановны, так что приходилась Наталье Николаевне троюродной сестрой и могла беспрепятственно бывать у нее. Неглупая и обаятельная, со злым языком, она сумела приблизиться к Наталье Николаевне и влиять на нее, что вначале не беспокоило Пушкина. Ей еще предстояло сыграть зловещую роль в истории дуэли и смерти Пушкина, но, как кажется, уже теперь она подзуживала Наталью Николаевну. Та вдруг начала предъявлять мужу неожиданные обвинения под самой благодушной личиной, что как раз и насторожило его:

«Я ждал от тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресения ты письма от меня не получала; а ты так тиха, так снисходительна, так забавна, что чудо. Что это значит? Уж не кокю (рогоносец. — *В. С.)* ли я? Смотри! Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякой день видимся. А до жен нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у кого супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадоны etc. etc. Знаешь русскую песню —

> Не дай Бог хорошей жены,
> Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит».

Хотя Пушкин и упрекнул Наталью Николаевну в подозрительности, в конце письма он дал некоторые основания

для нее, когда сообщил: «На днях был я на бале (у кн. Вяз.<емской>; следственно я прав). Тут была графиня Салагуб, гр. Пушкина (Владимир), Aurore, ее сестра, и Natalie Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с гр. Салогуб (с теткой, entendons-nous[69]) и уехал ужинать к Яру, как скоро бал разыгрался».

Перечень дам и девиц, выделенных Пушкиным среди гостей на балу у Вяземской, при всей его кажущейся невинности, должен был возбудить в Наталье Николаевне ревность: все четыре поименованные Пушкиным дамы отличались особенной красотой и в разное время назывались в этом смысле ее соперницами. Графиня Пушкина, жена Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина, урожденная Эмилия Карловна Шернваль, белокурая красавица, была отмечена сестрой Пушкина в качестве соперницы невестки и воспета Лермонтовым в стихотворении «К гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной». Уже в Петербурге Д. Ф. Фикельмон 17 ноября записала в дневнике, что Эмилия Карловна «очень хороша в этом году, она сияет новым блеском благодаря поклонению, которое ей воздает Пушкин-поэт». Московский почт-директор А. Я. Булгаков отметил, что «она решительно лучше сестры своей», то есть упомянутой Пушкиным Авроры Карловны, но и ту почитали изумительной красавицей. Княжна же Наталья Александровна Урусова, фрейлина, была младшей из трех сестер Урусовых, которыми увлекался Пушкин и которые также славились на всю Москву редкой красотой.

Одной графини Надежды Львовны Соллогуб (так правильно пишется ее фамилия) было бы вполне достаточно, чтобы жена начала ревновать. Семейство Соллогубов было хорошо известно как в Москве, так и в Петербурге. Одного из его представителей, своего старинного знакомого Александра Ивановича, Пушкин даже упоминает в черновом варианте XV строфы первой главы «Евгения Онегина», в которой приводит своего героя на бульвар, где «гуляет вечный Соллогуб». Заметим, что здесь Пушкин правильно указывает их старинную польскую фамилию, а в письме жене называет ее явно с оттенком иронии то Салагуб, то Салогуб.

Имя графини Соллогуб, упомянутое в этом письме впервые, еще не однажды всплывет в переписке Пушкиных. Поэт, верный всегдашнему своему чувству восхищения красотой и юностью, не смог удержаться от того, чтобы не посвятить ей тогда же стихотворения, хотя и выказал в нем сдержанность, продиктованную новым своим положением женатого человека:

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу

Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье.
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастие того, кто избран ей.
Кто милой деве даст название супруги.

«Название супруги» даст Надежде Соллогуб знакомый и родственник Пушкина Алексей Николаевич Свистунов.

В июле 1836 года Надежда Львовна уехала за границу, а в октябре состоялась их свадьба. Вернулись они в Россию уже после гибели поэта.

Автограф стихотворения, посвященного юной Надежде Соллогуб, до нас не дошел, и при жизни Пушкина оно не было напечатано конечно же потому именно, что Пушкин не хотел волновать Наталью Николаевну и вызывать ненужные толки в свете. Один из его списков, в альбоме Прасковьи Арсеньевны Бартеневой, датирован 5 октября, но тогда Пушкин еще был в Москве. Под другой копией стоит: «27 октября 1832», когда он вновь был в Петербурге и спустя месяц мог вспомнить бал у Вяземской, под впечатлением от которого стихотворение и было создано. В Москву Надежда Львовна прибыла вместе с двором. Княгиня Вера Федоровна вспоминала, что Пушкин открыто ухаживал за Соллогуб, что выводило из себя Наталью Николаевну. Со временем эта ревность только усиливалась.

Тем же днем помечено и стихотворение «В альбом»:

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участьем
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

Эти альбомные стихи, можно сказать, составили своеобразный лирический цикл, отразивший состояние поэта, до того ему неведомое, произошедшие в нем перемены, борьбу нового, дотоле не знакомого ему чувства семейного человека с привычкой холостых лет безоглядно предаваться увлечению, ощутив «болезнь любви в душе своей».

Не случайно во всех пяти письмах 1832 года из Москвы, адресованных Пушкиным Наталье Николаевне, особое место занимает забота о новорожденной дочери. В детстве Маша часто болела. В первом же письме Пушкин задается вопросом: «А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский?» Помянутый акушер, доктор медицины Иван Тимофеевич Спасский, ставший с той поры домашним врачом Пушкиных, присутствовал в их жизни до самой гибели поэта. Заканчивая второе письмо жене, Пушкин пишет: «Покаместь прощай, Христос с тобою и с Машей». Третье он завершает словами: «Прощай, Христос с тобою и с Машею», четвертое: «Цалую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с вами». Последнее письмо оканчивается словами: «Прощай, мой ангел, цалую тебя и Машу. Прощай, душа моя — Христос с тобою».

Первое письмо Пушкина, написанное 22 сентября, Наталья Николаевна получила 25-го. Тогда же ему пришло «длинное» письмо от нее. 26 сентября, едва отправив второе письмо (пришедшее в Петербург 29 сентября вечером), он получил от жены сразу три послания, в ответ на которые отослал свое третье письмо от 27 сентября. Оно достигло адресата 30 сентября вечером. Четвертое письмо Пушкина от 30 сентября писалось в ответ на пятое письмо жены. Наталья Николаевна получила его вечером 4 октября. Это письмо Пушкин начинает с благодарности: «Теперь спасибо за твое милое, милое письмо», а затем подсчитывает, когда жена должна была получить его первое послание. Правильно рассчитав, что это было в воскресенье 25 сентября, он ожидал «грозы». Она «разразилась» в шестом письме Натальи Николаевны, отправленном из Петербурга после получения второго его письма. В своем последнем, пятом письме, отправленном 3 октября, Пушкин по пунктам отвечает на упреки жены. В ответ на упрек, что, приехав в Москву 21 сентября, письмо он отправил только на следующий день, Пушкин пишет: «Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь?» Этого оправдания показалось недостаточно, и он добавляет второе: «В Москве

письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следственно и отложил писать к тебе до другого дня». В ответ на обвинения жены Пушкин выдвигает встречные: «Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? Виновата 1) потому, что всякий вздор забираешь себе в голову, 2) потому что пакет Бенкендорфа (вероятно важный) отсылаешь с досады на меня бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение, будто бы подобное Нащокинскому! Женка, женка!.. но оставим это. Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счеты, доишь кормилицу. Ай да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. Насилу успел написать две доверенности, а денег не дождусь». Речь шла о доверенностях на Нащокина для перезаклада двухсот душ и на М. И. Калашникова для получения в Нижегородской гражданской палате свидетельства о том, что на Кистеневе нет никаких исков. Перезаклад крестьян, несмотря на все хлопоты, так и не состоится, так что и этих денег Пушкин не получит.

Однако не только заботы о Маше, взаимная ревность и деловые сообщения составляют содержание переписки между Москвой и Петербургом. Наталье Николаевне первой Пушкин сообщает о новом литературном замысле. Имеется в виду «Дубровский», главный герой которого первоначально был назван Островским, а героиня — сразу же именем новорожденной дочери: «Мне пришел в голову роман, и я вероятно за него примусь». Но только 21 октября, уже в Петербурге, роман будет начат. В Москве же поэта отвлекали дела денежные, которые он частью решил, а частью переложил на Нащокина. Лейтмотив его писем к жене можно выразить словами последнего письма: «Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить». Не завершив всех дел, замученный тоской и ревматизмом, неожиданно прихватившим его, Пушкин так же стремительно, как он приехал в Москву, отбыл из нее все тем же «поспешным дилижансом» 10 октября и на этот раз всего через два дня уже был в Петербурге. Возвратясь, Пушкин нашел, как он сообщает Нащокину в письме от 2 декабря, «большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец — нанимать новую квартиру».

В третий раз Пушкины расстаются в конце лета 1833 года. Оставив Наталью Николаевну с детьми на Черной речке, Александр Сергеевич отправляется в четырехмесячную поездку в Болдино с посещением Казанской и Оренбургской губерний для сбора материала о пугачевщине, с заездом в Ярополец и Москву. Этот маршрут был оговорен с женой, которую он впервые

оставлял на столь длительный срок: две его предыдущие поездки ограничивались двумя-тремя неделями. Выезжает он вместе с Соболевским 17 августа, не дождавшись Натальина дня, и с дороги, как всегда, расспрашивает о домашних делах, беспокоится о детях.

Первое письмо он отправил ей из Торжка 20 августа: «Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева была так высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы». Путь от Петербурга до Торжка, где Пушкину надо было сворачивать на Ярополец, занял два дня: «Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал на нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с его швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу[70], буду писать тебе из Яропольца. От тебя буду надеяться письма в Синбирске. Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако все-таки не кокетничай».

Двадцать шестого августа, как раз в Натальин день, в Зимнем дворце устраивался традиционный бал в честь Бородинской годовщины; его всегда открывал император, которого и имеет в виду Пушкин, говоря, что кокетничать «не с кем». Николай I еще 16 августа отбыл на пароходе за границу для встречи в богемском Фридланде с прусским и австрийским монархами; но из-за бури император вернулся назад и только 19 августа, уже сухим путем, отбыл в Европу. Ввиду отсутствия царя традиционный бал в Зимнем дворце был отменен.

Следующее письмо, от 21 августа, Пушкин неожиданно отправил из Павловского, имения Павла Ивановича Вульфа: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинниками, о которых вероятно я тебе

много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить». Пушкин, выбрав отнюдь не кратчайшую дорогу на Ярополец, конечно же заранее решил, что посетит Малинники и Павловское, в которых не был с осени 1829 года, но не хотел тем тревожить Наталью Николаевну. Он знал, что Прасковья Александровна тем летом жила в Тригорском, а потому неудивительно, что он сразу направился в Павловское: «В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Аннет, Евпраксий, Саш, Маш etc., живет управитель Прасковии Александровны, Рейхман, который поподчивал меня шнапсом». Пушкин не случайно подчеркивает, что «барышни разъехались». Однако по пути, прямо на большой дороге между Павловским и Малинниками, располагалось имение Вельяшевых, объехать которое просто было невозможно. Катеньке Вельяшевой было посвящено стихотворение, которое, несомненно, Наталья Николаевна хорошо знала:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры.
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.

Если ж нет… по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Пушкин и тут успокаивает жену: «Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу».

Пушкин, когда-то, живя в тверских поместьях, писавший: «… деревенскую жизнь я очень люблю», — на два дня окунулся в нее: «Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — и какая ты: *брюнетка* или *блондинка, худинькая* или *плотнинькая*?»

В письме из Павловского Пушкин ни словом не помянул тверских барышень, которые как раз и должны были интересоваться внешностью Натальи Николаевны, зато описал сцену отъезда из Торжка: «Забыл я тебе сказать, что в Ярополице (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славныя котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встретя ее ахнула. А надобно тебе знать, что M-lle Pojarsky ни дать ни взять M-me George[71], только немного постаре. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты?»

Вряд ли Дарья Евдокимовна Пожарская запомнила Наталью Николаевну со времени их проезда в мае 1831 года; скорее она видела ее в Петербурге, где бывала даже при дворе, готовя по заказу императора свои знаменитые котлеты.

Предполагая, что жена получит письмо уже после своих именин. Пушкин пишет ей строки, которые не могли не произвести на нее самого приятного впечатления: «Прощай, моя плотнинькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться… Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, цалую тебя крепко». В том же письме он сообщает дальнейший маршрут: «Завтра чем свет отправляюсь в Ярополиц, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три».

Выехав из Яропольца в ночь на 25 августа, Пушкин по пути в

Москву завернул в Захарово и провел там два часа, вдохнув воздух детства. Дочь Арины Родионовны Марья вспоминала: «Летом… хлеб уж убрали, так это под осень, надо быть, он приезжал-то. Я это сижу, смотрю: тройка! я эдак… а он уж ко мне в избу-то и бежит… Пока он пошел по саду, я ему яишенку-то и сварила; он пришел, покушал… „Всё наше решилось, говорит, Марья; все, говорит, поломали, всё заросло!.. Прощай, говорит, Марья!“».

В тот же день в полдень Пушкин прибыл в Москву, в гончаровский дом на Большой Никитской. Первым делом он отправился к Нащокину, от которого узнал, что деньги, взятые по его просьбе у ростовщика Юрьева, отосланы Наталье Николаевне. «Теперь я спокоен», — пишет он жене на другой день.

Утром 26 августа, в Натальин день, он начинает письмо жене с поздравления: «Поздравляю тебя с днем твоего ангела, мой ангел, цалую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих похождений — из антресолей вашего Никитского дома…» В доме жил один Николай Афанасьевич, но зятя не принял. Обедал же Пушкин с друзьями у братьев Киреевских в Трехсвятском тупике у Красных ворот, поднимая бокалы за именинницу. На другой день он пишет жене: «Вчера были твои имянины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Судиенки. Еду послезавтра — прежде не будет готова моя коляска».

В день рождения жены, 27 августа, Пушкин сообщает Наталье Николаевне: «Обедал у Судиенки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125,000 доходу, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского». Вечером вновь пили за Наталью Николаевну: «Вечер у Нащокина, да какой вечер! Шампанское, лафит, зазженный пунш с ананасами — и все за твое здоровье, красота моя». Именно здоровья жене Пушкина в ту пору не хватало. Вяземский, приехавший 26 августа поздравить ее с днем рождения и именинами, заметил, что она «всё еще довольно худо оправляется».

Наконец, после еще нескольких встреч и прощального вечера у Нащокина, 29 августа Пушкин пустился в путь, о чем и написал жене: «Нащокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами… он задал мне прощальный обед со стерлядями… усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу».

Второго сентября он пишет жене уже из Нижнего Новгорода: «Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, M-me Sichler etc, а у тебя нет денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердишься на меня — и поделом. А это еще хорошая сторона картины — что если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи… Пугачев того не стоит. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе. Однако буду в Симбирске, и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится».

Утром 8 сентября Пушкин написал очередное короткое письмо Наталье Николаевне: «Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с 5, и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сей час еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сент. быть в деревне. Здорова ли ты? здоровы ли вы? Дорогой я видел годовую девочку, которая бегает на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке. Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. Цалую тебя». Подлинник этого письма сохранился. На нем имеются почтовые штемпеля: «Казань 1833 сен. 11» и «Получено 1833 сен. 21 вечер». Это письмо было отправлено Пушкиным еще на Черную речку, но рукою почтового чиновника сделано исправление адреса с неправильно прописанной фамилией домовладельца: «Д.<ом> Оливе».

Уже из села Языкова, принадлежавшего Николаю Михайловичу Языкову и его братьям, Пушкин пишет 12 сентября последнее письмо, адресованное Наталье Николаевне на дачу, хотя оно, вероятно, ее там уже не застало. Давая отчет о пребывании в Казани, Пушкин все в том же ироническом стиле, употребляемом им, когда дело касалось визитов к дамам, пишет об Александре Андреевне Фукс, даже не называя ее: «Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings[72], сорокалетней, несносной бабе с вощеными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом —

но Бог помиловал, однако она взяла мой адрес и стращает меня перепискою и приездом в П. Б., с чем тебя и поздравляю». На самом деле Александра Андреевна, судя по известному ее портрету, была если и не красавицей, то во всяком случае вполне привлекательной, и было ей в ту пору не 40, а только 28 лет. М. Ф. де Пуле писал, что она была «очень недурна собой, умна и от дяди унаследовала страсть к стихотворству, которым занималась с увлечением с молодых лет».

В свое время Н. О. Лернер в статье «Ревность Н. Н. Пушкиной» рассматривал резкий отзыв о Фукс как «вынужденную и довольно невинную хитрость» со стороны Пушкина, знавшего, что «появление в его доме умной и приятной женщины, да еще его поклонницы, не пройдет ему даром со стороны Натальи Николаевны, и он, как говорится, „забежал вперед“ и в предвидении приезда Фукс в Петербург разругал в письме к жене свою казанскую почитательницу. Надеясь, что после такого отзыва о ней жена ревновать его не станет и домашний мир не будет нарушен». Примеры подобной «невинной хитрости» в письмах Пушкина мы наблюдаем и тогда, когда те, в отношении которых она предпринята, вовсе и не собирались наносить визит семейству Пушкиных, так что можно говорить о выработанной манере, в которой Пушкин рассказывал жене о других женщинах.

Свое подробное письмо с рассказом о Казани и знакомстве с Фукс Пушкин закончил указанием дальнейшего маршрута: «Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия».

Десятого сентября Пушкин уже оказался в Симбирске и с утра нанес визит губернатору Александру Михайловичу Загряжскому, родственнику Натальи Николаевны, на чье имя она посылала письма, адресованные мужу. «Третьего дня, — пишет он 12 сентября, — прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел, — но у тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом». В этом большом письме как раз и сообщила Наталья Николаевна о приискании ею новой квартиры. Пушкин откликается на дошедшие до него домашние новости, в частности о найме квартиры: «Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж по крайней мере усиди в нем». Ответ Пушкина уже ничего изменить не мог, так как ко времени, когда он дошел до Петербурга, Наталья Николаевна квартиру уже сняла. Это письмо и два следующих Пушкин, не зная нового адреса, отправляет на имя тетки жены, Екатерины Ивановны Загряжской — «В С. Петербург в Зимнем дворце. Для дост. Н. Н. Пушкиной».

До нашего времени дошла «Генеральная карта Екатеринославской губернии» 1821 года с надписью Пушкина на обороте: «Карта, принадлежавшая Александру Павловичу (Александру I. — *В. С.)*. Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. 1833». О своих дальнейших планах Пушкин сообщил жене: «Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться».

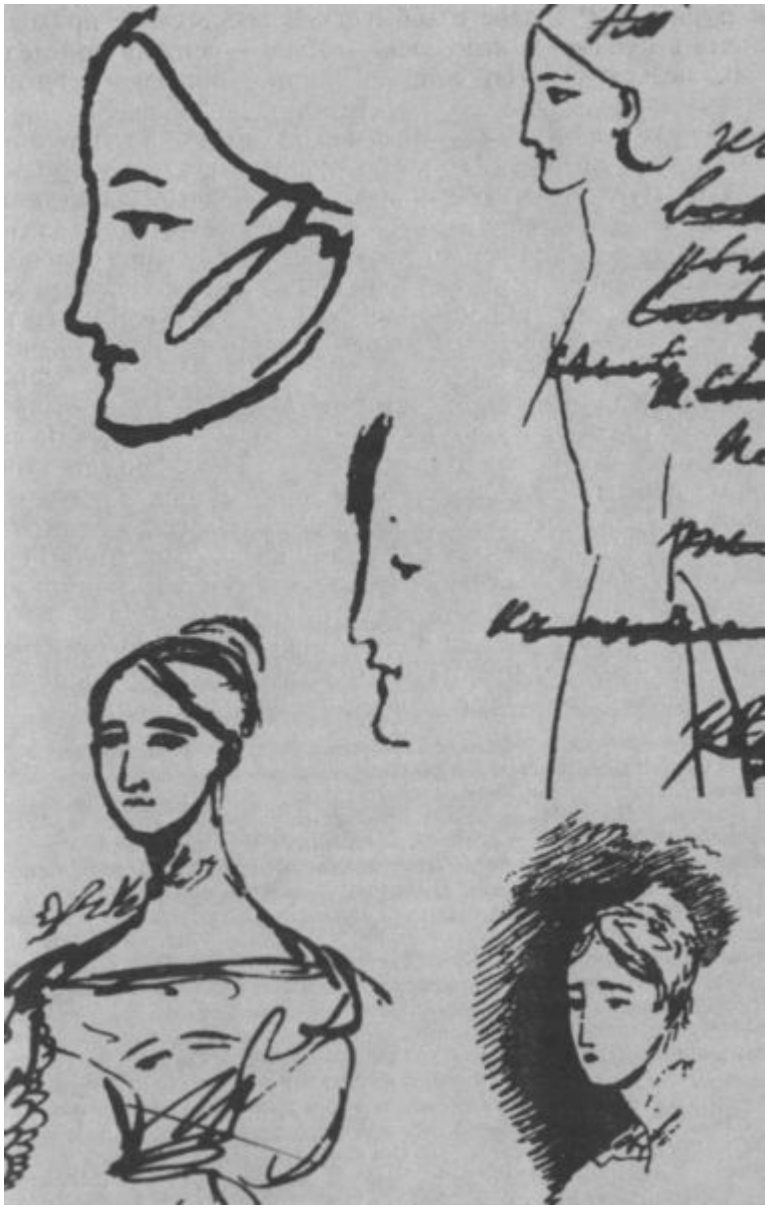
Четырнадцатого сентября, в канун переезда Натальи Николаевны в город на новую квартиру, Пушкин сообщает из Симбирска: «Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как Бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы я дал, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений».

В письме от 19 сентября, уже из Оренбурга, Пушкин предупреждает упреки Натальи Николаевны: «Что, женка? скучно тебе? Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?» Там же, бранясь по поводу своего камердинера Гаврилы, Пушкин поминает добрым словом прежнего, Ипполита, и беспокоится, как жена справляется с прислугой в доме: «Свет-то мой Ипполит! кстати о Хамовом племени: как ты ладишь своим домом? Боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой. Не говорю уж о детях. Дай Бог им здоровья — и тебе, женка». Заканчивая оренбургское письмо и обещая в следующий раз писать уже из Болдина, Пушкин шутливо утешает Наталью Николаевну: «Как я хорошо веду себя! как бы ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли

ты, что есть пословица: На чужой стороне и старушка Божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример».

Первого октября 1833 года, в воскресенье, Пушкин достигает наконец Болдина. На другой день он пишет жене: «Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что не нашед о тебе никакого известия, я почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому? ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься…»

Пушкин опасается: «Того и гляди, избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку…» — и, в свою очередь, успокаивает жену: «Честь имею донести… я перед тобою чист как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-летними старухами — а на молоденьких засцых шестидесятилетних и не глядел». Заканчивается письмо выражением намерений: «Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и п<рибыть> [73] к тебе с добычею. В воскресенье приходит почта в Абрамово, наде<юсь> письма — сегодня понедельник, неделю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пуг<ачева>».



Наталья Николаевна Гончарова (Пушкина). Рисунки в рукописях А. С. Пушкина. 1830–1833 гг.

Ожидание вестей от Натальи Николаевны, оставленной Пушкиным в Петербурге в день начала очередного наводнения, и сожаление, что пропустил («прогулял») это зрелище, вызвало обращение к поэме, в центре которой находится описание знаменитого петербургского наводнения 7 ноября 1824 года,

свидетелем которого поэт тоже не был, так как оно случилось в пору его михайловской ссылки. Перед начальным стихом «На берегу Варяжских волн» пометой «6 окт.» обозначено начало черновой рукописи поэмы «Медный всадник». В этот день Пушкин набросал 11 стихов «Вступления» и приступил к работе над следующей строфой. На листе с описанием наводнения у строк«… Челн по ней стремился одиноко» и под отдельно вынесенной и зачеркнутой строкой «В Европу прорубить…» нарисованы профили Натальи Николаевны. Особенно тщательно прорисован второй набросок, сделанный на заштрихованном фоне. Он близок к тому единственному портрету Натальи Николаевны, который был исполнен при жизни Пушкина А. П. Брюлловым. Так воспоминания о Петербурге слились с воспоминаниями о жене.

Через неделю, 8 октября, Пушкин, как и ожидал, получает от нее сразу два письма. Рассказы жены вызывают его беспокойство. «Не стращай меня, женка, — пишет он в ответ, — не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать, — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, и я буду работать и спешить». По всей видимости, Наталья Николаевна не без умысла, чтобы вызвать ревность мужа и, быть может, заставить его поскорее вернуться, весьма добросовестно описала в этих письмах свою жизнь, не преминув упомянуть своих старых и новых поклонников. Не случайно Пушкин, рассказав, как ему работается, вновь переводит разговор на известия, полученные от жены: «Вот уж неделю, как я в Болдино, привожу в порядок мои записки о Пуг., а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов, и заживем припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни… Безобразов умно делает, что женится на к.<няжне> Хилковой. Давно бы так.

Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться за чужими женами и выдавать за свои чужие стихи»[74].

Наталья Николаевна сообщает о приезде в Петербург Соболевского, на что Пушкин, между прочим, замечает: «Не кокетничай с Соболевским…» На этом письме он впервые проставит уже новый, сообщенный женой адрес: «В С. Петербург у Пантелеймона близ Цепного моста в доме Оливье».

Сам Пушкин, ничего конечно же не сообщая жене, в первых числах октября дарит своей «крепостной любви» Ольге Калашниковой[75] деньги, на которые она вскоре покупает дом в Лукоянове и больше Пушкина не беспокоит. Этим отселением былой возлюбленной из Болдина и решением ее материальных проблем в давнем романе была поставлена точка.

Одиннадцатого октября в коротком письме Пушкин просит

жену съездить к Плетневу, чтобы тот велел переписать к его приезду все указы, касающиеся Пугачева; спрашивает о детях, просит не кокетничать «с ц<арем>, ни с женихом княжны Любы», то есть с Безобразовым. Пересказ сплетен о себе Пушкин перемежает похвалами жене: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла. Не только лицом, но и фигурой. Чего тебе больше».

Следующее письмо написано 21 октября: «Получил твое письмо от 4-го окт.<ября> и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресение не получил от тебя письма и имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не помешает тебе отличиться на нынешних балах. Видно, Огорев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говоря уже о порядочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то важнейшему. Охота тебе… соперничать с гр. Сал.<логуб> Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у нее поклонников? Всё равно кабы гр. Шереметев стал оттягивать у меня кистеневских моих мужиков. Кто же еще за тобой ухаживает кроме Огорева? пришли мне список по азбучному порядку».

В конце письма Пушкин особенно кланяется тетке жены Загряжской: «Благодари мою бесценную Катерину Ивановну, которая не дает тебе воли в ложе. Цалую ей ручки и прошу, ради бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей».

Пушкин несколько раз выражал жене беспокойство по поводу ее возможной беременности. Письмо от нее, полученное в Симбирске у Загряжского, успокоило его: «Я рад, что ты не брюхата». Однако в следующих письмах он вновь выражал беспокойство, вызванное сомнениями жены: «В самом деле не забрюхателa ли ты? что ты за недотыка?», «что твое брюхо?» — и только после ее письма от 4 октября окончательно уверился, что она не беременна.

Пушкин не зря оставил Петербург и жену. Вторая болдинская осень оказалась плодотворной. Но в отличие от «свадебных» развязок «Повестей Белкина», зародившихся в болдинскую осень 1830 года, когда Пушкин находился в счастливом состоянии жениха, теперь, в 1833-м, когда мрачные раздумья все чаще посещают его, трагическими оказываются и эпилоги его

произведений: гибнет Параша в «Медном всаднике», сходит с ума Герман в «Пиковой даме». Разве что «бедная» Лиза (в опере Чайковского утопившаяся) у Пушкина выходит замуж за сына управителя старой графини, обворовывавшего свою хозяйку.

Четвертого ноября теща приглашает Пушкина сделать на обратном пути остановку в Яропольце: «Дорогой <Александр Сергеевич>, при вашем проезде через Ярополец, мне помнится, вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит меня вернуться в <Завод>; не зная в точности времени вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю <Ярополец>. На случай, если вы намерены заехать сюда лишь с целью застать меня, я считаю необходимым предупредить вас о своем отъезде. Но если вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если <Ярополец> послужит для вас удобной станцией». Наталья Ивановна пересказывает Пушкину неизвестные нам письма ее дочери: «Письма ко мне Натали свидетельствуют о нетерпении, с каким она ждет вас; кажется, она готова даже рассердиться на ваше отсутствие; она сообщает мне успокоительные вести о детях».

Заканчивается письмо словами: «Желая вам скорого и благополучного возвращения и присоединяя к этому самые искренние пожелания вам счастья, я никогда не перестану быть вашим другом». Даже с учетом того, что форма заключительных фраз писем пушкинской поры была в высшей степени вежливой вне зависимости от реальных отношений корреспондентов, слова Натальи Ивановны «никогда не перестану быть вашим другом», как представляется, были действительно искренними. Так что можно с доверием отнестись к свидетельству подруги жены поэта, княгини Е. А. Долгоруковой, о том, что Наталья Ивановна «была очень довольна Пушкиным и даже полюбила его».

В постскриптуме теща сообщает о намерении выслать в Петербург отобранные им в Яропольце книги: «Ваши книги, так же как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути при первой же оказии».

Чтением книги «Vie des dames galantes[76]» французского прозаика XVI века Пьера де Брантома, хроникера скандальных происшествий, будет навеяно очередное письмо Пушкина Наталье Николаевне от 6 ноября: «Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничего так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения.* Радоваться своими победами тебе нечего. Курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть

хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: II est écrit sur le coeur de tout homme: à *la plus facile*[77]. После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец». (Известная парижская куртизанка Нинон де Ланкло, имя которой несколько раз поминается Пушкиным в письмах жене, носила волосы разделенными прямым пробором на две стороны, с завитыми длинными локонами, спускавшимися до плеч. Позднее, уже после смерти Пушкина, Томас Райт запечатлел Наталью Николаевну на портрете именно с такой прической.)

Приведя поучительный афоризм, почерпнутый, вероятно, из поддельных мемуаров Ланкло, Пушкин продолжает: «Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу — для чего? — для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности ect. ect. — не говоря об *cocuage*[78], о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме». Речь идет о 120-страничном трактате «Sur les dames, qui font l'amour et leur maris cocus»[79], которым открывается книга Брантома. Закончил Пушкин это последнее письмо Наталье Николаевне из Болдина словами надежды на возвращение в Петербург к Екатерининому дню — 24 ноября: «Желал бы я быть у тебя к теткиным имянинам. Да бог весть».

Заехав по пути в Москву и остановившись на несколько дней у Нащокина, Пушкин прибыл в Петербург даже ранее назначенного срока, 20 ноября. Приехав в новую квартиру у Оливье, он не застал жену дома — она была на бале; он поехал за ней и, как выразился в письме Нащокину, «увез к себе как улан уездную барышню с именин городничихи». В пересказе Нащокина эта история выглядела следующим образом: «Она была на балу у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Наталии Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. — Наталия Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт об этом факте писал нам и, помню, с восторгом упоминал, как жена его была авантажна в своем роскошном

розовом платье». Ничего этого в письме Пушкина нет; хотя он и мог при встрече вспомнить этот случай и описать подробности, но вряд ли до того, чтобы отметить наряд жены, мало его занимавший. «Роскошное розовое платье», скорее всего, впорхнуло в воспоминания Нащокина с акварельного портрета Натальи Николаевны работы Александра Брюллова.

Еще в 1833 году Пушкин предполагал отправить жену в Полотняный Завод, а самому уехать в Оренбург и Болдино, но она тяжело перенесла роды и долго выздоравливала, так что он уехал, как и намеревался, а Наталья Николаевна впервые осталась жить на ближних дачах, на Черной речке.

Только 15 апреля 1834 года, сразу после того как Наталья Николаевна поправилась после выкидыша и простуды, Пушкин отправил ее с детьми в Москву, откуда она думала съездить в Ярополец к матери, а затем провести лето в Полотняном Заводе. Сам же он остался в Петербурге для приведения в порядок дел по имениям и изданию «Истории Пугачева». Последнее должно было, как полагал Пушкин, обеспечить их деньгами на ближайшее время, а первое — на всю жизнь. Он сопровождал свое семейство до первой почтовой станции московского тракта Ям-Ижоры, записав на следующий день в дневнике: «16-го. Вчера проводил Н. Н. до Ижоры». Это была их четвертая разлука.

Вскоре по Петербургу разошелся слух, по поводу которого С. Л. Пушкин писал дочери, что ему «тошно слышать сплетни, постоянно распускаемые насчет Александра», и сообщал: «… знаешь ли ты, что, когда Натали выкинула, сказали, будто это следствие его побоев. — Наконец, сколько молодых женщин уезжают к родителям провести 2 или 3 месяца в деревне, и в этом не видят ничего предосудительного, но ежели это касается до него или до Леона — им ничего не спустят».

Расставаясь, Пушкин и Наталья Николаевна уговорились, что он приедет в Полотняный Завод, как только уладит все дела. Дела же затянулись, и только к Натальину дню ему удалось выехать из Петербурга. Четыре с лишним месяца разлуки оказались самым большим сроком, который они прожили врозь.

Для Натальи Николаевны это путешествие без мужа стало единственным за время их совместной жизни. Поскольку в этот раз разлучились они надолго, то больше оказалось и писем, которыми они обменялись, делясь всем, что их занимало и волновало. Всего от этого времени до нас дошло 25 писем Пушкина Наталье Николаевне из Петербурга и еще два из Болдина, куда он отправился один, оставив жену в Москве, так что встретились они уже в Петербурге.

По расчетам, Наталья Николаевна должна была добраться до

Москвы на третий день к вечеру с ночлегами в Новгороде и Торжке, откуда Пушкин ожидал ее писем с дороги. Первое письмо пришло из Бронниц, первой станции после Новгорода, второе — из Торжка. Всего же, судя по ответам Пушкина, он получил от жены 17 писем и приписку к письму Натальи Ивановны — единственное дошедшее до нас ее послание Пушкину.

В первом же письме из Петербурга от 17 апреля он спрашивает: «Что, женка? каково ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Нова-города; а покаместь, вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье. Третьего дня возвратился я из Царского Села в 5 часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте[80]; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и что он велел нам это объяснить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: II y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règies fixes, des règies fixes[81]. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur[82]. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом — ни за какие благополучия! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, как говорит m-r Jourdain[83]». Пушкин по памяти не совсем точно цитирует г-на Журдена, героя комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», который на иронический вопрос жены: «N' irez-vous pas Fun de ces jours au collège vous faire donner le fouet à votre âge?[84]» отвечает: «Pourquoi non? Plût à Dien d'avoir tout à l'heure le fouet devant tout le monde, et savoir ce qu'on apprend au collège![85]»

В первый раз после свадьбы Пушкин в Петербурге остался без жены и на другой день, решив припомнить холостую жизнь, отправился с уговорившим его Соболевским обедать в ресторан. «Потом явился я к Дюме, — отчитывается он перед Натальей Николаевной, — где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Всё это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beaf-steaks». За этим домашним обедом у него были Соболевский и брат Лев, над которым Пушкин решил подшутить, велев не подавать к столу вина, сказав, что с отъездом Натальи Николаевны

находится на строгой диете и пьет одну воду. Соболевский, поддерживая Пушкина, усердно подливал себе воду, предлагая и Льву Сергеевичу, от чего тот столь же усердно отказывался. Ни «сардонический», по определению Пушкина, смех брата, ни отчаяние, живо написанное на его лице, не смирили приятелей, продолжавших свою проказу.

Еще не получив вестей от жены с дороги, Пушкин уже отправил ей вслед два послания прямо в Москву. Во второе он вложил два письма, адресованные ей, и рецепт капель, сопроводив указанием: «Сделай милость, не забудь перечесть инструкцию Спасского и поступать по оной».

Наталья Николаевна написала первое письмо в Бронницах, где задержалась, устав с дороги, «лежа в растяжку в истерике и лихорадке». Бронницы — первая станция после Новгорода, где она должна была, по всем расчетам, ночевать.

Пушкин, отсиживавшийся дома, сказавшись больным, получил письмо от жены только 20 апреля и тут же начал составлять ответ: «Ангел мой! сей час получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно, и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет». Как выяснилось позднее, письмо Пушкина было перлюстрировано на московском почтамте, и из-за него завязалась целая история, участниками которой стали, помимо Пушкина, Жуковский, Бенкендорф и сам император.

Пушкин был уведомлен запиской Жуковского о том, что какое-то его письмо ходит по городу и что император уже о нем говорил. Он записал в дневнике: «Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н. Н., и нашед в нем отчет о присяге в. кн., писанный,

видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию, письмо показано было Ж.<уковскому>, который и объяснил его. Всё успокоилось. Г.<осударю> неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. — Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным». Пушкин сделал эту запись только 10 мая, когда всё дело улеглось.

Действительно, письмо Пушкина было перлюстрировано на почте, с него была снята копия, доставленная в Третье отделение, но император сам письма не читал, хотя и знал его содержание. Копию письма спрятал от Бенкендорфа почитатель Пушкина, бывший лицеист П. И. Миллер. Подробности уточнил сам Миллер: «Дело происходило в 1834 году, когда я состоял секретарем при графе Бенкендорфе. В апреле месяце этого года граф получил от московского почт-директора Булгакова копию с письма Пушкина к жене, отмеченную припискою: „с подлинным верно“. Подлинное же письмо было послано своим порядком к Наталье Николаевне. <…>

Прочитав копию, граф положил ее в один из двух открытых ящиков, стоявших по обеим сторонам его кресел перед письменным столом. Так как каждый ящик был перегорожен на три отдела, и этих отделов выходило шесть, то граф нередко ошибался и клал полученную бумагу не в тот отдел, для которого они предназначались. Это, разумеется, вело к тому, что он потом долго искал ее и находил не прежде, как перебрав бумаги. Такая процедура ему наконец надоела, и он поручил мне сортировать каждый день и вынимать залежавшиеся.

Когда я увидел копию в отделе бумаг, назначенных для доклада государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой беде, грозившей нашему дорогому поэту. Я тут же переложил ее под бумаги в другой отдел ящика и поехал сказать М. Д. Деларю, моему товарищу по лицею, чтобы он немедленно дал знать об этом Пушкину на всякий случай. Расчет мой на забывчивость графа оказался верен: о копии уже не было речи, и я через несколько дней вынул ее из ящика вместе с другими залежавшимися бумагами».

Нам ничего не известно о том, чтобы Деларю сообщил Пушкину о перлюстрации его письма и о том, что копия с него попала к Бенкендорфу; зато известно, что оно ходило по городу, а именно это больше всего обеспокоило правительство и вызвало его реакцию. Скорее всего, ни Бенкендорф, ни тем более Николай I не признались бы в том, что ознакомились с письмом мужа жене и не дали бы ход делу, если бы письмо не стало достоянием общества. Так что Миллер, а с ним вместе и Деларю, действуя из лучших побуждений, с одной стороны, оказали Пушкину «медвежью услугу», а с другой — вывели «на чистую воду» правительство, которое вмешивалось в частную жизнь подданных.

Рассказав о себе, Пушкин перешел в письме к советам Наталье Николаевне: «Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуй-ста, побереги себя, особенно с начала; не люблю я Святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать или что еще. Побереги себя во время регул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верхом езди не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь».

Отец, Николай Афанасьевич, жил в отдельном флигеле дома на Никитской под надзором верного камердинера. Был он тихий, но Пушкин на всякий случай советовал жене, не только в этом письме, но и в более позднем, держать детей от него подальше: «С отцем пожалуйста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться. Того и гляди откусит у Машки носик».

Письмо, начатое 20 апреля, Пушкин задержал и, дождавшись Пасхи, продолжил его с поздравлением: «*Воскресение*, Христос воскресе, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной…»

Всего больше Пушкин желал, чтобы Наталья Николаевна поскорее добралась до Полотняного Завода: «Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров».

Письмо из Бронниц так взволновало Пушкина, что он успокоился только по получении второго, как и ожидал, из Торжка, и, едва получив его, принялся за ответ: «Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна, ты здорова — ты детей кашей кормишь — ты под Москвою. — Всё это меня очень порадовало и успокоило; а то я был сам не свой. У нас Святая неделя, шумная, бурная. Вчера был у Карамзиной и побранился с Тимерязевой. Сегодня пойду к тетке, с твоим письмом. Завтра напишу тебе много. Покамест цалую тебя и всех вас благословляю».

Причина, по которой Пушкин побранился с помянутой им Софьей Федоровной Тимерязевой, неизвестна, но самый факт сообщения о том был вполне в духе его успокоительных писем к жене. Довольно частые посещения Пушкиным дома Тимерязевых вполне могли дать Наталье Николаевне основания для ревности. Софья Федоровна, урожденная Вадковская, в первом браке Безобразова, второй раз была замужем за генерал-майором Иваном Семеновичем Тимерязевым, дядей естествоиспытателя. По рассказам их сына Федора, Пушкин часто заглядывал к его родителям, оставаясь обедать и жалуясь на образ жизни, который ему приходится вести, никак не согласующийся ни с его наклонностями, ни с его карманом. С Софьей Федоровной Пушкин состоял в родстве по линии Чернышевых, породнившихся с Ржевскими: прабабушка Пушкина приходилась троюродной сестрой ее прадеду. Родство с кузиной было в шестой степени и не могло являться препятствием для увлечения. Некоторым утешением для Натальи Николаевны мог служить рост Софьи Федоровны, бывшей на целую голову выше Пушкина: два аршина и восемь с половиной вершков, то есть 180 сантиметров. По этому поводу сохранилось воспоминание о том, как он, сидя у камина в ее доме и глядя на прохаживавшуюся перед ним хозяйку, воскликнул: «Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и ваш рост, так мне всё и кажется, что судьба меня, как лавочник, обмерила».

На Святой неделе, в Великий четверг 19 апреля, Наталья Николаевна с детьми добралась до московского дома Гончаровых. Натальи Ивановны в Москве не было — она пребывала в любимом Яропольце. «Что делать с матерью? — пишет ей Пушкин. — Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»

В Пасхальное воскресенье Пушкин с братом обедал у родителей. О своем времяпрепровождении он сообщает жене в

письме от 28 апреля: «Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качелях не являлся, завтра будет бал, который кружит все головы и сделался предметом толков всего города». Если бы Наталья Николаевна не уехала в деревню, то конечно же оба они были бы на балу в честь совершеннолетия наследника, который петербургское дворянство давало в доме Нарышкина на Фонтанке. К этому событию архитектор А. П. Брюллов специально отделал залу. Пушкин пишет жене о подробностях предстоящего бала: «Будет 1800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по 3 вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня».

В письме от 30 апреля Пушкин дал Наталье Николаевне отчет о бале у Нарышкиных, на котором не присутствовал, но к дому прогулялся, посмотрев со стороны на съезд гостей: «Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкиных. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготовили. Не дождавшись сумерков, пошел я в Англ.<ийский> клоб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клобе украли 350 рублей, украли не в тинтере, ни в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клоб? перещеголяли мы и московский! Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости».

Придя домой, Пушкин получает письмо от Натальи Николаевны и в ответ хвалит ее: «…с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься», но тут же упрекает в том, что она «не утерпела», «чтоб не съездить на бал кн. Голицыной», и поясняет: «Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Ты не M-lle Sontag[86], которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят. Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передним, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога. Женка, женка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать… ну, уж бог с тобой. Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штате-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться». Остается неизвестным, каким образом княгиня Голицына выражала свое пренебрежение к Наталье Николаевне; однако само представление Пушкина о том, как должна вести себя в подобной ситуации его жена, чтобы не уронить своего

достоинства, а вместе с тем соблюсти этикет, характерно для того кодекса ее поведения в обществе, который он постоянно декларирует в письмах к ней.

В письме от 30 апреля в ответ на упрек жены в том, что он общается с Соболевским, Пушкин пишет: «Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karamzine. Она сегодня на свадьбе у Бакуниной»[87].

Наталья Николаевна отреагировала на это сообщение так, что Пушкин в ответ написал: «Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье К.<арамзиной> очень приятны для моего самолюбия».

За разговором о Софье Карамзиной осталось незамеченным Натальей Николаевной упоминание о свадьбе той, которую лицейский товарищ Пушкина С. Д. Комовский назвал «первой платонической любовью поэта». Эта любовь нашла отражение в нескольких стихотворениях. Даже значительно позднее он вспоминал Бакунину в «Евгении Онегине», хотя посвященные ей строки и не вошли в основной текст романа:

> В те дни… В те дни, когда впервые
> Заметил я черты живые
> Прелестной девы, и любовь
> Младую взволновала кровь,
> И я тоскуя безмятежно,
> Томясь обманом пылких снов,
> Везде искал ее следов.
> Об ней задумывался нежно,
> Весь день минутной встречи ждал
> И счастье тайных мук узнал…

В ряду других светских новостей Пушкин сообщает жене о другой свадьбе, заслуживающей внимания: «Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает». Графу Ивану Илларионовичу Воронцову-Дашкову было уже 44 года, а невесте, Александре Кирилловне Нарышкиной, едва исполнилось семнадцать. (В доме Воронцовых-Дашковых 23 января 1837 года состоится один из последних балов, на котором будет Пушкин с Натальей Николаевной; 27 января 1837 года Александра Кирилловна встретит Пушкина с Данзасом, едущих на Черную речку.)

Свои сообщения о «славных свадьбах» Пушкин заключает вопросами: «Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то

выберет он? Александру ли Николаевну или Кат.<ерину> Ник.<олаевну>? Как ты думаешь?» Называя имена двух былых поклонников Натальи Николаевны, Пушкин тем самым поддразнивает жену; она, впрочем, сама дала ему к тому повод, сообщив о смерти Сорохтина.

Двенадцатого мая он пишет: «Какая ты дура, мой ангел! Конечно, я не стану беспокоиться от того, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив».

Уже не первый раз Пушкин проговаривается относительно кавалергардов, к которым теперь принадлежал и Жорж Дантес.

И именно ко времени пребывания Натальи Николаевны в Полотняном Заводе относится знакомство Пушкина с Дантесом. Интересно, что единственным тому свидетелем как раз был лицейский товарищ Пушкина Константин Карлович Данзас, которому судьба уготовила роль секунданта поэта.

Пока же они мирно общаются за обедом у Дюме. Данзас вспоминал, что за общим столом Пушкин сидел рядом с Дантесом. По словам Данзаса, «имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда», Дантес понравился и Пушкину.

Восемнадцатого мая Пушкин, в развитие истории с перлюстрированным письмом, предостерегает жену: «Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попалось полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных отношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет».

Во второй половине мая Пушкин получает письмо от тещи, уже свидевшейся с дочерью и внуками: «Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр *Сергеевич*; я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной после 3 лет разлуки не могла не взволновать ее. Однако она не испытала никакого недомогания; по-видимому, она вполне здорова, и я

твердо уверена, что во время ее пребывания у меня я не дам ей никакого повода к огорчениям; единственно, о чем я жалею в настоящую минуту, — это о том, что она предполагает так недолго погостить у меня. Впрочем, раз вы так уговорились между собой, я, конечно, не могу этому противиться. Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание любовь, которую я питаю к Натали и которую вы к ней питаете, — вы оказываете мне это доверие не напрасно. Я надеюсь оправдать его до конца моих дней. Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне, хотя вначале *Маша прикрикивала на бабушку*. — Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу. Хотя Натали, по-видимому, хорошо себя чувствует у меня, однако легко заметить ту пустоту, которую ваше отсутствие в ней вызывает. До свидания, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я всегда ваш друг».

Наталья Николаевна сделала к письму матери короткую приписку: «С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все мои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее, и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намериваюсь написать тебе побольше при первой возможности. Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас».

C'est avec peine que je me suis décidé à t'écrire, n'ayant rien de bien à te dire et n'ayant donné de mes nouvelles par une occasion que il y a eu hier l'un de ces jours. Maman elle-même était sur le point de remettre sa lettre à la poste prochaine, cependant elle craignait que tu n'éprouves quelques inquiétudes en restant quelque temps sans avoir de nos nouvelles c'est pourquoi l'a décidée à surmonter la paresse et la fatigue que l'accablent sans que moi, car nous avons été à l'eau toute la journée. Tu verras d'après la lettre de Maman que nous nous portons tous très bien, aussi je n'ai te dire rien à ce sujet, je termine ma lettre en t'embrassant bien tendrement, je compte t'écrire plus au long à la première occasion, adieu, porte toi bien, et ne nous oublie pas

Lundi 16 Mai 1836 Zygowiczki.

Единственное дошедшее до нас письмо Н. Н. Пушкиной мужу. 14 мая 1834 г.

Это единственное дошедшее до нас послание Натальи Николаевны мужу. Ее мать конечно же должна была прочесть эту приписку к своему письму, и оттого дочери пришлось быть сдержанной в выражениях своих чувств.

Стремлением вырваться в деревню, на чистый воздух, вызвано пушкинское стихотворение, обращенное к Наталье Николаевне, датированное маем — июнем 1834 года:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Стихотворение не было окончено и не печаталось при жизни Пушкина. План его продолжения виделся автору таким: «Юность не имеет нужды в *at home*[88], зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он *домой.* О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

Третьего июня Пушкин продолжает сетовать на вмешательство в частную жизнь: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre[89]. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше». После этих строк Пушкин замечает: «Это писано не для тебя; а вот что пишу для тебя… Приняла ли ты железные ванны? есть ли у Машки новые зубы? и каково она перенесла свои первые?»

Вновь и вновь возвращается Пушкин к теме перлюстрации: «Скучно жить без тебя и не сметь даже написать тебе всё, что у тебя на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись и не

толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую мы налагаем на себя из честолюбия или нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у Господа Бога. Но ты во всём этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, не смотря на опыты жизни».

Заканчивает Пушкин письмо словами предупреждения: «Но будь осторожна… вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность».

Тема с перлюстрированным письмом будет закрыта Пушкиным в письме от 11 июня: «На *того* я престал сердиться; потому что, toute réflexion faite[90], не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, по неволе привыкнешь к г…у, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman».

О содержании писем жены Пушкина нам приходится судить по его ответам. Так, 27 июня он удовлетворяет ее любопытство: «Буду отвечать тебе по пунктам. Когда я представлялся в.<еликой> кн.<ягине>, дежурная была не С.<оллогуб>, а моя прищипленная кузинка Чичерина, до которой я не охотник, да хотя бы и С.<оллогуб> была в карауле. Так уж если влюбляться… Эх, женка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что я от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в petite misère ouverte (термин игры в бостон. — *В. С.),* доказывая, что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не доказывает. Главное то, что я привык опять к Дюме и к Английскому клубу; а этим нечего хвастаться».

Дальше Пушкин переводит разговор на свояченицы: «Ты пишешь мне, что думаешь выдать Кат.<ерину> Ник.<олаевну> за Хлюстина, а Алекс.<андру> Ник.<олаевну> за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоем присутствии, моя красавица. Хлюстин тебе врет. А ты ему и веришь; откуда берет он, что я к тебе в августе не буду? разве он пьян был от ботвиньи с луком? Меня в П. Б. останавливает одно: залог имения Нижегородского, и даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод».

По поводу издания «Истории Пугачева» Пушкин постоянно

сносился со своим лицейским товарищем М. Л. Яковлевым, состоявшим в ту пору директором типографии, в которой она печаталась. Наталья Николаевна в письмах интересовалась и работой мужа над «Историей Петра». Пушкин отвечал: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьалы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок».

День Пушкина по давно уже установившемуся порядку начинался с прогулки, затем шли работа до середины дня, обед у Дюме, вечером — редкие визиты и Английский клуб: «Жизнь моя однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе». В одном из писем он прямо написал: «Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое».

Утренние прогулки по пустынному близлежащему Летнему саду заменяли Пушкину любимые деревенские прогулки, с которых он начинал день в Михайловском. Около 5 мая он писал жене: «Летний сад полон. Все гуляют. Гр. Фикельмон звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда. За Салог.<уб> я не ухаживаю, вот-те Христос; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц».

В ответ Пушкин получил очередной упрек от Натальи Николаевны и оттого 11 июня начинает письмо словами: «Нашла на что браниться!., за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, а я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню». Он, в свою очередь, укоряет жену, намеревавшуюся съездить в губернский город: «Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать? Это тебя сестры баламутят и верно уж твоя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить. Сиди дома, так будет лучше».

В тот же день с приехавшей к нему теткой Пушкин обсудил последнее письмо жены и сделал приписку к своему: «Она просит, чтоб я тебя в Калугу пустил, да ведь ты махнешь и без моего позволения. Ты на это молодец».

Наталья Николаевна действительно отправилась с сестрами в Калугу, так что на две недели оставила Пушкина без вестей: «Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? В Калуге? в деревне? откликнись. Что так

могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка — брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя».

В письмах к Наталье Николаевне заходит речь об увольнении со службы, особенно после того, как Пушкин убедился, что только хозяйское управление может спасти болдинское имение от окончательного разорения. Около 28 июня он пишет: «Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку».

Письмо от 30 июня Пушкин заканчивает словами: «Погоди, в отставку выйду, тогда переписка будет не нужна». При этом Пушкин ни слова не сообщает жене о том, что 25 июня он послал письмо А. Х. Бенкендорфу с просьбой об отставке:

«Граф.

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу. И покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которые соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно».

Ответ Бенкендорфа датирован 30 июня:

«Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в подлиннике. И Его Императорское Величество, не желая ни кого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу, о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок, государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства».

Этому письму был придан совершенно официальный характер: оно написано не на французском языке, как писал Бенкендорфу Пушкин, а на русском, то есть языке официальных документов, и снабжено исходящим номером: «№ 2396».

Употребленное в письме выражение о лицах, «пользующихся особенною доверенностью начальства», прямо указывало на то, что Пушкин отныне к таким лицам не относится. Через день в Петергофе, где тогда находился двор, состоялся примечательный разговор между Николаем I и изумленным Жуковским, который, узнав от императора о просьбе Пушкина об отставке, только и мог спросить:

— Нельзя ли как этого поправить?

— Почему ж нельзя? — отвечал Николай I. — Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае всё между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое.

В результате 3 июля Пушкин пишет по-французски письмо Бенкендорфу:

«Граф.

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим».

В тот же день Пушкин получает укоризненное письмо от Жуковского, в котором тот не пожалел выражений своего недовольства: «Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!» Совет Жуковского остается прежним: «Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этою возможностию, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей неодобрение».

Пушкин в ответ поясняет Жуковскому: «Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и всё. Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима. Изъяснить это всё гр. Бенкендорфу мне не достало духа — от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо».

Вслед за тем 4 июля Пушкин вновь обращается к графу Бенкендорфу, на этот раз по-русски, как бы в ответ на полученное им официальное послание: «Письмо вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что

необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доныне был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости».

Граф Бенкендорф показал оба письма Жуковскому, и тот 6 июля отписал Пушкину свои соображения: «В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы всё осталось по-старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностию. Разве ты разучился писать; разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто, государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностию. Он тебя до сих пор любил и искренне хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что ж тут думать! Напиши то, что скажет сердце. А тут, право, есть о чем ему поразговориться. И не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но более всего должен столкнуть с себя упрек в неблагодарности и выразить что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к государю».

Пушкин в тот же день отвечает Жуковскому: «Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце — но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье».

Шестого июля Пушкин пишет третье письмо Бенкендорфу:

«Граф.

Позвольте мне говорить с вами откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на

службе. Богом и душою моею клянусь, — это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мною столь легкомысленно».

На этом история с отставкой была закончена. Только 11 июля, когда всё завершилось, Пушкин, как бы между прочим, сообщает Наталье Николаевне: «На днях я чуть было беды не сделал: с *тем* чуть было не побранился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть он и не прав».

Через два дня Пушкин рассказывает жене новые детали произошедшего: «Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так ли? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения им будет мало в том, что их папеньку схоронили как шута, и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма».

Однако Пушкин не мог знать, как именно было закончено дело о его отставке, как в действительности посмотрели на всю эту историю Бенкендорф и император. Только 70 лет спустя была опубликована их переписка по этому поводу. Бенкендорф писал царю: «Письмо Пушкина ко мне и другое от него же Жуковскому. Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека: лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе». Николай I согласился: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения, и чем все это может кончиться;

то, что может быть простительно 20-летнему безумцу, не может применяться к человеку 35-ти лет, мужу и отцу семейства».

Эта история сильно утомила Пушкина. «Знаешь, что я думаю? — пишет он жене, — не приехать ли мне к тебе на лето? Нет, жена, дела есть… (началось печатание „Истории Пугачева“. — *В. С.)*. Сейчас приносили мне корректуру… я прочел, что Пугачев поручил Хлопуше грабеж заводов. Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? Грабь Заводы и возвратись с добычею».

Расчеты на то, что удастся вторично заложить имение Кистенево, не оправдались. Пришлось для печатания «Пугачева» прибегнуть к двадцатитысячному займу из казны.

Очевидно, Наталья Николаевна в каждом письме спрашивает о том, когда же он наконец приедет к ней. Пушкин же от письма к письму объясняет ей причины своей задержки: «Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?»

Чем дальше Пушкин откладывал отъезд из Петербурга, тем больше Наталья Николаевна рассказывала ему в письмах о своем кокетстве. Этими рассказами, судя по ответу Пушкина, было наполнено ее письмо, в котором она отчиталась о своем пребывании в Калуге. Пушкин отвечал ей с укоризной: «Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишка, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворк — когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейворком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да видно у тебя уж такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно. Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для тебя».

Это было последнее письмо Пушкина Наталье Николаевне до его отъезда к ней в Полотняный Завод. Он пишет: «Вот нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлев отпустит меня около половины месяца».

Четырнадцатого августа Пушкин получает желанный отпуск на три месяца с сохранением содержания и через три дня

отправляется в путь. Остановившись в Москве всего на несколько часов, он выехал в Полотняный Завод, куда и прибыл вечером 21 августа, за несколько дней до именин и дня рождения Натальи Николаевны.

После недолгого времени, проведенного Пушкиными в Полотняном Заводе, и переезда в Москву с детьми и свояченицами наступила их новая разлука. Пушкин вечером 10 сентября 1834 года отправился из Москвы в Болдино, о чем А. И. Тургенев сообщил в Петербург Жуковскому в тот же день: «Полдень. Пушкин едет в деревню, а жена недели через две в Петербург».

Первое письмо жене по приезде Пушкин начал 15 сентября: «Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение».

Он трижды отрывался от письма. В первый раз — чтобы принять прибывшего к нему для хозяйственных переговоров Безобразова («что ж ты так удивилась? — смеется Пушкин, — не твоего обожателя, а мужа моей кузины Маргаритки»), С П. Р. Безобразовым, мужем побочной дочери В. Л. Пушкина, поэт вел бесплодные переговоры о выкупе дядюшкиной части Болдина. Он хотел бы стать полновластным владельцем имения, но это было ему не по средствам. Во второй раз его отвлекли мужики с челобитьем: «…и с ними принужден я был хитрить — но эти наверное меня перехитрят». Наконец, пожаловала баба с просьбой, пересказом которой Пушкин повеселил жену: «Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы».

Перед тем как отправить письмо на почту в Абрамово, Пушкин 17 сентября приписал к нему: «Теперь вероятно ты в Яропольце и вероятно уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: в Арзамаском уезде, в село Абрамово, оттуда в село Болдино. — Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Целую тебя и деток и благословляю вас. Писать я еще не начал».

Наталья Николаевна перед отъездом в Петербург навестила мать в Яропольце. Сестры с ней не поехали и остались дожидаться ее возвращения в Москве. С собой она взяла только дочь Машу, а Саша остался с тетками. Наталья Ивановна обиделась, что внука ей не привезли, и, кажется, не без оснований сочла, что виноваты в этом ее старшие дочери. То соображение,

что ребенок может плохо перенести дорогу до Яропольца, не представлялось ей достаточно основательным, коли уж его привезли из Петербурга в Полотняный Завод. Можно посочувствовать Наталье Ивановне, но и сестер понять немудрено. Александра и Екатерина, зная властный характер матери, вполне резонно предположили, что она может разрушить их планы. Отправься они вместе с сестрой, мать могла бы оставить их в Яропольце; если же Наталья Николаевна поедет в Ярополец с обоими детьми, то может, не делая крюк в сотню верст для заезда в Москву, отправиться прямо в Петербург. Наталья Николаевна конечно же понимала все ухищрения сестер и решила действовать с ними заодно, оставив сына заложником своего возвращения, чтобы план переезда сестер в Петербург не был сорван. Она вернулась, и все вместе в сопровождении старшего брата Дмитрия Николаевича отправились в Петербург. Судя по письму Пушкина жене, он не был посвящен в эту семейную интригу.

Что же касается творческих надежд Пушкина, то они явно не оправдались. В это пребывание поэта в Болдине была написана лишь «Сказка о золотом петушке», окончание которой было отмечено в автографе с необыкновенной точностью: «Болдино. 20 сент. 1834 10 ч. 53 м.». Не позднее 25 сентября Пушкин писал Наталье Николаевне: «Вот уже скоро две недели как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и Библию, а всё об вас думаю.

Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, о которых беспокоюсь. Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Нат. Ив. сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое».

Пушкин беспокоится, как доберется без него Наталья Николаевна до Петербурга: «Скажи пожалуй-ста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве). Не забудь, что ты выкинула, и что тебе надобно себя беречь. Ох, кабы ты уже была в Петербурге. Но по всем моим расчетам ты прежде 3-го не доедешь. И как тебе там быть? без денег, без Амельяна, с твоими дурами няньками и неряхами девушками (не во гнев буде сказано Пелагее Ивановне, которую заочно цалую). У тебя чай голова кругом идет. Одна надежда — тетка. Но из тетки двух теток не сделаешь — видно, что мне

надобно спешить».

Это письмо Пушкин адресует уже в Петербург: «М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге. На Дворцовой набережной у Прачечного мосту в доме Баташева».

Больше приехать в Болдино Пушкину уже не удастся — это была его последняя, не слишком удачная болдинская осень. Со слов Ф. К. Раевского, сына болдинского дьякона, много позднее был записан рассказ о том, как поэт навсегда покидал Болдино: «Пушкин выезжал из Болдино в тяжелой карете, на тройке лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которым предлагалось угощение в доме. В последний отъезд из Болдина имел место такой случай. Когда лошади спустились с горы и вбежали на мост, перекинутый через речку, — ветхий мост не выдержал тяжести и опрокинулся, но Пушкин отделался благополучно. Сейчас же он вернулся пешим домой, где еще застал за веселой беседой и закуской провожавших его, и попросил причт отслужить благодарственный молебен».

Из Москвы он 9 октября отправился в Ярополец. Наталья Ивановна уже несколько дней ожидала его приезда. 7 октября она написала о том сыну Дмитрию: «Я надеюсь, что скоро тебя увижу. Я также жду Пушкина: может быть, он уже уехал в Петербург, не знаю». Об этом втором и последнем посещении зятем ее имения Наталья Ивановна сообщит сыну Дмитрию 23 октября: «Я еще тебе не писала о приезде Пушкина ко мне, потому что он приехал после моего последнего к тебе письма; он пробыл один день, я ему очень признательна за внимание».

В этот свой краткий приезд в Ярополец Пушкин вместе с тещей нанес визит соседям Чернышевым. Родство с ними Пушкина и его поэтическая слава, по мнению Натальи Ивановны, могли способствовать давним матримониальным планам ее старшего сына Дмитрия, который надеялся породниться с соседями. Если в первое пребывание Пушкина в Яропольце в доме Чернышевых были две невесты — Наталья и Надежда, то теперь, после замужества Натальи в августе того же 1834 года, осталась одна Надежда. К ней и пытался свататься еще в 1833 году Дмитрий Николаевич Гончаров, но в нее были влюблены еще два брата-красавца Муравьевы, Андрей и Николай Николаевичи. Поскольку Дмитрий не был ни богат, ни красив, да еще заметно заикался, то единственно постоянство чувств и ближайшее соседство могли бы склонить Надежду Чернышеву к этому браку. Приезд Пушкина в Ярополец вселил дополнительную надежду в Наталью Ивановну; но, судя по письму сыну от 23 октября, подходящая ситуация для разговора о сватовстве не сложилась: «При проезде Пушкина через Ярополец, мы с ним вместе были у

Чернышевых всё с тем же добрым намерением продвинуть твое дело, но не решились ничего сказать по этому поводу». Вполне вероятно, что и Пушкин, иронически относившийся к притязаниям Дмитрия Николаевича на сердце и руку Надежды Григорьевны, постарался уклониться от посредничества[91].

Вернувшись в Москву, Пушкин на другой же день, 11 октября, выехал в Петербург, куда прибыл в 10 часов утра 14-го.

В очередной раз Пушкин ненадолго оставляет Наталью Николаевну в мае 1835 года, подав 2 мая прошение на высочайшее имя об отпуске в деревню на 28 дней. Об этом он сообщает в тот же день своему шурину Н. И. Павлищеву: «Дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия».

Получив отпуск с 3 мая, он в воскресенье 5 мая отправился на десять дней в Тригорское. Надежда Осиповна 7 мая пишет дочери: «Сообщу тебе новость, третьего дня Александр уехал в Тригорское, он должен вернуться не позднее 10 дней, ко времени разрешения Натали. Ты, быть может, подумаешь, что это за делом, — вовсе нет: ради одного лишь удовольствия путешествовать, — и по такой плохой погоде! Мы были очень удивлены, когда он накануне отъезда пришел с нами попрощаться. Его жена очень этим опечалена. Признаться надо, братья твои чудаки порядочные и никогда чудачеств своих не оставят». Мария Ивановна Осипова рассказывала позднее, как «приехал он сюда дня на два всего — пробыл 8-го и 9-го мая», «приехал такой скучный, утомленный:

— Господи, — говорит, — как у вас тут хорошо! А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!» Запись о приезде Пушкина тогда же сделала в своем календаре и П. А. Осипова: «Майя 8-го неожиданно приехал в Тригорское Александр Серьгеич Пушкин. Пробыл до 12-го числа и уехал в Петербург обратно, между тем Н. Н. 14-го родила сына Григория».

Пушкин нашел дом и усадьбу в Михайловском в запустении. Пробыв всего два дня в Тригорском, он уехал в Голубово, откуда направился прямо в Петербург.

А. Н. Вульф писал своей сестре Анне Николаевне по поводу неожиданного приезда Пушкина: «Ты была удивлена приездом Пушкина и не можешь понять цели этого путешествия. Но я думаю, — это просто для того, чтобы проехаться, повидать тебя и маменьку, Тригорское, Голубово и Михайловское, потому что никакой другой благовидной причины я не вижу. Возможно ли, чтоб он предпринял это путешествие в подобное время, чтобы поговорить с маменькой о двух тысячах рублей, которые он ей должен… Пушкин в восхищении от деревенской жизни, и

говорит, что это вызывает в нем желание там остаться. Но его жена не имеет к этому никакого желания, и потом, — его не отпустит. Я думаю, что он хочет купить имение, но без денег это трудно».

В это время в Петербурге Наталья Николаевна родила сына Григория, о чем Сергей Львович сообщил дочери в письме от 17 мая: «14-го, т. е. во вторник, в 7 или 8 часов вечера, Натали разрешилась мальчиком, которого они назвали Григорий — не совсем мне ясно почему. Александр совершил 10-ти дневное путешествие в *Тригорское* — прокатился туда и обратно — пробыл там три дня и воротился в среду, в 8 часов утра, — Натали родила накануне». Екатерина Николаевна сообщила брату Дмитрию более точное время появления на свет племянника — 6 часов 37 минут. Пушкин приехал на другой день, как не преминула сообщить брату Екатерина: «Пушкин, который 8 дней пробыл в Пскове, вернулся сегодня утром». Надежда Осиповна в письме дочери от того же 17 мая сообщила: «Натали разрешилась за несколько часов до приезда Александра, она уже его ждала, однако не знали, как ей о том сказать, и правда, удовольствие его видеть так ее взволновало, что она промучалась весь день».

В том же 1835 году, в субботу 7 сентября, Пушкин опять уезжает в Михайловское, прибыв туда 10-го. Этим и следующим днем помечено стихотворение «К кастрату раз пришел скрыпач», первое, что на этот раз было им написано в деревне, живо напомнившей ему прежние годы. В середине сентября он пишет А. И. Беклешовой: «Мой ангел, как мне жаль, что я вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпр.<аксия> Ник.<олаевна>, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет на досуге и влюбиться. Я пишу к вам, а наискось от меня сидите вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время

И путешествия в Опочку

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Цалую ваши ручки».

Это письмо написано между 14 сентября, когда Пушкин уже вернулся от Вревских из Голубова, и 19-м, когда он вновь отправился туда. 17 сентября Прасковья Александровна Осипова, собиравшаяся вернуться в Тригорское ко дню своего рождения, 23 сентября, писала сыну: «Говорят, что… Пушкин уж проехал давно в Михайловское».

Всё, казалось бы, напоминало прежнюю деревенскую жизнь, однако былое вдохновение никак не посещало поэта, писавшего 14 сентября жене: «Вот уже неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю, то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю».

Петербургские заботы не давали Пушкину желанного покоя, без которого не могло быть и вдохновения. Он расспрашивает Наталью Николаевну о предпринятом деле с получением ссуды из Министерства финансов: «Что наша экспедиция? Виделась ли ты с графиней К.<анкриной>, и что ответ? На всякий случай, если нас гонит граф К.<анкрин> (министр финансов. — *В.* С.), то у нас остается граф Юрьев, я адресую тебя к нему». (С Василием Гавриловичем Юрьевым, прапорщиком инвалидной роты, ссужавшим под проценты деньги, Наталья Николаевна была по просьбе Пушкина сведена Соболевским, также пользовавшимся его услугами.)

Итак, Наталья Николаевна не только в курсе всех предпринимаемых мужем шагов, но и участвует в их осуществлении. Характерно, что фамилию министра и его супруги Пушкин обозначает в письме жене, как посвященной, лишь титулом и инициалом, а фамилию ростовщика прописывает полностью, с добавлением иронического графского титула. В свою очередь, Пушкин хочет быть осведомленным о жизни, которую ведет его жена: «Пиши мне как можно чаще; чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь со своей однофамилицей» (имелась в виду графиня Эмилия Карловна Мусина-Пушкина).

Пушкин ни слова не пишет жене о том, что накануне съездил в Голубово, посетив Евпраксию Николаевну. Между тем этот визит отмечен во «Вседневном журнале на 1835 год», который вел ее муж, барон Борис Александрович Вревский: «Сентябрь… 13-го. Приехал Александр Сергеевич Пушкин».

Семнадцатого сентября Наталья Николаевна с детьми едет в Павловск поздравить тещу с именинами. Спустя несколько дней, 21 сентября, Пушкин уже озабоченно пишет Наталье Николаевне, что еще ни строчки от нее не получил, и рассказывает о своих раздумьях: «Однако я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова

закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Всё держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, Бог знает. Покаместь, грустно. Поцалуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь!»

Пушкин вновь повторяет 25 сентября, что известий от жены еще не имеет и что ему по-прежнему не работается: «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым, русским языком. Наприм.<ер> вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одно беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии? расскажи, что тебя занимает, куда ты ездишь, какие есть новые сплетни, etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали. Не забудь сказать им сердечный поклон».

Наконец 28 сентября Пушкин получил сразу два письма от жены. Оказалось, что они пришли не в Остров, как указал ей Пушкин, а в Опочку, куда никто за ними не посылал. Наталья Николаевна сообщает о болезни тетки Екатерины Ивановны. Пушкин переспрашивает: «Чем больна Кат.<ерина> Ив<ановна>? ты пишешь, что *ужасно больна.* Следственно есть опасность? С нетерпением ожидаю твой *bulletin.* Всё это происходит от нечеловеческого образа ее жизни». Жена сообщила ему и о встрече с Канкриным, который отшутился, но, вероятно, пообещал предпринять всё возможное по его делу. «Канкрин шутит, — пишет Пушкин, — а мне не до шуток. Г.<осударь> обещал мне *Газету.* А там запретил; заставляет меня жить в П.<етер> Б.<урге>, а не дает мне способов жить своими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от

глупости и беспечности покойника Аф.<анасия> Ник.<олаевича>. Что из этого будет? Господь ведает».

О своем образе жизни Пушкин пишет: «Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю». Между тем следующим днем, 26 сентября, помечено стихотворение «Вновь я посетил», которое явно было написано не в один прием. В нем отозвались те мотивы, которые прозвучали в письме жене от 25 сентября. В следующем письме, от 2 октября, он пишет Наталье Николаевне: «Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у M^de^ Katherine. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только).

Погода у нас портится, кажется осень наступает не на шутку. Авось распишусь». Заканчивая письмо, Пушкин размечтался: «Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала на двор карета — а в карете сидела бы Нат.<алья> Ник.<олаевна>! да нет, мой друг. Сиди себе в П.<етер> Б.<урге>, а я постараюсь уж поторопиться и приехать к тебе прежде сроку».

Четвертого октября баронесса Евпраксия Николаевна Вревская пишет из Голубова брату Алексею: «Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и кричал по-прежнему, но теперь, кажется, впал опять в хандру. Он ждал Сашиньку (Александру Ивановну Беклешеву, в девичестве Осипову. — *В. С.)* с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреют его состаревшие физические и моральные силы».

Эти неприхотливые наблюдения вполне отражают тогдашнее состояние Пушкина, у которого давно знакомые и любимые места, в которые бежал он после семилетней с ними разлуки, вызвали поначалу вполне естественную реакцию: он ощутил себя беззаботным и вследствие того радостным. Но по прошествии небольшого времени думы об оставленном Петербурге со всеми его заботами, к тому же при отсутствии писем от Натальи Николаевны, овладели Пушкиным, и освободиться от них он уже не мог. Лирическим отражением этих дум явились строки стихотворения «Вновь я посетил», эпистолярное их отражение запечатлено в письмах жене.

К этому же времени относится и так называемый «План повести о стрельце», в котором сын казненного стрельца идет на

государеву службу, оказывается облеченным доверием Петра I, испытывая вместе с тем неволю «царской милости». Совершенно очевиден в этом так и не написанном произведении скорбный автобиографический подтекст.

Так и не дождавшись вдохновения, с одной прощальной элегией и неоконченными «Сценами из рыцарских времен» Пушкин раньше срока возвращается в Петербург 23 октября. По приезде он пишет хозяйке Тригорского П. А. Осиповой о новых огорчениях и петербургских сплетнях на свой счет: «Бедную мою мать я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжниной, где остановилась… В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего, и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя конечно сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае, Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен. Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь — и süsse Gewohnheit[92], однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а свет — мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее».

Неожиданная смерть матери Пушкина переменила его планы. Надежда Осиповна скончалась в Светлое воскресенье, в самую Пасхальную заутреню 29 марта 1836 года. 31 марта Пушкин со всем семейством присутствует на ее отпевании в Преображенском соборе, но выехать с телом матери в Святые Горы удалось только 8 апреля, а прибыть туда 11-го. Погребение состоялось 13 апреля у алтарной стены Святогорского монастыря. На другой же день Пушкин выезжает обратно вместе с бароном Б. А. Вревским, записавшим в дневнике: «Поехал с А. С. Пушкиным в Петербург. Приехали 16-го».

Только 29 апреля 1836 года Пушкин смог наконец поехать в Москву с заездом в Тверь, чтобы завершить дело с Владимиром Соллогубом, начавшееся еще в конце 1835 года и едва не закончившееся дуэлью (об этой истории будет подробно рассказано ниже).

В пятницу 1 мая Пушкин, прибыв в Тверь, остановился, как

всегда, в гостинице Гальони. Он ни слова не сказал Наталье Николаевне о вызове на дуэль, чтобы ее не беспокоить. Было и еще одно обстоятельство, которое заставило Пушкина спешно уехать: предстоящие роды жены. С тех пор как ему пришлось быть свидетелем ее страданий при первых родах, он каждый раз, как приближались очередные роды, покидал Петербург, чтобы ничего не видеть и не слышать. Те же дела в Москве, якобы ради которых он туда отправлялся, в их числе посещение Московского архива для сбора материалов к «Истории Петра», на самом деле не требовали той спешки, с какой Пушкин отправился в путь. Торопиться заставляло только дело чести — незавершенная дуэльная история. Пушкин вынужден был покинуть Петербург в самое неподходящее время: на выходе был второй том «Современника».

Первое письмо жене Пушкин написал 4 мая, начав его рассказом о том, как он добрался до Москвы: «Вот, тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие мое было благополучно. 1-го мая переночевал я в Твери, а 2-го ночью приехал сюда. Я остановился у Нащокина». Самое обращение «царица» вместо обыкновенных «ангел», «женка», «душа моя» отзывается «Сказкой о царе Салтане». В этом письме нет ни слова о встрече в Твери с Козловским, секундантом Соллогуба, зато содержится подробный рассказ о посещении, на другой день по приезде, Карла Павловича Брюллова: «Не уж-то не будет у меня твоего портрета им писанного! невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста не прогони его, как прогнала ты пруссака Крюднера». Этот портрет, как известно, так никогда и не был написан, как и портрет самого поэта. Только из этого письма мы узнаем, что Наталья Николаевна отказалась позировать известному придворному художнику Крюднеру, писавшему в Петербурге весь свет, в том числе портреты членов императорской семьи. Скорее всего, холодная манера письма Крюднера оттолкнула Наталью Николаевну.

В день переезда на дачу Пушкин получает долгожданное письмо от жены в присутствии ее брата Ивана Николаевича и пишет ей: «Сей час получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило, что спешу переслать тебе 900 р. — ответ напишу тебе после, теперь, покамест, прощай. У меня сидит Ив. Н.». Наталья Николаевна выступает в роли посредника: ей адресует В. Ф. Одоевский письмо с отчетом по «Современнику» для отправки Пушкину в Москву, Пушкин через нее передает Одоевскому свои распоряжения и пожелания.

Четырнадцатого мая Пушкин, не забыв в хлопотах по «Современнику» поздравить жену и сына Гришу с первой

годовщиной его жизни, рассказывает: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности: я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим». Пушкин как бы беседует с женой, отрываясь для очередного дела или визита: «Прощай, на минуту: ко мне входят два буффона», — и потом продолжает: «Ты уж, вероятно, в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезли и перетащили тех и других? и как ты перетащила свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобой и с детьми. Будьте здоровы. Кланяюсь твоим наездницам».

Барышни Гончаровы выписали из деревни лошадей и частенько на природе наслаждались конными прогулками. Александра Николаевна незадолго до переезда на дачу в самом конце апреля писала брату Дмитрию: «Катя напоминает тебе о *Любушке,* которую она просит ей прислать, и наши седла, прошу тебя, не задержи нам их отправить *с муштуками и проч. Не смотри, что они стары, мы все починим.* Мы наняли дачу на *Каменном острове,* очень красивую, и надеемся там делать много прогулок верхом. *Завижусь* (очевидно, обзаведусь. — *В. С.) и я кой-какой лошадью;* есть очень недорогие *из забракованных полковых* и довольно хорошие. *Досадно мне, что Ласточка изменила, впрочем грех, я думаю, несколько и на тебе лежит, после меня ей верно доставалось…»* В этом же письме Александрина передает брату и просьбу Натальи Николаевны: «Прежде всего, хочу исполнить поручение Таши, которая просит передать, что она так долго тебе не писала, что у нее не хватает духу взяться за перо, так как у нее есть к тебе просьба, и она не хочет, чтобы ты подумал, что она пишет только из-за этого. Поэтому она откладывает это удовольствие, и поручила мне просить тебя прислать ей 200 рублей к 1 мая, так как день рождения ее мужа приближается и было бы деликатнее, если бы она сделала ему подарок на свои деньги. Не имея же никакой возможности достать их в другом месте, она обращается к тебе и умоляет ей не отказать ей. *В обмен же вам пришлет Пушкина журнал, который вышел на днях».*

Письмо Пушкина жене, начатое 14 мая, закончено и подписано 16-го, в день, когда Пушкин получает письмо от Натальи Николаевны, о чем и сообщает ей в постскриптуме: «Я получил от тебя твое премилое письмо — отвечать некогда — благодарю и цалую тебя, мой ангел». Свои письма Пушкин адресует в дом Баташева, в том числе последнее, от 18 мая 1836 года. «Жена, мой ангел, — пишет Пушкин, — хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе

было писать. Это мое последнее письмо, более не получишь. Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26. Это не дело. Бог поможет, Современник и без меня выйдет. А ты без меня не родишь». По делам «Современника» он спрашивает ее: «Можешь ли ты из полученных денег дать Одоевскому 500? нет? Ну, пусть меня дождутся — вот и всё». Видно, Наталья Николаевна написала что-то и относительно своих доходов, получаемых из семьи, на что Пушкин ответил ей: «Новое твое распоряжение, касательно твоих доходов, касается тебя, делай как хочешь; хоть кажется лучше иметь дело с Дм.<итрием> Ник.<олаевичем>, чем с Нат.<альей> Ив.<ановной.> Это я говорю только dans I'ntérèt de Mr Durier et M^de^ Sichler; а мне всё равно». Дюрье и Сихлер — владельцы модных магазинов в Петербурге, в которых, как намекнул Пушкин, и тратилось получаемое содержание. Пушкин считал, что в отношении денег Наталье Николаевне лучше иметь дело с братом, нежели с матерью, на которую трудно было положиться, а значит, и оплачивать наряды было бы нечем.

Наталья Николаевна сообщила мужу о последних событиях, которые потрясли Петербург: 26 апреля 1836 года состоялась дуэль между Н. М. Павловым и А. Ф. Апрелевым в день свадьбы последнего с Надеждой Кобылиной. Павлов вступился за честь своей сестры, обольщенной Апрелевым, и смертельно ранил противника. Пушкин отвечает: «Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад, что он вызвал Апрелева. У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвергается одному наказанию — а не смертной казни». Вторая ужасная история, рассказанная в письме Натальи Николаевны, — совершенная нелепость: собиравшийся в заграничное путешествие Столыпин утонул, упав с борта пироскафа еще в Неве, по пути в Кронштадт, и мешочки с золотыми, бывшие при нем, утянули его на дно. Пушкин восклицает: «Утопление Сталыпина — ужас! неужто невозможно было ему помочь?»

Он пишет о Брюллове, отъезжающем в Петербург: «Брюллов сей час от меня. Едет в П.<етер> Б.<ург> скрепя сердце; боится климата и неволи». За этими строками следуют опасения самого поэта: «Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры, и мне говорили: Vous avez trompé[93] и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!

Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя». Это были последние слова, которые Пушкин написал Наталье Николаевне. Когда 18 мая он писал, что это «последнее письмо, более не получишь», он никак не мог предполагать, что оно и вправду окажется самым последним его посланием жене. После его возвращения они уже не расставались больше до его гибели.

В последний вечер в Москве, 20 мая 1836 года, за прощальным ужином у Нащокиных Пушкин пролил на скатерть масло. Нащокин заметил:

«— Эдакий неловкий! За что ни возьмешься, все роняешь!

— Ну, я на свою голову. Ничего… — ответил Пушкин, которого, видимо, взволновала эта дурная примета».

На прощание Нащокин подарил Пушкину кольцо с бирюзой против насильственной смерти, специально заказанное для друга, который даже уезжать не хотел, пока кольцо не доставят. По воспоминаниям Данзаса, этого кольца не было на руке поэта в день дуэли с Дантесом. Перед смертью Пушкин подарил его Данзасу со словами: «От общего нашего друга».

В день рождения отца, 23 мая, Пушкин прибыл в полночь к семье на Каменный остров, на их последнюю дачу. За несколько часов до того Наталья Николаевна родила дочь Наталью, их четвертого ребенка.

Ревность и кокетство

В январе 1832 года, в разгар балов и празднеств, прося денег в долг у старого приятеля, отставного штаб-ротмистра Михаила Осиповича Судиенко, Пушкин сообщает ему: «Надобно тебе сказать, что я женат около года и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменился, к неописанному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников».

Содержательница самого известного в Петербурге той поры увеселительного заведения, Евстафьевна или Остафьевна, как звали ее посетители, не однажды была помянута Пушкиным. В годы юности и позднее Пушкин холостяком посещал ее заведение, как правило, в компании: «…заходили к наипочтеннейшей Софье Евстафьевне провести остаток ночи с ее компаньонками». В письме Дельвигу от середины ноября 1828 года она снова названа: «А все Софья Остафьевна виновата». Ей весьма повезло в литературном отношении: три поколения петербургских писателей не смогли обойти ее своим вниманием. Ее упомянул в записной книжке за 1824 год А. А. Бестужев-Марлинский, отметил В. Г. Белинский, приехавший в столицу в 1839 году: «Славный город Питер! Софья Остафьевна — mauvais

genre[94], но собою очень интересна — с усами и бородою, — словно ведьма из Макбета». Ф. М. Достоевский вывел ее в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью». Пушкин также не однажды поминает ее в своих созданиях: в 1830-х годах — в наброске повести «Года четыре тому назад…»; ей же, по всей видимости, посвящено и стихотворение 1827 года «Сводня грустно за столом…».

Анна Петровна Керн отметила изменения, произошедшие с Пушкиным: «Женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. С того времени он стал смотреть серьезнее, а все-таки остался верен привычке своей скрывать чувство и стыдиться его. В ответ на поздравление с неожиданною способностью женатым вести себя, как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: „Je ne suis qu'un hypocrite[95]“».

Одиннадцатого января 1832 года состоялась свадьба Александры Осиповны Россет и Николая Михайловича Смирнова, на которой присутствовали Пушкин с Натальей Николаевной в качестве друзей, хотя дочь Смирновых Ольга Николаевна, автор фальсифицированных «Записок А. О. Смирновой», писала впоследствии, что Пушкин на этой свадьбе был шафером жениха. Этому противоречит запись в камер-фурьерском журнале, зафиксировавшая подробности свадьбы фрейлины двора, каковой была невеста. С этой поры Наталья Николаевна уже не так ревновала к ней мужа, хотя и раньше своим здравым умом она прекрасно понимала, что с Александрой Осиповной его связывают чисто дружеские чувства. Тем не менее то, что Пушкин и после замужества Смирновой почти каждодневно, по ее собственным словам, бывал у нее, не могло не задевать Наталью Николаевну, в ту пору беременную. Смирнова в своих подлинных воспоминаниях писала о том времени: «В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякой день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: „Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои Записки“ и на первом листе написал стихи „В тревоге пестрой и бесплодной“ и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый». Об этом самом альбоме, положившем начало «Воспоминаниям А. О. Смирновой», упоминал и С. Т. Аксаков: «Однажды в Петербурге, в день рождения А. О. Смирновой, Пушкин, гуляя, зашел в магазин на Невском, купил альбом не особенно нарядный, но с большими листами, занес к себе домой и потом сам же принес его к Александре Осиповне с такими стихами»:

В тревоге пестрой и бесплодной

Большого света и двора
Я сохранила взор холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И, как дитя, была добра.
Смеялась здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бело.

Прочти эти стихи Наталья Николаевна, она бы не смогла усмотреть в них никакого иного чувства автора, кроме самого дружеского, но ревновать всё же не переставала, хотя ревность эта конечно же была иного рода. Даже продолжавшиеся после отъезда за границу Николая Михайловича Смирнова визиты к его жене Пушкина без Натальи Николаевны не могли изменить ее отношения к этой своеобразной связи. Наталья Николаевна всем своим существом понимала, что любовь мужа вполне принадлежит ей. Особенным тому свидетельством явилось созданное 19 января стихотворение:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонялся на долгие моленья.
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень по неволе!

Стихотворение конечно же не было напечатано при жизни Пушкина — цензура пропустить его не могла, да и Пушкин не порывался его печатать. Автограф этого вполне откровенного эротического стихотворения не сохранился, но вместе с тем источников текста более чем достаточно — их 15: это копии в сборниках Соболевского, Ростопчиной, Долгорукова, Бартенева и в ряде других. Одна из копий принадлежала Огареву и была включена им в сборник «Русская потаенная литература XIX столетия».

В бартеневской копии текст написан рукой Соболевского, что уже придает ей вес, и им же обозначен год создания — 1830-й. К дате уже Бартеневым приписано: «19 Генваря». Эта копия тщательно выправлена в отношении пунктуации, что позволяет предположить, что она сверена если не с автографом, то с авторитетным источником. В одном из списков, принадлежавшем Ефремову, дата «1830» переделана карандашом на «1832». Встречаются и дата «1831», и только «19 января», и «19-го января 1830 г. С. П. Б.». Различаются в копиях и заглавия: «Неизданное стихотворение А. С. Пушкина», «Ненапечатанные стихи Пушкина», «Антологическое стихотворение», «Прелестнице», «Стихи Пушкина, найденные Ланским в 1850 г.» и, наконец, «К жене» и «Жене». Говорить об антологической отвлеченности в отношении этого стихотворения невозможно, настолько всё в нем дышит реальной жизнью, настолько ощутим чувственный опыт автора. Не вызывает сомнения день создания — 19 января, но сочетание его с дважды повторенным указанием, что стихотворение обращено к жене, исключает датировку 1830 и 1831 годами. Так что остается датировать стихотворение, как это сделали составители «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», 19 января 1832 года. Найденное вторым мужем Натальи Николаевны Ланским, оно было впервые опубликовано М. Е. Борисоглебским в 1858 году в «Библиографических записках».

На второй год семейной жизни произошла история, по-новому характеризующая Пушкина. 16 мая 1832 года он получает послание от графини Елены Михайловны Завадовской, к которому она приложила свой альбом, прося вписать в него стихотворение. Неизвестно, сколько времени пролежал этот альбом в доме Пушкиных и как отнеслась к такой просьбе Наталья Николаевна; во всяком случае, не позднее июня поэт поместил в него стихотворение «Красавица»:

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бедный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,

Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

Это стихотворение Пушкин напечатал дважды — в 1834 году в «Библиотеке для чтения» и в 1835-м в четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина». Однако в обоих случаях Пушкин не указал дату создания, а озаглавил стихотворение так, чтобы читатель никак не связал его с именем Завадовской, а решил, что оно посвящено Наталье Николаевне: «В альбом г****». В авторизованной копии 1836 года Пушкин исправил заголовок «В альбом графине Г****» на «В альбом р****», устранив из него титул, которого не имела Гончарова, а затем надписал нейтральное «Красавица». Такая своеобразная мистификация, в своем роде единственная в творчестве Пушкина, демонстрирует тактичность по отношению к жене. Имя адресата было раскрыто значительно позднее по принадлежности альбома.

К лету 1833 года, когда из-за очередной беременности выезжать Наталье Николаевне было уже невозможно, Вяземский заметил, пусть и невинное, ухаживание Пушкина за Амалией Крюднер, внебрачной дочерью баварского посланника в Петербурге Максимилиана Лерхенфельда. Совсем юной она была выдана за барона Александра Сергеевича Крюднера, первого секретаря русского посольства в Мюнхене. Она приехала из Мюнхена и показалась впервые на вечере у Бобринских, о чем Вяземский сообщил жене: «Была тут приезжая Саксонка, очень мила, молода, бела, стыдлива». На вечере у Фикельмонов 24 июля 1833 года Вяземский обратил внимание на то, как Пушкин действовал в соответствии со своими же словами: «Лишь юности и красоты / Поклонником быть должен гений», о чем и написал своей жене: «Вчера был вечер у Фикельмона вместо пятницы, потому что в субботу большой парад на заключение в Красном Селе. Вчера было довольно вяло. Один Пушкин palpitait de l’intérêt du moment[96], краснея взглядывал на Крюднершу и несколько увиваясь вокруг нее». Спустя несколько дней, 29 июля, Вяземский в очередном письме княгине Вере Федоровне вновь поминает Амалию Крюднер: «Вчера Крюднерша была очень мила, бела, плечиста. Весь вечер пела с Вьельгорским немецкие штучки. Голос ее очень хороший». К более позднему времени относится случай, когда Наталья Николаевна уехала с бала, на котором, как

ей показалось, муж ухаживал за Крюднер. Заметив ее отсутствие, он вернулся домой, где в ответ на свое недоумение получил пощечину, о чем, смеясь, рассказывал Вяземскому, прибавляя, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Пушкин, отправившийся в конце лета собирать материал о пугачевщине, 2 сентября 1833 года написал жене сразу два письма, одно за другим. Второе наполовину посвящено дорожному приключению сразу с двумя дамами, которым он оказал свое покровительство: «Ух, женка, страшно! теперь следует важное признанье. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских обедах, чтоб как можно позже дойти до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня [за смотрителя][97] весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? Две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. — Право? сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это еще не беда. Постой, женка, еще не всё. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за 3 или 4 станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь меня: хороша ли городничиха? Вот то-то что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. — Уф! кончил. Отпусти и помилуй. Сегодня был я у губернатора ген. Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярмарка кончилась — я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разъезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку — я всё еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti revedro…[98]»

Наступавший сезон 1833 года для Натальи Николаевны обещал быть хорошим: она впервые встречала его небеременной и могла танцевать вволю. Это как раз и беспокоило Пушкина, находившегося от нее за сотни верст. Наталья Николаевна, как видно, не называла в письмах имени своего нового поклонника,

но, пожалуй, только об одном из них могла идти речь — о Николае Александровиче Огареве, бывшем на год старше Натальи Николаевны, выпускнике Пажеского корпуса, подпоручике гвардейской конной артиллерии, сделавшем впоследствии значительную карьеру: он получил чин генерал-лейтенанта и служил генерал-адъютантом. Он, по выражению А. О. Смирновой, «строил куры» не одной Наталье Николаевне, но и ее тезке, фрейлине Наталье Николаевне Бороздиной, «которая презирала его за низкопоклонство». Она описала Огарева, развлекавшего гостей великой княгини Ольги Николаевны в присутствии императора: «После Огарев вздумал позабавить нас представлением: нарядился в тюрбан, стоял в дверях, напялил юбчонку, на руки чулки и башмаки и танцовал руками по столу, а Константин Николаевич голыми руками делал за него жесты. Оно точно было смешно, но довольно странно: не так забавлялись при Екатерине».

От письма к письму Пушкин наставляет жену, так что слово «искокетничалась» в разных вариациях повторяется в каждом из них. Так, 30 октября он, в очередной раз предостерегая жену от кокетства, переходит на литературные примеры, пользуясь притом языком отнюдь не литературным: «Ты кажется не путем искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе… (нецензурное слово. — *В.* С.); есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне (дочери П. А. Вяземского. — *В. С.)* легко за собою приучить бегать холостых шарамыжников; стоит только разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: Красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб у меня не было этих академических завтраков».

Басня или сказка старого знакомого Пушкина Александра Ефимовича Измайлова заключена такой моралью:

Красавицы кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать?

Притворной нежностью и острыми словами.
Когда мы не любимы вами,
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовию к вам жаждем,
Смеетесь, как мы страждем.
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

После напоминания о басне Измайлова Пушкин примирительно продолжает: «Теперь, мой ангел, целую тебя как ни в чем не бывало; и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; да не загуливайся… да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не comme il faut, все, что vulgar…» Отослав этими словами Наталью Николаевну к описанию петербургской Татьяны в восьмой главе «Онегина», Пушкин заканчивает свое рассуждение словами: «Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя». Беспокойство Пушкина, оставившего жену на четыре месяца, нашло отражение и в его рисунках той поры. Так, на рисунке, известном под названием «Общество в гостиной», выполненном Пушкиным на листе со стихотворением «Осень», начатом в день лицейской годовщины 19 октября 1833 года, Пушкин представил Наталью Николаевну сидящей на диване в соседстве со склонившимся над ней молодым человеком, взирающей на нее дамой в чепце и барышней, отвернувшейся от них в порыве ревности, с рукой, положенной на сердце.

Тема измены продолжает волновать Пушкина — 28 октября помечены сделанные им вольные переводы двух баллад Адама Мицкевича «Воевода» и «Будрыс и его сыновья». Им красочно нарисована сцена возвращения домой воеводы:

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог… В самом деле!
Никого; пуста кровать.

Сопоставление оригинала с переводом позволяет выявить

тогдашние переживания личного свойства, привнесенные в стихотворение Пушкиным. Отличие просматривается уже в первых стихах. У Мицкевича воевода приходит в спальню из собственного сада, где в садовой беседке, как ему показалось, увидел он свою жену с посторонним мужчиной[99]: «Из садовой беседки запыхавшийся воевода / Бежит в замок, в тревоге и ярости. / Отдернув полог, посмотрел на постель своей жены, / Посмотрел, задрожал, никого не нашел». В переводе Пушкина воевода возвращается из похода. Помимо более убедительной мотивировки обнаружения измены, в этом изменении сюжета видится и автобиографический элемент, отражающий состояние Пушкина, уехавшего далеко от дома и думающего о поведении жены в свое отсутствие.

В монологе влюбленного молодого пана, помимо перенесения объяснения из беседки к фонтану, что оказывается откликом на знаменитую сцену у фонтана в «Борисе Годунове», можно проследить и другие существенные отступления от оригинала:

…Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье…
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он.
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать.

Панна плачет и тоскует,
Он колена ей целует…

У Мицкевича панна падает в объятия возлюбленного, у

Пушкина только «плачет и тоскует», оставаясь верна супругу, позволяя, правда, целовать ей колена. Не случайно на листе с черновиками стихотворения «Воевода» в очередной раз рисует Пушкин профильный портрет жены.

В свою очередь, Наталья Николаевна, уехавшая в Полотняный Завод, в своих письмах неизменно интересуется, не встречается ли муж с кем-либо из петербургских дам, называя то одну, то другую. Пушкин пишет ей 12 мая 1834 года: «Отвечаю на твои вопросы: Смирнова не бывает у К.<арамзиных>, ей не втащить брюха на такую лестницу; кажется она уже на даче; гр. С.<оллогуб> там также не бывает, но я ее видел у кн. В.<яземской>. Волочиться я ни за кем не волочусь».

Тридцатого июня того же года Пушкин начинает письмо жене с ответа на очередное проявление ревности: «Твоя Шишкова ошиблась: я за ее дочкой Полиной не волочился, потому что не видывал, а ездил я к Александру Семеновичу Ш.<ишкову> в Академию, и то не для свадьбы, а для жетонов, <pas> autrement[100]». (Речь идет о Екатерине Васильевне Шишковой, урожденной Юрьевой, вдове Дмитрия Семеновича Шишкова, недавно умершего, и ее дочери, фрейлине Прасковье Дмитриевне.)

Нащокин вспоминал, как Пушкин досадовал на то, что даже его давний друг П. А. Вяземский был неравнодушен к Наталье Николаевне. Он рассказывал: «Пушкин не любил Вяземского, хотя не выражал того явно, он видел в нем человека безнравственного, ему досадно было, что тот волочился за его женой, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице».

Александр Сергеевич и Наталья Николаевна Пушкины. Рисунок А. С. Пушкина на обороте счета за издание альманаха «Северные цветы». 1832 г.

«Общество в гостиной». Справа — Н. Н. Пушкина. Рисунок А. С. Пушкина на листе со стихотворением «Осень». Октябрь 1833 г.

Его жена Вера Александровна писала: «Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал их поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка. Присутствие ее удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука. В последние годы клевета и стесненность в средствах омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее по-прежнему».

Родня

С 1834 года семья Пушкина пополнилась сестрами Натальи Николаевны. Пушкин согласился на то, чтобы свояченицы поселились у него, лишь под давлением Натальи Николаевны, опасаясь возможных сложностей, и, как покажет время, был прав. Наталья Ивановна была в этом вопросе единодушна с зятем, хотя и по другим причинам. Она также противилась, сколько могла, переезду дочерей в столицу. Особенно она обиделась на старших дочерей (что и высказала Пушкину) за то, что те даже не заехали проститься с ней перед долгой разлукой, хотя имели возможность приехать в Яополец вместе с Натальей Николаевной. К тому же по их наущению, как полагала Наталья Ивановна, младшая дочь не привезла к ней внука Александра.

В свое время П. И. Бартенев записал выразительный рассказ Соболевского относительно Натальи Ивановны и ее старших дочерей: «У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна: просто-напросто пила. По лечебнику пила. „Зачем ты берешь этих барышень? — спросил у Пушкина Соболевский. — Она целый день пьет и со всеми лакеями… (нецензурное слово. — *В. С.)“*». Сам Пушкин такого обвинения выдвинуть не мог, оно было навеяно рассказами барышень Гончаровых, осуждавших мать за связь с управляющим Яропольцем Семеном Федоровичем Душиным, который в августе 1833 года показывал Пушкину достопримечательности поместья и с которым, писал Пушкин Наталье Николаевне, «мы большие приятели».

В октябре 1831 года Пушкин, еще не знавший Душина, сообщил Нащокину, что хочет приехать из Петербурга, чтобы спасти от «банкрутства тещи моей и от лап Семена Федоровича» бриллианты Натальи Николаевны. С. Ф. Душин, московский мещанин, который управлял Яропольцем еще при Загряжских, остался в той же должности и при Наталье Ивановне, исполняя ее до своей смерти. То, что он сблизился с Натальей Ивановной, конечно же раздражало ее детей, но никаких оснований приписывать ей развратную жизнь нет. Она пережила Душина, похоронила его у стен домовой церкви и до конца своих дней ухаживала за его могилой, приказав выбить на надгробии трогательную эпитафию в немудреных стихах:

В цепи жизненной смерть разрывает кольца
Мирный житель Яропольца
К порядку и добру где все расположил

Он ближнему служа живот свой положил.

На лицевой стороне надгробия сделана надпись уже прозой (сохраняем несогласования оригинала): «Памятник воздвигла Н. И. Гончарова с детьми московскому мещанину Семену Федоровичу Душину от чувств благодарности за 20 лет непрестанное и беспристрастное его управление яропольцким имением и скончавшемуся 19 сентября 1842 г. на 50 году от рождения». Дети конечно же не имеют отношения к памятнику на могиле Душина — он сооружен стараниями Натальи Ивановны; но именно благодаря его управлению Ярополец перешел к ним в хорошем состоянии, не обремененный долгами, и оставался в их роду до 1917 года.

В альбоме Натальи Ивановны можно прочесть запись, многое проясняющую в ее характере и поведении: «Так жестоко, когда приходится не доверять своей собственной семье и видеть врагов в своих близких. Довериться Богу — наш долг, полагаться на людей — это безрассудство. Я предпочитаю, чтобы маски были сорваны. Бывают периоды в жизни, которые лучше стереть из своей памяти, чем стараться о них вспоминать. В жизни бывают жестокие минуты».

В свой альбом она переписала и стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны», принадлежащее к так называемому каменноостровскому циклу лета 1836 года и опубликованное в «Современнике» уже после смерти поэта с заголовком «Молитва». К концу жизни религиозные настроения Натальи Ивановны особенно усилились. Она скончалась на богомолье в соседнем Иосифо-Волоколамском монастыре, в стенах которого и похоронена.

Ее отношения со старшими дочерьми оставались напряженными с того времени, когда они покинули Полотняный Завод. Первая ее реакция на их отъезд в Петербург стала известна после возвращения Пушкина из Болдина 15 октября 1834 года, о чем Екатерина Николаевна Гончарова написала брату Дмитрию на другой день: «Пушкин приехал позавчера в 10 часов утра; он нам сообщил все новости о вас; он был у матери, она ему наговорила Бог знает что о нас, и вдобавок утверждает, что это мы подговорили Ташу, чтобы она не возила к ней своего сына, когда Таша последний раз заезжала к матери; так мы и знали, что это будет еще одна вина, которую она нам припишет».

Из этого же письма мы узнаём и о том, как сестры жили без Пушкина и как их приняли в свете. Всё это время у них почти постоянно жил брат, Иван Николаевич, «бренчавший на

фортепиано», пока Екатерина писала свое письмо: «Он почти все время у нас и ездит в Царское, только когда за ним присылают, и тотчас же возвращается, как освободится». За две недели сестры трижды побывали в театре — два раза во французском и один раз в немецком, посетили двоюродную бабушку Наталью Кирилловну, у которой, по словам Екатерины, «ужасно скучали». Их первый выход в свет состоялся на рауте у Фикельмонов, где их «представили некоторым особам из общества». Девицы Гончаровы были полны радужных надежд: «…Несколько молодых людей просили быть представленными нам, следственно мы надеемся, что это будут кавалеры для первого бала». Они успели сделать множество визитов, но их задевало то, что на них «смотрят как на белых медведей». Удивляться этому, зная петербургский свет, не приходилось: для всех эти провинциальные барышни были всего лишь сестрами Натальи Николаевны Пушкиной. Так их и представляла некоторым дамам на рауте в своем доме графиня Фикельмон. Тетушка Екатерина Ивановна ввиду предстоящих балов уже преподнесла сестрам по два вечерних платья и обещала подарить еще два. В свою очередь, они просят у брата прислать ящик с их бальными платьями, оставшимися в московском доме, варенье из Ильицына и, главное, коляску. Уже присмотревшись к модным экипажам в Петербурге, они просят привести свою коляску в должный вид, «перекрасив ее в очень темный массака с черной бронзой и обив малиновым шелком».

А. И. Тургенев, которого навестил Пушкин вскоре по приезде в Петербург, 23 октября, писал на другой день Вяземскому: «Здесь Пушкин и его три красавицы; я с ними сдружился еще в Москве».

Пушкин, занятый навалившимися на него делами, только 28 ноября после долгого перерыва вновь обратился к своему дневнику, сделав обзор произошедшего: «Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из П<етер>б<урга> за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — моими товарищами. — был в Москве несколько часов… Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека… В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. Какие мы разбойники? говорили они мне. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь. Гр. Румянцева вообще не хвалят за его памятник — и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. — В Зав.<оде> прожил я две недели, потом привез Н.<аталью> Н.<иколаевну> в Москву, а сам съездил в

нижегородскую деревню, где управители меня морочили, — а я перед ними шарлатанил, и, кажется, неудачно — воротился к 15 окт.<ября> в П.<етер>б<ург>, где и проживаю. Пугачев мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. В.<еликий> кн.<язь> Мих.<аил> Павл.<ович> привез эту новость на бал Бутурлина. — Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.».

На этом балу сестры Гончаровы были представлены Михаилу Павловичу, который обещал Наталье Николаевне перевести со временем ее брата Сергея в гвардию.

Устремления сестер совершенно понятны: им хотелось выйти замуж. Еще в письмах Пушкину из Полотняного Завода Наталья Николаевна рисовала свои прожекты относительно их устройства. 28 ноября Александра Николаевна, узнав из письма брата Дмитрия о расквартировании в Полотняном Заводе полка, открыто выразила сожаление: «Ты пишешь, что в *Заводе* стоит полк; вот не везет нам: всегда он там бывал до нашего приезда в прекрасную столицу; три года мы там провели *впустую*, и вот теперь они опять вернулись, эти молодые красавцы, *жалко*. Но *нет худа без добра,* говорит пословица. Прелестные обитательницы замка могли бы остаться и *Петербурга бы не видали».*

Невольно приходит на ум ситуация, описанная в пятой главе «Евгения Онегина»:

> И вот из ближнего посада
> Созревших барышень кумир,
> Уездных матушек отрада,
> Приехал ротный командир;
> Вошел… Ах, новость, да какая!
> Музыка будет полковая!
> Полковник сам ее послал.
> Какая радость: будет бал.

Но барышни Гончаровы живут теперь ожиданием петербургских балов и столичных женихов, не оставляя забот и об устройстве брака брата Дмитрия. Наталья Николаевна, принимающая в этом живейшее участие, пишет брату 12 ноября: «Ты меня спрашиваешь, дорогой Дмитрий, как идут твои дела. Я не знаю, право, что тебе сказать; мы ограничились с графиней Пален двумя визитами и с тех пор встречаемся только в свете, но большой близости между нами еще не установилось. Мы не в деревне, чтобы это так легко делалось; тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу

общества, а главное, имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы».

Пушкин был также вовлечен в эти заботы, о чем Наталья Николаевна и сообщает Дмитрию: «Мой муж и тетушка пришли к выводу, что ты добьешься удачи в этом деле благодаря своей настойчивости, а твое, извини меня, упрямство в этом случае не недостаток, можно, пожалуй, считать его достоинством. Здесь ведь речь идет не о прогулке верхом, когда эта отрицательная черта твоего характера выводила нас всех трех из себя».

В письме от 21 декабря Екатерина Николаевна предостерегает брата: «А теперь я должна тебя предупредить, что одна из прекрасных сестер Катрин Долгорукой хочет женить их красавца брата Григория Долгорукого на твоей графине Надине, но что молодой человек пока об этом и не думает. Так что прими предосторожности, чтобы она у тебя не ускользнула из-под носа, потому что Долгорукий действительно очень хорошая партия».

Переписка сестер, в том числе и Натальи Николаевны, с Дмитрием Николаевичем наполнена, кроме обсуждения матримониальных планов, разного рода просьбами, прежде всего о деньгах, так как в его руках находилось теперь управление Заводами, на доходы от которых существовало все семейство Гончаровых. Каждой из старших сестер было назначено по 1500 рублей в год на содержание, помимо доли в оплате общей квартиры. Кроме того, все три сестры пишут о вещах, лошадях, украшениях, пользуясь каждым удобным случаем и приближением любого праздника, будь то именины, день рождения, Рождество или Пасха. Наталья Николаевна в первом дошедшем до нас письме брату, начав с вопроса о его видах на брак с Надеждой Чернышевой, напоминает ему о недоданных через его поверенного в Петербурге Носова деньгах, о задерживающихся коляске, сундуке с платьями и ценными вещами, вроде серебряного убора, и уже заранее заботится о доставке любимой лошади для летних верховых прогулок: «Я вас прошу, сударь, сделать так, чтобы Матильда была у меня этим летом, я тоже упрямая, и не скоро ее уступлю; дай бог, чтобы вы понравились графине так же, как Матильда нравится мне».

В конце декабря в очередном письме она сообщает Дмитрию о новых хлопотах относительно его женитьбы: «Твоя прекрасная графиня была вчера у меня, но я не могу сообщить тебе ничего интересного, так как о тебе речи не было совсем. Катя видела ее два раза во дворце, но, однако, нисколько не продвинула твои дела; я начинаю терять надежду на то, что она согласится увенчать твои желания. В четверг мы должны поехать пить чай к

графине Пален, *что будет, не знаю, вероятно ничего*».

Шестого декабря Екатерина Николаевна начинает письмо Дмитрию с последней новости: «Разрешите мне, сударь и любезный брат, поздравить вас с новой фрейлиной, мадемуазель Катрин де Гончаров; ваша очаровательная сестра получила шифр 6-го после обедни, которую она слушала на хорах придворной церкви, куда ходила, чтобы иметь возможность полюбоваться прекрасной мадам Пушкиной, которая в своем придворном платье была великолепна, ослепительной красоты. Невозможно встретить кого-либо прекраснее, чем эта любезная дама, которая, я полагаю, и нам не совсем чужая». Она рассказывает подробности знакомства с августейшей фамилией: «Итак, 6-го вечером, как раз во время бала, я была представлена их величествам в кабинете императрицы. Они были со мной как нельзя более доброжелательны, а я так оробела, что нашла церемонию представления довольно длинной из-за множества вопросов, которыми меня засыпали с самой большой благожелательностью. Несколько минут спустя после того как вошла императрица, пришел император. Он взял меня за руку и наговорил мне много самых лестных слов и, в конце концов, сказал, что каждый раз, как я буду в каком-нибудь затруднении в свете, мне стоит только поднять глаза, чтобы увидеть дружественное лицо, которое мне, прежде всего, улыбнется, и увидит меня всегда с удовольствием. Я полагаю, что это любезно, поэтому я была, право, очень смущена благосклонностью их величеств. Как только император и императрица вышли из кабинета, статс-дама велела мне следовать за ней, чтобы присоединиться к другим фрейлинам, и вот в свите их величеств я появилась на балу».

Накануне этого бала Пушкин записал в дневнике: «5 дек. Завтра надобно будет явиться во дворец. — У меня нет еще мундира. — Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами — молокососами 18-тилетними. Царь рассердится — да что мне делать?»

На бал отправилась Наталья Николаевна с сестрами. К 6 декабря, «зимнему Николе», дню именин императора, приурочивались ежегодно новые производства и награждения, а также устраивался традиционный бал в Зимнем дворце. На этот раз одной из пожалованных оказалась Екатерина Николаевна. Дать фрейлинский шифр одновременно двум сестрам было невозможно, выбор пал на старшую — ее судьбу нужно было решить в первую очередь. Фрейлинство сулило в этом плане определенные надежды: императорская чета, как правило, прилагала усилия к тому, чтобы выдать фрейлин замуж, а

несостоятельным (к которым, несомненно, относилась и Екатерина Николаевна) давалось приданое. После замужества бывшие фрейлины лишались своего звания, но сохраняли право присутствовать при дворе вместе с мужьями, вне зависимости от их чинов, приглашались на придворные балы и церемонии. Предполагалось, что Екатерина будет взята во дворец, о чем хлопотала тетушка Екатерина Ивановна, престарелая фрейлина, сама жившая в Зимнем.

Сергей Львович Пушкин, познакомившийся с сестрами Гончаровыми в доме сына 16 декабря, передает на другой день свои впечатления в письме дочери Ольге: «Видел я одного Александра, Натали и двух ее сестер, которые очень любезны, однако далеко уступают Натали в красоте. Машенька была в восторге, что снова меня видит». Надежда Осиповна в тот раз по болезни не могла сопровождать мужа. Она, в свою очередь, известила дочь: «Александр здоров, я не видала еще Натали, ей неможется, и мне тоже»; сообщила также и о фрейлинсгве Екатерине Гончаровой. В связи с рождением у Ольги Сергеевны сына Льва ее мать написала: «Брат твой, кажется, видел во сне, будто твой ребенок черен, как *Абрам Петрович…»*

Как бы ни казалось это странным, но именно через Надежду Осиповну сестры Гончаровы в конце апреля 1835 года получили весть о смерти Надежды Платоновны, жившей в разъезде с дедом. Екатерина Николаевна пишет брату: «Мы узнали вчера от Пушкина, который услышал это от своей матери, о смерти бабушки, однако это не помешает нам поехать сегодня вечером на „Фенеллу“. Царство ей небесное, но я полагаю, было бы странно с нашей стороны делать вид, что мы опечалены, и надевать траур, когда мы ее почти не знаем». То же письмо содержит напоминание Дмитрию Николаевичу, что его ждут «к родам Наты как крестного отца».

Сестры Гончаровы были вполне довольны своими светскими успехами и как всегда сообщают брату о балах и развлечениях нового сезона, в котором свет соединит имена Натальи Николаевны и Дантеса. Еще 1 декабря 1835 года Александра Николаевна в письме Дмитрию впервые среди светских знакомых упомянула имя Дантеса: «Что сказать тебе интересного? Жизнь наша идет своим чередом. Мы довольно часто танцуем, катаемся верхом у Бистрома каждую среду; а послезавтра у нас будет большая карусель; молодые люди самые модные и молодые особы самые красивые и самые очаровательные. Хочешь знать, кто это? Я тебе их назову. Начнем с дам, это вежливее. Прежде всего, твои две прекрасные сестрицы или две сестрицы красавицы, потому что третья… кое-как ковыляет, потом Мари Вяземская и Софи

Карамзина; кавалеры: Валуев — *примерный молодой человек*, Дантес — кавалергард, А. Голицын — артиллерист, А. Карамзин — артиллерист; это будет просто красота. Не подумай, что я из-за этого очень счастлива, я смеюсь сквозь слезы. *Правда…»* Окончание этого письма не сохранилось.

«Примерный молодой человек» в мае 1836 года стал мужем княжны Марии, дочери П. А. Вяземского. Он и остальные упомянутые в этом письме составляли тот дружеский карамзинский круг, в который вошел и Дантес. Именно в этом окружении имя Дантеса единственный раз упомянуто в известных нам письмах сестер Гончаровых брату Дмитрию, вплоть до уже предсвадебных писем Екатерины, где она именует его просто Жоржем.

Машка, Сашка, Гришка, Наташка

За шесть лет жизни с Пушкиным Наталья Николаевна родила четверых детей — Марию, Александра, Григория и Наталью — Машку, Сашку, Гришку, Наташку, как ласкательно в рифму звал их Пушкин. Он мог бы еще раз стать отцом, если бы 4 марта 1834 года у Натальи Николаевны не случился выкидыш. Трое из четверых детей родились в мае, незадолго до дня рождения самого Александра Сергеевича, что всякий раз становилось для него лучшим подарком.

Первая дочь Пушкиных, Мария, появилась на свет 19 мая 1832 года. В этот день Александра Гончарова пишет брату Дмитрию: «Ты говоришь, любезный друг, что Таша полнеет. В ее положении так и должно быть. Мы должны в скором времени ждать маленького племянника или племянницу». День ее рождения совпал с переходящим праздником Вознесения Господня. Сам Пушкин родился в день Вознесения и, по рассказам сестры Ольги Сергеевны, считал, что с этим днем у него связаны важнейшие события в жизни. Так, праздник Вознесения совпал с днем высылки поэта из Петербурга 6 мая 1820 года.

Назвали новорожденную в честь бабушки Марии Алексеевны; она стала тезкой любимой дочери Николая I. Роды были тяжелыми; Пушкин, как рассказывал позднее Нащокин, «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». В этот день он был приглашен вместе с Вяземским на обед к Смирновым, но «прислал сказать, что… ему быть нельзя». Наталья Николаевна после разрешения от бремени долго болела, страдая от нарывов на груди.

Узнав о рождении у Пушкина дочери, Прасковья Александровна Осипова написала ему: «Привет вам, дорогой

Александр Сергеевич, от души поздравляю вас с рождением милой малютки Марии и очень сожалею, что не могу расцеловать вас и ее прелестную молодую мамашу. Это отлично, маленький барон может быть когда-нибудь будет мужем прелестной Марии, ну а мы потанцуем на их свадьбе». (Этим предположениям не суждено было сбыться: 25 апреля 1833 года ее внук Саша Вревский скончался.)

В воскресенье 22 мая на Фурштатскую прибыл дед Натальи Николаевны Афанасий Николаевич, аккуратно отметивший у себя в записной книжке: «Мая 22 — Наташе на зубок положил 500».

От Николая Ивановича Гнедича Пушкин получает в день рождения 26 мая поздравительные стихи по поводу новоселья и рождения дочери:

> Пушкин, прими от Гнедича два в одно время привета:
> Первый привет с новосельем; при нем, по обычаю предков,
> Хлеб-соль прими ты, в образе Гекзаметрической булки[101],
> А другой привет мой — с счастьем отца, тебе новым,
> Сладким, прекрасным, и самой любви удвояющим сладость.

Вечером 4 июня, будучи у Вяземского, Пушкин делает приписку к его письму Вере Федоровне: «Кстати о самоотверженности: представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей персоны. Я в отчаянии, несмотря на все мое самодовольство».

Во вторник 7 июня 1832 года новорожденную крестили в приходском храме Святого Сергия Радонежского. Восприемниками были Сергей Львович Пушкин собственной персоной, дед Афанасий Николаевич Гончаров и Екатерина Ивановна Загряжская, а заочно Наталья Ивановна Гончарова. На обеде у Пушкиных после крестин, помимо восприемников, гостями были мать поэта Надежда Осиповна, его сестра Ольга и брат Натальи Николаевны Дмитрий. В записной книжке Гончарова-деда появилась новая запись: «Июня 9 Мите на крестины к Пушкиной дано 100».

Старшую дочь Пушкиных с детства отличала экзотическая красота, получившаяся в результате смешения черт отца и матери. В письме Наталье Ивановне от 14 июля 1835 года зять шутя сообщал: «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста». Пушкину не суждено было до этого

дожить: когда он умер, ей было четыре года и восемь с половиной месяцев.

Шестого июля 1833 года у Пушкиных родился старший сын Александр, названный в честь прадедов, Александра Петровича Пушкина и Александра Артемьевича Загряжского. Традиция, по которой новорожденный получал имя в честь кого-то из предков по линии отца или матери, была соблюдена этим компромиссом, устроившим оба семейства. Тезка отца, «рыжий Сашка» стал его любимцем и надеждой.

Рождение сына, продолжателя рода, Пушкин отметил в компании с Нащокиным, который даже сохранил на память записку с заказом какому-то петербургскому ресторатору: «Пулярку и бутылку лафита. А. Пушкин». На другой день Пушкин сообщил родителям в Михайловское, а они 15 июля отписали дочери Ольге: «Мы только что получили от Александра известие о рождении сына, тоже Александра. — Натали и ребенок здоровы». В тот же день Пушкин отправляет письмо и теще, которая, в свою очередь, извещает сына Дмитрия Николаевича: «Пушкин написал мне, чтобы сообщить о благополучном разрешении Таши, она родила мальчика, которого нарекли Александром. Я полагаю, он известил также и тебя. Он рассчитывает через несколько недель приехать в Москву и спрашивает моего разрешения заехать в Ярополец навестить меня, что я принимаю с удовольствием». «На зубок» она послала новорожденному в подарок тысячу рублей.

Крестины Александра Александровича состоялись 20 июля в Иоанно-Предтеченской церкви на Каменном острове. Восприемниками были Екатерина Ивановна Загряжская и Павел Воинович Нащокин. Опоздал на крестины вернувшийся после пятилетнего путешествия Соболевский, записавший: «Я возвратился из-за границы 22 июля 1833 года, чуть ли не в день или на другой крестин Александра (Сашки) Пушкина juniuris[102]».

Наталья Николаевна тяжело оправляется после родов. Рассказывая о том брату Дмитрию, она пишет: «…что поделаешь, у меня опять были нарывы, как и в прошлом году, они причинили мне ужасные страдания…»

Третий ребенок Пушкиных, Григорий, родился 14 мая 1835 года, когда его отца не было в Петербурге — он приехал днем позже. Так он последовал данному себе после тяжелых первых родов Натальи Николаевны слову, что больше не будет рядом во время ее родов, будучи не в силах наблюдать ее мучения. Этим, возможно, объясняется его внезапный отъезд на короткий срок из Петербурга, неожиданный для окружающих и показавшийся странным даже его родителям.

За время его отсутствия в доме была получена посылка от Натальи Ивановны — картонка с не понравившейся ей шляпкой. История с возвращением подарка была красочно описана Екатериной Николаевной брату Дмитрию: «Вообрази, какую штуку сыграла с нами мать. Эта несчастная шляпка, которую мы для нее заказали, помнишь? Так вот, она нашла ее слишком светлой и вернула нам с запиской к Таше, полной ярости. Но мы ничего не потеряли, так как тетушка у нас ее купила; так что мать и не подозревает, что она еще оказала нам услугу. Но какое своенравие». Пушкин распорядился не показывать записку роженице, чтобы не расстраивать. В письме теще о появлении на свет второго сына он сообщает: «Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучалась дольше обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню, и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она пострадала».

На другой день, 16 мая, Пушкин навестил родителей, чтобы сообщить о рождении внука и поездке в Тригорское. При разговоре присутствовала Анна Николаевна Вульф, в приписке к письму родителей сообщившая Ольге: «Александр на несколько дней съездил в Тригор<ское> и, воротившись, нашел жену свою разрешившуюся сыном — он говорит, что здесь ему невозможно жить и что ему надобно на несколько лет уехать в деревню, — но я не думаю, чтоб Натали на это согласилась».

Двадцать третьего мая Вяземский, которому после смерти дочери было тяжело посещать свою прежнюю квартиру, написал жене: «У Пушкина жена родила сына. Не могу собраться с духом и пойти к нему на нашу квартиру. Мне надобно было бы сходить туда сперва одному и выплакаться на свободе во всех углах, а особенно же в двух или трех. А теперь при родильнице нельзя». Наталья Николаевна в эти дни была совсем слаба, так что Пушкин даже отменил некоторые намеченные визиты. Так, 25 мая запиской он просит извинения у С. С. Хлюстина, что не может прийти к нему обедать, так как Наталья Николаевна вдруг почувствовала себя совсем плохо. Только в начале июня ей стало лучше, и она начала строить планы на лето, которое, как и в 1833 году, предстояло провести на Островах.

Последнего ребенка, дочь Наталью, жена Пушкина родила 23 мая 1836 года на Каменном острове, а через несколько часов, в полночь, когда все закончилось и роженица уснула, вернулся Александр Сергеевич. Появление на свет дочери совпало с днем рождения ее деда Сергея Львовича. На следующий день, в

воскресенье, Пушкин поздравил жену и «вместо червонца» преподнес ей ожерелье, переданное Нащокиным.

Наталья Александровна стала последним ребенком Пушкиных. Теперь отец, рифмуя, мог перечислять своих чад: «Машка, Сашка, Гришка, Наташка». Еще в середине января Пушкин писал князю Вяземскому: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились». Так в прозе Пушкин, по сути, повторяет и развивает то, что сказал в элегии«…Вновь я посетил…», обращаясь к «трем соснам»:

Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему всё пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Денежные проблемы

Светские расходы требовали больших средств, которых не было. 27 января 1832 года Пушкин дал присягу и дважды — как коллежский секретарь и как титулярный советник — подписал «Клятвенное обещание», а также «Обязательство о непринадлежности к тайным обществам» и «Расписку в чтении указа Петра 1» о неразглашении служебных тайн. Служба должна была в какой-то мере решить его материальные дела, но до получения первых денег из казны было еще далеко. Пушкин вынужден был занимать.

В январе того же года он обращается к М. О. Судиенко с просьбой ссудить ему 25 тысяч рублей на три или по крайней мере на два года. Ранее Пушкин уже брал у него деньги в долг, который он возвратил два года назад. Вновь обращаясь к нему, Пушкин вводит его в курс дела: «От карт и костей отстал я более

двух лет; на беду мою я забастовал, будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои».

Двадцать третьего февраля в Петербург приехал дед Натальи Николаевны — хлопотать о получении субсидии или права продать Полотняный Завод. В его записной книжке значится: «Февраля 23 — Наташе Пушкиной купил 32 фунтов разного варенья по 1 за фунт — 32 р.». Вскоре приехал и ее старший брат Иван Николаевич, и 3 апреля Пушкин дал воскресный праздничный обед в честь Гончаровых. Сохранился счет на отпущенное в тот день вино из погреба известного петербургского виноторговца Рауля на 57 рублей.

Счетам не было конца, Пушкин издерживал явно больше, чем зарабатывал. Эти счета — не только документальные свидетельства расходов; на них, как и на рукописях пушкинских стихотворений, появляются порой рисунки, запечатлевшие облик жены. Так, на обороте счета издания альманаха «Северные цветы на 1832 год» Пушкин изображает Наталью Николаевну в платье с пышными рукавами, с высокой прической. Этот рисунок схож с тем акварельным портретом, который как раз завершил Александр Павлович Брюллов. Еще когда они жили в Царском Селе, Нащокин от письма к письму требовал изображение Натальи Николаевны; Пушкин оправдывался тем, что «портрета не посылает за неимением живописца». Когда же Пушкин недолго гостил в Москве, то оттуда уже спрашивал Наталью Николаевну в письме от 8 декабря: «Брюлов пишет ли твой портрет?» Видимо, Пушкин уже договорился с художником, но тот приступил к работе, вероятно, только в январе. Тогда же были доставлены, наконец, выкупленные Нащокиным по поручению Пушкина бриллианты жены, с которыми она и позировала Брюллову. Он представил ее в открытом бальном платье с прической по тогдашней моде, с ниткой жемчуга с подвеской на лбу и с длинными бриллиантовыми серьгами в ушах. Это единственный известный портрет Натальи Николаевны, исполненный при жизни Пушкина. Сравнивая его с более поздними ее портретами, можно в полной мере оценить робкую прелесть и очарование девятнадцатилетней Пушкиной. Когда жена бывала в отъезде, Пушкин особенно часто глядел на это изображение и вспоминал ее. Так было летом 1834 года, когда писал он из Петербурга в Калугу: «Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым…»

Начало долгой переписке по поводу установления суммы жалованья Пушкину положило его письмо от 3 мая 1832 года, адресованное Бенкендорфу, без которого еще долго никто не стал

бы задумываться о содержании чиновника Пушкина. Бенкендорф дал указание министру иностранных дел К. В. Нессельроде как непосредственному начальнику Пушкина. Тот официальным письмом от 14 июня просил графа Бенкендорфа «почтить его уведомлением, в каком количестве прилично бы было определить жалование Пушкину». Бенкендорф ответил 20 июня, что Пушкину следовало бы дать жалованье в пять тысяч рублей. Д. Н. Блудов, тогдашний министр внутренних дел, в присутствии Пушкина на именинах Вяземского 29 июня рассказывал, что Нессельроде не хочет платить жалованье Пушкину. Действительно, 4 июля Нессельроде рапортовал самому императору: «…г. Бенкендорф объявил мне Высочайшее повеление о назначении из государственного казначейства жалования титулярному советнику Пушкину. По мнению г. Бенкендорфа, в жалование Пушкину можно было бы положить 5000 руб. в год. Я осмеливаюсь испрашивать по сему Высочайшего повеления Его Императорского Величества». Оно последовало, видимо, незамедлительно, хотя и в устной форме, так что уже 6 июля Нессельроде обращается к министру финансов графу Е. Ф. Канкрину с просьбой выдать под расписку казначея Министерства иностранных дел Губина «причитающиеся из означенной суммы с 14 ноября 1831 года по 1 мая сего года деньги всего 2319 руб. 44 ¼ коп.; впредь же отпускать из оной по третям…». При этом имя Пушкина не упоминается.

Заведено было особое дело № 1 «Об отпуске в Министерстве иностранных дел из Государственного казначейства ежегодно по 5000 р. ассигнациями из сумм на известное Е. И. В. употребление и о выдаче этой суммы титулярному советнику Александру Пушкину». Управляющий департаментом хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел Поле нов извещает казначея Губина, что деньги на жалованье Пушкину приняты в приход к общим суммам министерства. 21 июля деньги были отпущены; еще через несколько дней, 26 июля, Пушкин получил особую повестку, которой приглашался в хозяйственный департамент 27 июля в 11 часов утра для сообщения, как значится в документе, «некоторых сведений до службы касающихся». Тогда только Пушкин и получил свое первое жалованье. 9 сентября он исправно получил жалованье за вторую треть 1832 года в сумме 1666 рублей 66 ½ копейки, дав в том расписку.

Однако размер жалованья был несопоставим с тратами. Его едва хватало на оплату городской квартиры, а дачная жизнь требовала дополнительных расходов.

Пушкину приходилось больше рассчитывать на самого себя и

свои труды. Он затеял издание газеты под названием «Дневник», которое, впрочем, провалилось, не начавшись, так и не принеся ему никакого дохода. Пушкин подал Бенкендорфу прошение с образцами нового издания, ответ на которое, ввиду отсутствия шефа жандармов, он получил только в октябре.

Незадолго до вторых родов Натальи Николаевны Пушкин делает еще одну попытку привести свои денежные дела в порядок, на этот раз с помощью Дмитрия Николаевича Гончарова, к которому он обратился с письмом, обнаруженным только в 1970 году, о «затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и деньгах». Пушкин узнал (скорее всего, от Ивана Николаевича Гончарова), что Дмитрий Николаевич собирается просить взаймы денег у князя Владимира Сергеевича Голицына. В результате родился пушкинский проект, заключавшийся в том, чтобы Гончаров из денег, занятых у Голицына, которому «совершенно всё равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше», одолжил бы ему на шесть месяцев шесть тысяч рублей, «в которых я очень нуждаюсь и не знаю где взять». «Семья моя увеличивается, служба вынуждает жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. — Я знаю, что в настоящее время вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была бы так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, — так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продавать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его

ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только увидите, что он ей неприятен».

Появление на свет очередного ребенка, аренда дорогих дач приводили к дополнительным расходам. Так, в июле 1833 года после рождения сына Александра, живя на даче в Новой Деревне, Пушкин более всего был озабочен приисканием денег: вел переписку с переводчиком Морского министерства А. А. Ананьиным о получении взаймы полутора-двух тысяч рублей, берет в долг у книгопродавца И. Т. Лисенкова три тысячи рублей на полгода. Тут вовремя подоспели деньги, посланные тещей. Пушкин пишет ей, тщательно подбирая слова: «Милостивая государыня матушка Наталия Ивановна. Вчера получили мы письмо ваше и сердечно благодарим вас за…» На этом черновик письма обрывается, а чистовик не сохранился.

В том же 1833 году, когда Пушкин отправился в Болдино, накануне 1 сентября, дня очередных выплат по счетам, он беспокоился, как жена переживет его, — и как в воду глядел. В этот день Наталья Николаевна пишет брату Дмитрию письмо с утешительными словами по поводу неудачного сватовства к Чернышевой и просит денег: «По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но что делать, я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России и только в конце сентября или начале октября будет в своем Нижегородском поместье, вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой. Будь уверен, дорогой друг, что только необходимость вынуждает меня прибегнуть к твоему великодушию, так как иначе я никогда бы не решилась беспокоить тебя в то время, когда ты чуть ли не собираешься застрелиться».

Дело в том, что, сняв новую квартиру, Наталья Николаевна должна была при заключении контракта с хозяином дома Оливье уплатить вперед, что не входило в ее расчеты: «Муж мой оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена все их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придется дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради бога, ответь мне поскорее; до 15 числа этого месяца твое письмо еще может застать меня на *Черной речке,* а позднее я буду уже в городе. Я дала бы тебе адрес моего нового дома, но я сама еще точно его не знаю; мне кажется, это дом

некоего г-на Оливье, но вряд ли это тебе поможет».

Это сообщение является единственным указанием на время переезда Натальи Николаевны на новую квартиру. Две недели ушло на то, чтобы перевезти вещи и обставить ее. Какое-то время Наталья Николаевна жила на два дома — новый городской и старый дачный. Судя по сумме задатка, который вносился, как правило, за треть года, годовая плата составляла 4800 рублей, то есть квартира была дороже предыдущих. Из писем Пушкина мы знаем, что он предпринимал все возможное, чтобы дополнительно прислать жене денег. На издателя и книгопродавца Смирдина, с его выплатами по существовавшим у него с Пушкиным договорам, надежда была плохая. Однако Наталья Николаевна явно не хотела семейные проблемы делать достоянием посторонних, даже если этот посторонний — ее родной старший брат и фактический глава семейства, к которому она принадлежала по рождению.

Дмитрий Николаевич ответил сестре, разрешив ей занять 500 рублей под его гарантии. Уже с новой квартиры Наталья Николаевна благодарит его 27 сентября: «Я уже их нашла, но с обязательством уплатить в ноябре месяце. Как ты мне уже обещал, ради бога, постарайся быть точным, так как я в первый раз занимаю деньги и еще у человека, которого мало знаю, и была бы в очень большом затруднении, если бы не сдержала слова. Эти деньги мне как с неба свалились, не знаю, как выразить тебе за них мою признательность, еще немного, и я осталась бы без копейки, а остаться в таком положении с маленькими детьми на руках было бы ужасно».

Обрисованная ситуация представляется более чем затруднительной. Скорее всего, Наталья Николаевна не слишком разумно распоряжалась оставленными ей деньгами. Кажется, понимая это, она вновь повторяет почти дословно свой прежний довод: «Денег, которые муж мне оставил, было бы более чем достаточно до его возвращения, если бы я не была вынуждена уплатить 1600 рублей за квартиру; он и не подозревает, что я испытываю недостаток в деньгах, и у меня нет возможности известить его, так как только в будущем месяце он будет иметь твердое местопребывание».

Под «твердым местопребыванием» подразумевается конечно же Болдино; но, как мы знаем, между Пушкиным и Натальей Николаевной было условлено, что промежуточным адресом, по которому она может направить свои письма, был Симбирск, где губернаторствовал ее родственник А. М. Загряжский. Наталья Николаевна отослала на его имя для передачи мужу два письма, которые Пушкин и получил 10 сентября 1833 года по прибытии в

Симбирск. Почта между Петербургом и Симбирском шла неделю, так что письма были ею написаны до 1 сентября (во всяком случае, первое). Хотя они и не дошли до нас, но по ответам Пушкина ясно, что Наталья Николаевна ничего не писала о своих денежных затруднениях. С одной стороны, ей не хотелось признаваться в том, что она уже истратила оставленные деньги, с другой — не хотелось беспокоить мужа. Она пишет о пребывании у нее младшего брата Сергея, о своем здоровье, о найме новой квартиры, но ни слова о деньгах, хотя и нуждается в них. Другое дело, что Пушкин в ответном письме беспокоится о том, что оставил мало денег и что жена наделает новых долгов, «не расплетясь со старыми». Наталья Николаевна также никогда не призналась мужу ни в том, что она обратилась за деньгами к брату, ни в одолженных пятистах рублях.

Когда же Пушкин вернулся из Болдина, то делился с друзьями, по выражению Вяземского, «своею страннической котомкою» и пристраивал, что мог, Смирдину, следуя некогда им самим сказанному: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Смирдин даже жаловался, что за «пьески, в которых де не более трех печатных листов будет, требует Александр Сергеевич 15 000 рублей». Наталья Николаевна, как могла, помогала мужу. Сохранился забавный рассказ, записанный А. Я. Головачевой-Панаевой со слов Смирдина: «Я пришел к А. С-чу за рукописью и принес деньги-с: он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, п.<отому> ч.<то> их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки. Вот А. С. мне и говорит, когда я вошел в кабинет: „рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть“, и повел меня; постучались в дверь; она ответила: „входите“. А. С. отворил двери, а сам ушел… — „Я вас для того призвала к себе, — сказала она, — чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда получите рукопись… Прощайте“… Я поклонился, пошел в кабинет к А. С-чу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черту по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову, и они сказали мне: „Что? С женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег… Я с вами потом сочтусь“.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме?»

Приведя этот рассказ, Н. О. Лернер предположил, что торг

шел по поводу стихотворения «Гусар». Платье же, которое так срочно понадобилось, — возможно, то самое, сшитое по случаю траура при дворе, в котором увидел Наталью Николаевну 25 ноября 1833 года на вечере у Одоевского правовед Вильгельм Ленц, пораженный ее красотой: «Входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла. Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал — incessu dea patebat[103]… Благородные… черты ее лица напоминали… Евтерпу Луврского музея».

В переписке Пушкина с женой одной из главных тем, постоянно обсуждавшейся, было состояние болдинского имения, особенно после того, как Александр Сергеевич взял управление им на себя. Наталья Николаевна считала, что он совершает ошибку, взявшись за дело, в котором не был достаточно сведущ, и, как со временем признал Пушкин, она оказалась права. Ему хотелось спасти Болдино от угрозы разорения, до которой довел его отец. Сам Пушкин ничего не брал себе от болдинских доходов, но думал о будущем своих детей. Однако никакие доходы не могли покрыть даже расходов, в которые вводил семейство Лев Сергеевич, позволявший себе снимать в Петербурге лучшие номера в гостинице Энгельгардта по 200 рублей в неделю, занимать тысячи рублей, ссылаясь на старшего брата, и тут же проигрывать их.

Так же беспардонно вел себя и Николай Иванович Павлищев, женатый на сестре Пушкина, постоянно требовавший денег, ссылаясь при этом на нужду, которую испытывает Ольга Сергеевна, вне зависимости от того, жил он с ней вместе или находился за тысячу верст. Ольга не однажды писала мужу, что его письма брат сжигает не читая. Тем не менее все они дошли до нас. Первое, относящееся как раз ко времени отъезда Натальи Николаевны в Полотняный Завод, было послано им Пушкину на Святой неделе 26 апреля 1834 года без какого-либо, хотя бы формального, поздравления с Пасхой, а с одними лишь денежными претензиями.

Болдино приносило 22 тысячи рублей в год, но одного казенного долга на нем числилось 190 тысяч, требовавших уплаты 12 процентов в год, так что чистого дохода оставалось едва десять тысяч. Из них по полторы тысячи рублей Сергей Львович полагал платить в год Ольге и Льву. Ему с Надеждой Осиповной доставалось в лучшем случае семь тысяч рублей. Этой суммы, по мнению Пушкина, родителям вполне хватило бы, если бы не частные долги, в основном Льва Сергеевича. Еще не получив от Сергея Львовича доверенности на управление

Болдином, Пушкин в один месяц уплатил за него 866 рублей и за Льва Сергеевича 1330 рублей. Изложив все это в письме Н. И. Павлищеву, Пушкин заключает: «Состояние мое позволяет мне не брать ничего от доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать».

Заканчивая одно из писем жене в начале мая 1834 года, Пушкин признается: «Лев Серг. и отец меня очень сердят, а Ольга С. начинает уже сердить. Откажусь ото всего — и стану жить припеваючи».

В день своего рождения в 1834 году поэт пишет Наталье Николаевне: «Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерской мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства. И я уверен, что тебе не труднее будет исполнять долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль».

Восьмого июня Пушкин разъясняет задержку денег, хотя, судя по всему, жена и не беспокоит его по этому поводу: «Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имением. Пусть они его коверкают, как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба». В следующем письме, сообщая о том, что отправил родителей в деревню, он повторяет: «Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Серг.<еевна> и Лев Серг.<еевич> останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!»

Около 19 июня 1834 года в очередном письме жене Пушкин снова возвращается к этой теме: «Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То — то, то другое».

Каждый день приносит неутешительные известия из Болдина, о чем 30 июня Пушкин сообщает Наталье Николаевне: «Посланный мною новый управитель нашел всё в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно

еще коверкать лет пять». О том же написал он и в Тригорское Прасковье Александровне Осиповой: «Я не могу довериться ни Михайле, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным и платить проценты в ломбард». Пушкин завершает письмо к Осиповой примерно тем же, о чем писал Наталье Николаевне: «Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего кроме забот и неприятностей».

В числе причин, задерживающих его в Петербурге, Пушкин называет жене хлопоты о залоге имения и заключает: «Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уже крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут». Наконец, он сообщает: «Я закладываю имение отца, это кончено будет через неделю», а 14 июля пишет: «У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на всё это плюну и займусь своими делами. Лев С.<ергеевич> очень себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского».

В тот день, когда Наталья Николаевна, прибывшая с сестрами из Полотняного Завода, въехала в дом Баташева, Пушкин был в дороге. 4 октября 1834 года он добрался до гончаровского дома в Москве, недавно покинутого женой с детьми. В ту пору Пушкин затеял еще один проект, которому не суждено было осуществиться, — приобретение с торгов имения Гончаровых Никулино. В расходной книге гончаровского дома зафиксирована покупка для него необходимой гербовой бумаги: «Октября 7-го Гербовой бумаги куплено для Александра Сергеевича Пушкина на доверенность — 3 р. 75 коп.; Заплачено за расписание в Гражданской Палате доверенности — 5 р. 70 коп.». Доверенность от имени Пушкина на ведение дела по приобретению Никулина была выдана чиновнику 14-го класса С. Г. Квасникову, некоторое время управлявшему тещиным Яропольцем и пользовавшемуся доверием семьи Гончаровых, называемому Натальей Николаевной кумом.

«8 октября 1834 г. Москва.

Милостивый государь Сергей Гаврилович.

Известился я из Московских ведомостей, что имение покойного надворного советника Афонасия Николаевича Гончарова, состоящее Калужской губернии Медынского уезда в деревнях Никулине-Абрасцове и Сычевицыной, около 80 душ, продается за неплатеж долга Калужскому приказу общественного призрения, то по сему случаю прошу вас явиться к торгам, быть при оных и купить те души собственно для меня, естьли признаете выгодным, и, буде торг состоится за мною, то и деньги внеся, просите о выдаче на мое имя данной и о вводе меня тем покупным имением во владение; естьли потребно будет по сему делу — подавать какие-либо прошения, объявлении и всякого рода бумаги, то и оные от имяни моего за вашим рукоприкладством подавайте и действуйте как бы я сам лично, ибо я во всем том вам верю, и что вы по сему законно учините, впредь спорить и прекословить не буду.

Двора Его Императорского Величества камер-юнкер Александр Сергеев сын Пушкин из дворян титулярный советник».

Доверенность явно была составлена и написана чиновником Гражданской палаты, которому за то было уплачено, но подписана она Пушкиным. Пушкин действительно мог прочесть сообщение о продаже имения в газете «Московские ведомости». Первый раз оно было помещено в субботнем выпуске газеты от 28 июля и повторено 12 августа:

«Калужский Приказ Общественного Призрения сим извещает, что в присутствии онаго будут продаваться просрочен-ныя недвижимыя имения Надворного Советника Афанасия Гончарова, состоящие в Медынском уезде:

1е. В деревнях: Сицевицыной 26 и Образцовой 9, всего 35 душ

и 2е. В деревне Никулине 48 мужеска пола душ со всеми принадлежащими к ним угодьями и землею, на сроки 8-го, 10-го и 12-го числ Октября 1834 года».

Никулино находилось в пятидесяти пяти верстах от Полотняного Завода в живописном месте на берегу реки Шани. Переговоры о его приобретении велись конечно же еще во время пребывания Пушкина в Полотняном Заводе. Скорее всего, было обусловлено частичное или даже полное погашение недоданного Наталье Николаевне приданого за счет той части суммы, которая после продажи имения с торгов по уплате всех долгов должна была достаться Гончаровым. Вполне вероятно, что Пушкин, возможно, вместе с Натальей Николаевной, посетил свое предполагаемое будущее имение. По внутреннему семейному порядку Гончаровых Никулино хотя и являлось составной частью майората, но считалось за ней. Об этом свидетельствует «Продажная запись от мая 1842 года», в котором среди прочего

значится: «…а для меня, Наталии Николаевны, отпущенного на волю Ивана Калашникова, которого для платежа за него податей и повинностей обязуюсь перечислить к собственному заселенному недвижимому имению, состоящему Калужской губернии Медынского уезда в селе Никулино».

Никулино числилось владельческим селом с господским домом и парком. Пушкину хотелось иметь собственное поместье, независимое от родителей, брата и сестры, а также родственников жены. У него не хватило денег, чтобы купить в соседстве с Михайловским Савкино, в отношении которого он строил «воздушные замки», и чтобы приобрести долю Кистенева из наследства дядюшки Василия Львовича, перекупленную Безобразовым. На этот раз из покупки села также ничего не вышло.

Собираясь приобрести Никулино, Пушкин рассчитывал на деньги от продажи «Истории Пугачева». Однако продажа будет идти и плохо, и медленно. Но покупка Никулина Пушкиным не состоится по иной причине: оно будет вовсе снято с торгов как составная часть майората Полотняного Завода, не подлежащего разделам. (Продать Никулино удастся только в 1848 году — оно достанется одному из кредиторов Гончаровых.)

Гончаровы хотели купить мельницу по соседству с Полотняным Заводом, принадлежавшую И. П. Мятлеву, приятелю и родственнику Пушкина, который взялся хлопотать по этому делу. Наталья Николаевна даже приложила к своему письму родственникам ответ Мятлева Пушкину, который, как и само письмо, до нас не дошел. Включился Пушкин и в заботы Натальи Николаевны о любимом ее брате Сергее, служившем в Новгороде с жалованьем в 250 рублей при необходимости платить за квартиру, содержать прислугу и лошадей.

Наконец, летом 1835 года он был привлечен и к хлопотам по давней тяжбе Гончаровых с Усачевым, их соседом по имению, общаясь по этому поводу с адвокатом Лерхом и своими влиятельными знакомыми: Вигелем, Дашковым и даже Жуковским. 15–17 августа Наталья Николаевна пишет брату Дмитрию по поводу процесса с Усачевым: «Постарайся приехать раньше отъезда моего мужа, который должен уехать в скором времени в деревню. Он направит тебя к своим друзьям, которые смогут чем-нибудь помочь тебе в этом деле».

Судя по соображениям, которые высказывала Наталья Николаевна в письмах брату, она вполне вошла в курс чиновничьего прохождения подобных спорных дел и проявляла в их решении деловую хватку «бой-бабы», по выражению Пушкина. Характерным в этом смысле являются ее суждения и сообщения о

предпринимаемых ею шагах, высказанные в письме от 1 октября 1835 года: «А теперь я хочу узнать, кто эти шесть человек, от которых зависит наша судьба, и если это кто-нибудь из моих хороших друзей, то тогда я постараюсь принять их на свою сторону. Второе, что мне хотелось бы узнать: является ли правая рука Лонгинова, то есть лицо, занимающееся нашим делом, честным человеком или его можно подмазать? В этом случае надо действовать соответственно».

От управления Болдином Пушкин в конце концов отказался. Еще в январе 1835 года поступило взыскание на село Болдино из Санкт-Петербургского опекунского совета на 11 114 рублей. Управляющий Болдином Пеньковский, донося об этом, предлагал взять на себя оплату взысканий, а Пушкину доставлять квитанции, что, как он выражался, «выгодней было бы для вас и спокойней». Пока же он принял свои меры, дав губернским и земским чиновникам взятку в 200 рублей, чтобы задержать опись имения. Именно после этого Пушкин принял решение отказаться от управления Болдином, но откладывал этот шаг ввиду болезни матери и предпринял его только перед отъездом родителей на дачу, переговорив с отцом и подготовив полный финансовый отчет за период с апреля 1834 года по июль 1835-го, посчитав доход в 22 тысячи рублей, расходы и платежи по долгам и процентам.

Как уже бывало не однажды, Пушкин в очередной раз просчитался, приняв на себя заботы об имениях, на доходы от которых должно было содержаться все семейство. Как явствует из его писем жене, Наталья Николаевна с самого начала предупреждала мужа о безнадежности подобного предприятия. В конце концов, Пушкин действительно запутался во всем том, что составляло смысл существования для помещиков средней руки, к разряду которых он принадлежал по экономическим статьям. За 15 месяцев исправления хозяйственных забот по болдинскому имению Пушкин оказался завален вполне деловыми, но скучнейшими, порой неприятными и маловразумительными докладами Пеньковского и Калашникова, жалобами крестьян, всякого рода документами из присутственных мест и опекунских советов, а также неизбежными письмами кредиторов Льва Сергеевича. Если прибавить к этому просьбы родителей и бесконечные претензии Николая Ивановича Павлищева, якобы пекшегося о своей супруге, то можно представить, в каком положении оказался поэт, взваливший на себя бремя семейного правления. Стоило ему уплатить одни долги безрассудного брата или выкупить выданные им векселя, как появлялись новые кредиторы Льва Сергеевича, вдохновленные именно тем, что

Пушкин был готов возвращать его долги. Как только он отвечал согласием на оплату каких-то трат Ольги Сергеевны, ее муж предъявлял новые счета. Павлищев пытался получить от Пушкина то, чего годами никак не мог добиться от своего тестя: обещанного содержания Ольги Сергеевны, на которое он, судя по всему, очень рассчитывал, вступая с ней в брак, будучи моложе ее на пять лет. Когда в 1828 году Пушкин способствовал примирению родителей с дочерью, пошедшей под венец без их благословения, он за внешне романтическим порывом Павлищева не разглядел расчетливости и в результате в лице нового родственника приобрел докучливого просителя.

История отношений поэта со своим будущим зятем началась давно. Еще 20 апреля 1826 года Анна Николаевна Вульф писала Пушкину из Малинников: «К нам приехал из Новгорода еще один приятный молодой человек, г. Павлищев, большой музыкант; он мне сказал, что знает вас». Свидетельством тому, что Вульфов посетил не старший брат Николая Ивановича Павел, служивший в Новгороде капитаном расквартированного там лейб-гвардии Конно-егерского полка, а он сам, гостивший перед тем у брата, является его письмо матери Луизе Матвеевне из соседнего с Малинниками Бернова: «Из Новагорода в последний раз писал я к вам, что брат идет в Москву. 15-го числа прошлаго месяца полк выступил. Я же с офицером Вульфом, который у него в эскадроне служит, отправился на почтовых вперед и приехал сюда в Страстную субботу. С того времени живу здесь в деревне у почтенных его родителей, которые меня очень обласкали, даже до того, что имеют попечение о моем здоровьи». Сообщив матери подробности о семействе Вульфов и их соседях Полторацких, Бакуниных и Вельяшевых, Павлищев продолжает: «Не могу довольно нахвалиться их всех ласковым приемом; зато я, с своей стороны, стараюсь доставлять им удовольствие своей игрой, так что они не могут надивиться моему таланту (весьма посредственному)».

Расчетливость Павлищева, свойственная ему с ранней юности, в полной мере проявилась в его отношениях с Пушкиным. Узнав о том, что шурин намеревается отказаться от управления Болдином, Павлищев написал ему 31 января 1835 года из Варшавы: «Вы оставляете имение на произвол судьбы, отдаете его в руки Михайлы, который разорял, грабил его двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь? — первой недоимки, продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные покупают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайла купил его, — нет; но уверен, что он в состоянии купить. Положим, что управление отдается не Михаилу, а другому, — и

тогда последствия будут не лучше». Павлищев напоминает о «чрезвычайных долгах», которые наделал и продолжал делать Лев Сергеевич, и советует: «Дайте ему собственность, и я поручусь, что он оставит странствования свои по закавказским степям; что он, взяв имение в руки, по необходимости должен будет математически сообразить расход с приходом; — что он сделается помещиком, как всякий другой». В конце письма Павлищев, как бы между прочим, доходит до дела, ради которого и стал писать Пушкину: «Впрочем, если б жене моей дана была какая частица, то я имел повод взять отпуск месяцев на шесть, поехать в Болдино, и там занявшись своим, устроить ваше общее: на это у меня толку станет. Теперь же мне ехать туда не в качестве владельца, а в виде управителя, я не должен и не поеду».

Из всех советов, поданных ему зятем, Пушкин прислушался к одному — выделить Льва Сергеевича, которому и написал письмо, используя не только доводы, но и выражения Павлищева, хотя и изложенные более изящно на французском языке:

«Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается;

Энгельгардту 1330
В ресторацию 260
Дюме 220 (за вино)
Павлищеву 837
Портному 390
Плещееву 1500
Сверх того ты получил ассигнациями 280
(в августе 1834 г.) золотом 950
итого 5767

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я всё еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо полагать, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. (С этого времени обращайся к родителям.) Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне».

Самому Павлищеву Пушкин ответил только 2 мая, написав о тех распоряжениях, с которыми уже согласился и Сергей Львович:

«Он Л.<ьву> С.<ергеевичу> отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре, с тем, чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это конечно не пожертвование, не одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить П.<етер> Б.<ург> и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия».

Третьего июня, уже отправив Бенкендорфу прошение о длительном отпуске в деревню, Пушкин представляет в письме Павлищеву картину отцовского состояния:

«В селе Болдине душ по 7-ой ревизии 564

В сельце Кистеневе (Тимашеве тож) 476

Покойный Вас. Льв. владел *другой половиною Болдина*, в коей было также около 600 душ. Эта часть продана, спустя 3 года после отречения от наследства самого наследника. Я не мог взять на себя долги покойника, потому что уж и без того был стеснен; а брат Л.<ев> С.<ергеевич> кажется не мог бы о том и подумать, ибо на первый случай надобно было уплатить по крайней мере 60,000».

Отказавшись от управления Болдином, Пушкин принял решение надолго отправиться в деревню, но не дальнюю нижегородскую, а ближнюю псковскую. Это вызвало беспокойство родителей, которые не хотели на такой срок лишиться возможности жить в Михайловском. Сергей Львович пишет об этом дочери 19 июня накануне переезда в Павловск: «Александр на три года едет в деревню, сам не зная куда. Как я надеюсь, что мы сможем, если Бог даст нам жизни, поехать на будущий год в *Михайловское,* то нам нельзя уступать его Александру на всё это время. Лишиться сего последнего утешения вовсе не входит в наш расчет».

После отказа от управления Болдином и доходов от него оставалось надеяться на царя и свои труды. 1 июня 1835 года Пушкин, желая поправить свои материальные дела, обратился с письмом к Бенкендорфу. Прекрасно понимая, что оно будет представлено императору, он продумал в нем каждую фразу. Написанное в оригинале по-французски, оно как бы не носило характера официального обращения, но ответ на него должен был решить судьбу поэта и его семьи на ближайшие годы. Им было написано два черновика. В первом говорилось:

«Осмеливаюсь представить на решение вашего сиятельства.

В 1832 г. Его Величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях,

но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря Его Величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он уже меня осыпал.

Газета мне даст возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с „Северной пчелой“; что же касается статей чисто литературных (как то пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских Rewiews).

Прошу прошения, но я обязан сказать вам всё. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с „Северной пчелой“, и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; одного этого будет довольно, чтобы погубить всё предприятие».

Вторая черновая редакция того же письма содержит указание на потребные Пушкину суммы:

«Испрашивая разрешения стать издателем [литературной и политической] газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами. Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущность хотя бы моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое давало мне 40 000 дохода и избавляло меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения Его Величества, я признаюсь, что с меня снято тяжкое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у вас

позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить взаймы 100 000 р. Но в России это невозможно. Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно… (пропуск в тексте. — *В.* С.), соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5000 р. жалования. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125 000. Если бы вместо жалованья Его Величество соблаговолил дать мне этот капитал в виде займа на 10 лет и без процентов — [я был бы совершенно счастлив и спокоен]».

Итак, Пушкин считает суммой, необходимой ему для приведения в порядок своих дел, сто тысяч рублей. Хотя он тут же оговаривается, что подобный заем в России невозможен, а рассчитывать на получение его от государя у него нет никаких прав, он конечно же надеется именно на такой исход. Во всяком случае, в своем прошении Пушкин подсказывает возможный путь решения проблемы. Но точно так же, как и в 1831 году, когда он просил о производстве в коллежские асессоры, сразу через два чина, его предложение и на сей раз остается как бы незамеченным.

Мысль о стотысячном займе появилась у Пушкина после того, как он получил письмо, до нас не дошедшее, от Василия Андреевича Дурова, брата кавалерист-девицы, отставного ротмистра и городничего Елабуги. В 1829 году поэт, возвращаясь из Арзрума, довез его, проигравшегося в пух и прах, в своей карете до Москвы. 8 октября 1835 года Пушкин записал рассказ о нем, вспомнив и о его маниакальной идее: «Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: „А.<лександр> С.<ергеевич>! А.<лександр> С.<ергеевич>! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?“ Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. „Я об этом думал“, — отвечал мне Дуров. — „Ну что же? — Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть. — Ну, так украдите полковую казну. — Я об этом думал. — Что же? — Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть

на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобств. Не знаете ли вы иного способа? — Просите денег у государя. — Я об этом думал. — Что же? — Я даже и просил. — Как! безо всякого права? — Я с того и начал: ‘В.<аше> В.<еличество>! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но В.<аше> В.<еличество>, на милость образца нет, и так далее. — Что же вам отвечали? — Ничего. — Это удивительно“».

Заканчивает Пушкин историю Дурова пересказом полученного от него недавно письма: «Он пишет мне: „История моя коротка: я женился, но денег всё нет“». 16 июня 1835 года Пушкин ответил: «Поздравляю вас с новым образом жизни; жалею, что изо ста тысячей способов достать 100,000 рублей ни один еще вами с успехом, кажется не употреблен. Но деньги дело наживное. Главное, были бы мы живы».

Тут мог припомниться Пушкину и рассказ, некогда им записанный, о «славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства»: «П.<отемкин> послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 р. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. П.<отемкин> на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е… мать». Подобным образом получить сто тысяч рублей мог разве что Потемкин.

Пушкину было отказано в издании газеты. Получив отказ, он 1 июня пишет новое письмо Бенкендорфу с просьбой разрешить ему уехать в деревню на три или четыре года, после чего он готов возвратиться в Петербург, чтобы возобновить занятия историей Петра Великого. Но и на этот раз его расчет не оправдался. Вполне вероятно, что именно на празднике в Петергофе состоялось объяснение Пушкина с Бенкендорфом, который передал ему волю царя. На письме Пушкина императором была начертана резолюция: «Нет препятствий ему ехать, куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласовать сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок».

На что же рассчитывал Пушкин, когда спустя год после того, как просился в отставку и получил, по собственному выражению, «абшид», затеял это дело? Очевидно, если не на длительный отпуск, то хотя бы на краткий, а также на заем. Однако и император, и шеф Третьего отделения сделали вид, что не заметили содержавшегося в письме намека на предоставление

поэту займа, который позволил бы ему решить свои материальные дела и без отъезда в деревню. Тем самым они вынуждали его прямо просить денег.

Через несколько дней, 4 июля 1835 года, Пушкин отвечает Бенкендорфу, вновь избегая прямой просьбы денег: «Государю угодно было отметить на письме моем к вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю и желаю только, чтоб решение Его Величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен».

Черновик этого письма сделан на листе с записью плана расходов на год, где первой статьей проставлена сумма в шесть тысяч рублей за квартиру в доме Баташева, снятую с 1 мая 1835 года по 1 июня 1836-го. Следующая запись — подсчет стоимости арендовавшейся у извозчика Ивана Савельева четверки лошадей, закладываемых в экипажи Пушкина, всего на четыре тысячи рублей. На семейный стол Пушкин предполагал тратить по 400 рублей в месяц на общую сумму 4800 рублей. Это были главные статьи расхода на сумму 26 800 рублей. Затем Пушкин прибавил разные издержки на тысячу рублей, приплюсовал траты на платье, театр и прочее еще на четыре тысячи. В окончательном итоге получилась сумма в 30 тысяч рублей.

После доклада Николаю I граф Бенкендорф сделал на письме Пушкина помету, отражающую суть его разговора с императором: «Есть ли ему нужны деньги, государь готов ему помочь, пусть мне скажет, есть ли нужно дома побывать, то может взять отпуск на 4 месяца».

Об этой переписке и переговорах Пушкина с Бенкендорфом не знал никто, в том числе и родители. Когда в начале июля Пушкин с женой и свояченицами навещает Е. И. Загряжскую, жившую у графини Полье, Надежда Осиповна пишет дочери 12 июля: «Александр не подает признаков жизни, по слухам я знаю, что они веселятся, были в Петергофе и в Парголове у графини Полье. Они сказали г-же Шевич, что непременно приедут нас проведать, мы ждали их к 5-му и вчера. Но, кажется мне, дождемся после дождичка в четверг. Оно не весело, ибо брат твой забывает, что мы не можем питаться одним воздухом». «Вчера», то есть 11 июля, Пушкин написал Бенкендорфу письмо, которым полностью предавал себя монаршей воле, и ему было явно не до визита к родителям.

Пушкин еще не потерял надежды на то, что его отпустят на несколько лет в деревню, не лишая при этом права пользоваться

архивами. 14 июля, благодаря Наталью Ивановну за подарок ко дню рождения сына Григория, он по-прежнему пишет о своих планах, не зная, что всё уже решено за него: «Мы живем теперь на даче, на Черной речке, а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства. Впрочем, ожидаю решения судьбы моей от государя, который очень был ко мне милостив и коего воля будет для меня законом».

Пушкин узнал о резолюции императора 22 июля. Вернувшись домой, он пишет новое письмо Бенкендорфу:

«Граф.

<…> Осыпанный милостями Его Величества, к Вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое Вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего пребывания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи; это вовлекло меня в такое затруднение, что я был принужден отказаться от наследства и что единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо одновременно занять круглую сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное, и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния Его Величества и что мне невозможно просить чего-либо».

Подчеркивая, что не имеет никаких прав, Пушкин, как бы ничего не прося и оставляя решение своей судьбы в руках царя, рассчитывает на положительный результат. На этот раз ответ не замедлил себя ждать в виде извещения о пожаловании ему единовременно и безвозвратно десяти тысяч рублей. Однако решить все денежные дела Пушкина эта сумма никак не могла. В результате он идет на новый шаг, излагая его суть в письме Бенкендорфу от 26 июля:

«Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у

ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя.

Итак, я умоляю Его Величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей, а во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга».

На этот раз Пушкин получит искомое, оставшись впредь без жалованья, а вместо отъезда в деревню на четыре года ему будет разрешен отпуск на четыре месяца. 1 августа Бенкендорф уведомляет министра финансов Канкрина о решении императора выдать Пушкину ссуду в 30 тысяч рублей, «с тем, чтобы в уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье»; 2 августа соответствующие распоряжения получит управляющий Министерства иностранных дел К. К. Радофиникин. Начинается обычная в таких случаях бюрократическая переписка: чиновники делают запросы о получаемом Пушкиным окладе, выясняется, как обстоит дело с выплатой им денег по предыдущей ссуде в 20 тысяч рублей на публикацию «Истории Пугачева».

Император в это время находился на маневрах в Калише, где 16 августа подписал указ министру финансов о выдаче «А. Пушкину в ссуду без процентов из государственного казначейства 30 тыс. руб., с обращением в уплату от суммы выдаваемых Пушкину из казначейства на известное Государю Императору употребление 5 тысяч».

Осенью 1835 года Пушкин решает свои дела по поводу ссуды. 6 сентября, перед отъездом в Михайловское, он пишет министру финансов Канкрину:

«Вследствие домашних обстоятельств принужден я был проситься в отставку, дабы ехать в деревню на несколько лет.

Государь император весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов, и приказал выдать мне 10,000 рублей, как вспоможение. Этой суммы недостаточно было для поправления моего состояния. Оставаясь в Петербурге, я должен был или час от часу более запутывать мои дела, или прибегать к вспоможениям и к милостям, средству, к которому я не привык, ибо до сих пор был я, слава Богу, независим и жил своими трудами.

И так осмелился я просить Его Величество о двух милостях:

1) о выдаче мне, *вместо вспоможения, взаймы 30,000 рублей, нужных мне в обрез,* для уплаты необходимой; 2) о удержании моего жалования, до уплаты сей суммы. Государю было угодно согласиться на то и другое.

Но из Государственного казначейства выдано мне вместо

30 000 р. только 18,000, за вычетом процентов и 10,000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом, я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге, с долгами недоплаченными и лишенный 5000 рублей жалования.

Осмелюсь просить ваше сиятельство о разрешении получить мне сполна ту сумму, о которой принужден я был просить государя, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году выданной мне, пока обстоятельства дозволят мне внести оную сполна».

В этом письме Пушкин несколько иначе, как мы видим, представляет изначальную ситуацию. Ведь он не просился в отставку, как пишет Канкрину, а просил отпустить его в деревню, не отчисляя со службы, что не одно и то же. И император, не соизволивший согласиться с Пушкиным, вовсе не так уж милостив, как поэт деликатно представляет в письме министру. Когда Пушкин писал о долге в 60 тысяч и о том, что не имеет права рассчитывать на помощь со стороны императора, он как раз и надеялся на нее.

Самое начало 1836 года принесло и новые заботы в связи с Львом Сергеевичем, умудрившимся на этот раз проиграть в карты 30 тысяч рублей, то есть как раз ту сумму, которая, по расчетам Пушкина, была необходима для «прожитка» всего его семейства в течение года. По этому поводу Ольга Сергеевна написала мужу: «Александр хочет купить *вексель,* и напрасно; ему это удалось однажды: Лев проиграл Болтину 10 000 и помирился этаким манером на 2000, но ежели он будет продолжать покупать, это кончится тем же, он очень скоро мало-помалу истратит свою часть имения. Каков же Лев!

Из рук вон! Соболевский говорит: „Придется же Алекс.<андру> Серг.<еевичу> его кормить“. — Кормить-то не беда, а поить накладно».

О финансовом состоянии самого Пушкина наглядно говорит хотя бы тот факт, что 17 марта 1836 года ему пришлось заложить за 630 рублей свой брегет и серебряный кофейник. Приходилось искать пути увеличения доходов. Не случайно более всего Пушкин был в это время озабочен предстоящим изданием «Современника», на который возлагал последние свои материальные надежды. На его письме с просьбой об издании журнала, написанном 31 декабря, в канун нового, 1836 года, Бенкендорф после разговора с императором оставил резолюцию: «Государь позволил через Цензуры, о чем уведомить Уварова». Там же появляется канцелярская помета: «Пис<ано>

Мин<истру> Народн<ого> Просвещения 14 генваря № 154». На следующий день Пушкин уже был извещен о решении императора, которое ставило его в полную зависимость от возненавидевшего его министра Уварова. Поэт еще годом раньше заметил в связи с Уваровым: «Царь любит, да псарь не любит».

Николай I не пошел на поводу у своего любимца Бенкендорфа: на его записке о желании Н. А. Полевого писать историю Петра I, явно составленную так, чтобы император удовлетворил просьбу историка, он 19 января наложил резолюцию, ставшую явным знаком предпочтения, отдававшегося им Пушкину: «Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив Иностранной Коллегии; двоим и в одно время поручить подобное дело было бы неуместно…»

В свою очередь, жена Пушкина делает всё от нее зависящее, чтобы поддержать супруга в его издательских начинаниях. На бумаге гончаровского завода в основном написаны письма и произведения Пушкина 1830-х годов, на ней будет печататься и «Современник». 18 августа 1835 года Наталья Николаевна обращается к брату: «Мой муж поручает мне, дорогой Дмитрий, просить тебя сделать ему одолжение и изготовить для него 85 стоп бумаги по образцу, который я тебе посылаю в этом письме. Она ему крайне нужна и как можно скорее; он просит тебя указать срок, к которому ты сможешь ее ему поставить».

Весной 1836 года, когда Пушкин последний раз разлучился с женой, он оставил на ее попечение «Современник», на который возлагал материальные надежды. Она поддерживала связь с соредактором мужа В. Ф. Одоевским и, как оказалось, вполне с этим поручением справилась. Еще в канун отъезда Пушкина в Москву Наталья Николаевна снова в письме от 28 апреля передает брату Дмитрию просьбу о бумаге для журнала: «Теперь я поговорю с тобой о делах моего мужа. Так как он стал сейчас журналистом, ему нужна бумага, и вот как он тебе предлагает рассчитываться с ним, если только это тебя не затруднит. Не можешь ли ты поставлять ему бумаги на сумму 4500 в год, это равно содержанию, которое ты даешь каждой из моих сестер; а за бумагу, что он возьмет сверх этой суммы, он тебе уплатит в конце года. Он просит тебя также, если ты согласишься на такие условия (в том случае, однако, если это тебя не стеснит, так как он был бы крайне огорчен причинить тебе лишнее затруднение), вычесть за этот год сумму, которую он задолжал тебе за мою шаль. Завтра он уезжает в Москву, тогда, может быть, ты его увидишь и сможешь лично с ним договориться, если же нет, то пошли ему ответ на эту часть моего письма в Москву, где он предполагает пробыть две или три недели».

Однако «Современник» не оправдал возлагавшихся на него надежд, а конец года принес новые заботы, которые не шли ни в какое сравнение с материальными.

Глава пятая. ДУЭЛЬ

…Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет, молча, пистолет…

А. С. Пушкин

Белая голова

Седьмого сентября 1833 года, будучи в Казани, Пушкин разговорился с Александрой Андреевной Фукс о духах, суевериях и предсказаниях, в которые неизменно верил. Самым любопытным и знаменательным оказался рассказ поэта о предсказании гадалки Кирхгоф[104], сама фамилия которой несколько мистическая. Рассказ имеет несколько вариаций, восходящих к самому Пушкину, в разное время дополнявшему его отдельными деталями. В передаче Льва Сергеевича этот сюжет выглядит следующим образом: «Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по имени Кирхгоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с некоторыми товарищами. Г-жа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он человек замечательный. Рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: „Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами“. О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письма с деньгами получать ему было неоткуда. Деньги он мог иметь только от отца. Но живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадальщицы. Вечером того же дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился на разъезде с генералом <А. Ф.> Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Разговор продолжался довольно долго, по крайней мере это был самый продолжительный из всех, которые он имел о сем предмете. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами. Оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправлялся за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то

картежный долг еще школьной их шалости. Г-жа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север. Рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся. Предсказала его женитьбу и, наконец, преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал».

Версия приятеля Пушкина А. Н. Вульфа выглядела еще более мистической: «Известно, что Пушкин был очень суеверен. Он сам мне не раз рассказывал факт, с полной верой в его непогрешимость, — и рассказ этот в одном из вариантов попал в печать. Я расскажу так, как слышал от самого Пушкина; в 1817 или 1818 году, то есть вскоре по выпуске из Лицея, Пушкин встретился с одним из своих приятелей, капитаном л-гва<рдии> Измайловского полка (забыл его фамилию). Капитан пригласил поэта зайти к знаменитой в то время в Петербурге какой-то гадальщице: барыня эта мастерски предсказывала по линиям на ладони к ней приходящих лиц. Поглядела на руку Пушкина и заметила, что… черты, образующие фигуру, известную в хиромантии под именем стола, обыкновенно сходящиеся к одной стороне ладони, у Пушкина оказались совершенно друг другу параллельными… Ворожея внимательно и долго их рассматривала и наконец объявила, что владелец этой ладони умрет насильственной смертью, его убьет из-за женщины белокурый молодой мужчина… Взглянув затем на ладонь капитана, ворожея с ужасом объявила, что офицер также погибнет насильственной смертью, но погибнет гораздо ранее своего приятеля: быть может, на днях». На другой день оказалось, что капитан был по неведомой причине заколот в казармах солдатом. Пушкин, по словам Вульфа, пораженный таким скорым и точным исполнением предсказания, ожидал свершения пророчества и над собой.

Вульф в своих рассказах снова и снова возвращался к предсказанию Кирхгоф, говоря, что Пушкин так верил в него, что в Михайловском, готовясь к дуэли с графом Федором Толстым, повторял: «Этот меня не убьет, а убьет белокурый. Так колдунья пророчила». И Вульф добавляет от себя: «…и точно, Дантес был белокур».

С. А. Соболевский резюмировал различные варианты истории с предсказанием Кирхгоф: «Предсказание было о том, во-первых, что он скоро получит деньги; во-вторых, что ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, что он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, что он дважды

подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых он и должен опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии».

Имя приятеля, посетившего с Пушкиным гадалку, зашифровано у Фукс достаточно прозрачными инициалами «Н. В. В.», то есть Никита Всеволодович Всеволожский, а по свидетельству Соболевского, с Пушкиным у Кирхгоф был П. Б. Мансуров.

Поэт, по Соболевскому, настолько поверил предсказанию, что объяснял им даже свое отстранение от деятельности масонских и тайных обществ: «Это все-таки вследствие предсказания о белой голове. Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weiskopf, Weishaupt[105] — одно и то же».

Самое любопытное и мистическое в связи с рассказом Пушкина Александре Андреевне Фукс о предсказании Кирхгоф — это «странное сближение»: на следующий день после разговора о «белой голове», 8 сентября 1833 года, в Россию въехал барон Жорж Дантес.

Ровесник Натальи Гончаровой Шарль Георг Дантес родился 5 февраля (по григорианскому календарю) 1812 года в далеком эльзасском городке Сульце на границе с Лотарингией. В истории семей Дантесов и Гончаровых оказывается довольно много общего. Отец Дантеса Жозеф Конрад получил титул барона при Наполеоне I, тем не менее был верным легитимистом, вынужденным выйти в отставку после революции 1830 года. Он принадлежал к новому дворянству: его прапрадед Жан Генрих Дантес (1670–1733), крупный промышленник, владелец серебряных рудников и доменных печей, производитель жести и основатель фабрики холодного оружия, был возведен во дворянство только в 1731 году, на закате жизни. Это дало ему возможность купить имение в Сульце, где и родился Жорж Дантес. Его прадед, дед и отец породнились с древнейшими фамилиями Германии и Франции. Сестра его бабушки по материнской линии, графиня Шарлотта Амалия Изабелла

Вартенслебен (1759–1835), в 1788 году вышла замуж за русского дипломата графа Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, бывшего посланником в Стокгольме и дослужившегося до чина действительного тайного советника. Поселившись в России, она звалась Елизаветой Федоровной, стала кавалерственной дамой и закончила свои дни в Москве 27 августа 1835 года. Так что Дантес оказался в родстве с фамилией, кровь которой текла в жилах Натальи Николаевны и у которой были общие предки с Пушкиным.

Блондин и приверженец белого королевского стяга, он, по одной из версий, явился в Россию в свите голландского посланника барона Якоба Борхарда ван Геккерена[106] де Бевервaарда, возвращавшегося из отпуска в Петербург. Они познакомились якобы по пути в Россию в маленьком городке, где остановились в одной гостинице, и посланник взял Дантеса под свое покровительство. Его связи, а также рекомендательное письмо прусского принца Вильгельма должны были обеспечить Дантесу карьеру в России.

Все три участника будущей трагедии еще ничего не знают о том, что судьба сведет их. Пушкин в день прибытия в Россию Дантеса пишет жене о хорошей погоде, которую бы не сглазить…

Пройдет четыре с половиной месяца, и 26 января 1834 года, в пятницу, Пушкин запишет в дневнике: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». Таков был первый выпад Пушкина в адрес своего будущего противника, а пока новоявленного кандидата в кавалергарды. Нужно быть человеком той эпохи или основательно вжиться в нее, чтобы вполне оценить это как бы случайное замечание Пушкина. Дорога в гвардию открывалась далеко не каждому, тем более сразу с офицерским чином. Хотя бы кратковременное юнкерство являлось обязательной ступенью перед производством в офицеры даже для представителей самых знатных российских фамилий. Пушкин ошибся: в гвардию сразу зачислили только Дантеса, маркиз де Пине был определен в армию. Шуанами, как именует их поэт, называли роялистов, участников восстания 1783 года в Вандее в поддержку свергнутой монархии. Основу движения составляли крестьяне, действовавшие партизанскими методами и преимущественно ночью. Отсюда и происходит их прозвище[107]. Шуанами стали называть и тех, кто, оставшись верен свергнутому Карлу X Бурбону, объединился в 1832 году в Вандее вокруг невестки короля, герцогини Беррийской. Среди них был и воспитанник Сен-Сирской военной школы в Париже барон Жорж Шарль Дантес, сражавшийся во время Июльской революции 1830 года на

площади Людовика XV против восставших. Ему, ровеснику Натальи Николаевны, было в ту пору 18 лет. Уже в России в память о тех событиях он носил на руке перстень с портретом Генриха V, внука свергнутого короля. Пушкин же, только что помолвленный с Натальей Гончаровой, в те июльские дни пребывал в радужном, еще ничем, кроме выпадов будущей тещи, не омраченном настроении.

О том, что барона Дантеса и маркиза де Пине принимают в гвардию, Пушкин услышал, скорее всего, накануне события, 25 января 1834 года, на балу в доме князя Василия Сергеевича Трубецкого, генерала от кавалерии, сенатора и члена Государственного совета. Этому балу, на котором присутствовал император, посвящена предыдущая запись в дневнике Пушкина: «В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: Est-ce a propos de bottes ou de boutons que votre man n'est pas venu dernièrement?[108] (Мундирные пуговицы. Старуха Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты)».

Сразу же за этими словами и следует запись о Дантесе. «Роптать» в первую очередь должны были кавалергарды. В доме Трубецкого они были всегда, так как два его сына, Александр и Сергей, состояли в Кавалергардском полку, причем второй был зачислен в него только в сентябре 1833 года по окончании Пажеского корпуса. Впоследствии они, особенно Александр, подружатся с Дантесом, но в тот день у них были все основания быть недовольными. Вяземский вспоминал позднее о тех днях: «Дантес приехал в Петербург в 1833 году и обратил на себя презрительное внимание Пушкина. Принятый в кавалергардский полк, он до появления приказа разъезжал на вечера в черном фраке и серых рейтузах с красной выпушкой, не желая на короткое время заменять изношенные штаны новыми». Это писалось Вяземским уже после гибели Пушкина, и постфактум отношение поэта к новоявленному гвардейцу было представлено как изначально презрительное. Однако никаких других свидетельств в том же роде не сохранилось. Сделанная Пушкиным запись о Дантесе не выражала к нему лично никакого отношения, отражая лишь неудовлетворенность порядком, по которому иностранец, в отличие от русских подданных, проходивших все необходимые ступени перед тем, как быть причисленными к самому привилегированному полку гвардии, мог быть тотчас принят в него. Пушкин конечно же не знал, что Дантес прибыл в Россию с рекомендательным письмом принца Вильгельма Прусского, будущего германского императора,

родного брата императрицы Александры Федоровны, которая была шефом Кавалергардского полка. Императрица даже назначила ему, по его тогдашней бедности, выплату из «своей шкатулки». Запись Пушкина была сделана ровно за четыре года до того дня, когда была решена дуэль между ним и Дантесом.

Письма Дантеса Геккерену

К началу 1836 года, когда Пушкины жили в доме Баташевых, относятся первые упоминания в свете об ухаживании Дантеса за Натальей Николаевной. В свое время П. Е. Щеголев считал, что оно началось в 1834 году: «Если Дантес не успел познакомиться с Н. Н. Пушкиной зимой 1834 года, до наступления Великого поста, то в таком случае первая встреча их приходится на осень этого года, когда Наталья Николаевна блистала своей красотой в окружении старших сестер. Почти с этого времени надо вести историю его увлечения». Эта точка зрения прочно утвердилась на многие годы и никем не подвергалась сомнению вплоть до Ахматовой, которая опиралась на фрагменты двух писем Дантеса Геккерену, напечатанных в 1946 году французским исследователем Анри Труайя. Эти фрагменты перевел и сопроводил комментарием М. А. Цявловский, опубликовав их в 1951 году в девятом томе альманаха «Звенья». С тех пор они вошли в обиход пушкиноведения, и ни одна работа, затрагивающая события вокруг дуэли Пушкина с Дантесом, не могла обойтись без обращения к этим письмам и их зачастую головокружительным толкованиям. С. Л. Абрамович, автор целого ряда исследований, посвященных последнему году жизни поэта, цитируя первое из них, писала: «В свое время, когда эти два письма Дантеса… были опубликованы, они произвели ошеломляющее впечатление, так как впервые осветили события „изнутри“, с точки зрения самих действующих лиц. До тех пор об отношениях Дантеса и Натальи Николаевны мы знали лишь по откликам со стороны».

В первом письме, от 20 января 1836 года, Дантес сообщает о своей любви к замужней даме, чье имя не открывает, но указывает приметы, по которым Геккерен определенно должен был понять, о ком идет речь. Дантес писал: «Мой драгоценный друг, я, право, виноват, что не сразу ответил на два твоих добрых и забавных письма, но, видишь ли, ночью танцы, поутру манеж, а днем сон — вот мое бытие последние две недели и еще по меньшей мере столько же в будущем, но самое скверное — то, что я безумно влюблен! Да, безумно, потому что совершенно потерял голову. Я не назову тебе ее, ведь письмо может пропасть, но

вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты узнаешь имя; самое же ужасное в моем положении, что она тоже любит меня, однако встречаться мы не можем, и до сих пор это невозможно, так как муж возмутительно ревнив. Поверяю это тебе, мой дорогой, как лучшему другу, и знаю, что ты разделишь мою печаль, но Господом заклинаю, никому ни слова, никаких расспросов, за кем я ухаживаю. Сам того не желая, ты погубишь ее, я же буду безутешен; пойми, я сделал бы всё что угодно, лишь бы доставить ей радость, так как жизнь моя с некоторых пор ежеминутная пытка. Любить друг друга и не иметь иной возможности признаться в этом, кроме как между двумя ритурнелями контрданса, ужасно; может статься, я напрасно всё это тебе поверяю, и ты назовешь это глупостями, но сердце мое так полно печалью, что необходимо хоть немного облегчить его. Уверен, ты простишь мне это безумство, согласен, что иначе его и не назовешь, но я не в состоянии рассуждать, хоть и следовало бы, потому что эта любовь отравляет мое существование. Однако будь спокоен, я осмотрителен и до сих пор был настолько благоразумен, что тайна эта принадлежит лишь нам с нею (она носит то же имя, что и дама, писавшая тебе в связи с моим делом, что она в отчаянии, но чума и голод разорили ее деревни), так что теперь ты должен понять, что можно из-за подобного создания потерять рассудок, в особенности если и она тебя любит! Снова повторяю тебе: ни слова Брею[109] — он переписывается с Петербургом, и достало бы единственного нечаянного намека его супруге, чтобы погубить нас обоих! Один Господь знает, что могло бы тогда случиться; так что, драгоценный мой друг, я считаю дни до твоего возвращения, и те 4 месяца, что нам еще предстоит провести вдали друг от друга, покажутся мне веками; ведь в моем положении необходимо присутствие любящего человека, которому можно было бы открыть сердце и попросить ободрения. Потому я плохо и выгляжу, хотя никогда не чувствовал себя так хорошо физически, как теперь, но голова у меня так разгорячена, что я не имею ни минуты отдыха ни ночью, ни днем, отчего и кажусь больным и грустным»[110].

На этом месте Анри Труайя оборвал письмо в своей публикации 1946 года, ни слова не сказав, что представляет лишь его фрагмент, а между тем, как свидетельствует Серена Витале, он получил оба письма от правнука Дантеса целиком. Фрагменты писем были опубликованы Труайя с ошибками, породившими много нелепых толкований. Н. А. Раевский в книге «Портреты заговорили» писал, к примеру, что «виновность Натали после публикации двух писем Дантеса доказана бесспорно».

Можно было бы, конечно, сказать, что публикатор дал только места из писем, интересующие всех, если бы оставшееся ненапечатанным не разрушало, как мы теперь понимаем, тот образ Дантеса и представления о характере его отношений с Натальей Николаевной, которые создал для читателя Труайя. Вот как он представил эту картину в своей книге: «Что за чувство связывало Наталью Николаевну и Дантеса? Что было между ними — обычная светская интрижка, как полагало большинство современников, или глубокая привязанность? Вполне возможно, что поначалу Наталья Николаевна стала отвечать на ухаживания Жоржа Дантеса лишь из тщеславного удовольствия, которое доставляло ей кокетство. Да и он не испытывал ничего, кроме радости от того, что заслужил лестное внимание элегантной дамы. Но, постоянно встречаясь на балах, в театре, на прогулках, глядя друг другу в глаза, играя в любовь, оба актера увлеклись этой игрой. И то, что началось как галантное приключение, стало чувством — взаимным, сильным и безнадежным».

Труайя без всяких оговорок привлекает тенденциозные воспоминания А. П. Араповой, дочери Натальи Николаевны от второго брака, а также князя Александра Трубецкого, в старости писавшего свои маразматические, по определению Ахматовой, записки, где излагал преддуэльную ситуацию со слов Дантеса. «Взаимное, сильное и безнадежное чувство», которое, по мнению Труайя, связало Дантеса и Наталью Николаевну, не выдерживает испытания временем, даже исходя из всего, что нам известно и без этих писем. Да и было ли оно? В представлении Труайя — да.

Приведя письмо Дантеса от 20 января 1836 года, Труайя дает свой к нему комментарий: «Письмо, искренность которого представляется несомненной, проливает яркий свет на отношения между Дантесом и Натальей Николаевной. Благодаря этому открытию оба они словно вырастают. Ведь до сих пор историки строго судили как молодую женщину, не разделяющую страданий мужа и неспособную отказаться от радости нравиться, так и светского щеголя, которому доставляло удовольствие внести смятение в семейный покой ради того лишь, чтобы вписать еще одно имя в список своих трофеев. Однако страсть извиняет тех, кто терзается ею. А между Дантесом и Натали пылала подлинная страсть. Напрасно Натали твердила себе, что было бы разумнее отказаться от встреч со своим обожателем, она была просто физически не в состоянии лишиться его животворящего присутствия. И напрасно уверял себя Дантес, что у его любви нет будущего, — он упорствовал в своем безумии и черпал радость в своих страданиях».

Уже в наше время по поводу того же письма высказалась

С. Л. Абрамович: «Январское письмо говорит прежде всего о том, что Дантес в тот момент был охвачен подлинной страстью. Искренность его чувств не вызывает сомнений. Он весь поглощен своим новым увлечением. Оно заполняет всю его жизнь и является главной пружиной всех его поступков». Хотя исследовательница и сомневается в благородности чувств Дантеса, она не отказывает им в подлинности и глубине. Однако не следует забывать, что Дантес пишет это письмо человеку, который, как известно, не был равнодушен к нему. Дантес должен был прекрасно понимать, что этим признанием он возбудит ревность у человека, который в это время оформлял свое над ним отцовство. Делая Геккерена поверенным своей страсти, Дантес начинал тонкую игру, нюансы которой прослеживаются в дальнейших письмах. Когда С. Л. Абрамович и другие исследователи осмысляли и интерпретировали эти письма, они делали это в отрыве от всей переписки, которая только недавно стала доступна благодаря итальянской исследовательнице Серене Витале. Однако и на основании этих двух посланий можно было бы сделать вывод о том, что Дантес явно интригует своего адресата. Геккерену конечно же было недостаточно установить имя дамы по тем приметам, что Дантес сообщил в начале письме: «самое прелестное создание в Петербурге» и «возмутительно ревнивый муж». Справедливо писал С. Ласкин: «Только достаточно ли этих „опознавательных намеков“ Геккерну? Разве мало в Петербурге самых „очаровательных“ дам? Разве бы их мужья остались безразличными к ухаживаниям блестящего кавалергарда?» Только после упоминания дамы-однофамилицы Геккерен мог догадаться, о ком же идет речь. Соглашаясь в этом с Ласкиным, категорически нельзя согласиться с тем, что искомой дамой была Идалия Полетика. Дантес имеет в виду свою московскую тетку, а точнее, двоюродную бабушку, графиню Шарлотту (Елизавету Федоровну) Мусину-Пушкину, через которую он получал денежную помощь от Геккерена, ведь сокращение фамилии Мусин-Пушкин до Пушкин в то время употреблялось постоянно.

После появления этого письма в печати потребовалось интерпретировать выраженные в нем признания Дантеса, что с переменным успехом и делалось на протяжении пятидесяти лет. Нежелание смотреть правде в глаза заставило некоторых исследователей, в частности И. Ободовскую и М. Дементьева, вовсе усомниться в их подлинности. С. Ласкин, в свою очередь, замечает: «Увы! К великому сожалению, надежды авторов нескольких книг о Наталии Николаевне не подтверждаются фактом: письма Дантеса находятся в том же альбоме…» Но

поскольку самому Ласкину удалось лишь заглянуть в альбом, хранившийся у потомков Дантеса, а следовательно, его посланий он не видел и не читал, то «великое сожаление» заставляет его выдвинуть другую версию, которая и распространяется многотысячным тиражом. По сути, вся его книга «Вокруг дуэли» посвящена утверждению мнения, что предметом поклонения Дантеса, его «прекрасной дамой» является вовсе не Наталья Николаевна, а Идалия Полетика.

Сопоставляя письмо от 20 января с известными письмами и фактами биографии Натальи Николаевны, Ласкин начисто отвергает саму возможность того, что в нем идет речь именно о жене Пушкина. Вот образец его аргументации. Он цитирует, например, письмо Александрины Гончаровой от 1 декабря 1835 года, написанное за полтора месяца до послания Дантеса (тот, кстати, в нем фигурирует в числе «молодых людей самых модных»), отмечая указание на то, что Наталья Николаевна «едва ковыляет», так как беременна. При этом автор напоминает, что, родив в конце мая 1835 года сына Григория, она долго не появлялась в свете, и подчеркивает, что «письма Дантеса написаны в январе и феврале, когда Наталия Николаевна снова была на шестом месяце беременности», подкрепляя свою позицию предположением А. А. Ахматовой насчет того, что Наталья Николаевна «последние два месяца в свете не появлялась». Правда, исследователь тут же приводит данные из камер-фурьерского журнала о том, что «камер-юнкер Пушкин с супругою, урожденною Гончаровой», появился 27 декабря 1835 года во дворце, подчеркнув, что Дантес на этот прием приглашен не был. «Единственное совпадение приглашений было 24 ноября, в день тезоименитства великой княгини Екатерины Михайловны». Но не следует забывать, что светская жизнь отнюдь не ограничивалась придворными приемами и балами. В ту зиму танцевали во всех домах, и беременность, как мы помним даже со слов самого Пушкина, совсем не служила помехой для Натальи Николаевны. При этом С. Ласкин игнорирует все известные свидетельства посещения Пушкиным с Натальей Николаевной рождественских, новогодних и масленичных балов и маскарадов, начиная с бала в Зимнем дворце 1 января 1836 года.

Можно заметить, что само письмо от 20 января написано на другой день после бала-маскарада, данного Дворянским собранием в доме Энгельгардта на Невском проспекте. На этом балу, традиционно посещаемом императорской семьей (в тот раз Николай I появился около одиннадцати часов вечера и пробыл два часа с четвертью), по-видимому, присутствовал и Пушкин с Натальей Николаевной и свояченицами. Таким образом,

положение, в котором находилась в ту зиму Наталья Николаевна, никоим образом не мешало ей посещать балы, на которых Дантес и видел ее, и танцевал с ней.

По поводу еще одного признака «неизвестной» С. Ласкин замечает: «Что касается упоминаемого в письме „не слишком“ большого ума дамы (в приведенном ниже втором письме Дантеса. — *В. С.),* то и это качество далеко не индивидуальное. И хотя такое мнение о Натали бытовало в свете, оно никак не может быть решающим». При этом Ласкин противоречит сам себе, так как никто из современников, насколько известно, не отказывал в уме Идалии Полетике. Впрочем, теперь, когда известны все письма Дантеса к Геккерену, а не фрагменты двух из них, этих нюансов можно было бы и не касаться, если бы не интерес к самой истории вопроса и желание окончательно с фактами в руках отринуть версию, затемняющую и без того далеко не во всем ясную историю преддуэльных событий в жизни Пушкина и Натальи Николаевны.

Второе письмо Дантеса Геккерену, опубликованное Анри Труайя, датировано 14 февраля:

«Мой дорогой друг, вот и карнавал позади, а с ним — толика моих терзаний; право, я, кажется, стал немного спокойней, после того как перестал ежедневно видеться с нею; к тому же теперь к ней не может подойти кто угодно, взять ее за руку, обнять за талию, танцевать и беседовать с нею, как это делал я: да у них это получается еще и лучше, ведь совесть у них чище. Глупо говорить это, но оказывается — никогда бы не поверил — это ревность, и я постоянно пребывал в раздражении, которое делало меня несчастным. Кроме того, в последний раз, что мы с ней виделись, у нас состоялось объяснение, оно было ужасным, но пошло мне на пользу. В этой женщине обычно находят мало ума; не знаю, любовь ли дает его, но невозможно было вести себя с большим тактом, изяществом и умом, чем она при этом разговоре, а его тяжело было вынести, ведь речь шла не более и не менее как о том, чтобы отказать любимому и обожающему ее человеку, умолявшему пренебречь ради него своим долгом: она описала мне свое положение с такой доверчивостью, просила пощадить ее с такой наивностью, что я воистину был сражен и не нашел слов в ответ; знал бы ты, как она утешала меня, видя, что у меня стеснило дыхание и я в ужасном состоянии, и как она сказала: „Я люблю вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем мое сердце, ибо все остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя все свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет вам наградой“ — представь себе, будь мы одни, я определенно пал бы

к ее ногам и осыпал их поцелуями, и, уверяю тебя, с этого дня моя любовь к ней стала еще сильнее. Только теперь она сделалась иной: теперь я ее боготворю и почитаю, как боготворят и чтят тех, к кому привязаны всем существом.

Прости, мой драгоценный друг, что начинаю письмо с рассказа о ней, но ведь мы с нею — одно, и говорить с тобою о ней — значит говорить и о себе, а ты во всех письмах попрекаешь меня, что я мало о себе рассказываю.

Как я уже писал выше, мне лучше, много лучше, и, слава богу, я начинаю дышать, ведь муки мои были непереносимы: смеяться, выглядеть веселым в глазах света, в глазах всех, с кем встречаешься ежедневно, тогда как в душе смерть, ужасное положение, которого я не пожелал бы и злейшему врагу».

Труайя привлекает известные воспоминания пушкинских современников: Марии Мердер, князя Александра Трубецкого, княгини Вяземской и других, но продолжает свою линию психологического осмысления происходившего. Он комментирует письмо от 14 февраля: «Итак, любя Дантеса, Наталья Николаевна все-таки отказывалась принадлежать ему. Отчего же? Прежде всего, она была тогда на пятом месяце беременности. Она не могла уступить молодому человеку, нося в себе начало новой жизни». И тут комментатор сопоставляет поведение Натальи Николаевны с позицией Татьяны в восьмой главе пушкинского романа:

> Я знаю: в вашем сердце есть
> И гордость и прямая честь.
> Я вас люблю (к чему лукавить?),
> Но я другому отдана;
> Я буду век ему верна.

Труайя оборвал публикацию письма на словах Дантеса о его «ужасном положении», которого он «не пожелал бы и злейшему врагу». Достаточно привести следующий абзац этого послания, чтобы понять, какими мотивами руководствовался Анри Труайя, представляя его подобным образом: «Всё же потом бываешь вознагражден — пусть даже одной той фразой, что она произнесла; кажется, я написал ее тебе — а ты единственный, кто равен ей в моем сердце: когда я думаю не о ней, то думаю о тебе; однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотреби моим доверием: ты останешься навсегда, что же до нее, время произведет свое действие и изменит ее, и ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил, тогда как к тебе, мой драгоценный, каждый новый день привязывает меня всё крепче,

напоминая, что без тебя я был бы ничто». Даже если эти признательные слова были написаны по расчету, всё же, опубликуй их Анри Труайя в 1946 году, вряд ли кто-либо стал бы писать о возвышенных чувствах Дантеса.

Во время Масленицы, об окончании которой идет речь в письме Дантеса, Пушкины выезжали почти каждый день, последний раз — в воскресенье 9 февраля на большой бал в доме сенатора Д. П. Бутурлина, давнего знакомого их семьи. С началом поста балы прекратились. Очевидно, что встреча Дантеса с Натальей Николаевной в «последний раз» произошла именно в этот день и в этом месте. С семейством Бутурлиных Пушкина связывали родственные узы, а потому он бывал в этом доме еще в годы послелицейской юности. Главой дома был генерал-майор Дмитрий Петрович Бутурлин, военный историк, впоследствии директор Публичной библиотеки, трудами которого пользовался Пушкин. Поэт называл его Жомини — по имени известного французского историка и тоже генерала. О посещении балов у Бутурлина сохранились свидетельства самого Пушкина. Так, 30 ноября 1833 года он записал в дневнике: «Вчера бал у Бутурлина (Жомини)…» Через год — снова запись по поводу бала у Бутурлина 28 ноября 1834 года: «Бал был прекрасен». Владимир Соллогуб вспоминал о бале у Бутурлина в зимний сезон 1835/36 года, на котором тринадцатилетний сын хозяев Петинька Бутурлин объяснился в любви Наталье Николаевне. Этот комичный случай он приводит в качестве примера, демонстрирующего, что все были без ума от нее. Про себя самого он писал: «Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной». Дантес явно не желал вздыхать по Наталье Николаевне тайно, и через некоторое время о его ухаживаниях заговорили в петербургских гостиных.

Однако, как мы теперь знаем, между двумя письмами Дантеса было еще одно, от 2 февраля 1836 года. Оно вводит весьма существенный мотив готовности молодого француза, действительной или мнимой, следовать советам своего наставника: «Мой драгоценный друг, еще никогда в жизни я так не нуждался в твоих добрых письмах, на душе такая тоска, что они становятся для меня поистине бальзамом. Теперь мне кажется, что я люблю ее еще сильней, чем две недели назад! Право, мой дорогой, это навязчивая идея, которая не отпускает меня ни наяву, ни во сне, страшная пытка, я едва способен собраться с мыслями, чтобы написать тебе несколько банальных строк, а ведь в этом мое единственное утешение — мне кажется, что когда я говорю с тобой, на сердце становится легче. Причин

для радости у меня более чем когда-либо, так как я добился того, что принят в ее доме, но увидеться с ней наедине, думаю, почти невозможно и, однако же, совершенно необходимо; нет человеческой силы, способной этому помешать, потому что только так я вновь обрету жизнь и спокойствие. Безусловно, безумие слишком долго бороться со злым роком, но отступить слишком рано — трусость. Словом, мой драгоценный, только ты можешь быть моим советчиком в этих обстоятельствах: как быть, скажи? Я последую твоим советам, ведь ты мой лучший друг, и я хотел бы излечиться к твоему возвращению, не думать ни о чем, кроме счастья видеть тебя и наслаждаться только одним тобой. Напрасно я рассказываю тебе все эти подробности — они тебя огорчат, но с моей стороны в этом есть чуточка эгоизма, ведь мне-то становится легче. Быть может, ты простишь мне, что я начал с этого, когда увидишь, что на закуску я приберег добрую новость. Я только что произведен в поручики; как видишь, мое предсказание не замедлило исполниться, и пока служба моя идет весьма счастливо — ведь в конной гвардии те, кто был в корнетах еще до моего приезда в Петербург, до сих пор остаются в этом чине».

Заканчивая это письмо и извиняясь за его краткость, Дантес оправдывается тем, что ему «в голову нейдет ничего, кроме нее», имея в виду Наталью Николаевну. Как он пишет, «о ней я мог бы проговорить ночь напролет, но тебе это наскучило бы». Письмо написано спустя пять дней после того, как Дантес был произведен в поручики Кавалергардского полка 28 января 1836 года. Во французской армии этот чин равнялся лейтенантскому. Пишет Дантес и о продвижении по службе князя Александра Ивановича Барятинского, поручика лейб-гвардии Кирасирского полка, откомандированного в марте 1835 года по собственному его прошению в войска Кавказского корпуса. Осенью того же года Барятинский был тяжело ранен, награжден золотой саблей, произведен в очередной чин, представлен к ордену Святого Георгия 4-й степени. Позднее он дослужился до чина генерал-фельдмаршала. О подобной карьере мечтал и автор письма.

В начале февраля 1836 года ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной уже обратили на себя внимание общества. Первое по времени дошедшее до нас свидетельство, ставящее рядом имена Дантеса и жены поэта, принадлежит юной фрейлине Марии Мердер, дочери скончавшегося в 1834 году воспитателя наследника, генерал-адъютанта К. К. Мердера. Она сама была явно увлечена Дантесом, а потому внимательно следила за ним. 5 февраля 1836 года, вернувшись с бала у неаполитанского посланника князя ди Бутера, она записала в дневнике:

«В толпе я заметила д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, — он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившись к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жой Пушкиной, до моего слуха долетело:

— Уехать — думаете ли вы об этом — я этому не верю — вы этого не намеревались сделать…

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, — они безумно влюблены друг в друга! Побыв на балу не более получаса, мы направились к выходу. Барон танцевал мазурку с г-жою Пушкиной. Как счастливы они казались в ту минуту!»

Тем не менее эти ухаживания ни у кого, в том числе и у Пушкина, беспокойства не вызывали. В одном из писем жене из Михайловского всего четырьмя месяцами ранее поэт сравнивал новую поросль деревьев с молодыми кавалергардами на балах. Двумя годами ранее он высказался: «Я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом», — правда, тут же заметив: «Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив». Своеобразным откликом на эти пушкинские слова служит первое упоминание Дантеса о нем: «муж возмутительно ревнив». От внимания Пушкина конечно же не могло укрыться то, что замечали посторонние, да и Наталья Николаевна, как хорошо известно, обо всем рассказывала мужу — до поры до времени. Но это время еще не пришло.

Как следует из письма от 2 февраля 1836 года, Дантес уже был принят в доме Пушкиных, чего никак не могло произойти без ведома его главы и чего бы тот не допустил, если бы счел, что поведение гвардейца выходит за рамки светских приличий. Судя по всему, Дантес оказался принятым в городской квартире Пушкиных в доме Баташева на Гагаринской набережной именно на рождественской неделе, когда общение в свете менее всего стеснялось установленными нормами. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что в предыдущем письме речь шла только о встречах в общественных местах. Таким образом, мы можем теперь более точно датировать время, когда Дантес начал бывать у Пушкиных.

Шестого февраля, на другой день после общения с Натальей Николаевной в доме князя ди Бутера, Дантес был замечен графами Паниными в привычном для него амплуа: «Неудача с маскарадом в Большом театре, где мы нашли один сброд. Дантес выставлял себя напоказ для нашей забавы, и мы вернулись весьма

расстроенные неудачным вечером».

Тот же Соллогуб сообщает: «В ту пору (в феврале 1836 года. — *В. С.)* через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается Дантес».

Один из самых блестящих кавалергардов, князь Александр Трубецкой, так отзывался о Дантесе: «Он был статен, красив; на вид ему было в то время лет 20, много 22 года. Как иностранец он был пообразованнее нас, пажей, и как француз — остроумен, жив, весел. Он был отличный товарищ и образцовый офицер. И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним… В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже принято в нашем обществе».

Пушкин же на слова сестры Ольги Сергеевны по поводу Дантеса: «Как он хорош собой» заметил: «…это правда, он хорош, но рот у него, хотя и красивый, но чрезвычайно неприятный, и его улыбка мне совсем не нравится». Лев Николаевич Павлищев со слов матери рассказывал: «Дантес обладал безукоризненно-правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что называется стеклянными глазами. Ростом он был ниже среднего, к которому очень шла полурыцарская, нарядная, кавалергардская форма. К счастливой внешности следует прибавить неистощимый запас хвастовства, самодовольства, пустейшей болтовни».

Шестого марта Дантес начинает свое очередное письмо Геккерену с уверений в своей к нему привязанности и в победе над «пожиравшей» его до того страсти:

«Мой дорогой друг, я все медлил с ответом, но у меня была настоятельная потребность читать и перечитывать твое письмо. Я нашел в нем всё, что ты обещал: мужество, чтобы вынести свое положение. Да, поистине, в человеке всегда достаточно сил, чтобы одолеть всё, что он считает необходимым побороть, и Господь мне свидетель, что уже с получением твоего письма я принял решение пожертвовать ради тебя этой женщиной. Это было важное решение, но и письмо твое было таким добрым, в нем было столько правды и столь нежная дружба, что я ни мгновения не колебался; с той же минуты я полностью изменил

свое поведение с нею: я избегал встреч так же старательно, как прежде искал их; я говорил с нею со всем безразличием, на какое был способен, но уверен, не выучи я наизусть твоего письма, мне не достало бы духу. На сей раз, слава богу, я победил себя, и от безудержной страсти, которая пожирала меня 6 месяцев и о которой я писал тебе во всех письмах, во мне осталось лишь преклонение да тихое восхищение созданием, заставившим мое сердце биться столь сильно.

Сейчас, когда всё позади, позволь сказать, что твое послание было чрезмерно суровым, ты отнесся к этому слишком трагически и строго наказал меня, стараясь уверить, будто знал, что ничего для меня не значишь, и говоря, что письмо мое было полно угроз. Если оно и вправду имело такой смысл, тогда признаю, что безмерно виновен, но только сердце мое совершенно неповинно. Да и как же твое-то сердце не подсказало тебе тотчас, что я никогда не причиню тебе горя намеренно, тебе, столь доброму и снисходительному ко мне. Видимо, ты окончательно утратил доверие к моему рассудку, правда, был он весьма слаб, но все-таки, мой драгоценный, не настолько, чтобы бросить на весы твою дружбу и думать о себе прежде, чем о тебе. Это было бы даже не эгоизмом, это было бы самой черной неблагодарностью. Ведь доказательство — доверие, которое я выказал тебе; мне известны твои принципы в этой части, так что, открываясь, я знал заранее, что ты ответишь отнюдь не поощрением. Я просил укрепить меня советами в уверенности, что только это поможет мне одолеть чувство, коему я попустительствовал и которое не могло сделать меня счастливым. Ты был не менее суров к ней, написав, будто до меня она хотела принести свою честь в жертву другому, но это невозможно. Верно, что были мужчины, терявшие из-за нее голову, она для этого достаточно прелестна, но чтобы она их слушала, нет! Она же никого не любила больше, чем меня, а в последнее время было предостаточно случаев, когда она могла бы отдать мне всё, и что же, мой дорогой друг? — никогда ничего! Никогда!

Она оказалась гораздо сильней меня, более 20 раз просила она пожалеть ее и детей, ее будущность, и была в эти минуты столь прекрасна (а какая женщина не была бы), что если бы она хотела получить отказ, то она повела бы себя иначе, ведь я уже говорил, что она была столь прекрасна, что казалась ангелом, сошедшим с небес. В мире не нашлось бы мужчины, который не уступил бы ей в это мгновение, такое огромное уважение она внушала; так что она осталась чиста и может высоко держать голову, не опуская ее ни перед кем в целом свете. Нет другой женщины, которая повела бы себя так же. Конечно, есть такие, у

кого с уст куда чаще слетают слова о добродетели и долге, но ни единой с более добродетельной душой. Я пишу тебе об этом не с тем, чтобы ты мог оценить мою жертву, по части жертв я всегда буду отставать от тебя, но дабы показать, насколько неверно можно порою судить по внешнему виду. Еще одно странное обстоятельство: пока я не получил твоего письма, никто в свете даже имени ее при мне не произносил; но едва твое письмо пришло и, словно бы в подтверждение всех твоих предсказаний, я в тот же вечер приезжаю на придворный бал, и Наследник, великий князь, обратясь ко мне, отпускает шутливое замечание о ней, из чего я тотчас заключил, что в свете, должно быть, прохаживались на мой счет, но ее, я уверен, никто никогда не подозревал, а я слишком люблю ее, чтобы захотеть скомпрометировать, притом, как я уже сказал, все кончено, так что, надеюсь, по приезде ты найдешь меня окончательно исцелившимся».

Говоря о зимнем сезоне 1836 года, Н. М. Смирнов, муж А. О. Смирновой-Россет, писал о Дантесе, что «он страстно влюбился в госпожу Пушкину», о ней же самой замечал: «Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то, что искренне любила своего мужа до такой степени, что даже была очень ревнива (что иногда случается в никем еще не разгаданных сердцах светских женщин), или из неосторожного кокетства принимала волокитство Дантеса с удовольствием». Он же писал о том, что Дантес поначалу «нравился даже Пушкину» и что француз «дал ему прозвище Pacha à trois queus[111], когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами».

Давний друг Пушкина, княгиня Вера Федоровна Вяземская — человек не только близкий ему, но и очень наблюдательный и откровенный, — также говорила об искренней любви Натальи Николаевны к мужу и кокетстве с Дантесом. Биографу Пушкина П. И. Бартеневу она рассказывала годы спустя: «Я готова отдать голову на отсечение, что всё тем и ограничивалось и что Пушкина была невинна». Подтверждение этой уверенности мы находим теперь в письмах самого Дантеса.

О их встречах во время Великого поста (с 10 февраля по 28 марта 1836 года) ничего не было известно до публикации писем Дантесу Геккерену. В пост, когда балы прекращались, вечера устраивались без танцев, зато оживлялась концертная жизнь столицы. Дантес в этот период стал постоянным посетителем домов Карамзиных и Вяземских, где непременно бывали сестры Гончаровы, зачастую без Пушкина.

Письма Дантеса, опубликованные Труайя, вызвали

разноречивые толки. На основании письма от 20 января А. А. Ахматова писала в статье «Гибель Пушкина»: «Я ничуть не утверждаю, что Дантес никогда не был влюблен в Наталию Николаевну. Он был в нее влюблен с января 36-го г. до осени. Во втором письме „elle est simple“, всё же — дурочка. Но уже летом эта любовь производила на Трубецкого впечатление довольно неглубокой влюбленности; когда же выяснилось, что она грозит гибелью карьеры, он быстро отрезвел, стал осторожным, в разговоре с Соллогубом назвал ее mijaurée (кривлякой) и narrin (дурочкой, глупышкой), по требованию посланника написал письмо, где отказывается от нее, а под конец, вероятно, и возненавидел, потому что был с ней невероятно груб и нет ни тени раскаяния в его поведении после дуэли».

Полная публикация писем Дантеса Геккерену вносит в эти суждения существенные коррективы, но суть довольно точно очерчена Ахматовой. Под давлением Геккерена Дантес, о чем свидетельствует письмо от 6 марта 1836 года, готов «пожертвовать этой женщиной» ради него. И все же это только слова, страсть оказывается сильнее; он тут же укоряет Геккерена в поклепе, возводимом на честь Натальи Николаевны утверждением, что она хотела «принести свою честь в жертву другому». Дантес оказался меж двух огней — своей любви к Наталье Николаевне и ревности Геккерена.

Благодаря этим письмам роль Геккерена прояснилась окончательно. Еще П. Е. Щеголев, основываясь на дошедших до нас оправданиях голландского посла, осторожно высказался: «… следуя соображениям здравого смысла, мы более склонны думать, что барон Геккерен не повинен в сводничестве: скорее всего, он действительно старался о разлучении Дантеса и Пушкиной».

«Соображения здравого смысла» теперь обрели более твердое основание в письмах Дантеса. Хотя до нас и не дошли ответные письма посла своему приемному сыну, реакция Дантеса на них является весомым доказательством ревности его корреспондента к Наталье Николаевне. Поначалу он пытался очернить ее в глазах Дантеса, а когда это не удалось, то предпринял всё возможное, чтобы отдалить их друг от друга.

В следующем письме Геккерену от 28 марта Дантес признается: «Хотел написать тебе, не упоминая о ней, однако, признаюсь откровенно, письмо без этого не идет, да к тому же я обязан тебе отчетом о своем поведении после получения твоего последнего письма; как я и обещал, держался я стойко, отказался от свиданий и от встреч с нею: за эти три недели я говорил с нею 4 раза и о вещах совершенно незначительных, а ведь Бог свидетель, мог бы проговорить 10 часов кряду, пожелай высказать

хотя бы половину того, что чувствую, когда вижу ее; признаюсь откровенно — жертва, принесенная ради тебя, огромна. Чтобы так твердо держать слово, надобно любить так, как я тебя; я и сам бы не поверил, что мне достанет духу жить поблизости от женщины, любимой так, как я ее люблю, и не бывать у нее, имея для этого все возможности. Не могу скрыть от тебя, мой драгоценный, что безумие это еще не оставило меня, однако сам Господь пришел мне на помощь: вчера она потеряла свекровь, так что не меньше месяца будет вынуждена оставаться дома, и невозможность видеться с нею позволит мне, быть может, не предаваться этой страшной борьбе, возобновлявшейся ежечасно, стоило мне остаться одному: идти или не идти. Признаюсь, в последнее время я просто боюсь оставаться в одиночестве дома и часто выхожу на воздух, чтобы рассеяться, а чтобы ты мог представить, как сильно и с каким нетерпением я жду твоего приезда, а отнюдь не боюсь его, скажу, что я считаю дни до той поры, когда рядом будет кто-то, кого я мог бы любить: на сердце так тяжело и такая потребность любить и не быть одиноким в целом свете, как одинок сейчас я, что 6 недель ожидания покажутся мне годами».

В очередном послании Геккерену Дантес только в самом конце, как бы вскользь, упоминает: «Не хочу рассказывать тебе о своих сердечных делах, так как пришлось бы писать столько, что никогда бы не кончил. Тем не менее, все идет хорошо, и лекарство, что ты мне дал, оказалось благотворным, миллион раз благодарю тебя, я понемножку возвращаюсь к жизни и надеюсь, что деревня исцелит меня окончательно: несколько месяцев я не буду видеть ее». В этом же письме сообщается о смерти графа В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, скончавшегося 5 апреля 1836 года. На этом основании можно датировать его серединой апреля, так как Дантес предполагает, что Геккерену уже известно об этой кончине. Письмо дает возможность уточнить расположение квартиры Геккерена, в которой жил и Дантес: тот сообщает, что хозяева дома Завадовские хотели предпринять в 1836 году его достройку (эти планы тогда не были претворены в жизнь). Поскольку Дантес пишет, что надстраивать будут над квартирой «мадам Влодек», а дом был двухэтажный на подвалах, это значит, что Геккерен с Дантесом занимали его первый этаж[112].

Интересно сопоставить последние письма Дантеса Геккерену с письмами того же времени сестер Гончаровых, прежде всего Екатерины Николаевны, брату Дмитрию. Общность затронутых в них тем дает основание говорить о том, что они обсуждались в беседах Дантеса с Гончаровыми; значит, Дантес продолжал у них бывать. Первая общая тема — ранний ледоход на Неве, с сообщения о котором начинает Дантес свое очередное письмо. В

1836 году Нева очистилась ото льда 22 марта. Екатерина Николаевна Гончарова писала об этом 27 марта брату Дмитрию, в очередной раз прося денег: «Нева прошла 22 числа, так что в минуту глубокого отчаяния, после визита какого-нибудь любезного кредитора, ничего не будет удивительного, если мы пойдем к реке топиться…» Но эта тема могла возникнуть независимо от встреч Дантеса с Пушкиными и Гончаровыми. А вот о смерти свекрови Натальи Николаевны, матери Пушкина, не принадлежавшей к свету, Дантес вряд ли мог бы узнать в тот же день, если не встречался с кем-то из членов семьи Пушкина. Надежда Осиповна скончалась утром 29 марта 1836 года в Светлое воскресенье; приходится предполагать, что Дантес начал свое письмо 28 марта и продолжил на следующий день. Екатерина Николаевна сообщает 27 марта брату Дмитрию: «Свекровь Таши в агонии, вчера у нее были предсмертные хрипы, врачи говорят, что она не доживет до воскресения».

Есть в этой переписке и другие совпадения тем. Прежде всего это обсуждение предстоящей свадьбы Ольги Викентьевны Голынской, двоюродной сестры Гончаровых, и французского писателя Франсуа Адольфа Леве-Веймара. Екатерина Николаевна, сообщив брату о свадьбе другой своей кузины, пишет и о предстоящем замужестве Ольги, но ошибаясь с именем жениха-писателя: «И потом еще новость в отношении ее сестры Ольги, которая, как говорят, выходит замуж за Бальзака. Как видишь мы совсем олитературимся».

Дантес сообщает в апрельском письме, имея в виду секретаря нидерландского посольства барона Иоганна Геверса, которого они с Геккереном каламбурно называли Жан-Вер[113]: «Ты помнишь, что Жан-Вер просил руки сестры красавицы графини Борх[114] и ему, как и следовало ожидать, отказали. Что же, его соперник победил и вскоре получит ее в жены». Ольга Викентьевна Голынская стала женой Леве-Веймара 1 октября 1836 года.

Между письмами сестер Гончаровых и Дантеса есть и еще одно любопытное совпадение. В апрельском письме Александра Николаевна уже сообщает брату о том, что они наняли дачу на Каменном острове, надеются на прогулки верхом, и просит прислать лошадей. В следующем, также апрельском письме Александра Николаевна снова обращается с просьбой прислать лошадей для нее и сестры: «Я могла бы купить себе лошадь здесь. Есть по 150 и 200 рублей очень красивые, *но всё деньги, даровые дешевле».*

Дантес также просит у Геккерена лошадей: «Я огорчен, дорогой мой друг, что ты не решился купить в Голландии

лошадей, хотя бы для себя; лошади для меня — это всего лишь моя фантазия и просьба на тот случай, если тебе позволят деньги, но при отсутствии оных об этом и речи быть не может».

После этого письма наступает семимесячный перерыв в эпистолярном общении Дантеса с Геккереном, так как последний вернулся в Петербург и приступил к исполнению своих обязанностей. Одновременно прекращаются до осени и встречи Дантеса с Натальей Николаевной, переставшей выезжать в ожидании появления на свет четвертого ребенка.

История с Соллогубом

В начале 1836 года напряженное состояние Пушкина находит себе выход в трех дуэльных историях. Все они закончились примирением с вызванными им людьми: князем Репниным-Волконским, соседом Гончаровых по Полотняному Заводу С. С. Хлюстиным, и графом В. А. Соллогубом.

История с последним была связана с Натальей Николаевной и началась еще в конце 1835 года, перед отъездом Соллогуба из Петербурга. Он вспоминал позднее, не называя точных дат: «Накануне моего отъезда я был на вечере вместе с Нат<альей> Ник<олаевной> Пушкиной, которая шутила над моей романтической страстью и ее предметом. Я ей хотел заметить, что она уже не девочка, и спросил, давно ли она замужем. Затем разговор коснулся Ленского, очень милого поляка, танцевавшего тогда превосходно мазурку на петербургских балах. Всё это было до крайности невинно и без всякой задней мысли. Но присутствующие дамы соорудили из этого разговора целую сплетню: что я будто оттого говорил про Ленского, что он будто нравится Наталье Николаевне (чего никогда не было), и что она забывает о том, что она еще недавно замужем. Наталья Николаевна, должно быть, сама рассказала Пушкину про такое странное толкование моих слов, так как она вообще ничего от мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную натуру. Пушкин написал тотчас ко мне письмо, никогда ко мне не дошедшее, и, как мне было передано, начал говорить, что я уклоняюсь от дуэли… В Ржеве я получил от Андрея Карамзина письмо, в котором он меня спрашивал, зачем же я не отвечаю на вызов А. С. Пушкина: Карамзин поручился ему за меня, как за своего дерптского товарища, что я от поединка не откажусь. <… > Пушкина я знал очень мало, встречался с ним у Карамзиных, смотрел на него, как на полубога. И вдруг, ни с того ни с сего, он вызывает меня стреляться, тогда как перед отъездом я с ним не виделся вовсе. <…> Получив объяснение, я написал Пушкину,

что я совершенно готов к его услугам, когда ему будет угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по таким-то и таким-то причинам».

Пушкин ответил письмом, текст которого Соллогуб привел в своих воспоминаниях: «М<илостивый> г<осударь>. Вы приняли на себя напрасный труд, сообщив мне объяснения, которых я не спрашивал. Вы позволили себе невежливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посещаемое, вынуждают меня требовать от вас сатисфакции за непристойность вашего поведения. Извините меня, если я не мог приехать в Тверь прежде конца настоящего месяца».

После обмена подобными письмами дуэль представлялась неизбежной. Соллогуб пишет: «Делать было нечего, я стал готовиться к поединку, купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться и прождал так напрасно три месяца. Я твердо, впрочем, решился не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно. Пушкин всё не приезжал, но расспрашивал про дорогу».

Неожиданная смерть матери поэта переменила его планы. Он отправился хоронить Надежду Осиповну в Святые Горы. Только 1 мая он смог, наконец, по дороге в Москву заехать в Тверь, чтобы закончить дело с Соллогубом. В гостинице Гальони, где он, как всегда, остановился, его в тот же день навестил князь Н. Д. Козловский, секундант Соллогуба, с письмом от последнего, только что уехавшего из Твери.

Соллогуб вспоминал: «Весной я поехал из Твери в деревню на два дня; вечером в Тверь приехал Пушкин. На всякий случай я оставил письмо, которое ему отвез мой секундант князь Козловский. Пушкин жалел, что не застал меня, извинялся и был очень любезен и разговорчив с Козловским. На другой день он уехал в Москву. На третий я вернулся в Тверь и с ужасом узнал, с кем я разъехался. Первой моей мыслью было, что он подумает, пожалуй, что я от него убежал. Тут мешкать было нечего. Я послал тотчас за почтовой тройкой и без оглядки поскакал прямо в Москву, куда приехал на рассвете, и велел везти меня прямо к П. В. Нащокину, у которого останавливался Пушкин. В доме все еще спали».

Пушкин выехал из Твери утром 2 мая, пробыл в пути весь день, так что прибыл в Москву после полуночи, нагрянув прямо к Нащокину в Воротниковский переулок и провел у него всё воскресенье 3 мая, отдыхая после дороги. Соллогуб, заявившийся в нащокинский дом утром 5 мая, вспоминал: «Я вошел в гостиную и велел человеку разбудить Пушкина. Через несколько минут он вышел ко мне в халате, заспанный, и начал чистить

необыкновенно длинные ногти. Первые взаимные приветствия были довольно холодны. Он спросил меня, кто мой секундант. Я отвечал, что секундант мой остался в Твери, что в Москву я только приехал и хочу просить быть моим секундантом известного генерала князя Ф. Гагарина. Пушкин извинился, что заставил меня так долго дожидаться, и объявил, что его секундант П. В. Нащокин. Затем разговор несколько оживился, и мы начали говорить о начатом им издании Современника. „Первый том был очень хорош, сказал Пушкин. Второй я постараюсь выпустить поскучнее: публику баловать не надо“. Тут он рассмеялся, и беседа между нами пошла почти дружеская, до появления Нащокина. Павел Войнович явился в свою очередь заспанный, с взъерошенными волосами, и, глядя на мирный его лик, я невольно пришел к заключению, что никто из нас не ищет кровавой развязки и что дело в том, как бы всем выпутаться из глупой истории, не уронив своего достоинства. Павел Войнович тотчас приступил к роли примирителя. Пушкин непременно хотел, чтобы я перед ним извинился. Обиженным он, впрочем, себя не считал, но ссылался на мое светское значение и как будто боялся компрометировать себя в обществе, если оставить без удовлетворения дело, получившее уже в небольшом кругу некоторую огласку. Я с своей стороны объявил, что извиняться перед ним ни под каким видом не стану, так как я не виноват решительно ни в чем; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны в таком-то смысле. Спор продолжался довольно долго. Наконец, мне было предложено написать несколько слов Наталье Николаевне. На это я согласился, написал прекудрявое французское письмо, которое Пушкин взял и тотчас же протянул мне руку, после чего сделался чрезвычайно весел и дружелюбен».

Примирившись с Соллогубом, Пушкин сказал ему: «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? Да нечего делать. Я имею несчастье быть общественным человеком, а вы знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной».

Анонимные письма

Двенадцатого сентября 1836 года Пушкин со всем семейством переезжает с дачи на вновь снятую квартиру на набережной Мойки в дом княгини Софьи Григорьевны Волконской, родной сестры декабриста князя Сергея Волконского и супруги светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. Из этой самой квартиры уезжала в Сибирь за своим мужем Мария Николаевна Волконская, некогда воспетая поэтом, оставив здесь сына Николая, который скончался в этом же доме 17 января 1828 года, двух лет от роду.

О состоявшемся переезде Екатерина Николаевна Гончарова сообщает брату в первом письме из новой городской квартиры, отправленном 15 сентября: «Вот уже три дня, как мы вернулись в город; мы сменили квартиру и живем теперь на Мойке *близ новаго Конюшеннаго моста в доме княгини Волконской*». Местоположение дома было во всех отношениях великолепно: он находился в одном из самых престижных районов столицы, во Второй Адмиралтейской части, в первом квартале, под номером семь, окнами на Мойку, с видом на особняки Первой Адмиралтейской. Хорошо просматривалась и часть Дворцовой плошали со зданием Главного штаба, где Пушкин работал в архиве и состоял в Коллегии иностранных дел. Над площадью возвышалась Александровская колонна (мы упоминали, что поэт некогда избежал участия в ее торжественном открытии, уехав в Полотняный Завод к ожидавшей его Наталье Николаевне).

Пушкин как будто подводит итог своей жизни. Через реку, наискосок от дома Волконских, известного теперь как «Мойка, 12», виден дом купца Кувшинникова, ныне дом 13, в котором Пушкин, приехавший в Петербург для поступления в Лицей, жил с дядюшкой Василием Львовичем в 1811 году. Таким образом, его последняя квартира находилась в том уголке столицы, с которого начиналась его петербургская жизнь. Пушкин снял квартиру на два года, но ему было суждено прожить в ней всего четыре с половиной месяца. Ее окна обращены были на Конюшенное придворное ведомство с церковью Спаса Нерукотворного Образа, в которой будут отпевать поэта.

По контракту о сдаче внаем, датированному 1 сентября 1836 года, квартира занимала в доме «весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат, состоящий со службами, как-то: кухней и при ней комнатой в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом; сверх

того две комнаты и прачечную, взойдя на двор налево — в подвальном этаже во втором проходе сроком на два года». Плата была назначена в 4300 рублей в год с выплатой вперед за каждые три месяца.

В квартиру въехали Пушкин с Натальей Николаевной, обе ее сестры и четверо детей. Для такого большого семейства жилье было вовсе не так просторно, как может показаться. Предыдущее, в доме Баташева, состояло из двадцати комнат. В число наемной прислуги входили четыре горничные, две няни, кормилица, камердинер, лакей, два служителя, повар, прачка, полотер, кухонный мужик и слуга Петр Крылов — итого, 16 человек, не считая крепостных, среди которых были конечно же Никита Козлов, Иван и Василий Калашниковы, Маланья Семенова, Анна Михайлова, Елена Федорова, а также кучера, конюхи, форейторы и т. д. Часть прислуги — няни и кормилица — проживала в основных комнатах вместе с маленькими детьми.

На обороте листа с заметкой «О „Путешествии в Сибирь“ Шаппа д’Отроша» Пушкин делает запись о ежемесячных расходах семьи на квартиру, лошадей, кухню и пр. Итоговая цифра — 17 тысяч рублей в год. Таких денег Пушкин не имел, так что приходилось жить в долг (вспомним «Онегина»: «Долгами жил его отец…»). Вскоре после переезда на новую квартиру Пушкин вновь занимает деньги под проценты у своего прежнего кредитора — известного ростовщика прапорщика В. Г. Юрьева. На этот раз было взято сразу десять тысяч рублей с возвратом до 1 февраля 1837 года (но в этот самый день состоялось отпевание Пушкина). В канун 1837 года, 30 декабря, Наталья Николаевна заняла у Юрьева еще 3900 рублей. Совершенно очевидно, что этот вексель был выдан ею, так как предыдущий, подписанный самим Пушкиным, еще не был погашен.

В очередной раз приходилось прибегать к услугам ростовщика — больше занять Пушкиным было просто не у кого. Надежды на доходы от «Современника» явно не оправдались, зато приходили всё новые счета за бумагу. Один только счет от бумажной фабрики Е. Н. Кайдановой за бумагу, поставленную со 2 апреля по 26 июня 1836 года, составил 2935 рублей. На нем имеется пометка об уплате 14 августа 487 рублей 50 копеек, а оставшиеся 2447 рублей Пушкин 28 октября обязался уплатить «в исходе нынешнего 1836 года», видимо, еще рассчитывая на доходы от «Современника» (после его смерти эту сумму заплатит Опека).

Французский книжный магазин Ф. Беллизара 9 ноября выставил счет в 3713 рублей за купленные книги. На следующий день поэт подписал обязательство об оплате долга в три срока:

700 рублей — 10 января 1837 года, 1500 — к 19 апреля и остальное — к 1 сентября. 10 января состоялась свадьба Екатерины Гончаровой с Дантесом, и лишь спустя два дня Пушкин зашел в магазин к Беллизару, но смог отдать только половину суммы, причитавшейся книготорговцу к этому сроку (остальное также впоследствии погасит Опека). По счету книжного магазина Пушкин всё же платил, хотя бы частично, — книги ему были необходимы, и он постоянно заходил к Беллизару. В тот же день Пушкин уплатил и 60 рублей в модный магазин m-me Зои Мальпар. 13 января пришлось погасить часть долга в 500 рублей каретному мастеру И. Эр-гарту и 315 рублей в мебельный магазин Гамбса; оставшийся долг первому составлял 410 рублей 70 копеек, второму — 772 рубля 50 копеек. То же происходило и с портным Ж. Бригелем. К примеру, по его счету от 10 августа 1835 года на сумму 1142 рубля поэт частями расплачивался до конца 1836-го, и все равно остаток в 530 рублей перешел к Опеке. По этому счету должен был быть оплачен и черный сюртук, простреленный в день дуэли с Дантесом. Сохранился и еще один, более поздний счет от Бригеля на сумму 1065 рублей без помет об оплате. В этот счет входит и сумма за пошив Бригелем жилета, который будет надет на поэте в день дуэли с Дантесом. Этот черный двубортный суконный жилет с воротником и черными роговыми пуговицами, разорванный и зашитый с одного бока, сохранил на память Вяземский, и сейчас он выставлен в квартире Пушкина на Мойке, 12.

К тратам собственного семейства прибавлялись и неизбывные долги Льва Сергеевича. А. П. Плещеев 3 октября в письме настоятельно потребовал от Пушкина возвратить ему остаток долга его брата в 500 рублей ассигнациями и 30 червонцев, заметив: «…ты не такой бедняк, а я не такой богач, чтобы тебе не платить, а мне не требовать… Вот тебе и вся сказка, которая может быть тебе не так приятна, как нам твои».

Главный труд, которым, помимо «Истории Петра», был в ту пору занят Пушкин, — «Капитанская дочка». В середине сентября он набело переписывает роман. Им самим в эти дни владеет состояние, сходное с тем, которое испытывал Петруша Гринев, вступившийся за честь оскорбленной Швабриным Маши Мироновой.

В четверг 17 сентября Пушкин с женой и свояченицами проводит вечер в Царском Селе у Карамзиных по случаю именин Софьи Николаевны Карамзиной. Среди гостей был и Дантес. В письме брату именинница подробно описывает праздничный обед, превратившийся в собрание почти всего карамзинского кружка: «Обед был превосходный: среди гостей были Пушкин с

женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А. Голицын, Аркадий и Шарль Россет (Клементия они позабыли в городе, собираясь впопыхах), Скалон, Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские (тетушка осталась в Петербурге ожидать дядюшку, который еще не возвратился из Москвы) и Жуковский». После обеда состав гостей пополнился: «…в девять часов пришли соседи: Лили Захаржевская, Шевичи, Ласси, Лидия Блудова, Трубецкие, графиня Строганова, княгиня Долгорукова (дочь князя Дмитрия), Клюпфели, Баратынские, Абамелек, Герсдорф, Золотницкий, Левицкий, один из князей Барятинских и граф Михаил Виельгорский, — так что получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который всё время грустен, задумчив и чем-то озабочен. *Он своей тоской и на меня тоску наводит.* Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает всё те же штуки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, всё же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как всё это глупо. Когда приехала графиня Строганова, я попросила Пушкина пойти поговорить с ней. Он было согласился, краснея (ты знаешь, что она — одно из его *отношений,* и притом рабское), как вдруг вижу — он внезапно останавливается и с раздражением отворачивается. „Ну, что же? — *Нет, не пойду, там уж сидит этот граф. — Какой граф? — Д 'Антес. Гекрен что ли!“».*

При всей горечи, которую испытывал Пушкин, наблюдавший сцену, происходившую между Натальей Николаевной и Дантесом, в последнем диалоге звучит ирония, даже издевка: прекрасно осведомленный о произошедшей к лету перемене фамилии поклонника его жены и баронском титуле Геккерена, он как бы по ошибке называет Дантеса графом и коверкает его новую фамилию. Совершенно очевидно, что после лета, когда Наталья Николаевна не выезжала, Дантес возобновил свои ухаживания, нисколько их не скрывая и даже афишируя, лишь формально прикрываясь своим явно показным вниманием к ее сестре Екатерине. Рассказ наблюдательной Софьи Николаевны впервые фиксирует эту ситуацию — до нее об ухаживании Дантеса за Екатериной Гончаровой никто не сказал ни слова. Можно предположить, что еще с конца лета, когда кавалергарды вернулись на Острова, Екатерина, влюбившаяся в Дантеса,

соглашается на роль его доверенного лица — не столько посредницы, сколько ширмы, и фактически становится его шпионом в доме Пушкиных.

Осенью 1836 года, еще до того, как Дантесу (теперь официально Геккерену-младшему) Пушкин отказал от дома, он отправил записку к Геккерену-старшему. Сохранившийся ее черновик, с раскрытием недостающих букв, дает следующий текст:

Mons<ieur> le Ba<ron.>

Ma f<emme> et mes b<elles-sœurs> ne manqueront pas de se rendre à l'invita<tion>de V<otre> Exce<llence>.

Je m'empresse de profiter de cette <occasion> pour vous presenter Pho<mmage> de m<on respect>[115].

Речь здесь идет об официальном приглашении, к тому же относящемся ко времени, когда Екатерина Гончарова еще не стала женой Дантеса, ибо после их свадьбы Пушкин мог выступать от имени только одной свояченицы — Александрины.

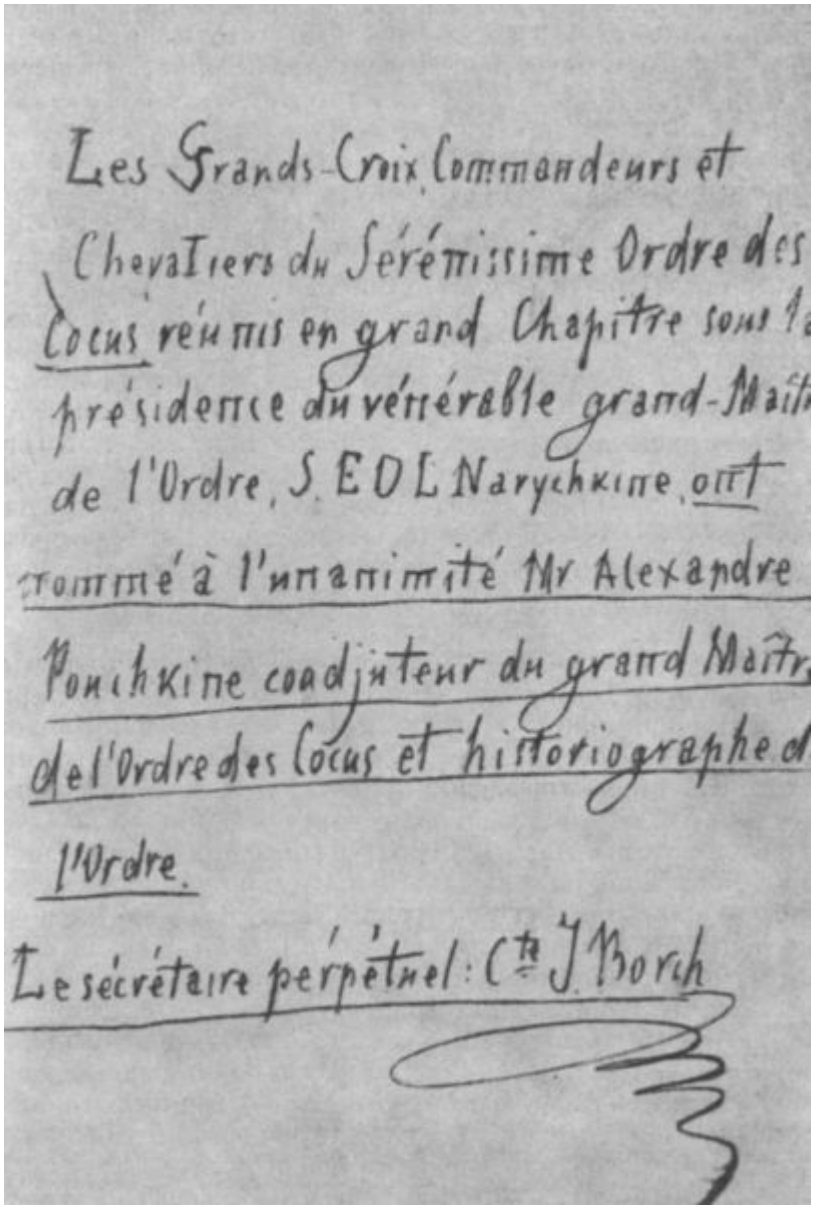
В письме Александра Карамзина от 30 сентября 1836 года брату Андрею за границу встречается упоминание об этом вечере у Геккерена: «Вчера еще я был на музыкальном вечере у Геккерна, где меня представили госпоже Сухозанет. <…> Наконец, я отдохнул в кругу Гончаровых». Это был домашний концерт гастролировавшего тогда в Петербурге бельгийского скрипача Иосифа Арто, на который были приглашены великосветские знакомые старшего и младшего Геккеренов. Употребленное выражение «в кругу Гончаровых» говорит о том, что сестер было трое, ибо только так мог составиться круг. Ни о каких других вечерах или балах в доме не только Геккерена, но и какого-либо другого барона, где были бы Гончаровы, да еще без Пушкина, неизвестно. Но если адресатом записки был именно Геккерен, то не могла ли она относиться к другому визиту сестер Гончаровых в его дом? Время подобного визита хронологически ограничено. Не говоря уже о том, что по отличительным признакам бумаги записка не могла быть написана раньше июня 1836 года, следует еще учесть, что Наталья Николаевна после рождения 23 мая дочери Натальи почти всё лето не покидала дачи. В первой половине июля она начала выезжать, но сезон балов еще не наступил, так как гвардия не вернулась с маневров. Первый раз Пушкины всем семейством выехали 13 июля, проведя вечер у графини Лаваль. С начала августа Гончаровы появлялись на вечерах, которые могли устраивать на Островах только представители высшей знати, владельцы собственных дач. Барон Геккерен к их числу не принадлежал. Только после того, как в середине сентября Пушкины перебрались с дачи в город, они

могли посетить вечер у Геккерена. В середине же октября, когда ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной стали предметом светских пересудов, Пушкин ни за что бы не отпустил ее в дом Геккерена, если сам поехать не мог. Учитывая все эти обстоятельства, интересующую нас записку следует адресовать барону Геккерену и датировать примерно 29 сентября 1836 года.

Со времени переезда в город на последнюю квартиру возобновилась светская жизнь Натальи Николаевны, вновь все о ней заговорили после длительного перерыва. Слухи о ее успехах в свете докатились даже до далеких от нее людей, вроде Анны Николаевны Вульф, которая 10 октября написала сестре Евпраксии Николаевне Вревской: «Я здесь меньше об нем (Пушкине. — *В. С.)* слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят еще, чем об нем; по-прежнему я время от времени слышу, как кто-нибудь восторженно кричит о ее красоте».

Четырнадцатого октября вернулись из Царского Села в город Карамзины и тотчас начали принимать гостей. Вечером 18 октября Пушкины со свояченицами были у молодоженов Валуевых, где пили чай. С. Н. Карамзина писала: «Вечером Мари устроила у себя чай, были неизбежные Пушкины и Гончаровы, Соллогуб и мои братья. Мы не смогли туда поехать, потому что у нас были гости». Приехавший к Карамзиным от Валуевых Соллогуб рассказал, что был вечер «семи спящих». Заключая рассказ о возобновлении своих вечеров, Софья Николаевна сообщала своей корреспондентке: «…возобновились наши вечера, на которых с первого дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром, Александрина — с *Аркадием,* к полуночи Вяземский, и милый Скалон, и бестолковый Соллогуб[116]…»

Наталья Николаевна также завела приемные часы для самых близких людей и стала по субботам устраивать завтраки. Александр Николаевич Карамзин пишет брату Андрею 6 ноября: «Завтра опять-таки я иду, если это тебя интересует, на завтрак к госпоже Пушкиной, что совершаю каждую субботу, сопровождая это кучей любезностей». Так начался новый светский сезон, последний для Пушкина с Натальей Николаевной; вновь сорвались планы поэта относительно осенней поездки в деревню. Он пишет отцу 20 октября: «Я рассчитывал побывать в Михайловском — и не мог. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью».


Les Grands-Croix Commandeurs et
Chevaliers du Séréniſſime Ordre des
Cocus réunis en grand Chapitre sous la
présidence du vénérable grand-Maît
de l'Ordre, S.E.D.L. Narychkine, ont
nommé à l'unanimité Mr Alexandre
Ponchkine coadjuteur du grand Maît
de l'Ordre des Cocus et hiſtoriographe d
l'Ordre.
Le secrétaire perpétuel: Cte J. Borch

Анонимный пасквиль, полученный А. С. Пушкиным 4 ноября 1836 года

Четвертого ноября 1836 года с утренней городской почтой Пушкину пришло анонимное письмо в двойном конверте. Такие же получили несколько человек из самого близкого окружения поэта, принадлежавшие к карамзинскому кружку. Пасквиль был написан измененным почерком, полупечатными буквами на

французском языке:

«Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du Serenis-sime Ordre des *Cocus,* réunis en grand Chapitre sous la présidence du venerable Grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, *ont nommë a I 'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand Maître de I 'Ordre des Cocus et historiographe de I Ordre.*

Le sécrétaire pérpétuel: Cte J. Borch[117]».

А. А. Ахматова, начиная свою статью «Гибель Пушкина», заметила, что сочла необходимым «уничтожить неправду», что представлялось ей возможным «благодаря длинному ряду вновь появившихся документов», незнакомых ее предшественнику П. Е. Щеголеву, к числу которых относились письма Карамзиных, дневник княжны Марии Барятинской, письма П. А. Вяземского графине Э. К. Мусиной-Пушкиной и, наконец, письма Дантеса Геккерену, в которых он писал о своей любви к неназванной им, но легко узнаваемой Наталье Николаевне. Однако и Анне Андреевне, и позднейшим исследователям, в том числе С. Л. Абрамович, не были известны *все* письма к Геккерену, ставшие доступными лишь в последнее время.

Разделяя суждения Ахматовой в отношении роли Полетики и Трубецкого в дуэльной истории, творений Араповой и места Александрины, в одном нельзя полностью согласиться с ее мнением — в оценке места, занимаемого в событиях Натальей Николаевной. Разобраться в этом вопросе следует, пользуясь тем же инструментарием, которым столь искусно владела Анна Андреевна: строгой логикой, анализом психологии поведения сторон и документов, главным образом тех, которые ранее не были известны.

Наталье Николаевне в построениях Ахматовой отводится роль «жертвы Геккерена». «Она была задумана как передатчица Пушкину неудачи его политики. (Это то, что Пушкин считал актом доверия с ее стороны и чем он очень гордился.)». Причины отправления диплома видятся Ахматовой в следующем: «Очевидно, голландский посланник, желая разлучить Дантеса с Натальей Николаевной, был уверен, что „le mari d'une jalousie révoltante (возмутительно ревнивый муж)", получив такое письмо, немедленно увезет жену из Петербурга, пошлет к матери в деревню (как в 1834 г.) — куда угодно, и все мирно кончится. Оттого-то все дипломы были посланы *друзьям* Пушкина, а не врагам, которые, естественно, не могли увещевать поэта». Что касается *друзей,* то с этим нельзя не согласиться, как и с самим рассуждением автора пасквиля. Труднее — или вовсе невозможно — принять, что этим автором был Геккерен. Признать правильность этого предположения значит категорически не

согласиться с мнением, высказанным самой же Ахматовой, что Геккерен «безупречно провел всю задуманную игру».

В последние годы с легкой руки С. Л. Абрамович утвердилось мнение, что диплому предшествовало свидание Натальи Николаевны с Дантесом, подстроенное Идалией Полетикой на своей квартире. П. Е. Щеголев считал, что оно имело место в январе. Теперь его датой называется 2 ноября 1836 года. В этот день Пушкин, состоявший в Российской академии, вместе с А. С. Шишковым, А. Х. Востоковым, М. Е. Лобановым, И. И. Панаевым и другими ее членами принял участие в торжественном чествовании известного физиолога и анатома, профессора Медико-хирургической академии П. А. Загорского по случаю пятидесятилетия его научной деятельности.

К этому же дню относится письмо Дантеса Геккерену, которое многое проясняет в преддуэльной ситуации:

«Дорогой друг, я хотел говорить с тобой сегодня утром, но у меня было так мало времени, что я просто не смог этого сделать. Вчера я случайно провел весь вечер наедине с известной тебе дамой, правда, „наедине“ означает, что в течение почти часа я был единственным из мужчин у княгини Вяземской. Можешь себе представить мое состояние; в конце концов, я собрал мужество и вполне сносно сыграл свою роль и даже был довольно весел. В общем, я неплохо продержался до 11 часов, но потом силы меня оставили и такая охватила слабость, что я едва успел выйти из гостиной, а оказавшись на улице, расплакался, как дурак, отчего, правда, мне полегчало, так как я задыхался; после же, когда вернулся к себе, оказалось, что у меня страшная лихорадка, ночью я глаз не сомкнул и так страдал душой, что едва не сошел с ума.

Вот почему я решился прибегнуть к твоей помощи и умоляю исполнить вечером то, что ты мне обещал. Ты обязательно должен поговорить с нею, чтобы я, наконец, знал, как мне быть.

Сегодня вечером она едет к Лерхенфельдам, так что, отказавшись от карт, ты улучишь минутку для разговора с ней.

Вот мое мнение: я полагаю, ты должен откровенно обратиться к ней и сказать, но так, чтобы не слышала сестра, что тебе совершенно необходимо серьезно с нею поговорить. Затем спроси ее, не была ли она случайно вчера у Вяземских; когда же она ответит утвердительно, ты скажешь, что так и полагал и что она может оказать тебе величайшую услугу; ты расскажешь ей о том, что со мной вчера произошло по возвращении, так, словно ты был свидетелем: будто мой слуга перепугался и прибежал разбудить тебя в два часа ночи, ты меня долго расспрашивал, но так ничего и не смог от меня добиться, и что ты убежден, что у меня

произошла ссора с ее мужем, а к ней обращаешься, чтобы предотвратить беду (мужа там не было). Это только докажет, что не я рассказал тебе о том вечере, а это крайне необходимо. Ведь надо, чтоб она думала, будто во всем, что касается ее, я таюсь от тебя и ты расспрашиваешь ее лишь как отец, принимающий участие в своем сыне; и тут было бы недурно в разговоре намекнуть ей, будто ты убежден, что отношения у нас куда более близкие, чем на самом деле, но тут же найди возможность, как бы оправдываясь, дать ей понять, что, во всяком случае, если судить по ее поведению со мной, их не может не быть.

Словом, самое трудное начать, и мне кажется, что такое начало весьма удачно; как я уже говорил, она ни в коем случае не должна заподозрить, что этот разговор подстроен, пусть видит в нем лишь вполне естественное чувство тревоги за мое здоровье и будущее, и настоятельно потребуй сохранить его в тайне ото всех и особенно от меня. Однако будет, пожалуй, куда осмотрительней, если ты не сразу попросишь ее принять меня, ты можешь сделать это в следующий раз, а еще остерегайся употреблять выражения, которые были в том письме. Еще раз умоляю тебя, мой дорогой, прийти мне на помощь, я всецело отдаю себя в твои руки. Потому что, если эта история будет продолжаться, я не буду знать, какими она грозит мне последствиями. Я сойду с ума.

Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что… (далее несколько слов неразборчиво. — *В. С.*)».

Это письмо было написано в разгар событий, развернувшихся в начале ноября 1836 года и создавших первую дуэльную ситуацию, разрешившуюся браком Дантеса и Екатерины Николаевны. Письмо, являющееся ключом для их понимания, не датировано Дантесом, однако могло быть составлено только в последних числах сентября, так как упоминаемая в нем княгиня Вяземская лишь к этому времени вернулась в Петербург, и только во время одного из очередных дежурств Дантеса по полку, когда он был разлучен с Геккереном. О том, что он находится в полку, он сам сообщает своему корреспонденту. Письмо написано или до болезни Дантеса, то есть до 19 октября, когда полковой врач дал ему увольнительную от службы, или после выздоровления, когда он снова приступил к исполнению своих обязанностей.

Еще в октябре Пушкин предложил Дантесу объясниться, и конечно же в разговоре не обошлось без резкостей, так что кавалергарду было отказано от дома и даже запрещено появляться на его пороге. Так Пушкин предотвратил встречи жены с поклонником хотя бы в собственном доме. Дантес же принял свои меры — стал искать и в конце концов нашел

возможность увидеться с ней наедине. Такая встреча в постороннем доме неизбежно должна была привести его отношения с Натали к драматическому и бесповоротному исходу. Это тот самый отказ, о котором князь Александр Трубецкой рассказывал матери княжны Марии Барятинской. Мы знаем, что на каком-то вечере состоялось решительное объяснение Дантеса с Натальей Николаевной, когда она отвергла его притязания, на которые он никак не решился бы, будучи в доме Пушкиных.

Дантес в своем письме буквально диктует Геккерену, как он должен повести себя с женой Пушкина. В хронике этих дней, предшествовавших появлению 4 ноября анонимных писем, была значительная лакуна, так как мы не знали, где и когда Геккерен, по выражению Пушкина, употребленному в обвинительном письме голландскому посланнику (отосланном 26 января 1837 года, но написанном сразу же после получения пасквиля), «отечески сводничал» своему «так называемому сыну». Теперь ясно, что это произошло на вечере у баварского посланника графа Лерхенфельда. Тот устраивал свои вечера по понедельникам, что, в частности, подтвердил и дневник графов Паниных, который долгие годы хранился в архиве Института истории и теперь стал достоянием пушкинистов. Как явствует из него, в интересующее нас время вечера состоялись 12, 19 октября и, наконец, 2 ноября. С 19 по 27 октября Дантес был болен и официально освобожден от несения службы, так что в этот период он никак не мог появляться в обществе, а также, будучи дома, не имел нужды в эпистолярном общении с Геккереном. Следовательно, ни 19-м, ни 26 октября это письмо датировать нельзя. Очередной вечер в доме баварского посланника пришелся на 2 ноября. В письме сообщается, что накануне Дантес был у Вяземских, где «случайно провел весь вечер наедине с известной тебе дамой»; он пишет, что в течение почти часа был единственным из мужчин у княгини Вяземской и находился там до 11 часов. Вечером 1 ноября в кабинете Вяземского, в присутствии Жуковского и других знакомых Пушкин читал только что законченный роман «Капитанская дочка». Именно в это время Дантес и мог оказаться единственным мужчиной на половине княгини. Когда Пушкин закончил чтение, Дантес уже покинул дом Вяземских. Вернувшись к себе, он почувствовал лихорадку. Именно в эти дни в Петербурге похолодало; как пишет графиня Панина, «первый морозец щиплет уши».

Итак, если спровоцированный Дантесом разговор Геккерена с Натальей Николаевной состоялся у Лерхенфельдов 2 ноября, то становятся понятными строки неотправленного письма Пушкина к Геккерену: «2-го ноября… (пропуск в тексте. — *В.* С.) вы имели с

вашим сыном совещание, на котором вы положили нанести удар, казавшийся решительным». О том же разговоре, как теперь очевидно, шла речь и в письме Александра Карамзина брату Андрею: «Старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклиная ее спасти его сына, потом стал грозить местью; два дня спустя появились анонимные письма. (Если Геккерн — автор этих писем, то это с его стороны была бы жестокая и непонятная нелепость, тем не менее люди, которые должны об этом кое-что знать, говорят, что теперь почти доказано, что это именно он!) За этим последовала исповедь госпожи П<ушкиной> своему мужу, вызов, а затем женитьба Геккерна…» Это письмо писалось 13 марта 1837 года по свежим следам трагедии человеком, поддерживавшим тесные отношения как с Пушкиным, так и с Дантесом.

Игнорировать два таких свидетельства или придавать им другой смысл, которого в них не заключено, нет никаких оснований, а значит, следует подвергнуть сомнению выдвинутую С. Л. Абрамович версию о том, что подстроенное Идалией Полетикой свидание Дантеса с Натальей Николаевной, положившее начало новому витку интриги против Пушкина, состоялось не в январе 1837 года, а 2 ноября 1836 года. Однако в этот день Геккерен подстерег Наталью Николаевну и имел с ней разговор. Рассмотренное письмо Дантеса не было в свое время известно Абрамович. Однако суть разговора прорисована ею психологически совершенно точно: «Каковы были непосредственные мотивы, толкнувшие Геккерена на этот шаг, сказать нелегко. По-видимому, он вел двойную игру. Геккерен выполнял поручение своего приемного сына, который сделал его своим конфидентом, и в то же время с тайным злорадством заставлял краснеть и трепетать от его намеков женщину, которую он ненавидел».

Со слов Александрины Гончаровой мы также знаем, что незадолго до 4 ноября Геккерен убеждал ее сестру «оставить своего мужа и выйти за его приемного сына». Александрина не могла только припомнить, было ли это сделано письменно или устно. Теперь и это сомнение разрешено. События 2 ноября непосредственно предшествовали распространению анонимных писем.

Один из друзей Пушкина, получивших письмо в двойном конверте, Константин Россет, брат Александры Осиповной Смирновой, заподозрил неладное и не передал его поэту. По словам Владимира Соллогуба, эти подметные письма были получены всеми членами карамзинского кружка, но тотчас ими уничтожены. Соллогуб вспоминал обстоятельства получения им

пасквиля. Он жил тогда на Большой Морской у своей тетки княгини Васильчиковой. 4 ноября утром она призвала племянника к себе и сказала: «Представь себе, какая странность! Я получила сегодня пакет на мое имя, распечатала и нашла в нем другое напечатанное письмо, с надписью: Александру Сергеевичу Пушкину. Что мне с этим делать?» При этом она вручила ему письмо. Соллогуб, которому была памятна недавняя его дуэльная история с Пушкиным, первым делом решил, что письмо содержит что-то касающееся ее и что ни распечатывать, ни уничтожать его он не вправе, и отправился с ним на Мойку. Пушкина застал он сидящим в своем кабинете, и когда тот распечатал конверт, то тотчас сказал: «Я уже знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елизаветы Михайловны Хитровой; это мерзость против жены моей. Впрочем, вы понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить мне платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой». Прочитанное письмо было сообразно произнесенным только что словам. «В сочинении присланного ему всем известного диплома, — вспоминал Соллогуб, — он подозревал одну даму, которую мне и назвал». Говорил Пушкин с большим достоинством, спокойно, и, как показалось тогда его собеседнику, «хотел оставить всё дело без внимания». Однако через две недели Соллогуб узнал, что в тот же день Пушкин отправил вызов Дантесу. Приехавший к Пушкину Вяземский застал друга уже вовсе не в том спокойном состоянии, в каком его оставил Соллогуб. За это время произошло его объяснение с женой.

Вяземские также получили письмо. Княгиня Вера Федоровна принесла его нетронутым к мужу в кабинет. Они приняли решение распечатать второй конверт, тотчас заподозрив, что он содержит что-то оскорбительное для Пушкина. «Первым моим движением, — вспоминал позднее Петр Андреевич, — было бросить бумагу в огонь, и мы с женою дали друг другу слово сохранить всё это в тайне. Вскоре мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многих лиц, получивших подобные письма, и даже Пушкин не только сам получил такое же, но и два других подобных, переданных ему его друзьями, не знавшими их содержания и поставленными в такое же положение, как и мы». Судя по всему. Вяземский приехал уже после Соллогуба, и именно его, а также Елизавету Михайловну Хитрово он имел в виду, когда говорил о двух друзьях поэта, передавших ему письма с пасквилем.

Письма заставили Наталью Николаевну, по отзыву того же Вяземского, «невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветрености, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккерена по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть». Вяземский продолжает свой рассказ об этом дне: «Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячим и страстным характером, не мог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен: мучимый ревностью, оскорбленный в самых нежных, сокровенных своих чувствах, в любви к своей жене. Видя, что честь его задета чьей-то неизвестной рукою, он послал вызов молодому Геккерену как единственному виновнику, в его глазах, в двойной обиде, нанесенной ему».

Как мы видим, и воспоминание столь близкого к Пушкину человека, как Вяземский, подтверждает, что именно после того, как Геккерен подловил в доме Лерхенфельда Наталью Николаевну, уговаривал ее отдаться Дантесу и, наконец, угрожал ей, появились анонимные письма.

Автором их Пушкин поначалу, до объяснения с женой, посчитал некую даму, имя которой даже назвал Соллогубу. Последний унес тайну этого имени в могилу. Позднее только один человек, историк Петр Иванович Бартенев, знавший многих из окружения Пушкина, в том числе и Соллогуба, ни на кого не ссылаясь, назвал его, притом без всяких оговорок: Идалия Полетика. Никто из тех, кто позднее занимался историей дуэли Пушкина, ни разу не рассматривал эту версию. В первую очередь это было связано даже не столько с доказательствами, которые привел в свое время П. Е. Щеголев, считавший авторами анонимных писем князей И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова, а с убеждением, которое овладело самим Пушкиным в тот же день, 4 ноября, после объяснения с Натальей Николаевной. Вяземский довольно осторожно высказался по этому поводу в письме великому князю Михаилу Павловичу: «Необходимо при этом заметить, что, как только были получены эти анонимные письма, он заподозрил в их сочинении старого Геккерена и умер с этой уверенностью. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности. На этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований».

Действительно, дуэль, при распространении подобного пасквиля представлявшаяся неизбежной, не входила в планы ни Геккерена, как бы он ни ненавидел Наталью Николаевну, ни его приемного сына; для них она должна была при любом исходе обернуться крахом карьеры в России, что и произошло.

Вскоре после распространения писем подозрение в их авторстве пало на двух молодых людей — князей Гагарина и Долгорукова. Первым их заподозрил Константин Россет. Ему показалось странным, что адрес на конверте содержал такие детали, которые могли знать только часто посещавшие его люди. Его подозрение усилилось тем обстоятельством, что мало знавший до того поэта Гагарин казался «убитым тайной грустью после смерти Пушкина». В окружении Пушкина эта версия нашла поддержку. Николай Михайлович Смирнов пересказал ее, одновременно связав с Геккереном: «Оба князя были дружны с Геккереном и следовали его примеру, распуская сплетни». Николай Иванович Греч в своих «Записках» также закрепил это мнение: «Впоследствии узнал я, что подкидные письма, причинившие поединок, писаны были кн. Иваном Сергеевичем Гагариным с намерением подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исход дела поразил князя до того, что он расстроился в уме, уехал в чужие края, принял католическую веру и поступил в орден иезуитов». С. А. Соболевский, один из ближайших друзей Пушкина, будучи в Париже, беседовал с Гагариным и пришел к убеждению, что тот к сочинению пасквиля непричастен, но Долгоруков, живший в ту пору с ним вместе в Петербурге, мог воспользоваться его бумагой и тем направить на него подозрение. После же того, как жена П. В. Долгорукова, к которой супруг был равнодушен, стала утверждать, что муж сам признался в авторстве всей этой интриги, потомкам уже ничего не оставалось, как следовать этой версии. Одинокие голоса Соллогуба и Бартенева не были услышаны, затерявшись в хоре обвинителей князей Гагарина и Долгорукова.

В свете новых эпистолярных материалов следует попытаться разобраться в забытой версии об авторстве Геккерена. Пушкин укрепился в своем мнении 8 ноября, в день именин своего лицейского товарища М. Л. Яковлева, когда в присутствии воспитанника второго выпуска Лицея князя Эристова показал анонимное письмо, достав его из кармана со словами: «Просмотрите, какую мерзость я получил». Яковлев был в ту пору директором типографии Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и знал толк в бумаге. Рассмотрев бумагу, на которой был написан пасквиль, Яковлев предположил, что, судя по высокой пошлине, она должна

принадлежать какому-то посольству. Это заключение подтвердило подозрения Пушкина. На самом же деле было бы довольно глупо со стороны Геккерена воспользоваться собственной бумагой. Скорее это аргумент в пользу его непричастности к написанию пасквиля.

Сохранилось единственное письмо Геккерена Дантесу от этих дней, и оно как раз касается анонимных писем:

«Если ты хочешь говорить об анонимном письме, я тебе скажу, что оно было запечатано красным сургучом, сургуча мало и запечатано плохо. Печать довольно странная; сколько я помню, на одной печати имеется посредине следующей формы „А“ со многими эмблемами внутри „А“. Я не мог различить точно эти эмблемы, потому что, я повторяю, оно было плохо запечатано. Мне кажется, однако, что там были знамена, пушки, но я в этом не уверен. Мне кажется, так припоминаю, что это было с нескольких сторон, но я в этом также не уверен. Ради бога, будь благоразумен и за этими подробностями отсылай смело ко мне, потому что граф Нессельроде показал мне письмо, которое написано на бумаге такого же формата, как и эта записка. Мадам Н. и графиня Софья Б. тебе расскажут о многом. Обе они горячо интересуются нами. Да выяснится истина, это самое пламенное желание моего сердца. Твой душой и сердцем.

Б. де Г.

Почему ты спрашиваешь у меня эти подробности? До свидания, спи спокойно».

Упоминаемая в письме *мадам Н.* — безусловно, графиня Мария Дмитриевна Нессельроде, урожденная Гурьева. Она будет посаженой матерью Дантеса на свадьбе с Е. Н. Гончаровой. Она состоит и в числе подозреваемых в авторстве пасквиля. Основание этому заключается в позднейших словах Александра II: «Ну, так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина: это Нессельроде».

Графиней Софьей Б. может быть или Софья Александровна Бобринская, или Софья Ивановна Борх, урожденная Лаваль. О последней Щеголев писал: «Какую-то роль в дуэльной истории Пушкина графиня Борх играла. В фальшивых записках А. О. Смирновой читаем о письме Софьи Борх, в котором она оправдывает чету Нессельроде от упреков в скверном отношении к Пушкину и в чрезмерно приветливом к семье Геккеренов. Поверим на этот раз запискам Смирновой. Возможно, что именно о ней упоминает старый Геккерен в письме к приемному сыну».

Это письмо было впервые опубликовано во французском оригинале А. С. Поляковым в 1922 году. Публикатор пишет при этом: «Письмо доставлено, на наш взгляд, Геккереном графу

Нессельроде в числе тех пяти документов, которые он отправил ему 28 и 30 января 1837 г. и которые должны были убедить Николая, во-первых, что „барон Геккерен был не в состоянии поступить иначе, чем он это сделал“, а во-вторых, чтобы получить оправдание императора: „Оно мне необходимо для того, чтобы я мог себя чувствовать вправе оставаться при императорском дворе; я был бы в отчаянии, если б должен был его покинуть…“». Письмо было обнаружено в архиве Третьего отделения, куда оно никак не могло бы попасть, если бы оставалось в руках Геккеренов. Щеголев, поместив перевод этого письма в третьем издании своей книги, так высказался по его поводу: «Мы не можем разделить мнение А. С. Полякова о том, что эта записка служит доказательством непричастности Геккерена к пасквилю, полученному Пушкиным 4 ноября 1836 года. На нас эта записка производит странное впечатление какого-то воровского документа, написанного с специальными задачами и понятного только адресату».

Это письмо не было, как и еще два неизвестных нам документа, представлено следственной комиссии и осело в секретных архивах, хотя оно совершенно однозначно говорит о том, что оригинал пасквиля был показан Геккерену Нессельроде и что пасквиль по формату совпадает с данным письмом, адресованным Дантесу. Только из этого письма нам стало известно, что у Нессельроде был экземпляр пасквиля. Само упоминание в письме имен Нессельроде и его супруги служило формой скрытого шантажа в адрес канцлера, от которого Геккерен добивался такого решения своей судьбы, которое позволило бы ему остаться в России. Со стороны Нессельроде это письмо могло вызвать только гнев, свидетельства которого мы находим в позднейших отзывах канцлера о Геккерене.

Прежде чем попытаться разобраться в смысле написанного Геккереном Дантесу, необходимо датировать его письмо (точнее, записку). Исследователи традиционно относят ее ко времени суда по поводу дуэли, когда Дантес содержался под арестом. Только Поляков считал, что она была написана в ноябре, во время первой дуэльной истории. Геккерен этой запиской косвенно оправдывал себя и предостерегал Дантеса от необдуманных поступков. Очевидно, что она послана тогда, когда Геккерен не виделся с Дантесом, то есть в один из дней, когда последний был на дежурстве. Назначенный приказом командира полка генералом Гринвальдом от 4 ноября на пять внеочередных дежурств по полку, он отбывал их сутками, с 12 часов одного дня до 12 часов другого, через день отдыха: 6, 8, 10, 12 и 14 ноября. Судя по тому, что никакие другие вопросы в записке не поднимаются, они уже

были решены в переговорах Геккерена с Жуковским и Пушкиным: дуэль была отсрочена на две недели, и Дантес уже знал об этом из других, не дошедших до нас записок.

Письмо Геккерена, как признает он сам, удовлетворяет интерес, проявленный Дантесом («Почему ты спрашиваешь у меня эти подробности?»). У Дантеса возникли какие-то соображения относительно авторства анонимного пасквиля, инспирированные, скорее всего, каким-то разговором. Геккерен предположил то же самое, раз подал совет: «Ради бога, будь благоразумен и за этими подробностями отсылай смело ко мне, потому что граф Нессельроде показал мне письмо, которое написано на бумаге того же формата, как и эта записка». Ясно, что Геккерен высказывает свои соображения по какому-то очевидному адресу. Кого следовало отсылать к нему? Очевидно, кто-то, с кем Дантес разговаривал во время своего дежурства, проявил интерес к пасквилю. Поскольку Дантес находился на дежурстве в казармах Кавалергардского полка, то доступ к нему был ограничен только сослуживцами. У кого из однополчан Дантеса и с какой стати мог возникнуть интерес к тому, как выглядел пасквиль? Только у того, кто заподозрил третье лицо и потому обратился к Дантесу. Этим офицером прежде всего мог быть Александр Михайлович Полетика, муж Идалии Полетики.

Письма Идалии Дантесу из архива Геккеренов наглядно свидетельствуют о ее страстной влюбленности в Дантеса, а также о романе, существовавшем между ними. В июле 1839 года Идалия отправляет письмо Екатерине Геккерен: «Я по-прежнему люблю вас… вашего мужа, и тот день, когда я смогу вновь увидеть, будет самым счастливым в моей жизни». В феврале же 1837-го Полетика пишет еще находящемуся под арестом Дантесу: «Бедный друг мой, ваше тюремное заточение заставляет кровоточить мое сердце… Мне кажется, что все то, что произошло, — это сон, но дурной сон. Я больна от страха». А позднее, 3 октября 1837 года, она признается: «Я ни о чем, ни о чем не жалею…» Эти письма были частично напечатаны еще П. Е. Щеголевым; их публикация продолжилась в наше время С. Б. Ласкиным и С. Витале. За приведенными фразами из писем Идалии Полетики, с их недомолвками и двусмысленностями, скрывается явно нечто большее, так же как нельзя объяснить известную жгучую ненависть ее к Пушкину, сохраненную ею до самой смерти, одним лишь чувством любви. О чем она не жалеет? Не о том ли, что написала, снедаемая ревностью, анонимный пасквиль? За какое «благородное и лояльное поведение Дантеса», уже покинувшего Россию, благодарен граф Строганов, как он пишет Геккерену-старшему? Ответы на все эти вопросы могли

дать только непосредственные участники этой интриги, затеянной против Пушкина, но они предпочли промолчать. Нам остается искать ответы между строк их писем.

Тем не менее Пушкин в конце концов счел автором анонимок Геккерена, взвесил все «за» и «против» и, отказавшись от мысли послать оскорбительное письмо Геккерену-старшему, с полным правом счел виновным в создавшейся ситуации, оскорбительной для него и жены, приемного сына дипломата и уже вечером 4 ноября послал по городской почте вызов на дуэль на имя господина Жоржа Геккерена, как того теперь стали именовать в Петербурге. Текст вызова до нас не дошел, но его видел у секунданта Дантеса барона д'Аршиака Владимир Соллогуб, которому Пушкин предложил быть своим секундантом. Вызов был лаконичный и корректный, без объяснения причин, но не оставлявший места для каких-либо сомнений в отношении решимости Пушкина драться.

Сватовство Дантеса

Около полудня следующего после получения анонимных писем дня, 5 ноября, Пушкина посетил Геккерен-старший, сообщивший, что его сын находится на дежурстве по полку, а он по ошибке распечатал пришедшее утром по почте письмо с вызовом на дуэль. Геккерен попросил отсрочки на 24 часа, на что Пушкин дал согласие. Появление в доме на Мойке Геккерена, никогда до того там не бывавшего, не могло остаться незамеченным Натальей Николаевной, и ей было нетрудно догадаться, зачем он оказался у них. Пушкин конечно же ничего не говорил жене о вызове, что противоречило бы понятиям дуэльного кодекса. Она решила не просто ждать и переживать, а вмешаться в ход событий, что сделала бы не всякая жена: она послала в Царское Село за своим братом, офицером лейб-гвардии Гусарского полка Иваном Николаевичем Гончаровым. Он не смог не откликнуться на призыв сестры. Оценив ситуацию, он, возвратившись в Царское Село, тотчас отправился к воспитателю наследника престола Жуковскому. По убеждению Натальи Николаевны, только он мог предотвратить надвигавшуюся дуэль. Это происходило в канун Дня святого Павла Исповедника, полкового праздника лейб-гусар, и на следующий день Гончаров опоздал в полк. Он впервые получил выговор от командира полка, до того почитавшего его безупречным офицером, и даже был посажен под арест.

В двух комнатах квартиры на Мойке, разделенных детской, решалась судьба семейства Пушкиных. Жуковский покидает

Царское Село в то время, когда он должен был присутствовать всё на том же полковом празднике. Он по предварительным спискам в «пять минут пятого часа пополудни» был поименован в записи камер-фурьерского журнала в числе присутствовавших девяноста персон за обеденным столом в Овальном зале Александровского дворца. Но в это время Жуковский уже был у Пушкина. Пребывавший на тот момент в Царском Селе, а ранее долгое время отсутствовавший в Петербурге, Жуковский не попал в число тех, кому были разосланы анонимные письма, и не был вполне посвящен в сложившуюся ситуацию. Он должен был на ходу включиться в нее, став в результате на какое-то время одним из ее главных действующих лиц. Наталья Николаевна сделала правильный выбор: лишь Жуковский мог всё остановить. Сам Пушкин к нему в данном случае не обратился бы.

И вот уже Жуковский записывает в своих конспективных заметках этих тревожных дней: «Гончаров у меня. Поездка в Петербург. К Пушкину. Явление Геккерна. Мое возвращение к Пушкину. Остаток дня у Въельгорского и Вяземского. Вечером письмо Загряжской». Недолгое общение с Пушкиным было прервано приездом Геккерена по истечении обусловленной отсрочки в 24 часа. Жуковский, живший совсем недалеко от Пушкина при Зимнем дворце в так называемом шепелевском доме, отправился к себе, вернувшись затем к нему после отъезда Геккерена. Неизвестно, имел ли Жуковский какие-то разговоры с Пушкиным, но очевидно, что по договоренности с ним он пишет письмо Е. И. Загряжской и договаривается встретиться с ней утром. Та жила в одном доме с Жуковским, и с той поры до завершения ситуации они постоянно общались. По долгу тетки, самой близкой в Петербурге старшей родственницы сестер Гончаровых, она во всех смыслах отвечала за них. Несомненно, что посещение Виельгорского и Вяземского позволило Жуковскому в какой-то мере восполнить картину произошедшего.

Геккерен снова появляется у Пушкина на Мойке, поскольку истек обусловленный срок. Он вновь ведет переговоры от имени Дантеса, сославшись на то, что тот отправился к двенадцати часам на внеочередное дежурство. На этот раз Геккерен добился отсрочки дуэли на две недели. К этому дню следует отнести записку Дантеса Геккерену, ставшую известной сравнительно недавно:

«Мой драгоценный друг, благодарю за две присланные тобою записки. Они меня немного успокоили, я в этом нуждался и пишу эти несколько слов, чтобы повторить, что всецело на тебя полагаюсь, какое бы решение ты ни принял, так как заранее убежден, что в этом деле ты станешь действовать успешней, чем

я.

Бог мой, я не сетую на женщину и счастлив, зная, что она спокойна, но эта страшная неосторожность либо безумие, которого я к тому же не понимаю, равно как и того, какова была ее цель. Пришли записку завтра утром, чтоб знать, не случилось ли чего нового за ночь, кроме того, ты не пишешь, виделся ли ты с сестрой у тетки и откуда тебе известно, что она призналась насчет писем.

Доброго вечера, сердечно обнимаю,

Ж. де Геккерен.

Во всем этом Екатерина — доброе создание, она ведет себя восхитительно».

В дальнейшем Геккерен представлял дело так, что как будто бы Дантес вообще узнал о вызове только через 24 часа по возвращении с дежурства. Дантес действительно был на дежурстве, и письмо Пушкина распечатал Геккерен, хотя оно было адресовано не ему, но известил Дантеса о вызове запиской, потом послал еще одну. Об этом свидетельствует письмо Дантеса. Судя по его началу, оно пишется в ответ на сообщения Геккерена о результате переговоров с Пушкиным, которые «успокоили» Дантеса. По пожеланию доброго вечера ясно, что пишется оно уже в конце дня.

Это письмо косвенно подтверждает то, что нам и без того известно: Наталья Николаевна показала письма и записочки Дантеса мужу, то есть свершила шаг, которого Дантес понять не может. Очевидной оказывается и роль Екатерины, которая сообщает Геккеренам обо всем происходящем в доме на Мойке.

В один из своих визитов к Пушкину Геккерен каким-то образом умудрился переговорить с Натальей Николаевной. Возможно, она сама начала разговор, обеспокоенная ситуацией, а он, воспользовавшись этим, не только сообщил ей о вызове на дуэль, но и стал уговаривать ее написать Дантесу, прося не драться с мужем. По этому поводу Вяземский вспоминал: «Геккерны, старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить г-жу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение». Подобное письмо, напиши его Наталья Николаевна, никак не изменило бы ситуацию, но окончательно бы скомпрометировало ее.

Первым делом Пушкин, давший отсрочку, использовал ее для приведения в порядок своих дел на случай самого худшего исхода дуэли. В первую очередь ему хотелось освободиться от самого значительного из своих денежных обязательств — казенного,

составлявшего 45 тысяч рублей, чтобы жена и дети не были обременены им. 6 ноября Пушкин пишет письмо своему кузену, министру финансов Е. Ф. Канкрину, о намерении уплатить долг «сполна и немедленно», предложив в покрытие кистеневское имение, выделенное ему отцом в 1830 году ввиду предстоящей свадьбы. По воле Сергея Львовича сын не имел права продавать Кистенево при его жизни; но Пушкин ссылается на то, «что казна имеет право взыскивать, что ей следует, несмотря ни на какие частные распоряжения, если только оные высочайше не утверждены». Пушкин также обращается к Канкрину с настоятельной просьбой: «Так как это дело весьма малозначуще и может войти в круг обыкновенного действия, то убедительно прошу ваше сиятельство не доводить оного до сведения государя императора, который, вероятно, по своему великодушию, не захочет такой уплаты (хотя оная мне вовсе не тягостна), а может быть и прикажет простить мне мой долг, что поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости, что и может показаться неприличием, напрасной хвастливостью и даже неблагодарностью».

Если бы Пушкин не написал последних слов об отказе от «царской милости», то не исключено, что он получил бы желаемое в той или иной форме, но эта приписка исключала положительное решение. В отличие от прежних своих прошений, касавшихся его материального состояния, которые намекали на возможность милостивого пожалования со стороны царя, хотя и не были в желаемой мере услышаны, это письмо такой возможности для правительства не давало. Ответ, который последовал со стороны графа Канкрина, содержал то, что Пушкин, скорее всего, и ожидал. Министр в официальном письме от 21 ноября сообщал, что считает «приобретения в казну помещичьих имений вообще неудобными и что во всяком подобном случае нужно испрашивать высочайшего повеления».

Пушкину оставалось лишь выразить свое сожаление, «что способ, который осмелился я предложить, оказался неудобным». Известен лишь черновик этого ответа, в котором после слова «предложить» были вписаны и затем вычеркнуты слова: «в глазах в.<ашего> с.<иятельства>». В следующей фразе, также подвергшейся правке, Пушкин, подбирая слова (начав с «прошу», исправляет на «почитаю за долг»), оставляет в результате следующую формулировку: «Во всяком случае почитаю долгом во всем окончательно положиться на благоусмотрение в.<ашего> с.<иятельства>». То, как тщательно он подбирал слова, свидетельствует о том значении, какое он придавал своему

ответу. Скорее всего, прошение Пушкина было представлено царю, и ответ от имени министра исходил на самом деле от монарха. Сам Канкрин наверняка ответил бы Пушкину значительно быстрее, ему бы не понадобилось на это две недели. В ответе Канкрина содержался намек на возможное решение путем обращения к монарху. Пушкин, как бы не увидев его, настаивает на окончательности решения, тем самым отвергая возможность возвращения к рассмотрению вопроса, то есть проявления царской милости. Особенная щепетильность Пушкина в данном случае объяснима и тем, что в пасквиле, ставшем поводом к дуэли, содержался намек на царя как поклонника Натальи Николаевны.

События между тем развиваются своим чередом. Жуковский, получив от Е. И. Загряжской ответ на просьбу посетить ее, утром 7 ноября наносит ей визит. Екатерина Ивановна, конечно, была уже в курсе происходящего, посвященная во всё если не племянницами, то племянником Иваном Николаевичем еще накануне. От Загряжской Жуковский отправился к Геккерену, после чего сделал конспективную запись: «Незнание совершенное прежде бывшего. Открытия Геккерна. О любви сына к Катерине (моя ошибка насчет имени). Открытие о родстве; о предполагаемой свадьбе. — Мое слово. — Мысль всё остановить».

Эта запись отражает всю меру изумления, которая охватила Жуковского после разговора с Геккереном. Начав свою интригу, целью которой было добиться отмены дуэли, Геккерен, прекрасно понимавший, что о том же хлопочет Жуковский, сделал его своим пособником. Он поведал ему, чуть ли не со слезами на глазах, как он боится за сына, а главное — что Дантес собирался свататься к сестре Натальи Николаевны, которую давно полюбил. Растерявшийся Жуковский поначалу даже не понял, о какой из сестер идет речь, решив, что о средней — Александрине, а не о старшей — Екатерине. Итак, Пушкины и Геккерены должны были породниться. Вызов же, сделанный Пушкиным, закрывал, по словам Геккерена, подобную возможность, так как в обществе могли бы подумать, что Дантес решил жениться, чтобы избежать дуэли. Жуковский дает слово, что предпримет всё возможное для предотвращения дуэли. Однако Пушкин оказался менее доверчив, в сватовство не поверил и отказался от такого рода примирения.

Вечером того же дня Жуковский, вновь встретившись с Геккереном, на этот раз у Виельгорского, рассказал тому о неудаче своей миссии. Тогда хитроумный посланник предпринимает очередной шаг: он решает на следующий день нанести визит Екатерине Ивановне Загряжской, чтобы официально объявить ей о сватовстве своего приемного сына. При

этом он добился того, чтобы именно она пригласила его для разговора. На следующий день эта встреча состоялась. Загряжская не меньше Жуковского была заинтересована в том, чтобы дуэль не состоялась, хотя и по другим причинам. Ее занимало устройство судьбы старшей из сестер Гончаровых, Екатерины, жаждавшей этого брака: неожиданный поворот событий давал ей невероятный шанс. Так что в лице Загряжской Геккерен нашел себе союзницу. Екатерина Ивановна переговорила с Пушкиным, так что, когда его вновь посетил Жуковский, он был настроен более терпимо. Жуковский записал: «Я у Пушкина. Большее спокойствие. Его слезы. То, что я говорил о его отношениях».

Вдохновленный этой переменой, Жуковский 9 ноября около полудня вновь встретился с Геккереном. По окончании переговоров Геккерен вручил Жуковскому письмо, содержавшее официальную просьбу о посредничестве:

«Милостивый государь!

Навестив m-lle Загряжскую, по ее приглашению, я узнал от нее самой, что она посвящена в то дело, о котором я вам сегодня пишу. Она же передала мне, что подробности вам одинаково хорошо известны; поэтому я могу полагать, что не совершаю нескромности, обращаясь к вам в этот момент. Вы знаете, милостивый государь, что вызов г-на Пушкина был передан моему сыну при моем посредничестве, что я принял его от его имени, что он одобрил это принятие и что все было решено между г-ном Пушкиным и мною. Вы легко поймете, как важно для моего сына и для меня, чтоб эти факты были установлены непререкаемым образом: благородный человек, даже если он несправедливо вызван другим почтенным человеком, должен прежде всего заботиться о том, чтобы ни у кого в мире не могло возникнуть ни малейшего подозрения по поводу его поведения в подобных обстоятельствах.

Раз эта обязанность исполнена, мое звание отца налагает на меня другое обязательство, которое представляется мне не менее священным.

Как вам известно, милостивый государь, все произошедшее по сей день совершилось без вмешательства третьих лиц. Мой сын принял вызов; принятие вызова было его первой обязанностью, но, по меньшей мере, надо объяснить ему, ему самому, по каким мотивам его вызвали. Свидание представляется мне необходимым, обязательным, — свидание между двумя противниками, в присутствии лица, подобного вам, которое сумело бы вести свое посредничество со всем авторитетом полного беспристрастия и сумело бы оценить реальное основание подозрений, послуживших поводом к этому делу. Но после того,

как обе враждующие стороны исполнили долг честных людей, я предполагаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза Пушкину и сблизить двух лиц, которые доказали, что обязаны друг другу взаимным уважением. Вы, милостивый государь, совершили бы таким образом почтенное дело, и если я обращаюсь к вам в подобном положении, то делаю это потому, что вы один из тех людей, к которым я особливо питал чувства уважения и величайшего почтения, с каким я имею честь быть ваш, милостивый государь, покорнейший слуга барон Геккерен».

Жуковский старался не думать о том, что подобное письмо никак не устроит Пушкина, одержимый только одной мыслью — во что бы то ни стало предотвратить дуэль. Когда он приехал к Пушкину, показал ему письмо и предложил встречу с Дантесом, то услышал лишь категорический отказ. Жуковский обедал у Виельгорского и отправил оттуда Пушкину записку с выражением надежды на примирение сторон: «Я не могу еще решиться почитать наше дело конченым. Я еще не дал никакого ответа старому Геккерну: я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не видавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак, есть еще возможность всё остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ невозвратно всё кончит. Но ради бога одумайся. Дай мне счастие избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Жду ответа».

Эта записка, особенно слова о посрамлении жены, не могли не взбесить Пушкина, и он тотчас отправился к Виельгорскому. Тот, хотя и получил анонимный пасквиль, однако в детали происходящего был посвящен только теперь благодаря Жуковскому. В последовавшем бурном разговоре Пушкин высказал всё, что думал о Дантесе, назвав его трусом, уклоняющимся от дуэли, по поводу же того, что в деле участвуют всё новые лица, в сердцах сказал, что недостает только, чтобы в него вмешались жандармы. Жуковский прервал разговор, так как должен был отправляться во дворец, а по возвращении уже на рассвете 10 ноября написал Пушкину письмо с отказом от посредничества:

«Я обязан сделать тебе некоторые объяснения. Вчера я не имел для этого довольно спокойствия духа. Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят в твое дело замешать правительство. На счет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает, и если дамы (то есть одна дама Загряжская) смолчат, то тайна останется ненарушенною. <…>

Хочу, чтобы ты не имел никакого ложного понятия о том

участии, какое принимает в этом деле молодой Геккерн. Вот его история. Тебе уж известно, что было с первым твоим вызовом, как он не попался в руки сыну, а пошел через отца, и как сын узнал [уже] о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время когда встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче с часа пополудни будет свободен. Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец, силясь отбиться от несчастия, которого одно ожидание сводит его с ума. Сын, узнав положение дел, хотел непременно видеться с тобою. Но отец, испугавшись свидания, обратился ко мне. <…> Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговора с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит, почему я и не намерен никого подвергать неприятности отказа. Старый Геккерн таким образом не узнает, что попытка моя ***с письмом*** его не имела успеха. Это письмо будет ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свидание с тобою может считаться не бывшим.

Всё это я написал для того, что счел святейшею обязанностью засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, был совершенно посторонний, что он так же готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтобы тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: je suis condamné à la guillotine; je fais un recours au grâce, si je ne réussis pas, il faudra monter: et je monterai, car j'aime l'Honneur de mon fils autant, que sa vie[118]. — Этим свидетельством роля, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости».

Еще до разговора со старшим Геккереном Жуковский встретился с младшим, ибо тот, по достигнутой между ними накануне договоренности, прибыл к нему в надежде на свидание с Пушкиным, а вместо этого получил от Жуковского отказ от посредничества и возвращенное письмо Геккерена.

Итак, Пушкин переломил ход событий, взяв инициативу в свои руки. Помешать стремлению Екатерины выйти замуж за Дантеса он не мог, но, не веря в серьезность намерений Геккеренов, хотел получить гарантии того, что брак состоится. Переговоры вступили в новую фазу. 12 ноября Пушкин дал согласие на встречу с Геккереном, который должен был официально объявить о намерении Дантеса жениться на его свояченице. В свою очередь, Пушкин должен был письменно

отказаться от вызова.

Геккерен пишет Екатерине Ивановне Загряжской 13 ноября своеобразное письмо-инструкцию: «После беспокойной недели я был так счастлив и спокоен вечером, что забыл просить вас, сударыня, сказать в разговоре, который вы будете иметь сегодня, что намерение, которым вы заняты, о К. и моем сыне существует уже давно, что я противился ему по известным вам причинам. Но когда вы меня пригласили прийти к вам, чтобы поговорить, я вам заявил, что дальше не желаю отказывать в моем согласии, с условием, во всяком случае, сохранять всё дело в тайне до окончания дуэли, потому что с момента вызова П. оскорбленная честь моего сына обязывала меня к молчанию. Вот в чем главное, так как никто не может желать обесчестить моего Жоржа, хотя, впрочем, и желание было бы напрасно, ибо достигнуть этого никому не удалось бы. Пожалуйста, сударыня, пришлите мне словечко после вашего разговора, страх опять охватил меня, и я в состоянии, которое не поддается описанию. Вы знаете тоже, что с Пушкиным не я уполномочивал вас говорить, что это вы делаете сами по своей воле, чтобы спасти своих».

В тот же день Пушкин встретился с Загряжской, которая заверила его в том, что, как только он откажется от вызова, будет официально объявлено о помолвке. В этом разговоре она вполне следовала советам Геккерена и поддержала его версию о том, что сватовство было задумано раньше дуэльной истории, которая теперь должна сохраняться в тайне обеими сторонами. Пушкин согласился встретиться с Геккереном. В новой ситуации его не устраивало то, что он будет вынужден молчать по поводу всей предыстории, что было на руку Геккеренам, выходившим при этом сухими из воды.

Пушкин, заехав к Карамзиным, вопреки достигнутой договоренности, рассказал им все как есть.

Жуковский, узнав об этом, выговаривает Пушкину письмом от 14 ноября: «Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. Зачем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне? Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом. <…> Получив от отца Г. доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я дал ему совет поступить так, как он и поступил, основываясь на том, что, если *тайна сохранится*, то никакого бесчестия не падет на его сына, что и ты сам не можешь предполагать, чтобы он хотел избежать дуэля, который им принят, именно потому, что не он хлопочет, а отец о его отвращении. В этом последнем я уверен,

вчера еще больше уверился и всем готов сказать, что молод. Гек. с этой стороны совершенно чист. Это я сказал и Карамзиным, запретив им крепко накрепко говорить о том, что слышали от тебя, и уверив их, что вам непременно надобно будет драться, если тайна теперь или даже после откроется. Итак, требую от тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у вас умерла навсегда. <…> Не могу же я согласиться принять участие в посрамлении человека, которого честь пропадает, если тайна будет открыта. А эта тайна хранится теперь между *нами;* нам ее должно и беречь. Прошу тебя в этом случае беречь и мою совесть. Если что-нибудь откроется, и я буду это знать, то уже мне по совести нельзя будет утверждать того, что неминуемо должно нанести бесчестие. Напротив, я должен буду подать совет противный. Избавь меня от такой горестной необходимости. Совесть есть человек; не могу же находить приличным другому такого поступка, который осрамил бы самого меня на его месте. Итак, требую тайны теперь и после. Сохранением этой тайны ты так же обязан и самому себе, ибо в этом деле и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват! Но более всего ты должен хранить ее для меня: я в этом деле замешан невольно и не хочу, чтобы оно оставило мне какое-нибудь нарекание; не хочу, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что я нарушил доверенность, мне оказанную. Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня».

Жуковский хотел соответственно подготовить Пушкина к встрече с Геккереном, состоявшейся в тот же день на квартире Загряжской. Геккерен получил наконец возможность, всю свою хитросплетенную версию событий выложить самому Пушкину и при свидетельнице добиться от поэта не только отказа от дуэли, но и обещания сохранения тайны. Пушкину пришлось пойти на это, но сдерживать обещание вовсе не входило в его намерения — он сразу же его нарушил: направился после этого разговора к Вяземским и имел откровенный разговор с княгиней, о котором через день уже узнал Жуковский, заехавший к Вяземскому после бала.

Придворным балом в Аничковом дворце 15 ноября был открыт зимний сезон при дворе. Пушкин не был приглашен на этот бал, формально ввиду траура по матери. Пригласили только Наталью Николаевну. Отказаться ей было неудобно, но и отправиться одной также было неловко. Она даже решила посоветоваться на этот счет с Жуковским; тот ответил запиской: «Разве Пушкин не читал письма моего? Я, кажется, ясно написал ему о нынешнем бале, почему он не зван и почему вам *непременно* нужно поехать. Императрица сама сказала мне, что не звала мужа вашего оттого, что он сам ей объявил, *что носит траур и*

отпускает всюду жену одну; она прибавила, что начнет приглашать его, коль скоро он снимет траур. Вам надобно быть непременно. Почему вам Пушкин не сказал об этом, не знаю; может быть, он не удостоил прочитать письмо мое».

Императрица в письме графине Бобринской, описывая бал, не преминула отметить Наталью Николаевну: «Пушкина казалась прекрасной волшебницей в своем белом с черным платье. — Но не было той сладостной поэзии, как на Елагином». Очевидно, это был намек на былые отношения Натали с Дантесом, когда они могли видеться летом на приемах во дворце на Елагином острове, и он вел себя еще в рамках светских приличий. Самого Дантеса на этом балу в Аничковом не было, так как он находился на дежурстве; именно его отсутствие, о котором знал Пушкин, ведший переговоры с Геккереном, позволило ему отпустить жену на бал.

Ночью после бала Жуковский, разузнавший подробности разговора Пушкина с Вяземской, пишет письмо с отказом от посредничества между ним и Геккеренами. Однако они в очередной раз объяснились, после чего Жуковский передал Геккерену записку Пушкина с официальным отказом от дуэли, копию которой сохранил в своем архиве: «Господин барон Геккерн оказал мне честь принять вызов на дуэль его сына г-на б. Ж. Геккерна. *Узнав случайно? по слухам?* (так в копии Жуковского. — *В. С.),* что г-н Ж. Геккерн решил просить руки моей свояченицы мадемуазель К. Гончаровой, я прошу г-на барона Геккерна-отца соблаговолить рассматривать мой вызов как не бывший».

Мотивировка отказа от вызова, содержавшая упоминание о предполагаемом сватовстве, никак не могла устроить Геккеренов. Унизительным для Дантеса было и то, что Пушкин свой отказ адресует не самому вызванному, а его отцу. В результате из-за кулис впервые выходит сам Дантес, пославший к Пушкину в тот же день, 16 ноября, своего секунданта, секретаря французского посольства барона д'Аршиака, с письмом, которое было формально необходимо ввиду окончания двухнедельной отсрочки дуэли: «Барон Геккерен сообщил мне, что он уполномочен уведомить меня, что все те основания, по которым вы вызвали меня, перестали существовать, и что потому я могу смотреть на этот ваш поступок как на не имевший места. Когда вы вызвали меня без объяснения причин, я без колебаний принял этот вызов, так как честь обязывала меня это сделать. В настоящее время вы уверяете меня, что вы не имеете более оснований желать поединка. Прежде чем вернуть вам ваше слово, я желаю знать, почему вы изменили свои намерения, не уполномочив никого

представить вам объяснения, которые я располагал дать вам лично. Вы первый согласились с тем, что прежде чем взять свое слово обратно, каждый из нас должен представить объяснения для того, чтобы впоследствии мы могли относиться с уважением друг к другу».

Задиристый тон письма, написанного явно без участия Геккерена и рассчитанного на то, что противник уже не пойдет на попятную и будет принужден выполнить предъявленное вдруг требование, разозлил Пушкина. Это отметил в своих записях посетивший его Жуковский: «Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина». Шаткое равновесие, которого удалось-таки добиться Жуковскому в ходе нелегких переговоров, вновь нарушилось. В образовавшейся ситуации Пушкину теперь был нужен не посредник для примирения, а секундант для решительных переговоров. Им становится Соллогуб, который уже предлагал ему свои услуги.

Живя неподалеку от Пушкина и совершая с ним частые прогулки, Соллогуб спросил его однажды, не дознался ли он, кто сочинил подметные письма. Пушкин сказал, что не знает, но подозревает одного человека. «Если вам нужен посредник или секундант, — сказал ему Соллогуб, — то располагайте мной». Тронутый участием своего недавнего противника, Пушкин сказал ему столь лестные слова, что Соллогуб по скромности даже постеснялся позднее их привести, но они врезались ему в память, оставшись «отраднейшим воспоминанием» в его жизни. Пушкин прибавил: «Дуэли никакой не будет, но я, может быть, попрошу вас быть свидетелем одного объяснения, при котором присутствие светского человека мне желательно, для надлежащего заявления, в случае надобности». Совершенно очевидно, что подобный разговор мог состояться только в период временного примирения сторон.

Итак, секундантом Пушкина стал Соллогуб, после недавнего разговора совершенно успокоенный насчет последствий писем. Однако 16 ноября за праздничным обедом у Карамзиных в честь дня рождения хозяйки Екатерины Андреевны во время веселого застолья Пушкин неожиданно нагнулся к Соллогубу, сидевшему с ним рядом, и скороговоркой произнес: «Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только насчет материальной части дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь». Затем он продолжал шутить как ни в чем не бывало. Остолбеневший от неожиданности и решительности Пушкина, заключенной в его тоне, Соллогуб не посмел возражать. Вечером того же дня он отправился на большой раут к австрийскому послу графу Фикельмону, надеясь встретить там

секретаря французского посольства. Одной из первых он увидел Екатерину Николаевну Гончарову, не заметить которую было просто невозможно: она выделялась своим белым платьем, тогда как все присутствовавшие дамы были в черном ввиду объявленного при дворе траура по случаю смерти французского короля Карла X. С ней любезничал Дантес. Наталья Николаевна на раут не приехала, а Пушкин, прибывший поздно и казавшийся встревоженным, прежде всего запретил свояченице беседовать с Дантесом, а ему высказал несколько весьма грубых слов. Соллогуб, незнакомый с д'Аршиаком, тем не менее выразительно с ним переглянулся. Он подошел к Дантесу и спросил его, что он за человек. «Я человек честный и надеюсь это скоро доказать», — был ответ. При этом Дантес уверял Соллогуба, «что не понимает, что от него Пушкин хочет; что он поневоле будет с ним стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов не желает».

Соллогуб на следующее утро отправился на Мойку, чтобы поговорить с Пушкиным, но встретил ту же непреклонность, что и накануне вечером. Ему ничего не оставалось, как пойти к д'Аршиаку, жившему неподалеку, на параллельной Мойке Миллионной улице, в доме французского посольства. К его удивлению, тот принял его с полным пониманием ситуации и ее возможных последствий, сказал, что не спал всю ночь, ибо, даже не будучи русским, он понимает, какое значение Пушкин имеет для России. Затем секунданты приступили к делу, рассмотрев имевшиеся по нему документы: экземпляр анонимного диплома, вызов Пушкина Дантесу, записку Геккерена с просьбой отложить дуэль на две недели и собственноручную записку Пушкина о том, что он берет назад свой вызов на основании слухов, что Дантес женится на Екатерине Николаевне Гончаровой. Соллогуб был поражен — он только теперь узнал о вероятной свадьбе и понял, отчего у Фикельмонов Екатерина Гончарова была в белом платье. По мысли Соллогуба, Пушкин «в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом». Но эти мысли пришли ему в голову много позднее, а в тот момент он стал искать возможности предотвратить дуэль вместе с д'Аршиаком, сказавшим ему: «Вот положение дела. Вчера кончился двухнедельный срок, и я был у г. Пушкина с извещением, что мой друг Дантес готов к его услугам. Вы понимаете, что Дантес желает жениться, но не может жениться иначе, как если г. Пушкин откажется просто от своего вызова без всякого объяснения, не упоминая о городских слухах. Г. Дантес не может допустить, чтоб о нем говорили, что он был принужден жениться, и женился во избежание поединка. Уговорите г. Пушкина

безусловно отказаться от вызова. Я вам ручаюсь, что Дантес женится, и мы предотвратим, может быть, большое несчастие».

Соллогуб понимал, что ему предложен самый удобный выход, но он не был уполномочен Пушкиным вступать в какие-либо переговоры. Из лучших побуждений Соллогуб, по сути, и так нарушил волю Пушкина, даже не приступив к обсуждению условий дуэли. Он пошел дальше, отправившись вместе с д'Аршиаком к Дантесу. Дантес не принимал участия в обсуждении, доверив всё своему секунданту. Наконец Соллогуб по долгом размышлении написал Пушкину записку: «Я был, согласно вашему желанию, у г. д'Аршиака, чтобы условиться о времени и месте. Мы остановились на субботе, так как в пятницу я не могу быть свободен, в стороне Пар-голова, ранним утром, на 10 шагов расстояния. Г. д'Аршиак добавил мне конфиденциально, что барон Геккерен окончательно решил объявить о своем брачном намерении, но, удерживаемый опасением показаться желающим избежать дуэли, он может сделать это только тогда, когда между вами всё будет кончено, и вы засвидетельствуете словесно передо мной или г. д'Аршиаком, что вы не приписываете его брака расчетам, недостойным благородного человека. Не имея от вас полномочия согласиться на то, что я одобряю от всего сердца, я прошу вас, во имя вашей семьи, согласиться на это предложение, которое примирит все стороны. Нечего говорить о том, что д'Аршиак и я ручаемся за Геккерена. Будьте добры дать ответ тотчас».

Д'Аршиак прочел эту записку, написанную по-французски, не показывая ее Дантесу, несмотря на его требование, и возвратил Соллогубу со словами: «Я согласен. Пошлите». Соллогуб велел кучеру отвезти записку на Мойку, туда, где он был утром, забыв, что на Мойке он заезжал еще и к своему отцу. Так что записка попала в руки к последнему; он хотя и не распечатал ее, но был встревожен, догадавшись, что речь идет о дуэли, но тем не менее отправил записку по назначению. Это недоразумение заняло лишнее время, так что Соллогуб прождал ответа около двух часов. Наконец кучер доставил ответ Пушкина: «Я не колеблюсь написать то, что я могу заявить словесно. Я вызвал г. Ж. Геккерена на дуэль, и он принял ее, не входя ни в какие объяснения. Я прошу господ свидетелей этого дела соблаговолить рассматривать этот вызов, как не существовавший, осведомившись по слухам, что г. Ж. Геккерен решил объявить свое решение жениться на m-lle Гончаровой после дуэли. Я не имею никакого основания приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека. Я прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом по вашему усмотрению».

Прочтя записку, Соллогуб передал ее д'Аршиаку, который, познакомившись с ней и не давая ее Дантесу, сказал: «Этого достаточно». Конечно же секунданты предпочли бы, чтобы в письме вовсе не было речи о сватовстве, но Пушкин тем не менее ввернул упоминание о нем; однако поскольку он сделал требуемую оговорку, то им пришлось счесть это достаточным. Дальнейшие события стали разворачиваться стремительно в сторону предстоящей свадьбы, заменившей дуэль. Дантес тут же обратился к Соллогубу: «Ступайте к г. Пушкину и поблагодарите его, что он согласен кончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться как братья».

Поздравив Дантеса, Соллогуб вместе с д'Аршиаком отправился к Пушкину. Когда они прибыли на Мойку, всё семейство, в том числе Наталья Николаевна, сидело за обедом. Пушкин вышел к секундантам бледный и выслушал благодарность Дантеса, переданную д'Аршиаком, который при этом добавил: «С моей стороны я позволил себе обещать, что вы будете обходиться со своим зятем как со знакомым». Несмотря на то что д'Аршиак не стал говорить о братском обращении между противниками, ограничившись формулой «знакомые», Пушкин воскликнул запальчиво: «Напрасно! Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может». Увидев, как грустно переглянулись его собеседники, почувствовавшие в этих словах продолжение ссоры, добавил успокоительно: «Впрочем, я признал и готов признать, что г. Дантес действовал как честный человек». «Больше мне и не нужно», — подхватил д'Аршиак и поспешно удалился.

В то время, когда Соллогуб замедлял ход переговоров, стремясь примирить противников, Пушкин попробовал привлечь в качестве секунданта Клементия Осиповича Россета, поручика Генерального штаба, одного из тех, кто получил анонимное письмо (непосвященных поэт привлекать не хотел). Россет стал отказываться, говоря, что дело секундантов — вначале стремиться к примирению сторон, а он терпеть не может Дантеса и будет только рад, если Пушкин избавит от него петербургское общество. К тому же он сослался на то, что плохо владеет французским языком, на котором придется вести и переписку, и переговоры, но выразил готовность в случае необходимости быть секундантом на месте поединка, когда всё уже будет оговорено. Пушкин пригласил его к себе отобедать. За столом Пушкину подали письмо, прочтя которое он обратился к свояченице со словами: «Поздравляю, вы невеста; Дантес просит вашей руки». Екатерина Николаевна бросила салфетку и побежала к себе. Наталья Николаевна кинулась за ней. Пушкин воскликнул по

поводу Дантеса: «Каков!»

На следующий день, во вторник 17 ноября, на балу у Салтыковых было объявлено о помолвке Дантеса и Екатерины Николаевны. Все поздравляли их, но были поражены. Пушкин с Натальей Николаевной присутствовал на балу, но с Дантесом не раскланялся. Сам же Дантес нарочито вел себя так, как подобает жениху, подчеркнуто оказывая внимание невесте. Об этом же свидетельствует и его письмо к ней, отосланное на следующий день после помолвки:

«Завтра я не дежурю, моя милая Катенька, но я приду в двенадцать часов к тетке, чтобы повидать вас. Между ней и бароном условлено, что я могу приходить к ней каждый день от двенадцати до двух, и, конечно, мой милый друг, я не пропущу первого же случая, когда мне позволит служба; но устройте так, чтобы мы были одни, а не в той комнате, где сидит милая тетя. Мне так много надо сказать вам, я хочу говорить о нашем счастливом будущем, но этот разговор не допускает свидетелей. Позвольте мне верить, что вы счастливы, потому что я так счастлив сегодня утром. Я не мог говорить с вами, а сердце мое было полно нежности и ласки к вам, так как я люблю вас, милая Катенька, и хочу вам повторять об этом сам с искренностью, которая свойственна моему характеру и которую вы всегда во мне встретите. До свидания, спите крепко, отдыхайте спокойно: будущее вам улыбается. Пусть все это заставит вас видеть меня во сне…

Весь ваш, моя возлюбленная

Жорж де Геккерен».

П. Е. Щеголев заметил: «Вот письмо, писанное, очевидно, в самом начале жениховства». Датировать его удалось, учтя, что в дни своих столь частых внеочередных дежурств в ноябре (с 20 на 21, с 23 на 24, с 25 на 26, с 27 на 28 и с 28 на 30 ноября) Дантес никак не мог появляться с двенадцати до двух часов дня у Загряжской. Единственное исключение составляет 19 ноября, а значит, письмо было написано накануне, на следующий день после объявления помолвки.

Дантес представляет невесте их будущее в самых радужных красках. Екатерина была вне себя от счастья, вдруг выпавшего на ее долю. Можно не сомневаться, что она ожидала подобного исхода, но очевидно и то, что ее замужняя сестра Наталья Николаевна была поражена в самое сердце. И дело даже не в том, что Дантес был ей так уж дорог, а в том, что молодой кавалергард мог вдруг изменить своему чувству, предпочесть ей, первой красавице столицы, которой он клялся в любви, ее сестру и даже просить ее руки. Пушкин, парируя интригу Геккеренов, помимо

всего остального, правильно учел и психологическое состояние своей жены: он представил ей Дантеса трусом, избежавшим дуэли посредством сватовства. Это было существенно для света, всего дальнего и ближнего окружения Пушкиных, всех тех, для кого понятие чести не было пустым звуком. Но важнее всего для Пушкина-супруга было то, каким представал Дантес именно в глазах Натальи Николаевны.

Ноябрьская история, грозившая трагедией, казалось, была благополучно завершена: Пушкин нравственно одолел противников, Дантес вынужден был посвататься к Екатерине Николаевне, дуэль расстроилась не к его чести. Но петербургские сплетни придали случившемуся неожиданную окраску, что грозило новым обострением ситуации. Очень точно выразился Александр Карамзин, оценив роль Екатерины Николаевны как посредницы, «погубившей репутацию, а может быть и душу своей сестры», но отметивший при этом: «Пушкин также торжествовал одно мгновение, — ему показалось, что он залил грязью своего врага и заставил его сыграть роль труса».

Екатерина Андреевна Карамзина написала сыну Андрею утром 20 ноября: «У нас тут свадьба, о которой ты, конечно, не догадался бы, и я не скажу тебе, оставляя это удовольствие твоей сестре». «Прямо невероятно, — добавляет она, — но всё возможно в этом мире всяческих невероятностей». Софья Николаевна подхватывает тему и пишет брату в тот же день: «Я должна сообщить тебе еще одну любопытную новость — про ту свадьбу, про которую пишет тебе маменька; догадался ли ты? Ты хорошо знаешь обоих этих лиц, мы даже обсуждали их с тобой, правда, никогда не говоря всерьез. Поведение молодой особы, каким бы оно ни было компрометирующим, в сущности, компрометировало только другое лицо, ибо кто смотрит на посредственную живопись, если рядом Мадонна Рафаэля? А вот нашелся охотник до этой живописи, возможно потому, что ее дешевле можно приобрести. Догадываешься? Ну да, это Дантес, молодой, красивый, дерзкий Дантес (теперь богатый), который женится на Катрин Гончаровой, и, клянусь тебе, он выглядит очень довольным, он даже одержим какой-то лихорадочной веселостью и легкомыслием, он бывает у нас каждый вечер, так как со своей нареченной видится только по утрам у ее тетки Загряжской».

Оценивая поведение Пушкина в эти дни, она приводит слова Вяземского: «…он выглядит обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает». Как ни парадоксально подобное суждение, но в нем есть смысл, если подходить к ситуации с позиции Пушкина. Временное, как покажет будущее, безупречное поведение Дантеса по отношению к Наталье Николаевне,

продиктованное осторожностью и настоятельными советами Геккерена, не давало Пушкину возможности предъявить к нему претензии. Поэтому его вызывающее отношение к Дантесу казалось окружающим, не посвященным во все подробности произошедшего, необъяснимым и по меньшей мере странным. Пушкин был связан обещанием сохранить тайну, и его (но, как оказалось, недолго) утешало то, что общество сочтет Дантеса трусом. Однако так могли думать лишь немногие посвященные, а молва, не без искусных стараний Геккерена, придала ему ореол романтического мученика и рыцаря. Последнее больше всего раздражало Пушкина, и он чуть было не сорвался, когда, оценив неожиданную для него ситуацию, написал 21 ноября два письма: одно Геккерену, другое — Бенкендорфу.

В черновике так и не отправленного письма Геккерену-старшему Пушкин без всяких обиняков выразил всё, что накопилось у него в душе (выделенные курсивом места реконструированы по более позднему перебеленному письму):

«Барон,

Прежде всего позвольте мне подвести итог всему тому, что произошло недавно. — Поведение вашего сына было мне полностью известно *уже давно* и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как я притом знал, *насколько* жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, *я довольствовался ролью наблюдателя,* с тем чтобы *вмешаться, когда сочту это своевременным. Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производит некоторое впечатление* на сердце *молодой женщины и что тогда муж,* если только он не глупец, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения. Признаюсь вам, я был не совсем спокоен. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время *пришло,* и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь потешную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном.

Но вы, барон, — *вы мне позволите заметить, что* ваша роль во всей этой истории была *не очень прилична.* Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали <…>[119] *вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости,*

которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали *мою жену по всем* углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. *Это еще не всё.*

2-го ноября после разговора <…> вы имели с вашим сыном *совещание, на котором вы положили* нанести удар, *казавшийся* решительным. *Анонимное письмо было составлено вами и <…> я получил три экземпляра из десятка,* который был разослан. Письмо это <…> было сфабриковано *с такой неосторожностью, что с первого взгляда я напал на следы автора. Я больше об этом не беспокойся и был* уверен, что найду пройдоху. В самом деле, после менее чем трехдневных розысков я уже знал *положительно,* как мне поступить.

Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам.

Теперь я подхожу к цели моего письма.

Я, *как видите,* добр, бесхитростен <…> *но* сердце мое чувствительно к <…>. Дуэли мне уже недостаточно <…> нет, и каков бы ни был ее исход, я не почту себя достаточно отмщенным ни через <…> ваш сын, *ни своей женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец,* письмом, *которое я имел честь писать вам и которого копию я сохраню для моего личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо и уничтожить* самый след этого жалкого дела, из которого мне легко будет сделать отличную главу в моей истории рогоносцев.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Пушкин».

Это письмо было написано после того, как в обществе стали говорить о жертве, которую якобы принес Дантес во имя своей любви к Наталье Николаевне, решив жениться на ее сестре. Поскольку об анонимных письмах знали немногие, а о назревавшей дуэли еще более узкий круг, то в глазах света Дантес выступал в весьма выгодной для него роли. Вынужденный сохранять в тайне дуэльную историю, Пушкин, таким образом, явно проигрывал в мнении света. Поняв это, Пушкин и пишет письмо, которое, будь оно отправлено, неизбежно привело бы к дуэли еще в ноябре. Однако Жуковскому удалось уговорить Пушкина не отправлять его, а сам он обещал переговорить с

Бенкендорфом и самим императором. Пушкин в тот же день заготовил письмо Бенкендорфу, в котором изложил свою версию событий:

«Граф! Считаю себя в праве и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного мне под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением: но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-на д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривать как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательств того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которое я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.

21 ноября 1836».

Этот день оказался кульминационным для финала всей ноябрьской истории. Состояние Пушкина не могло не быть замеченным домашними, прежде всего Натальей Николаевной, которая пыталась сдержать Пушкина. Как раз об этом Дантес,

встретивший Наталью Николаевну, пишет своей невесте в тот же день 21 ноября:

«Моя любезная и добрая Катрин, как видите, дни бегут и день на день не приходится. Вчера ленив, сегодня деятелен, хоть и вернулся с отвратительного дежурства в Зимнем дворце; я, впрочем, посетовал на это нынче утром вашему брату Дмитрию, попросив его передать вам, дабы вы сумели как-нибудь дать знать о себе; не знаю, как у меня достало терпения на эти несколько часов, так скверно провел их в этом ужасном маршальском зале, где не находишь утешения и в том, что можешь сказать себе, будто не хотел бы тут оказаться на портрете.

Нынче утром я виделся с известной дамой, и, как всегда, моя возлюбленная, подчинился вашим высочайшим повелениям; я формально объявил, что был бы чрезвычайно ей обязан, если бы она соблаговолила оставить эти переговоры, совершенно бесполезные, и коль Месье не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль в этой истории, то она, естественно, напрасно тратит время, желая ему это объяснить.

Еще новость: вчера вечером нашли, что наша манера общения друг с другом ставит всех в неловкое положение и не подобает барышням. Я пишу вам об этом, поскольку надеюсь, что ваше воображение примется за работу и к завтрашнему дню вы найдете план поведения, который всех удовлетворит: я же нижайше заявляю, что ничего в этом не смыслю и, следовательно, более чем когда-либо намерен поступать по-своему.

Доброго вечера, милая моя Катрин. Надеюсь, „Пират“[120] вас развлечет: до завтра, а пока целую вашу ручку, которой вы мне не дали вчера вечером перед уходом».

Письмо было написано Дантесом после дежурства в Фельдмаршальском зале Зимнего дворца, украшенном портретами российских фельдмаршалов, среди которых ему представлялся и собственный портрет. Встреча Дантеса с Натальей Николаевной, как явствует из письма, произошла утром этого дня, вероятно, у Загряжской, в присутствии старшего брата Дмитрия Николаевича Гончарова, прибывшего в Петербург в качестве главы семейства ввиду помолвки сестры для объявления согласия ее родителей на брак. О том, что Наталья Николаевна оказалась причастной к переговорам этих дней, мы узнали только из письма Дантеса. До этого на новом витке истории Пушкин, позвав к себе Соллогуба, прочитал ему заготовленное письмо Геккерену. Отдавая себе отчет в последствиях письма, он познакомил с ним именно Соллогуба как своего недавнего секунданта. Сцена, происходившая вечером в субботу 21 ноября в кабинете поэта, описана самим Соллогубом. Оставшись с ним

наедине, Пушкин запер дверь и сказал: «Я прочитаю вам письмо к старику Геккерену. С сыном уже покончено… Вы мне теперь старичка подавайте». Пока он читал письмо, губы его дрожали, а глаза налились кровью. «Он был до того страшен, — вспоминал Соллогуб, — что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что я мог возразить против такой сокрушительной страсти». Соллогуб поспешил к В. Ф. Одоевскому, у которого по субботам был приемный день, где встретил Жуковского. Испуганный рассказом Соллогуба, Жуковский тотчас отправился к Пушкину и всё остановил. Письмо, однако, не было уничтожено, и Пушкин впоследствии дал ему ход.

Письмо Бенкендорфу также не было отправлено. По сути, оно предназначалось не столько ему, сколько императору.

Посвятить его в сложившуюся ситуацию взялся Жуковский, переговоривший с царем на следующий же день. Если об анонимных письмах Николай I имел какие-то сведения, то о вызове он узнал впервые. Это подтверждают и слова императрицы в письме к Бобринской: «Со вчерашнего дня для меня все стало ясно с женитьбой Дантеса, но это секрет». Бобринская, в свою очередь, делится с мужем: «Никогда еще, с тех пор как стоит свет, не подымалось такого шума, от которого содрогается воздух во всех петербургских гостиных. Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит пустую молву». Она оценивает невесту: «Он женится на старшей Гончаровой, некрасивой, черной и бедной сестре белолицей, поэтической красавицы, жены Пушкина. Если ты будешь меня расспрашивать, я тебе отвечу, что ничем другим я вот уже неделю не занимаюсь, и чем больше мне рассказывают об этой непостижимой истории, тем меньше я что-либо в ней понимаю». Она передает две версии происходящего — геккереновскую («Это какая-та тайна любви, героического самопожертвования, это Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго. Это литература наших дней. Это возвышенно и смехотворно») и пушкинскую, изложенную Жуковским («Анонимные письма самого гнусного характера обрушились на Пушкина. Всё остальное месть…») — и восклицает: «Посмотрим, допустят ли небеса столько жертв ради одного отомщенного!» Подобную «небесную» миссию решил взять на себя император, согласившись дать Пушкину личную аудиенцию на другой день в Аничковом дворце.

После трех часов пополудни 23 ноября Николай I, совершив прогулку, принял Пушкина. В камер-фурьерском журнале, фиксирующем все события жизни двора, было записано по этому поводу: «По возвращении Его Величество принимал генерал-

адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина». По всей вероятности, император сначала совещался с Бенкендорфом, который доставил ему сведения о дуэльной истории, а затем наедине беседовал с поэтом.

Содержание состоявшейся беседы реконструируется по рассказам, исходящим от ближайшего окружения Пушкина, прежде всего Вяземских, и сводится к тому, что Пушкин пообещал ничего не предпринимать в случае возобновления истории с Дантесом, не известив предварительно государя. Еще более определенно Е. А. Карамзина по свежим следам событий писала сыну Андрею 2 февраля 1837 года: «После истории со своей первой дуэлью П. обещал государю больше не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда он был смертельно ранен, он послал доброго Жуков.<ского> просить прощения у гос.<ударя> в том, что он не сдержал слово».

Вторая версия более соответствует норме отношений между монархом, первым дворянином России, и его подданным. Император мог настоять на том, чтобы Пушкин не дрался «ни под каким предлогом», но потребовать, чтобы Пушкин в случае возобновления истории с Дантесом поставил его в известность, царь никак не мог, исходя из представлений чести. Только сам Пушкин как дворянин и глава семейства мог разрешить эту проблему, следуя долгу чести.

Вечером весь свет танцевал, о чем с удивлением пишет брату С. Н. Карамзина: «Мы поехали закончить вечер у Люцероде (саксонского посланника. — *В. С.),* где, к большому удивлению, застали весь город припрыгивающим под звуки фортепиано в гостиной вдвое меньше нашей. Как любят танцевать в Петербурге! Это прямо какое-то бешенство: Люцероде собирает у себя по понедельникам едва по двадцати человек; на этот раз, услышав, что у них будут танцы, вся аристократическая толпа наших гостиных ринулась туда, теснясь в своего рода русской бане, и, если не считать ощущения удушья, очень веселились». Софья Николаевна много танцевала, в том числе мазурку с Соллогубом, у которого, как она пишет, «в этот день темой разговора со мной была история о неистовствах Пушкина и о внезапной любви Дантеса к своей невесте».

В этот же день, 23 ноября, Дантес, вновь находившийся на дежурстве, письмом поздравляет невесту с именинами:

«Мой дорогой друг, я совсем забыл сегодня утром поздравить вас с завтрашним праздником. Вы мне сказали, что это не завтра; однако я имею основание не поверить вам на этот раз: так как я испытываю всегда большое удовольствие, высказывая пожелания вам счастья, то не могу решиться упустить этот случай. Примите

же, мой самый дорогой друг, мои самые горячие пожелания; вы никогда не будете так счастливы, как я этого желаю вам, но будьте уверены, что я буду работать изо всех моих сил, и надеюсь, что при помощи нашего прекрасного друга я этого достигну, так как вы добры и снисходительны. Там, увы, где я не достигну, вы будете по крайней мере верить в мою добрую волю и простите меня. Безоблачно наше будущее, отгоняйте всякую боязнь, а главное — не сомневайтесь во мне никогда; всё равно, кем бы мы ни были окружены — я вижу и буду видеть всегда только вас; я — ваш, Катенька, вы можете положиться на меня, и, если вы не верите словам моим, поведение мое докажет вам это.

Ж. де Г.

P. S. Завтра я смогу повидать вас только после 2-х».

На 24 ноября приходится празднование Дня святой великомученицы Екатерины, это был день именин Е. Н. Гончаровой, Е. И. Загряжской и Е. А. Карамзиной. Наступил, казалось бы, благополучный финал ноябрьской истории. Пушкин заехал поздравить вдову историографа, но долго не задерживался, ибо дома у него были свои именинницы. Жуковский в этот день сказал Соллогубу, что письмо Геккерену, которое ему читал Пушкин, отправлено не будет. В общем, как многозначительно и с явным облегчением закончила Е. И. Загряжская свое письмо Жуковскому, написанное на следующий день после помолвки Дантеса и Екатерины Николаевны, «все концы в воду».

После аудиенции у Николая I Пушкин на какое-то время обрел душевный покой. Более десяти лет прошло с тех пор, как Пушкин имел откровенную беседу с императором 8 сентября 1826 года. Тогда, освобожденный из ссылки, Пушкин «в надежде славы и добра» написал даже благодарственные «Стансы», обращенные к царю. Давно уже разочаровавшийся в своих надеждах на императора, поэт теперь был удовлетворен тем, что дело его хотя бы известно Николаю. Затихла и противная сторона; Дантес почти перестал появляться в свете, прежде всего в тех домах, где бывали Пушкины. Это затишье продолжалось месяц, с конца ноября до конца декабря, и дало Пушкину возможность работать, что без душевного покоя было вовсе невозможно. Однако это было затишьем перед бурей, что понимал в первую очередь сам поэт.

Предстоящий зимний сезон требовал новых и новых расходов. 25 ноября Пушкин под залог шалей, жемчуга и серебра вновь берет деньги у Шишкина, на этот раз 1250 рублей. К тому же 1 декабря 1836 года истек срок возврата восьми тысяч рублей по двум заемным письмам князю Н. Н. Оболенскому, но Пушкин

просит отложить расчет до марта 1837 года. Наталья Николаевна продолжала блистать в свете красотой и нарядами. Пушкин сопровождал ее на балы. Несмотря на то что он все еще носил траур по матери, на этот раз он не отказался и от приглашений в Аничков дворец, где присутствовал с женой на придворном балу в воскресенье 29 ноября. Вечер следующего дня они провели у Вяземских. 1 декабря Пушкины с А. И. Тургеневым были в Михайловском театре на представлении драмы «Сумасшедшая» и двух водевилей: «Бал банкира» и «Сатениль». После театра они отправились в гости к Карамзиным, отмечавшим день рождения покойного историографа.

За всеми увеселениями мрачные мысли не оставляли Пушкина. 4 декабря на именинах жены Греча, как заметили некоторые гости, он был «не в своей тарелке», мрачно задумчив и рассеян. Пробыв всего с полчаса, Пушкин, надевая поданную лакеем медвежью шубу и меховые сапоги, сказал Гречу, провожавшему его до передней: «Всё словно бьет лихорадка, всё как-то везде холодно и не могу согреться; а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг!» И что-то было в произнесенной фразе от известного монолога Гамлета: «Неладно что-то в датском королевстве».

Главный праздник, открывавший зимний сезон, — это Никола зимний, именины императора, к которым готовился весь свет. Готовились праздновать и в доме Пушкиных: еще 9 ноября 1836 года Екатерина, обращаясь в очередной раз за деньгами к брату Дмитрию, просила его «принять во внимание, что 6 декабря у нас день больших торжеств». В день тезоименитства императора состоялся традиционный прием в Зимнем дворце, на котором присутствовал и Пушкин с женой. А. И. Тургенев, прибывший как раз в те дни в Петербург, записал в дневнике свои впечатления от приема, заметив: «Пушкина первая по красоте и туалету». На другой день, 7 декабря, он написал в Москву А. Я. Булгакову: «Я был во дворце с 10 часов до 3 ½ и был почти поражен великолепием двора, дворца и костюмов военных и дамских, нашел много апартаментов, новых и в прекрасном вкусе отделанных. Пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и ей подобных? — подобных! но много ли их? жена умного поэта и убранством затмевала других…»

Балы сменялись приемами и перемежались дружескими вечерами. 10 декабря А. И. Тургенев присутствовал на французском спектакле Михайловского театра в ложе Пушкиных. После театра они вместе отправились к Вяземским. 15 декабря

Тургенев проводит вечер у Пушкиных в разговорах о поэзии и о восстании 14 декабря 1825 года. Поэт прочел «Памятник» и неотосланное письмо Чаадаеву. На другой день Пушкины вновь провели вечер у Вяземских в компании с Люцероде, Жуковским, В. А. Перовским, А. И. Тургеневым, Э. К. Мусиной-Пушкиной; Тургенев записал в дневнике: «Эмилия и ее соперница в красоте и в имени». 17 декабря Пушкин с женой посещают бал у генерал-майора Е. Ф. Мейендорфа, с которым он беседует о записках Патрика Гордона, сподвижника Петра I, «История» которого так и не будет им дописана.

Тургенев, столь часто встречавшийся тогда с Пушкиным, поселился в этот свой приезд в гостинице Демута на Мойке: «Пушкин мой сосед, он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его переменившимся, озабоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа таковых, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности не заканчивая, то есть не исчерпывая ее никогда; его жена повсюду прекрасна как на балу, так и в своей широкой черной накидке у себя дома. Жених ее сестры очень болен, он не видается с Пушкиными».

С 13 декабря в приказе по полку Дантес значится больным «простудною лихорадкою». Болезнь Дантеса и вовсе избавила Пушкина от возможных встреч, но не могла избавить от постоянных разговоров о предстоящей свадьбе: о ней говорил весь город, сплетни дошли до Варшавы и провинции. Один Пушкин, кажется, не верил в нее до самого венчания. Данзас, будущий секундант Пушкина, однажды встретив его с женою и свояченицами на выходе из театра, поздравил Екатерину Николаевну, на что Пушкин пошутил: «Моя свояченица не знает теперь, какой она будет национальности: русскою, француженкою или голландкою?» Недогадливый Данзас не усмотрел в этой шутке ничего обидного, посчитав ее проявлением милой любезности по отношению к невесте.

Дом Пушкиных был по-прежнему закрыт для Дантеса. Как полагали современники, а до недавнего времени и потомки, жених и невеста виделись только у тетки Загряжской в обусловленные часы. Однако оказалось, что Екатерина, забыв все условности, навещала Дантеса на его квартире. В нескольких письмах Дантеса невесте, которые стали известны в наши дни, встречаются упоминания о таких визитах. Так, во второй половине декабря он пишет: «Я не попросил вас подняться ко мне сегодня утром, поскольку г-н Антуан, который всегда поступает по-своему, счел нужным впустить Карамзина, но надеюсь, завтра

не будет препятствий повидаться с вами, так как мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла *картошка* с прошлого раза». Что имеется в виду под картошкой, точно сказать невозможно, это могло быть понятно только им двоим. Можно вспомнить версию о том, что Екатерина зачала своего первенца еще до брака. К ней вернул пушкинистов голландский ученый Франс Суассо, выдвинув в своих сравнительно недавних исследованиях новые доводы в ее пользу. Хотя вполне возможно, что речь в письме Дантеса идет всего лишь о проявлениях у его невесты простуды, тем более что в постскриптуме сказано: «Сейчас ко мне пришел барон и поручил побранить вас, что мало заботитесь о том, чтобы вылечить свою простуду». Однако как ни толкуй эти слова, очевидно, что Екатерина Николаевна в качестве невесты позволяла вольности со стороны жениха. Так, в другом письме, относящемся уже к концу декабря, скорее всего, к 24-му числу, незадолго до того как Дантес снова появляется в свете, он пишет: «Добрая моя Катрин, вы видели нынче утром, что я отношусь к вам почти как к супруге, поскольку запросто принял вас в самом невыигрышном неглиже».

Екатерина Николаевна со «смертельным нетерпением», по ее собственному выражению, ожидавшая замужества, 19 декабря сообщает брату Дмитрию, что свадьба назначена на 10 января, и просит непременно приехать. С этой целью она даже хлопочет через Геккерена перед Нессельроде о предоставлении брату, состоявшему в Москве в архиве Министерства иностранных дел, краткого отпуска. Екатерина Николаевна занята исключительно собой, и только Александра Николаевна передает Дмитрию просьбы Пушкина и Натальи Николаевны.

Вечер 19 декабря Пушкины провели у княгини Екатерины Николаевны Мещерской, дочери Н. М. Карамзина. А. И. Тургенев сделал в дневнике запись о разговоре, имевшем место после ухода Пушкиных: «О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступался».

Один бал сменялся другим. На следующий день Пушкин опять сопровождает жену в Зимний дворец. 22 декабря следует новый бал, на этот раз у князей Барятинских, который почтили своим присутствием императорская чета и брат царицы, прусский принц Карл. Порой Пушкин, отвезя сестер на бал, отправляется домой работать, а потом возвращается за ними к разъезду. Как раз в этот день, 22 декабря, выходит четвертый том «Современника» с «Капитанской дочкой». Одна из глав называется «Поединок». Тема дуэли, столь занимавшая тогда Пушкина, решена в ней в том духе, который был ему близок, хотя написана повесть была до рассматриваемых событий, происходивших в

жизни автора, да и сюжет ее далек от переживаний, испытываемых им ко времени, когда повесть увидела свет. Но была в описанной коллизии та вечная борьба добра и зла, которая по-своему отбрасывала свет на жизнь Пушкина. Капитан Швабрин, отвергнутый Машей Мироновой, в отместку злословит о ней, чем вызывает негодование Петруши Гринева, вызывающего своего соперника на поединок. В вымышленном и реальном сюжете героя и автора роднит благородное стремление защитить свою честь и честь той, кого они любят.

Той же датой декабря помечено письмо Анны Николаевны Вульф сестре Евпраксии: «Пушк.<ина> я не видала потому, что они переехали на новую квартиру, и я никак не могу узнать, где они теперь живут». Пишет она и о «дипломе с золотыми рогами», сообщает, что вследствие этой истории устроилась свадьба Екатерины Гончаровой. О том же из далекой Варшавы О. С. Павлищева ведет речь в письме отцу от 24 декабря 1836 года: «Вы сообщаете мне новость о выходе Екатерины Гончаровой за барона Дантеса. По словам г-жи Пашковой, которая об этом пишет своему отцу, это удивляет весь город и предместья не потому, что один из самых красивых кавалергардов и самых модных мужчин, имеющий 70 тысяч рублей доходу, женится на m-lle Гончаровой, — она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, — но потому, что его страсть к Натали ни для кого не была секретом. Я об этом прекрасно знала, когда была в Петербурге, и тоже подшучивала над этим; поверьте мне, тут что-то либо очень подозрительное, либо — недоразумение, и, может быть, будет очень хорошо, если свадьба не состоится».

Сам Пушкин в конце декабря сообщал отцу: «Моя свояченица Катерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника голландского короля. Это очень красивый и славный малый, весьма в моде, богатый и на четыре года моложе своей невесты. Приготовление приданого очень занимает и забавляет мою жену и сестер, меня же приводит в ярость, потому что мой дом имеет вид магазина мод и белья». Свадебные хлопоты и приближавшееся празднование Нового года требовали дополнительных расходов. 23 декабря Пушкин договаривается с издателем А. Плюшаром о подготовке однотомного сборника стихотворений и получает аванс в 1500 рублей.

В этот день барон П. А. Вревский, сообщая брату о приезде на Кавказ Л. С. Пушкина, пишет, опережая события: «Знаете ли вы, что старшая из его свояченицы, дылда, похожая на ручку от метлы… вышла замуж за барона Геккерна — бывшего Дантеса,

вертопраха из последнего потока французских эмигрантов… и кавалергардского поручика. Влюбленный в жену поэта… он желал оправдать свои ухаживания в глазах света… с чем я его поздравляю — без зависти».

Рождество Пушкины встречали в Зимнем дворце: 25 декабря они присутствовали на рождественской службе, а 26-го — на бале-маскараде среди тысячи приглашенных. На этом балу, открывавшемся по традиции полонезом, Екатерина Николаевна танцевала в паре с Геккереном. Об этом еще не выезжавший Дантес попросил свою невесту в отосланном ей утром письме: «Прежде всего, добрая моя Катрин, начну с исполнения комиссии барона, который поручил мне ангажировать вас на первый полонез, а еще просит сказать, чтобы вы расположились поближе ко двору, дабы он смог вас отыскать». Дело не в том, что Геккерен мог не отыскать Екатерину, а в том, чтобы продемонстрировать всему двору, что он приглашает на первый полонез невесту своего приемного сына. С этого эффектного и явно продуманного действия, призванного напомнить всему свету о предстоящей свадьбе и конечно же замеченного Пушкиным и Натальей Николаевной, начинается последняя страница преддуэльной истории. Екатерине в ней отводится на первых порах все та же роль домашнего шпиона. Подтверждение тому находится в письме Дантеса от 26 февраля: «Мне не нужно было вашей записки, чтобы узнать, что мадам Хитрово конфидентка Пушкина. Похоже, что она до сих пор сохранила милую привычку лезть не в свое дело; доставьте мне удовольствие, ежели с вами вновь заговорят об этом, скажите, что мадам Хитрово стоило бы больше заниматься собственным поведением, а не других, особенно по части приличий — предмета, о котором она, по-моему, давно позабыла. По крайней мере, то, как она себя ведет, заставляет в это поверить».

Дантес явно стремился появиться в обществе до Нового года и потому, числясь еще больным, 28 декабря исходатайствовал «по случаю облегчения в болезни» у командира полка через своего эскадронного командира, штабс-ротмистра Апрелева, «дозволение проезжать по хорошей погоде». Но еще 27 декабря, не получив на то официального позволения, Дантес появляется в свете, первый визит после болезни нанеся Мещерским. Софья Николаевна Карамзина пишет брату Андрею: «Третьего дня он вновь появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен. На другой день он пришел снова, на этот раз со своей нареченной и, что еще хуже, с Пушкиным; снова начались

кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, что это было ужасно смешно».

Княгиня Мещерская, в середине декабря вернувшаяся в Петербург, рассказывала позднее: «С самого моего приезда я была поражена лихорадочным состоянием Пушкина и какими-то судорожными движениями, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы».

В одну из встреч с Мещерской Пушкин рассказал ей всю историю. С. Н. Карамзина в письме брату Андрею прокомментировала: «Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения. До сих пор он упорно заявляет, что никогда не позволит жене присутствовать на свадьбе, ни принимать у себя замужнюю сестру». Софья Николаевна в первый вечер пыталась убедить Натали, чтобы она «заставила его отказаться от этого нелепого решения, которое вновь приведет в движение все языки города». О самой Наталье Николаевне она замечает, что та «ведет себя не очень прямодушно: в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре». А Дантес, как она пишет, «снова, стоя подле нее, устремляет к ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью». Свои наблюдения Софья Николаевна заключает следующим образом: «Словом, это какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не понятен; вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая свой кофе в Бадене».

При всем этом Дантес, несмотря на ухаживания за Натальей Николаевной даже в присутствии невесты, предстает под пером Карамзиной заботливым женихом, полным чувства «несомненного удовлетворения». С другой стороны, по ее словам, «Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь новому слушателю».

Другая внимательная наблюдательница, графиня

Д. Ф. Фикельмон, оценивая новую ситуацию в отношениях Натальи Николаевны и Дантеса, сочувствовала, в отличие от Софьи Николаевны, не Дантесу, а ей: «Бедная женщина оказалась в самом фальшивом положении. Не смея заговорить со своим будущим зятем, не смея поднять на него глаза, наблюдаемая всем обществом, она постоянно трепетала». Наталья Николаевна, как полагала Дарья Федоровна, не могла поверить в то, что Дантес предпочел ей сестру, и «по наивности или, скорее, по своей удивительной простоте, спорила с мужем о возможности такой перемены в его сердце, любовью которого она дорожила, быть может, только из одного тщеславия».

Приближался Новый год с празднествами и балами. 30 декабря Пушкин под заемное письмо взял у ростовщика Юрьева 3900 рублей на три месяца. Накануне Нового года Пушкины провели вечер у Карамзиных, а сам праздник встретили у Вяземских. Среди гостей были А. И. Тургенев, графиня Строганова. Был здесь и Дантес, отказать которому Вяземские в новой ситуации не могли. Он появился в качестве жениха и вечер провел с невестой, при этом стараясь оказаться поближе к Наталье Николаевне. Вяземская рассказывала позднее: «Пушкин с женой был тут же, и француз продолжал быть возле нее». Пушкин был вынужден встретить Новый год в присутствии Дантеса. Глядевшая на поэта со стороны Наталья Викторовна Строганова заметила хозяйке дома, что «у него такой страшный вид, что, будь она его женой, она не решилась бы вернуться с ним домой».

После Нового года, когда Дантес появился в обществе и возобновил свои ухаживания за Натальей Николаевной, в петербургских гостиных вновь заговорили о них. Тургенев, бывший у Вяземских 2 января, участвовал в обсуждении истории Пушкиных и Дантеса, после чего записал в дневнике: «О новостях у Вязем. Поэт — сумасшедший». Однако до свадьбы Дантес всё же вел себя довольно сдержанно, его ухаживания отмечали только в самых близких кругах: у Карамзиных и Вяземских; в большом же обществе он демонстративно выказывал свои чувства по отношению к Екатерине.

Третьего января 1837 года был издан приказ по Кавалергардскому полку: «Выздоровевшего г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, которого по случаю женитьбы его не наряжать ни в какую должность до 18 янв., т. е. в продолжение 15 дней». На другой день граф Бенкендорф в записке на имя Натальи Николаевны извещает, что государь, желая сделать приятное ей и ее мужу, посылает тысячу рублей для свадебного подарка Екатерине Николаевне.

Шестого января Пушкин с Натальей Николаевной по

приглашению, полученному от Придворной конторы тремя днями ранее, отстояли в церкви Зимнего дворца литургию по случаю праздника Богоявления, участвовали в крестном ходе по залам дворца и набережной, где на Неве была устроена иордань, наблюдали торжественное окропление знамен и штандартов под салют и присутствовали на торжестве в Портретной галерее.

Этим же днем помечено письмо от П. А. Осиповой, которая в ответ на предложение Пушкина купить Михайловское, оставив ему только усадьбу, советовала ему самому остаться хозяином, заложив имение и расплатившись с братом и сестрой: «…и вот вы хозяин Михайловского, а я охотно стану вашей управляющей…» Поздравляя с Новым годом, она пожелала: «Пусть вереница дней этого года будет вполне счастливой для вас и вашей дорогой жены». Накануне, 5 января, Пушкин в письме Павлищеву согласился было на продажу Михайловского: «Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, нам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собой». Расставаться с Михайловским Пушкину конечно же не хотелось — слишком многое было с ним связано. (Продажа Михайловского так и не состоится, оно останется за детьми поэта.) В любом случае продажа имения требовала времени, а деньги были нужны срочно. Пытаясь их раздобыть, Пушкин обратился 8 января к знакомому Вяземского, тамбовскому помещику и игроку Ф. А. Скобельцыну с письмом, содержавшим просьбу дать взаймы на три месяца три тысячи рублей.

9 января Осипова вдогонку своему первому в 1837 году письму с поздравлением шлет с оказией банку крыжовника и новое послание: «Если бы было достаточно одних пожеланий, чтобы сделать кого-либо счастливым, то вы, конечно, были бы одним из счастливейших смертных на земле…»

Между тем около 9 января приезжают в Петербург Дмитрий и Иван Гончаровы для участия в свадебных торжествах.

9 января, в канун бракосочетания Екатерины Николаевны и Дантеса, А. И. Тургенев, дважды за день встречавшийся с Пушкиным, записал в дневнике: «Я зашел к Пушкину: он читал мне свой pastiche[121] на Вольтера и на потомка Jeanne d’Arc». Речь идет о статье Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д’Арк», впервые напечатанной после его смерти в пятом томе «Современника». До публикации приведенной записи Тургенева в 1928 году П. Е. Щеголевым в третьем издании его книги «Дуэль и смерть Пушкина» все полагали, что история о Дюлисе, потомке Жанны д’Арк, вызвавшем на дуэль автора «Орлеанской девственницы», и об отказе Вольтера драться

действительно имела место. Н. О. Лернер, а позднее Д. Д. Благой, опираясь на отзыв Тургенева, доказали не только факт мистификации, но связали ее напрямую с раздумьями Пушкина между двумя дуэльными историями с Дантесом. Письмо Дюлиса с вызовом Вольтеру, вышедшее из-под пера Пушкина, дышит тем благородным негодованием, которое владело им самим. Сдержанность и краткость его концовки, вероятно, вполне соотносимы с тем не дошедшим до нас картелем, который был отослан им Дантесу: «Итак, прошу вас, милостивый государь, дать мне знать о месте и времени, также и об оружии, вами избираемом, для немедленного окончания сего дела». Хотя Пушкин был вынужден забрать свой вызов, но по существу его противник старался всеми силами избежать поединка. Отказ от поединка, представлявшийся в пушкинское время невероятным, в мистификации закрепляется последними словами: «Жалкий век! Жалкий народ!», констатирующими полное падение нравов. В статье Пушкина подчеркивается, что «Орлеанская девственница» была напечатана в Голландии — на родине барона Геккерена, а весь пафос вывода о падении нравов направлен против Франции — родины Дантеса.

С. Н. Карамзина сообщила 9 января брату Андрею: «Завтра, в воскресенье, состоится эта удивительная свадьба, мы увидим ее в католической церкви, Александр и Вольдемар будут шаферами, а Пушкин проиграет несколько пари, потому что он, изволите видеть, бился об заклад, что эта свадьба — один обман и никогда не состоится. Всё это по-прежнему очень странно и необъяснимо; Дантес не мог почувствовать увлечения, и вид у него совсем не влюбленный. Катрин во всяком случае более счастлива, чем он». Если вспомнить, что писала Софья Николаевна об отношениях между Дантесом и его невестой всего десятью днями ранее, в канун Нового года, то очевидно, что отношения эти изменились, прежде всего потому, что Дантес стал открыто ухаживать за Натальей Николаевной, вновь возбудив толки в петербургских гостиных. Самого Пушкина более всего беспокоило, что эти толки расходились по России, доходя до тех людей, мнением которых он неизменно дорожил.

Трезвый подход к оценке предсвадебной ситуации продемонстрировала императрица Александра Федоровна, написавшая баронессе Е. Ф. Тизенгаузен: «Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. — Неужели причиной его явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется, — бесполезно, слишком поздно».

Десятого января в двух петербургских храмах —

православном Исаакиевском и католическом Святой Екатерины — состоялось по двум обрядам венчание Екатерины Гончаровой и Жоржа Дантеса. Пушкин на него не поехал. Наталья Николаевна по его разрешению присутствовала только на венчании и уехала тотчас после обряда, не оставшись на свадебный ужин.

В Исаакиевской церкви при Адмиралтействе, прихожанами которой были тогда Пушкины, венчал новобрачных священник Андрей Райковский. В метрической книге было записано о венчании барона Карла Георга Геккерена, 25 лет, с фрейлиной девицей Екатериной Гончаровой, 26 лет. Поручителями по жениху значатся ротмистр Бетанкур и виконт д'Аршиак, а по невесте — поручик Иван Гончаров, полковник Александр Полетика и нидерландский посланник барон Геккерен. В костеле Святой Екатерины на Невском проспекте обряд проводил настоятель Дамиан Иодзевич, а в качестве свидетелей расписались барон Геккерен, Александр Полетика, Бетанкур, виконт д'Аршиак и граф Строганов. За подписью Екатерины Гончаровой в пункте, касающемся возраста невесты, указано: «Je suis âgée de 29 ans[122]».

Екатерина Николаевна указала свой возраст с некоторым опережением. Поскольку она родилась 22 апреля 1809 года, то 29 лет ей должно было исполниться через три с половиной месяца. Пушкин в письме отцу правильно указал разницу в возрасте между ней и Дантесом в четыре года. В то же время в записи о венчании в Исаакиевской церкви возраст невесты указан неверно. Разницу в сведениях о возрасте, записанных со слов самой Екатерины Николаевны, можно объяснить различной степенью требовательности к их достоверности в католическом и православном храмах. В первом случае запись дается под клятвой и заверяется свидетелями, во втором — делается дьячком на веру без клятв и свидетельских подписей. Так что, как бы ни хотелось невесте показать себя моложе, почти ровесницей жениха, она могла себе это позволить в православном храме, но не могла сделать того же в католическом.

Софья Николаевна Карамзина записала: «Итак, свадьба Дантеса состоялась в воскресенье: я присутствовала при одевании мадемуазель Гончаровой, но когда эти дамы сказали, что я еду вместе с ними в церковь, ее злая тетка Загряжская устроила мне сцену. Из самых лучших побуждений, как говорят, опасаясь излишнего любопытства, тетка излила на меня всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю от нескромных выражений участия: мне кажется, что в доме ее боятся, никто не поднял голоса в мою пользу, чтобы, по крайней мере, сказать, что они сами меня пригласили». Ее братья Александр и Владимир

Карамзины были шаферами Екатерины Николаевны. Александр Карамзин, рассказывая в письме брату Андрею о свадьбе, полагал, что вся история подошла к благополучному финалу: «Неделю назад сыграли мы свадьбу барона Эккерна с Гончаровой. Я был шафером Гончаровой. На другой день я у них завтракал. Leur intérieur élegant[123] мне очень понравился. Тому два дня был у старика Строганова (le père assis[124]) свадебный обед с отличными винами. Таким образом, кончился сей роман a la Balzac к большой досаде с. — петербургских сплетников и сплетниц».

Екатерина Николаевна, направляясь 10 января в церковь в сопровождении братьев Дмитрия и Ивана, навсегда оставляла дом Пушкиных, куда заехала еще только однажды уже после смерти поэта — проститься с Натальей Николаевной, покидавшей Петербург.

Братья Гончаровы тотчас после свадьбы уехали из столицы, даже не попрощавшись с новобрачной, за что получили упреки от нее в письме от 19 января: «Честное слово, видано ли было когда-нибудь что-либо подобное, обмануть старшую сестру так бесцеремонно; уверять, что не уезжают, а несколько часов спустя — кучер, погоняй! и господа мчатся во весь опор по большой дороге. Это бесчестно, и я не могу от вас скрыть, мои дорогие братья, что меня это страшно огорчило, вы могли бы все же проститься со мной». Она называет себя «самой счастливой женщиной на земле», супруга — «ангелом», но признается, что это счастье слишком велико и что оно ее пугает. Из деловой части того же письма мы узнаём, что Дмитрий Николаевич дал Геккерену-младшему обещание выдавать его жене ежегодно по пять тысяч рублей. Это письмо она подписывает уже «Е. Геккерн».

На следующий день после свадьбы в нидерландском посольстве был дан свадебный завтрак; гостям показали и апартаменты новобрачных, по поводу которых Софья Николаевна писала: «Ничего не может быть красивее, удобнее и очаровательно изящнее их комнат, нельзя представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем лица всех троих, потому что отец является совершенно неотъемлемой частью как драмы, так и семейного счастья. Не может быть, чтобы всё это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность, и притом такую игру им пришлось бы вести всю жизнь!» Тем не менее ей, посвященной во все перипетии отношений между участниками этой истории, не верится в искренность семейства Геккеренов, рассуждения о которых она заканчивает словом «Непонятно!».

На другой день молодожены приехали было с визитом к

Пушкиным, но приняты не были. Однако 14 января поэт был вынужден присутствовать на обеде у Г. А. Строганова. Данзас, конечно же со слов Пушкина, вспоминал: «На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирения его с Дантесом. Примирение это, однако, не состоялось, и, когда после обеда барон Геккерен, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет все прошлое и изменит настоящие отношения свои к нему на более родственные, Пушкин отвечал сухо, что, невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом».

Вечером этого дня Пушкины были у французского посланника де Баранта. Тургенев сделал в дневнике очередную краткую запись: «Бал у французского посла. Прелесть и роскошь туалетов. Пушкина и ее сестра». Вероятно, на этом балу произошел тот инцидент между Пушкиным и Екатериной Николаевной, о котором позднее в ходе суда говорил Дантес в свое оправдание: якобы Пушкин, подойдя к его жене, предложил ей выпить за его здоровье, а когда она отказалась, то пригрозил: «Берегитесь! Я принесу вам несчастье». По его же словам, Пушкин подсаживался к сестрам, говоря: «Чтобы видеть, каковы вы вместе, каковы у вас лица, когда вы разговариваете». Свои впечатления от четы Геккеренов на балу у французского посла передал и П. А. Вяземский: «Мадам Геккерен имела счастливый вид, который молодил ее на десять лет». Ироничный князь Вяземский знал, конечно, о значительной разнице в возрасте между молодоженами. Отметив, что Екатерина много танцевала, он добавил, что «муж тоже много танцевал, и никакая тень брачной меланхолии не легла на черты его лица, такого красивого и выразительного».

Геккерены избрали для себя в те дни ту линию поведения, которая выставляла их в самом выгодном свете. Дантес демонстрировал свое безоблачное счастье, держался вблизи супруги, так что окружающим картина их семейного счастья представлялась самой идиллической. На этом фоне мрачный и раздраженный Пушкин своим поведением вызывал недоумение. Друзья поэта продолжали обсуждать ситуацию, нежелание его общаться с Дантесом. Тургенев после одного из вечеров у Вяземских записывает: «…о Пушкиных, Гончаровой, Дантесе-Геккерне». Друзья, стремившиеся предотвратить дуэль любым путем, старались убедить Пушкина: раз он уверен в невинности

своей жены, в чем уверены и они сами, да и в свете на самом деле убеждены в том же, то зачем мучиться? не лучше ли если не примириться с Дантесом, то хотя бы соблюдать внешние нормы общения? На это Пушкин возражал, что ему недостаточно уверенности друзей и светского Петербурга, что до других, не принадлежащих к большому свету кругов, информация доходит в искаженном виде, распространяется по России, которой он принадлежит, и что ему дорого его незапятнанное имя в глазах всех, а не избранных.

То, что Дантес всего лишь ловко исполнял роль счастливого молодожена, вводя в заблуждение окружающих, понял позднее Александр Карамзин, писавший: «А Дантес, руководимый советами своего старого неизвестно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал честью, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже П.<ушкиной>, его любви к Екатерине Г.<ончаровой>, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности». Более наблюдательный Жуковский тотчас отметил неискренность поведения Дантеса: «После свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиною. — При тетке ласка к жене; при Александрине и других, кои могли бы рассказать, des brusqueries[125]. Дома же веселость и большое согласие». То, что происходило вокруг Натальи Николаевны, замечали почти все. Тургенев после детского бала у Вяземских, состоявшегося 15 января, в день рождения их дочери Надежды, лаконично отметил в дневнике: «Пушкина и сестры ее». Поэт на этом балу сказал Екатерине Николаевне: «Берегитесь, вы знаете, что я зол, и что я кончаю всегда тем, что приношу несчастие, когда хочу». У самих Пушкиных что-то (неизвестно, что именно) отмечали 16 января. К обеду у них собрались гости, а об угощении свидетельствует записка Пушкина в ресторан Фильета с просьбой о присылке паштета из гусиной печенки на 25 рублей, а в погребе Рауля в этот день было куплено восемь бутылок вина.

Семнадцатого января Пушкин получил письмо от П. А. Осиповой с сообщением о приезде в Петербург ее дочери, баронессы Е. Н. Вревской, а от привезшей письмо гувернантки узнал и записал на его последней странице адрес: «8 линия. Вревская». На другой день он навестил Евпраксию Николаевну, о чем она написала мужу: «Вчера я была очень удивлена появлением Пушкина, который пришел меня повидать, как только

узнал о моем приезде… Он меня очень благодарил за твое намерение купить Мих<айловское>. Он мне признался, что он ничего другого не желал, как чтобы мы стали владельцами этого имения. Он хотел нам продать свою часть». Евпраксия Николаевна еще в начале января приехала в Петербург из своего Голубова, но только теперь Пушкин узнал ее адрес и с тех пор часто и подолгу бывал у нее вплоть до дня, предшествовавшего дуэли с Дантесом. Ей пересказывал он все те сплетни, которые рождались в свете по поводу его семейной жизни. На ее взгляд, все это был вздор, но Пушкин видел в нем посягательство на свою честь и святость семейного очага. Пересказывал он и то, что передавала ему Наталья Николаевна, что, по мнению Вревской, подливало масло в огонь и будоражило и так чрезвычайно раздраженного Пушкина. Откровенный с Евпраксией по давней привычке, он представал перед ней, мучимый ревностью и, как она полагала, двусмысленностью своего положения.

Между тем в свете продолжали отмечать свадьбу Дантеса и Екатерины Николаевны. Рауты и вечера следовали один за другим. В понедельник 18 января Пушкины посетили раут у саксонского посланника Люцероде, где в честь молодых устроены были танцы. Тургенев в этот вечер имел разговор с Натальей Николаевной, записав в дневнике, «…долго говорил с Нат. Пушкиной и она от всего сердца». Вяземский писал: «…В полночь поехал к Люцероде, которые устроили вечер для молодых Геккеренов. Вечер был довольно обычный, народу было мало». Таким образом, существует два свидетельства об этом вечере, причем в первом прямо говорится о присутствии на вечере Натальи Николаевны, но ни в одном нет указания на то, что Пушкин также был у саксонского посланника. Представляется маловероятным, чтобы Пушкин отпустил жену одну на вечер с танцами, на котором заведомо должен был присутствовать Дантес, однако несомненных свидетельств его пребывания у Люцероде нет. Если учесть, что намерение превратить обычный раут в танцевальный вечер могло возникнуть в последний момент, то не исключено, что Пушкин отпустил дам одних.

Всю эту неделю, когда Дантес был освобожден от несения службы, а празднества в честь новобрачных следовали одно за другим, свет хотя и отметил внимание к Наталье Николаевне со стороны новоявленного родственника, но не увидел в нем ничего нового, а лишь счел возвращением к старому. Но уже через два дня был замечен резкий перелом в поведении Дантеса: он стал проявлять дерзость по отношению к Наталье Николаевне. Обычно считается, что Дантес начал бравировать, чтобы доказать всем, что он не боялся дуэли. Однако это не совсем логично:

общественное мнение и так было на его стороне. Произошел некий случай, в корне изменивший поведение Дантеса по отношению к Наталье Николаевне. И этим случаем представляется подстроенное Идалией Полетикой свидание Дантеса с женой Пушкина.

Подстроенное свидание

Отвергнув современную гипотезу о том, что свидание это состоялось 2 ноября 1836 года, попытаемся датировать его. Одним из документов, указывающих на время этого подлого действия со стороны Дантеса и Идалии Полетики, является письмо Александры Гончаровой брату Дмитрию от 19 января, в котором она сообщает: «Всё кажется довольно спокойным. Жизнь молодоженов идет своим чередом. Катя у нас не бывает; она видится с Ташей у тетушки и в свете. Что касается меня, то я иногда хожу к ней, я даже один раз там обедала, но признаюсь тебе откровенно, что я бываю там не без довольно тягостного чувства. Прежде всего, я знаю, что это неприятно тому дому, где я живу, а во-вторых, мои отношения с дядей и племянником не из близких; с обеих сторон смотрят друг на друга несколько косо, и это не очень-то побуждает меня часто ходить туда. Катя выиграла, я нахожу, в отношении приличия, она чувствует себя лучше в доме, чем в первые дни: более спокойна, но, мне кажется, скорее печальна иногда». В этом письме Александрина, от которой, как она не раз говорила, ничто не может укрыться, пропустила две страницы, написав при этом очень выразительно: «…не читай этих двух страниц, я их нечаянно пропустила, и там, может быть, скрыты тайны, которые должны остаться под белой бумагой». К числу этих тайн относится в первую очередь история подстроенного свидания. Не случайны в письме Александрины слова: «То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит ужасную тоску». Свидание произошло в квартире А. М. Полетики в Кавалергардских казармах. По рассказу барона Густава Фризенгофа, речь идет уже о женатом Дантесе. До 18 января, пока Дантес был освобожден от несения службы, он вряд ли стал бы появляться в казармах своего полка. Наконец, только после того, как произошла эта встреча и Наталья Николаевна наотрез отказала Дантесу в его притязаниях, он в отместку мог публично вести себя с ней так вызывающе дерзко, что это было замечено в свете спустя несколько дней.

Вот как вспоминала об этом Вера Федоровна Вяземская со слов самой Натальи Николаевны, которая приехала к ней тотчас от Полетики «вся впопыхах и с негодованием рассказала, как ей удалось избегнуть настойчивого преследования Дантеса»: «Мадам N по настоянию Геккерна пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему

себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. К счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки явилась в комнату, и гостья бросилась к ней». Покинув предательский дом, она отправилась первым делом за поддержкой и советом к Вяземским, а затем домой. Судя по происходившему далее, Вяземские не советовали Наталье Николаевне рассказывать Пушкину о подстроенном свидании.

По версии дочери Натальи Николаевны от второго брака А. П. Араповой, Пушкин узнал о состоявшемся свидании из анонимного письма, которое и показал Наталье Николаевне, после чего та откровенно рассказала о том, как ее возмутило появление Дантеса и как она заявила ему, что останется навсегда глуха к его мольбам. Араповой очень хотелось обелить мать, которая в этом вовсе не нуждалась, и она только всё запутала в этой истории. Но одно конечно же заслуживает внимания — указание на то, что следствием произошедшего становится вторичный вызов на дуэль Дантеса. Как мы знаем, никакого вторичного вызова не было, а было оскорбительное письмо Пушкина Геккерену, после чего Дантес вызвал на дуэль Пушкина. Однако совершенно очевидно, что речь идет о январе 1837 года, а никак не о ноябре 1836-го. Исходя из того, что 19 января Дантес должен был приступить к несению службы по полку и вряд ли стал бы появляться в казармах ранее этого дня, особенно для того, чтобы встретиться с Натальей Николаевной, датировать свидание следует, по всей вероятности, именно этим днем. Для того чтобы до 19 января покинуть молодую жену и отправиться в казармы, у Дантеса не было оснований, да и самое его появление в казармах, когда он был освобожден от несения службы, должно было обратить на него нежелательное внимание. Накануне Наталья Николаевна видела Дантеса на рауте у Люцероде, где беседовала с Тургеневым. Именно на этом рауте Полетика и могла пригласить ее к себе на следующее утро. Вряд ли она стала бы делать это письменно. Когда же Дантес получил на свои домогательства совершенный отказ Натальи Николаевны, в возмущении покинувшей квартиру Полетики в Кавалергардских казармах, он начал мстить ей.

Дерзкое поведение Дантеса было замечено в пятницу 21 января на балу у Фикельмонов, собравшем в тот день свыше четырехсот гостей. А. К. Мердер, не танцевавшая из-за тесноты, зато внимательно наблюдавшая за присутствовавшими, особенно за Дантесом и Натальей Николаевной, записала на другой день в дневнике: «В мрачном молчании я восхищенно любовалась г-жой Пушкиной. Какое восхитительное создание! Дантес провел часть

вечера неподалеку от меня. Он оживленно беседовал с пожилою дамою, которая, как можно было заключить из долетавших до меня слов, ставила ему в упрек экзальтированность его поведения. Действительно — жениться на одной, чтобы иметь некоторое право любить другую, в качестве сестры своей жены, — Боже! Для этого нужен порядочный запас смелости…» Пожилая дама говорила тихо, и ее упреков Мердер не расслышала, зато разобрала, что Дантес возразил ей: «Я понимаю, что вы хотите дать мне понять, но я совсем не уверен, что сделал глупость!» Дама сказала достаточно громко: «Докажите свету, что вы сумеете быть хорошим мужем… и что ходящие слухи не основательны». Ответ Дантеса прозвучал вызывающе: «Спасибо, но пусть меня судит свет».

Тургенев записал об этом дне: «…на бал к австрийскому послу… любезничал с Пушкиной, Огаревой, Шереметевой…» Дантес стал с этого дня не просто ухаживать за Натальей Николаевной, но буквально преследовать ее, обращая внимание всех и компрометируя ее своим поведением. После этого раута появились анекдоты о ревности Пушкина. 22-го барышня Мердер записала гулявший по светским гостиным анекдот о том, как Пушкин, вернувшись однажды домой, якобы застал Дантеса наедине со своей женой, принял участие в разговоре, а затем погасил лампу в комнате. Дантес вызвался ее снова зажечь, на что Пушкин отвечал: «Не беспокойтесь, мне, кстати, нужно распорядиться насчет кое-чего». После этого он вышел из полутемной комнаты и, остановившись за дверью, услышав через минуту «нечто похожее на звук поцелуя», а после возвращения увидел сажу на губах Дантеса. Этот анекдот, который сам Дантес и сочинил, был повторен в позднейших воспоминаниях его однополчанина князя А. В. Трубецкого.

Наконец, 23 января явилось переломным днем во всей истории и предрешило ее исход. Дантес, чье вызывающее поведение по отношению к Пушкину и его жене и так уже было замечено в обществе, на балу у графа Воронцова-Дашкова повел себя особенно оскорбительно по отношению к Наталье Николаевне. Дарья Федоровна Фикельмон уже в день смерти поэта сделала запись в своем дневнике об этом вечере: «Наконец, на одном из балов он так скомпрометировал госпожу Пушкину своими взглядами и намеками, что все ужаснулись, и решение Пушкина было с тех пор принято окончательно». Дантес по одной из версий, взяв в буфете тарелку с фруктами, сказал громко, напирая на последнее слово: «Это для моей *законной*». По другой версии, при разъезде Дантес, подавая руку своей жене, громко сказал: «Allons, ma légitime![126]» Острота была тотчас подхвачена

толпой и разнеслась по залам и гостиным воронцовского особняка. Один из своих армейских каламбуров он нашептал Наталье Николаевне, подсев к ней, припомнив предварительно, что у нее и его жены общий мозольный оператор: «Je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui ma femme![127]» Пушкин, заметив, как вздрогнула Наталья Николаевна, тотчас увез ее с бала, и по дороге домой она передала ему содержание дерзкой выходки Дантеса.

Чуть ли не на этом самом балу император, по рассказу лицейского товарища Пушкина Модеста Корфа, «разговорился с Натальей Николаевной о сплетнях, которым ее красота подвергает ее в обществе, и посоветовал быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастия мужа, при известной его ревности». Подобный совет походил на выговор. Император якобы поведал и продолжение этой истории: «Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я. — Не только мог, — отвечал он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня до последней дуэли».

Действительно, Пушкин рассказывал Нащокину, что царь, «как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам проезжает мимо ее окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены». Вместе с тем он говорил тому же Нащокину, что им владела «совершенная уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны».

Всего за три дня до дуэли Пушкин в который раз столкнулся с Дантесом в доме Мещерских. С. Н. Карамзина записала: «В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны, которые продолжают разыгрывать свою сантиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, — это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу по чувству. В общем, все это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных».

Позднее Вяземский с рыданием признавался, что, несмотря

на многие годы дружбы, так до конца и не понял Пушкина. Чуткая Александрина, наученная своим прошлым горьким любовным опытом, стала в эти тревожные дни особенно сердечно близка Пушкину, она поддерживала его, как могла, в то время как большинство его осуждало. Этой-то сердечной близости сплетни придали совершенно иное толкование — о якобы существовавшей любовной связи между ними. Позднейшие лживые воспоминания дочери Натальи Николаевны надолго закрепили эти нелепые сплетни, существовавшие до тех пор, пока Анна Андреевна Ахматова не расставила все точки над і в своем блестящем очерке, посвященном Александрине и названном ее именем. По убеждению Ахматовой, именно Софья Николаевна Карамзина была избрана Геккеренами в качестве распространительницы этой клеветы. Незадолго до того сам Дантес задал направление для подобной сплетни, пошутив при появлении в обществе Пушкина с женой и свояченицами: «Смотрите, Пушкин со своим гаремом» и называя его «трехбунчужным пашой». Да и Ольга Сергеевна Павлищева не могла не поерничать, когда еще по поводу переезда сестер Гончаровых в Петербург писала отцу: «Александр представил меня своим женам — теперь у него их целых три». Идалия Полетика спустя годы утверждала, что дуэль произошла оттого, что Пушкин ревновал Александрину к Дантесу и боялся, что тот увезет ее во Францию. Сама Софья Николаевна, писавшая процитированные строки в самый момент дуэли Пушкина, в следующем письме брату сожалела: «А я-то так легкомысленно говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, в тот час, когда совершалась ее ужасная развязка».

Смерть Пушкина

Плетнев вспоминал о том, как за несколько дней до смерти Пушкин, прогуливаясь с ним, завещал ему написать мемуары: «У него тогда было какое-то высоко-религиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке благоволение ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни и вытребовал обещание, что я напишу свои мемуары».

В воскресенье, 24 января, Пушкиных посетили этнограф и фольклорист И. П. Сахаров и поэт Л. А. Якубович. Разговор шел о Пугачеве и «Слове о полку Игореве», а также о книге Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», готовившейся к печати. Сахарову запомнилась сцена, представлявшая семейное согласие хозяев дома: Пушкин сидел на стуле, а у ног его сидела на медвежьей шубе Наталья Николаевна,

положив голову ему на колени.

Вечером того же дня, когда Пушкин с женой выходили из театра, Геккерен, шедший сзади, шепнул ей: когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела и задрожала. После вопроса Пушкина, что сказал ей Геккерен, она пересказала поразившие ее слова. После театра Пушкины были на балу у Салтыковых на Большой Морской, где Пушкин хотел было публично оскорбить Дантеса, но тот на балу не появился.

Утром 25 января 1837 года Геккерен неожиданно явился к Пушкиным домой, но не был принят. Прямо на лестнице последняя попытка избежать конфликта закончилась ссорой.

Юный Иван Сергеевич Тургенев увидел Пушкина 25 января на концерте Габриельского, придворного флейтиста прусского короля, и позднее вспоминал: «Он стоял, опираясь на косяк и скрестив руки на широкой груди с недовольным видом посматривал кругом… смуглое лицо, африканские губы, оскал белых крепких зубов, висячие бакенбарды, желчные глаза под высоким лбом почти без бровей и кудрявые волосы…» Заметив, что незнакомец пристально его рассматривает, Пушкин с досадой повел плечом и отошел в сторону.

Вечер 25 января Пушкин и Дантес с женами провели у Вяземских. И Дантес, и обе сестры были спокойны и даже веселы, принимая участие в общем разговоре. Пушкин, уже отправивший оскорбительное письмо Геккерену, сказал, смотря на жену и Дантеса: «Меня забавляет то, что этот господин забавляет мою жену, не зная, что его ожидает дома. Впрочем, с этим молодым человеком мои счеты сведены».

Оскорбительное письмо, отправленное Пушкиным по городской почте голландскому посланнику, не оставляло никаких возможностей для примирения:

«Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда почту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднительного положения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта возвышенная и великая страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было отношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин.
26 января 1837».

В основу этого письма Геккерену легло неотправленное ноябрьское, с исключением упоминания о причастности Геккерена к анонимному пасквилю, но с дополнением, отразившим нынешнее положение вещей. Пушкин не мог не понимать, каково будет последствие подобного послания. И оно не заставило себя ждать.

В этот же день Пушкин ответил на письмо графа К. Ф. Толя от 25 января по поводу «Истории Пугачевского бунта», которую поэт ему подарил. Выражая свое отношение к личности незаслуженно забытого генерала Михельсона, Пушкин написал слова, в которых волей-неволей выразилось то состояние, в котором находился он перед дуэлью: «Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета, но одно слово, сказанное таким человеком, каков вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а *истина сильнее царя*, говорит Священное Писание».

Утром 26 января Пушкин получил ожидаемое послание от Геккерена:

«Милостивый государь.

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился к г. виконту д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, чтобы убедиться, действительно ли то письмо, на какое я сегодня отвечаю, исходит от вас. Содержание его до такой степени выходит из пределов возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности этого послания. Вы, по-видимому, забыли, милостивый государь, что именно вы отказались от вызова, направленного вами барону Жоржу де Геккерену и им принятого. Доказательство тому, что я здесь заявляю, существует — оно писано вашей рукой и осталось в руках у секундантов. Мне остается только предупредить вас, что г. виконт д'Аршиак отправляется к вам, чтобы условиться относительно места, где вы встретитесь с бароном Жоржем Геккереном, и предупредить вас, что эта встреча не терпит никакой отсрочки.

Я сумею впоследствии, милостивый государь, заставить вас оценить по достоинству звание, которым я облечен и которого никакая выходка с вашей стороны запятнать не может.

Остаюсь, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Барон де Геккерен.

Прочтено и одобрено мною.

Барон Жорж де Геккерен».

Этот ответ принес д'Аршиак; Пушкин, не читая его, принял сделанный ему вызов. Теперь в дело должны были вступить секунданты. Уехавший д'Аршиак вскоре прислал Пушкину записку:

«Прошу г-на Пушкина оказать мне честь сообщением, может ли он меня принять. Или, если не может сейчас, то в котором часу это будет возможно.

Виконт д'Аршиак, состоящий при французском посольстве».

В тот же вечер на рауте у графини Разумовской Пушкин решает найти себе секунданта. Прибыв туда в двенадцатом часу ночи, он обращается к советнику английского посольства Артуру Меджнису. Переговоры Пушкина с д'Аршиаком и Меджнисом не прошли незамеченными для знакомых. Кто-то сказал Вяземскому: «Пойдите, посмотрите, Пушкин о чем-то объясняется с д'Аршиаком; тут что-то недоброе». Вяземский отправился в их сторону, но они прекратили разговор и разошлись. К Вяземскому Пушкин обращается с невинной просьбой написать князю Козловскому об обещанной статье для «Современника».

С. Н. Карамзина запомнила последнюю встречу с Пушкиным у Разумовской: «…я видела Пушкина в последний раз; он был

спокоен, смеялся, разговаривал, шутил, он несколько раз судорожно сжал мне руку, но я не обратила внимания на это». А. И. Тургенев, встречавшийся с Пушкиным почти каждый день, также отметил его спокойствие в этот день: «Я видел Пушкина на бале у гр. Разумовской, провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости: мы долго разговаривали о многом, и он шутил и смеялся». Пушкин отправился с раута домой в ожидании известий от Меджниса, согласившегося было стать его секундантом. Однако переговорив с д'Аршиаком и поняв, что примирение противников невозможно, тот прислал Пушкину записку с отказом. Это произошло уже в половине второго ночи.

В день накануне поединка Пушкин обедал у графини Е. П. Ростопчиной, муж которой запомнил, что поэт несколько раз буквально убегал в туалетную комнату и мочил себе голову холодной водой, до того его мучил жар. А вечером того же дня Пушкин появился у Вяземских, застав там графа М. Ю. Виельгорского и В. А. Перовского. Самого хозяина дома не было, так что только княгине Пушкин рассказал о письме, посланном им Геккерену. Вера Федоровна удерживала Пушкина чуть ли не до утра, но муж, гостивший у Карамзиных, так и не появился.

Уже в день дуэли в десятом часу утра Пушкин получает новую записку от д'Аршиака: «Я настаиваю еще сегодня утром на просьбе, с которою я имел честь обратиться к вам вчера вечером. Необходимо, чтобы я имел свидание с секундантом, которого вы выберете, притом в самое ближайшее время.

До полудня я буду дома, надеясь раньше этого времени увидеться с тем, кого вам угодно будет ко мне прислать».

Пушкин в ответ пишет д'Аршиаку: «Я не имею никакого желания вмешивать праздный петербургский люд в свои семейные дела, поэтому я решительно отказываюсь от разговора между секундантами. Я приведу своего только на место поединка. Так как г. Гекерен меня вызывает и обиженным является он, то он может выбрать мне секунданта, если увидит в том надобность: я заранее принимаю его, если бы даже это был его егерь. Что касается часа, места, я вполне к его услугам. Согласно нашим, русским обычаям, этого вполне достаточно… Прошу вас верить, виконт, — это мое последнее слово, мне больше нечего отвечать по поводу этого дела, и я не двинусь с места до окончательной встречи».

Фраза о егере невольно напоминает ситуацию дуэли Ленского с Онегиным, который привез в качестве секунданта француза-камердинера:

«Но где же, — молвил с изумленьем
Зарецкий, — где ваш секундант?»
……
«Мой секундант? — сказал Евгений, —
Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
Я не предвижу возражений
На представление мое:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно малый честный».

Однако в романе Зарецкий был поставлен перед фактом, отчего вынужден был согласиться. В пушкинской истории противную сторону такой поворот событий не устроил, о чем д'Аршиак и сообщает Пушкину очередной запиской: «Оскорбив честь барона Жоржа Геккерена, вы обязаны дать ему удовлетворение. Это ваше дело — достать себе секунданта. Никакой не может быть речи, чтоб ето вам доставили. Готовый со своей стороны явиться в условленное место, барон Жорж Геккерен настаивает на том, чтобы вы держались принятых правил. Всякое промедление будет рассматриваться им, как отказ в удовлетворении, которое вы ему обязаны дать, и как попытка огласкою этого дела помешать его окончанию. Свидание между секундантами, *необходимое перед встречей*, становится, если вы всё еще отказываете в нем, одним из условий барона Жоржа Геккерена; вы же мне говорили вчера и писали сегодня, что принимаете все его условия».

Будь в это время в Петербурге Владимир Соллогуб, Пушкин отправился бы к нему, а теперь он вынужден был пуститься на поиски секунданта. Выехав из дому в санях, Пушкин отправился к Константину Россету, жившему на Пантелеймоновской улице, но не застал его дома. И тут неожиданно то ли на Цепном мосту через Фонтанку, то ли на Пантелеймоновской улице он встретил своего лицейского товарища К. К. Данзаса. Пушкин усадил его в свои сани со словами: «Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора». Через несколько минут они были уже на Миллионной улице в квартире д'Аршиака. Поприветствовав хозяина, Пушкин обратился к Данзасу: «Теперь я вас введу в сущность дела» — и рассказал о том, что произошло между ним и Дантесом, окончив объяснение словами: «Теперь я вам могу сказать только одно: если дело это не закончится сегодня же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена — отца или сына, — я им плюну в физиономию». Затем он, указав на

Данзаса, прибавил: «Вот мой секундант». Только после этого он обратился к нему с вопросом: «Согласны вы?» В этой ситуации Данзасу не оставалось ничего другого, как ответить утвердительно. Самому д'Аршиаку Пушкин пояснил причины, которые заставляют его драться: «Есть двоякого рода рогоносцы: одни носят рога на самом деле; те знают отлично, как им быть; положение других, ставших рогоносцами по милости публики, затруднительнее. Я принадлежу к последним».

После ухода Пушкина Данзас первым делом спросил д'Аршиака: «Нет ли средств окончить дело миролюбиво?» Ответ д'Аршиака, который и сам бы желал примирения сторон, но уже убедился в том, что это невозможно, был отрицательным. Оставалось обсудить условия дуэли. Составленные по-французски и подписанные обоими секундантами, они гласили:

«Условия дуэли между г. Пушкиным и г. бароном Жоржем Геккереном

1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, на пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, идя один на другого, ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Сверх того принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то, если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники ставятся на то же расстояние в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются непременными посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Нижеподписавшиеся секунданты этого поединка, облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своею честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,

инженер-подполковник.

Виконт д 'Аршиак,

атташе французского посольства».

Пятый пункт выговорил Данзас, чтобы использовать любую возможность для примирения.

Пушкин, заехав в оружейный магазин Куракина и отобрав дуэльные пистолеты, вернулся домой в приподнятом настроении,

что заметил Жуковский: «Ходил по комнате необыкнов<енно> весел, пел песни». В таком же настроении застал Пушкина помощник Смирдина, библиофил Ф. Ф. Цветаев, зашедший к нему в 12-м часу по поводу нового издания его сочинений.

Данзас привозит Пушкину условия дуэли, с которыми он согласился тотчас, не читая. Тут же он показал Данзасу копию своего письма Геккерену, сказав: «Если убьют меня, возьми эту копию и сделай из нее какое хочешь употребление». Само письмо он положил в карман сюртука, так что оно было с ним на месте дуэли. Однокашники договорились встретиться в кондитерской Вольфа и Беранже, после чего Данзас уехал за пистолетами, выбранными Пушкиным. Оставшись один, Пушкин приводит в порядок бумаги на столе, среди которых после его смерти будет найдено письмо к Бенкендорфу. Ему осталось написать последнее в своей жизни письмо — ответ писательнице Ишимовой, пригласившей его для встречи, от которой он вынужден был отказаться. После этого он вымылся, переоделся во всё чистое и велел подать бекешу, но, выйдя на улицу, вернулся, чтобы сменить ее на большую медвежью шубу. Около четырех часов Пушкин уже был в кондитерской Вольфа и Беранже, где его дожидался Данзас. Пушкин выпил стакан лимонаду, и они пустились в путь.

Когда, проехав начало Невского проспекта и Дворцовую площадь, они выехали на Дворцовую набережную, то встретили Наталью Николаевну, которая с детьми возвращалась домой с детского праздника у княгини Е. Н. Мещерской. Данзас один заметил ее, но они разъехались. Пушкин смотрел в другую сторону, а Наталья Николаевна была занята детьми, да и по близорукости не заметила Пушкина, тем более что ехал он с Данзасом на извозчике. Наталья Николаевна повернула к Мойке, а Пушкин с Данзасом съехали на лед Невы и срезали путь через Петропавловскую крепость. Пушкин пошутил: «Не в крепость ли ты везешь меня?» — «Нет, — отвечал Данзас, — через крепость на Черную речку самая близкая дорога». Так кратчайшим путем они вскоре выехали на Каменноостровский проспект. Он был в это время довольно оживлен: публика возвращалась с Островов к обеду после катаний. Пушкина окликнула дочь саксонского посланника А. фон Габленц, а встречные офицеры, князь В. Д. Голицын и А. И. Головин, дружно воскликнули, решив, что они направляются кататься: «Что вы так поздно едете, все уже оттуда разъезжаются?!» Данзас, желая дать понять, что едут они отнюдь не на катания, и стремясь предотвратить дуэль, выбрасывал из саней пули, но и на это никто не обратил внимания. По пути им попалась и чета Борх в карете с кучером и

форейтором. Именем графа И. М. Борха был подписан ноябрьский пасквиль. Пушкин не преминул заметить: «Вот две образцовых семьи». Увидя, что Данзас его не понял, пояснил: «Ведь жена живет с кучером, а муж с форейтором». Итак, никто из встречных ничего не заподозрил, кроме юной графини А. К. Воронцовой-Дашковой: встретив вначале сани с Пушкиным и Данзасом, а потом с Дантесом и д'Аршиаком, «приехав домой, она в отчаянии говорила, что с Пушкиным непременно произошло несчастье».

К этому времени, примерно в половине шестого, участники дуэли почти одновременно добрались до Черной речки, встретившись у Комендантской дачи. Секунданты выбрали за ней удобное место для дуэли в огородах купца Мякишева и вместе с Дантесом стали вытаптывать дорожку длиной в обусловленные 20 шагов. Пушкин не принял участия в приготовлениях, усевшись на сугроб, и равнодушно взирал на происходящее. Когда Данзас спросил его, находит ли он выбранное место удобным, он нетерпеливо ответил: «Мне это совершенно всё равно, только, пожалуйста, делайте всё это поскорее».

Когда приготовления были закончены и противники встали по местам, обозначенным сброшенными шубами, сигнал сходиться подал Данзас взмахом шляпы. Противники стали сближаться. Пушкин первым подошел к барьеру, остановился и стал наводить пистолет. Дантес, не доходя до барьера одного шага, вскинул пистолет и выстрелил. Пушкин был ранен и, падая, сказал: «Je crois que j'ai la cuisse fracassée[128]». На самом деле пуля попала в нижнюю часть живота и застряла в крестце. Секунданты бросились к нему, но когда туда же направился Дантес, Пушкин удержал его словами: «Attendez! Je me sens assez de force, pour tirer mon coup[129]».

Дантес вернулся на то место, с которого он произвел выстрел, и встал, повернувшись к Пушкину правой стороной, положив руку с пистолетом на грудь. При падении Пушкина его пистолет попал в снег, который набился в дуло. Ему подали другой заряженный пистолет, он стал целиться лежа с локтя. Это продолжалось минуты две, потом прозвучал выстрел. Пуля попала Дантесу в поднятую правую руку, что спасло ему жизнь. Пробив мякоть руки навылет, пуля ударилась в пуговицу мундира, продавившую противнику два ребра. Дантес упал. Пушкин подбросил вверх пистолет, воскликнув «Браво!» и потерял сознание. Через минуту, придя в себя, Пушкин спросил д'Аршиака: «Убил я его?» — «Нет, — ответил тот, — вы его ранили». «Странно, — сказал Пушкин, — я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет… Впрочем, всё равно. Как только мы поправимся, снова начнем». Эти слова, услышанные д'Аршиаком,

отняли у него надежду на возможность примирения. Впрочем, жить Пушкину оставалось менее двух дней.

Наталья Николаевна, разминувшись с Пушкиным и Данзасом на Дворцовой набережной, привезла от князей Мещерских старших детей Марию и Александра и, накормив всех, ожидала мужа к обеду в то время, когда он был уже смертельно ранен. Секунданты, разобрав ограду и подозвав извозчиков, усадили раненых в сани, но когда доехали до Комендантской дачи, то увидели там карету, присланную на всякий случай бароном Геккереном. Этой каретой, как более удобной, Дантес предложил воспользоваться Данзасу, чтобы отвезти на ней домой Пушкина, раненного более тяжело. Он также предложил Данзасу скрыть участие того в дуэли. Согласившись на первое предложение, от второго Данзас напрочь отказался. Пересадив Пушкина в карету и не говоря ему, чья она, Данзас уселся с ним рядом, и они отправились на Мойку. Пушкин держался твердо, хотя несколько раз терял сознание. Чувствуя жгучую боль, он припомнил поединок их общего знакомого, офицера лейб-гвардии Московского полка М. Н. Щербачева, стрелявшегося с известным дуэлянтом Дороховым. На этой дуэли, состоявшейся под Петербургом 2 сентября 1819 года, Щербачев был смертельно ранен в живот и в тот же день скончался. Пушкин сказал Данзасу: «Я боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев».

Пушкин вспомнил и собственную дуэль в Кишиневе в 1823 году с офицером Генерального штаба Зубовым, которого он уличил в нечистой карточной игре. Как и Дантес, Зубов выстрелил первым, но промахнулся. Пушкин не использовал своего выстрела. Вероятно, теперь Пушкин рассчитывал, что Дантес, торопясь выстрелить первым, промахнется или легко его ранит, и тогда он сможет спокойно, прицельно стрелять. На этот раз отказываться от выстрела Пушкин не собирался, но хотел использовать преимущество второго стреляющего. Это был расчет опытного дуэлянта и хорошего стрелка. Он был нарушен выстрелом Дантеса — хотя и торопливым, но тем не менее нанесшим поэту роковую рану. Пушкин в ответ метко ранил Дантеса на уровне груди, но, как оказалось, легко. Уже догадываясь об исходе поединка, более всего Пушкин беспокоился, как бы по приезде домой не испугать жену, и просил Данзаса сказать ей, что нет ничего страшного.

Когда подъехали к дому Волконской, Данзас направился к Наталье Николаевне, чтобы доложить ей о произошедшем, но люди в передней сказали, что ее нет дома. Уже беспокоившаяся из-за отсутствия мужа, опаздывавшего к обеду, она велела прислуге никого не принимать, говоря, что хозяев нет. Когда

Данзас объяснил, в чем дело, и послал людей вынести раненого Пушкина, то они объявили, что хозяйка дома. Данзас через столовую с накрытым к обеду столом и гостиную прошел без доклада к ней в будуар. Она сидела вместе с сестрой Александриной, которая, единственная в доме, могла подозревать, что происходит, так как Пушкин сообщил ей о письме, отправленном Геккерену. Появление Данзаса испугало Наталью Николаевну, она с тревогой взглянула на него. Сколь можно спокойнее Данзас сказал, что Пушкин стрелялся с Дантесом и был легко ранен. Наталья Николаевна бросилась в переднюю, куда бывший дядька Пушкина Никита Козлов вносил Пушкина на руках. Еще на лестнице тот спросил его: «Грустно тебе нести меня?» Увидев раненого мужа, Наталья Николаевна упала в обморок.

Жуковский записал позднее: «Жена встретилась в передней — дурнота — n'entrez pas[130]. Его положили на диван. Горшок. Раздели. Белье сам велел, потом лег. У него всё был Данзас. Жена вошла, когда он был одет, и когда уже послали за Арендтом». Дом лейб-медика Н. Ф. Арендта располагался напротив, за Мойкой. За ним отправился Данзас, но не застал; пошел к доктору Х. Х. Саломону, но и того не было. Попытка пригласить доктора Персона также оказалась неудачной. По совету его жены Данзас направился в Воспитательный дом[131], где наверняка нашел бы врача, но по дороге встретил доктора В. Б. Шольца, который сказал, что, как акушер, не может быть полезен Пушкину, но обещал привести к нему другого врача. Данзас вернулся к Пушкину, найдя его уже раздетым и лежащим на диване, с сидящей подле него Натальей Николаевной. В седьмом часу прибыли доктор Шольц с доктором К. К. Задлером. Они застали Пушкина в кабинете в окружении жены, Данзаса и Плетнева, который пришел за Пушкиным, чтобы пойти с ним к себе, как обычно по средам. Увидев врачей, Пушкин попросил жену и друзей удалиться. Подав Задлеру руку, он сказал:

— Плохо со мною!

Пушкин спросил Шольца:

— Что вы думаете о моей ране? Я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу; дорогою шло много крови, — скажите мне откровенно, как вы рану находили?

Последовал ответ:

— Не могу вам скрывать, что рана ваша опасна.

— Скажите мне, — смертельная? — продолжал настаивать Пушкин.

Шольц признался:

— Считаю долгом вам это не скрывать, — но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано.

— Спасибо! Вы поступили со мною как честный человек, — сказал Пушкин, потерев при этом рукою лоб. — Нужно устроить свои домашние дела.

Через несколько минут он сказал:

— Мне кажется, что много крови идет?

Шольц осмотрел рану, крови было немного, как бывает при внутреннем кровотечении, сменил компресс и спросил:

— Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей?

— Прощайте, друзья! — сказал Пушкин, озирая книги, и прибавил: — Разве вы думаете, что я час не проживу?

— О, нет, — живо возразил Шольц, — не потому, но я полагал, что вам приятнее кого-нибудь из них видеть… Господин Плетнев здесь.

— Да, но я бы желал Жуковского. Дайте мне воды, меня тошнит.

Шольц прощупал пульс, рука была холодная, пульс малый, скорый; вышел за питьем и попросил послать за Жуковским. К Пушкину вошел Данзас. Тут приехали сразу три врача — Задлер, Арендт и Саломон. Шольц оставил Пушкина, который добродушно пожал ему руку на прощание. Прибывший первым, Задлер осмотрел рану и наложил новый компресс. Данзас, выходя с ним из кабинета, спросил, опасна ли рана.

— Пока еще ничего нельзя сказать, — ответил Задлер.

Приехавший за ним Арендт также осмотрел рану. Пушкин и его просил сказать откровенно о его состоянии, прибавив, что какой бы ни был ответ, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать нужные распоряжения.

— Если так, — отвечал Арендт, — то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не вижу надежды.

Пушкин поблагодарил Арендта за откровенность и только попросил не говорить того же жене.

В начале восьмого вечера приехал домашний врач Пушкиных доктор Спасский, заставший Арендта и Задлера. Подавая Спасскому руку, Пушкин сказал:

— Что, плохо?

Тот попытался его успокоить, но Пушкин, сделав отрицательный жест рукою, добавил:

— Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо

знаете; она должна всё знать. Впрочем, делайте со мною, что угодно, я на всё согласен и на всё готов.

После отъезда врачей он остался на попечении Спасского, который исправно исполнял сделанные ими предписания. По желанию родных и друзей именно он сказал Пушкину об исполнении христианского долга, на что он тотчас согласился.

— За кем прикажете послать?

— Возьмите первого, ближайшего священника.

Было уже поздно, и за священником решили послать утром.

Часы пробили восемь вечера, когда вернулся доктор Арендт. Осмотрев рану, он оставил Пушкина на попечение Спасского. Пушкин спросил у того, что делает жена. Врач ответил, что она несколько успокоилась. Пушкин заметил:

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском.

— Не уехал ли еще Арендт? — спросил затем Пушкин.

Услышав, что Арендт еще здесь, сказал:

— Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат.

Эту просьбу Спасский передал Арендту, который должен был увидеть императора. При прощании Пушкин лично повторил свою просьбу. Арендт обещал вернуться к одиннадцати часам, сказав, что он по своему долгу придворного врача обязан обо всем доложить государю. В передней Арендт сказал Данзасу:

— Штука скверная, он умрет.

Между тем собрались ближайшие друзья и родные: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, М. Ю. Виельгорский, П. И. Мещерский, П. А. Валуев, А. И. Тургенев, Е. И. Загряжская. С этого времени и до самой смерти поэта они лишь на короткое время оставляли его дом и снова возвращались. Жуковский взял на себя все хлопоты, он же велел закрыть дверь с лестницы в переднюю, так как напротив была дверь в кабинет, где лежал Пушкин, и шум мог его беспокоить. Входить в квартиру стали теперь через служебную дверь, ведущую с нижней площадки лестницы в буфетную. Оттуда проходили в столовую и только потом шли или через переднюю к Пушкину, или через гостиную к Наталье Николаевне.

Уехав от Пушкина, Арендт отправился во дворец, но императора не застал: тот был в театре, где и узнал о состоявшейся дуэли. Около полуночи фельдъегерь привез Арендту повеление ехать к Пушкину, отвезти ему собственноручное письмо царя с тем, чтобы, прочитав его Пушкину, возвратиться с ним назад и рассказать о его состоянии. В записке императора Арендту стояло: «Я не лягу, я буду ждать». В полночь Арендт снова был у Пушкина. Записка, которую он

привез, карандашом написанная Николаем I прямо в театре, гласила: «Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки». Император прощал Пушкину то, что он в нарушение обещания, данного при их встрече 23 ноября 1836 года, не предупредил его о предстоящей дуэли. Как ни просил Пушкин оставить ему письмо, Арендт не мог этого сделать. Уезжая, он сказал доктору Спасскому, чтобы в случае надобности немедленно послали за ним. После отъезда Арендта Пушкин позвал Наталью Николаевну, рассказал ей о письме и просил не быть постоянно в его комнате, сказав, что сам будет посылать за ней. Эту ночь с 27 на 28 января она без сна провела не в своей комнате, а в гостиной, за стеной кабинета. Оставшись со Спасским, Пушкин просил его подать из ближнего ящика какую-то по-русски написанную бумагу и сжечь на его глазах. Спасский, в свою очередь, спросил, не угодно ли ему сделать какие-то распоряжения. Ответ был лаконичным: «Все жене и детям».

Затем Пушкин остался наедине с вошедшим Данзасом, которому продиктовал свои долги и подписал их реестр довольно твердой рукой. Долгов накопилось до 140 тысяч. Теперь, после письма царя, Пушкин был уверен, что они будут заплачены казной. Данзас по его просьбе подал ему шкатулку со стола. Пушкин извлек из нее кольцо и просил принять его на память о нем. Данзас сказал, что готов отомстить за него, вызвав на дуэль Дантеса. Пушкин живо возразил: «Нет, нет — мир, мир».

Ночью Наталья Николаевна несколько раз прокрадывалась в комнату, где лежал Пушкин, и прислушивалась. Он не мог ее видеть, так как лежал на диване в выгороженном углу кабинета, но тотчас ощущал ее присутствие и повторял: «Жена здесь, отведите ее». Она попробовала было приоткрыть со стороны гостиной дверь, которой не пользовались, поскольку она была перекрыта стеллажами с книгами, но Пушкин услышал и это и велел дверь закрыть. Однажды он подозвал ее к себе и сказал: «Будь спокойна, ты невинна в этом». В кабинете с Пушкиным все время оставался Данзас.

В эту первую ночь боли усилились до такой степени, что Пушкин в какой-то момент не смог сдержать крик, долетевший до соседней гостиной, где находились Вяземская и Наталья Николаевна, которая как раз забылась сном минут на десять. Вяземская сказала ей, что кричал кто-то на улице. Ночью у Пушкина даже появилась мысль о том, чтобы застрелиться, и он приказал камердинеру подать ему ящик, где лежали пистолеты. Он доложил Данзасу, а тот отобрал ящик у Пушкина.

Под утро, как вспоминал приехавший к Пушкину Даль, боли у него еще усилились, в животе образовалась значительная опухоль. Он не мог лежать на боку. В шестом часу Спасский, всю ночь остававшийся в доме, послал за Аренд-том, который тотчас прибыл. Пушкин испытывал ужасную боль, но сдерживал стоны, чтобы не напугать жену. При этом повторял: «Зачем эти мучения? Без них я бы умер спокойно».

Утром 28 января, когда наступило некоторое облегчение, послали за священником отцом Петром из соседней церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной. Он исповедал Пушкина и приобщил Святых Тайн. Престарелый священнослужитель был поражен тем глубоким чувством, с каким Пушкин отнесся к исполнению последнего христианского долга. Выйдя из кабинета, он сказал кому-то: «Я стар, мне уж недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имеет». Он чуть ли не со слезами на глазах рассказывал Вяземскому о благочестии, с которым Пушкин принял причастие.

Пушкин, еще находившийся под впечатлением исповеди, сказал: «Жену, просите жену». Спасский вспоминал: «Она с воплем горести бросилась к страдальцу. Это зрелище у всех извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь от одра умирающего». Затем он стал прощаться с друзьями: Жуковским, Виельгорским, Вяземским, Тургеневым, Данзасом — после чего спросил: «А что же Карамзиных здесь нет?» Послали за Екатериной Андреевной, которая вскоре и приехала. Увидев ее, он слабым, но ясным голосом сказал: «Благословите меня». Она от дверей перекрестила его, он попросил ее подойти ближе, взял ее руку и положил себе на лоб. Она снова благословила его, он поцеловал ее руку. Потом он попросил детей. Их привели и принесли к нему полусонных. С ними была и Александрина. Пушкин по очереди клал руку на голову каждого, крестил и движением руки отсылал.

С тех пор как ему несколько полегчало, он часто призывал Наталью Николаевну; призовет на минуту и отошлет, повторяя, что она ни в чем не виновата. Выходя от него, она поначалу, не веря в его смерть, твердила, как заклинание, что он не умрет. Выйдя в очередной раз, сказала: «Quelque chose me dit qu'il vivra[132]».

Спасский в это время, прощупав пульс и отпустив руку Пушкину, услышал, как он, приложив пальцы левой руки к пульсу правой, выразительно сказал:

— Смерть идет.

Затем прибавил:

— Жду слова от царя, чтобы умереть спокойно.

Наконец около одиннадцати часов приехал Арендт. Ему Пушкин повторил, что ждет слова государя. Жуковский направился во дворец, на крыльце которого столкнулся с фельдъегерем, посланным за ним от императора. В царском кабинете Зимнего дворца состоялся разговор с Николаем I.

— Извини, что я тебя потревожил, — сказал царь вошедшему Жуковскому.

— Государь, я сам спешил к Вашему Величеству в то время, когда встретился с посланным за мною.

Жуковский рассказал о том, как Пушкин исповедался и что говорил. Он даже от своего имени прибавил якобы сказанное им: «Передай, что мне жаль умереть; был бы весь его». Когда Жуковского упрекали за придуманные слова, он отвечал: «Я заботился о судьбе жены Пушкина и детей». Доложил Жуковский и о действительной просьбе Пушкина:

— Полагаю, что он тревожится об участи Данзаса.

— Я не могу переменить законного порядка, — отвечал император, — но сделаю всё возможное. Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен: они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги; ты после их сам рассмотришь.

Возвратившись к Пушкину, Жуковский передал ему слова императора. Подняв руки каким-то судорожным движением, он сказал слабо, отрывисто, но четко:

— Вот как я утешен! Скажи государю, что я желаю ему долгого царствования, что я желаю ему счастия в его сыне, что я желаю ему счастия в его России.

В половине двенадцатого Пушкин вновь призвал жену, но ее к нему не пустили, так как она в истерическом рыдании лежала в молитве перед образами после того, как он сказал ей: «Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement[133]». Он решился сказать ей об опасности, говоря, что потом «люди заедят ее, думая, что она была в эти минуты равнодушна».

Когда однажды Наталья Николаевна зашла к мужу, он, не видя ее, спросил у Данзаса, думает ли тот, что он, Пушкин, сегодня умрет, и прибавил:

— Я думаю, по крайней мере желаю. Сегодня мне спокойнее, и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя.

Около полудня, когда боли вновь усилились, пришлось дать Пушкину опий, который он принял с жадностью, после чего успокоился. Около часа дня приехал доктор Даль, которому Пушкин сказал:

— Мне приятно вас видеть не только как врача, но и как

родного мне человека по общему нашему литературному ремеслу.

Разговаривая с ним, Пушкин даже шутил. С этого момента и до кончины поэта Даль почти не отходил от его постели.

Желая до конца исполнить христианский долг, Пушкин попросил княгиню Екатерину Алексеевну Долгорукову, подругу юности Натальи Николаевны, съездить к Дантесу и сказать, что он его прощает. Подъехав к его дому, княгиня вызвала Екатерину Николаевну, которая выбежала к карете разряженная с криком: «George est hors de danger![134]» И все же, когда княгиня сказала, что Пушкин умирает, та заплакала. Сам же Дантес, когда ему передали о прощении Пушкина, с нахальным смехом отвечал: «Moi aussi je lui pardonne![135]»

Весь день 28 января Пушкин был слаб и довольно спокоен, но к вечеру всё изменилось: появился жар, пульс участился до 130 ударов в минуту. Всю последнюю ночь с ним просидел Даль. Между прочим, Пушкин спросил его:

— Кто у жены моей?

— Много добрых людей принимают в тебе участие, зала и передняя полны с утра и до ночи, — сказал Даль.

— Ну, спасибо, однако, поди, скажи жене, что всё, слава богу, легко, а то ей там, пожалуй, наговорят!

Когда боль его особенно одолевала, он крепился, чтобы не стонать. Даль, видя это, говорил:

— Не стыдись боли своей, стони, тебе будет легче.

Пушкин отвечал:

— Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно же, чтоб этот вздор меня пересилил; не хочу.

На рассвете 29 января Жуковский вывесил для сведения приходящих справляться о состоянии здоровья Пушкина бюллетень: «Первая половина ночи беспокойна, последняя лучше, но еще нет и быть не может облегчения».

Поутру Пушкин несколько раз призывал жену. Доктора нашли, что его положение совершенно безнадежно, Арендт прямо сказал, что ему осталось жить часа два, но к середине дня ему вдруг стало легче. За полчаса до смерти он открыл глаза и попросил своей любимой моченой морошки. Когда ее принесли, он внятно произнес:

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Доктор Спасский пошел за Натальей Николаевной. Она с коленей поднесла ему одну ложечку с морошкой, другую и припала к нему лицом. Пушкин погладил ее по голове и сказал:

— Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо!

Обрадованная Наталья Николаевна, выйдя из кабинета,

сказала собравшимся:

— Вот вы увидите, что он будет жив!

В это время наступила смертельная агония. Далю он сказал:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам. Высоко — и голова закружилась.

За пять минут до смерти Пушкин просил повернуть его на бок. Друзья исполнили его волю. Он едва внятно сказал:

— Хорошо.

Потом, немного погодя, прибавил:

— Жизнь кончена!

Даль не понял и ответил:

— Да, кончено, мы тебя поворотили.

Пушкин тихо возразил:

— Жизнь кончена.

Через несколько мгновений он произнес последние слова:

— Теснит дыхание.

Наталья Николаевна возвратилась было в кабинет в самую последнюю минуту его жизни, но ее не пустили.

В 14 часов 45 минут 29 января 1837 года Пушкин скончался. Даль прошептал: «Аминь!» Доктор Е. И. Андреевский, наложив пальцы на веки умершего, закрыл ему глаза. Жуковский пристально вглядывался в его лицо. Впустили Наталью Николаевну, всё еще не верившую, что он умер. Она бросилась перед ним на колени, волосы рассыпались по ее плечам. С отчаянием простирая к нему руки, она повторяла:

— Пушкин, Пушкин, ты жив?

Бесчувственную, ее уложили в постель; в ее широко раскрытых глазах, казалось, погас всякий признак жизни. Находившаяся рядом с ней княгиня Вяземская не могла забыть ее страданий. Ее поразило, что конвульсии гибкого стана Натальи Николаевны были таковы, что ноги доходили до головы. Судороги в ногах еще долго ее мучили.

Княгиня Долгорукова слышала, как уже перед самой кончиной Пушкин, прощаясь с женой, сказал:

— Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, только за человека порядочного.

Вяземский оценил отношение Пушкина к Наталье Николаевне в последние дни жизни: «Его чувства к жене отличались нежностью поистине самого возвышенного характера. Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения врагу». Ему вторил А. И. Тургенев: «Жена в ужасном положении; но иногда плачет. С каким нежным попечением он о ней, в последние два дня, заботился, скрывая от

нее свои страдания».

Глава шестая. ВДОВА

«Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад».

А. С. Пушкин

Последний долг

После кончины Пушкина для Натальи Николаевны наступили не менее тяжелые дни, чем те, когда он умирал. Теперь она, уже вдова, должна была исполнять печальные обязанности: облачиться в траур, принимать соболезнования, отдать последний долг покойному — открыть дом для всеобщего прощания, подготовить отпевание и похороны.

С. Н. Карамзина писала брату Андрею, какой она застала Наталью Николаевну 30 января, на другой день после смерти Пушкина: «В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли. Она тотчас же меня спросила: „Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! — не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности?“ К сказанному по-французски она добавила по-русски: „Он увидел, что там хорошо“». Высказав это, она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь.

Весть о смерти Пушкина облетела весь Петербург. После того как на другой день гроб с его телом был выставлен в передней квартиры на Мойке, туда стали идти люди всех сословий и состояний, желавшие проститься с поэтом. Приходили до десяти тысяч человек в день. Вдова укрывалась от посторонних: все окна первого этажа квартиры были плотно занавешены, а шторы спущены. С самыми же близкими, допущенными во внутренние помещения, ей, наоборот, хотелось выговориться. Им она дарит на память о покойном кое-что из его вещей: перстни, часы, трости. Так, Жуковскому достался перстень-талисман, который

был подарен Пушкину графиней Е. К. Воронцовой и которому посвящены стихотворения «Талисман» и «Храни меня, мой талисман». С ним поэт отправился на Черную речку и не расставался до самой смерти, веря в его охранительную силу. Пушкин запечатывал перстнем некоторые письма. Сохранился рисунок поэта, на котором изображена кисть руки с перстнем на пальце. Жуковский снял его с руки умершего Пушкина. С этим золотым перстнем с восьмиугольным красноватым камнем Жуковский представлен на знаменитом портрете, писанном К. П. Брюлловым, а также на портрете работы Т. Ф. Гильдебрандта. В их композиции перстень играет акцентирующую роль. Сын Жуковского Павел Васильевич подарил перстень И. С. Тургеневу, который хотел передать его Л. Н. Толстому, но после смерти Тургенева Полина Виардо передала перстень музею Александровского лицея, откуда он был украден.

Жуковский, согласно воле императора, уже через три четверти часа после кончины Пушкина опечатал его кабинет своей печатью. Плетнев тотчас отправился за скульптором Гальбергом, который снял с лица поэта посмертную маску. В тот же день было произведено вскрытие тела. После этого по воле Натальи Николаевны покойного облачили не в камер-юнкерский мундир, который, она хорошо знала, ее муж не любил, а в его любимый коричневый сюртук. До властей весть об этом дошла, как только был открыт доступ к гробу. Император заметил по этому поводу: «Верно, это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

В этот же день в восемь часов вечера в квартире была отслужена первая панихида. Как вспоминал Тургенев, «жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то исступлении горести». Княгиня Мещерская вспоминала: «Я все это время была каждый день у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому что печальная судьба молодой женщины в полной мере заслуживает участия. Собственно говоря, она виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье открыло ей глаза, она вполне всё это чувствует, и совесть иногда страшно ее мучит. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных „дам“, которых, однако ж, из-за этого

принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж был иначе создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам».

Отпевание поэта поначалу было назначено в Исаакиевском соборе, прихожанами которого были Пушкины, о чем и извещали разосланные пригласительные билеты:

«Наталья Николаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исаакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов пополудни».

Однако большое стечение народа, желавшего проститься с поэтом, обеспокоило власти; было отдано распоряжение об отпевании в соседней с квартирой церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади под формальным предлогом, что это церковь придворная, а Пушкин был камер-юнкером. 1 февраля, в час пополуночи, гроб с телом поэта его друзья ввосьмером перенесли в Конюшенную церковь, как ее называли в городском обиходе. При выносе гроба жандармов во главе с генералом Дубельтом было чуть ли не больше, чем знакомых Пушкина, так что Наталья Николаевна, не желавшая показываться, осталась в своей комнате. Многие в день отпевания в назначенное время приходили к Адмиралтейству, в тогдашний Исаакиевский собор (строительство грандиозного храма по проекту О. Монферрана еще не было завершено).

За два скромных некролога, появившихся в эти дни, издатели получили выговоры: Греч — от графа Бенкендорфа за слова, напечатанные в «Северной пчеле»: «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-х летнее служение на поприще словесности», а Краевский — от министра просвещения графа Уварова за фразу в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» Уваров возмущался: «Какое это такое поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит проходить великое поприще!» На отпевание Уваров явился бледный, и все сторонились его.

Площадь перед церковью была запружена народом, но внутрь пускали только по пригласительным билетам. Отпевание было торжественное, с архимандритом и шестью священниками. Представлен был почти весь дипломатический корпус,

приглашение не было послано только Геккерену. Под сводом храма торжественно и печально звучали слова: «Во блаженном успении вечный покой подаждь. Господи, усопшему рабу твоему Александру и сотвори ему вечную память». Хор трижды пропел: «Вечная память».

Первого февраля после отпевания Карамзины посетили вдову, и Софья Николаевна писала на другой день брату в Париж: «Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. „Муж мой, — сказала она, — велел мне носить траур по нем два года, и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра поедет со мной. И для меня это большое утешение“». Софья Николаевна не преминула прокомментировать волю Пушкина: «Какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света».

Андрей Карамзин пишет в ответ: «Нельзя и грешно искать виноватых в несчастных… бедная, бедная Наталья Николаевна! Сердце заливается кровью при мысли о ней». В следующем письме снова возвращается к этой теме: «Повторяю, что сказал в том письме: бедная Наталья Николаевна! Сердце мое раздиралось при описании ее адских мучений. Есть странные люди, которым не довольно настоящего зла, которые ищут его еще там, где нет его, которые здесь уверяли, что смерть Пушкина не тронет жены его, que c’est une femme sans cœur[136]. Твое письмо, милая сестра, им ответ, и сердце не обмануло меня. Всеми силами душевными благословляю я ее и молю Бога, чтоб мир сошел в ее растерзанное сердце».

На третий день по отпевании Пушкина, 3 февраля, Николай I описал брату великому князю Михаилу Павловичу свое видение ситуации: «Пушкин погиб и, слава богу, умер христианином. Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшею частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно; он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и всё это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался к сестре Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна. Так как сестра ее точно любила Дантеса, то Пушкин тогда же и отказался от дуэли. Но должно было ему при том и остановиться, чего не вытерпел. Дантес под судом, равно как и Данзас, секундант Пушкина, и кончится по законам, и, кажется, каналья

Геккерен отсюда выбудет». Самое интересное в этом письме то, что в нем слышен голос Пушкина, используются его выражения, которые, несомненно, восходят к встрече поэта и императора, состоявшейся 23 ноября 1836 года. Император принял версию поэта.

На другой день Николай 1 написал и любимой сестре Марии Павловне: «Событием дня является трагическая смерть чрезвычайно знаменитого Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом что она… была решительно ни в чем не виноватой».

Жуковский в эти дни обратился к императору: «Так как Ваше Величество для написания указов о Карамзине избрали тогда меня своим орудием, то позвольте мне и теперь того же надеяться». Николай 1 отвечал: «Я во всём с тобой согласен, кроме сравнения твоего с Карамзиным. Для Пушкина я готов все сделать, но я не могу сравнить его в уважении с Карамзиным, тот умирал, как ангел». Император даже сказал Д. В. Дашкову: «Какой чудак Жуковский! Пристает ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина. Он не хочет понять, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?»

Тем не менее Николай 1 сдержал слово и даже дал жене и детям больше, чем представлял Жуковский. Сохранилась собственноручная царская записка на этот счет: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсион и дочери до замужества. 4. Сыновей в полки и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т.».

Гроб с телом Пушкина простоял в склепе храма еще два дня после отпевания. К нему приходили прощаться, служили заупокойные панихиды, на которых, помимо близких, вдруг появились те представители знати, кто не явился на отпевание, ибо они прослышали, что император взял сторону Пушкина. Наталье Николаевне приходилось принимать соболезнования и от тех, кто отнюдь не был близок Пушкину при его жизни.

Теперь ей предстояло исполнить волю покойного — похоронить его в Святых Горах, рядом с могилами близких: деда, бабушки, матери. На похороны по распоряжению царя было выдано десять тысяч рублей. Жуковский передал их графу Строганову, а тот — Наталье Николаевне. Сама она по состоянию здоровья не могла отправиться зимой в столь дальнюю дорогу, оставив детей, и хотела, чтобы в последний путь Пушкина

проводил его секундант Данзас. С этой просьбой сразу же после отпевания 1 февраля Наталья Николаевна обратилась к императору. Письмо ее было передано Г. А. Строгановым графу Бенкендорфу, который в тот же день доложил о нем Николаю I. Однако император согласия не дал, так как уже начался суд и Данзас был одним из подсудимых. По согласию властей и вдовы эту миссию взялся исполнить Александр Иванович Тургенев. Ему был дан открытый лист на свободный проезд до Святых Гор. Он некогда первым встречал в Петербурге Пушкина, привезенного для поступления в Лицей; теперь он же провожал его навсегда. Около полуночи 3 февраля друзья и Наталья Николаевна собрались в последний раз у гроба.

А после полуночи траурный кортеж с телом Пушкина тронулся в последний путь. А. И. Тургенев записал в дневнике: *«4 февраля*, в 1-м часу утра или ночи, отправился за гробом Пушкина в Псков; перед гробом и мною скакал жандармский капитан».

Цензор А. В. Никитенко сделал 12 февраля в своем дневнике аккуратную запись:

«Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже, прости Господи — как собаку».

Эта встреча произошла на станции Выра.

Шестого февраля, на девятый день по кончине, Пушкин был предан земле у алтарной стены Успенского собора Святогорского монастыря. Хозяйка Тригорского П. А. Осипова, хлопотавшая накануне обо всем, когда траурный кортеж прибыл в Святые Горы, слегла, подобно Наталье Николаевне, и не смогла присутствовать на погребении. Зато потом, зарисовав первоначальную могилу Пушкина с простым деревянным крестом, огражденную обыкновенным забором, она переслала рисунок вдове поэта.

Пушкин нашел себе вечный покой в деревне, рядом с могилами предков.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу

Мне всё б хотелось почивать.

Всё время следования траурного кортежа в Святые Горы и погребения Пушкина Наталья Николаевна по большей части провела в молитве и общении со своим духовником. 10 февраля 1837 года Вяземский писал А. Я. Булгакову: «Пушкина еще слаба, но тише и спокойнее. Она говела, исповедовалась и причастилась и каждый день беседует со священником Бажановым, которого ей рекомендовал Жуковский. Эти беседы очень умирили ее и, так сказать, смягчили ее скорбь. Священник очень тронут расположением души ее и также убежден в непорочности ее».

Вернувшись из Святых Гор, А. И. Тургенев 9 февраля посетил Наталью Николаевну, «ослабевшую от горя и бессонницы, покорную Провидению». Он рассказал ей обо всех перипетиях поездки и погребения и вручил просвирку из Святогорского монастыря, а также передал благодарность от Прасковьи Александровны за присланную ей посмертную маску с лица Пушкина.

Суд земной и суд Божий

После возвращения А. И. Тургенева Наталья Николаевна стала собираться в дорогу.

Между тем началось судебное разбирательство по поводу дуэли между Пушкиным и Дантесом. Еще в день отпевания поэта, 1 февраля, была учреждена военно-судебная комиссия при лейб-гвардии Конном полку под председательством флигель-адъютанта полковника Бреверна. На одном из допросов, 10 февраля 1837 года, судом был задан Дантесу в числе других и вопрос о том, «в каких выражениях заключались письма, писанные вами к г-ну Пушкину или его жене, которые в письме, писанном им к нидерландскому посланнику барону Геккерну, называет дурачеством?».

Дантес отвечал: «Посылая довольно часто к г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость как мужа, что и дало повод ему упомянуть о них в письме к барону Д. Геккерену 26 числа генваря, как дурачества мною писанные». Дав этот ответ, он тут же уточнил, что «вышепомянутые записки и билеты были мною посылаемы к г-же Пушкиной прежде, нежели я был женихом». Так нашлось подтверждение тому, что после получения мужем анонимных писем даже такое одностороннее эпистолярное

сношение Натальи Николаевны с Дантесом прекратилось.

Данзасу же на заседании суда 11 февраля был задан уточняющий вопрос о причинах, «которые господина Пушкина были неудовольствием», на что тот дал следующий ответ: «Получив письма от неизвестного, в коих он виновником почитал нидерландского посланника, и узнав о распространившихся в свете нелепых слухах, касающихся до чести жены его, он в ноябре месяце вызвал на дуэль г-на поручика Геккерена, на которого публика указывала; но когда г-н Геккерен предложил жениться на свояченице Пушкина, тогда, отступив от поединка, он однакож непременным условием требовал от г-на Геккерена чтоб не было никаких сношений между двумя семействами. Не взирая на сие гг. Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать повод к усилению мнения поносительного как для его чести, так и для чести его жены».

По ходу судебного разбирательства еще не однажды всплывало имя Натальи Николаевны, но судьи, все офицеры лейб-гвардии Конного полка, люди светские, а корнет А. П. Чичерин даже родственник Пушкина, деликатно ее не тревожили. И только не принадлежавший к свету дотошный аудитор 13-го класса Маслов, состоявший при Комиссии военного суда, написал 14 февраля 1837 года рапорт, третий пункт которого касался Натальи Николаевны: «Из письма умершего подсудимого Пушкина видно, что посланник барон Геккерен, когда сын его подсудимый Геккерен по болезни был со-держан дома, говорил жене Пушкиной, что сын его умирает от любви к ней, и шептал возвратить ему его, а после уже свадьбы Геккерена, как Пушкин 27 числа генваря у графа Д. Аршиака в присутствии секунданта своего инженер подполковника Данзаса объяснил, что они, Геккерены, дерзким обхождением с женою его при встречах в публике давали повод к усилению поносительного для чести их, Пушкиных, мнения. Посему я считал бы нужным о поведении гг. Геккеренов в отношении обращения их с Пушкиной взять от нее также объяснение. Если же Комиссии военного суда неблагоугодно будет истребовать от вдовы Пушкиной по вышеизложенным предметам объяснения, то я всепокорнейше прошу, дабы за упущение своей обязанности не подвергнуться мне ответственности, рапорт сей приобщить к делу для видимости высшего начальства».

На этот рапорт отреагировал один только командующий Отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант К. И. Бистром, свояк Пушкина по ганнибаловской линии. В своем отношении от 11 марта он отметил, «что не спрошена по

обстоятельствам, в деле значущимся, жена умершаго камергера Пушкина». Однако даже если бы судебная комиссия и решилась, вопреки этическим соображениям, потревожить вдову, то по медленности судопроизводства на это понадобилось бы несколько дней, а Наталья Николаевна через два дня после рапорта Маслова покинула Петербург, так что допрашивать было бы просто некого.

Шестого февраля, провожая Наталью Николаевну, С. Н. Карамзина в последний раз передает в письме брату свое впечатление о ней: «Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино — она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем — с тремя ангелами-хранителями, которые окружали смертный одр ее мужа и так много сделали, чтобы облегчить его последние минуты; она была рада, что уезжает, это естественно; но было бы естественным также выказать раздирающее душу волнение — и ничего подобного, даже меньше грусти, чем до тех пор! Нет, эта женщина не будет неутешной. Затем она сказала мне нечто невообразимое, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории, того легкомыслия, той непоследовательности, которые позволили ей поставить на карту прекрасную жизнь Пушкина, даже не против чувства, но против жалкого соблазна кокетства и тщеславия; она мне сказала: „Я совсем не жалею о Петербурге; меня огорчает только разлука с Карамзиными и Вяземскими, но что касается до самого Петербурга, балов, праздников — это мне безразлично“. Я окаменела от удивления, я смотрела на нее большими глазами, мне казалось, что она сошла с ума, но ничуть не бывало: она просто *бестолковая,* как всегда! Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, *и то пройдет очень скоро».*

Итак, даже в семействе, столь близком Пушкину, осуждали Наталью Николаевну, чего он больше всего и опасался. Когда Софья Карамзина как бы требует от нее, отнюдь не притворщицы, продемонстрировать страдание или выражает недоумение по поводу вполне естественного отвращения скорбящей вдовы от Петербурга, в ее голосе, как это бывало уже не раз, слышится отзвук чужих суждений. Она не смогла понять: когда на одну чашу весов положены удовольствия от светской жизни, а на другую жизнь мужа, Наталья Николаевна в силу свойственных ей человеческих качеств, за которые ее и полюбил Пушкин,

безусловно, готова была пожертвовать первыми во имя второго.

Более тонким и не столь ревнивым наблюдателем оказывается на этот раз брат Софьи Карамзиной Александр, также прощавшийся с Натальей Николаевной. Он писал: «Вчера выехала из Петербурга Н. Н. Пушкина. Я третьего дня видел ее и с ней прощался. Бледная, худая, с потухшим взором, в черном платье, она казалась тенью чего-то прекрасного. Бедная!»

Восемнадцатого марта 1837 года был вынесен приговор Генерал-аудиториата по материалам военного суда: «Геккерена, за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые с определением в службу по назначению Инспекторского департамента. <…> Подсудимый же подполковник Данзас виновен в противузаконном согласии быть при дуэли со стороны Пушкина секундантом и в непринятии всех зависящих мер к отвращению сей дуэли. <…> Вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте два месяца и после того обратить по-прежнему на службу». В отношении Пушкина суд также вынес свой вердикт: «Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию… по случаю его смерти предать забвению».

Императору был представлен доклад с этим заключением, на который 18 марта наложена высочайшая резолюция: «Быть по сему, но рядового Геккерена как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты». На другой день приговор был объявлен Дантесу, после чего последний был тотчас отослан к дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту графу Клейнмихелю. Через несколько часов он был выдворен из Петербурга с жандармом, который сопровождал его до прусской границы. Единственным, кто видел отъезжавшего Дантеса, оказался всё тот же вездесущий А. И. Тургенев, записавший в дневнике: «Встретил Дантеса, в санях с жандармом, за ним другой офицер, в санях. Он сидел бодро, в фуражке, разжалованный и высланный за границу…»

Так закончилась история дуэли, а с нею вместе и жизни Пушкина с Натальей Николаевной. Тремя разными дорогами оставили Петербург ее участники: Пушкина увезли по Киевскому шоссе, Наталья Николаевна уехала по Московскому, Дантеса выслали по Ревельскому тракту, которым вослед ему отправится и Екатерина Николаевна в сопровождении Геккерена, тщетно пытавшегося оправдаться в глазах Николая I — ему было отказано даже в прощальной аудиенции.

Графиня Д. Ф. Фикельмон, в свое время вводившая Наталью Николаевну в большой свет, записала в дневнике: «Дантес, после того как его долго судили, был разжалован в солдаты и выслан за границу; его приемный отец, которого общественное мнение осыпало упреками и проклятиями, просил отозвать его и покинул Россию — вероятно, навсегда. Но какая женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили, — все мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцами в эту ужасную и безрасчетную игру!»

Жуковский по-своему подвел итог истории, в полной мере осознав ее трагизм только при разборе бумаг Пушкина, когда, вчитываясь в его письма и те, что были получены им, прежде всего от Бенкендорфа, он понял то положение, в котором оказался поэт. Сдержанный по натуре, он написал шефу жандармов письмо, исполненное благородного негодования. Подобно письму самого Пушкина тому же Бенкендорфу, оно в списках разошлось по рукам. В канун сорокоуста, сорока дней со смерти Пушкина, Жуковский прочел его друзьям. А. И. Тургенев записал в дневнике 8 марта: «Жуковский читал нам свое письмо к Бенк.<ендорфу> о Пушк.<ине> и о поведении с ним государя и Бенк.<ендорфа>. Критическое расследование действий жандармства, и он закатал Бенкендорфу, что Пушк.<ин> погиб оттого, что его не пустили ни в чужие край, ни в деревню, где бы ни он, ни его жена не встретили Дантеса. Советовал ему не посылать этого письма в этом виде…» Конспективные заметки самого Жуковского о последних днях Пушкина заканчиваются словами: «Только в семье своей убежище».

Знаменательно, как роковые дни дуэли и смерти Пушкина отмечены в церковном календаре.

День, когда Пушкин высказал слова, предрешившие дуэль, 25 января, пришелся на празднование святого Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, получившего свое прозвание за знаменитые «Слова» о Боге Слова.

Дуэль состоялась 27 января, в день памяти перенесения мощей вселенского учителя и богослова, толкователя Священного Писания Иоанна Златоуста, прозванного так за свое красноречие. За оскорбление царского величества он был сослан в Армению, а затем в Абхазию, но скончался по пути 14 сентября 407 года. Мощи его были перенесены в Константинополь.

Канун смерти Пушкина, 28 января, когда поэт принял причастие и исповедался, совпал с днем поминовения преподобного Ефрема Сирина, гонимого в свое время поэта-пророка, чью просительную молитву «Владыко дней моих»

Пушкин переложил в стихах, сопоставляя его судьбу со своей. Смерть же Пушкина пришлась на день перенесения мощей ученика апостола Иоанна, Игнатия Богоносца, оставившего после себя семь посланий. Свое прозвище он получил потому, что, как сказал на допросе, носил Христа-Бога в своем сердце. Кроме того, это была пятница, день поминовения смерти распятого Христа.

На следующий день по смерти Пушкина, 30 января, пришлась память Собора трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Такой праздник был установлен в 1084 году в Царьграде для прекращения спора о том, кому из них должно отдаваться предпочтение. Три святителя явились епископу, которому поручено было разрешить спор, и объявили: «Мы у Христа едино есмы, повели память нашу во един день сотворити».

Третий день по смерти Пушкина пришелся на воскресенье, еженедельное поминание Воскресения Христова. В этот день состоялся и вынос гроба с телом Пушкина в церковь Спаса Нерукотворного Образа для отпевания. Отпевали же Пушкина в день предпразднования Сретения Господня, сороковой день по рождении Христа, когда Он был принесен в Иерусалимский храм для посвящения Богу. Богоприимец Симеон по внушению Святого Духа пришел в храм и провозгласил Христа Спасителем мира. Весь день Сретения Господня, 2 февраля, гроб с телом Пушкина простоял в храме.

День последнего прощания с Пушкиным в храме Спаса Нерукотворного Образа перед отправлением траурного кортежа из Петербурга к месту последнего упокоения поэта, 3 февраля, совпал с поминовением святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, восхвалявшей Спасителя и говорившей о Нем всем, кто ожидал его.

Мог ли предполагать Пушкин, гадавший, на какой день придется его кончина, что сонмом самых великих святых-песнопевцев и богословов, чье поминовение пришлось на последние дни его земной жизни и первые загробной, на него прольется их лучезарный приветственный свет?

Наталья Николаевна, покидая Петербург, везла с собой список знаменитого стихотворения Лермонтова на гибель Пушкина, в окончательном виде названном «Смерть Поэта». Первая его часть от слов «Погиб поэт! — невольник чести» до стиха «И на устах его печать» была написана 28 января, сразу же после разнесшейся по Петербургу вести о дуэли. Лермонтов был в ту пору болен, и его посетил доктор Арендт, рассказавший ему о подробностях дуэли и смерти поэта.

1 февраля в церкви Спаса Нерукотворного Образа его видел

П. П. Семенов-Тян-Шанский. Заключительные 16 строк были созданы спустя несколько дней после похорон в результате спора, разгоревшегося у Лермонтова с его кузеном камер-юнкером Н. Столыпиным, служившим в Министерстве иностранных дел, где состоял и Пушкин. Столыпин, подчиненный канцлера Нессельроде, неизменного противника Пушкина, встал на сторону Дантеса, утверждая, что тот не мог поступить иначе и что иностранцы неподвластны русским законам и не могут быть судимы в России.

Последние строки «Смерти Поэта» не сразу дошли до графа Бенкендорфа и Николая I, хотя уже и распространялись в списках по столице. Бенкендорф на рауте у графини Фикельмон узнал об этих стихах от Анны Михайловны Хитрово, отозвавшейся о них как об оскорбительных для всей аристократии. А императору кто-то из доброжелателей переслал их с выразительной надписью «Воззвание к революции». На самом деле Лермонтов взывал к самому государю без всяких революционных идей, что он и выразил в эпиграфе, взятом им из трагедии Жана Ротру «Венцеслав» в переводе А. Жандра:

> Отмщенье, государь, отмщенье!
> Паду к ногам твоим:
> Будь справедлив и накажи убийцу,
> Чтоб казнь его в позднейшие века
> Твой правый суд потомству возвестила;
> Чтоб видели злодеи в ней пример.

Лермонтовские 16 строк задевали отнюдь не всю аристократию, а только представителей возвысившихся фамилий, против кого было направлено стихотворение Пушкина «Моя родословная». Лермонтов, как и Пушкин, принадлежал к старинному дворянству, и ему был близок пафос этих стихов, задевавший наследников прославленных сподвижников Петра Великого и Екатерины II: торговавшего в юности пирогами Меншикова, денщика Петра I Чернышева, екатерининского канцлера Безбородко, перешедшего на русскую службу австрийца Нессельроде — всех тех, кто прямо обозначен в пушкинских строках:

> Мой дед не торговал блинами,
> Не ваксил царских сапогов,
> В князья не прыгал из хохлов,
> И не был беглым он солдатом
> Австрийских пудреных дружин.

К носителям этих громких фамилий обращены и стихи Лермонтова, в которых подчеркнута «подлость» их происхождения:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!

В жилах Лермонтова тоже текла кровь Пушкиных: у них был один общий предок — Иван Гаврилович Пушкин, прямой потомок легендарного Ратши в десятом колене, живший в XV веке. Спустя еще десять поколений потомком Ивана Гавриловича по одной линии оказался Пушкин, а по другой — Юрий Петрович Лермонтов, отец Михаила Юрьевича. Так что Пушкин приходился Лермонтову дядей в той же десятой степени. О столь отдаленном родстве оба поэта могли и не подозревать. Но Лермонтов не мог не знать того, что его прапрадед Иван Герасимович Боборыкин был женат на Евдокии Федоровне Пушкиной, дочери казненного в 1697 году за участие в заговоре против Петра I окольничего Федора Матвеевича Пушкина. Их дочь Анна Ивановна Боборыкина вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, прадеда поэта, в честь которого был назван его отец. В пушкинском стихотворении «Моя родословная», наделавшем столько шума в свете, как раз и поминается этот «казненный» Пушкин, предок Лермонтова. Наталья Николаевна, приходившаяся праправнучкой Федору Матвеевичу Пушкину, доводилась, следовательно, пятиюродной сестрой Лермонтову.

Князь П. И. Мещерский передал 10 февраля список лермонтовского стихотворения Александрине Гончаровой, которая просила его для сестры, «жаждущей прочесть всё, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять и плакать». Софья Карамзина, посетившая ее в очередной раз 10 февраля, передает свое впечатление: «На нее по-прежнему тяжело смотреть, но она стала спокойной, и нет более безумного взгляда. К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина: бедная, бедная жертва собственного легкомыслия и людской злобы!» Наталья Николаевна уезжала подальше от жестокого суда светских сплетников, в уповании на то, что исполнится пророчество Лермонтова:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Отъезд из Петербурга

Шестнадцатого февраля 1837 года Наталья Николаевна с детьми и сестрой Александриной покинула Петербург в сопровождении братьев Дмитрия и Сергея и тетки Екатерины Ивановны, решившей проводить их до Москвы.

Перед отъездом Наталья Николаевна увиделась с сестрой Екатериной, которая приехала к ней в дом на Мойку, где не была со времени своей свадьбы с Дантесом. При их прощании присутствовала вся родня: тетушка Екатерина Ивановна Загряжская, братья и Александрина. А. И. Тургенев писал 24 февраля П. А. Осиповой о прощальном свидании с Екатериной Николаевной: «С другой сестрой, кажется, она простилась, а тетка высказала ей всё, что чувствовала она, в ответ на ее слова, что „она прощает Пушкину“. Ответ образумил и привел ее в слезы». Итак, Наталья Николаевна по-христиански простила сестру, но тетушка Екатерина Ивановна оказалась вполне последовательной в своем отношении к старшей племяннице. Та, впрочем, отвечала ей тем же — написала из-за границы брату Дмитрию 30 ноября 1837 года: «Итак, я имею честь засвидетельствовать ей свое почтение и распрощаться, потому что теперь она может быть уверена, что больше не услышит обо мне, по крайней мере *от меня».*

Наталью Николаевну задерживали в столице только ожидание возвращения А. И. Тургенева из Святых Гор и приведение в порядок дел. Первым из них явилось учреждение опеки над детьми и имуществом Пушкина. Опека в случае смерти главы семейства было делом общепринятым, но хлопотливым. Пушкин в конце жизни состоял опекуном Софьи Шишковой, малолетней дочери своего знакомого, поэта А. А. Шишкова, подло убитого в Твери К. П. Черновым.

Хлопоты по оформлению опеки начались тотчас же после отпевания поэта. Выбрать опекунов предстояло самой вдове. Она остановилась на своем родственнике графе Г. А. Строганове в качестве лица, должного возглавить опеку, а членами ее

предложила стать В. А. Жуковскому и графу Михаилу Виельгорскому. В прошении на имя императора об утверждении опекунов над ее детьми, оставшимися без отца, Наталья Николаевна писала:

«А как не только упомянутое выше движимое имущество покойного мужа моего находится в С. Петербурге, но и я сама должна для воспитания детей моих проживать в здешней столиции, и как при том все избранные мною в опекуны лица находятся на службе в С. Петербурге, то посему и прошу:

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом поведено было сие мое прошение принять, малолетних детей моих взять в заведование С. Петербургской дворянской опеки и, утвердив поименованных выше лиц в звании опекунов детей моих, учинить распоряжение, как законы повелевают».

Прошение об установлении опеки было подано на высочайшее имя одновременно с просьбой разрешить Данзасу сопровождать тело Пушкина к месту упокоения. Второй вопрос, как мы помним, бьш тотчас решен отрицательно, а первый пошел по инстанциям. 3 февраля министр юстиции Д. В. Дашков известил Наталью Николаевну о разрешении учредить опеку в составе тех лиц, которых она назвала. В тот же день она обратилась с новым письмом к императору по всей форме, с указанием и себя, как того требовал закон, опекуншей своих детей, и назвала еще одного опекуна — «камер-юнкера надворного советника Атрешкова[137]», а также указала дату, когда следовало «решение учинить», — 8 февраля 1837 года.

Первое, что предстояло сделать опекунам, — освободить квартиру, в которой скончался поэт, вывезти из нее мебель и книги на хранение в Гостиный Двор, что по описи осуществлено было уже после отъезда Натальи Николаевны. Срок хранения был определен в два года, на которые она покидала Петербург.

Ни к кому из опекунов, за исключением Тарасенко-Отрешкова, Наталья Николаевна не будет иметь претензий. Что же касается последнего, явно включенного в число опекунов под давлением свыше, то, как выяснится позднее, он вел себя в оставленной вдовой квартире настолько вольно, что даже позволил себе присвоить некоторые рукописи поэта.

Военно-судная комиссия еще не завершила свою работу, но Наталья Николаевна не стала дожидаться приговора и пустилась в путь, в Полотняный Завод, где решила прожить в уединении два года, как и завещал ей перед смертью Пушкин.

Министр двора князь П. М. Волконский 15 марта 1837 года написал своей жене, хозяйке дома на Мойке, княгине Софье Григорьевне в Рим: «Ожидаю, милый друг, вашего ответа о

квартире для Грегуара в первом этаже вашего дома, освободившейся со смертью Пушкина, который в ней жил, и оставленной вдовою, которая уехала в деревню, — чтобы не терять времени для нужного ремонта в начале весны и закончить его в течение хорошего сезона».

«Грегуар» — их младший сын, князь Григорий Петрович Волконский, чиновник Азиатского департамента, камергер с 1835 года, музыкант и певец с редким голосом basso profondo (низкий бас). Он занял освободившуюся квартиру и обвенчался в годовщину смерти Пушкина, 29 января 1838 года, с дочерью графа А. Х. Бенкендорфа Марией Александровной (1820–1888).

Впоследствии квартира была поделена на две части. Бывший кабинет поэта занимал в начале XX века пользовавший юного Владимира Набокова зубной врач. В адресной книге на 1917 год «Весь Петроград» обозначено имя этого знаменитого столичного дантиста: «Воллисон Генр.<их> Руфим.<ович>, поч.<етный> дант.<ист> Их Имп.<ераторских> Вел.<ичеств> дсс (действительный статский советник. — *В. С.)*. Мойка 12. Т 43 068». Для будущего великого писателя представлялось символичным, что прикус ему исправляли в комнате, где скончался Пушкин.

Траур в Полотняном Заводе

Наталье Николаевне предстояло провести два года в калужском поместье Гончаровых Полотняный Завод. Знакомой дорогой, которой некогда с Пушкиным совсем юной женой Наталья Николаевна впервые приехала в Петербург в мае 1831 года, она, теперь 24-летняя вдова с четырьмя детьми, проследовала до Москвы. Даже не переночевав в московском доме Гончаровых, она пустилась в дальнейший путь в Полотняный Завод. Она не нашла в себе ни моральных, ни физических сил, для того чтобы нанести визит жившему тогда в Москве свекру Сергею Львовичу. На другой день брат ее Сергей Николаевич посетил отца Пушкина «со следующею комиссиею», как выразился московский почт-директор А. Я. Булгаков: «Сестрица приказала вам сказать, что ей прискорбно было ехать через Москву и вас не видеть, но она должна была повиноваться предписаниям своего доктора; он требовал, чтобы она оставила Петербург, жила спокойно в уединении и избегала всё, что может произвести малейшее в ней волнение; в противном случае не ручается за последствия». Самому Булгакову Сергей Львович на расспросы о невестке ответил: «Я слышал, что она проехала здесь в пятницу, но ее не видел». В пятницу, то есть 19 февраля, исполнилась бы

шестая годовщина ее свадьбы с Пушкиным.

В Полотняном Заводе их встретили жена брата Дмитрия, Елизавета Григорьевна, урожденная княжна Назарова, и брат Иван Николаевич, находившийся там в отпуску. 25 февраля он отправился в Ярополец к матери, поскольку оказалось, что никто не известил ее о приезде Натальи Николаевны.

Найдя на время траура убежище в дорогом ей Полотняном Заводе, Наталья Николаевна поселилась с детьми и Александриной не в большом господском доме, а в Красном, где некогда жила с мужем. Сохранилось описание этого дома, не тронутого до начала XX века: «Красный дом представлял собою довольно большое деревянное здание, включавшее в себя 14 комнат; внизу они были большие и просторные, наверху более мелкие и низкие. — Со стороны теперешней площади, — раньше сада, — был подъезд со ступенями и двумя висячими фонарями. Просторными крытыми сенями дом соединялся с пристройкой, теперешним зрительным залом. Посреди обширного зала стоял круглый стол и висели великолепные золоченые люстры, с золотыми сводами колосьев наверху».

При доме еще во времена Афанасия Николаевича, деда Натальи Николаевны, был разбит сад с различными затеями, теперь разросшийся и служивший местом прогулок для жителей Красного дома: «Около дома на теперешней площади торга были аллеи старых берез, а в углу у ограды была расположена остроконечная горка с дорожкой винтом, обсаженная акациями, так называемая „улита“, тип, доныне сохранившийся в некоторых подмосковных имениях. Старожилы описывают этот сад как какой-то земной рай, напоенный ароматами многочисленных цветов, с гладкими, усыпанными песком дорожками, развесистыми деревьями и кустами сирени. Красный дом расположен был на обрыве и фасадом обращен к прудам; от самых сеней вели вниз широкие каменные ступени. По обрыву росли ели, подстригавшиеся причудливыми фигурами. Пруды в виде буквы „П“ были обсажены ивами, а посредине оставался род полуострова; тут были разбиты радиально расходящиеся дорожки и посредине — куртины с плодовыми деревьями. Тут же была устроена большая беседка, и другие были по углам ограды вокруг прудов. Дом был окрашен в красный цвет, что и дало повод названию его, а пристройка снаружи была украшена белыми столбами наподобие колонн, пустыми внутри и обитыми оштукатуренным парусом».

Так что жизнь в Красном доме была в значительной мере обособленной от жизни большого дома с его обширным парком, чья главная аллея, ведшая к изгибу реки Суходрев, была

ориентирована на Красный дом. Парк был разбит на высоком берегу реки, с продуманно устроенных видовых площадок открывались великолепные виды вдаль с кромками леса за полями. Дети, до того видевшие только город да петербургские дачные острова, впервые могли приобщиться к деревенской жизни со всеми ее прелестями, столь ценимыми их отцом. От той поры, когда в 1834 году Наталья Николаевна прожила здесь с двумя детьми лето, на исходе которого к ним присоединился Пушкин, даже у Маши, старшей, могли остаться лишь самые смутные воспоминания. Теперь дети Пушкиных были в том возрасте, в котором была некогда их мать, когда проводила раннее детство в Полотняном Заводе.

Едва устроившись на знакомом месте, Наталья Николаевна первым делом написала свекру 1 марта:

«Я надеюсь, дорогой батюшка, вы на меня не рассердились, что я миновала Москву, не повидавшись с вами; я так страдала, что врачи предписали мне как можно скорее приехать на место назначения. Я приехала в Москву ночью и только переменила там лошадей, поэтому лишена была счастья видеть вас. Я надеюсь, вы мне напишете о своем здоровье; что касается моего, то я об нем не говорю, вы можете представить, в каком я состоянии. Дети здоровы, и я прошу вашего для них благословения.

Тысячу раз целую ваши руки и умоляю вас сохранить ваше ко мне благорасположение.

Наталья Пушкина».

Расчувствовавшийся Сергей Львович послал ей «трогательное письмо», по определению Натальи Николаевны, не замедлившей с ответом: 21 марта она написала, что «намерена приехать в Москву единственно для того, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и представить вам своих детей».

После трехлетней разлуки 5 марта Наталья Николаевна увиделась со своей матерью, прибывшей в Полотняный Завод из Яропольца в сопровождении сына Ивана Николаевича. В Полотняном Заводе состоялась и встреча матери с ее сестрой Екатериной Ивановной. Приходно-расходная книга Гончаровых 11 марта 1837 года зафиксировала расходы на обеих сестер. Они давно не виделись, и между ними произошел решительный разговор, закончившийся крупной ссорой. Наталья Ивановна, по всей видимости, выдала сестре, не стесняясь в выражениях, всё накопившееся недовольство за то, что та, заменяя ее дочерям в Петербурге родителей, не сумела предотвратить катастрофы, в результате чего одна из них осталась вдовой, а другая была вынуждена навсегда покинуть Россию. Рассержена была Наталья Ивановна и на то, что сестра даже не удосужилась сообщить ей о

том, что дочь ее с детьми намерена поселиться в Полотняном Заводе. И о их приезде, как оказалось, она узнала последней. Отношения между единокровными сестрами и так оставляли желать лучшего в связи с материальными спорами по поводу наследства после смерти в 1813 году их брата Александра Ивановича Загряжского, крестного Натальи Николаевны, и в 1823 году — дяди Николая Ивановича. Теперь к давним разногласиям прибавились новые. Уже за десять лет до того своим завещанием 1826 года Екатерина Ивановна Загряжская все отписала своей родной сестре Софье Ивановне, полностью обойдя Наталью Ивановну, приходившуюся ей сестрой только по отцу. После произошедшей в Полотняном Заводе ссоры она к старому завещанию сделала 11 декабря 1837 года особую приписку, которой подтвердила свое прежнее распоряжение. Встреча в Полотняном Заводе оказалась для сестер последней. Они больше не виделись и даже не переписывались. Однако произошедшая ссора не повлияла на самое теплое и заботливое отношение Екатерины Ивановны к племяннице.

Даже до далекой Варшавы дошли слухи о том, как Екатерина Ивановна исполнила свой долг по отношению к овдовевшей Наталье Николаевне. Об этом Ольга Сергеевна Павлищева написала отцу 7 апреля: «М-ль Загряцкая только что в полной мере доказала свою привязанность к племяннице; в своем возрасте она отправилась в Калугу для того, вероятно, чтобы оказывать ей все заботы, в коих она нуждалась в том ужасном положении, в котором находилась, я думаю, со своими четырьмя детьми».

Примирил всех обитателей Полотняного Завода день 10 марта 1837 года, сороковой день со дня смерти Пушкина. Был отслужен молебен в гончаровской церкви, после чего все Пушкины и Гончаровы по традиции собрались за поминальным столом. Пушкин скончался в пятницу, и с той поры до конца своих дней Наталья Николаевна всякую пятницу постилась и никуда не выезжала.

Через два дня, 12 марта, Екатерине Ивановне Загряжской исполнилось 58 лет. Это был чуть ли не последний день ее тогдашнего пребывания в Полотняном Заводе. Она вернулась туда в начале ноября 1838 года, чтобы увезти Наталью Николаевну с детьми и Александриной в Петербург.

О явном нежелании Натальи Ивановны встречаться с сестрой свидетельствует ее письмо от 13 июня 1838 года из Яропольца, в котором она отказывается приехать в Полотняный Завод даже к рождению ребенка ее старшего сына: «Ты приглашаешь меня, дорогой Дмитрий, приехать к вам к родам твоей жены; я сделала

бы это с большим удовольствием, но одно соображение препятствует этому намерению, а именно приезд вашей тетки Катерины в Завод. Не зная точно, когда она приедет к вам, я ни в коем случае не хотела бы там с ней встретиться». Так происходит разрыв между сестрами в связи со свершившимся в Петербурге.

Ко времени окончания суда по поводу дуэли, высылки Дантеса и предстоящего отъезда Екатерины Николаевны тетушка Загряжская уже вернулась из Полотняного Завода в Петербург. День высылки Дантеса, 19 марта, совпал со смертью в Петербурге девяностолетней Натальи Кирилловны Загряжской. На следующий день Екатерина Николаевна в письме, посланном вослед увозимому Дантесу, сообщила: «Вчера тетка написала мне пару слов, чтобы узнать о моем здоровье и сказать мне, что мысленно она была со мной; она будет теперь в большом затруднении. Так как мне запретили подниматься на ее ужасную лестницу, я у нее быть не могу, а она, разумеется, сюда не придет. Но раз она знает, что мне нездоровится и что я в горе от твоего отъезда, у нее не хватит духу признаться в обществе, что не видится со мною; мне чрезвычайно любопытно посмотреть, как она поступит; я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справляться о моем здоровье».

Утром 1 апреля 1837 года Екатерина Николаевна в сопровождении Геккерена-старшего навсегда покинула Петербург, а затем и Россию.

Наталья Николаевна нашла убежище в кругу своей семьи, но вскоре ее стало тянуть в Михайловское — «тот уголок земли», который так дорог был Пушкину и где он нашел вечный покой. Она списалась с хозяйкой Тригорского П. А. Осиповой, которая 7 апреля 1837 года сообщила А. И. Тургеневу: «Получила я письмо от 27 марта, писанное от вдовы Пушкиной, которая спрашивала меня, сделано ли какое распоряжение по части богослужения о годовой службе по Александру Сергеевичу. Еще изъявляет она желание приехать на могилу его и спрашивает позволения остановиться у меня. Разумеется, что ей последнее ее желание не может быть воспрещено, хотя мне очень будет тяжело ее видеть — конечно, невольно, но делом она причиною тому, что нет Пушкина и только тень его с нами!»

Прасковья Александровна, при жизни Пушкина изъявлявшая Наталье Николаевне всяческие знаки внимания, после его гибели с настороженностью отнеслась к его вдове. Вполне неизменным в своих чувствах к ней остался разве что тот из друзей поэта, который был и ему, и его жене самым близким, — Павел Воинович Нащокин. 6 апреля Наталья Николаевна написала ему в Москву: «Простите, что я так запоздала передать вам вещи,

которые принадлежали одному из самых преданных вам друзей. Я думаю, что вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли; присоединяю к нему также часы, которые он носил обыкновенно».

Нащокин не только откликнулся на ее письмо, но и несколько раз навестил Наталью Николаевну в Полотняном Заводе. Его жена Вера Александровна вспоминала: «Мой муж окружал ее знаками всевозможного внимания и глубокого уважения».

Как раз в апреле скульптором Витали был закончен заказанный Нащокиным беломраморный бюст Пушкина. Часы и архалук, о которых писала Нащокину Наталья Николаевна, переслал ему в Москву Жуковский. Скорее всего, этот вопрос, как и другие, был обсужден во время краткого посещения им Полотняного Завода летом 1837 года. Приезды друзей Пушкина скрашивали однообразную жизнь Натальи Николаевны в деревне.

В этом родовом гнезде Гончаровых вехами их жизни, в которую оказалась вновь вписана Наталья Николаевна, становились радостные и печальные события: рождения, крещения, именины, отпевания и поминовения. По торжественным дням к обеду в Большом доме подавалось шампанское, что педантично отмечалось в «Столовой книге». Так, 19 мая 1837 года в ней значилось: «В день рождения Марии Александровны Пушкиной — 1 бутылка». Старшей дочери Пушкиных Маше исполнилось в тот день пять лет. Чуть раньше, 14 мая, два года исполнилось их младшему сыну Грише, а 23 мая, в день юбилея деда Сергея Львовича, — год Наташе, Таше-младшей, как ее называли в доме.

В мае 1837 года, перед днем рождения Пушкина, впервые встреченном без него, Наталья Николаевна написала Карамзиным: «Я выписала сюда все его сочинения и пыталась их читать. Но у меня не хватило мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — всё равно что слышать его голос, а это так тяжело!»

Она собиралась совершить поездку в Москву для свидания с Сергеем Львовичем Пушкиным, которому 23 мая исполнялось 70 лет. Однако он решил сам приехать в Полотняный Завод, что было с благодарностью воспринято его невесткой. 15 мая Наталья Николаевна написала: «Тысячу раз благодарю вас, что вы так добры и хотите приехать повидать меня в Заводы. Я никогда не осмелилась бы просить вас быть столь снисходительным, но принимаю ваше намерение с благодарностью, тем более что я могла бы привести к вам только двух старших детей, так как у одного из младших режутся зубки, а другую только что отняли от

груди, и я боялась бы подвергнуть их опасности дальнего пути».

Десять дней в конце июля 1837 года Сергей Львович провел в Полотняном Заводе. После возвращения в Москву он писал Вяземскому 2 августа: «Нужды нет описывать вам наше свидание. Я простился с нею как с дочерью любимою, без надежды ее еще увидеть, или лучше сказать в неизвестности, когда и где я ее увижу». Вскоре он отправился в Михайловское, где встретился со своими соседями. Баронесса Евпраксия Вревская писала своему брату Алексею Николаевичу: «Серг. Льв. был у невестки, нашел, что сестра ее более огорчена потерею ее мужа…» Как видно, в семействах Осиповых-Вульф и Вревских по-прежнему, как и при жизни Пушкина, ревниво относились к Наталье Николаевне и были готовы, порой вопреки очевидному, избирательно передавать услышанное о ней, опуская то, что говорило в ее пользу, и выпячивая и переосмысляя то, что могло хоть в какой-то мере свидетельствовать против нее.

Второго июня 1837 года, в день именин Пушкина, С. Н. Карамзина сообщает брату Андрею, что на днях «получила письмо от Александрины Гончаровой и Натали Пушкиной», о которой пишет: «…Она кажется очень печальной и подавленной и говорит, что единственное утешение, которое ей осталось в жизни, это заниматься детьми…» В том же письме зашла речь о романе Пушкина «Арап Петра Великого», по поводу которого Наталья Николаевна сказала: «Я его не читала и никогда не слышала от мужа о романе Ибрагим; возможно, впрочем, что я его знаю под другим названием…»

В августе Гончаровы отмечали два события: 26-го числа — Натальин день, а 27-го — день рождения Натальи Николаевны, которой исполнилось 25 лет. Иван Николаевич прислал ей из Петербурга подарок и письмо с обращением к Дмитрию: «Береги сестру, дорогой брат, Бог тебя вознаградит». Сама она заблаговременно, в середине августа, ненадолго переехала в Яропольц к матери, также именинице.

4 сентября Дмитрий из Завода сообщил старшей сестре Екатерине в эльзасский Сульц: «Натали и Александрина в середине августа уехали в Яропольц с тремя старшими детьми, маленькая Таша осталась здесь (она — очаровательный и очень рослый для своих лет ребенок). Но мы вернемся сюда не ранее 25 числа этого месяца. Ты спрашиваешь меня, как они поживают и что делают: живут очень неподвижно, проводят время, как могут, понятно, что после жизни в Петербурге, где Натали носили на руках, она не может находить особой прелести в однообразной жизни Завода, и она чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не

выходить из своих комнат и не обедать со мной. Какие у нее планы на будущее, не выяснено; это будет зависеть от различных обстоятельств и от добрейшей тетушки, которая обещает в течение ближайшего месяца подарить нас своим присутствием, желая навестить Натали, к которой она продолжает относиться с материнской нежностью».

Об этой поездке Натальи Николаевны к матери в Яропольц узнала даже жившая в Петербурге Идалия Полетика, 3 сентября сообщившая о том Екатерине Николаевне: «Я лишь очень немногое могу сказать о том, что касается Натали. В настоящее время она находится у вашей матери, затем вернется к вашему брату, ваша тетя собирается через несколько недель отправиться туда, чтобы провести с ней часть зимы. Говорят, будто Натали по-прежнему очень подавлена. Я хотела бы верить этому. Ибо другие говорят, будто она просто скучает и ей не терпится уехать из деревни, — словом, это одно из тысяч „говорят“, а им доверять не следует в Петербурге более чем где-либо».

Только через месяц, 16 сентября, Наталья Николаевна просит брата Дмитрия «прислать на подставу лошадей» для возвращения в Полотняный Завод.

Вновь в Яропольц Наталья Николаевна с детьми и Александрина отправятся к 27 апреля 1838 года на свадьбу брата Ивана Николаевича и княжны Марии Ивановны Мещерской. Выделили ему рязанское Ильицыно, памятное Наталье Николаевне по детским впечатлениям. Через этот брак семья Гончаровых породнилась с домами Карамзиных и Вяземских, так как старший брат Марии Ивановны Петр Иванович был женат на Екатерине Николаевне Карамзиной, дочери Николая Михайловича Карамзина и Екатерины Андреевны, сестры князя Петра Андреевича Вяземского.

Наталья Николаевна задержалась в Яропольце погостить у матери, но неожиданно была вынуждена выехать оттуда в Москву, о чем 15 мая написала брату Дмитрию уже из московского дома Гончаровых: «Ты будешь удивлен, увидев на моем письме московский штемпель, — я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши, и как только консультация закончится, снова вернусь в Яропольц». В этом же письме она просила переслать ее содержание в Яропольц и сообщила, что собирается уехать от матери 1 июня, прося прислать ей коляску и приготовить подставу лошадей.

Дмитрий Николаевич был главой семейства Гончаровых, и его братское отношение к Наталье Николаевне не вызывает сомнений; однако он не являлся в полной мере хозяином в доме. Его жена Елизавета Егоровна, происходившая из бедного

кавказского рода князей Назаровых, сумела прибрать мужа к рукам, став полновластной хозяйкой в доме. Приезд двух сестер мужа с детьми ее явно не устраивал. Смирив поначалу свой нрав, она постепенно стала давать им понять, кто настоящая хозяйка в Полотняном Заводе. Так что поездки Натальи Николаевны в Ярополец оказывались для нее своеобразной отдушиной в атмосфере жизни в деревне. Именно из Яропольца она написала 22 мая М. Ю. Виельгорскому о своих планах:

«Оставаясь полтора года с четырьмя детьми в имении брата моего среди многочисленного семейства или, лучше сказать, многих семейств, быв принуждена входить в сношения с лицами посторонними, я нахожусь в положении слишком стеснительном для меня, даже тягостном и неприятном. Несмотря на всё усердие и дружбу моих родных, мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной со своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском, находящемся по смерти его матери в общем владении — моих детей, их дяди и тетки. Я надеюсь, что сии последние примут с удовольствием всякое предложение попечительства, согласятся уступить нам свое право, согласятся доставить спокойный приют семейству их брата, дадут мне возможность водить моих сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память.

Меня спрашивают о доходах с этого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете. О других доходах я не имею никакого понятия, а само попечительство может собрать всего удобнее нужные сведения. Впрочем, и в этом отношении могу сказать, что содержание нашего семейства заменит с избытком проценты заплаченной суммы.

И так я прошу Попечителей войти немедленно в сношения с прочими владельцами села Михайловского, спросить об их условиях, на коих согласятся они предоставить оное детям своего брата, выплатить им, если возможно, следующие деньги и довершить таким образом свои благодеяния семейству Пушкина».

Виельгорский по получении этого письма сообщил Отрешкову о пожелании Натальи Николаевны. Тот, в свою очередь, 7 июня 1838 года написал Дмитрию Николаевичу для сообщения его сестре: «Насчет покупки села Михайловского граф Виельгорский передал мне свое мнение. Я и словесно говорил уже тебе, что, конечно, опекунству, хотя и не выгодно, но возможно исполнить желание Натальи Николаевны, которое я вполне понимаю. <…> Соболевский говорил, что он имеет уполномочие

от прочих участников села Михайловского; я именем Опеки просил его доставить решительные условия на продажу этой деревни. Но отзыва его еще не получено».

В тот же день Виельгорский сообщил Жуковскому: «На сих днях получил я письмо от Натальи Николаевны. Она всё требует и просит, чтоб купили мы Михайловское, псковскую деревню. Я ей отвечал и советовал ей купить оную. Она хочет в ней жить. Ей и прилично жить там, и, буде не выйдет замуж, то может оставить деревню детям. Нам же хлопотно и затруднительно покупать. Я ей предлагал и денег дать под залог имения, тут будет 2 процента барыша для сирот, а ответственность и риск Опеки в стороне. Всё это Дворянская опека дозволит».

«Дело о покупке села Михайловского в собственность малолетних детей А. С. Пушкина» началось 23 мая 1838 года.

А 26 мая в Яропольце Наталья Николаевна во второй раз встретила без Пушкина день его рождения. Именно этим днем помечено письмо Николая Ивановича Павлищева к Сергею Львовичу Пушкину, в котором он в очередной раз поднимает вопрос о судьбе Михайловского на правах мужа Ольги Сергеевны. Ей достались четырнадцатая часть имения по закону как дочери умершей 29 марта 1836 года Надежды Осиповны Пушкиной и еще седьмая часть, уступленная ей отцом Сергеем Львовичем. Остальное поровну принадлежало Льву Сергеевичу и детям Пушкина. Совсем не обратив внимания на то, что он пишет в день рождения Пушкина, Павлищев в свойственной ему манере требует приступить к разделу Михайловского. При этом он ссылается на Льва Сергеевича, который якобы также «настаивает на том, чтобы как можно скорее быть введенным в право наследования Михайловским», и сообщает, что тот передал ему «свои полномочия на это».

Соседка по Михайловскому П. А. Осипова еще незадолго до гибели Пушкина, 6 января 1837 года, когда Павлищев стремился завладеть Михайловским, писала поэту: «Павлищев сущий негодяй и к тому же сумасшедший». Сергей Львович также знал цену Павлищеву и потому, когда 7 августа 1836 года пересылал старшему сыну письмо зятя, предупреждал: «Имей терпение прочесть его. Ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает ценность Михайловского и как он мало понимает в управлении имением… Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий то, что он берет на себя».

На этот раз, в 1838 году, письмо Павлищева было обращено к самому Сергею Львовичу. В нем он льстит тестю, говоря, что истинный опекун детей поэта — это их дед, а остальные никуда не годятся. О графе Виельгорском, памятуя, что он композитор-

любитель и автор романсов на стихи Пушкина, Павлищев пишет, что тот «лучший музыкант, нежели попечитель».

Беспокойство Павлищева понятно: он прекрасно сознавал, что Опека будет в первую очередь блюсти интересы детей Пушкина и Натальи Николаевны. Он заканчивает свое письмо лицемерными словами: «Я пишу о Михайловском, потому что оно дорого всем нам по связанным с ним воспоминаниям».

Опека вскоре сделала свое дело — выкупила, в соответствии с пожеланием Натальи Николаевны, Михайловское в пользу ее детей, преодолев все препоны, которые ставил Павлищев.

Одной из причин стремления Натальи Николаевны поселиться в Михайловском было желание получить независимость, которой она была лишена в Полотняном Заводе, особенно в связи с натянутыми отношениями с женой Дмитрия Николаевича. К тому же в качестве главы дома брат должен был поддерживать переписку и со старшей сестрой Екатериной. Хотя Наталья Николаевна по-христиански и простила ее, но переписываться с ней, во всяком случае в период траура по мужу, она не хотела.

Дмитрий Николаевич вполне понимал ее чувства. Обязанный выплачивать замужней Екатерине содержание по пять тысяч рублей в год, он поддерживал с ней деловые отношения. Другие братья не были ими связаны, так что Иван Николаевич отправлял ей письма изредка, а Сергей и вовсе избегал переписки. Не случайно самолюбивая Екатерина Николаевна в письмах Дмитрию постоянно упрекает младших братьев в молчании. Так, в письме от 1 октября 1838 года она просит: «Напиши мне о Ване, что он поделывает? Когда ты его увидишь, передай ему, что со времени его женитьбы он еще не написал мне ни разу. Я хорошо знаю, что он не силен в писании писем, но всё же между часто и никогда большая разница». Иван Николаевич женился, как мы помним, 27 апреля 1838 года. Если он и написал о том сестре, то письмо его ожидало ее в Сульце, тогда как она с Дантесом была в Париже, где с опозданием узнала от знакомых о его свадьбе.

Отец, Николай Афанасьевич, несмотря на болезнь, вел довольно обширную переписку, но ни разу не написал старшей дочери, как и Сергей Николаевич. Вдове Пушкина было конечно же приятно, что самые близкие ей люди не поддерживали переписки с Екатериной, тем самым выражая свое отношение к ней. Впрочем, и Дмитрий не слишком баловал старшую сестру письмами, на что она жаловалась ему постоянно.

Четвертого сентября 1837 года Дмитрий Николаевич написал Екатерине о Наталье Николаевне: «Ты спрашиваешь меня, почему она не пишет тебе; по правде сказать, не знаю, но не предполагаю

другой причины, кроме боязни уронить свое достоинство или, лучше сказать, свое доброе имя перепиской с тобою. И я думаю, что она напишет тебе не скоро». Конечно же Екатерина Николаевна и без пояснений брата прекрасно понимала причину молчания младшей сестры.

В ответном письме из Сульца от 30 ноября 1837 года (первом дошедшем до нас) говорится о рождении у Екатерины Николаевны первенца — дочери Матильды. Метрической записью было официально зарегистрировано, что она появилась на свет 19 октября 1837 года. Однако, как установил голландский исследователь Франс Суассо, под этой записью нет подписи врача, хотя под метриками о рождении остальных детей Екатерины и Дантеса она имеется. К тому же свидетелями обозначены родной отец Дантеса и барон Луи Геккерен, специально прибывший для этого в Сульц. И тот и другой были заинтересованы в сохранении тайны рождения ребенка в том случае, если младенец родился ранее положенного времени.

Эти обстоятельства, как и сведения об ожидаемом ребенке, относящиеся еще ко времени пребывания Екатерины в России, заставили Суассо уверенно писать о том, что родившийся ребенок был добрачным. Вспомним недоумение Жуковского в его заметках начала ноября 1836 года: «Открытие Геккерена о любви сына к Екатерине», а затем письмо самого Геккерена-старшего от 2 февраля 1837 года голландскому министру иностранных дел барону Верстолку, в котором говорится, что в семье его приемного сына «вскоре ожидается прибавление» — и это ровно через три недели после свадьбы Дантеса и Екатерины Гончаровой, состоявшейся 10 января. А сама Екатерина в послании от 20 марта 1837 года вослед отбывшему из Петербурга супругу пишет: «…Как и подобает почтенному любящему сыну, он сильно капризничает, оттого что у него отняли его обожаемого папашу». Если ребенок был зачат в браке, эмбриону могло быть максимум девять недель; в таком случае он был подвижен вопреки законам медицины. Другое дело, если ему уже месяца четыре, о чем адресат письма должен был быть осведомлен в первую очередь. Вспомним его двусмысленную фразу в письме невесте от второй половины декабря о картошке, которая получает объяснение в случае, если Екатерина уже ожидает ребенка, а также вольности в обращении с ней, далеко выходящие за рамки отношений жениха и невесты. Вспомним и то, что писал Александр Карамзин брату Андрею 13 марта 1837 года о Екатерине, ставшей, по его словам, Дантесу «любовницей, а затем и супругой». Такими словами без веских оснований не бросаются. Не случайно Е. И. Загряжская пишет Жуковскому от 17 ноября 1836 года, после помолвки

Дантеса и Екатерины: «Итак, все концы в воду». Представляется, что все участники драмы были в курсе близких добрачных отношений между Дантесом и Екатериной, но по понятным причинам молчали.

В собственных письмах Екатерины, уже из Сульца, о быстром развитии дочери Матильды также можно найти подтверждение тому, что она родилась ранее официально зафиксированного срока. Интересно отметить и тот факт, что жену Дантеса в Сульце поместили в отдельном флигеле, который она не покидала вплоть до начала ноября, о чем сама писала в письме от 30 ноября. Всё это дает основания полагать, что Ф. Суассо был прав, но все причастные к тем далеким событиям ушли из жизни, не оставив подтверждения его версии. Если она справедлива, то в дуэльной истории Пушкину приходилось учитывать и положение Екатерины, защищая не только честь жены, но и честь свояченицы. Наталье Николаевне, естественно, также должны были быть известны эти обстоятельства семейной истории, но эту тайну и она унесла с собой в могилу.

Рождение других племянников и племянниц каждый раз становилось событием в одинокой жизни Натальи Николаевны. В мае 1838 года она после посещения Яропольца на неделю уехала в Москву и вернулась на Полотняный Завод, как и предполагала, к 1 июня, в канун именин Пушкина. В самый день именин, 2 июня, родилась Мария Гончарова, дочь Сергея Николаевича, любимого младшего брата Натальи Николаевны. Пришлось вновь возвращаться в Москву для крестин. Роль восприемницы Наталья Николаевна приняла на себя, восприемником стал брат Иван Николаевич.

А 13 июля 1838 года, накануне ее отъезда в Москву, в семье Дмитрия Николаевича родился сын Дмитрий. Уже из Полотняного Завода 2 сентября Александрина напишет об этом Екатерине в Сульц: «Мы прожили в Москве две недели. По возвращении нашем сюда нашли мы здесь мать, которая также приехала для крестин. Дмитриева жена сделалась после родов опасно больна, мы целый день принуждены были бегать из дома в дом, ибо мать жила у них в белом замке. Сей образ жизни продолжался месяц. Лизавета Егорьевна не оправлялась, мать не могла ехать. Наконец, ей стало полегче, мать уехала в Ярополец тому три дня. На другой день ее отъезда проводили мы также Сережу с женой и сыном, которые приезжали сюда к 27 августа, а вчера отправилась вся царская фамилия в Калугу, то есть Дмитрий с супругой и бель-сёр[138], также и наследник». Лишь 31 августа, после Натальина дня, уехала и мать.

Когда почти все обитатели и гости Полотняного Завода

разъехались, Александра Николаевна написала Екатерине, сообщая подробности их жизни. К этому письму Наталья Николаевна сделала приписку: «Мы точно очень, очень виноваты перед тобою, душа моя, давно я к тебе не писала. Разные обстоятельства были тому причиною. С апреля месяца мы на месте не посидели. Теперь возвратились сюда, жду тетку и Сергея Львовича. Брат со всем семейством отправились в Калугу на весь сентябрь месяц. Жена его была опасно больна.

Но теперь, как мне кажется, опасность совсем миновала. Гриша у меня в одно время сильно занемог; первая поездка моя в Москву была единственно для него, советы докторов и предписания их много ему помогли, теперь он, слава богу, оправился. Я тебе, кажется, еще ничего не писала про новую нашу belle-sœur (княжна Мария Ивановна Мещерская 27 апреля 1838 года стала женой И. Н. Гончарова. — *В. С.)*. Она очень мила, добра, умна, мы с ней часто виделись в Яропольце, очень подружились…»

В этой же приписке Наталья Николаевна отказывается от услуг сестры по присылке им из Франции модных платьев, «ибо, — напоминает она о трауре, — мы из черных шлафоров не выходим».

Это письмо Екатерина Николаевна благополучно получила, о чем сообщила брату Дмитрию 1 октября 1838 года, и с иронией откликнулась на его известие о предстоящем приезде в Полотняный Завод гостьи: «Ты пишешь, что скоро ты будешь иметь огромное счастье принимать у себя добрую, несравненную, сентиментальную тетку Катерину, с чем тебя искренне поздравляю, но предпочитаю, чтобы это случилось с тобой, а не со мной, так как своя рубашка ближе к телу, как ты знаешь. Напиши мне подробно о пребывании в ваших краях этого благодетельного существа. А также засвидетельствуй ей заверения в моих нежных и почтительных чувствах».

Ожидаемый приезд в Полотняный Завод тетушки Загряжской был связан с планами возвращения Натальи Николаевны в Петербург.

В числе последних дел Натальи Николаевны, относящихся ко времени ее вдовьей жизни в Полотняном Заводе, были хлопоты о получении гравюры работы Н. И. Уткина с известного портрета Пушкина кисти О. Кипренского. Впервые эта гравюра была выполнена еще в 1828 году и очень понравилась поэту. Незадолго до дуэли он обратился к Уткину с просьбой повторить гравюру для нового сборника стихотворений. Сохранилось воспоминание о последней встрече гравера и поэта: «С этим последним портретом связано для Уткина замечательное воспоминание.

Пушкин как будто желал, чтобы черты его подольше сохранились сталью, как бы предчувствовал, что это будет последняя дружеская услуга знаменитого гравера, который неохотно согласился на не совсем привычную ему работу. И в самом деле, на другой день его не стало! То было его предсмертное свидание с Уткиным. Но художник все-таки исполнил желание Пушкина, и в самое скорое время передал гравюру его семейству». В 1838 году Уткин выполнил портрет в ином стиле: сохранив позу оригинала, он придал фигуре поэта больше света и объема, сделав образ более поэтичным за счет облачного фона. Получив гравюру, Наталья Николаевна поместила ее на внутренней стороне крышки шкатулки, в которой хранила адресованные ей письма покойного мужа.

Вдовья доля

В пяти верстах от Полотняного Завода располагалось имение Бегичево, принадлежавшее семейству петербургских друзей Пушкина и Натальи Николаевны — Николаю Михайловичу и Александре Осиповне Смирновым. Хотя они лишь изредка приезжали сюда, но были всегда в курсе жизни своих соседей. Н. М. Смирнов, вспоминая о смерти Пушкина, писал и о Наталье Николаевне: «Несчастная вдова вскоре уехала к своему брату Гончарову в его имение Полотняные Заводы в Калужской губернии, там прожила все время траура, два года, ей назначенные мужем, вероятно в том предположении, что петербургское общество не забудет прежде сего времени клевету, носившуюся насчет ее. Но если клевета могла бы еще существовать, то была бы совершенно разрушена глубокою, неизгладимою горестью жены о потере мужа и ее примерным поведением. Юная, прелестная собою, она отказалась от света и, переехав в Петербург, по желанию ее тетки, посещает одних родственников и близких друзей, невзирая на приглашения всего общества и самого двора».

Разговоры о возвращении Натальи Николаевны в Петербург начались уже летом 1838 года. Поселившись в Полотняном Заводе, она конечно же не собиралась там жить всегда и по истечении траура думала вернуться в столицу. Тетушка Екатерина Ивановна, действуя так, как будто возвращение Натальи Николаевны было делом решенным, заранее сняла квартиру для племянниц с детьми. 13 октября 1838 года Иван Николаевич написал брату Дмитрию из Царского Села: «Тетушка здесь, и она мне сказала, что уже сняла дом, чтобы заставить сестер приехать, но она еще не знает, когда поедет».

В день рождения Пушкина, 26 мая 1839 года, Екатерина пишет Дмитрию из-за границы: «Вы имели счастие принимать у себя вашу дорогую тетушку Катерину, которая приехала похитить у вас сестер. Я о них недавно имела известия и узнала с удовольствием, что Н. не бывала в свете этой зимой; признаюсь, я считаю, что это было бы нехорошо с ее стороны». В этом письме обращает на себя внимание то, что тетушку она назвала «вашей», как бы открещиваясь от нее, Наталью Николаевну обозначила одним лишь инициалом, а известия о ней она получила со стороны.

Екатерина Ивановна Загряжская приехала в Полотняный Завод в начале ноября 1838 года. Ей удалось уговорить Наталью Николаевну вернуться в Петербург. Главным аргументом было то, что детям пора было давать образование, прежде всего Маше, которой в мае уже исполнилось шесть лет. К тому же хлопоты Опеки по выкупу Михайловского, инициированные самой Натальей Николаевной, требовали ее присутствия в столице. Не последним обстоятельством, повлиявшим на решение вернуться в столицу, была забота об Александрине. В июне ей исполнилось 27 лет. Она всё еще оставалась в девицах, посвятив себя младшей сестре и ее детям. Жизнь в Петербурге, возможное пожалование во фрейлины, о чем обещала похлопотать Екатерина Ивановна, могли решить ее судьбу.

Пробыв в Полотняном Заводе несколько дней, Загряжская увозит племянниц и детей в Москву, откуда сестры на один день без тетушки и детей отправляются в Ярополец к матери. Только тогда она узнала о принятом ими решении. Александра Николаевна пишет брату Дмитрию из Москвы: «Дорогой Дмитрий, ты просил меня написать о приеме, оказанном нам в Яропольце. Должна тебе сказать, что мы расстались с матерью превосходно. Она была трогательна с нами, добра, ласкова, всячески заботилась о нас. Мы пробыли у нее сутки». Наталья Николаевна приписала: «Не говорю об матери, сестра уже всё подробно описала; одним словом, она с нами обошлась как нельзя лучше, и мы расстались со слезами с обеих сторон». Сама Наталья Ивановна написала старшему сыну 12 ноября: «Твои сестры неожиданно приехали ко мне проститься перед отъездом в Петербург. Дай бог, чтобы они не раскаялись в этой затее, которая в глазах здравомыслящих людей мало похвальна. Старшая, без сомнения, больше всех виновата, но это, однако, нисколько не оправдывает и младшую».

Эта встреча неуловимо напомнила предыдущую, четырьмя годами ранее, когда сестры Гончаровы заехали проститься с матерью перед отъездом в Петербург. Наталья Ивановна, как и в

прошлый раз, прежде всего была недовольна тем, что всё решили без совета с ней. Она хорошо понимала, что именно ее сестра Екатерина Ивановна, с которой она была в ссоре, была главным инициатором переезда и что сын Дмитрий, как глава дома, не только был в курсе планов сестер, но и поддержал их, даже не сообщив матери.

Уже после того как они устроились в Петербурге, Александра Николаевна 24 ноября 1838 года сообщает брату Дмитрию: «Мы ведем сейчас жизнь очень тихую. Таша никуда не выезжает, но все приходят ее навещать и каждое утро точат у нас лясы. Что касается меня, то я была только у Маши Валуевой, Карамзиных и Мещерских. Со всех сторон я получаю приглашения, но мне пока не хочется выезжать, да и туалетов у меня еще мало».

Жившая в ту пору в Петербурге баронесса Евпраксия Николаевна Вревская писала мужу в деревню: «Говорят, она возвратилась прекраснее, чем была…»

Ко времени возвращения Натальи Николаевны в Петербург вышли в свет второй номер «Современника» с биографической статьей П. А. Плетнева «Александр Сергеевич Пушкин» и восемь томов посмертного собрания сочинений Пушкина. 29 ноября 1838 года Плетнев писал Жуковскому за границу: «Издание Пушкина совершенно кончилось. Ваша статья „Последние минуты Пушкина“ припечатана вместо обещанной биографии его».

Издание по воле императора должно было быть выполнено за казенный счет, а доход от него — пойти в пользу вдовы и детей. Начато оно было вскоре после смерти Пушкина. Смета на выпуск собрания сочинений была утверждена уже 25 февраля 1837 года. В начале марта 1837 года был выпущен проспект издания. Собрание вышло в восьми томах тиражом 13 тысяч экземпляров по цене 25 рублей за комплект. 26 марта по указу императора были отпущены безвозвратные средства на издание — 50 тысяч рублей. На собрание сочинений Пушкина была объявлена подписка. Только по Гвардейскому корпусу через генерала Веймарна был распределен 571 экземпляр собрания. Для распространения его в провинции министр внутренних дел Блудов разослал губернаторам и губернским предводителям дворянства соответствующие циркулярные письма. Первый том собрания был готов уже в октябре 1837 года, но выдаваться они стали все вместе в феврале-марте 1838 года. Дополнительные части собрания были отпечатаны к ноябрю 1838 года, когда Наталья Николаевна вернулась в Петербург. Помимо опекунов в его подготовке принял участие князь В. Ф. Одоевский. В собрание вошли уже известные, ранее печатавшиеся произведения. Не издававшиеся прежде — вещи публиковались вначале в журнале

«Современник». Тираж «Современника» составил две тысячи экземпляров, дав 8600 рублей чистого дохода. Право на издание трех дополнительных томов, содержащих произведения, напечатанные первоначально в «Современнике», было продано Опекой частным издателям за 37 тысяч рублей. Эти тома были выпущены тиражом пять тысяч экземпляров, и такой же тираж первых восьми томов был уступлен Опекой тем же издателям.

Шестого апреля 1838 года Опека «безденежно» выдала Наталье Николаевне комплект собрания, отпечатанный на веленевой бумаге[139]. Его доставил Никита Тимофеевич Козлов, бывший дядька Пушкина, теперь служивший рассыльным в редакции «Современника».

Между тем тетушка Екатерина Ивановна выполнила свое обещание: 1 января 1839 года Александра Николаевна Гончарова была пожалована во фрейлины императрицы Александры Федоровны. В свет ее вывозила графиня Строганова. В канун Нового года императрица посетила фрейлинские апартаменты в шепелевском доме при Зимнем дворце.

Нина Доля, гувернантка семьи Гончаровых, много лет прослужившая в их семье, 10 апреля 1839 года написала Екатерине Николаевне: «Александрина и Натали в Петербурге, как вы знаете. Натали, естественно, было тяжело возвращаться туда, но тетка-покровительница всё решила про себя, а когда она чего-нибудь захочет, то это должно совершиться». В том же письме она сообщает о встрече государыни с Натальей Николаевной: «Натали выходит мало или почти не выходит, при дворе не была, но представлялась императрице у тетки однажды, когда Ее Величество зашла к ней, идя навестить фрейлину Кутузову, которая живет в том же доме. Императрица была очень ласкова с Натали, пожелала посмотреть всех ее детей, с которыми она говорила. Это был канун Нового года». Безусловно, эта встреча 31 декабря 1838 года была организована по желанию императрицы.

Многое стало повторяться, как было в прежние годы жизни сестер в столице, в частности в отношении их содержания. Дмитрий Николаевич, как было давно решено, обязался выдавать каждой сестре ежегодно по 1500 рублей, но также неизменно их задерживал. Так, летом 1839 года Наталья Николаевна объясняется с ним: «Послушай, дорогой Дмитрий, больше всего я не люблю ссориться с теми, кто мне особенно близок и кого я люблю всей душой. Давай немного поговорим. Скажи, разве это разумно, так сильно на меня сердиться и говорить мне такие неприятные вещи из-за отказа, который даже нельзя назвать таковым, принимая во внимание, что, не имея ничего, я ничего и

не могу дать, не правда ли? *На нет и суда нет,* ты это знаешь. Должно признаться, что эта несчастная седьмая часть приносит мне большое огорчение: с одной стороны, семья моего мужа сердится, что я не использую эти деньги на покупку псковского имения, а с другой — ты меня упрекаешь в разорении всей семьи за то, что я их тебе не дала. Словом, со всех сторон только неприятности и огорчения из-за ничтожной суммы, которой я в действительности не имею и о которой даже больше не слышу и разговоров… Ответь мне на это письмо, чтобы доказать, что мы с тобою по-прежнему друзья».

Речь идет о вдовьей доле от Михайловского, которая составляла по существовавшим законам седьмую часть. Если вспомнить, что пушкинская цена Михайловского составляла 40 тысяч рублей, то доля Натальи Николаевны равнялась 5700 рублям, но только в случае продажи имения. Если же оно находилось в общем пользовании, то ей могла доставаться только седьмая часть доходов от имения. Когда-то Михайловское могло приносить 11 тысяч годового дохода, но после смерти Пушкина им заочно управлял Сергей Львович, не вникавший в дела, и оно приносило в чистом виде едва ли тысячу. Так что Наталья Николаевна не кривила душой, уверяя брата в том, что этой своей части она «в действительности еще не имеет».

Дмитрий Николаевич, сам находившийся в затруднительном положении, рассчитывал на эти деньги, но внял доводам сестры, о чем и сообщил ей. Уже с дачи Наталья Николаевна 2 августа 1839 года ответила брату: «Твое письмо меня осчастливило, дорогой Дмитрий. Тысячу раз благодарю тебя за все те нежные и ласковые слова, что ты мне говоришь, я в них действительно очень нуждаюсь, так как сердце мое страдало от того разлада, что возник между нами. Ну, раз уж с этим покончено, не будем об этом больше говорить, еще раз крепко обнимемся и будем любить друг друга в тысячу раз больше. Я так счастлива узнать, что ты вышел из затруднительного положения; от всей души желаю тебе спокойствия и полного успеха в делах, да хранит тебя Бог и освободит от всех горестей и беспокойств. Еще раз повторяю, что если только я могу быть тебе в чем-либо полезной, от всей души предлагаю тебе свою скромную помощь, располагай мною, как тебе заблагорассудится».

Самый надежный ее доход тогда составляли вдовья пенсия в три тысячи рублей и шесть тысяч содержания детям, по полторы тысячи каждому: дочерям до замужества, а сыновьям — до определения в службу или совершеннолетия. Таким образом, в ту пору семье было гарантировано ежегодное получение одиннадцати тысяч рублей. Менее надежную часть представляли

три тысячи рублей от Дмитрия Николаевича, по полторы каждой сестре, из гончаровских доходов. Кроме того, Наталья Николаевна имела капитал в 50 тысяч рублей, вырученный от продажи собрания сочинений Пушкина, изданного по воле императора за казенный счет. Трогать этот капитал Наталья Николаевна ни в коем случае не хотела, думая о будущем детей, и пользовалась только процентами с него, что составляло в год 2600 рублей.

Наталья Николаевна рассчитывала жить летом в Михайловском, но отправляться туда, не будучи его хозяйкой, ей не хотелось. Так что вновь пришлось выезжать на Острова. Первое лето по возвращении в Петербург она с сестрой и детьми провела на Каменном острове. Средств, чтобы взять дачу на этом самом фешенебельном из петербургских островов, у нее не было. Дачу сняла тетушка Екатерина Ивановна, пригласив племянниц с детьми. На соседней даче поселились де Местры[140] с Фризенгофами. Их семейство вернулось из-за границы еще в начале весны 1839 года: сам граф Ксавье де Местр, его жена Софья Ивановна, урожденная Загряжская, и ее воспитанница Наталья Ивановна с мужем бароном Густавом Фризенгофом.

Переехав на дачу, Александра Николаевна пишет брату Дмитрию 19 июля 1839 года: «…приехала тетушка Местр. Мы видим их каждый день. Они исполнены доброты к нам, невозможно не обожать их, они такие хорошие, такие добрые, просто сказать тебе не могу. Фризенгофы также очаровательны. Муж — очень умный молодой человек, очаровательно веселый, Ната, его жена, также очень добра. Она брюхата уже несколько месяцев».

Среди немногих знакомых, с кем общалась Наталья Николаевна, было, конечно, семейство графов Строгановых. Идалия Полетика сообщила Екатерине Николаевне 18 июля 1839 года: «Я вижу довольно часто ваших сестер у Строгановых, но отнюдь не у себя: Натали не имеет духа придти ко мне. Мы очень милы друг с другом, но она никогда не говорит о прошлом. Оно не существует между нами. Так что, держась весьма дружественно, мы много говорим о погоде, которая, как вы знаете, в Петербурге редко бывает хорошей. Натали по-прежнему хороша собой, хотя и очень похудела».

Несмотря на то что сестры почти не выезжали, столичная жизнь и воспитание детей требовали средств, которых явно не хватало. Как только приближались праздники, Наталье Николаевне приходилось вновь обращаться к брату. Так, незадолго до Пасхи в недатированном письме она пишет брату Дмитрию:

«Вот уже и канун праздников, а денег нет, увы. Ради бога, сжалься над нами, пришли их как можно скорее. Скоро уже 1 мая, это будет уже за три месяца, что ты нам должен. Саша, клянусь тебе, в самом стесненном положении. Я не получила еще ответа от тебя насчет просьбы, с которой к тебе обратилась мадам Карамзина, она меня об этом спрашивает каждый раз, как я ее вижу, и ждет ответа с нетерпением. На этой неделе, седьмой, я говею и прошу тебя великодушно простить меня, если в чем-нибудь была перед тобою виновата. Как твоя жена, она уже родила? Кого она тебе подарила? Говорят, что здоровье бедной Мари очень плохо, она с трудом поправляется после выкидыша. Ваня будет проводить лето в Ильицыне? Потребовал ли Ваня у тебя те 500 рублей, что я ему должна? Вот сколько вопросов, на которые сомневаюсь, что когда-нибудь получу ответ, проклятый лентяй. Мы не знаем еще, что будем делать этим летом, вероятнее всего наш первый этаж, то есть семейство Пушкиных, расположится лагерем на Островах. Местры заявляют, что не поедут за город, но я этому не верю. В общем, еще ничего не известно. Но я решила, что не останусь в городе ни за какие сокровища в мире.

Недавно я представлялась императрице. Она была так добра, что изъявила желание меня увидеть, и я была там утром, на частной аудиенции. Я нашла императрицу среди своей семьи, окруженную детьми, все они удивительно красивы.

Прощай, дорогой, славный брат, покидаю тебя, так как спешу, я должна сейчас уйти. Поздравляю вас с праздником Пасхи, желаю всяческого счастья тебе, твоей жене и детям. Сашинька тебя нежно целует, а также всё твое семейство».

Хотя письмо это не датировано, довольно легко установить время его написания. Речь в нем идет о «седьмой неделе», то есть Страстной. В 1839 году Пасха пришлась на 26 марта, а в 1840 году — на 14 апреля. У Ивана и Марии родилась дочь Мария 1 апреля 1839 года, а следующий ребенок, Александр, — 29 июня 1844 года. Таким образом, в 1839 году в апреле у Марии не было выкидыша. Он случился в 1840 году, после чего состояние ее здоровья настолько ухудшилось, что в декабре Иван Николаевич подал в отставку, а в 1841 году уехал с женой за границу. Наталья Николаевна жила на Островах летом 1839 года — на Каменном и 1840-го — на Аптекарском; в 1841 году все лето, с мая, она провела в Михайловском. Местры же приехали в Россию весной 1839 года, а в конце лета 1841-го уехали за границу. Сын Дмитрия Николаевича, Евгений, родился 24 апреля 1840 года. Таким образом, письмо следует датировать Страстной неделей 1840 года, приходившейся на 7–12 апреля.

Осенью 1839 года Наталья Николаевна и Местры поселились вместе в доме Адама на Почтамтской: она с детьми и Александриной на первом этаже, Местры — на втором[141]. В письмах Натальи Николаевны постоянно обыгрывается это их житье на два этажа. Она пишет брату Дмитрию 15 декабря 1839 года: «…не могу ничего особенно хорошего сообщить о нас. По-прежнему всё почти одно и то же, время проходит в беготне сверху вниз и от меня во дворец. Не подумай, однако, что в царский; мое сиятельство ограничивается тем, что поднимается по лестнице к тетушке». В другом письме тому же адресату, от 7 марта 1840 года, она сообщает: «Что сказать тебе о нас. Мадемуазель Александрина всю Масленицу танцевала. Она произвела большое впечатление, очень веселилась и прекрасна, как день. Что касается меня, то я почти всегда дома; была два раза в театре. Вечера провожу обычно наверху. Тетушка принимает ежедневно, и всегда кто-нибудь бывает».

Двадцатым ноября 1839 года датировано очередное письмо Екатерины Николаевны из Сульца брату Дмитрию, в котором после сообщений о ее дочерях Матильде и Берте она задает вопросы о родственницах (очевидно, что, с тех пор как сестры поселились в Петербурге, они вовсе перестали ей писать): «Напиши мне о сестрах. Вот уже год, как они мне не дают о себе знать; я думаю, что наша переписка совсем прекратится, они слишком часто бывают в свете, чтобы иметь время подумать обо мне. Не поговаривают ли о какой-нибудь свадьбе, что они поделывают, по-прежнему ли находятся под покровительством тетушки-факельщицы?» В этом насмешливом определении отчетливо виден двойной смысл: тетушка протежировала сестрам, «освещала путь», но часто ее характер был «поджигателем» ситуации. В вопросе о свадьбе также явно скрыто ехидство по поводу младшей сестры, хотя до ее второго брака оставалось еще пять лет. Как бы ненароком Екатерина переходит к главному: «Кстати, скажи-ка мне, нет ли надежды в будущем получить наследство от Местров, у них ведь нет детей. Это было бы для нас всех очень кстати, я полагаю. Впрочем, вероятно, все распоряжения уже сделаны, и так как обычно за отсутствующих некому заступиться, я думаю, мне не на что надеяться». При этом Екатерина в своих меркантильных побуждениях забывает о Наталье Ивановне Фризенгоф, приемной дочери де Местров. Но пока старшая сестра у себя в Сульце строит планы, младшие сестры и Фризенгофы живут с супругами де Местрами одним домом и не помышляют о наследстве. Упоминания о сестрах мы встречаем и в письмах Густава Фризенгофа брату Адольфу. 1 августа 1839 года он сообщает: «Пушкиных мы видим ежедневно

и постоянно, я привык к ним и, в общем, их люблю, они значительно содействуют тому, чтобы салон моей остроумной тетки, который по самой своей природе скучнее всех на свете, был несколько менее скучным». Об образе жизни двух родственных семейств писал и сам граф де Местр 19 сентября 1839 года князю Д. И. Долгорукову: «Вечера мы проводим в семейном кругу. Часто две племянницы моей жены — г-жа Пушкина и ее сестра — приходят дополнить наше небольшое общество. Первая из них, вдова знаменитого поэта, очень красивая женщина, а сестра ее, хотя и не так одарена природою, однако тоже весьма хороша».

К этому году относится портрет Натальи Николаевны работы шведского художника Шарля Петера Мазера, которого свел с ней Нащокин. Тот приехал в Россию в 1838 году и поселился поначалу в его доме. Мазер, никогда не видевший Пушкина, написал тем не менее его портрет в том самом архалуке, который подарила Нащокину Наталья Николаевна. Художник на портрете вдовы сумел передать неизгладимый налет печали, который в те годы лежал на ее лице. К этому же времени относится отзыв о Наталье Николаевне, оставленный 12 ноября неизвестным, разыскивавшим Мазера: «Когда вы увидите мадам Пушкину, будьте добры спросить у нее адрес художника Мазера. Я не могу его найти, а она, я думаю, видит его время от времени. Бог мой, как она хороша эта самая M-me Пушкина, — она в высшей степени обладает всеми теми целомудренными и умиротворяющими свойствами, которые тихо привлекают взгляд и пробуждают в сердце того, кто их наблюдает, мысль, я бы сказал, почти религиозную. Жаль, что ее лицо так серьезно, но когда по временам на ее губах мелькает улыбка, как ускользающий луч, тогда в ее ясных глазах появляется неизъяснимое выражение трогательной доброжелательности и грусти, а в ее голосе есть оттенки нежные и немного жалобные, которые чудесным образом сочетаются с общим ее обликом…»

Иван Николаевич Гончаров постоянно навещал сестер, приезжая из Царского Села, где квартировал лейб-гвардии Гусарский полк. В письме брату Дмитрию от 22 ноября 1839 года он рисует картину жизни сестер и опекавших их Местров: «Что тебе сказать о подноготной нашего семейства, которое я только что покинул; к несчастью, очень мало хорошего. Таша и Сашинька не очень веселятся, потому что суровое и деспотичное верховное правление не шутит, впрочем, в этом нет, пожалуй, ничего плохого, и я предпочитаю видеть, что есть кто-то, кто руководит ими, чем если бы они были одни в Петербурге, тогда было бы еще хуже. Они мало выходят и проводят почти все вечера в гостиной

тетушки Местр, хотя и богато обставленной и хорошо освещенной, но скучной до невозможности».

Первого ноября 1839 года Наталья Николаевна была очень удивлена неожиданному визиту приехавшего в Петербург Сергея Львовича: «Он говорит, что ненадолго, но я полагаю, что всё будет иначе и он преспокойно проведет зиму здесь». Он действительно задержался в Петербурге, часто обедал у невестки, а она посещала его. Об одном из таких визитов к Сергею Львовичу Наталья Николаевна писала брату Дмитрию в декабре 1841 года: «На этот раз мы застали свекра дома. Его квартира непереносимо пуста и печальна. Великолепные его прожекты по размещению мебели ограничиваются несколькими стульями, диваном и двумя-тремя креслами». По договоренным дням к деду привозили и внучек, в общении с которыми однажды застал его приехавший в Петербург старинный приятель Пушкина И. П. Липранди.

Наталья Николаевна поддерживала отношения с сестрой и братом Пушкина: переписывалась с Ольгой Сергеевной, помогла Льву Сергеевичу через Вяземского устроиться на службу в одесскую таможню.

В эту зиму, встретившись наконец с Натальей Николаевной, баронесса Е. Н. Вревская 2 декабря 1839 года пишет о ней мужу уже не по слухам, а по собственному впечатлению и без предвзятости: «В четверг я была у г-жи Пушкиной. Она так старалась быть со мною любезной, что просто меня очаровала. Она, в самом деле, прелестное создание; зато сестра ее показалась мне такой некрасивой, что я расхохоталась, когда мы с сестрою оказались одни в карете». Сестра, то есть Анна Николаевна Вульф, так и не вышедшая замуж, жила в это время в Петербурге. Ее собственное положение было немногим лучше того, в котором находилась засидевшаяся в невестах Александрина.

Их мать П. А. Осипова жила в своем Тригорском, по-прежнему, как и при жизни Пушкина, помогала, чем могла, его семейству и сберегала память о нем. 31 декабря, в канун 1839 года, Опека в лице графа Г. А. Строганова обратилась ней с просьбой запечатлеть место захоронения Пушкина, чтобы заказать памятник на его могилу: «Милостивая государыня Прасковья Александровна, вдова Александра Сергеевича Пушкина, желая воздвигнуть надгробный памятник над могилою его, поручила мне как родственнику и опекуну детей ее собрать описание и хотя очерк места могилы Александра Сергеевича, дабы сообразно тому можно было сделать приличнее самый памятник. Так как нам известны дружеские ваши отношения к

Александру Сергеевичу, которые сохранил он в течение всей жизни своей, то я в полной уверенности на содействие ваше к совершению последнего долга покойному дозволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой сообщить мне хотя поверхностный рисунок с кратким описанием места, где ныне покоятся бренные останки Александра Сергеевича».

П. А. Осипова не замедлит прислать собственноручные зарисовки с пояснениями, которые вместе с рисунком псковского землемера И. С. Иванова, запечатлевшим первоначальный вид могилы поэта у апсиды Успенского собора Святогорского монастыря, лягут в основание проекта памятника, заказанного Натальей Николаевной петербургскому мастеру А. Пермагорову.

Уже в начале 1839 года приехавший в Петербург после пятнадцатилетнего отсутствия Е. А. Баратынский посещает вдову поэта. Их сводит П. А. Вяземский, передавший Баратынскому, что «она очень признательна, когда старые друзья ее мужа посещают ее». Баратынский написал жене: «Я намерен у нее быть. Она живет чрезвычайно уединенно. Бывает только у Карамзиных, и то очень изредка». Именно там состоялась их встреча: «У Карамзиных видел почти всё петербургское высшее общество. Встретил вдову Александра Пушкина. Вяземский меня к ней подвел, и мы возобновили знакомство. Всё так же прелестна и много выиграла от привычки к свету. Говорит ни умно, ни глупо, но свободно».

Лето 1840 года Наталья Николаевна с детьми и сестрой провела на даче. У них гостил племянник Пушкина, сын Павлищевых Лев. Среди немногих гостей, изредка посещавших их и в городе, и на даче, неизменно был П. А. Плетнев, писавший своему приятелю, будущему академику Я. К. Гроту 24 августа 1840 года: «Вечер с 7 до 12 я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают… Пушкина очень интересна, хоть и не рассказывает о тетрадях юридических. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказать».

Со своими родными, кроме сестры Екатерины, Наталья Николаевна поддерживала отношения. Летом 1840 года Екатерина Николаевна, будучи в Баден-Бадене, встретилась там с Идалией Полетикой и через нее передала письмо сестрам и тетушке в Петербург. В ответ на ее расспросы Наталья Николаевна вдруг написала ей довольно откровенное письмо: «Дела мои ни хороши, ни плохи. У меня всего 1800 рублей дохода. Впрочем, этого было бы достаточно, но здесь тягостно, особенно сейчас, чем дальше, тем тяжелее. Дети растут. Маше 8

лет, и пора доверить ее воспитателям. Но чем с ними расплачиваться? На самое необходимое уже не всегда хватает. Подчас голова у меня идет кругом, положение мое отнюдь не завидно. Редки те дни, когда сердце у меня не щемит. Зачем я тебе говорю об этом и жалуюсь? Будь весела и счастлива и прости меня за мои откровения. Это у меня случайно вырвалось. Я не допускаю мысли, что могу разделить свое горе с кем бы то ни было».

В октябре в Петербурге побывал по своим делам Дмитрий Николаевич, о чем мы узнаём из письма к нему Александрины от 8 ноября 1840 года: «Мы должны поблагодарить тебя, любезный брат, за две приятные недели, что ты дал нам возможность провести с тобой. Не могу тебе сказать, какую пустоту мы почувствовали после твоего отъезда. Первые дни, когда мы расстались с тобой, мы бродили как неприкаянные, и с каким-то ужасом я входила в комнату, где ты жил».

В этот приезд брат привез им все положенные деньги, и это письмо к нему — чуть ли не единственное, в котором не идет речь о деньгах. Там же Александрина пишет: «Образ жизни наш всё тот же: вечера проводим постоянно наверху или бываем у Мари Валуевой или Карамзиных. Завтра, однако, я иду на первый бал, что дают при дворе. Признаюсь тебе, это меня не очень радует. Я так отвыкла от света, что мне ужасно не хочется туда идти. Просто грустно и только. Весь верхний этаж благодарит тебя за память и шлет тысячу приветов».

На этот бал Наталья Николаевна согласилась сопровождать сестру.

Этой же осенью приехавшая в Петербург поэтесса графиня Евдокия Ростопчина посвятила вдове Пушкина сонет «Арабское предание о розе»:

Она по-прежнему прекрасна и мила,
Она по-прежнему как роза расцветает,
Ее румяная улыбка весела,
И светлый взор горит, и нас она пленяет!

Она перенесла губительный удар,
Она пережила годину слез и скуки;
В уединении тоски заветной муки
Она лелеяла как замогильный дар.

Она почившего воспоминаньем чтила,
Она любившего за прошлое любила.
Душевной тризною святила много дней…

И вот по-прежнему она нас всех пленяет,
И вот она опять как роза расцветает…
Но где ж певец ее?., где он, наш соловей?

Наталья Николаевна так редко выезжала в то время, что всякое ее появление в обществе отмечалось знакомыми. Так, 10 декабря 1840 года Плетнев пишет Гроту: «В 11 часов вечера я поехал к Карамзиным. Там было всё, что только есть прекраснейшего между дамами в Петербурге, начиная с Пушкиной (поэтши)…» В других письмах тому же Гроту от 12 и 28 ноября 1840 года он сообщает о посещении Пушкиной концертов и даже придворного бала 8 ноября; но она не спускалась в зал, а только сверху, с хор, смотрела, как танцует сестра-фрейлина.

Конец года, когда надо было рассчитываться по долгам и за квартиру, а приближавшиеся праздники неизменно требовали трат, семейный бюджет трещал по швам. А тут еще мать под Новый год отказала Наталье Николаевне в деньгах, которые до того ей выдавала. Наталья Николаевна пишет об этом 2 января 1841 года брату: «Дорогой и добрый Дмитрий, я только что получила письмо от матери, приводящее меня в отчаяние. Она отказывает мне в содержании, которое назначила мне. Не зная, что делать, я обращаюсь к тебе как к главе семейства, помоги ради бога. Я клянусь тебе, дорогой Дмитрий, если бы я знала, на что существовать, я бы не позволила себе надоедать, но я имею на все только 11 000 от двора, 2000 — проценты с моего капитала и 1500, которые ты мне даешь — всего 14 500 рублей. Этого недостаточно для содержания такой семьи, как моя, в особенности в то время, когда начинается воспитание детей, что тоже требует больших расходов. Поэтому мне очень тягостно, что меня лишают содержания, которое все остальные члены семьи получают, а меня из нее несправедливо исключили».

Наталья Николаевна напомнила брату, что при жизни Пушкина она обходилась без поддержки семейства Гончаровых: «Ты знаешь, дорогой Дмитрий, что в течение шести лет, когда я была замужем, ни я, ни мой муж никогда ничего не просили у вас. Увы, времена изменились, и то, что тогда не было даже жертвой, теперь нас повергло бы в жестокое стеснение. Чтобы тебе показать, что нет никакой надежды на мать, я сейчас перепишу слово в слово ее строки. Я ей написала, что была в затруднительном положении и, не осмеливаясь просить ее, одолжила 1000 рублей в конторе у графа Строганова». Наталья

Ивановна ответила дочери: «Заканчивая ваше письмо, вы мне говорите, дорогая Натали, что заняли в конторе графа Строганова 1000, рассчитывая на деньги, которые я пришлю вам; должна вам в отношении этого сказать, что вы сделали ошибочный и нескромный поступок. Я предупреждаю вас, что у меня нет никакой возможности выполнить свое обещание и выдавать вам аккуратно 3000 рублей в год. Я не поручала вам делать долги, и если у меня нет никакой возможности выдать эту сумму, то и не будет никакой возможности принять ваше обязательство этого долга. Таким образом, этот долг будет касаться только вас, и это новое затруднение, которое вы на себя взяли. Затруднение в моих делах очень большое, я ничего не могу вам обещать, в особенности не могу разрешить делать долги в расчете на эти деньги. Единственно, что я могу вам гарантировать, если дела мои улучшатся, это постараться прислать вам поскорее, что я смогу».

Наталья Николаевна огорченно констатирует: «Ну вот, дорогой брат. Как мало у меня надежды на мать — она упрекает меня за одолжение 1000 рублей. Но чем же я должна была расплатиться за весь дом, воздухом не проживешь. Она больше, чем кто-либо, знает, что значит содержать семью, сама не сводила концы с концами при 40 000 рублей, которые она получала от моего дедушки».

Александра Николаевна, которая знала положение сестры не понаслышке, в свою очередь, поддержала ее в своем письме брату Дмитрию: «Дорогой Дмитрий, я думаю, ты не рассердишься, если я позволю себе просить тебя за Ташу. Я не вхожу в подробности, она сама тебе об этом напишет. Я только умоляю тебя взять ее под свою защиту. Ради бога, дорогой брат, войди в ее положение и будь так добр и великодушен — приди ей на помощь. Ты не поверишь, в каком состоянии она находится, на нее больно смотреть. Пойми, что такое для нее потерять 3000 рублей. С этими деньгами она еще как-то может просуществовать с семьей. Невозможно быть более разумной и экономной, чем она, и все же она вынуждена делать долги. Дети растут, и скоро она должна будет взять им учителей. Следственно расходы только увеличиваются, а доходы ее уменьшаются. Если бы ты был здесь и видел ее, я уверена, что был бы очень тронут положением, в котором она находится, и сделал бы все возможное, чтобы ей помочь. Поверь, дорогой Дмитрий, Бог тебя вознаградит за добро, которое ты ей сделал бы. Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями она еще должна бороться с нищетой. Силы ей изменяют, она теряет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом. Кончаю, любезный Дмитрий,

уверенная, что ты на меня не рассердишься за мое вмешательство в это дело и сделаешь всё возможное, чтобы прийти на помощь бедной Таше. Подумай о нас, дорогой Дмитрий, в отношении 1 февраля, в особенности о Таше. Я не знаю, что отдала бы, чтобы видеть ее спокойной и счастливой, это настоящее страдание».

Это письмо не имеет даты, но судя по упоминанию 1 февраля — срока, к которому Дмитрий Николаевич должен был переводить содержание сестрам, оно написано в начале 1841 года. Три тысячи рублей, о которых идет речь в письме, — это сумма, которую поначалу Наталье Николаевне выдавала мать из доходов от Яропольца, но затем отказалась, ссылаясь на свое собственное затруднительное финансовое положение. Вполне вероятно, что при этом сыграл свою роль переезд сестер без спроса в Петербург, под крыло Екатерины Ивановны Загряжской. Тетка, чем могла, помогала сестрам, но не столько деньгами, сколько различными подарками, платьями или тканями на их пошив.

Приехавшая в Петербург Ольга Сергеевна Павлищева навещает Наталью Николаевну, излагая свои впечатления в письмах мужу в Варшаву.

Друзья Пушкина, прежде всего П. А. Плетнев, неизменно отмечали любезность, с которой общалась с ними его вдова, хранившая память былых отношений. Встречались они чаще всего у Карамзиных. Об одной из таких встреч Плетнев написал 8 февраля 1841 года Я. К. Гроту в Гельсингфорс: «В 11 часов тряхнул я стариной и поехал к Карамзиным, где не бывал более месяца. Карамзина меня встретила словами: revenant[142]. Там нашлось всё, что есть прелестнейшего у нас: Пушкина — поэт, Смирнова, Ростопчина и проч. Лермонтов был тоже. Он приехал в отпуск с Кавказа».

Плетнев постоянно бывал и у самой Натальи Николаевны, а она, в свою очередь, наносила ему визиты. Об одном таком посещении Плетнев дает отчет Гроту 21 марта 1841 года: «Гораздо интереснее был визит Натальи Николаевны Пушкиной (жены поэта) с ее сестрой. Пушкина всегда трогает меня до глубины души своею ко мне привязанностью. Конечно, она это делает по одной учтивости. Но уже и то много, что она старается меня (не имея большой нужды) уверить, как ценит дружбу мужа ко мне…»

Проведя лето и большую часть осени 1841 года в Михайловском, Наталья Николаевна с детьми и сестрой вернулись в Петербург 26 октября 1841 года. Поселились они в квартире, которую им опять присмотрела поближе к себе тетушка Екатерина Ивановна. На этот раз они жили врозь с Местрами, что,

скорее всего, было желанием Натальи Николаевны. Новая петербургская квартира располагалась неподалеку от шепелевского дома, в хорошо знакомом Наталье Николаевне районе, у Конюшенного моста, в доме Китнера. Это был один из самых старых домов, расположенных в этих кварталах. В 1718 году участок под застройку был пожалован камердинеру Петра I Козьме Спиридоновичу Ливанову. Впоследствии владельцы менялись: Ливановых сменил Ф. Ф. Крузе, его — Прокофий Акинфиевич Демидов, того, в свою очередь, Савва Яковлев и т. д., пока в конце 1830-х годов владельцем дома не стал ламповый мастер Себастьян Китнер, отец известного архитектора Иоахима Китнера. В 1840 году дом перестраивал архитектор Август Иванович Ланге, помощник А. И. Штакеншнейдера. Так что Наталья Николаевна въехала в старинный, но только что обновленный дом. Он был тогда четырехэтажным; позднее, в 1870-х годах, его достроили пятым этажом по проекту академика архитектуры В. Ф. Геккера.

Пользуясь ближайшим соседством, Екатерина Ивановна каждый день в семь часов вечера приходила навестить племянниц и детей или только детей, если старшие обитательницы квартиры были в отсутствии. Дом выходил окнами на церковь Спаса Нерукотворного Образа при Конюшенном придворном ведомстве, так что Наталье Николаевне ежедневно вспоминался день отпевания в ней Пушкина. Теперь она могла ежедневно посещать этот памятный для нее храм и приводить в него детей. Дом, в котором она поселилась, соседствовал с тем, в котором некогда жил юный Пушкин, привезенный дядюшкой Василием Львовичем из Москвы для определения в Лицей. Дом, где жила вдова с детьми, сейчас имеет адрес Мойка, 11. Из окон ее квартиры хорошо просматривался дом на Мойке, 12, напоминая о четырех месяцах, которые они с Пушкиным прожили в нем, и двух днях, когда он здесь умирал.

Неподалеку, в Литейной части, на Гагаринской улице, жили тогда Вяземские и Карамзины, которых постоянно по старой дружбе, а теперь и по родству посещала Наталья Николаевна. Продолжала она видеться и с другим другом Пушкина, Плетневым. 1 апреля 1842 года он писал Гроту: «В понедельник я обедал у Natalie Пушкиной с отцом и братом (Львом Сергеевичем) поэта. Все сравнительно с Александром ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ее дети — прелесть».

В этой квартире на Конюшенной Наталья Николаевна прожила полгода между двумя поездками в Михайловское, и сюда же она вернулась после второго там пребывания.

Уже из Петербурга она написала брату 17 сентября 1842 года:

«Ты, может быть, будешь удивлен, дорогой, добрейший Дмитрий, увидев петербургский штемпель на моем письме. Столько разных неприятных обстоятельств, и самых тяжелых, произошли одни за другими этим летом, что я вынуждена была ускорить на два месяца мое возвращение. Это решение было принято после письма графа Строганова, который выслал мне 500 рублей на дорогу (зная, что у меня ни копейки), настоятельно рекомендуя мне вернуться незамедлительно». Больше Наталья Николаевна уже никогда не приедет в Михайловское.

Возвращение в свет

Пришла пора подумать об образовании подраставших детей. О планах Натальи Николаевны Плетнев писал Гроту 25 ноября 1842 года: «Чай пил у Пушкиной (жены поэта). Она очень мило передала мне свои идеи насчет воспитания детей.

Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у нее мало денег для исполнения этого плана».

Сыновья Пушкиных были зачислены в пажи по милости Николая I, встреча с которым, рано или поздно, была неизбежной, раз Наталья Николаевна жила в Петербурге. Произошла она случайно под Рождество, 24 декабря 1841 года в английском магазине на Невском проспекте: выбирая подарки для детей, вдова Пушкина неожиданно столкнулась с императором, также зашедшим купить подарки для своих домашних. Они не виделись со времени кончины поэта. Милостиво поговорив с вдовой, Николай I через ее тетку, фрейлину Е. И. Загряжскую, пригласил Наталью Николаевну вновь бывать при дворе.

Так Наталья Николаевна постепенно начинает появляться в свете. Одно из таких появлений на костюмированном балу в Аничковом дворце было настоящим триумфом, напомнившим ей былые времена. К этому балу Екатерина Ивановна подарила племяннице наряд в древнееврейском стиле, напоминавшем одеяние Ревекки на известной картине итальянского живописца XVII века Ф. Солимена «Ревекка у колодца». Он состоял из длинного фиолетового бархатного кафтана, широких палевых шаровар и легкого покрывала из белой шерсти, закрепленного на затылке. Ему соответствовала и прическа, по поводу которой парикмахер-француз, ее создавший, заметил с восхищением: «Ce qu'il faut être sûre de sa beauté, pou oser arborer semblable coiffure! [143]»

Наталья Николаевна, появившаяся в этом костюме, приковала к себе всеобщее внимание, что заставило ее искать укромный

уголок, который пришлось покинуть с выходом царской семьи. Когда начались танцы, Николай I, отыскав ее, подвел к императрице, сказав при этом громко:

— Regardez et admirez!

— Oui, belle, bien belle en vérité! C'est ainsi que votre image aurait di passer à la postérité![144]

Свой рассказ дочери об этом происшествии Наталья Николаевна завершила словами:

— Мне кажется, легче было бы провалиться сквозь землю, чем выстоять перед всеми, точно впившимися в меня взглядами.

Эффект был таков, что императрица Александра Федоровна выразила желание видеть ее портрет в этом наряде, что тотчас после бала и было исполнено. По словам Араповой, придворный художник написал акварельный портрет Натальи Николаевны в этом библейском костюме, якобы для альбома императрицы. Однако этот портрет нам неизвестен.

Зато к 1842 и 1843 годам относятся портреты Натальи Николаевны, выполненные Вольдемаром Гау. На акварели Гау она представлена по пояс с поворотом в три четверти влево в белом бальном платье, обшитом по вырезу рядом оборок, украшенном большим аграфом[145], и светло-серой накидке, подбитой горностаем. Волосы, расчесанные на прямой пробор, спускаются по сторонам длинными локонами, на затылке — изящная маленькая шляпка черного бархата с белым страусовым пером.

Этот портрет был несколько раз повторен. Одна из авторских копий хранилась у Вяземских в Остафьеве. Об этом портрете Вяземский пишет Наталье Николаевне в 1842 году: «Очень жалею, что не смог сегодня прийти полюбоваться оригиналом и копией, на копию с которой, скажу к слову, я претендую…» В другом письме он напоминает: «Сделайте милость, пришлите мне мой маленький портрет». И, наконец, уже в 1843 году, получает его: «Всё семейство благодарит вас за присылку портрета, который в общем понравился, но в том портрете, который я ношу в сердце, более сходства». В семье Пушкиных хранилась большая масляная копия с этого портрета, сделанная И. Макаровым, который приписал от себя левую руку в перчатке, а также изменил цвет платья, накидки и фона.

К тому же периоду относится еще один акварельный портрет Натальи Николаевны, судя по всему, опять же работы Гау, хотя и не подписанный автором. Она изображена с той же прической на пробор и с локонами, но в позе с поворотом вправо, в закрытом лиловатом платье с белой вышитой вставкой, лиф и рукава которого обшиты рядами оборок из темной материи. На шее — большой кружевной воротник, под ним повязана голубая

узорчатая лента, скрепленная золотой брошью с синей эмалью, на грудь спускается золотая цепочка. С правой руки спущена светло-синяя бархатная мантилья, отороченная соболем. Скорее всего, она досталась от тетушки Екатерины Ивановны, которая оставила племяннице весь свой гардероб, драгоценности, кружева и меха.

Работа Гау упомянута самой Натальей Николаевной в связи с ее общением с императрицей, о чем она написала брату Дмитрию 13 марта 1843 года: «Этой зимой императорская фамилия оказала мне честь и часто вспоминала обо мне, поэтому я стала больше выезжать. Внимание, которое они соблаговолили проявить ко мне, вызвало у меня чувство живой благодарности. Императрица даже оказала мне честь и попросила у меня портрет для своего альбома. Сейчас художник Гау, присланный для этой цели Ее Величеством, пишет мой портрет».

Лето 1843 года Наталья Николаевна намеревалась провести по приглашению брата Ивана Николаевича в Ильицыно, что было бы во всех смыслах удобно и экономично; но неожиданно ее планы были нарушены. 18 марта 1843 года она сообщила Дмитрию Николаевичу: «В этом году я буду вынуждена провести лето в городе, хотя я обещала Ване приехать на лето в Ильицыно. Приезд графа Сергея Строганова полностью изменил мои намерения. Он был так добр принять участие в моих детях, и по его совету я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия. Но Саша еще недостаточно подготовлен к поступлению в третий класс, а по словам многих, первые классы не благоприятны для умственного развития, потому что учеников в них очень много, а следственно и надзор не так хорош, и получается, что ученье идет очень медленно, и ребенок коснеет там годами и не переходит в следующий класс. Поэтому я хочу заставить Сашу много заниматься в течение года, что мне остается, потому что он будет поступать в августе следующего года. А теперь, по совету директора гимназии, куда я хочу его поместить, я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжелый год в отношении расходов, но, в конце концов, меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребенку. Прежде чем решиться на это, я воспользовалась представившимся мне случаем поговорить с самим Его Величеством, и он не осудил это мое намерение». Разговор с царем представлялся необходимым прежде всего потому, что оба сына Пушкиных были записаны в пажи. Пажеский корпус являлся закрытым учебным заведением, и обучаться в нем экстерном было невозможно. Отказаться от царской милости было конечно же немыслимо, но можно было отсрочить

определение сыновей в корпус, дав им возможность поучиться для начала в гимназии.

И все же часть лета Наталья Николаевна с сестрой провела по совету врачей вне Петербурга, отправившись на две недели по приглашению Екатерины Андреевны Карамзиной на Ревельские воды.

Уже после ее возвращения неизменно продолжавший ее посещать Плетнев сообщил Гроту 22 сентября 1843 года: «Зашел к Пушкиной. Она в среду придет ко мне со всем семейством своим (семь человек) на вечерний чай». Плетнев описал этот вечер среды 25 сентября: «На чай из мужчин пришли: Энгельгардт, Кодинец и Петерсон, а из дам — Пушкина, сестра ее, гувернантка и дочь Пушкиной с маленькими двумя братьями… Сперва накрыли чай для детей с их гувернантками. После новый чай для нас в зале. Кончив житейское, занялись изящными искусствами: дети танцевали, а потом Оля играла с Фукс на пианино. Александра Осиповна[146] очень полюбила Пушкину, нашед в ней интересную, скромную и умную даму».

В годы петербургского вдовства Наталье Николаевне несколько раз предоставлялась возможность выйти замуж. Еще в январе 1841 года Плетнев затеял с ней об этом разговор, пересказав его в письме к Гроту: «Во вторник 21 января на последнее время вечера поехал я к Natalie Пушкиной. Мы просидели одни. Она очень интересна. Я шутя спросил ее: скоро ли она опять выйдет замуж? Она шутя же отвечала, что, во-первых, не пойдет замуж, во-вторых, никто не возьмет ее. Я ей советовал на такой вопрос всегда отвечать что-нибудь одно, ибо при двух таких ответах рождается подозрение в неискренности, и советовал держаться второго. Так нет — лучше хочет твердить первое, а в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела».

Плетнев как будто не понимал, что чувство собственного достоинства владело Натальей Николаевной больше, чем желание выйти замуж. А корреспондент Плетнева Я. Грот и вовсе осудил вдову: «Из двух ответов Пушкиной и я предпочел бы тот, который она выбрала; но из ее разговора я с грустью вижу, что в сердце ее рана уже зажила! Боже! Что есть прочного на земле!» Плетнев не замедлил возразить: «…не обвиняйте Пушкину. Право, она святее и долее питает меланхолическое чувство, нежели бы сделали это многие другие».

Ее красота по-прежнему привлекала поклонников. Один из них, дипломат Николай Аркадьевич Столыпин, прибывший в отпуск в Петербург и плененный ее красотой, решился было просить ее руки, но, по словам А. П. Араповой, «грозный призрак

четырех детей» заставил его отказаться «от безрассудного брака». Этот расчетливый поклонник, принадлежавший к одной из старейших дворянских фамилий России, родственник Лермонтова, был как раз тем самым дипломатом, чьи суждения, высказанные в разговоре с Лермонтовым, дали толчок к написанию шестнадцати заключительных строк стихотворения «Смерть Поэта». Он являлся переносчиком мнения Нессельроде, своего шефа, по поводу дуэли Пушкина и Дантеса. В частности, Столыпин считал, что Дантес как иностранец не подвластен российскому суду. В качестве камер-юнкера и чиновника Коллегии иностранных дел Николай Аркадьевич, несомненно, при жизни поэта должен был встречаться с ним и Натальей Николаевной. Во время ее вдовства он виделся с ней, вероятнее всего, в доме Карамзиных, одном из немногих, которые она посещала[147].

Имя еще одного поклонника — графа Гриффео, секретаря неаполитанского посольства — установлено по пометке, сделанной рукой Натальи Николаевны на первой странице письма, присланного ей П. А. Вяземским в 1842 году: «Aff<aire> Grif<feo>» — «История с Гриффео». Вяземский, в частности, пишет: «Ваше положение печально и трудно. Вы еще в таком возрасте, когда сердце нуждается в привязанности, в волнении, в будущем. Возраст ваших детей таков, что, не нарушая своего долга в отношении их, вы можете вступить в новый союз. Более того, подходящий разумный союз может быть даже в их интересах. Следовательно, вы совершенно свободны располагать вашим сердцем и его склонностью. Но при условии, что чувство, которому вы отдадитесь, что выбор, который вы сделаете, будет правильным и возможным. Всякое другое движение вашего сердца, всякое другое увлечение может привести к прискорбным последствиям, для вас более прискорбным, чем для кого-либо другого».

Вяземский, предостерегая Наталью Николаевну от Гриффео, будто предвидит возможный исход. Вероятно, потеряв надежду на легкий роман с вдовой Пушкиной, он увлекается другой женщиной. По иронии судьбы ею оказывается родственница ее будущего второго мужа. Уже уехавшей с детьми на лето 1842 года в Михайловское Наталье Николаевне Вяземский не без ехидства сообщает письмом от 12 августа: «Гриффео уезжает из Петербурга на днях; его министр уже прибыл, но я его еще не встречал. Чтобы немного угодить вашему пристрастию к скандалам, скажу, что сегодня газеты извещают в числе *отправляющихся за границу: Надежда Николаевна Ланская.* Так ли это или только странное совпадение имен?» Надежда Николаевна, жена Павла Петровича

Ланского, родного брата будущего мужа Натальи Николаевны, действительно бежала за границу с Гриффео, бросив семью. Бракоразводный процесс затянется на два десятка лет, а брошенный ею сын впоследствии найдет приют в доме Натальи Николаевны и Петра Петровича Ланских.

На листе письма князя Вяземского Наталье Николаевне от 13 декабря 1842 года опять стоит ее помета в том же роде, как и в отношении Гриффео: «Aff<aire> Alex<andre>» — «История с Александром». Возможно, в данном случае имелся в виду князь Александр Николаевич Голицын, штабс-капитан лейб-гвардии Конной артиллерии, сослуживец братьев Карамзиных и постоянный посетитель их дома, где он мог встретить Наталью Николаевну. А. П. Арапова писала: «В нее влюбился князь Г., обладатель колоссального состояния». Но вновь препятствием оказались дети. Когда посланный от него к Наталье Николаевне человек высказал предложение отдать детей для воспитания в закрытые учебные заведения, она с жаром воскликнула: «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!»

Еще на одного безымянного поклонника, как рассказывала Арапова, Наталья Николаевна вовсе не обращала внимания, ибо единственным его достоинством было значительное состояние. Иногда он даже подкарауливал ее на прогулках с детьми в Летнем саду, становясь мишенью для проказ Александра, старшего сына Пушкиной, который норовил попасть мячиком ему в спину. В конце концов он прекратил свои ухаживания.

Сам Вяземский, все эти годы оберегавший Наталью Николаевну от поклонников, по определению Нащокина, «волочился» за ней, что на первый взгляд подтверждается его письмами к ней. Так рассудили и наши современники, читая эти письма. Однако и Нащокин, постоянно живший в Москве, и наши современники, отделенные от Натальи Николаевны временем, думается, не до конца оценили линию поведения Вяземского. Как только Наталья Николаевна остановила свой выбор на Петре Петровиче Ланском, тональность писем Вяземского переменилась — из них исчез элемент ухаживания, который поддерживался им, как представляется, для того, чтобы отвлечь ее от других поклонников.

Другой интересный мотив писем Вяземского Наталье Николаевне — стремление отвратить ее от дома Карамзиных, что может показаться странным, ведь речь идет о доме его сестры. Но объяснение тому находим в письмах Плетнева. Так, в 1840 году он писал Гроту по поводу посещения Карамзиных 20 октября: «В воскресенье я пошел на вечер к Карамзиным. Признаюсь, одна любознательность и действительная польза от наблюдений в

таких обществах еще удерживает меня глядеть на пустошь и слушать пустошь большесветия». Позднее в том же духе он пишет и Жуковскому: «Всех нас связывала и животворила чистая, светлая литература. Теперь этого нет. Все интересы обращены на мастерство богатеть и мотать. Видно, старое доброе время никогда к нам не воротится».

Вяземский же прямо написал Наталье Николаевне 12 августа 1842 года о Карамзиных: «Это дом, который в конце концов принесет вам несчастье…» А 13 декабря он подробно разворачивает свое утверждение: «Вы знаете, что в этом доме спешат разгласить на всех перекрестках не только то, что происходит в гостиной, но еще и то, что происходит и не происходит в самых сокровенных тайниках души и сердца. Семейные шутки предаются нескромной гласности, а, следовательно, пересуживаются сплетницами и недоброжелателями. Я не понимаю, почему вы позволяете в вашем трудном положении, которому вы сумели придать достоинство и характер святости своим поведением, спокойным и осторожным, в полном соответствии с вашим положением, — почему вы позволяете без всякой надобности примешивать ваше имя к пересудам, которые, несмотря на всю их незначимость, всегда более или менее компрометирующи… Все ваши так называемые друзья, с их советами, проектами и шутками — ваши самые жестокие и самые ярые враги».

В том же письме, стараясь доказать, что он вовсе «не помеха веселью» и не «собака, которая перед сеном лежит, сама не ест и другим не дает», Вяземский пишет: «Но признаюсь вам, что любовь, которую я к вам питаю, сурова, подозрительна, деспотична даже, по крайней мере пытается быть такой». Без этого разъяснения некоторые пассажи писем Вяземского Наталье Николаевне могут быть приняты за банальные изъяснения в любви: «Прошу верить тому, чему вы не верите, то есть тому, что я вам душевно предан», «Целую след ножки вашей на шелковой мураве, когда вы идете считать гусей своих», «Вы мое солнце, мой воздух, моя музыка, моя поэзия», «Спешу, нет времени, а потому могу сказать только два слова, нет, три: я вас обожаю! Нет, четыре: я вас обожаю по-прежнему!», «Любовь и преданность мои к вам неизменны и никогда во мне не угаснут, потому что они не зависят ни от обстоятельств, ни от вас».

Наталья Николаевна вполне понимала позицию Вяземского, старавшегося уберечь вдову друга от неосторожного шага, но однажды все-таки упрекнула его в недоверии, причем сделала это в письме, написанном по-русски, как она переписывалась некогда с Пушкиным: «Не понимаю, чем заслужила такого о себе дурного

мнения, я во *всём, всегда,* и на все *хитрые* вопросы с вами была откровенна, и не моя вина, есть ли в голову вашу часто влезают неправдоподобные мысли, рожденные романтическим вашим воображением, но не имеющие никакой сущности. У страха глаза велики». Однажды Наталья Николаевна что-то в этом духе высказала ему прямо в лицо, судя по одному из писем Вяземского к ней: «Вы так плохо обходились со мною на последнем вечере вашей тетушки, что я с тех пор не осмеливаюсь появляться у вас и еду спрятать свои стыд и боль в уединении Царского Села».

Вяземский не только засыпал Наталью Николаевну письмами, но почти ежедневно появлялся в ее доме и сопровождал ее на прогулках, так что надоедал даже детям. Понимая это и собираясь на время оставить Петербург, в письме от 26 июня 1843 года он прямо говорит ей: «Чтобы не иметь более безрассудного вида, чем на самом деле, прошу вашего разрешения объяснить, почему я не пришел к вам перед отъездом. Много раз я готов был сделать это, но всегда мне не хватало смелости. А знаете ли — какой смелости? — Боязнь показаться смешным перед вашими детьми и прислугой. Ваша сестра меня нисколько не смущает. Она разумна и добра, а следовательно, беспристрастна». Заканчивается письмо словами: «Во всяком случае, вернувшись в Петербург, я воспользуюсь предлогом моего отсутствия, чтобы появиться перед вашими детьми в качестве Петра Бутофорича, как и прежде».

Тем не менее Наталья Николаевна прислушивалась к суждениям Вяземского. В письме уехавшим за границу Фризенгофам от 16 декабря 1841 года она заметила, что *«настоящие друзья* встречаются редко, и всегда чувствуешь себя признательной тем, кто берет на себя труд *ими казаться…».*

В том же письме, как бы заочно отвечая Вяземскому, она пишет Фризенгофам о чувствах, «которые мы можем *еще* испытывать, принимая во внимание *наш возраст»:* «Могу сказать вам откровенно, заглянув в самые сокровенные уголки моего сердца, что их у меня нет».

Второй брак мог решить материальные проблемы Натальи Николаевны, но руководствоваться только этим соображением она никак не считала возможным.

Одним из «настоящих друзей» мог бы стать для нее Михаил Юрьевич Лермонтов, что доказал ставший для нее особенно памятным день 12 апреля 1841 года, когда состоялось их прощание. Как зафиксировал Плетнев, Наталья Николаевна встречалась с ним в доме Карамзиных. Поэт вначале держался от нее на расстоянии, что не могло ее не задевать. И только перед самым своим отъездом на Кавказ, навсегда покидая Петербург,

Лермонтов неожиданно подсел к ней и, по позднейшему рассказу А. П. Араповой, завел задушевный и искренний разговор. На этом вечере присутствовал В. А. Соллогуб, вспоминавший впоследствии, как «растроганный вниманием к себе и непритворной любовью избранного кружка поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“ Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез…».

Наталья Николаевна, как и все присутствовавшие при поэтическом прощании Лермонтова с Петербургом, была тронута этими стихами, в которых она могла найти отклик своим душевным переживаниям:

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Атмосфера, сложившаяся после чтения стихотворения в гостиной Карамзиных, как нельзя более могла способствовать тому доверительному тону и исповедальному характеру разговора, который затеял вдруг Лермонтов с Натальей Николаевной. На прощание он якобы сказал ей: «Когда я только подумаю, как мы часто с вами здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведенных здесь, в этой гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддавшись враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние личности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы увезти с собою вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах! Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать когда-нибудь вам другом. Никто не может помешать посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным». «Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении».

Но новой встрече не суждено было состояться. Вскоре Лермонтов был убит на дуэли. 15 июля 1841 года, в день роковой

дуэли, Лермонтов в последний раз увиделся с Львом Сергеевичем Пушкиным, с которым познакомился еще в 1837 году. Тот приехал к Лермонтову из Пятигорска и принял участие в пикнике, откуда Лермонтов отправился прямо на дуэль с Мартыновым. Петр Тимофеевич Полеводин, приехавший лечиться на Кавказ в начале июня 1841 года и оставивший воспоминания о гибели Лермонтова, писал: «Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертию Лермонтова, он был лучший его приятель. Лермонтов обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (шести верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час». В отклике Полеводина сопоставляются фигуры противников Пушкина и Лермонтова: «Мартынов — чистейший сколок с Дантеса».

Весть о гибели Лермонтова застала Наталью Николаевну уже в Михайловском, куда она наконец отправилась после получения 23 января известия от Опеки о назначении ее опекуншей Михайловского вместо Сергея Львовича. Только теперь она получила полное основание для поездки в Михайловское, куда уже отправила памятник на могилу Пушкина.

Незадолго до отъезда Натальи Николаевны Вяземский подарил ей купленный в английском магазине изящный альбом в зеленом сафьяновом переплете с тиснением и преподнес стихотворение «При подарке альбома»:

На память обо мне, когда меня не будет,
В альбом впишите:
«Здесь он был мне верный друг,
И там меня в своих молитвах не забудет,
И там он будет мой».
Потом, когда досуг
Украдкой даст вам час, чтобы побыть с собою,
На эти свежие и белые листы
Переносите вы свободною рукою
Дневную исповедь, отметки и мечты.
Свои невольные и вольные ошибки,
Надежды, их обман, и слезы, и улыбки,
И вспышки тайные сердечного огня,
И всё, что жизни сны вам на душу навеют,
Записывайте здесь живую повесть дня
И всё, что скажут вам, и то, чего не смеют
Словами вымолвить, но взор договорит,
И всё, что в вас самих таинственно молчит.
Но будьте искренны — нас искренность спасает…

Да не лукавит в вас ни чувство, ни язык,
И вас заранее прощеньем разрешает
Ваш богомол и духовник.

Два лета в Михайловском

Проведя после возвращения из Полотняного Завода два лета в Петербурге, Наталья Николаевна собралась посетить Михайловское и установить памятник на могиле Пушкина. После смерти Надежды Осиповны Пушкиной Михайловское долями принадлежало Сергею Львовичу, Ольге Сергеевне Павлищевой, Александру и Льву Сергеевичам. Свою седьмую часть имения Сергей Львович уступил дочери Ольге, которой самой принадлежала всего лишь его четырнадцатая часть. Сразу после гибели Пушкина Николай I в числе других милостей по отношению к вдове и детям повелел «заложенное имение отца очистить от долга», полагая, что речь идет об имении, где похоронен поэт. В. А. Жуковский прояснил недоразумение в письме на имя императора: «Что же касается до заложенного отцовского имения, то по справкам оказалось, что Пушкин не владел, а только некоторое время управлял имением отца, который теперь им владеет сам, и что то имение, которое было благоугодно В. В. выкупить, не отцовское, а материнское, что оно разделено между отцом, двумя сыновьями и дочерью и что оно к выкупу не следовало бы и тогда, когда бы принадлежало Пушкину, ибо те причины, для коих В. В. желали его выкупить, не существуют; Пушкин погребен не в этой деревне, а в Святогорском монастыре, неподалеку от оной». Как это ни странно, в данном случае Жуковский действовал отнюдь не в пользу вдовы и детей Пушкина. Если следовать букве распоряжения императора, то заплатить долги следовало именно по отцовскому имению, то есть по Болдину.

Тем не менее по просьбе Опеки 18 мая 1838 года была произведена опись сельца Михайловского: господского дома и других строений, мебели, столового прибора, скота, наличного хлеба. В соответствии с подробным перечнем крепостных, как дворовых, так и живущих в приписанных к Михайловскому деревнях, общее их число составило на тот день 71 душу мужского и 98 душ женского пола. Были также зарисованы виды Михайловского и могилы Пушкина.

В девятом номере «Современника» Плетнев описал свое посещение могилы Пушкина: «Площадка — шагов в 25 по одному направлению и около 10 по другому. Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестность. Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Посредине водружен черный крест, на котором из белых

букв складывается имя „Пушкин“…»

Пушкин намеревался купить Михайловское целиком, заплатив соответствующие суммы брату и сестре, но долгие переговоры с Павлищевым на этот счет ни к чему не привели. Теперь за это дело взялся Соболевский, получив на ведение дел доверенности от Льва Сергеевича и Ольги Сергеевны. Соболевский вступает в переговоры с Опекой, предлагая выкупить Михайловское из расчета по 500 рублей ассигнациями за каждую ревизскую душу. Эта оценка совпадает с той, которая была дана еще самим поэтом в письме брату Льву Сергеевичу от 3 июня 1836 года: «Вот тебе короткий расчет нашего предполагаемого раздела: 80 душ и 700 десятин земли в Псковской губернии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены — 400 р.) 40 000 р.». Павлищев в ответе поэту от 11 июля 1836 года преувеличил стоимость Михайловского: «Оценка ваша по 500 р. за душу не имеет, позвольте сказать, никакого основания» — и предложил отдать имение за 64 тысячи рублей, то есть по 800 рублей за душу, заключив свои алчные расчеты словами: «Ниже этого нельзя ни под каким видом».

Теперь, после смерти Пушкина, Павлищев согласился оценить Михайловское из расчета, предложенного некогда Пушкиным. Однако дело с покупкой затягивалось по разным причинам, но прежде всего — по вине Соболевского. В конце концов граф Строганов обращается напрямую к сонаследникам, предлагая цену 425 рублей за крепостную душу. В результате Л. С. Пушкин отзывает свою доверенность на имя Соболевского и выдает новую Жуковскому, написав ему с Кавказа, из Ставрополя, 29 января 1840 года: «Мое желание одно: чтобы имение это не переходило в посторонние руки». Он соглашается на предложенную цену и, предвидя сложности с Ольгой Сергеевной, идет навстречу: «Гр. Строганов мне предлагает по 425 руб. за душу; если в этой цене вы не сойдетесь с моею сестрою (чего я не думаю), то сбавьте цену с моей части для пополнения платы за ее часть».

Шестого февраля 1840 года Строганов получает письмо от Ольги Сергеевны из Варшавы, которым она подтверждает, что «согласна продать опекунству в пользу малолетних детей моего брата следующую мне часть состоящего в Псковской губернии сельца Михайловского, равно и ту, которая мне от батюшки причитается по цене, вами предложенной, то есть по четыреста двадцати пяти (425) рублей ассигнациями за ревизскую душу…».

Дело, наконец, поступает в Петербургскую дворянскую опеку. Сергей Львович просит оставить за ним «Михайла Иванова Калашникова 78 лет и сына его Гаврилу Михайлова» и

«Александра Арбеньева с матерью Ненилою», Наталья Николаевна обращается с подобной просьбой по поводу Ивана Михайловича Калашникова и объявляет, что «за долголетнюю и усердную службу его покойному мужу ее и ей» она дает ему отпускную. На долю С. Л. Пушкина пришлось 8 ¼ души, Ольге Сергеевне, вместе с переданной ей долей отца, достались 14 душ на сумму 1700 рублей, Льву Сергеевичу — 31 ½ души на сумму 3825 рублей, а Наталье Николаевне — седьмая часть от причитавшихся ее мужу 31 ½г души, то есть 4 ½ души, а без отпущенного Ивана Калашникова — 3 ½ души на 425 рублей серебром. К этим суммам прибавились еще доли от дохода с Михайловского. Опека выдала всем деньги, взяла расписки, и только после этого Наталья Николаевна смогла вступить в управление Михайловским в 1843 году. Крестьяне Михайловского дали ей обязательство в верной службе. Она же, вступив в права, в свою очередь, выдает доверенность на управление бурмистру Михайловского, крестьянину Василию Спиридоновичу Рагозину.

Наталья Николаевна могла управлять имением, только будучи опекуншей своих детей, что официально и было оформлено указом Петербургской дворянской опеки от 30 сентября 1840 года. Надзор же за имением возлагался Опекой с согласия Натальи Николаевны на одного из соседей, Антона Ивановича Самойлова, который и будет исполнять эту миссию до 1843 года. Его собственное имение располагалось в 40 верстах от Михайловского. Его порекомендовал Опеке и Наталье Николаевне знакомый Пушкина В. П. Пальчиков[148]. Самойлов обязался несколько раз в году бывать в Михайловском. Он обещал своему поручителю Пальчикову: «…сбережение доходов, выгодный сбыт продукции и уплата повинностей будут на моей ответственности». Уже осенью 1840 года он приступил к исполнению своих обязанностей по просьбе Натальи Николаевны, не дожидаясь официального уведомления, «дабы воспользоваться осенним столь необходимым по хозяйству временем». Сергей Львович был задет тем, что «чужие люди приезжали распоряжаться в Михайловском», вспоминала позднее баронесса Е. Н. Вревская. 22 марта 1841 года она писала мужу: «Получили мы письмо от Сергея Львовича к нам и его старосте, с которым он прощается, и со всеми крестьянами. На днях привезут мебель Натальи Николаевны и приедет принимать свое управление назначенный опекун. Можешь себе представить, как он огорчен». Наталья Николаевна уже месяц жила в Михайловском, когда Евпраксия Николаевна написала, явно имея в виду все того же Самойлова, что вдова Пушкина, «за неимением лучшего, пригласила к себе… Духавского садовника».

Шестнадцатого февраля 1841 года заседание Опеки вынесло решение: «По случаю совершающейся покупки села Михайловского в пользу малолетних детей А. С. Пушкина опекунство, находя нужным сделать надлежащий по сему расчет как в суммах, причитающихся каждому из сонаследников по тому имению в отношении покупной суммы, так равно и в суммах, полученных от дохода по тому же имению, в распоряжение опекунства внесенных, произвели полный по сему нижеследующий расчет…»

Тем же днем помечена запись в журнале заседания Опеки: «Опекунство, находя, что, окончив возложенные на него обязанности, а именно: издав в свет полные сочинения А. С. Пушкина и продав право здешним книгопродавцам на издание посмертных сочинений его, и что сверх того приводя с разрешения Опеки сей к окончанию покупки фамильного села Михайловского в пользу детей Пушкина, отдаваемого с разрешения же Опеки сей в непосредственное управление матери малолетних Наталье Николаевне Пушкиной, — опекунство сие, находя с одной стороны сдать вдове Н. Н. Пушкиной некоторые предметы имущества, находившегося на сохранении у оного, а с другой открывшуюся вдове Пушкина покупкою упомянутого имения возможность принять на свое сохранение предметы, избавив тем опекунство сие от излишних расходов по сбережению их от оного».

Поскольку предметы обихода уже были предоставлены Наталье Николаевне, которая часть имущества раздала служителям, то теперь осталось передать фактически только библиотеку, хранившуюся по описи в двадцати четырех ящиках, а также девять рукописных книг, материалы к «Истории Петра», экземпляры сочинений Пушкина, изданных посмертно, и книгу подписчиков на собрание его сочинений на 354 страницах.

В начале марта упакованная библиотека на шести санях была отправлена в Михайловское под наблюдением Никиты Козлова, бывшего дядьки и камердинера поэта.

Только после выкупа Михайловского Наталья Николаевна решилась в него приехать на правах опекунши своих детей, за которыми было формально закреплено имение. 9 апреля она сообщила Дмитрию Николаевичу: «Итак, дорогой брат, благодаря снаряжению, весь наш караван может отправиться 15 мая…» 30 апреля подтверждая свое намерение через две недели отправиться в Михайловское, в очередном письме брату она просит прислать ей верховую лошадь: «Грустно быть в деревне, не имея даже возможности прогуляться, особенно мне, для которой проехаться верхом всегда было праздником». Накануне отъезда,

14 мая 1841 года, отметили день рождения сына Гриши — ему исполнилось шесть лет.

Отказавшись от городской квартиры и сдав часть мебели на хранение, с остальным имуществом Наталья Николаевна пустилась в путь. Выехав 15 мая, она прибыла в Михайловское 19-го, в самый день рождения старшей дочери, девятилетней Маши.

На следующий день она дает отчет брату о состоянии своих дел: «Вот мы и в Михайловском, дорогой Дмитрий. Увы, лошадей нет, и мы заключены в нашей хижине, не имея возможности выйти, так как ты знаешь, как ленивы твои сестрицы, которые не любят утруждать свои бедные ножки. Ради бога, любезный брат, пришли нам поскорее лошадей, не жди, пока Любка оправится, иначе мы рискуем остаться без них всё лето. Таратайка тоже нам будет очень кстати».

О состоянии усадьбы она пишет: «Дом совершенно обветшал; сад великолепен, окрестности бесподобны — это приятно. Не хватает только лошадей, чтобы нам здесь окончательно понравилось — поэтому, пожалуйста, пришли нам их незамедлительно, а также и деньги». Последний раз дом в Михайловском приводили в порядок в 1829 году, после чего, как считали родители Пушкина, наблюдавшие за его ремонтом, он стал похож на дачи Черной речки. Но если на даче, снимаемой Пушкиным в Новой Деревне, было 15 комнат, то в Михайловском, даже считая переднюю, — всего шесть. Жить в них двум сестрам и четверым детям с нянями было тесно. А если там же размешался и отец Пушкина или селили приехавших гостей, то дом и вовсе был переполнен.

Свое первое письмо брату из Михайловского Наталья Николаевна заканчивает сообщением: «Сейчас я еду в монастырь на могилу Пушкина. Г-жа Осипова была так любезна одолжить мне свой экипаж». Впервые Наталья Николаевна с сестрой Александриной и детьми посетила могилу Пушкина в первоначальном ее виде, со скромным деревянным крестом, какой она запечатлена на рисунке П. А. Осиповой и на знаменитой гравюре 1838 года.

К этому времени в Святые Горы уже был доставлен памятник на могилу Пушкина. Он был заказан вдовой еще в конце 1839 года, а работу над ним А. Пермагоров закончил в ноябре 1840-го. Однако установка его была отложена до приезда Натальи Николаевны, которой самой хотелось за ней проследить. Потребовалось извлечь из земли гробы с телами Пушкина и его матери, чтобы поместить их в специально устроенный кирпичный склеп, а также соорудить цоколь и железную ограду. Под цоколь на глубину двух с половиной аршинов был подведен каменный

фундамент. Только после этого мог быть установлен сам памятник. Надпись была выбита на гранитном основании, на котором возвышался беломраморный обелиск с помещенными по углам лотосами — символами вечной жизни и с перекрещенными гаснущими факелами над аркой, усеянной звездами; под ней помещена урна, полуприкрытая покрывалом, чтобы душа могла покинуть этот символический сосуд смерти и устремиться к небу. Установка памятника продолжалась до августа.

И сооружение памятника, и жизнь в деревне, где многое приходилось покупать на стороне, требовали денег, которых, как всегда, не хватало. Дмитрий Николаевич обещал прислать в деревню две тысячи рублей, но сколько ни напоминала ему об этом сестра, деньги так и не были высланы. Слабо надеясь на брата и понимая, что своих средств не хватит, Наталья Николаевна перед отъездом из Петербурга заняла 1375 рублей у Вяземского, но одновременно дала ему поручение подыскать квартиру, так что нужно было высылать задаток. Брать в долг пришлось и у тригорских соседей, и у отца Пушкина. Сергей Львович приехал в Михайловское задолго до Натальи Николаевны. 23 мая в Михайловском отметили день рождения младшей дочери Пушкина, Натальи, которой исполнилось пять лет, и 71-й, а на самом деле 74-й день рождения ее деда. Всю жизнь он убавлял себе три года: родившись в 1767 году, во всех официальных бумагах указывал 1770-й.

Пятого июня Наталья Николаевна пишет брату: «Хочу еще надоесть тебе с одной просьбой, но мне уже не так тяжело к тебе с ней обратиться. Не забудь о запасе варенья для нас; я не могу его сделать здесь, потому что тут почти нет фруктов; ты нам не откажешь, не правда ли, мой добрый братец?» В саду, который так нравился Наталье Николаевне, росли одни яблони (Пушкин писал: «У меня в саду плоды наливные, золотые»), В описи 1838 года значилось: «При сельце Михайловском находится Аглицкой сад с прудом, но по малому количеству фруктовых дерев доходу не приносит».

Так как хозяева жили в Михайловском наездами, а управлялось оно старостами из крепостных крестьян, то и доход приносило небольшой. Теперь забота об имении легла на плечи Натальи Николаевны. Ей впервые пришлось выступить в роли помещицы. Из письма в письмо она настойчиво повторяет брату просьбу навестить ее в Михайловском: «Ты был бы очень мил, если бы приехал к нам. Если бы ты только знал, как я нуждаюсь в твоих советах. Вот я облечена титулом опекуна и предоставлена своему глубокому невежеству в отношении всего того, что касается сельского хозяйства. Поэтому я не решаюсь делать

никаких распоряжений из опасения, что староста рассмеется мне прямо в лицо. Мне кажется, однако, что здесь всё идет, как Бог на душу положит. Говоря между нами, Сергей Львович почти не занимался хозяйством. Просматривая счета конторы, я прежде всего поняла, что это имение за 4 года дало чистого дохода только 2600 руб. — Ради бога приезжай мне помочь; при твоем опыте, с твоей помощью я, может быть, выберусь из этого лабиринта».

Дмитрий Николаевич так и не собрался в Михайловское, да и писал сестре нерегулярно. Зато в конце июля проездом, отправляясь за границу на воды для лечения жены, завернул Иван Николаевич. Еще в декабре 1840 года в чине ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка он уволился со службы «по домашним обстоятельствам». О посещении брата и невестки Наталья Николаевна сообщила Дмитрию: «Их приезд был для нас неожиданностью, а пребывание только в течение двух дней нас крайне опечалило. Мари очень плохо себя чувствовала, очень устала, но три ночи спокойного сна у нас ее немного подбодрили, и она была в состоянии продолжить путешествие. Здоровье Вани, мне кажется, тоже не блестяще, и хороший климат, я полагаю, ему так же необходим, как и жене. А сейчас мы находимся в ожидании Фризенгофов, которые собираются провести недели две с нами. Они будут постоянно жить в Вене; к счастью для нас, наш уголок лежит на пути за границу. Это доставляет нам радость, но также и печаль расставания со всеми нашими друзьями. Прощаясь с Ваней, мы имели надежду через некоторое время снова встретиться; совсем иное дело — Фризенгофы, нет шансов, что мы когда-либо увидимся, поэтому последнее прощание будет еще печальнее. Мы связаны нежной дружбой с Натой, и Фризенгоф во всех отношениях заслуживает уважения и дружеских чувств, которые мы к нему питаем».

Могла ли Наталья Николаевна, писавшая эти строки, думать, что через несколько лет они не только увидятся, но и породнятся с бароном Фризенгофом посредством его брака с Александрой Николаевной после ранней смерти его первой жены? Пока же Густав Фризенгоф с женой Натальей Ивановной, ее приемной матерью графиней Софьей Ивановной де Местр и полуторагодовалым сыном Грегором пробыли в гостях у Натальи Николаевны две недели августа 1841 года.

Наталья Ивановна Фризенгоф получила хорошее домашнее образование, неплохо рисовала, чем обязана приемному отцу, художнику. Во время пребывания в Михайловском она зарисовала всех обитателей усадьбы и их соседей в альбом Натальи Николаевны, подаренный ей Вяземским. Самый знаменитый ее

рисунок запечатлел всех четверых детей Пушкина за покрытым скатертью столом. Они размещались не по старшинству; в центре сидели девочки, а по сторонам мальчики. Стол был накрыт к завтраку на свежем воздухе: на нем видны крынка со сметаной и тарелки с яйцами и деревенским сыром.

Другой трогательный рисунок запечатлел 17 августа Наталью Николаевну со старшей дочерью Марией прислонившимися к молодой березке. Мать и дочь представлены в профиль, спиной друг к другу; первая — со скромной прической с узлом волос на затылке, в длинном домашнем платье с передником; вторая — с палочкой в руке, наполовину скрытая фигурой матери. Младший сын, Григорий, нарисован 15 августа сидящим верхом на ветке дерева, а старший, Александр, изображен 24 августа со спины опирающимся на балкон. С этого балкона открывается вид, запечатленный некогда Пушкиным:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые.
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

Именно они, дети Пушкина, запечатленные на лоне воспетой им природы, — девятилетняя Мария, восьмилетний Александр, шестилетний Григорий и пятилетняя Наталья — являлись теперь хозяевами Михайловского, бывшего в свое время для их отца приютом «спокойствия, трудов и вдохновенья». Для них он и мечтал сохранить Михайловское, выкупив его у брата и сестры. Теперь его желание свершилось.

Наталья Николаевна Пушкина с дочерью Марией. Рисунок Н. И. Фризенгоф. 1841 г. Рисунки Н. И. Фризенгоф. 1841 г.

Наталья Николаевна Пушкина

Дети Пушкиных

Александра Николаевна Гончарова

Помимо Натальи Николаевны и ее детей баронесса Фризенгоф изобразила и других тогдашних обитателей Михайловского. 11 августа она нарисовала сидящую в кресле Александру Николаевну, которой в июне исполнилось 30 лет. Она разделяла с младшей сестрой годы ее вдовства и вслед за ней, проявляя заботу об общем их семействе, писала брату Дмитрию о их нуждах, напоминая их деревенский адрес: «На всякий случай, это Михайловское в 50 верстах от Острова Псковской губернии. В конце концов, Натали говорит, что ваши люди должны знать где, потому что во время пребывания у нас ты посылал кого-то. Что касается денег и писем, вот адрес: Ее высокородию Прасковье Александровне Осиповой. В Остров чрез с. Голубово в с. Тригорское. Для доставления Н. Н. Пушкиной. В Псковской губернии».

Сергей Львович Пушкин

Сергей Львович изображен Натальей Ивановной Фризенгоф вернувшимся с утренней прогулки или собравшимся на нее, в профиль, с поворотом вправо, сидящим в кресле со шляпой в руке, в сюртуке, из-под которого выглядывают высоко завязанный галстук и уголок отложного воротника; в панталонах со штрипками поверх ботинок. Это самое позднее по времени известное изображение отца Пушкина. Щегольство в одежде отличало его до глубокой старости, что удалось отразить рисовальщице. Она также зафиксировала и очевидное старение Сергея Львовича, и известное его стремление скрыть его признаки, что заметно по шевелюре с зачесами. Что же касается кресла, в котором он сидит, то таких кресел в описи Михайловского 1838 года — «старых, простого дерева с набойчатыми подушками» — числилось пять. Под рисунком прочитывается монограмма автора и дата: «NF 5 Aout 1841».

Нетрудно догадаться, куда он совершил в тот день прогулку — в Святогорский монастырь, где состоялась предпраздничная служба накануне дня Преображения Господня.

Евпраксия Николаевна Вревская (Анна Николаевна Вульф?)

Несколькими днями позже Наталья Ивановна зарисовала и баронессу Евпраксию Николаевну Вревскую, урожденную Вульф, подписав: «9 Aout 1841 NF». Можно подумать, что это шарж, если не помнить строки из пушкинского письма Наталье Николаевне, отправленного в 1835 году из Михайловского: которые вольно или невольно должны были прийти ей на память при свидании с баронессой Вревской: «Евпраксия всё также милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей». Наталье Ивановне удалось уловить главное в облике Евпраксии Николаевны. Дело даже не в ее полноте, а в запечатленном на рисунке напряжении ревности, с которым она смотрит в сторону и сжимает руками шаль, накинутую на плечи и спускающуюся до пола.

Прасковья Александровна Осипова

Наталья Ивановна изобразила в профиль и мать Евпраксии Николаевны, Прасковью Александровну Осипову. Этот любительский рисунок — единственное дошедшее до нас несомненное изображение ближайшего деревенского друга Пушкина, П. А. Осиповой, ставшей прототипом старшей Лариной. Пушкин в «Евгении Онегине» использовал и имя своей соседки: «Звала Полиною Прасковью…» Хозяйка Тригорского сидит на стуле в мантилье с отложным воротником, из-под которой выглядывает платье, а из-под него видны носки туфель. Левой рукой она опирается на сложенный зонтик. На голове у нее чепец с оборками, вызывающий в памяти известные стихи Пушкина:

И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

На боковине стула просматривается надпись: «11 Aout 1841». В тот год 23 сентября Осиповой исполнится 60 лет. Рисунок сделан, вероятнее всего, в Тригорском, в привычной для его

хозяйки обстановке; значит, в этот день михайловские соседи нанесли ей визит.

Приезд Натальи Николаевны в Михайловское явно способствовал тому, что обитатели Тригорского переменили свое мнение о ней. Еще 18 июня Евпраксия Николаевна писала мужу с явной иронией, что «оне не скучают и пользуются душевным спокойствием». Как явствует из того же письма, она составила свое мнение со слов сестры Анны: «Я еще их не видала, и не очень-то жажду этого удовольствия. У них, говорят, воспоминание гораздо холоднее, чем у нас о незабвенном. Светский шум заглушил, кажется, прошедшее, и они живут настоящим и будущим. Михайловское же им никакого воспоминания не дает и более может рассеять, чем напомнить о нем». Но впоследствии Наталье Николаевне удалось очаровать Евпраксию Николаевну, явно ревновавшую ее к памяти Пушкина. Баронесса Вревская, после того как познакомилась с ней поближе, отозвалась о ней: «…это совершенно прелестное создание». С тех пор в ее письмах более не встречалось негативных отзывов о вдове поэта. Очевидно, что и она, и ее мать, чем могли, стали помогать ей.

Деньги же, в которых так нуждалась Наталья Николаевна и которые никак не присылал Дмитрий Николаевич, ей пришлось одолжить у Сергея Львовича, о чем она сообщила брату 30 июля 1841 года: «При таком положении вещей я была вынуждена обратиться к свекру. Он согласился одолжить мне эту сумму, но при условии, что я верну ему деньги к 1 сентября. Ему нужно было обеспечение, и он настоял на том, чтобы я дала ему письмо к служащему Строгановской конторы, который ему выдаст эти деньги из пенсии за третий — сентябрьский квартал. Эта сумма выражается в 3600 руб., и я должна была жить на нее до января. Значит, мне остается всего 1600 рублей. Из них мне придется платить за квартиру, на эти же деньги переехать из деревни и существовать — этого недостаточно, ты сам прекрасно понимаешь. Я не поколебалась бы ни на минуту остаться на зиму здесь, но когда ты приедешь к нам, ты увидишь, возможно ли это».

Жизнь в деревне позволила Наталье Николаевне экономить, на даче под Петербургом ей пришлось бы истратить куда более значительные суммы, которых у нее не было. Справедливо писал князь Вяземский Наталье Николаевне 6 июня 1841 года: «Вы прекрасно сделали, что поехали на несколько месяцев в деревню. Во-первых, для здоровья детей это неоцененно, для кошелька также выгодно. Если позволите мне дать вам совет, то мое мнение, что на первый год нечего вам тревожиться и заботиться об улучшении имения. Что касается до улучшения в доме, то это

дело другое. От дождя и ветра прикрыть себя надобно, и несколько плотников за небольшие деньги все устроить могут. Если вы и сентябрь проведете в деревне, то и тут нужно себя оконопатить и заделать щели».

Вяземский сам давно собирался посетить могилу Пушкина и, наконец, чтобы исполнить свое намерение, воспользовался пребыванием в Михайловском его вдовы. Уже совсем было собравшись, он писал ей 8 августа 1841 года: «Смерть мне хочется побывать у вас…» Обстоятельства задерживали его в Петербурге, и спустя четыре дня он вновь сообщил Наталье Николаевне о своем желании посетить ее: «Я еще не теряю надежды явиться к моей помещице». Выбрался же он только через месяц, о чем позднее писал А. И. Тургеневу: «В конце сентября я ездил на поклонение к живой и мертвому, в знакомое тебе Михайловское к Пушкиной. Прожил у нее с неделю, бродил по следам Пушкина и Онегина».

Вяземский покинул Михайловское 2 октября, взяв с собой написанное накануне письмо Натальи Николаевны брату, которое он должен был отправить более надежной петербургской почтой. Вовсе отчаявшись получить обещанные Дмитрием Николаевичем деньги, она писала: «Я нахожусь здесь в обветшалом доме, далеко от всякой помощи, с многочисленным семейством и буквально без гроша, чтобы существовать. Дошло до того, что сегодня у нас не было ни чаю, ни свечей, и нам не на что было их купить. Чтобы скрыть мою бедность перед князем Вяземским, который приехал погостить к нам на несколько дней, я была вынуждена идти просить милостыню у дверей моей соседки, г-жи Осиповой. *Ей спасибо, она по крайней мере не отказала чайку и несколько свечей.* Время идет, уже наступил октябрь, а я не вижу еще момента, когда смогу покинуть нашу лачугу».

Ее определение, данное дому в Михайловском, невольно заставляет вспомнить пушкинское «наша бедная лачужка». Правда, его поэтическое восприятие любимого времени года — «октябрь уж наступил» — не вызывает никакого энтузиазма у вдовы. А уж для жизни зимой дом и вовсе не был пригоден. Вяземский еще до посещения Михайловского отговаривал Наталью Николаевну от того, чтобы остаться на зиму в деревне: «О зиме и думать нечего, это героический подвиг, а в геройство пускаться ни к чему». Он заметил: «Хотя вы человек прехрабрый…», — тем не менее отсоветовал ей оставаться в Михайловском на зиму: «Но на зимний штурм лазить вам не советую. На первый раз довольно и летней кампании».

В декабре 1841 года, вспоминая свое путешествие в Михайловское, Вяземский писал Нащокину: «Я провел нынешнюю

осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено „Онегиным“ и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине».

Обратно в Петербург Вяземский проследовал через Псков, о чем написал Наталье Николаевне уже из Царского Села 7 октября: «Как я вас уже предуведомлял, я для успокоения совести провел день в Пскове, то есть чтобы придать историческую окраску моему сентиментальному путешествию. Поэтому я предстану перед вашей тетушкой не иначе как верхом на коне на псковских стенах и не слезу с них. Она мне будет говорить о вас, а я буду говорить о стенных зубцах, руинах, башнях и крепостных валах».

Когда Наталья Николаевна окончательно потеряла надежду на получение денег из Полотняного Завода, она направила 10 сентября письмо в Опеку с просьбой выделить ей дополнительные средства ввиду необходимости оплаты квартиры в Петербурге, найма учителей и прислуги. 1 октября, рассмотрев ее прошение о «законном пособии», Опека «положила»:

«а) На наем учителей, квартиры и прислуги для детей покойного А. С. Пушкина выдавать, сверх всемилостивейше пожалованных 6000 руб. ассигнац., по 4000 рублей (кои составляют серебром 1142 р. 85 $^{5}/_{7}$ к.) в год из процентов, следующих на капитал 42 336 р. 24 $^{2}/_{7}$ коп. серебром, состоящий ныне в билетах кредитных установлений, и выдачу сей суммы производить с сентября сего 1841-го года».

Тогда же, 10 сентября, Наталья Николаевна ответила на полученное накануне письмо брата Дмитрия от 18 августа, в котором он с большим запозданием известил о рождении у него 30 июля дочери, что в какой-то мере оправдывало его и в задержке денег, и в неисполнении обещания приехать в Михайловское. Только теперь он вознамерился прислать сестрам лошадей, на что Наталья Николаевна отозвалась: «Мое желание не осуществилось, они мне нужны были летом, а зимой я прекрасно обойдусь без них. И я не смогу добровольно отказаться от 1500 рублей, что получаю от тебя. Если ты хочешь оказать мне услугу, то не посылай лошадей. Бог знает, смогу ли я еще держать экипаж этой зимой. Занятия детей начинаются и потребуют, следственно, большую часть моего дохода».

Выручил Наталью Николаевну Г. А. Строганов. Уже вернувшись в Петербург, она сообщила брату: «Последние дни, что мы провели в деревне, было что-то ужасное, мы буквально замерзали. Граф Строганов, узнав о моем печальном положении,

великодушно пришел мне на помощь и прислал необходимые деньги на дорогу». 23 октября 1841 года Наталья Николаевна со всем семейством тронулась в обратный путь.

В декабре 1841 года, оглядываясь на время, проведенное в деревне, она пишет П. В. Нащокину: «Мое пребывание в Михайловском, которое вам уже известно, доставило мне утешение исполнить сердечный обет, давно мною предпринятый. Могила мужа моего находится на тихом уединенном месте, место расположения однакож не так величаво, как рисовалось в моем воображении; сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях — вам одним решаюсь им жертвовать. Я намерена возвратиться туда в мае месяце, если вам и всему семейству вашему способно перемещаться, то приезжайте навестить нас…»

Как и предполагала Наталья Николаевна, в мае следующего года она снова отправилась в Михайловское. Туда же в то лето приехали и Сергей Львович, и Лев Сергеевич.

Е. Н. Вревская писала брату 14 апреля 1842 года из Петербурга: «Лев збирается чрез полторы недели ехать в Тригорское. Он почти всякой день у меня бывает, но теперь нас разлучает Нева. Его частые посещения дают повод к разным заключениям, совершенно ложным. Недавно Алек. Ник. Гончарова, встретя его где-то, удивилась и сказала: Comment! quel miracle: vous n'êtes pas chez la baronne?[149] Недавно Карамзина Софья ему призналась в своей любви, да еще со слезами. А Нат. Ник. его бранила сурьозно, что очень не морально: сводить с ума, не чувствуя сам к ней ничего». 5 мая Евпраксия Николаевна продолжила информировать брата о столичных новостях: «Я всякий день имею удовольствие видеть обеих Пушкиных. Лев едет в конце этой недели в наши края. Дороговизна Петерб. его выгоняет, а отец сердится. Наталья Ник. едет в Москву. Я ее и здесь еще ни разу не видала»; «Я еду в сопровождении Льва, что мне вовсе не нравится. Старик тоже збирается к нам в Голубово, но не смеет совсем решиться, боясь обидеть Нат. Ник., которая его совсем не приглашает».

Младший брат поэта впервые посетил его могилу. Алексей Николаевич Вульф писал о встрече с Львом Пушкиным: «На пути с Кавказа в Петербург, разумеется, не на прямом, как он всегда странствует, заехал он к нам в Тригорское навестить да взглянуть на могилу своей матери и брата, лежащих теперь под одним камнем». Лев Сергеевич рассказал обитателям Михайловского и Тригорского подробности дуэли Лермонтова.

На глазах Натальи Николаевны разворачивалась своеобразная трагикомедия, местом действия которой стали Михайловское и Тригорское. Мария Ивановна Осипова, некогда

юной шестнадцатилетней барышней влюбленная в Пушкина в его последние приезды в Михайловское в 1835–1836 годах, теперь, в 23 года, оказалась между двух огней — должна была остановить свой выбор на старике Сергее Львовиче или его младшем сыне Льве, возможно, в какой-то мере восполнявшем в ее глазах потерю старшего брата. О ее чувствах к Льву Пушкину та же Евпраксия Николаевна писала А. Н. Вульфу, что «быть за Львом или ни за кем, еще что для ее существования необходимо быть неразлучной, не быв даже его женою, и мысль разлучиться с ним для нее нестерпима…». 26 июля Вревская сообщила брату подробности этого романа: «Минутная нежность Льва к Маше меня обманула — и ее еще боле. Одно время Лев мечтал о счастье жить с Машей на Юге и довольствоваться для этого 10 т., но несчастная ревность Машина совсем его разочаровала. Он видит теперь в ней, кроме физических недостатков, и моральные, утверждая, что у нее нрав нехорош. Ты можешь себе представить, как меня это огорчает, тем более что я главною причиною: я предмет ревности ее». О старшем Пушкине Евпраксия сплетничала: «Забыла было тебе сказать, что был Сергей Льв., и так ему не понравилось Машино обхождение со Львом, что возвратился ко мне из Триг. совсем разочарованной. Он мне сказал, что несколько раз молился он на могиле жены и сына об исцелении, и все было напрасно; но эта поездка его совсем образумила».

В конце сентября 1842 года Лев Сергеевич покинул Михайловское, так и не попросив руки Марии Осиповой. Как поясняла Евпраксия, он «всю вину клал на Сергея Льв., что будто, не имев ничего, не может предложить свою руку Маше». А отец, в свою очередь, как она выразилась, «никак не мог понять, чтоб можно было сына предпочесть отцу». С дороги, уже из Киева, младший Пушкин написал хозяйке Три-горского Прасковье Александровне 2 октября: «Путешествие мое было печальным, я распрощался с солнцем в Псковской губернии, Витебск угостил меня снегом. Могилев — дождем, Чернигов — отвратительным обедом в… кабачке, Киев — ужасным холодом, и все вместе — смертной скукой». В письме ни слова не сказано о его чувствах к Марии Осиповой. Возможно, с ее дочерью Лев Сергеевич был более откровенен. Баронесса Вревская была даже удивлена тем, насколько сильно младшего Пушкина взволновала эта история: «Я никак не предполагала, что Лев мог так быть расстроен, как он был, когда уезжал отсюда. Он плакал и не мог ни слова выговорить. Он мне пишет на другой день приезда своего в Киев и говорит, что боится, чтоб с ума не сойти».

На следующий год Лев Сергеевич женился на родственнице

Натальи Николаевны, Елизавете Александровне Загряжской.

Пятнадцатого октября 1843 года Мария Ивановна писала А. Н. Вульфу из Петербурга: «Один только вечер, когда Пушкин был у нас, я провела приятно; мы говорили о Евпраксии, о Пскове. В нем что-то есть, напоминающее Пушкиных… На-тал. Никол, со мной любезнее еще, чем в деревне. Я у нее обедала, и она была у меня несколько раз. Ты, верно, знаешь, что Лев Сергеев, женится в Одессе на Загряжской, дочери бывшего губернатора Симбирского или Саратовского — не помню хорошенько. У нее ничего нет; говорят, что она не хороша, маленького роста, черна и худа». Об этом она узнала от Натальи Николаевны, о которой сообщает в том же письме: «Натал. Ник. уговаривает меня выйти за Серг. Льв., говоря, что она не хочет Кат. Керн в belle-mère[150]. Я успокоила ее на этот счет тем, что старый Селадон возвратился совершенно ко мне». (Речь идет о сватовстве в 1842 году Сергея Львовича Пушкина к дочери Анны Петровны Керн.)

После получения известия о свершившемся в Одессе 14 октября венчании Льва Сергеевича с Елизаветой Загряжской Мария Ивановна писала брату 16 ноября: «Я совершенно твоего мнения — все равно, где он счастлив. Только был бы он счастлив». Одновременно она отзывалась об отце новобрачного: «Мне он так противен, что я и пахитосов[151] от него не беру, не только билет ложи или что-нибудь такое…» О Пушкиной она сообщала: «Бедная Натал. Никол., долго еще не быть в опере. Она потеряла сестру, которая за Дантесом, Катю Ник.[152] Она прежде, чем получила эту печальную весть, все была больна, а это еще более ее расстроило… Кат. Керн, мне кажется, в раздумье — выдти за Сер. Льв. или нет. Она что-то очень внимательна к нему».

Так заканчивалась история, начавшаяся в Михайловском на глазах у Натальи Николаевны. Мария Ивановна так никогда и не вышла замуж. Сергей Львович, впрочем, также не добился благосклонности от Екатерины Керн.

О прелестях и всегдашних заботах деревенской жизни Дмитрию Николаевичу Гончарову, как всегда отмалчивавшемуся в ответ на просьбы сестер, писала не только Наталья Николаевна, но и неизменная ее спутница Александра Николаевна: «Не подумай, любезный братец, что, очутившись в деревне, наслаждаясь прекрасной природой, вдыхая свежий воздух и даже необыкновенно свежий воздух полей, — что я когда-либо могла забыть о тебе. Нет, твой образ, в окладе из золота и ассигнаций, всегда там, в моем сердце. Во сне, наяву, я тебя вижу и слышу. Не правда ли, как приятно быть любимым подобным образом, разве

это не трогает твоего сердца? Но в холодной и нечувствительной душе, держу пари, мой призыв не найдет отклика. Ну, в конце концов, да будет воля Божия».

Наталья Николаевна намеревалась во второе свое пребывание в Михайловском, как и в 1841 году, оставаться там до глубокой осени, но эти планы 18 августа 1842 года нарушила неожиданная смерть в Петербурге Екатерины Ивановны Загряжской. Когда-то Пушкин (еще в 1834 году) писал жене, что в их семействе «всё держится на мне да на тетке, но ни я, ни тетка не вечны». Прошло пять с половиной лет после его гибели, и на 64-м году ушла из жизни и она. Наталья Николаевна никак не могла поспеть к ее похоронам и написала 25 августа Г. А. Строганову: «Тетушка соединяла с любовью ко мне и хлопоты по моим делам, когда возникало какое-нибудь затруднение. Не буду распространяться о том, какое горе для меня кончина моей бедной тетушки, вы легко поймете мою скорбь. Мои отношения с ней вам хорошо известны. В ней я теряю одну из самых твердых моих опор. Ее бдительная дружба постоянно следила за благосостоянием моей семьи, поэтому время, которое обычно смягчает всякое горе, меня может только заставить с каждым днем всё сильнее чувствовать потерю ее великодушной поддержки».

Это письмо было написано в самый канун Натальина дня. Е. И. Загряжская не дожила всего восемь дней до очередных именин и дня рождения племянницы. Наталье Николаевне исполнилось в этом году 30 лет, по-пушкински — середина жизни, и символично, что этот юбилей пришелся именно на ее пребывание в Михайловском. Но для его обитателей эти дни оказались омраченными известием о неожиданной смерти Екатерины Ивановны. Ее племянницы должны были сняться из деревни раньше времени и срочно собрались в дорогу.

Тетушка непрестанно повторяла, что после ее смерти вдовствующей племяннице не придется испытывать нужды. Теперь при первом свидании Натальи Николаевны с другой теткой, Софьей Ивановной де Местр, произошло их объяснение по поводу последней воли умершей. Екатерина Ивановна обещала завещать ей село Степанково Московской губернии с пятьюстами душ. Однако оформить письменно свою волю она не успела и на смертном одре просила сестру тотчас после ее кончины передать в распоряжение племянницы предназначенное ей имение. Графиня Софья Ивановна довольно своеобразно исполнила волю покойной. Призвав к себе Наталью Николаевну, она попросила Григория Александровича Строганова изложить решение, принятое, скорее всего, именно по его инициативе: поскольку Наталья Николаевна еще очень молода и неопытна, доверять ей

имение безрассудно; не оспаривая ее права на наследство, графиня намерена временно сохранить имение в своих руках, распоряжаться доходами с него, выделяя из них племяннице ту сумму, которую сочтет необходимой.

При этом Софье Ивановне, по всей видимости, доставляло удовольствие слышать изъявления благодарности со стороны племянницы. Когда она в очередной раз к какому-либо празднику дарила материю на платье ей или ее дочерям, то требовалось вскоре явиться к ней в обнове. И каждый раз, разглядывая родственницу в лорнет, она говорила:

— Как красиво! Где вы это нашли?

— Да это же ваш подарок, тетушка, разве вы не узнали?

— В самом деле? Какая же я рассеянная! Не то чтобы я хвалилась, но это и правда очень красиво!

Только второй брак мог обеспечить Наталье Николаевне независимость от всех и вся, но решилась она на него не сразу. Случай в очередной раз решил ее судьбу.

Глава седьмая. ГЕНЕРАЛЬША ЛАНСКАЯ

Потом выходи замуж, только за человека порядочного.

А. С. Пушкин

Род Ланских

Наталья Николаевна вторично вышла замуж семь лет спустя после смерти Пушкина. Ее вторым мужем стал генерал Петр Петрович Ланской. Он родился в семье Петра Сергеевича Ланского и Елизаветы (Изабеллы) Романовны Ланской, урожденной Лепарской, 13 марта 1799 года, то есть был на несколько месяцев старше Пушкина. Мать Петра Петровича приходилась родной сестрой генералу Станиславу Романовичу Лепарскому, чье имя навсегда осталось в русской истории в связи с содержанием в Сибири декабристов. В 1826 году он был назначен комендантом Нерчинских рудников и Петровского Завода, где они отбывали каторжные работы. Заключенные отзывались о нем самым лучшим образом. К примеру, барон А. В. Розен писал: «Станислав Романович Лепарский честнейший человек, в чем свидетельствует огромное число декабристов». За год до смерти брата Е. Р. Ланская отправилась в Сибирь навестить его. Сохранился ее акварельный портрет, написанный 26 сентября 1838 года Николаем Александровичем Бестужевым.

Род Ланских (или, в древности, Лонских) — польского происхождения. Их родоначальник в России Франциск Ланской выехал из Польши в середине XVI века. Его внук Петр Дмитриевич в 1585 году первым в семье был пожалован за службу землей. В составе обширных владений рода с конца XVIII века числятся земли под Петербургом, так что по ним названы были Ланская дорога (позже шоссе), ведущая в предместье Ланское, мост через Черную речку, соединяющий Старую и Новую Деревни. Именно вблизи Ланского шоссе за Черной речкой произошла дуэль Пушкина с Дантесом. Возникшая неподалеку железнодорожная станция также стала именоваться Ланской.

Если отец Петра Петровича, Петр Сергеевич Ланской, дослужился только до чина действительного статского советника и в 1805 году скончался пятидесяти трех лет от роду, то его родные дядья достигли самого высокого положения. Один из них, Василий Сергеевич, был министром внутренних дел с 1823 по 1827 год и членом Государственного совета. В Петербурге ему

принадлежал большой барский дом на Мойке, неподалеку от Синего моста, в котором поселился, приехав в столицу, и умер Д. В. Веневитинов, а позднее во флигеле жил М. Ю. Лермонтов в квартире, снятой бабушкой Арсеньевой. Павел и Сергей Сергеевичи стали сенаторами, а Степан Сергеевич получил придворное звание гофмаршала. Его сын Сергей, виднейший деятель Крестьянской реформы, также занимал министерские посты, а в 1861 году, еще при жизни Натальи Николаевны, получил графский титул. Тетка, Ольга Степановна Ланская, была замужем за другом Пушкина Владимиром Федоровичем Одоевским. Поэту она была хорошо знакома, с ней и с другими представителями этого рода он виделся в доме князя Одоевского. Так, в марте 1834 года он сделал в дневнике запись о встрече у Одоевского с Надеждой Николаевной Ланской, урожденной Масловой, в первом браке Полетикой, женой генерал-майора Павла Петровича Ланского (брата Петра Петровича): «3 марта. Был я вечером у кн. Одоевского. — Соб.<олевский> любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: „Le del n'est pas plus pur que le fond de mon — cul[153]“. Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Од.<оевская> обратилась к нему, позеленев от злости, — Соболевский убежал». Знаком был Пушкин и с Сергеем Степановичем Ланским, и с его женой Варварой Ивановной, урожденной княжной Одоевской, и с его матерью Марией Васильевной, тешей князя Одоевского. Сергей Степанович даже упомянут в коллективном стихотворении, среди создателей которого был в первую очередь Пушкин, «Надо помянуть, непременно помянуть надо»: «Ланского, что губернатором в Костроме…»

Член Союза благоденствия, масон С. С. Ланской действительно в ту пору был костромским губернатором. Возможно, Пушкин был знаком с ним еще в годы петербургской юности. С конца 1834 года они снова стали встречаться в Петербурге у Одоевского. Сохранилось воспоминание о том, как Пушкин с Сергеем Степановичем «колко и едко» говорили о религии. Дом в Машковом переулке, где Одоевский занимал маленький флигель, принадлежал семейству Ланских. Пушкин не раз бывал в нем, в том числе и с Натальей Николаевной. В. В. Ленц вспоминал о встрече с ней в ноябре 1833 года, произошедшей именно в этом доме: «Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея, с которым я хорошо был знаком. Князь Григорий (Волконский), подошед ко мне, шепнул на ухо: „Не годится слишком на нее засматриваться“».

Однако самым знаменитым представителем рода оказался другой граф Ланской — двоюродный дядя Петра Петровича, Александр Дмитриевич, с 1780 года фаворит Екатерины II, офицер Кавалергардского полка, в 1783 году произведенный в чин генерал-поручика и назначенный шефом Кавалергардского корпуса. Кроме графского титула он получил в феврале 1784 года звание генерал-адъютанта.

В близком соседстве с пушкинским Михайловским, в десяти верстах от Новоржева, на большой дороге было расположено родовое поместье Ланских, село Посадниково. Артемий Григорьевич, прадед Петра Петровича, в 1736 году возвел там церковь Казанской Божьей Матери, сохранившуюся и до сей поры. В конце 1770-х годов Посадниково перешло к Дмитрию Артемьевичу, а затем к его жене Ульяне Яковлевне и старшему сыну Александру Дмитриевичу. Им был построен еще один храм — во имя Святого Николая, точная копия знаменитой петербургской церкви, так называемой Чесменской или Иоанно-Предтеченской, возведенной по проекту архитектора Ю. Фельтена.

Александру Дмитриевичу на Псковской земле стало со временем принадлежать и обширное село Велье. Во время путешествия, предпринятого Екатериной II в 1780 году для обозрения земель, отошедших к России в результате первого раздела Речи Посполитой (1772), она посетила Велье. В ее свите находился и Ланской. Ему-то спустя два года и было пожаловано Велье с обширными землями. По распоряжению императрицы архитектор Д. Кваренги начал проектировать для него громадный дворец, но ввиду неожиданной смерти фаворита проект остался лишь на бумаге. Ныне территория Велья принадлежит Пушкинскому заповеднику.

После кончины 26-летнего фаворита, случившейся 25 июня 1784 года в Царском Селе, скорбящая Екатерина II покинула свою летнюю резиденцию. А. Д. Ланской был похоронен на окраине Царского Села на специально устроенном кладбище, которое также стали называть Ланским. Год спустя по повелению императрицы в Екатерининском парке был установлен памятник в честь Ланского. Этот памятник упоминает Пушкин в своей записи о случайной встрече А. О. Смирновой-Россет с императором Николаем Павловичем в исторический день казни декабристов, 13 июля 1826 года.

От огромного состояния Александра Дмитриевича ничего не досталось той ветви рода Ланских, к которой принадлежал Петр Петрович. Он и шесть его братьев и сестер были воспитаны рано овдовевшей матерью. Петра Ланского определили в Пажеский

корпус, из которого в 1818 году он был выпущен корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк. Тогда в петербургском обществе он мог встречаться с Пушкиным, годом ранее окончившим Лицей. А 23 апреля 1834 года штаб-ротмистра Ланского пожаловали в флигель-адъютанты; в том же году титулярный советник Пушкин стал камер-юнкером.

Первый и второй мужья Натальи Николаевны не могли не встречаться в свете. Но Александра Петровна Ланская, в замужестве Арапова, старшая дочь Натальи Николаевны от второго брака, в своих воспоминаниях произвольно примешала имя отца к дуэльной истории Пушкина с Дантесом, с которым Ланской был однополчанином. По ее рассказу, во время свидания Дантеса с Натальей Николаевной, подстроенного Идалией Полетикой в служебной квартире ее мужа в Кавалергардских казармах, Ланской караулил на улице, готовый в случае опасности предупредить Дантеса. Как уверяла Арапова, Ланской был «самым верным, искренно влюбленным и беззаветно преданным» поклонником Идалии Полетики, и именно ему та поручила «под видом прогулки около здания зорко следить за всякой подозрительной личностью, могущей появиться близ ее подъезда». При этом она настойчиво повторяла, что ее мать в ту пору не была знакома с Ланским. Со временем оказалось, что весь этот рассказ выдуман от начала до конца. Выяснилось, что ротмистр Ланской с 19 октября 1836 года по 19 февраля 1837-го находился далеко от Петербурга, будучи командирован в Черниговскую и Могилевскую губернии «для наблюдения при наборе рекрут». Так что вся дуэльная история Пушкина и Дантеса прошла мимо него.

Вторая свадьба

Наталья Николаевна, как и Пушкин, не могла не быть знакомой с Ланским: они встречались в свете, в том числе на придворных балах, на которых тот непременно присутствовал не только как ротмистр Кавалергардского полка, шефом которого была сама императрица Александра Федоровна, но и на правах флигель-адъютанта Николая I. Однако тогда их внимание не было обращено друг на друга. Вполне возможно, что Пушкин и Наталья Николаевна могли встречаться с П. П. Ланским и на вечерах у князя Одоевского в доме Ланских.

С 10 октября 1843 года генерал-майор Ланской, числившийся по-прежнему в Кавалергардском полку, состоял в свите Его Величества.

Если верить Александре Петровне Араповой, ее мать

познакомилась с Ланским в начале зимы 1844 года. Петр Петрович только что перенес сильное душевное потрясение вследствие измены горячо любимой женщины. Только преданный уход младшей сестры помог ему пережить любовную трагедию. Женщину, в которую был влюблен Ланской, его дочь не называет; но поскольку она говорит, что именно той он «посвятил лучшие годы молодости», то при сопоставлении со сказанным Араповой в другом месте о поклонении Ланского Идалии Полетике очевидно, что и в данном случае речь идет о ней. Их роман ни для кого в свете не был секретом. Наталья Николаевна не только была кузиной Идалии Полетики, но и дружила тогда с ней и, следовательно, не знать о ее романе не могла.

Врачи прописали Ланскому лечение на водах. Взяв длительный отпуск, он отправился на всю осень в Баден-Баден. Этот курорт рекомендовался прежде всего для поправки нервов. Здесь он познакомился с Иваном Николаевичем Гончаровым и его женой Марией Ивановной, также проходившими курс лечения. Когда он возвращался в Петербург, Гончаров попросил его передать посылку и письмо Наталье Николаевне.

Визитом Ланского к Наталье Николаевне для исполнения поручения их отношения не ограничились. Он получил приглашение бывать у нее. Посещения Петра Петровича участились. Он понял в конце концов, что только Наталья Николаевна может составить его счастье. После долголетней мучительной страсти, которую он испытывал к Идалии Полетике, он нашел себе тихую гавань. Чувство, возникшее у него к Наталье Николаевне, было лишено тех переживаний, которые он испытывал прежде, но стало для него спасением. Идалия Полетика, в свою очередь влюбленная в Дантеса, как бы вновь появилась на горизонте Натальи Николаевны.

Теперь Полетику и предмет ее страсти разделяло огромное расстояние, и только письма, которые она адресовала Екатерине Николаевне, связывали их. Они были полны жгучих воспоминаний, двусмысленных обращений через жену-адресата к ее мужу. Ланской с его преданностью не мог заменить Полетике уехавшего Дантеса. Ей предстояло прожить большую жизнь: она пережила своего мужа Александра Михайловича на 36 лет и скончалась в 1890 году на девятом десятке, пронеся через все эти годы ненависть к Пушкину, но не найдя в своей душе места для влюбленного в нее Ланского.

Он связал свою жизнь с вдовой поэта, которая подарила ему трех дочерей. В нем нашла она верного, внимательного спутника на остаток жизни и доброго отчима для своих старших детей. Так что к нему оказалось вполне применимо пушкинское пожелание,

чтобы следующим мужем Натальи Николаевны был порядочный человек.

Наталья Николаевна не сразу решилась остановить свой выбор на Ланском. Помог, как часто бывает, случай. Весной 1844 года она собралась с супругами Вяземскими на воды в Гельсингфорс. Уже был назначен день отъезда. Ланской счел, что разлука послужит испытанием его чувств. Неожиданно судьба всё повернула по-своему. Дня за два до отъезда Наталья Николаевна резко встала с кушетки, на которой лежала с книгой, и подвернула ногу, вывихнув щиколотку, и поездку на воды пришлось отменить. Ланской чуть не ежедневно посещал больную, что еще больше сблизило их.

Навестил ее и Николай I. Во время этого визита, возможно, зашел разговор о дальнейшей жизни Натальи Николаевны. Через шесть недель, 9 мая 1844 года, Ланской неожиданно для себя был назначен на должность командира лейб-гвардии Конного полка, шефом которого состоял сам император; тем самым положение Петра Петровича было упрочено во всех смыслах. Хотя Ланской и принадлежал к старой дворянской семье, однако отсутствие достаточного состояния удерживало его от предложения руки Наталье Николаевне. Он мог рассчитывать на получение бригады, в лучшем случае дивизии в провинции, что, конечно, решило бы его материальные проблемы; но тогда пришлось бы увезти Наталью Николаевну с семьей из столицы, нарушив тем самым все ее планы относительно образования детей. Можно было бы, конечно, всех детей Пушкина отдать в казенные заведения, но мать не хотела с ними расставаться. Назначение Ланского командиром Конной гвардии обеспечивало его состояние и дальнейшую карьеру. На новой должности ему полагалась большая казенная квартира, а летом — служебная дача. Колебаниям Ланского был положен предел — он попросил руки Натальи Николаевны. Она дала свое согласие, исполнив завет Пушкина и в отношении срока вдовства. Со времени гибели Пушкина до того, как она решилась на новое замужество, прошло не два года, а целых семь.

Барон Модест Корф, лицейский товарищ Пушкина, известный своим ехидством, в том числе и в адрес поэта, не преминул пройтись по этому поводу, хотя и частным образом, в дневниковой записи, сопоставив Наталью Николаевну с императрицей Марией Луизой, которая, как он пишет, «осквернила ложе Наполеона браком своим с Неем»: «После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит замуж за генерала Ланского. В свете тоже спрашивают: „Что вы скажете об этом браке?“, но совсем в другом смысле: ни у Пушкиной, ни у

Ланского нет ничего, и свет дивится только этому союзу голода с жаждою. Пушкина принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, которых государь удостаивает иногда своим посещением. Недель шесть тому назад он тоже был у нее, и вследствие этого визита или просто случайно, только Ланской вслед за этим назначается командиром Конногвардейского полка, что, по крайней мере временно, обеспечивает их существование, потому что кроме квартиры, дров, экипажа и проч., полк, как все говорят, дает тысяч до тридцати годового дохода». Последнее подразумевало не жалованье, а приработок от экономии на обмундировании и питании солдат, что, по сути, являлось не чем иным, как воровством и злоупотреблением служебным положением, в котором подозревать Ланского нет никаких оснований.

Сохранился рассказ Веры Александровны Нащокиной о том, как вдова Пушкина обратилась к ним с мужем за советом: «Это была женщина чудной красоты: высокая, дивно сложенная, изящная, с каштановыми или темно-русыми волосами… она, заехав однажды к нам, заявила Павлу Воиновичу, что генерал Ланской, человек тогда уже пожилой… сделал ей предложение, и она приехала спросить совета, как ей поступить. По ее объяснению. Пушкин на смертном одре сказал ей: „Если ты вздумаешь выходить замуж, посоветуйся с Нащокиным, потому что это был мой истинный друг“. Мой муж уклонился от совета, ссылаясь на то, что Пушкину он мог советовать как близкому другу, душа которого была для него раскрыта и ясна; вдове же его, при всем уважении к ней, советовать он не может. Наталья Николаевна уехала, и вскоре мы услышали, что она помолвлена с Ланским».

Ланскому в ту пору исполнилось 45 лет, так что пожилым его можно было назвать, только употребив это слово в принятом тогда значении «поживший». Но конечно же не возраст соискателя удержал Нащокина от одобрения выбора Натальи Николаевны. В глубине души этот преданный друг наверняка хотел бы, чтобы она так и осталась вдовой, хотя не мог не понимать, что одной воспитать четверых детей ей было бы очень трудно.

По поводу реакции в обществе на брак Натальи Николаевны с Ланским та же В. А. Нащокина вспоминала: «Не могу умолчать об одном маленьком факте, характеризующем отношение известной части общества к великому поэту: после помолвки Натальи Николаевны к нам зашел генерал Врангель, начальник московской артиллерии. Я обратилась к нему с вопросом: „Слышали новость?“ — „Какую?“ — спросил он. — „Пушкина

замуж выходит“. — „За кого?“ — „За генерала Ланского“. — „Молодец, хвалю ее за это! По крайней мере, муж — генерал, а не какой-то там Пушкин, человек без имени и положения“».

«То ли еще моим ушам приходилось слышать о великом поэте!» — завершила свой рассказ Вера Александровна. Реакция генерала Врангеля — кстати говоря, родственника Пушкина по материнской, ганнибаловской, линии — невольно вызывает в памяти восьмую главу «Евгения Онегина», в которой Татьяна выступает в роли жены генерала. С точки зрения генерала Врангеля, титулярный советник Пушкин, пусть даже и камер-юнкер, никто в сравнении с гвардейским генерал-майором Ланским, да и титулование Натальи Николаевны «ваше высокоблагородие» теперь должно было смениться на «ваше превосходительство».

Семейство Гончаровых было извещено о предстоящем браке Александрой Николаевной: «Я начну свое письмо, дорогой Дмитрий, с того, чтобы сообщить тебе большую и радостную новость. Таша выходит замуж за генерала Ланского, командира Конногвардейского полка. Он уже не очень молод. Но и не стар, ему лет 40. Он вообще джентельмен, это можно сказать с полным основанием, так как у него благородное сердце и самые прекрасные достоинства. Его обожание Таши и интерес, который он выказывает к ее детям, являются большой гарантией их общего счастья. Но я никогда не кончу, если позволю хвалить его так, как он того заслуживает». Этот отзыв Александры Николаевны о Ланском совершенно расходится с тем, что пишет Арапова об отношении тетки к ее отцу.

Наталья Ивановна также из Яропольца шлет письмо сыну и невестке в Полотняный Завод 5 июня 1844 года: «Дорогие Дмитрий и Лиза, на этот раз я пишу вам обоим вместе… чтобы сообщить вам приятную новость. Таша выходит замуж за генерала Петра Ланского, друга Андрея Муравьева и Вани. Г-н Муравьев очень его хвалит с нравственной стороны, он его знает уже 14 лет, это самая лучшая рекомендация, которую я могу иметь в отношении его. Он не очень молод, ему 43 года, возраст, подходящий для Таши, которая тоже уже не первой молодости. Да благословит Бог их союз. Может быть, вы уже знаете об этой счастливой новости и я не сообщаю вам ничего нового. Я с большим удовольствием пишу вам о событии, которое, насколько я могу предвидеть, упрочивает благосостояние Таши и ее детей и может только послужить на пользу всей семье. Новый член, который в нее входит, со всеми его моральными качествами, как говорит Муравьев, может принести только счастье, а оно нам так нужно после стольких неприятностей и горя».

На новость откликнулся и Николай Афанасьевич Гончаров письмом сыну Дмитрию: «Поздравляю вас и любезную вашу Елизавету Егоровну с новым зятем Петром Петровичем Ланским, по какому случаю, в исполнение требования письменного самой сестрицы вашей Натальи Николаевны, дал я ей мое архипастырское (иноческое) благословение».

Когда Ланской, как было положено, явился к императору с просьбой о разрешении вступить в брак с вдовой Пушкина, Николай I сказал:

— Искренне поздравляю тебя и от души радуюсь твоему выбору! Лучшего ты не мог бы сделать. Что она красавица, это всякий знает, но ты сумел оценить в ней честную и прямую женщину. Вы оба достойны счастья, и Бог пошлет вам его. Передай своей невесте, что я непременно хочу быть у нее посаженым отцом и сам благословить ее на новую жизнь.

Ланской, безусловно, передал Наталье Николаевне желание императора, но она постаралась уклониться от его исполнения, чтобы избежать ненужных разговоров. Единственным выходом было устроить венчание и свадьбу в узком кругу. Наталья Николаевна прекрасно отдавала себе отчет в том, что толков всё равно не избежать; но она постаралась сделать так, чтобы пищи для злословия оказалось как можно меньше.

Скромное венчание состоялось 16 июля 1844 года в стрельнинской церкви. Никто из посторонних на него допущен не был. Со стороны Натальи Николаевны на венчании присутствовали ее братья Дмитрий, Иван, Сергей и сестра Александрина. При этом произошел курьезный случай с юным камер-пажом графом Николаем Алексеевичем Орловым, который пожелал непременно увидеть свадебную процессию, для чего забрался на колокольню храма. В самый торжественный момент он задел большой церковный колокол и никак не мог остановить его звон. Сойдя с колокольни, он повинился перед новобрачными и, получив прощение, на многие годы стал близок семейству Ланских.

Неизвестно, кто выбирал день для венчания, но скорее всего это сделала Наталья Николаевна. Оно состоялось в канун празднования святогорской иконы Божьей Матери Одигитрии (17 июля), которой посвящен придел Успенского Святогорского монастыря, где стоял гроб с телом Пушкина в ночь с 5 на 6 февраля 1837 года. Монахи молились над ним всю ночь, а утром состоялось захоронение у алтарной стены собора. Икона была чудотворной: она явилась некогда вороничскому пастушку Тимофею, дав знак об устроении монастыря в честь Успения Богородицы. «Одигитрия» переводится с греческого как

«путеводительница», и Наталья Николаевна, вступая в новую жизнь, как бы искала ее благословения.

С 16 июля 1844 года Наталья Николаевна официально, де-юре, перестала быть Пушкиной, но де-факто, в общем российском сознании, осталась ею.

На другой день после венчания Ланской был принят императором, который прервал его оправдания по поводу того, почему его не пригласили, и милостиво заметил:

— Довольно! Я понимаю и одобряю те соображения, которые делают честь чуткости ее души. На другой раз предупреждаю, что от кумовства так легко не отделаетесь. Я хочу и буду крестить твоего первого ребенка.

Вскоре на дачу в Стрельну прибыл посланец Николая I со свадебным подарком для Натальи Николаевны — бриллиантовой брошью с подвеской. На нескольких своих портретах Наталья Николаевна представлена с этой брошью. Прежде всего это портрет, выполненный в 1849 году Вольдемаром Гау и помещенный по желанию государя в альбом лейб-гвардии Конного полка. Альбом был поднесен конногвардейцами своему августейшему шефу. Гау выполнил портреты 93 генералов и офицеров. Первоначально предполагалось включить в альбом и портреты всех полковых дам, но Николай I выразил желание видеть в нем только одну — жену командира полка. Вопрос Гау, в открытом или закрытом платье написать Наталью Николаевну, император оставил на ее усмотрение. Она позировала художнику в наряде полковых цветов — белого и красного с золотом: белым было открытое шелковое платье, красными — венок из роз на голове и розы на груди. Голубая с золотым шитьем лента на шее была скреплена брошью, подаренной императором: ромбовидной формы, с большим изумрудом в центре в окружении бриллиантов и крупной каплевидной сапфировой подвеской, также обрамленной бриллиантами. С этой брошью на той же ленте мы видим Наталью Николаевну и на портрете работы Карла Лаша 1856 года.

Незадолго до вступления во второй брак Наталья Николаевна заказала художнику Томасу Райту свой акварельный портрет, а также портреты сестры Александрины, детей и даже их гувернантки Констанции Майковой. В том же году придворным художником Вольдемаром Гау был выполнен еще один акварельный портрет Натальи Николаевны. Последним портретом, запечатлевшим ее еще Пушкиной, стал любительский профильный рисунок, выполненный Николаем Ланским, племянником Петра Петровича, на котором проставлена дата: «4 июля 1844». Им же 25 декабря 1844 года, уже после свадьбы,

запечатлен и Петр Петрович Ланской. Он также представлен в профиль, в расстегнутом сюртуке с эполетами генерал-майора.

В день венчания Натальи Николаевны с Ланским князь Петр Андреевич Вяземский, уехавший на Ревельские воды, тем не менее записал в своем дневнике: *«16 июля. Воскресение.* Обедня в соборе».

Стрельна, где состоялось венчание Натальи Николаевны с Ланским, с той поры надолго стала их летним приютом. Возникновение этой царской резиденции на Петергофской дороге совпадает с началом Петербурга. Впервые же это название встречается в переписной книге Кипенского погоста 1501 года: деревня Стрельна «на реце Стрельне у моря». Упоминание Стрельны петровского времени находится в «Походном журнале Петра I» за 1706 год: «Ноября 2 день были в Стрелинской мызе и к вечеру приехали в Петербург». Здесь для царя вскоре построили «попутный дворец». По мысли Петра, здесь должна была возникнуть резиденция, которая затмила бы загородные дворцы всех европейских монархов. Для ее устройства была запружена речка Стрельна, так что образовался большой пруд. Но замысел создания русской «Версалии» в Стрельне так и не был осуществлен.

Со 2 июля 1797 года Стрельна принадлежала второму сыну Павла I великому князю Константину Павловичу. В 1848 году она перешла к великому князю Константину Николаевичу, а позднее досталась великому князю Константину Константиновичу, поэту, публиковавшемуся под псевдонимом К. Р. По именам этих трех владельцев Стрельны получил свое название и Константиновский дворец — ее главная резиденция.

Стрельнинская деревянная Спасо-Преображенская церковь была построена в 1717–1718 годах и располагалась по соседству с дворцом Петра I, также деревянным, в западной части Константиновского парка. В ней сохранялись в ту пору воинские штандарты и знамена Конной гвардии и Драгунского полка эпохи 1812 года, помешенные туда при великом князе Константине Павловиче, тогдашнем шефе Конной гвардии. В церкви сохранялись еще петровские реликвии: серебряные литавры, отнятые у шведов под Полтавой, колокол, отлитый в Стокгольме в 1686 году и взятый Петром при завоевании Копорья, готический стул царя с вышитой золотом полосой на спинке. По преданию, на этом стуле сидел Петр перед венчанием со второй женой Екатериной, ожидая ее приезда. На этом месте существовала более ранняя деревянная церковь, о чем свидетельствовала надпись, бывшая некогда в храме на антиминсе[154]: «Во еже на нем священнодействовати Божественную литургию во храме

Преображения, что при доме царского величества, в Стрелиной мызе», с подписью митрополита Киевского и Галицкого Варлаама. Тут же еще одна надпись: «И положися в лето 1708, февраля в 20-й день протопопом Алексием Васильевым собора Исаакиевского». По преданию, эта церковь была перенесена по воле Петра из Екатерингофа, то есть являлась той самой, в которой венчался сам Петр с Екатериной в 1707 году. Новый храм, освященный в 1718 году, вобрал в себя старый в качестве южного придела, справа от входа. В этом старинном храме соединились роды Гончаровых и Ланских.

Петр Петрович Ланской

Наталья Николаевна Пушкина. Рисунки Н. П. Ланского. 1844 г.

Еще раз Гончаровы породнились с Ланскими в 1860 году: Иван Николаевич Гончаров после смерти первой жены Марии Ивановны женился на Екатерине Николаевне Васильчиковой, племяннице Петра Петровича Ланского, дочери его родной сестры Марии. 6 мая этого года Наталья Николаевна написала ей: «Дорогая Катрин… мне надо взывать о прощении, потому что я предоставила мужу заверить вас в том, как мы были счастливы, получив известие о вашей предстоящей свадьбе».

Когда у Ивана Николаевича родился сын Николай, то восприемниками при его крещении были Александр Александрович Пушкин и бабушка Мария Петровна Васильчикова, урожденная Ланская. Впоследствии крестник служил под началом крестного отца. Екатерина, Наталья и Надежда, дочери И. Н. Гончарова от второго брака, подолгу жили в Яропольце.

Новая семья

Когда Наталья Николаевна Пушкина вышла замуж за Петра Петровича Ланского, ему было столько же лет, сколько было бы

Пушкину, будь он жив. Такой же, в 13 лет, была и разница в возрасте между мужем и женой; но с Пушкиным венчалась юная восемнадцатилетняя барышня, с Ланским же пошла под венец 32-летняя вдова и мать четверых детей.

Служа 26 лет в Кавалергардском полку, Ланской, безусловно, был в курсе всех перипетий дуэльной истории Пушкина. Но роль в ней Натальи Николаевны, скорее всего, виделась ему, как и его однополчанам, такой, какой хотел ее представить Дантес. Влюбленный в Идалию Полетику, очарованный ею, Ланской должен был придерживаться ее версии произошедшего. Только разлад Ланского с предметом его страсти и случайная встреча с вдовой поэта переменили его отношение к ней. Со свойственной ей откровенностью, которой Петр Петрович не мог не поверить, она поведала ему истинную историю. Он, в свою очередь, раскрыл вдове Пушкина душу, рассказав о своей безответной любви к Полетике, которая отвергла его, но ответила на притязания Дантеса, вовсе ее не любившего.

Эта женщина оказалась роковой фигурой равно для Натальи Николаевны и Ланского, что в какой-то мере способствовало их союзу. Общие воспоминания объединили, взаимное сочувствие сблизило. Ланской полюбил ее — насколько мог, выжженный прежним чувством, на которое он не нашел отклика. Наталья Николаевна ответила на чувства Ланского — насколько могла, наполненная воспоминаниями о страстной любви Пушкина и поклонении Дантеса.

Начало новой семейной жизни Натальи Николаевны началось на казенной даче командира Конногвардейского полка в Стрельне. Здесь прошел их медовый месяц, по истечении которого она с мужем перебралась в его обширную петербургскую служебную квартиру в Конногвардейском переулке.

В конце того же года семья Ланских неожиданно пополнилась сразу тремя детьми. 20 ноября в своем крымском имении безвременно скончался 44-летний младший брат Петра Петровича Александр. Его жена Наталья Федоровна, урожденная Петрово-Соловово, умерла еще раньше, оставив на руках у мужа дочь Софью и сыновей Павла и Петра. Теперь они стали круглыми сиротами, и Петр Петрович принял на себя заботу о них. Так Наталье Николаевне пришлось заботиться уже о семерых детях.

В этих заботах Наталья Николаевна нашла себе успокоение. Даже когда Ланскому по долгу службы приходилось надолго уезжать, его жена не хотела оставлять детей. 8 июля 1849 года она писала мужу: «Я знаю, что была бы тебе большой помощью, но ты приносишь жертву моей семье. Одна часть моего долга удерживает меня здесь, другая призывает к тебе; нужно как-то

отозваться на эти оба зова сердца. Бог даст мне возможность это сделать, я надеюсь». 24 июля она снова объясняет, что не на кого оставить детей: Александре Николаевне одной трудно управиться и с ними, и с домом, так что надо дождаться возвращения уехавшей гувернантки, и тогда Наталья Николаевна сможет приехать к мужу в конце сентября. При этом ей необходимо вернуться в Петербург к ноябрю, когда надо вывезти в свет старшую дочь. К тому же у детей были летние каникулы, а в сентябре Григорий должен был поступить Пажеский корпус.

В этот отъезд Ланской был в Лифляндии и в письме жене от 28 июня 1849 года упомянул фамилию Липхарт. Она решила кое-что уточнить о своей прибалтийской родне: «В своем письме ты говоришь о некоем Любхарде, и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен быть братом моей бабки — баронессы Поссе, урожденной Любхард. Если встретишь где-либо по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом, потому что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, которое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть, случай представит тебе возможность с ними познакомиться».

В июне 1849 года Наталья Николаевна собралась отправить мужу, в ту пору квартировавшему с полком в Риге, ко дню его именин свою фотографию, но предупредила, что если она выйдет «уродом», то выбросит карточку, «чтобы не оставить по себе дурного впечатления». Фотография не удалась, и в подарок вместо нее был послан портрет масляными красками. Наталья Николаевна пишет в начале июля: «Необходимость заставляет меня сказать, в чем состоит мой подарок, — это мой портрет работы Макарова, который сам предложил написать его, хотя я его об этом не просила, и ни за что не захотел взять за него деньги». При этом она подробно инструктирует мужа, как надо обмыть портрет губкой, если к нему прилипнет оберточная бумага. Видимо, он часто прибегал к этому способу, так как позднее она написала: «-..обмывая меня слишком часто, ты сможешь меня смыть».

Наконец, 5 июля Наталья Николаевна пишет Петру Петровичу: «Сегодня или завтра ты получишь мой портрет; отчасти я сдержала слово, так как я не имею возможности приехать в Ригу сама, то меня заменит мое изображение; и, право же, я послала тебе очень хорошенькую женщину — все, кто ее видел, находят большое сходство — это мне очень лестно и позволяет думать, что мое стремление иметь успех у тебя

(клянусь тебе — я не желаю других успехов) не так уж нелепо». Она подробно излагает мужу историю появления портрета: «Макаров, автор этого сюрприза, ждет с нетерпением, какое он произведет на тебя впечатление. Я должна тебе рассказать, как любезно предложил он мне свои услуги, чтобы вывести меня из затруднения, в котором я оказалась с дагерротипом и фотографией на руках, из которых ни один не удался. Он пришел однажды утром работать над портретом детей, и мне пришло в голову посоветоваться с ним, нельзя ли подправить мою фотографию. Я спросила его, не может ли в этом помочь Гау. Он ответил, что может быть, а затем, глядя на меня так пристально, что это меня удивило, он сказал: „Послушайте, сударыня, мне так симпатичен ваш муж, я так его люблю, что буду счастлив помочь вам доставить ему удовольствие. Позвольте мне заняться вашим портретом — я схватил характер вашего лица, и вашу голову мне легко будет изобразить на полотне“. Ты можешь себе представить, что я не заставила себя упрашивать, так как я была огорчена оказаться ни с чем после стольких стараний. Он назначил сеанс на другой день, был трогательно точен, три дня подряд я позировала, он меня не утомлял, делая перерывы, и мой портрет был окончен удивительно быстро. Я спросила его о цене. Он не захотел назначить, прося принять его как дар, который он счастлив тебе поднести. Не забудь выразить ему твою благодарность, которую я не премину ему передать. Мы расстались самым дружеским образом, и он обещал время от времени навещать нас».

Это был погрудный портрет Натальи Николаевны с поворотом влево в открытом платье и с прозрачной газовой накидкой. 20 июля она отвечает на письмо мужа, уже получившего ее подарок: «Вот я дошла до вопроса о портрете и счастлива, что он доставил тебе удовольствие. Александрина сделала те же замечания, что и ты. Она нашла, что нос слишком длинный, и сказала это Макарову, который и внес значительные изменения, и стало гораздо лучше, чем было. Выражение рта, по словам тех, кто видел портрет, не совсем удалось, и всё же это один из лучших моих портретов; ты можешь говорить, что художник мне не польстил, но я нахожу, что я изображена такой красивой женщиной, что мне даже совестно согласиться, что портрет похож, и меньше всего я могу сказать, что на портрете я не так красива, как в действительности. По-моему, это чрезвычайно изящная картина, на которую приятно смотреть, за исключением тех некоторых недостатков, которые в ней находят и о которых я судить не могу». Кокетство, свойственное Наталье Николаевне, дает о себе знать и в этих строках, и в следующих:

«Что же касается до офицеров, которые находят, что портрет мне не польстил, то я им не верю: ты можешь находить это, потому что ты ослеплен любовью ко мне, — они же говорят это единственно для того, чтобы доставить тебе удовольствие и польстить тебе в том, что для тебя всего дороже — просто я красавица на портрете. Я и не желаю быть более хорошенькой». Еще через два дня она пишет в письме, которое, очевидно, становится частью ее своеобразного дневника в письмах: «Сосредоточься на любовании моим портретом — Макаров обратил меня в такую красивую женщину, что ты легко можешь питать иллюзии своей любви, благо с тобою нет реальности, могущей их ослабить».

После получения от мужа еще одного письма Наталья Николаевна пишет ему 6 августа: «Упрекая меня в ложной скромности, ты делаешь мне комплименты, которые я принуждена принять и благодарить тебя за них, рискуя навлечь упрек в тщеславии. Что ни говори — этот недостаток был всегда чужд мне. Свидетельница моя горничная, которая видела, что, уезжая на бал, я никогда не бывала довольна своею особой. — Ты и тут усмотришь чрезмерное самолюбие, но ты ошибешься. Где та женщина, которая равнодушна к своим успехам, но я клянусь тебе, я никогда не понимала тех, кто создал мне некоторую известность. Но довольно об этом. Ты не захочешь мне верить, я не смогу переубедить тебя, а тема слишком опасна, чтобы не показаться самодовольством, смешным в мои годы». На следующий день пришло очередное письмо мужа с комплиментами в ее адрес. Она отвечает: «Я краснею, читая восторженные слова, которые ты расточаешь мне как настоящий возлюбленный. Ты так взвинтил свое воображение, будучи окружен моими портретами, из которых один прекраснее другого, что, даю тебе слово, я без ложной скромности боюсь, что когда я буду подле тебя, то очарование, которым ты меня украсил, исчезнет перед действительностью, обремененной тридцатью семью годами». Еще через три дня Наталья Николаевна написала: «Я думаю, мне будет трудно предстать перед твоими глазами более красивой, чем какой ты меня оставил. Я вышла из возраста, когда хорошеют, и счастлива, если время не приносит мне новые морщины, — это тоже плюс, ибо всякое изменение будет только невыгодно. Довольствуйся тем, что найдешь меня такою, как я была, и не рассчитывай на лучшее».

Она рассказывает мужу и о своих появлениях в обществе. Например, в письме от 18 августа речь идет о вечере на даче графов Лавалей: «Я была в белом кисейном платье, с короткими рукавами, кружевной лиф, лента и кушак пунсовые, кружевная

наколка фасона той зимы с белыми маками и зеленью, твоя кружевная мантилья. В минуту отъезда Александрина отдала мне свой подарок ко дню рождения — очаровательную лорнетку. — Она дала мне ее вчера, потому что моя была весьма мало элегантна. Когда мы приехали, гостей было уже много. Был обед, и дипломатический корпус находился налицо. Твоя старая жена, как лицо незнакомое, привлекла всеобщее внимание, и все наперерыв старались рассмотреть меня поближе». В том же письме она сообщает, что после семнадцатилетнего перерыва возобновила знакомство с графиней Е. К. Воронцовой, которая также была гостьей Лавалей: «Она не могла опомниться; „никогда, сказала она, я бы не узнала вас, потому что, даю вам слово, вы и на четверть не были так красивы, как теперь. Я бы затруднилась дать вам сейчас более 25 лет. Вы показались мне тогда такой тщедушной, такой бледной, такой маленькой, но ведь вы удивительно выросли“. Вот уже второй раз этим летом мне говорят это».

Лето 1849 года для Натальи Николаевны оказалось насыщенным светскими успехами, которые невольно напоминали ей о давно прошедших временах. В письме от 21 августа она похвасталась мужу: «Тетка рассказала мне, что я произвела огромное впечатление на бывших у нее иностранцев. Итальянец Ригина провозгласил меня самою красивою из всего общества у Лаваль, что еще немного стоит; впрочем, я забываю, что там были две красивые особы — Барятинская и Бжинская».

Частые выезды в этот сезон не были так уж нужны самой Наталье Николаевне — она впервые вывозила старшую дочь Марию. В письме от 23 августа она пишет о том, как на вечере у графов Строгановых приняли ее с дочерью: «Мои предполагаемые успехи мне ничуть не льстят. Я выслушала по обыкновению массу комплиментов, никто не хотел верить, что Marie моя дочь. Слушая все это, я могла бы вообразить, что я одного с нею возраста». На этот вечер она надела новое платье из красной клетчатой материи: «Я была в только что сшитом клетчатом платье, которое ты подарил мне в прошлом году, на голове маленькая кружевная наколка с синими и оранжевыми лентами — подарок тетушки к именинам; черная кружевная мантилья».

Получив в одном из писем мужа ревнивые слова в ответ на ее рассказ об ухаживании какого-то француза, Наталья Николаевна уверяет его: «Ты стараешься доказать, мне кажется, что ревнуешь. Будь спокоен, никакой француз не мог бы отдалить меня от моего русского. Пустые слова не могут заменить такую любовь, как твоя. Внушив тебе с помощью Божией такое глубокое чувство, я им дорожу. Я больше не в таком возрасте, чтобы голова у меня

кружилась от успеха. Можно подумать, что я понапрасну прожила 37 лет. Этот возраст дает женщине жизненный опыт, и я могу дать настоящую цену словам. Суета сует, всё только суета, кроме любви к Богу и, добавляю, любви к своему мужу, когда он так любит, как это делает мой муж. Я тобою довольна, ты — мною, что же нам искать на стороне, *от добра добра не ищут*».

Это письмо написано 10 сентября 1849 года, вскоре после того, как Наталье Николаевне исполнилось 37 лет. Совершенно очевидно, что в нем промелькнула тень другого происшествия, и Ланской должен был понять, что за словами о неведомом французе, оказывавшем знаки внимания его жене, скрыто воспоминание о Дантесе. Упоминание о возрасте конечно же возникло по невольной ассоциации, которую вызвало письмо Ланского: Наталья Николаевна достигла того возраста, в котором ушел из жизни Пушкин.

Летом 1849 года, когда Ланские были в длительной разлуке, они передавали свои чувства в письмах: «Благодарю тебя за заботы и любовь. Целой жизни, полной преданности и любви, не хватило бы, чтобы их оплатить. В самом деле, когда я иногда подумаю о том тяжелом бремени, что я принесла тебе в приданое, и что я никогда не слышала от тебя не только жалобы, но что ты хочешь в этом найти еще и счастье, — моя благодарность за такую самоотверженность еще больше возрастает, я могу только тобою восхищаться и тебя благодарить».

Возможно, Ланской хотел бы прочесть строки, в которых выражались бы более пылкие чувства. Но она объясняет: «Ко мне у тебя чувство, которое соответствует нашим летам; сохраняя оттенок любви, оно, однако, не является страстью, и именно поэтому это чувство более прочно, и мы закончим наши дни так, что эта связь не ослабнет».

Ко времени отсутствия Ланского в столице относятся заботы Натальи Николаевны совсем иного свойства. Она взялась хлопотать об арестованном по делу петрашевцев Исакове, сыне или родственнике петербургского книгопродавца Я. А. Исакова, в будущем издателя сочинений Пушкина. Она сообщает мужу о своих действиях, предпринятых по этому делу через братьев Дубельтов, сыновей начальника штаба корпуса жандармов: «Это некий молодой Исаков, замешанный в заговоре, который был открыт нынче летом. Мать его в совершенном отчаянии и хочет знать, сильно ли он скомпрометирован и держат ли его в крепости по обвинению в участии или для выяснения дела какого-нибудь другого лица. Орлов, к которому я обратилась, заверил меня, что он не должен быть среди очень скомпрометированных лиц, поскольку старый граф не помнит

такой фамилии и она не значится в списке. Я передала это через г-жу Хрущеву матери, но она не успокоилась и меня попросила предпринять новые шаги. Так как Михаила сейчас нет, я принялась за Николая Дубельта, который явился по моей просьбе с большой поспешностью и обещал завтра принести ответ». На другой день, как пишет Наталья Николаевна, «дело молодого человека счастливо окончилось, он на свободе с сегодняшнего утра».

После свадьбы с Ланским материальное положение Натальи Николаевны значительно улучшилось, хотя она и лишилась назначенной Николаем I пенсии в пять тысяч рублей, выплачивавшейся до ее второго замужества. Дети же продолжали получать по полторы тысячи рублей. По-прежнему Наталья Николаевна имела ежегодно 2300 рублей процентов с капитала от издания собрания сочинений Пушкина. Ей также следовала доля с доходов от Полотняного Завода, но теперь она не так настойчиво осаждала просительными письмами братьев — старшего, Дмитрия Николаевича, а после его смерти в 1860 году — Ивана Николаевича, ставшего распорядителем семейного майората. Формально за ней числилась подмосковная вотчина, которая словесно была завещана ей покойной Екатериной Ивановной Загряжской, но реально, как мы помним, она управлялась теткой, графиней де Местр, вплоть до ее смерти. По завещанию, оставленному Софьей Ивановной, пожизненное пользование ее состоянием оставалось за ее мужем, а после его кончины отходило полностью, минуя детей Натальи Ивановны, другому ее племяннику, графу Сергею Григорьевичу Строганову. Он должен был выдать Наталье Николаевне давно обещанную ей подмосковную.

После смерти де Местра пришла пора исполнить волю Екатерины Ивановны, которую практически нарушила ее сестра. Граф Строганов, к полному недоумению Натальи Николаевны, потребовал от нее уплаты половины долгов покойной, хотя ему доставалась львиная доля наследства, в том числе Кариан, где родилась Наталья Николаевна. Она категорически отказалась от такого условия передачи ей положенного наследства, заявив, что скорее откажется от него, нежели пойдет на это. Между тем оказалось, что Софья Ивановна неправильно с юридической точки зрения изложила свою последнюю волю. Она написала в завещании, что отдает графу Строганову ту часть своего имения, которая досталась ей от отца; но почти всё, чем она владела, досталось ей от дяди и сестры. Братья Гончаровы, чтобы защитить права Натальи Николаевны, готовы были затеять судебный процесс, который, вероятнее всего, выиграли бы. Поняв это, граф

Строганов пошел на мировую — предложил Наталье Николаевне сто тысяч рублей отступного, но только при условии уплаты половины долга по наследству. Наталья Николаевна долго сопротивлялась, но в конце концов склонилась на уговоры братьев. Ее муж внес требуемые графом Строгановым 50 тысяч рублей, но купчая на имение и 500 душ крестьян по настоянию Натальи Николаевны была совершена на его имя. С семейством Строгановых они прекратили с той поры всякие сношения.

В 1846 году Петр Петрович Ланской на правах отчима детей Пушкина возглавил опеку над ними, сменив Г. А. Строганова. Таким образом, в его руки перешло управление делами, которые обеспечивали Наталье Николаевне и детям необходимое содержание.

Е. Н. Бибикова, внучка Натальи Николаевны, писала о домашних тратах в семье Ланских со слов матери: «У Ланского тоже средства были только его служба, и экономия царила у них в доме. Им отец выдавал по два куска пиленого сахара на чашку чая, и полагалось пить не более 2-х чашек, а после обеда или завтрака по одной конфетке или по три ягодки летом».

Казенного жалованья П. П. Ланского не могло хватить на содержание большого семейства, а деньги из деревень поступали нерегулярно. В ожидании их приходилось жить в кредит. До нас дошел любопытный рассказ А. П. Араповой:

«Наталья Николаевна пользовалась некоторым кредитом в магазине Погребова в Гостином дворе, и в силу этого все необходимое забиралось там. Уплата иногда затягивалась долее обыкновенного, и тогда появлялся сам хозяин, прося доложить о нем.

Горничная или няня, не желая ее беспокоить, пытались отговорить его, доказывая, что если речь идет об уплате по счету, то это будет лишь напрасный труд, так как денег из деревни еще не выслали и неоткуда их взять.

— Не в деньгах дело, — с достоинством отвечал кредитор, — я в них не нуждаюсь, но хочу лично видеть Наталью Николаевну, чтобы от них самих узнать, *чувствуют* ли оне мое одолжение?

Это требование являлось настолько законным, что мать немедленно принимала его, своим приветливым голосом благодарила за оказанное доверие и добродушное терпение. Под обаянием ее любезности он уходил, вполне удовлетворенный словами, до той поры, когда являлась возможность удовлетворить его деньгами.

Нас же всех так потешала оригинальность этой мысли, что часто, оказывая друг другу просимую услугу, мы прибавляли в шутку:

— Хорошо, только чувствуешь ли ты это?»

Деревни Натальи Николаевны — это Михайловское и Кистенево, которые практически не приносили дохода. Вопрос о большом нижегородском наследстве встал только в 1848 году после смерти Сергея Львовича Пушкина. В середине сентября для решения семейных дел в Петербург приехал Лев Сергеевич Пушкин, чтобы переговорить о разделе болдинских имений с Натальей Николаевной. Та недавно потеряла мать, скончавшуюся 2 августа, через три дня после Сергея Львовича.

Письма Льва Сергеевича жене в Одессу — своеобразная хроника разрешения болдинского наследственного дела.

15 сентября: «Я еще не начал заниматься делами. *Нат. Ник.* в *Стрельне,* ее ожидают здесь со дня на день, я потерплю еще завтрашний день, но послезавтра отправлюсь к ней».

17 сентября: «Сегодня *Нат. Ник.* должна наконец приехать в Петербург встретиться с нами и, надеюсь, нас выслушать». Он излагает свой план: «В ожидании я уже поручил кое-кому найти все необходимые мне сведения в *Опекунском совете.* Запасясь этими бумагами, я приеду в *Болдино* и разделю имущество на две части, а *Нат. Ник.* предложу выбрать одну из них или определить ее по жребию. <…> Думается, что это честно и законно».

19 сентября: *«Нат. Ник.* появилась в городе на несколько мгновений, обещая мне возвратиться завтра, тогда-то я приступлю к ней с ножом к горлу, чтобы сдвинуть с места наши дела».

22 сентября: «Дела продвигаются очень медленно. *Нат. Ник.* по-прежнему в Стрельне, а это так неудобно, в воскресенье она окончательно возвращается в Петербург, и тогда я надеюсь быстро со всем этим покончить». Тут же речь идет о возможном судебном процессе с болдинским соседом Зыбиным, который отмежевал у Пушкиных 180 десятин: *«Нат. Ник.* и ее муж, опекун детей, настроены оба чрезвычайно миролюбиво; о моем беспокойстве теперь нет и речи. Дела обстоят так, что все три стороны только и заботятся, что о взаимных уступках».

27 сентября: «Сегодня у нас большой семейный совет — *Нат. Ник.* наконец-то здесь».

28 сентября: «В результате непростительного упущения одного лишь слова в акте, составленном отцом, я теряю в пользу племянников более 100 тысяч рублей».

3 октября: «Вчера после нескольких походов по делам я ужинал весьма по-дружески с семейством *Нат. Ник.,* которая, говоря между нами, достойна всяческого уважения. Я понимаю и прощаю ее замужество».

Андрей Иванович Дельвиг, двоюродный брат поэта,

посещавший Льва Сергеевича в Петербурге, был удивлен ранее не свойственной ему сдержанностью, экономностью и преданностью жене, которой он каждый день писал в Одессу. «В комнате, которую он занимал, висел грудной портрет его жены. Он не находил слов для ее расхваливания во всех отношениях и добивался от меня, чтобы я сказал, что его жена красивее жены его покойного брата-поэта, бывшей в это время во втором браке за генералом Ланским, с чем я не мог согласиться. Как это все мало походило на прежнего Левушку Пушкина!» Именно А. И. Дельвига Лев Сергеевич сделал своим уполномоченным по болдинскому разделу, в связи с чем тот несколько раз бывал у Ланских.

Раздел затягивался — он не был завершен и через год, о чем в сентябре 1849 года письмом сообщила деверю Наталья Николаевна. По этому поводу Соллогуб даже обратился к Льву Сергеевичу с шутливыми стихами:

Отвей с сурового чела
Заботы скучные раздела;
Ужели плохи так дела,
Что хоть не кончил ты раздела,
Ты обнажился до гола,
Сама судьба тебя раздела.

Двенадцатого октября, в канун отъезда из Москвы в Болдино, Лев Сергеевич пишет жене о Наталье Николаевне: «Это великолепнейшая женщина, и во всей этой истории с разделом она думала о моих выгодах столько же, сколько и о выгодах собственных детей».

После посещения Болдина Лев Сергеевич 10 ноября 1849 года написал Наталье Николаевне подробное письмо: «В качестве помещика, живущего в деревне, собираюсь надоесть вам рассказами о всём том, что касается нашего имения. Не дам вам пощады своими наблюдениями и объяснениями». Он советует Наталье Николаевне оставить управляющим Пеньковского, о котором переменил свое прежнее отрицательное мнение, ближе ознакомившись с делами. Другой совет касался кистеневских крестьян: перевести их часть в Михайловское, выбрав самых бедных и упрямых, а остальных посадить на пашню, раздав им земли переселенцев. Только это, по его мнению, позволит иметь доход с Кистенева.

Наконец, 4 сентября 1851 года императорским указом закрепляется раздел. По переписи за имением числились 1154 души мужеска пола и 4704 десятины земли, оцененные в 178 517

рублей при долге в 54 254 рубля 57 копеек. О. С. Павлищевой за ее $^1/_{14}$ часть причиталось денежное вознаграждение в 8661 рубль; на детей Пушкина и переданную им долю Натальи Николаевны (седьмую часть наследства) досталось в Кистеневе 559 душ и 2375 десятин земли и в Львовке 168 душ и 1887 десятин; остальное отошло Льву Сергеевичу Пушкину. Платеж долга с процентами наследники приняли на себя по долям доставшегося им наследства.

В ожидании раздела Лев Сергеевич даже занял у Натальи Николаевны крупную сумму, которую так и не вернул. После его смерти она писала Соболевскому: «Придя на помощь Льву, я по деликатности не потребовала ни векселя, ни расписки на *гербовой бумаге.* Из-за этого я — единственный кредитор, которого не желают удовлетворить, несмотря на то, что считают мои требования справедливыми…»

Только в 1856 году был произведен раздел всех нижегородских и псковских имений между детьми Пушкина. При этом Наталья Николаевна отказалась от своей части в пользу детей. Все недвижимое имение осталось за сыновьями Александром, тогда поручиком, и Григорием, в то время корнетом, с условием, что они выплатят сестрам, фрейлине Марии и полковнице Наталье, по 28 571 рублю 50 копеек.

Благодаря этому разделу дети Пушкина, в полном соответствии с его планами, смогли беспрепятственно пользоваться наследством, доставшимся от него. Григорий Александрович на правах хозяина поселился в Михайловском уже после смерти матери, а в 1899 году продал его для увековечения памяти отца.

Мать и дети

На третий день после смерти Пушкина, 31 января 1837 года, уже появился царский указ: «Государь император высочайше повелеть соизволил: оставшемуся после смерти сочинителя камер-юнкера Пушкина семейству производить следующие пенсионы: вдове Пушкина до замужества по пяти тысяч рублей, дочери его до замужества же по тысяче пятисот рублей, а трем сыновьям до вступления в службу на воспитание каждому по тысяче пятисот рублей в год». Из текста этого повеления следует, что император ошибочно полагал, будто у Пушкина трое сыновей и одна дочь. В дальнейшем эта ошибка была исправлена.

Тем же числом помечено письмо Наталье Николаевне от военного министра А. И. Чернышева, которым он извещает, что ее сыновья Александр и Григорий внесены в общий кандидатский

список Пажеского корпуса, и просит представить документы на них. 13 февраля в Петербургской Духовной консистории были выданы копии метрических свидетельств на всех детей Пушкина.

Мария, первенец Пушкиных, под надзором матери получила вначале домашнее образование, так что к девяти годам свободно говорила и писала по-французски и по-немецки. После возвращения Натальи Николаевны в Петербург девочку определили в Екатерининский институт благородных девиц. В 1849 году, когда ей исполнилось 17 лет, Наталья Николаевна стала вывозить ее в свет, начав с домов близких родственников. Об одном из таких выездов к графам Строгановым она писала П. П. Ланскому: «Что касается Маши, то могу тебе сказать, что она произвела впечатление у Строгановых. Графиня мне сказала, что ей понравилось и ее лицо, и улыбка, красивые зубы, и вообще она никогда бы не подумала, что Маша будет хороша собою, так как она была некрасива ребенком. Признаюсь тебе, что комплименты Маше мне доставляют в тысячу раз больше удовольствия, чем те, которые могут сделать мне». Тем не менее она сообщает и о них: «Никто не хотел верить, что Маша дочь моя, послушать их, так я могла бы претендовать на то, что мне столько же лет, сколько и ей».

При этом Наталья Николаевна, выслушавшая в жизни много восхищенных отзывов о своей красоте, высказывает по этому поводу свое суждение: «К несчастью, я такого мнения, что красота необходима женщине. Какими бы она ни была наделена достоинствами, мужчина их не заметит, если внешность им не соответствует».

Эти рассуждения были связаны с заботой об устройстве старшей дочери. В 1852 году она была выпушена из института и 6 декабря пожалована во фрейлины императрицы Александры Федоровны. В том же году она познакомилась с окончившим Пажеский корпус Леонидом Николаевичем Гартунгом, своим ровесником, определенным в лейб-гвардии Конный полк, которым командовал П. П. Ланской и в котором после окончания Пажеского корпуса состояли ее братья Александр и Григорий.

Обвенчались они в апреле 1860 года, когда Леонид Гартунг был поручиком; через два года он уже стал штаб-ротмистром, а в 1864 году — полковником. Но до этого Наталья Николаевна не дожила, как и до трагической кончины своего первого зятя. Для нее он остался блестящим гвардейцем, подающим большие надежды. Единственное, что могло огорчать Наталью Николаевну в жизни четы Гартунг, — это отсутствие у них детей.

Мария Александровна покоряла окружающих не столько красотой, сколько особым изяществом и удивительным

сочетанием черт отца и матери. Лев Толстой встретил ее впервые в 1888 году в Туле и особенно заинтересовался ею, сразу отметив сходство с Пушкиным. Тот вечер описала свояченица Толстого Т. А. Кузьминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»:

«Дверь из передней отворилась, вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это? — спросил он, подходя ко мне.

— M-me Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а, — потянул он, — теперь я понимаю… ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

В 1877 году Л. Гартунг, уже генерал, был несправедливо обвинен в растрате казенных денег и застрелился в зале суда. Его невиновность была со временем полностью доказана. Оставшись верной памяти мужа, Мария Александровна больше замуж не выходила. Бездетной вдовой она прожила долгую жизнь, пережив остальных детей Пушкина и Натальи Николаевны, и умерла 7 марта 1919 года в Москве.

Второй ребенок Пушкиных и Натальи Николаевны, Александр, также поначалу воспитывался дома лучшими приглашенными учителями, в ноябре 1845 года был определен во Вторую Петербургскую гимназию «вольноприходящим», а в 1848 году отдан по распоряжению Николая I в Пажеский корпус. В 1851 году он был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк, под начало отчима. В декабре 1853 года Александр Александрович был произведен в чин поручика, в марте 1858-го — в штаб-ротмистры. 8 января этого года, еще в чине поручика, он обвенчался с племянницей отчима Софьей Александровной Ланской. Поначалу полковой священник лейб-гвардии Конного полка не хотел их венчать как близких родственников, тем более что невеста воспитывалась в семье Петра Петровича и Натальи Николаевны. Но поскольку кровного родства между женихом и невестой не было, брак в конце концов был разрешен в результате хлопот Натальи Николаевны: после вмешательства императора Александра II обер-прокурор Синода граф Толстой уговорил петербургского митрополита дать благословение на венчание тому священнику, который возьмется его совершить. Полковой

священник так и не согласился. Только священник Никольский, законоучитель Пажеского корпуса, взялся обвенчать своего бывшего ученика. Когда он явился к митрополиту за благословением, тот не допустил его в свои покои, а осенил крестным знамением прямо на пороге. Софья Александровна подарила мужу 11 детей, четверо из которых родились при жизни Натальи Николаевны: Наталья, Софья, Мария и Александр. Первая дочь, появившаяся на свет 5 августа 1859 года, была названа в честь бабушки. Та подарила ей кроватку красного дерева и собственноручно связанное гарусное одеяльце. Когда родился четвертый ребенок, первый сын — продолжатель рода, его окрестили в честь деда. Его рождению особенно радовалась Наталья Николаевна, подарившая в день крестин внука его матери золотые сережки и брошь с бриллиантами и аметистом.

В январе 1861 года А. А. Пушкин выходит в отставку по семейным обстоятельствам в чине полковника. С июля 1862 года по март 1866-го он состоит мировым посредником третьего участка Бронницкого уезда Московской губернии и еще год — председателем уездного мирового съезда. На военную службу Александр Александрович возвращается уже после смерти матери, в феврале 1867 года, подполковником, и вновь получает полковничий чин 1 января 1869 года. Командиром Нарвского гусарского полка А. А. Пушкин принял участие в сражениях Русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобождение Болгарии, а в 1880 году стал генерал-майором. Кавалер многих орденов, А. А. Пушкин дослужился до чина генерала от кавалерии, числился уже по ведомству императрицы Марии[155] как член, а затем председательствующий Московского присутствия Опекунского совета. Он дожил до 1914 года, и его потомство от двух браков продолжило род Пушкиных по мужской линии.

В день пятидесятилетия со дня смерти Пушкина, 29 января 1887 года, его старший сын заказал две панихиды по отцу: в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной, где отпевали поэта, и на месте его дуэли на Черной речке. В этот день закончилось право наследников на доходы с издания сочинений Пушкина, и тотчас же появилось сразу два семитомных собрания сочинений поэта, под редакциями П. А. Ефремова и П. О. Морозова.

Второй сын Пушкина и Натальи Николаевны, Григорий, в 1848 году, в 13 лет, был также отдан во Вторую Петербургскую гимназию, в которой уже учился его старший брат Александр. Через год, также вослед брату, его определили в Пажеский корпус. В сентябре 1849 года после посещения Пажеского корпуса

Наталья Николаевна писала мужу, находившемуся в отъезде: «…в корпусе все находят, что Гриша очень красивый мальчик, гораздо красивее своего брата, и по этой причине записан в дворцовую стражу, честь, которой Саша никогда не мог достигнуть, потому что он числится в некрасивых».

В 1853 году Григорий Пушкин окончил Пажеский корпус и стал корнетом лейб-гвардии Конного полка. В 1860 году, уже ротмистром, его назначили адъютантом командующего отдельным гвардейским корпусом. Через два года, незадолго до смерти матери, он был переведен в распоряжение министра внутренних дел подполковником с зачислением по армейской кавалерии. В 1866 году он оставил службу и переехал в Михайловское. В 1867 году Григорий Александрович, служивший в земском суде, был произведен в чин коллежского советника, а в 1896-м получил чин статского советника.

От француженки, с которой он состоял в двадцатилетней связи, у него было три дочери: Полина, Нина (Анна) и Евлалия Генар. Полина вышла замуж за Михаила Сергеевича Шереметева, у них родилась дочь Наталья. Нина в замужестве стала Безобразовой. Евлалия (числилась французской гражданкой) была замужем за пензенским дворянином Сергеем Васильевичем Александровским и родила сына Сергея. Ее муж 1 июля 1906 года стал пензенским губернатором, а через шесть месяцев был убит террористом.

В октябре 1883 года Г. А. Пушкин женился на Варваре Алексеевне Мельниковой, в первом браке Мошковой. Венчание состоялось в Вильно, в Пятницкой церкви, в которой, по преданию, некогда крестили его прапрадеда Абрама Петровича Ганнибала. Он много лет прожил в Михайловском, которое продал Псковскому дворянскому собранию в столетний юбилей со дня рождения отца, чем было положено начало Пушкинскому заповеднику. Последние годы его жизни прошли в имении жены Маркучай под Вильно, где они оба похоронены.

Родившаяся 23 мая 1836 года на Каменном острове в Петербурге Наталья Александровна Пушкина прожила довольно большую жизнь. Ее красоту сразу отметили в свете и сравнивали с красотой ее матери. Даже в 1880 году французский писатель Луи Леже, встретившись с ней на открытии памятника Пушкину в Москве, заметил, что она «напоминала свою мать, Наталью Гончарову, красота которой была гордостью и бедой поэта». Одна из современниц, почти обожествляя внешность Натальи Александровны, писала: «Про красоту ее скажу одно: она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В бальной зале становилось светлее, когда

она входила, осанка у нее была царственная, плечи и руки очертаний богини».

С. М. Загоскин, покоренный оригинальной красотой Натальи Александровны, отозвался о ней в 1856 году: «В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на мало правильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла называться совершенной красавицей, и если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как Наталья Александровна была окружена на великосветских балах и как около нее увивалась вся щегольская молодежь в Петербурге».

Судя по всем этим отзывам, она унаследовала красоту матери и характер отца. Такое соединение черт отозвалось на ее судьбе. В самой ранней юности она покорила сердце князя Николая Алексеевича Орлова — того самого камер-пажа, который влез на колокольню в Стрельне в день венчания Натальи Николаевны с Ланским. Орловым в Стрельне принадлежала великолепная дача, так что Николай, ставший своим в семье Ланских, знал Наталью Александровну еще девочкой. Чувства их были взаимны, но отец влюбленного, бывший командир Конной гвардии, а теперь шеф жандармов, счел, что этот брак был бы мезальянсом для княжеской семьи. В феврале 1853 года шестнадцатилетняя Наталья Пушкина вышла замуж за подполковника Михаила Леонтьевича Дубельта, сына того самого начальника штаба корпуса жандармов, который после смерти Пушкина опечатал кабинет поэта, а потом разбирал его бумаги. Пушкин был с ним знаком, но, вероятно, оба не могли предположить, что их дети поженятся. Наталья Николаевна приветствовала этот союз — ей нравились ум и красноречие жениха. Она сообщала С. А. Соболевскому 23 декабря 1852 года: «Спешу воспользоваться случаем, чтобы известить вас о свадьбе моей второй дочери Пушкиной с Мишелем Дубельтом. Партия во всех отношениях подходящая, она дает мне уверенность в счастье моей дочери, так как я знаю в течение многих лет этого молодого человека, принятого в моей семье как родной сын, любимого и уважаемого всеми нами». Вместе с тем ею владели некоторые сомнения, связанные с трудными характерами как невесты, так и жениха, и слишком юным возрастом дочери. Но та настояла на своем: «Одну замариновала. И меня хочешь замариновать?» Ее старшей сестре Марии уже исполнилось к тому времени 20 лет, а замуж она выйдет в 28. Опасения Натальи Николаевны нашли

выражение в ее письме князю П. А. Вяземскому от 6 января 1853 года: «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле Божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — ее молодость, иначе сказать — ребячество».

Они обвенчались 18 февраля, в столь памятный для Натальи Николаевны день ее свадьбы с Пушкиным. Опасения матери оказались не напрасными — отношения Натальи Александровны и Дубельта не сложились с самого начала. Заядлый игрок, Дубельт проматывал всё что мог, а неприятности вымещал на супруге, к тому же бешено ревновал ее без всяких к тому оснований. Вместе с тем непокладистый характер самой Натальи Александровны был одной из причин ее несчастливого брака, так что современники порой затруднялись определить, кто из супругов больше виноват в том, что их семейная жизнь не сложилась. От этого брака осталось трое детей — сын Леонтий и дочери Наталья и Анна. Наталья Николаевна впервые стала бабушкой в 42 года: старшая дочь Дубельтов, Наталья, появилась на свет 23 августа 1854 года, перед самым днем ее рождения, и была названа в ее честь. Леонтий родился 5 октября 1855 года, а Анна — в 1861-м.

Дубельты разъехались в 1862 году, еще при жизни Натальи Николаевны, остро переживавшей происходившее в семье дочери. В тот год Наталья Александровна с сыном и старшей дочерью приезжала в Бродзяны к тетке, когда там гостила и Наталья Николаевна. Вопрос о разводе был уже решен, но неожиданно Дубельт передумал и нагрянул к ним для примирения с женой. Оно не состоялось, и тут в полной мере проявился бешеный нрав Михаила Леонтьевича. Сцены, происходившие между супругами, заставили Густава Фризенгофа потребовать от Дубельта покинуть его дом, оставив в покое Наталью Александровну.

При разъезде Дубельт оставил при себе младшую дочь Анну, которая затем воспитывалась его родными. Старших же детей Наталья Александровна, уезжая в 1862 году из России, доверила попечению матери и отчима.

Ее развод с Дубельтом был оформлен только в 1868 году, уже после смерти Натальи Николаевны. Но не дожидаясь официального решения, Наталья Александровна в 1867 году обвенчалась в Лондоне с немецким наследным принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, с которым познакомилась еще в Петербурге на одном из придворных балов. Брак был морганатическим, так что супруг из-за него отказался от престола в пользу своего младшего брата, а Наталья Александровна получила титул графини Меренберг, который носили и трое ее

детей от этого союза. Двое из них породнились с домом Романовых. Графиня Софья Николаевна Меренберг стала супругой великого князя Михаила Михайловича с титулом графини Торби. Поскольку Александр III был против этого брака, супругам пришлось покинуть Россию и поселиться в Англии. Что же касается внука Пушкина, графа Георгия Николаевича, то он женился на светлейшей княгине Ольге Александровне Юрьевской, дочери императора Александра II от его второго, также морганатического, брака со светлейшей княгиней Юрьевской, до того — княжной Екатериной Долгоруковой. Мог ли предполагать поэт, писавший «Водились Пушкины с царями», что его внуки породнятся с внуками императора Николая Павловича?..

Второй брак Натальи Александровны оказался счастливым, но ее мать не дожила до этого времени. Супругам пришлось разъединиться после смерти, так как, будучи морганатической женой, Наталья Александровна не могла быть погребенной рядом с мужем в родовом склепе герцогов Нассауских. После ее кончины в 1913 году ее тело согласно завещанию было сожжено, а прах развеян над могилой мужа.

Так сложились судьбы детей Натальи Николаевны от ее брака с Пушкиным, который погиб, когда все они были еще младенцами. Их воспитанием и образованием занималась мать — сначала вдова Пушкина, а затем жена Ланского. В воспоминаниях Александры Петровны Араповой, старшей из трех ее дочерей от второго брака, читаем: «С тихой радостью окончила Наталья Николаевна свое одинокое скитание, почуяв себя у верной, спокойной пристани. С полным доверием поручила она честной, благородной душе участь своих детей, для которых ее избранник неизменно был опытным руководителем, любящим другом. Слово „отец“ нераздельно осталось за отошедшим».

Во втором браке Наталья Николаевна родила трех дочерей: Александру, Софью и Елизавету. Александра, по-домашнему Азя или Аля, была названа в честь тетки, Александры Николаевны Гончаровой, которая вошла и в новую семью, поселившись вместе с Ланскими, как раньше с Пушкиными. Девочка появилась на свет 15 мая 1845 года в Петербурге.

16 июня на крестины в Стрельну, куда семья Ланских вновь перебралась на лето, приехал царь. Приняв крестницу от купели, Николай I вынес ее матери и, передавая с рук на руки, пошутил:

— Жаль только одно — не кирасир!

Александра Арапова на всю жизнь сохранила воспоминание о том, как в детстве ее посетил крестный-император. Это случилось в ту пору, когда его младшие сыновья, великие князья Николай и Михаил Николаевичи, прикомандированные для изучения

службы к Конной гвардии, выразили желание использовать обширный зал казармы для танцев. Наталья Николаевна согласилась с их пожеланием. Когда известие о готовящемся полковом бале дошло до Николая I, он при очередной встрече с Ланским сказал ему:

— Я слышал, что у тебя собираются танцовать? Надеюсь, что ты своего шефа не обойдешь приглашением.

Александре Ланской было тогда семь лет, и она конечно же не могла принять участие в танцевальном вечере. Прибывший государь выразил желание увидеть крестницу:

— Узнайте, спит ли она? Если нет, то я сейчас пойду к ней.

Наталья Николаевна застала дочь прислушивающейся к звукам оркестра и возбужденной присутствием в доме царя.

— Царь к тебе идет, — сказала она и скрылась.

При появлении государя Азя вскочила на постели и изобразила глубокий реверанс. Царь рассмеялся, взял ее на руки и расцеловал в обе щеки. От волнения девочка даже не запомнила, что тот ей говорил. Позднее старшие сестры изводили ее словами: «Расскажи-ка, Алинька, как по этикету ты показала царю свои голые коленки».

Аля была капризной, доставляла много хлопот матери. Та однажды написала находившемуся в отъезде мужу: «Это мой поздний ребенок, я это чувствую, и при всём том — мой тиран». Мать баловала ее сильнее, чем следовало, возможно, опасаясь со стороны мужа упрека в большей строгости, чем к детям от первого брака.

Александра Петровна первой из дочерей от второго брака покинула дом, выйдя замуж в 1865 году. Ее мужем стал Иван Андреевич Арапов, корнет Кавалергардского полка, с которым она познакомилась, когда ей было 17 лет, еще при жизни матери. Арапов родился в Пензе 21 ноября 1844 года, учился в Петербургском университете, однако в 1862 году по настоянию отца поступил на военную службу юнкером Кавалергардского полка. В этот последний год жизни Натальи Николаевны как раз и произошло знакомство ее юной дочери с кавалергардом Араповым.

Забота о том, как сложится жизнь дочерей, неустанно занимала Наталью Николаевну и служила одной из постоянных тем ее писем мужу: «Что касается того, чтобы их пристроить, то уверяю тебя, мы все в этом отношении более рассудительны, чем ты думаешь; я всецело полагаюсь на волю Божию, но не считаю преступлением иногда помечтать об их счастье. Можно быть счастливым и не будучи замужем, конечно, но что бы ни говорили — это значило бы пройти мимо своего призвания».

Двадцатого апреля 1846 года Наталья Николаевна родила Ланскому вторую дочь Софью, названную в честь Софьи Ивановны де Местр. Софья Петровна вышла замуж в 1867 году, в возрасте двадцати одного года, за ровесника, поручика Кавалергардского полка Николая Николаевича Шипова, выпускника Александровского лицея.

Елизавета, третья дочь Натальи Николаевны и П. П. Ланского, появилась на свет 17 марта 1848 года. Ее назвали в честь бабушки со стороны отца. В 1866 году восемнадцатилетняя фрейлина Елизавета Петровна Ланская стала женой кавалергарда Николая Андреевича Арапова, своего деверя. Поженились они в Михайловском. Об этом писала их дочь Елизавета Николаевна Бибикова: «Моя мать венчалась с моим отцом в Михайловском, и ее собирала под венец ее подруга. Они тайно венчались, т. к. были родня между собой, два брата Араповы были женаты на двух сестрах Ланских».

Та же Е. Н. Бибикова вспоминала о Наталье Николаевне: «Она всегда была грустная, одетая в черное с белыми воротничками и манжетами платья и черной кружевной косынкой на голове… Воротнички и манжеты вышивали ее дочки, все три прекрасные рукодельницы. Сама бабушка тоже была рукодельница, очень кроткая, терпеливая. Мама говорила, что она никогда не повысит голоса и не закричит на детей, а тем более не ударит нас, и этому легко поверить, так как и моя мама была такая же, и мы ее беспрекословно слушались, а нас никогда не наказывали. Бабушка была нежная мать». Она же писала по поводу скромных нарядов бабушки: «Несмотря на перешитые платья, Наталья Николаевна была так хорошо сложена и так красива, что всё на ней казалось богатым».

Воспитание детей в семействе Ланских было заботой Натальи Николаевны, с чем она вполне успешно справлялась и даже получала удовольствие. Она заявляла мужу: «Ты знаешь — это мое призвание, и чем больше я окружена детьми, тем больше я довольна». Ей пришлось заниматься воспитанием десяти детей: семерых собственных от двух браков и троих детей покойного деверя, оставшихся на попечении ее мужа. Иногда она временно опекала и чужих детей. Так, получавший образование в Училище правоведения Лев Николаевич Павлищев, племянник Пушкина, родители которого Ольга Сергеевна и Николай Иванович жили в ту пору в Варшаве, иногда проводил воскресенья в доме Ланских. Из того же учебного заведения Наталья Николаевна брала к себе на воскресные дни и сына Нащокиных Александра, определенного туда отцом в 1849 году, в возрасте десяти лет. По поводу этой новой заботы она писала 12 сентября 1849 года

мужу: «Положительно, мое призвание — быть директрисой детского приюта: Бог посылает мне детей со всех сторон, и это мне нисколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет». Когда же 19 июля 1852 года в Одессе скончался младший брат Пушкина Лев Сергеевич, оставив на руках вдовы троих детей — восьмилетнюю Ольгу, шестилетнего Анатолия и трехлетнюю Марию, Наталья Николаевна написала их опекуну С. А. Соболевскому: «Если бы я могла быть полезной этим бедным детям, охотно бы это сделала». Она была готова дать им приют в своем доме, но до этого дело не дошло.

Верной помощницей «директрисы» в воспитании детей была Александра Николаевна Гончарова — в течение пятнадцати с половиной лет, прошедших от смерти Пушкина до своего позднего замужества. В 1852 году, когда она покинула семейство Ланских, ее старшая племянница, двадцатилетняя Мария, заканчивала Екатерининский институт благородных девиц, а младшей, Елизавете, исполнилось четыре года.

Другой, профессиональной ассистенткой Натальи Николаевны была гувернантка ее младших дочерей Констанция Федоровна Майкова, урожденная Гримм — немка родом из Дерпта. Умирая, Наталья Николаевна просила Констанцию не покидать ее дочерей, пока последняя из них не выйдет замуж. Она выполнила этот завет и только после замужества всех трех ее воспитанниц вернулась на родину. В доме все ее любили и ласково звали «тетя Кока». Помогали ей няни Татьяна и Прасковья. Прасковья досталась Наталье Николаевне в приданое еще при первом замужестве. Няня Таня также была из крепостных Полотняного Завода и нянчила всех семерых детей Натальи Николаевны. Дети звали ее Татенька. Умерла она в глубокой старости в доме П. П. Ланского.

В письмах мужу Наталья Николаевна постоянно пишет о детях: «Если бы ты знал, что за шум и гам меня окружают, это бесконечные взрывы смеха, от которых дрожат стены дома».

Отношения между всеми детьми в доме были самые дружеские, а Петр Петрович не делал разницы между своим потомством и детьми Пушкина. Александр Александрович Пушкин не случайно вспоминал: «Мы любили нашу мать, чтили память отца и уважали Ланского». Уже после того как Наталья Николаевна ушла из жизни, а младшая дочь Пушкина в 1868 году вторично вышла замуж, Ланской воспитывал детей от первого брака своей падчерицы, оставленных на его попечение.

Когда уже не было в живых и Ланского, его старшая дочь написала: «Оглядываюсь более чем на полвека — и былое восстает в сиянии тихих радостей, в воплощении могучей силы

любви, сумевшей сплотить у нового очага всех семерых детей в одну тесную, дружную семью, и в сердце каждого из нас начертать образ идеальной матери, озаренной мученическим ореолом вследствие происков недремлющей клеветы».

Замужество Александрины

Между тем приближалась пора, когда Наталье Николаевне предстояло расстаться со своей сестрой Александриной, преданно разделявшей с ней трудности в течение многих лет после гибели Пушкина. Ее судьба решилась вскоре после смерти Натальи Ивановны Фризенгоф: та приехала в Петербург к своим приемным родителям и неожиданно скончалась 12 октября 1850 года. Похоронили ее рядом с Е. И. Загряжской на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

В 1851 году 12 мая Наталья Николаевна с дочерьми и сестрой отправляется за границу на пароходе «Прусский орел». Перед отъездом она оформила договор с Иваном Васильевичем Анненковым, полковником лейб-гвардии Конного полка, на издание собрания сочинений Пушкина. На самом деле все заботы по публикации легли на плечи брата Анненкова, Павла Васильевича, который вспоминал: «Между тем брат Иван привез с собою в Москву известие, что дело издания Пушкина он порешил окончательно с Ланской, заключив с нею и формальное условие по этому поводу. Но издание, разумеется, очутилось на моих руках. Страх и сомнение в удаче обширного предприятия, на которое требовались, кроме нравственных сил, и большие денежные затраты, не покидали меня и в то время, когда уже по разнесшейся вести о нем я через Гоголя познакомился с Погодиным, а через Погодина с Бартеневым, Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте». Собрание сочинений вышло в феврале 1855 года в шести томах, один из которых содержал первую биографию Пушкина, скромно названную П. В. Анненковым «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина». В составлении ее были использованы и рассказы Натальи Николаевны. В 1857 году вышел дополнительный, седьмой том.

Густав Фризенгоф летом 1851 года находился в Вене, и между ним и сестрами Гончаровыми шла оживленная переписка. К этому времени брак Александры Николаевны был уже делом решенным, хотя официально о помолвке пока не объявлялось, ибо срок траура по первой жене Фризенгофа еще не миновал. Наталья Николаевна, желавшая этого союза, призванного, наконец, составить семейное счастье сестры, не раз упоминала об этом в

письмах Ланскому.

В поездке их сопровождали горничная и слуга Фридрих. В Берлине Наталья Николаевна показалась врачам, и они вынесли вердикт ее состоянию: нервное истощение и усталость. Из Берлина они переехали в находившийся неподалеку курортный городок Годесберг. Здесь Наталью Николаевну пользовали ваннами и минеральными водами. Все вместе совершали прогулки по живописным окрестностям. В письме Ланскому от 9 (21) июля 1851 года его жена передает свои впечатления от курорта: «Ну вот я и в Годесберге. Что я могу сказать? Городок очарователен, и всякой другой здесь бы понравилось, но я, как неприкаянная душа, покидаю с радостью одно место в надежде, что мне будет лучше в другом, но как только туда приезжаю, начинаю считать минуты, когда смогу его оставить. В глубине души такая печаль, что я не могу ее приписать ничему другому, как настоящей тоске по родине».

За табльдотом[156] она говорила с соседями по столу по-немецки, ее дочери поражали своим прекрасным французским. В Годесберге они пробыли неделю. Почувствовав себя лучше, Наталья Николаевна отправилась в Швейцарию, в Остенде, где она намеревалась пробыть подольше, чтобы пройти курс лечения. 13 июля 1851 года она писала мужу: «Я составила план путешествия… В Остенде я предполагаю остаться 20 дней, таково количество предписанных мне ванн. Что касается моего путешествия по Рейну, не беспокойся, это займет у меня не более одного дня, так как из Остенде до Бонна я поеду по железной дороге. В Бонне я сяду на пароход и, нигде не останавливаясь, доеду до Майнца». Дальше она предполагала путешествовать по следующему маршруту: «Из Майнца до Франкфурта — поездом. В Дрездене остановлюсь, только чтобы посмотреть Швейцарию и Саксонию, как советовали Мещерские. Фризенгоф обещал там к нам присоединиться и, так как он будет путешествовать с нами, я могу меньше времени посвятить Вене и 15-го, повторяю, я буду у тебя, во что бы то ни стало».

В этом же письме Наталья Николаевна писала Ланскому о предстоящем замужестве сестры Александрины, о планах в отношении дочерей Марии и Натальи и вообще о своих взглядах на брак: «Между прочим, я их готовила к мысли, что замужество не так просто делается и что нельзя на него смотреть как на игру и связывать это с мыслью о свободе. Говорила, что замужество — это серьезная обязанность, и надо быть очень осторожной в выборе. В конце концов, можно быть счастливой, оставшись в девушках, хотя я этого не думаю. Нет ничего более печального, чем существование старой девы, которая должна

довольствоваться любовью не к своим, а к чужим детям и создавать себе какие-то другие обязанности, а не те, которые предназначены природой ей самой. Ты мне называешь много старых дев, но побывал ли ты в их сердце, знаешь ли ты, через сколько горьких разочарований они прошли и так ли они счастливы, как кажется. А ты сам помнишь ли, как ты был холостяком, — я называю холостяцкой жизнью тот период, когда ты был один после твоего страстного увлечения, — твое сердце было ли удовлетворено, не искало ли оно другой привязанности, и когда вы, ты и Фризенгоф, твердите мне обратное, скажу вам, что вы говорите вздор. Последний, не успел он овдоветь, как принял в качестве утешения любовь Александрины, и перспектива женитьбы на ней заставила его забыть всю свою горестную утрату. Союз двух сердец — величайшее счастье на земле, а вы хотите, чтобы молодые девушки не позволяли себе мечтать, значит, вы никогда не были молодыми и никогда не любили. Надо быть снисходительным к молодежи. Плохо то, что родители забывают, что они сами когда-то чувствовали, и не прощают детям, когда они думают иначе, чем они сами. Не надо превращать мысль о замужестве в какую-то манию и даже забывать о достоинстве и приличии, я такого мнения, но предоставьте им невинную надежду устроить свою судьбу — это никому не причинит зла. Что касается Фризенгофа, то, при всем его уме, он часто многое слишком преувеличивает, тому свидетельством его страх перед несоблюдением приличий и общественным мнением до такой степени, что, в конце концов, говорит об отсутствии характера. Я не люблю этого в мужчине. Женщина должна подчиняться, законы в мире были созданы против нее. Преимущество мужчины состоит в том, что он может их презирать, *а он, несчастный, всего боится.* Тому свидетельством его любовь. Он дрожит, как бы его брат или венские друзья не догадались об этом. Это удерживает его от заключения брака ранее положенного срока, чего он хотел бы сам. Я прекрасно понимаю, что он хочет выдержать годичный срок вдовства, и от этого зависит его боязнь тетушки и брата, а вовсе не от состояния его дел».

Только в январе 1852 года Густав Фризенгоф начал готовить почву для второй женитьбы, сообщая в письме старшему брату Адольфу: «Ты знаешь, что обе сестры Гончаровы, начиная с первого нашего пребывания здесь (в Петербурге) стали нашими — Натальи и моими — близкими приятельницами, и что у нас была, в особенности к Александрине, большая симпатия, вызванная оценкой ее характера. Когда моя Наталья перед своей смертью переехала в город, Александрина, у которой было больше

свободного времени, была ее постоянной собеседницей, а в последние ее печальные дни и ее неутомимой сиделкой. Естественным последствием этих предшествовавших событий было то, что в течение целой зимы я охотнее всего бывал у Ланских и находился преимущественно в общении с Александриной, с которой одной во всем Петербурге я мог сколько угодно говорить о своей Наталье — наша тетушка от этого уклонялась — и находил утешение и поддержку».

Двадцать девятого апреля 1852 года фрейлина Гончарова получает разрешение на брак с Фризенгофом в письме министра двора князя П. М. Волконского: «Милостивая государыня Александра Николаевна! На письмо вашего превосходительства от 27 февраля имею честь уведомить, что Их Императорские Величества соизволяют на вступление ваше в брак с австрийским подданным, уроженцем города Вены бароном Густавом фон Фризенгофом».

Свадьба состоялась 6 (18) апреля 1852 года в Петербурге, откуда чета Фризенгоф уехала в Бродзяны. 8 апреля 1854 года у них родилась дочь, которую назвали русским именем Наталья; она впоследствии вышла замуж за герцога Элимара Ольденбургского. Брак был морганатический, и она получила титул графини Вельсбург, который перешел и к ее наследникам — сыну Александру и его потомкам. Воспитание Александра и его сестры Фредерики оказалось уделом бабушки; по словам ее дочери Натальи Густавовны, она их очень баловала. В Бродзянах сохранялись портреты всех представителей семейства Гончаровых, среди которых были и портрет Натальи Николаевны работы В. Гау, и карандашный рисунок, выполненный Н. П. Ланским, и ее фотографии, а также изображения ее детей. На дверном косяке большой гостиной от того времени, когда Наталья Николаевна гостила у сестры, остались карандашные отметки роста ее детей. Александра Николаевна почти всю оставшуюся жизнь провела попеременно в замке Эрлаа близ Вены зимой и в Бродзянах летом, дожив до восьмидесяти лет. В Бродзянах она и умерла 9 августа 1891 года. Похоронили ее в деревенском фамильном склепе.

Год свадьбы Александры Николаевны принес Наталье Николаевне не одно только удовлетворение в связи с устройством сестры, столь много сделавшей для нее. Тогда же последовали три смерти, которые должны были по-новому разрешить ее собственное и ее детей от Пушкина материальное положение. Во время пребывания Натальи Николаевны за границей в августе 1851 года в Петербурге скончалась тетушка, графиня Софья Ивановна де Местр. Меньше чем через год, 12 июня 1852-го, в

Стрельне, в доме Ланских, скончался Ксавье де Местр, а 19 июля в Одессе умер младший брат Пушкина Лев Сергеевич.

Последние годы

Вскоре после решения семейного дела по поводу наследства покойной тетушки Екатерины Ивановны Загряжской, 6 декабря 1853 года, П. П. Ланской был произведен в генерал-лейтенанты, но даже сдав Конногвардейский полк, он по воле императора сохранил право ношения его мундира. Однако со служебной полковой квартирой Ланским пришлось расстаться. Приобрести собственный дом у них не было средств, так что квартиры они снимали. В августе следующего года Ланской заболел холерой, свирепствовавшей тогда в Петербурге. Наталья Николаевна мужественно ухаживала за мужем, и его удалось спасти.

Вскоре после выздоровления он был командирован в Вятку для формирования там ополчения ввиду начавшейся Крымской войны. На сей раз жена решила сопровождать его, а трех девочек с гувернанткой и няней отправить к старшей дочери Марии Александровне в Немиров Житомирской губернии, где ее муж тогда состоял на службе.

В сентябре 1855 года Наталья Николаевна прибыла с мужем в Вятку, где прожила до января 1856-го. В дороге она подхватила простуду, для лечения которой был приглашен лучший тамошний врач Н. В. Ионин, дочь которого Л. Н. Спасская описала свое знакомство с генеральшей Ланской: «Мать моя вскоре встретилась с Натальей Николаевной на детском вечере в вятском клубе. Наталье Николаевне понравились мои брат и сестра, танцевавшие между других детей (меня тогда еще не было на свете). Она стала о них расспрашивать и, узнавши, что это дети ее доктора, пожелала познакомиться с их матерью и с ними, была чрезвычайно любезна с матерью, хвалила, ласкала детей и рассказывала ей много о своих детях, причем высказала, между прочим, что находит своего сына Григория (которого она называла Гришкою) замечательно похожим, как наружностью, так и характером, на его знаменитого отца. В обращении Наталья Николаевна производила самое приятное впечатление сердечной, доброй и ласковой женщины и обнаружила в полной мере тот простой, милый аристократический тон, который так ценил в ней Пушкин. Среди светского общества Ланские особенно сошлись с управлявшим Палатою государственных имуществ Пащенко, состоявшим членом Губернского комитета по созыву ополчения, и его женою и бывали у них совершенно запросто».

Супруга Пащенко рассказала Наталье Николаевне о судьбе

Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, сосланного в Вятку за повесть «Запутанное дело» и служившего там канцелярским чиновником. Она, по словам Спасской, «…составила план воспользоваться большими связями Натальи Николаевны, чтобы выхлопотать Салтыкову прощение и позволение возвратиться в Петербург. План этот увенчался полным успехом: Салтыков был представлен Наталье Николаевне, которая приняла в нем большое участие (как говорят, в память о покойном своем муже, некогда бывшем в положении, подобном салтыковскому) и решилась помочь талантливому молодому человеку и походатайствовала за него в Петербурге и письменно, и лично». Наталья Николаевна через двоюродного брата мужа, министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского, добилась скорого помилования писателя: «Успех не замедлил обнаружиться. Наталья Николаевна уехала из Вятки в январе 1856 года, а в июне того же года Салтыков был уже назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел и возвратился в Петербург».

На некоторое время П. П. Ланской с женой остановился по делам ополчения в городке Слободском в тридцати километрах от Вятки. В дневнике тамошнего протоиерея И. В. Куртеева сохранилась любопытная запись о Наталье Николаевне: «Теперешняя супруга Ланского была прежде женою поэта Пушкина. Дама довольно высокая, стройная, но пожилая, лицо бледное, но с приятною миною. По отзыву архиерея Елпидифора, дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчива».

Выполнив свою задачу по формированию ополчения, Ланской вместе с ним отправился в Нижний Новгород, а Наталья Николаевна отбыла в Москву, где оказалась в начале января и пробыла больше месяца. Остановилась она в родном доме на Большой Никитской, встретилась там с братьями Иваном и Сергеем. Еще был жив и их отец. Мария Александровна с младшими братьями и сестрами приехала к ней из Житомира.

Наталья Николаевна пишет Ланскому 17 февраля 1856 года: «Всё сегодняшнее утро я ездила по Москве с визитами. Расстояния здесь такие ужасные, что я едва сделала пять, а в списке было десять. Каждый день я здесь обнаруживаю каких-нибудь подруг, знакомых или родственников, кончится тем, что я буду знать всю Москву». Старые знакомые напоминали ей о временах ее московской молодости: «Здесь помнят обо мне как участнице живых картин тому 26 лет назад, и по этому поводу мне расточаются комплименты». Так отозвалось ее участие в представлении, устроенном в доме генерал-губернатора Москвы,

светлейшего князя Д. В. Голицына, 30 декабря 1829 года.

Москва в те дни была особенно оживлена ввиду торжеств по поводу коронации нового царя, Александра II. Наталья Николаевна с дочерьми даже отправилась на бал в Дворянское собрание, где некогда она танцевала с Пушкиным. Все присылали ей приглашения на балы и вечера, в том числе и некогда воспетая Пушкиным А. Ф. Закревская, теперь жена нового московского генерал-губернатора, устраивавшая костюмированный бал. Наталья Николаевна, поездив по магазинам, подобрала дочери цыганский костюм, который ей очень шел.

В тот приезд в Москву по настоятельной просьбе мужа она заказала свой портрет модному тогда московскому художнику Карлу Лашу. 13 января 1856 года она отчиталась Ланскому: «Я, слава богу, чувствую себя лучше, кашель прошел, и я даже надеюсь вскоре начать свой портрет. Ты взвалил на меня тяжелую обязанность, но, увы, что делать, раз тебе доставляет такое удовольствие видеть мое старое лицо, воспроизведенное на полотне». Работа над портретом началась только спустя месяц. 17 февраля Наталья Николаевна пишет мужу: «Мои несчастные портретные сеансы занимают теперь все мои утра, и мне приходится отнимать несколько часов у вечера для своей корреспонденции. Вчера я провела все утро у Лаша, который задержал меня от часа до трех. Он сделал пока только рисунок, который кажется правильным в смысле сходства; завтра начнутся краски. Когда Маша была у него накануне вместе с Лизой, чтобы назначить час для следующего дня, и сказала, что она моя дочь, он, вероятно, вообразил, что ему придется перевести на полотно лицо доброй, толстой старой маминьки, и когда зашла речь о том, в каком мне быть туалете, он посоветовал надеть закрытое платье. — Я думаю, добавил он, так будет лучше. Но, увидев меня, он сделал мне комплимент, говоря, что я слишком молода, чтобы иметь таких взрослых детей, и долго изучал мое бедное лицо, прежде чем решить, какую позу выбрать для меня. Наконец, левый профиль, кажется, удовлетворил его, а также и чистота моего благородного лба, и ты будешь иметь счастье видеть меня изображенной в ¾».

В марте 1856 года Наталья Николаевна возвратилась с детьми в Петербург, а 26 августа, в день коронации Александра И, Натальин день, Ланской был назначен на должность командующего Первой гвардейской кавалерийской дивизией, которую он будет занимать до 23 апреля 1861 года, когда ввиду болезни Натальи Николаевны будет вынужден взять годовой отпуск, чтобы отправиться с ней за границу.

На закате дней

В последние годы жизни Наталью Николаевну стал подолгу мучить кашель, утихавший лишь с наступлением лета. Ей становилось легче, когда она сидела, прислонившись к подушкам. Врачи рекомендовали сменить климат, отправиться на воды, но она оставалась в России. Зиму 1860/61 года, свою последнюю зиму в России, она провела запершись в своих комнатах, страдая от болезни и ожидая «бессмысленных и беспощадных» бунтов в связи с проводившейся тогда в России Крестьянской реформой. Когда врачи произнесли свой приговор. Ланской подал прошение, получил одиннадцатимесячный отпуск и увез всю семью за границу. В Швальбахе Наталья Николаевна провела несколько недель с тремя дочерьми — муж уехал в Висбаден для принятия ванн от ревматизма, а гувернантка Констанция отправилась лечиться в Дрезден.

Следующим пунктом их путешествия стал Гейдельберг, где практиковал один из известнейших врачей и где Наталье Николаевне предстояло свидание с братом Сергеем, жившим там с семьей. Лечение летом в Висбадене, осенью в Женеве и зимой в Ницце благотворно сказалось на состоянии здоровья Натальи Николаевны. Ланской смог вернуться в Россию, оставив семью на лето в Венгрии у Фризенгофов.

На это время пришлась развязка отношений между Натальей Александровной и ее мужем, омрачившая конец жизни ее матери. В ожидании решения дела о разводе Наталья Александровна со старшими детьми уехала в Бродзяны к тетке, баронессе Александре Николаевне Фризенгоф, где в то время находилась Наталья Николаевна с дочерьми от второго брака. Уже второй год по рекомендации врачей она лечилась за границей. Весной 1862 года П. П. Ланской, у которого заканчивался отпуск по семейным обстоятельствам, перевез ее с детьми к сестре, чтобы через несколько месяцев вновь вернуться к ней. Вскоре туда неожиданно прибыл М. Л. Дубельт и уехал только после требования барона Фризенгофа покинуть его дом. По словам А. П. Араповой, семейная драма Натальи Александровны способствовала преждевременной кончине ее матери, которая «стала таять как свеча». Только через полгода после ее смерти Наталье Александровне было дано официальное свидетельство на право проживания отдельно от мужа. Развод же состоялся еще четыре года спустя, 18 мая 1868 года.

Осенью 1862 года, когда Петр Петрович вновь приехал в Бродзяны, вся семья Ланских отправилась в Ниццу, где поселилась на прежней вилле. С ними поехала и Наталья

Александровна. В Ницце Наталья Николаевна относительно спокойно провела зиму, а в мае стала категорически настаивать на возвращении. Политическая ситуация, желание вывести в свет Александру, двухлетняя разлука с Россией — всё вместе определило ее решение вернуться вопреки указаниям врачей. Доктор, постоянно пользовавший ее, сказал: «Запомните мои слова. Ее организм расстроен до такой степени, что самая легкая простуда унесет ее, как осенний лист». Жить ей оставалось полгода.

За границей Наталья Николаевна узнала о кончине отца 9 сентября 1861 года в Москве. Горестная весть застала ее в Женеве, и с тех пор она не снимала траура. Фотографии, сделанные в Ницце, запечатлели ее именно такой — в непременном черном платье, задумчивой, грустной, но по-прежнему красивой.

О времени пребывания Ланских в Ницце сохранилось воспоминание князя Владимира Михайловича Голицына, тогда четырнадцатилетнего подростка: «Зиму 1861–1862 годов я с родителями проводил в Ницце, и там жила вдова Пушкина, Наталья Николаевна, урожденная Гончарова, бывшая вторым браком за генералом Ланским. Несмотря на преклонные уже года, она была еще красавицей в полном смысле слова: роста выше среднего, стройная, с правильными чертами лица и прямым профилем, какой видел у греческих статуй, с глубоким, всегда словно задумчивым взором».

Последний ее выход в свет состоялся зимой 1862/63 года. Когда она появилась, сменив ради впервые вывозимой дочери Али черное платье на серое, все ахнули: «Воскресла прежняя слава! Второй не скоро отыщешь!» Во время карнавала в Ницце ее красота вспыхнула в последний раз. На балу у префекта она затмила юных красавиц: «В этот вечер серо-серебристое атласное платье не скрывало чудный контур ее изящных плеч, подчеркивая резкую стройность и гибкость стана. На гладко причесанных, с кое-где пробивающейся проседью, волосах лежала плоская гирлянда из разноцветно-темноватых листьев, придававшая ей поразительное сходство с античной камеей, на алой бархатке вокруг шеи сверкал бриллиантами царский подарок и, словно окутанная прозрачной дымкой, вся фигура выступала из-под белого кружевного домино, небрежно накинутого на голову. Ей тогда было ровно пятьдесят лет, но ни один опытный глаз не рискнул бы дать и сорока».

Вернувшись из-за границы, Наталья Николаевна провела лето 1863 года в «подмосковной» старшего сына, Александра Александровича. Несколько раз она ездила в Петербург навещать

мужа, который был назначен временным генерал-губернатором Заречной части ввиду опасности смут и пожаров и проживал в Елагином дворце.

От последних лет жизни Натальи Николаевны сохранились несколько фотографий начала 1860-х годов и гравюра на дереве Матэ, которую он сделал с фотографии 1861 года. Эти изображения, относящиеся ко времени ее болезни и переживаний о судьбе близких, представляют уже немолодую даму с правильными чертами лица.

Ее последняя петербургская квартира располагалась на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, у Казанского моста[157]. Лето 1863 года, последнее в жизни Натальи Николаевны, она провела в разлуке с дочерьми от второго брака, гостившими у старшего брата Александра Александровича в его имении Ивановское Бронницкого уезда Московской губернии. 3 октября у него в Москве родился сын Александр, названный в честь деда. Наталья Николаевна была позвана в крестные и поехала в Москву, несмотря на уговоры мужа и врачей. В канун возвращения в Петербург она простудилась (в отведенной ей комнате забыли протопить печь), а после поездки в нетопленом вагоне поезда совсем разболелась. Ее последнее известное письмо, датированное 30 октября 1863 года, адресовано брату Ивану Николаевичу. О своем состоянии она сообщает: «Пишу тебе лежа в постели. Со времени моего возвращения из Москвы я очень плохо себя чувствовала и только два дня как мне немножко получше».

Начался озноб, и она слегла. Болезнь прогрессировала. Врачи поставили диагноз — крупозное воспаление легких. Около месяца она сопротивлялась болезни. Врачи еще не теряли надежду — ждали отхаркивания. Когда оно началось, все в доме вздохнули с облегчением; но утром ей стало еще хуже. Старик-доктор Карелль, всю жизнь пользовавший Наталью Николаевну, утверждал, что за всю свою практику он не встречал такого сложного случая: воспаление охватило весь организм.

Врачи сказали, что сочтены не только ее дни, но и часы. Тогда телеграммами вызвали Марию из Тулы, Александра из Москвы, Григория из Михайловского. Все дети, Пушкины и Ланские, — кроме Натальи Александровны, пребывавшей за границей, — собрались у постели умиравшей. Последней, за день до смерти матери, приехала старшая дочь Мария Александровна.

Понимая, что жить ей осталось немного, она благословила шестерых детей, простилась со всеми домашними, рано утром 26 ноября 1863 года приобщилась Святых Тайн. Затем началась тяжелая агония. В судороге Наталья Николаевна откинулась на

левую сторону, хрип становился все тише и тише. В 9 часов 30 минут вечера 26 ноября 1863 года Наталья Николаевна скончалась.

Перед смертью Наталья Николаевна хотела передать письма Пушкина к ней старшей дочери Марии Александровне, но когда та приехала к умиравшей матери, то по ее просьбе уступила их младшей сестре, для которой они могли стать очень нужной ей материальной поддержкой. Наталья Александровна несколько раз пыталась их продать, предлагая купить редактору «Русского вестника», биографу отца П. В. Анненкову, графу В. А. Соллогубу; но сделки не состоялись, так как цена, за которую она соглашалась передать письма, не устраивала потенциальных покупателей. Только в 1876 году 75 писем Пушкина были ею переданы И. С. Тургеневу, который договорился с М. М. Стасюлевичем о их публикации в его журнале «Вестник Европы». Условия публикации были весьма скромные — тысяча рублей и десять экземпляров издания. Только в 1882 году она через старшего брата Александра Александровича передала 63 письма в Румянцевский музей. Что же касается писем Натальи Николаевны мужу, то судьба их неизвестна. Одно несомненно: при отъезде ее из Петербурга в 1837 году они были ей возвращены по ее настоянию.

Некролог в журнале «День», составленный П. И. Бартеневым, гласил:

«26 ноября сего года скончалась в Петербурге на 52-м году Наталья Николаевна Ланская, урожденная Гончарова, в первом браке супруга А. С. Пушкина. Ее имя долго будет произноситься в наших общественных воспоминаниях и в самой истории русской словесности. К ней обращено несколько прекрасных строф, которые и теперь, через 35 лет, когда всё у нас так быстро меняется и стареет, еще приходят на память невольно и сами собой затверживаются. С ней соединена была судьба нашего доселе первого, дорогого и незабвенного поэта. О ней, об ее спокойствии заботился он в свои последние минуты. Пушкин погиб, оберегая честь ее. Да будет мир ее праху.

П. Б. Москва, 4 дек. 1863 г.».

Бартенев писал: «Тесная дружба, соединяющая детей ее от обоих браков, и общее благоговение этих детей к ее памяти служат лучшим опровержением клевет, до сих пор на нее взводимых, и доказательством, что несправедливо иные звали ее „кружевная душа“, тогда как она была красавица не только лицом, а и всем существом своим. Рядилась же по приказанию мужа, который гордился красотою ее и радовался тому, что его невзрачностью оттенялся „чистейшей прелести чистейший

образец“, точно так же, как рядом с Вирсавией помещают Арапа. Пушкин до конца любил и берег ее как свое сокровище».

Откликаясь на смерть золовки, Екатерина Николаевна, вторая жена Ивана Николаевича Гончарова, пишет из Яропольца мужу, находившемуся в это время в Москве: «Jean, друг мой, сейчас получила печальную телеграмму из Петербурга. Для тебя это большое горе. Мне страшно подумать о бедном дяде, и Александр тоже горячо любил свою мать. Едешь ли ты или не едешь в Петербург? Если ты решил ехать, то, вероятно, тебя уже нет в Москве». Действительно, Иван Николаевич отправился на похороны сестры в Петербург.

Петр Петрович Ланской пережил жену на 14 лет. Еще в 1849 году во время освящения полкового Благовещенского собора лейб-гвардии Конного полка царь даровал разрешение быть погребенными в нем князю А. Ф. Орлову, при котором собор был заложен, и Ланскому, при котором он был освящен. Если после смерти Орлова его сын воспользовался этой милостью, то Петр Петрович сам от нее отказался, завещав похоронить его рядом с Натальей Николаевной.

Когда посетители Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры в Петербурге видят могилу Натальи Николаевны Ланской, погребенной рядом со своим вторым мужем, они не сразу понимают, о ком идет речь. Установленная рядом табличка, указывающая, что здесь покоится Наталья Николаевна Пушкина, всё ставит на свои места. Пяти минут достаточно, чтобы от надвратной церкви Всех Скорбящих Радость дойти до могил Натальи Николаевны и Петра Петровича Ланского. Успенский же Святогорский монастырь, где обрел вечный покой Пушкин, от надгробия Натальи Николаевны отделяют 400 километров.

Так давно они жили. Столько поколений сменилось после них. Не стало их детей, внуков и правнуков. Много событий миновало. Но уже столетиями не ослабевает внимание к биографии поэта и его жены. Как гениальная одаренность, так и великая любовь могут быть описаны, но их тайна принадлежит самой природе, и живет загадка единства божественного дара творчества и любви.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александр Артемьевич Загряжский, прадед Натальи Николаевны. Ф. С. Рокотов (?). Середина 1770-х гг.

Иван Александрович Загряжский, дед Натальи Николаевны. Неизвест. художник. 1800-е гг.

Кариан (Знаменка). Дом, в котором родилась Наталья Гончарова. Фото 2002 г.

Александр Иванович Загряжский, дядя и крестный отец Натальи Николаевны. Неизвестный художник. 1800-е гг.

Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская, мать Натальи Николаевны. Неизвестный художник. 1800-е гг.

Усадебный дом и церковь Иоанна Предтечи в Яропольце. Фото автора. 2003 г.

Афанасий Абрамович Гончаров, прапрадед Натальи Николаевны. Неизвестный художник. 1768 г.

Афанасий Николаевич Гончаров, дед Натальи Николаевны. Неизвестный художник. 1810-е гг.

Господский дом в Полотняном Заводе. Фото автора. 2003 г.

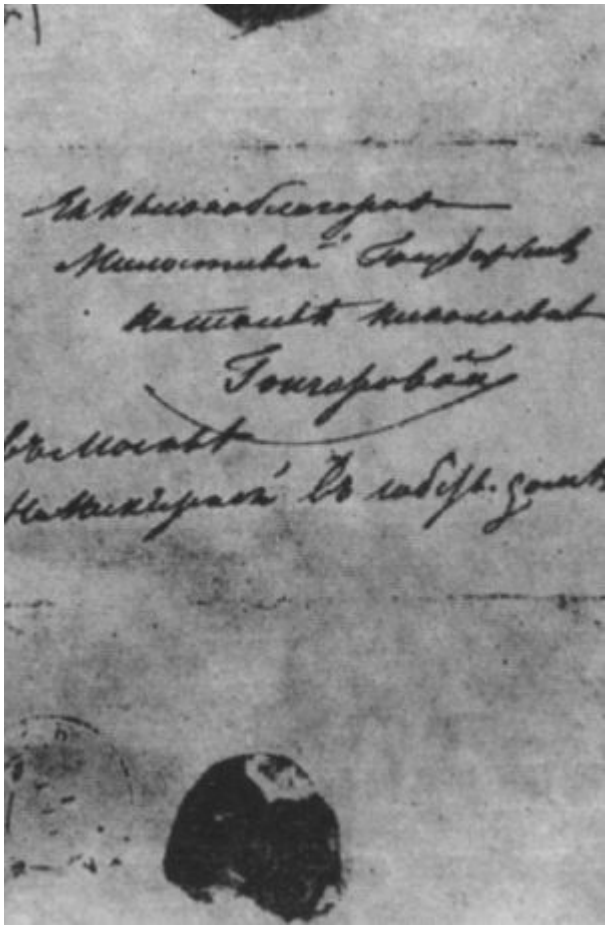
Николай Афанасьевич Гончаров, отец Натальи Николаевны. Неизвестный художник. 1800-е гг.

Наталья Николаевна Гончарова в детстве. Неизвестный художник. Начало 1820-х гг.

Кабинет в господском доме Полотняного Завода. Фото начала XX в.

Дом Гончаровых в Москве на Большой Никитской после войны 1812 года. Гравюра по рисунку А. Васнецова. 1880 г.

Александр Сергеевич Пушкин. Неизвестный художник. 13 июня 1831 г.



Конверт письма Пушкина Наталье Николаевне Гончаровой

Здание Благородного собрания в Москве. Литография А. Гедона и П. М. Русселя с оригинала С. Ф. Дица. 1840-е гг.

Церковь Большое Вознесение, где венчались А. С. Пушкин и Н. Н. Гончарова. Фото 1881 г.

Золотое кольцо с бирюзой — подарок А. С. Пушкина жене к годовщине помолвки. На внутренней стороне гравировка: «A. P. 6 avril 1832»

Свадебные туфельки Натальи Николаевны. 1831 г.

Дом Н. Н. Хитрово на Арбате — первая семейная квартира Пушкиных. Фото автора. 2003 г.

Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Памятник Екатерине II — «Медная бабушка». Фото начала XX в.

Надежда Осиповна Пушкина. Неизвестный художник. 1820-е

Сергей Львович Пушкин. Неизвестный художник. 1830-е

Гостиница Демута. Литография. 1840-е гг.

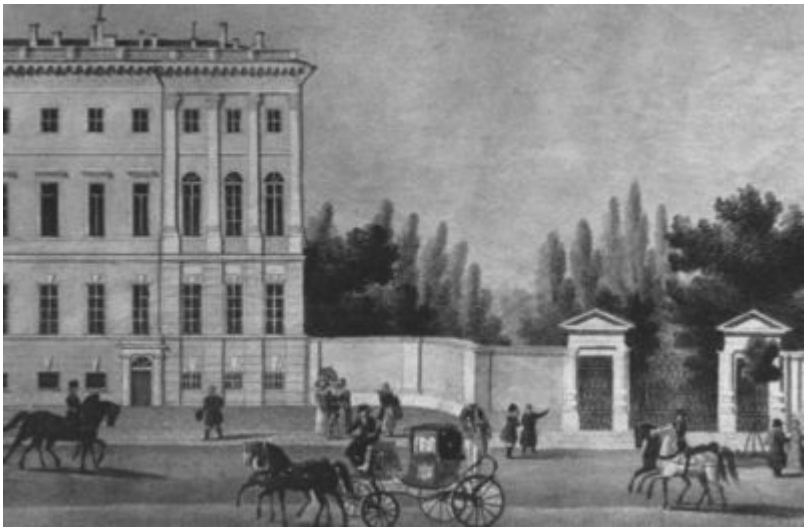
Николай Иванович Павлищев. А. Покровский. 1843 г.

Ольга Сергеевна Павлищева. Неизвестный художник. 1833 г.

Лев Сергеевич Пушкин. А. С. Пушкин. 1829 г.

Императрица Александра Федоровна. Ф. Крюгер. 1830-е гг.

Император Николай I в мундире Кавалергардского полка. И. А. Винберг. 1830-е гг.

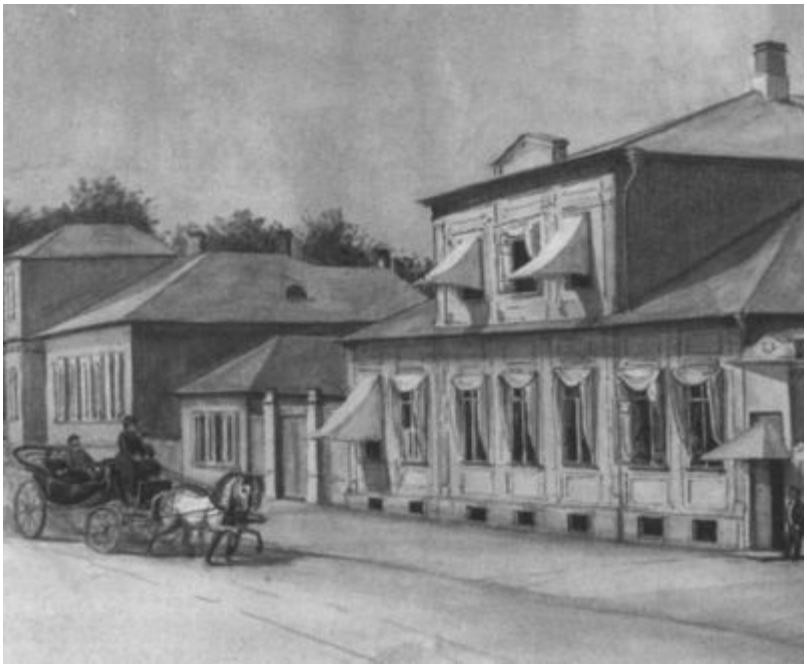


Аничков дворец. Фрагмент панорамы Невского проспекта. В. С. Садовников. 1830-е гг.

Князь Петр Андреевич Вяземский. Неизвестный художник. 1834 г.

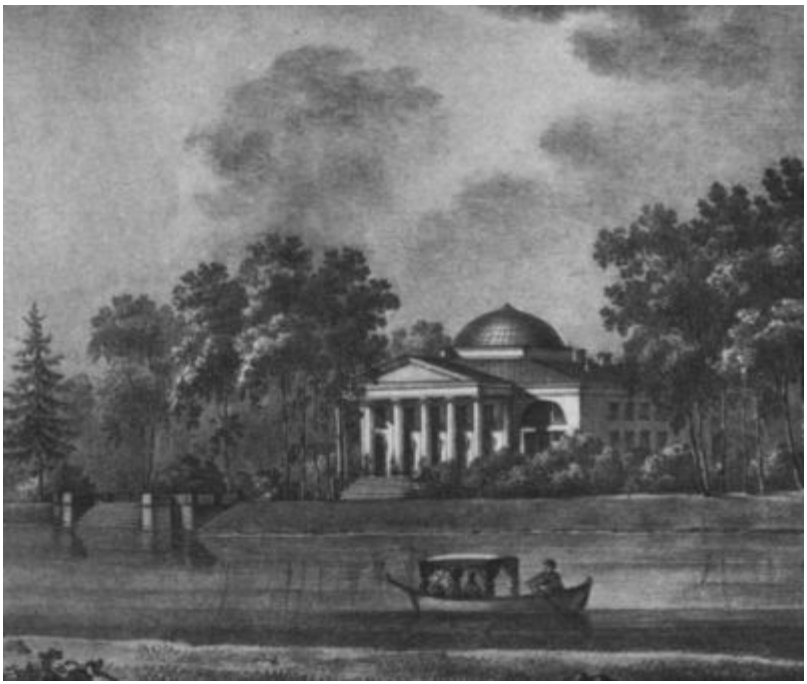
Княгиня Вера Федоровна Вяземская. Э. В. Бинеманн. Первая четверть XIX в.

Салон Фикельмонов в Петербурге. Сотера. 1835–1837 гг.



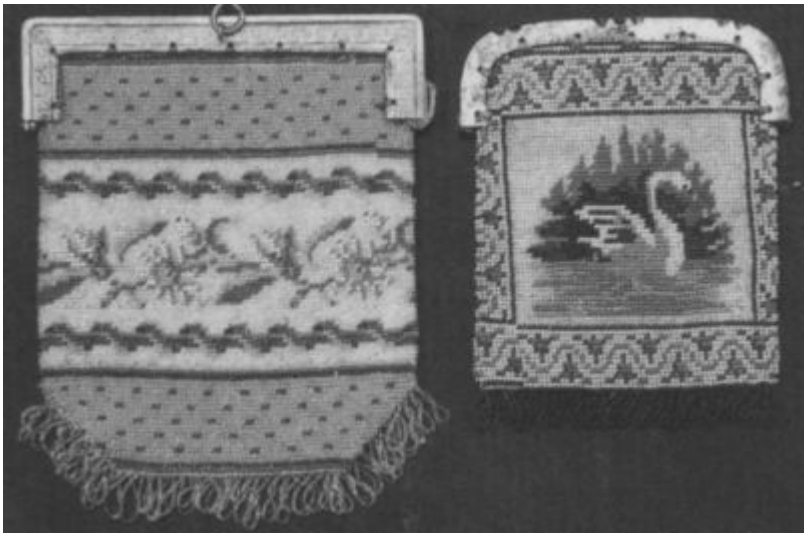
Дача Китаевой в Царском Селе. Неизвестный художник. 1865 г.

Развод Кавалергардского полка в Петергофе. Г. Шварц. 1830-е гг.



Дача Лавалей на Аптекарском острове. Неизвестный художник. 1820-е гг.

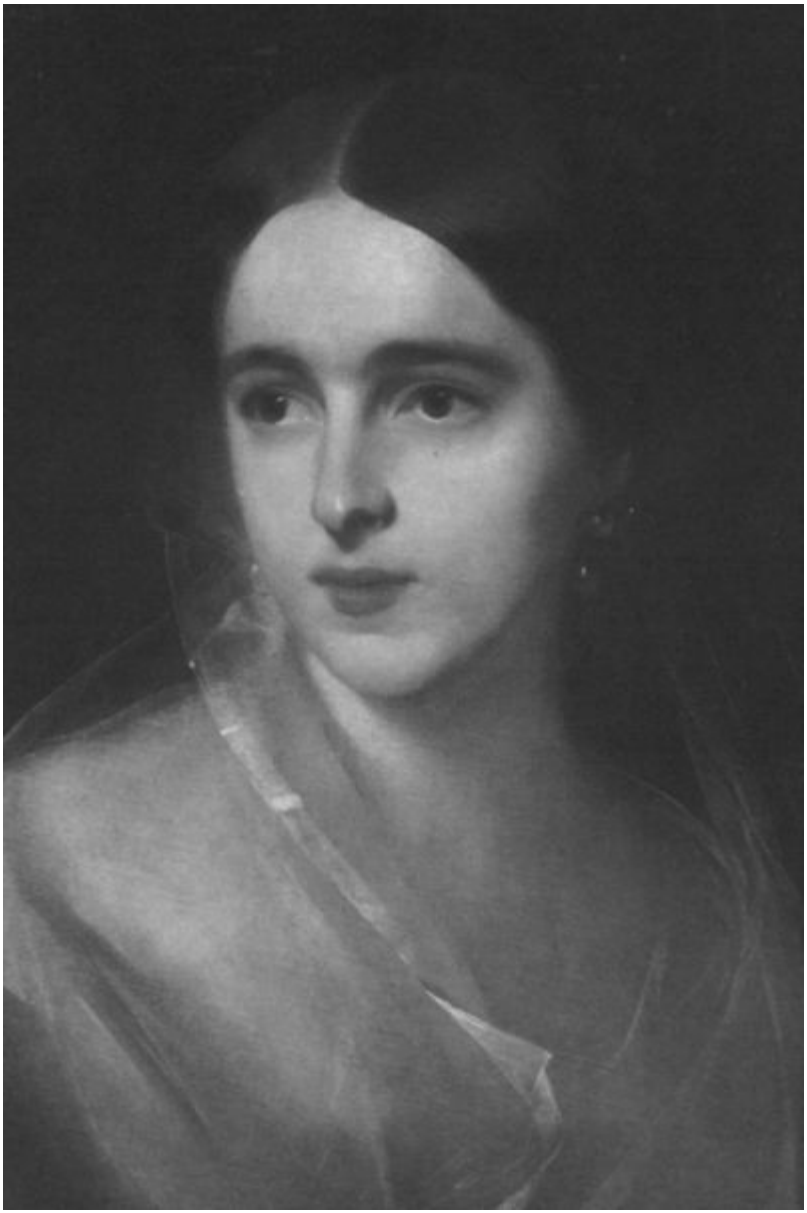
Дом княгини С. Г. Волконской на Мойке, 12. В. Тимм. 1852 г.



Шитые бисером кошельки работы Натальи Николаевны. 1830-е гг.

Флакончик для духов зеленого венецианского хрусталя

Порт-де-букет — держатель для цветов, прикреплявшийся к платью, принадлежавший Наталье Николаевне

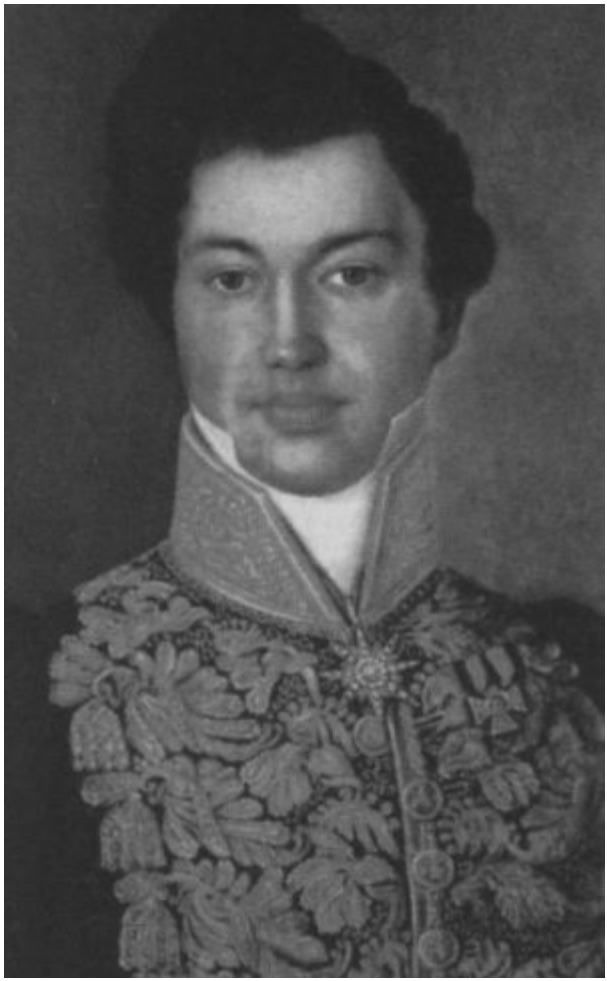


Наталья Николаевна Ланская. И. К. Макаров. 1849 г.

Наталья Ивановна Гончарова, мать Натальи Николаевны. Неизвестный художник. Конец 1820 г.г.

Екатерина Ивановна Загряжская, тетка Н. Н. Гончаровой. А. П. Брюллов. 1820-е гг.

Шепелевский дом, где жили В. А. Жуковский и Е. И. Загряжская. Литография по рисунку Г. Г. Чернецова. 1830-е гг.



Дмитрий Николаевич Гончаров. Неизвестный художник. 1835 г.

Иван Николаевич Гончаров. Неизвестный художник. 1841 г.

Сергей Николаевич Гончаров. Неизвестный художник. 1830-е гг.

Александра Николаевна Гончарова. Неизвестный художник. Конец 1820-х — начало 1830-х гг.

Екатерина Николаевна Гончарова. Неизвестный художник. Конец 1820-х — начало 1830-х гг.

Комната сестер Гончаровых в квартире Пушкиных на Мойке, 12

Барон Якоб Борхард ван Геккерен. Неизвестный художник. 1843 г.

Жорж Шарль Дантес. Бенар. Февраль 1834 г. — март 1835 г.

Костел Святой Екатерины, где венчались Е. Гончарова и Ж. Дантес. Неизвестный художник. 1826 г.

Александр Сергеевич Пушкин. Т. Райт. 1836–1837 гг.

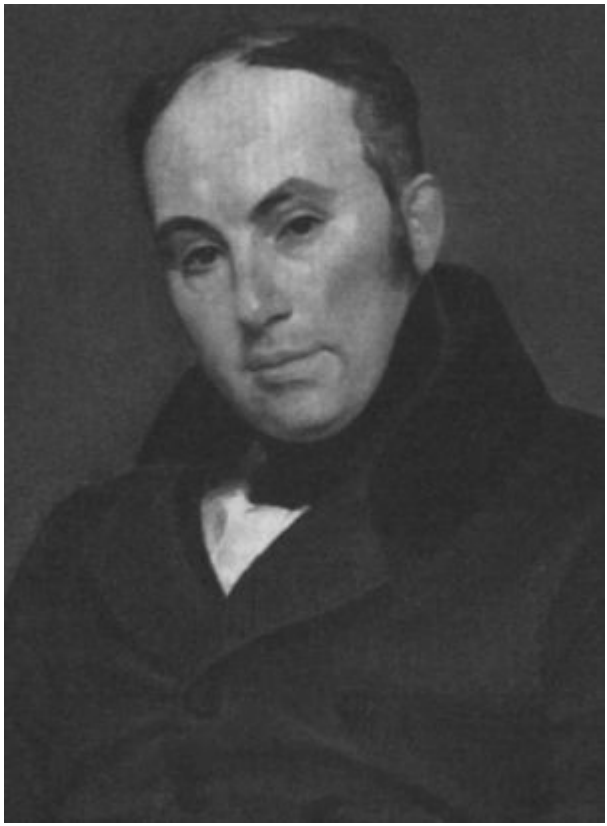
Идалия Григорьевна Полетика. П. Ф. Соколов. 1820-е гг.

Кавалергардские казармы. К. Сабат. 1824 г.

По легенде, Дантес смертельно ранил А. С. Пушкина выстрелом одного из пистолетов, принадлежавших сыну французского посла Э. де Баранту. Первая половина 1830-х-гг. Фото С. В. Чабуткина. 1999 г.

Пушкин в гробу. А. А. Козлов. 1837 г.

Михаил Юрьевич Виельгорский. Гравюра Т. Райта с оригинала Ф. Крюгера. Начало 1830-х гг.



Василий Андреевич Жуковский. К. П. Брюллов. 1837–1838 гг.

Шкатулка для письменных принадлежностей. На внутреннюю сторону крышки после гибели Пушкина Наталья Николаевна

поместила его портрет

Могила А. С. Пушкина в Святогорском монастыре. Фото 2005 г.

Наталья Николаевна Пушкина. Ш. Мазер. 1839 г.

В Красном доме Полотняного Завода Наталья Николаевна жила в 1834 году с Пушкиным, а во время траура в 1837–1838 годах — с детьми и сестрой. Фото начала XX в.

Графиня Софья Ивановна де Местр, урожденная Загряжская. К. де Местр

Граф Ксавье де Местр. Неизвестный художник. 1840-е гг.

Наталья Ивановна Фризенгоф, воспитанница де Местров. И. Умлаф. 1844 г.

Граф Григорий Александрович Строганов. Неизвестный художник. 1830-е гг.

Наталья Николаевна Пушкина. В. И. Гау. 1842–1843 гг.

Наталья Николаевна Пушкина. В. И. Гау. 1844 г.

Наталья Николаевна Ланская. В. И. Гау. 1849 г.

Наталья Николаевна Ланская. К. И. Лаш. 1856 г.

Петр Петрович Ланской. Н. П. Ланской. 1852 г.

Александра Ланская. Н. П. Ланской. 1852 г.

Софья Ланская. Н. П. Ланской. 1852 г.

Елизавета Ланская. Н. П. Ланской. 1852 г.

Мария Пушкина. Н. П. Ланской. 1852 г.

Александр Пушкин. Н. П. Ланской. 1851 г.

Григорий Пушкин. Н. П. Ланской. 1851 г.

Наталья Пушкина. Я. П. Ланской. 1852 г.

Фарфоровые чашка с блюдцем, принадлежавшие Наталье

Николаевне.1850 г.

Кресло Натальи Николаевны с вышитыми ею инициалами Н Л 1850 г.

Дом, где умерла Наталья Николаевна. В. С. Садовников. 1830-е гг.

Могилы Натальи Николаевны и Петра Петровича Ланских на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Фото 2006 г.

Наталья Николаевна Ланская. Фото 1863 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ

1812, 27 августа — рождение в селе Кариан Тамбовской губернии в семье Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых пятого ребенка, дочери Натальи.

8 сентября — крестины в Знаменской церкви села Кариан.

1813, август — возвращение семейства Гончаровых в Полотняный Завод. 1813–1828 — жизнь в Полотняном Заводе, Москве, Ильицыно.

1828, конец декабря — первая встреча с Александром Сергеевичем Пушкиным на балу танцмейстера П. А. Иогеля в московском доме Кологривовых.

1829, 30 апреля — первое сватовство Пушкина.

1830, 6 апреля — Пушкин во второй раз просит руки Натальи Николаевны.

6 мая — помолвка с Пушкиным.

1831, 18 февраля — венчание с Пушкиным.

18 мая — поселение с Пушкиным в Петербурге.

25 мая — около 20 октября — жизнь с Пушкиным на даче Китаевой в Царском Селе.

1832, 19 мая — рождение дочери Марии.

8 сентября — смерть деда Афанасия Николаевича Гончарова.

1833, 6 июля — рождение сына Александра.

1834, 30 сентября — поселение сестер Екатерины и Александрины вместе с Пушкиными в Петербурге.

1835, 14 мая — рождение сына Григория.

1836, 23 мая — рождение дочери Натальи.

1837, 10 января — венчание Екатерины Николаевны Гончаровой и барона Жоржа Дантеса-Геккерена.

27 января — дуэль Пушкина с Дантесом.

29 января — смерть Пушкина.

1 февраля — отпевание Пушкина.

19 февраля — приезд в Полотняный Завод.

1838, 27 апреля — венчание в Яропольце брата, Ивана Николаевича Гончарова, и княжны Марии Ивановны Мещерской.

2 июня — рождение племянницы Марии, дочери Сергея Николаевича Гончарова; Наталья Николаевна стала ее крестной матерью. Вторая половина ноября — возвращение в Петербург.

1841, 19 мая — 23 октября — первое пребывание в Михайловском после смерти мужа, установка памятника на могиле Пушкина.

1842, середина мая — конец августа — второе пребывание в Михайловском.

18 августа — смерть в Петербурге тетки, Екатерины Ивановны Загряжской.

1843, 15 октября[158] — смерть в Сульце (Франция) сестры, баронессы Екатерины Николаевны Геккерен, урожденной Гончаровой.

1844, 16 июля — венчание в Стрельне под Петербургом с Петром Петровичем Ланским.

1845, 15 мая — рождение дочери Александры Ланской, в замужестве Араповой.

1846, 20 апреля — рождение дочери Софьи Ланской, в замужестве Шиповой.

1848, 17 марта — рождение дочери Елизаветы Ланской, в замужестве Араповой.

2 августа — смерть матери, Натальи Ивановны Гончаровой.

1852, 6 апреля — свадьба сестры, Александры Николаевны Гончаровой, и барона Густава Фризенгофа.

1853, 18 февраля — свадьба дочери, Натальи Александровны Пушкиной, и Михаила Леонтьевича Дубельта.

1854, 23 августа — рождение первой внучки, Натальи Михайловны Дубельт.

1855, 5 октября — рождение внука, Леонтия Михайловича Дубельта.

1858, 8 января — венчание Александра Александровича Пушкина и Софьи Александровны Ланской.

1859, 5 августа — рождение внучки Натальи, дочери Александра Александровича и Софьи Александровны Пушкиных.

1860, апрель — свадьба старшей дочери, Марии Пушкиной, и Леонида Николаевича Гартунга.

28 июня — рождение внучки Софьи, дочери Александра Александровича и Софьи Александровны Пушкиных.

1861, май — 1863, май — лечение за границей.

9 сентября — смерть отца, Николая Афанасьевича Гончарова. Рождение внучки Анны, дочери Натальи Александровны и Михаила Леонтьевича Дубельт.

1863, 3 октября — рождение внука Александра, сына Александра Александровича и Софьи Александровны Пушкиных.

26 ноября — смерть Натальи Николаевны Ланской.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Л., 1998.

А. С. Пушкин: Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007.

Абрамович С. Л. Последний год. Хроника. Январь 1836 — январь 1837. М., 1991.

Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли. Январь 1836 — январь 1837. СПб., 1994.

Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984.

Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. К семейной хронике жены А. С. Пушкина. М., 1994.

Бартенев П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992.

Беляев М. Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. М., 1993.

Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников: В 3 ч. М., 1929.

Вересаев В.В. Спутники Пушкина: В 2 т. М., 1937.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 т. М., 1928.

Витале С., Старк В.П. Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.

Волович Н.М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979.

Вульф А.Н. Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1929.

Выскочков Л. В. Николай I. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992.

Гордеев И. М., Пешков В.П. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, 1978.

Гофман М.Л. Невеста и жена Пушкина. М., 2001.

Губер П. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. СПб., 1923.

Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900. Репринт — М., 1992.

Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987.

Кученкова В. Русские усадьбы. Тамбов, 2001.

Ласкин С. Вокруг дуэли. Документальная повесть. СПб., 1993.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999.

Модзалевский Б. Л., Муравьев М.В. Пушкины: Родословная

роспись. Л., 1932.

Ободовская И. М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина. М., 1975.

Ободовская И. М., Дементьев М.А. Наталья Николаевна Пушкина по эпистолярным материалам. М., 1987.

Ободовская И. М., Дементьев М.А. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. М., 1980.

Ободовская И. М., Дементьев М.А. Пушкин в Яропольце. М., 1982.

Пантелеев В. М., Сидоренков А.И. Полотняный Завод. Тула, 1970.

Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982.

Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. СПб., 1994.

Поляков А.С. О смерти Пушкина: По новым данным. СПб., 1922.

Пушкин А.С. Письма к жене / Публ. Я. Л. Левкович. Л., 1986.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937–1959. Т. 1–16.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. М.; Л., 1960.

Рожнова Т. М., Рожнов В. Ф. Жизнь после Пушкина. Наталья Николаевна и ее потомки. СПб., 2001.

Русаков В.М. Потомки А. С. Пушкина. Л., 1978.

Сборник биографий кавалергардов: В 4 т. / Под ред. С. А. Панчулидзева. СПб., 1901. Репринт — М., 2007.

Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.

Старк В.П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. СПб., 2006.

Февчук Л.П. Личные вещи А. С. Пушкина. Л., 1970.

Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Л., 1990.

Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина. М., 1987.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.

Широкий В.Ф. Пушкин в Петербурге. Л., 1937.

Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. Л., 1935.

notes

Примечания

1

Орфография и пунктуация оригиналов сохранены, за исключением случаев общепринятой адаптации текстов. *(Прим. ред.)*

2

Иван Акимович Сенявин был контр-адмиралом, а Наум Акимович — вице-адмиралом и кавалером ордена Святого Александра Невского. В следующем поколении Иван Иванович Сенявин дослужился до капитан-командора, его брат Николай Иванович — до чина вице-адмирала и должности главного командира кронштадтского порта. Особенно прославил род их двоюродный брат Алексей Наумович Сенявин, адмирал, кавалер орденов Святого Андрея Первозванного и Святого Владимира I степени. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.)*

3

Два младших брата Николая Афанасьевича скончались одновременно в 1784 году — Афанасий умер холостым, а Иван оставил после себя вдову Акулину Павловну, в первом браке Комиссарову. Старшая из сестер, Александра, была замужем за Александром Матвеевичем Нестеровым и умерла в 1828 году, так что Наталья Николаевна должна была хорошо знать ее с детства. Похоронена она в московском Спасо-Андрониковом монастыре. Младшая сестра, Варвара, вышла замуж за Илью Богдановича Бибикова — генерал-поручика, сенатора и кавалера ордена Святого Владимира II степени, тайного советника, двоюродного брата знаменитого «усмирителя» Пугачева, генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова и генерал-майора Гаврилы Ильича. За внука последнего, Сергея Ильича Бибикова, впоследствии вышла замуж Елизавета Ланская (в первом браке Арапова), третья дочь Натальи Николаевны.

4

Дочь Василия Ивановича Приклонского и Ульяны Юрьевны, в девичестве Есиповой.

5

Вы, кажется, решительно предпочитаете камеристок. — Что делать, мадам? Они свежее *(фр.)*.

6

Дмитрий Николаевич Гончаров в чине надворного советника и камер-юнкера вышел в отставку, был медынским уездным предводителем дворянства, в июле 1836 года женился на княжне Елизавете Егоровне Назаровой, ровеснице Натальи Николаевны. Скончался он в 1860 году.

7

Иван Николаевич Гончаров 27 апреля 1837 года, вскоре после гибели Пушкина, обвенчался с княжной Марией Ивановной Мещерской, имел чин генерал-майора и умер в 1881 году.

8

В 1813 году, после смерти А. И. Загряжского, единственным владельцем Кариана остался Н. А. Загряжский. В 1821 году имение досталось его племянницам Софье и Екатерине Ивановнам, единокровным сестрам Натальи Ивановны. Управляла им Софья Ивановна, в замужестве де Местр. По ее завещанию имение отошло племяннику, графу Сергею Григорьевичу Строганову, троюродному брату Натальи Николаевны. В 1857 году Знаменское перешло к его сыну Павлу Сергеевичу. Усадебный дом прославился к началу XX века крупнейшим собранием произведений искусства и уникальной библиотекой. После кончины в 1911 году бездетного графа П. С. Строганова имение отошло к малолетнему князю Григорию Александровичу Щербатову.

9

Мария Артемьевна Загряжская первый раз была замужем за Исленевым, второй — за генерал-поручиком бароном Александром Григорьевичем Строгановым.

10

Старший брат, Николай, обер-шенк и александровский кавалер, был женат на графине Наталье Кирилловне Разумовской, но детей в этом браке не было. Старшая из сестер, Екатерина, была за камергером графом Алексеем Владимировичем Салтыковым, а младшая, Елизавета, за действительным тайным советником бароном Александром Николаевичем Строгановым. Так что Загряжские дважды породнились со Строгановыми.

11

Это место в «Письмах» — одно из самых запоминающихся, в разное время остановило на себе внимание многих читателей Карамзина, от рядовых до самых замечательных. Среди них была и Марина Цветаева, взявшая в свадебное путешествие с Сергеем Эфроном томик «Писем». На полях принадлежавшего ей экземпляра сделана отметка напротив описания возвращения графа Глейнау из крестового похода с возлюбленной сарацинкой: супруга графа приняла ее в свой дом, и обе они разделяли с той поры его любовь.

12

Я люблю это нежное имя *(англ.)*.

13

Чего ради я буду скрывать:
Да, Марго меня пленила *(фр.)*.

Посельники Лицея *(фр.)*.

15

Старая дева, быть может, в восхищении от ошибки молодого человека (фр.).

16

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую мартышку,
Но за грацию — о Боже — никак (фр.).

17

Это произведение Пушкина вошло в составленный в 1827 году список стихотворений, предназначенных к печати, под названием «Наташа»; в подобном же списке 1828 года оно значится уже как «Жених».

18

Название пьесы восходит к «Сказке о царевиче Хлоре», сочиненной некогда императрицей Екатериной II для внука Александра, один из героев которой дает толкование розы без шипов: «Сей цветок не что иное значит, как добродетель; иные думают достигнуть косыми дорогами, но никто не достигает окроме прямою дорогою; счастлив же тот, который чистосердечно твердостию преодолевает все трудности того пути».

19

Сергей Николаевич Гончаров начал службу унтер-офицером Киевского гренадерского полка в 1832 году. Прожив небольшую жизнь, он скончался в Москве, где и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

20

Мать В. П. Давыдова принадлежала к роду князей и графов Орловых, и после ее смерти он в 1856 году получил титул своего деда, генерал-поручика Владимира Григорьевича Орлова, и стал именоваться граф Орлов-Давыдов. Н. М. Языков назвал его «князь Давыдов», потому что знал о его происхождении от пресекшегося по мужской линии рода Орловых. Никаких других князей Давыдовых в России не существовало. Он женился на княжне Ольге Ивановне Барятинской, и в 1837 году появился на свет их первый ребенок. Ничем особенным он не отличился, дослужился до чина действительного статского советника и умер в 1882 году отцом троих сыновей и двух дочерей.

21

Господский дом сгорел еще до революции, но сохранился флигель, в котором жили последние владельцы усадьбы.

22

Так в то время называли колесные пароходы (от греч. *pur* — огонь и *skaphos* — судно).

23

Моя родная земля, прощай *(англ.)*.

24

Дом 22 на Тверском бульваре принадлежал генералу А. С. Кологри-вову, участнику Аустерлицкого и Бородинского сражений. Он был построен в 1823 году, возможно, по проекту Д. Жилярди. В 1830-х годах дом купили городские власти, и в нем разместилось полицейское управление Москвы. Дом был снесен в 1930 году, сейчас на его месте находится здание МХАТа имени Горького. *(Прим. ред.)*

25

Ловелас — герой романа С. Ричардсона «Кларисса» (1747–1748), *Вальмон* — персонаж романа Ш. де Лакло «Опасные связи» (1782). Эти имена стали нарицательными для обозначения повес и соблазнителей. *(Прим. ред.)*

26

А его возлюбленная не пришла!!! *(фр.)*.

27

Пушкинский рыцарь — скорее всего, участник Первого крестового похода (1096–1099), завершившегося взятием Иерусалима и основанием Иерусалимского королевства.

28

Предстояла Матерь Божья *(лат.)*.

29

Моя женитьба на Натали (кстати сказать, моя сто тринадцатая любовь) решена *(фр.)*.

30

Ах, какой вы! *(фр)*.

31

Форнарина — возлюбленная и натурщица великого художника Рафаэля Санти, позировавшая ему, в частности, для «Сикстинской мадонны» (1512–1513).

32

Фоблас — герой романа Ж. Б. Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фобласа» (1787–1790), красивый, находчивый и развращенный юноша. *(Прим. ред.)*

33

Бывшего *(фр)*.

34

Платон Алексеевич Мещерский (1805–1880) с 1825 года служил чиновником архива Министерства иностранных дел.

35

«Какая муха его укусила?» *(фр.)*.

Но нельзя ни за что ручаться *(фр.)*.

37

Я женюсь на косой и рыжей мадонне *(фр.)*.

38

Антонио Аллегри да Корреджо (около 1489 — около 1534) — итальянский живописец периода Высокого Возрождения. *Антонио Канова* (1757–1822) — итальянский скульптор, наиболее значительный представитель классицизма. *(Прим. ред.)*.

39

Елизавета Петровна Потемкина — урожденная княжна Трубецкая, сестра декабриста Сергея Трубецкого, жена графа Сергея Павловича Потемкина, поэта и драматурга, по словам современников, «тонкого ценителя драматического искусства, архитектуры, стихов, музыки».

40

Старая церковь Вознесения была разобрана в конце 1831 года, а колокольня снесена только в 1933 году.

41

Всё плохие предзнаменования *(фр.)*.

42

Сборник, включавший свыше 70 былин, был составлен в середине XVIII века казаком Киршей Даниловым для уральского заводчика Демидова. В 1804 году часть былин была опубликована; в 1818 году они вышли под названием «Древние российские стихотворения». *(Прим. ред.)*.

43

Подобное сравнение восходит к римской мифологии, по которой бог Вулкан — искусный кузнец, чье мастерство было настолько же прекрасно, насколько некрасиво тело, а Венера — его супруга, богиня любви и красоты.

И я бы танцевал, если бы у меня были силы *(фр.)*.

45

Аониды — в древне греческой мифологии музы, обитавшие в местности Аонии (Беотии) в окрестностях горы Геликон. *(Прим. ред.)*.

Ставка игрока *(англ.)*.

47

Имя Визапура, эмигранта-индуса, женатого на дочери купца Сахарова, стало вначале в Москве, а потом и по всей России нарицательным для обозначения арапа. Сам Визапур был расстрелян в Москве в 1812 году как французский шпион.

Отсылка к грибоедовской комедии «Горе от ума»:

> Ах! Боже мой! что станет говорить
> Княгиня Марья Алексевна!

49

Евпраксия Вульф, одна из воспетых поэтом тригорских барышень, вышла замуж за барона Бориса Александровича Вревского в том же году, когда состоялось венчание Пушкина с Натальей Гончаровой, и переехала в имение мужа Голубово, расположенное неподалеку от Тригорского. Их первенец был назван Александром в честь своего деда князя Александра Борисовича Куракина и прадеда Александра Максимовича Выndомского, отца Прасковьи Александровны, но и имя Пушкина также было учтено.

Здесь и далее курсивом в разрядку выделены слова, написанные во французских оригиналах по-русски.

51

Маркиз де Данжо — приближенный Людовика XIV, за которого король выдал замуж нравившуюся ему фрейлину, автор мемуаров, описывавших повседневные подробности частной жизни «короля-солнце» и придворного быта, воспринимавшихся современниками и потомками как обличительные. Дневник, который вел Пушкин, исполнял ту же роль по отношению к русскому двору.

52

Законом от 3 апреля 1809 года придворные чины камергера и камер-юнкера были преобразованы в почетные придворные звания, которые могли теперь присваиваться лишь лицам, уже имеющим военный или гражданский чин. *(Прим. ред.)*.

53

Здесь игра слов: «За веру и верность» — девиз высшего российского ордена Андрея Первозванного. Жену П. А. Вяземского звали Вера Федоровна. *(Прим. ред.)*.

54

Надеюсь, что Пушкин принял в хорошем смысле свое назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я им доволен и т. д., и т. д. *(фр.)*.

55

Он мог бы потрудиться сходить надеть фрак и вернуться. Попеняйте ему *(фр.)*.

56

Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и была одета лучше всех *(фр.)*.

Сестры жены *(фр.)*.

58

Пушкин верил в приметы и считал, что сны сбываются, оттого его и охватил ужас. Сон оказался вещим — дочь Вяземского, княжна Прасковья, скончалась через девять месяцев, 11 марта 1835 года, в возрасте восемнадцати лет.

59

Дом стоял на месте нынешнего универмага «Пассаж» и вошел при перестройке в его массив.

Какая-то неопределенность во взгляде *(фр.)*.

61

Психея — в античной мифологии супруга Эрота (Амура). *(Прим. ред.)*.

62

Мне скучно. — Почему это? — Все стоят, а я люблю сидеть *(фр.)*.

63

Друг мой, здесь не место для разговоров о Польше. Изберем нейтральную территорию, например у австрийского посла *(фр.)*.

64

Иван Онуфриевич Сухозанет — генерал-адъютант, главный директор Пажеского корпуса и начальник всех сухопутных военных корпусов. *(Прим. ред.)*.

65

Альмавива — мужской широкий плащ без рукавов, назван по имени персонажа комедии П. О. Бомарше «Женитьба Фигаро» (1787). *(Прим. ред.)*.

66

Для того чтобы сменить всю прислугу (буквально: очистить дом) *(фр.)*.

67

Плеоназм *(др. — гр.* излишний) — оборот речи, в котором без надобности повторяются слова, частично или полностью совпадающие по значению. *(Прим. ред.)*.

Отец Федора Матвеевича, Матвей Платонович, был родным братом Надежды Платоновны, бабушки Натальи Николаевны.

69

Само собой *(фр.)*.

70

Знакомый Пушкина генерал-майор Р. Р. Анреп, страдавший душевной болезнью, во время одного из ее приступов в 1830 году забрел в болото, откуда его извлекли через два дня. Его повезли в Москву, но по пути он скончался.

71

Пушкин имел в виду знаменитую французскую актрису Маргариту Жозефину Веммер, прозванную мадемуазель Жорж (M-lle George) (1787–1867). В 1808 году она дебютировала на русской сцене, играла в Петербурге и Москве. Пушкин упомянул ее в статье «Мои замечания о русском театре», назвав ее «бездушной французской актрисой». По словам П. А. Вяземского, она обладала «греческим, ваяльным, царственным обликом и станом». По другой версии, речь идет об акушерке Натальи Николаевны.

Синему чулку *(англ.)*.

73

Письмо прорвано в нескольких местах.

74

Сергей Дмитриевич Безобразов, флигель-адъютант с 1831 года, ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, принадлежал к числу поклонников Натальи Николаевны. Его свадьба с княжной Любовью Александровной Хилковой, о которой жена пишет Пушкину как о деле решенном, состоялась уже после возвращения поэта в Петербург 10 ноября 1833 года. Их, по выражению Пушкина, «семейная история» с бурными сценами ревности вызвала скандал в обществе. Безобразову только после свадьбы стало известно о связи его жены, еще в бытность ее фрейлиной императрицы, с Николаем I. 1 января 1834 года Пушкин запишет в дневнике: «Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женой. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. — Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума». Через несколько дней в дневнике появится новая запись: «В свете очень шумят о Безобразовых. — Он еще под арестом. — Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом».

75

Роман Пушкина с крепостной Ольгой Калашниковой, дочерью приказчика, случился во время его ссылки в Михайловское. В 1826 году она родила сына, прожившего всего три с половиной месяца, а в 1830 году Пушкин подписал ее «отпускную».

Жизнь галантных дам *(фр.)*.

77

На сердце каждого мужчины написано: *самой податливой (фр.)*.

Положении рогоносца *(фр.)*.

79

«О дамах, которые занимаются любовью и украшением мужей своих рогами» *(фр.)*.

80

Джулио Ренато (Юлий Помпеевич) Литта-Висконти-Арезе, граф (1763–1839) — миланец, на русской службе с 1789 года. С 1826 года — старший обер-камергер, которому Пушкин подчинялся по придворной службе.

81

Однако ж и для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила *(фр.)*.

82

Вы ошибаетесь: это для фрейлин *(фр.)* Здесь игра слов: les règies означает и «правила», и «регулы».

83

Пусть уж лучше меня высекут перед всеми… г-н Журден *(фр.)*.

84

Не пойдете ли вы на этих днях в школу, чтобы там, в вашем возрасте, давать себя сечь? *(фр.)*.

85

Почему бы нет? Дай бог мне сейчас же быть высеченным на глазах у всех и знать то, чему учат в школе! *(фр.)*.

86

Генриетта Зонтаг (1801–1854) — знаменитая немецкая певица, колоратурное сопрано; в 1830 году вышла замуж за посланника Сардинии в Петербурге графа Росси и оставила сцену. *(Прим. ред.)*.

87

Фрейлина сначала императрицы Елизаветы Алексеевны затем уже и императрицы Александры Федоровны, 39-летняя Екатерина Павловна Бакунина запоздало вышла замуж 30 апреля 1834 года за старого своего знакомого Александра Александровича Полторацкого кузена Анны Алексеевны Олениной и Анны Петровны Керн.

Доме *(англ.)*.

Буквально *(фр.)*.

В сущности говоря *(фр.)*.

91

Надежда Григорьевна Чернышева, отвергнув притязания как Дмитрия Гончарова, так и братьев Муравьевых, в 1838 году вышла замуж за князя Г. А. Долгорукова.

92

Сладкая привычка *(нем.)*.

Вы не оправдали *(фр.)*.

Плохого рода жизни *(фр.)*.

Я только притворяюсь *(фр.)*.

Трепеща от волнения *(фр.)*.

Здесь и далее в квадратных скобках приводится текст, зачеркнутый Пушкиным.

98

Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я тебя опять увижу… (*ит.*).

99

Дается подстрочный перевод.

Не иначе *(фр.)*. В подлиннике описка: *pour*.

101

Гекзаметр — самый употребительный размер античной поэзии, шестимерный стих, которым были написаны поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Гнедич первым осуществил перевод «Илиады» именно торжественным гекзаметром, а не более легким александрийским стихом. *(Прим. ред.)*.

102

Младшего (лат.).

103

Казалось, что видишь богиню *(лат.)*.

Церковный двор *(искаж. нем.)*.

105

И то и другое означает «белая голова» *(искаж. нем.)*. Здесь игра слов: второе можно перевести и как «белый глава» в смысле «руководитель». *(Прим. ред.)*.

106

В пушкинское время употреблялось несколько написаний фамилии: Геккерен, Геккерн и даже Эккерн. Мы употребляем первое, как общеупотребительное ныне, за исключением цитат.

107

Chouette — сова *(фр.)*. В качестве условного сигнала шуаны использовали подражание крику совы.

108

Из-за башмаков или пуговиц ваш муж не явился последний раз? (фр.).

109

Упомянутое в письме имя графа Отто фон Брея-Штейнбурга не было правильно прочтено М. А. Цявловским и в переводе печаталось как Брог (Браг?). Также со знаком вопроса приводит его фамилию во всех своих работах С. Л. Абрамович. С. Ласкин приводит новый перевод письма, выполненный А. Л. Андрес, в котором эта фамилия приведена как Брож (Браж?). На самом деле имеется в виду секретарь баварского посольства граф Брей, который в это время уехал в отпуск на родину, в Баварию. Геккерен, прибыв на воды в Баден-Баден, несомненно, должен был повстречаться с Бреем, знакомым ему по Петербургу. Брей был неизменным посетителем салонов Карамзиных и Виельгорских, дома Вяземских, встречался в свете и с Пушкиным. В феврале 1836 года Брей успел, как он напишет в воспоминаниях, «стать свидетелем тех запутанных отношении, которые вызвали трагическую кончину Пушкина».

110

Здесь и далее перевод с французского писем Дантеса и выдержек из книги А. Труайя М. И. Писаревой.

111

Трехбунчужный паша *(фр.)*.

112

Позднее этот дом на Невском проспекте был достроен и обращен в универмаг «Пассаж».

113

Геверс *(Gevers)* во французском чтении — Жевер; Иоганн или Жан — Иван-дурачок; *Vert* — игривый, двусмысленный *(фр.)*. Отсюда Жан-Вер *(Jean-Vert),* то есть Жан-игривый или Жан-повеса.

114

Имеется в виду Любовь Викентьевна Борх, урожденная Голынская, жена графа Иосифа Михайловича Борха, имя которого было использовано в подписи анонимного пасквиля, присланного Пушкину 4 ноября 1836 года.

115

Барон. Жена моя и свояченицы не преминут явиться на приглашение вашего сиятельства. Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в своем уважении *(фр.)*.

116

В этом письме, написанном по-французски, единственное имя, которое приведено по-русски и без фамилии, — имя Аркадия Осиповича Россета, сослуживца братьев Карамзиных по гвардейской Конной артиллерии, в которого была безнадежно влюблена Александрина Гончарова. «Милый Скалон» — еще один член карамзинского кружка Николай Александрович Скалон, тогда поручик Генерального штаба.

117

Кавалеры первой степени (Рыцари Большого Креста), командоры и кавалеры светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена, е<го> п<ревосходительства> Д. Л. Нарышкина, *единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадъютором Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена.* Непременный секретарь граф И. Борх.

118

Я приговорен к гильотине; я взываю к милосердию, если это не удастся — придется взойти на эшафот; и я взойду, потому что мне так же дорога честь моего сына, как и его жизнь *(фр.)*.

119

Так отмечены оставленные Пушкиным пропуски.

120

«Пират» — опера В. Беллини, дававшаяся в тот день на сцене Александринского театра.

121

Подделка, пародия *(фр.)*.

122

Мне 29 лет *(фр.)*.

123

Их изящно обставленный дом *(фр.)*.

Посаженого отца *(фр.)*.

125

Грубости (фр.).

Пойдем, моя законная! *(фр.)*.

127

Непереводимая игра слов, основанная на созвучии: *cor* — «мозоль» и *corps* — тело. Буквально: «Я теперь знаю, что у вас мозоль красивее, чем у моей жены».

128

Кажется, у меня раздроблено бедро *(фр.)*.

129

Подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел *(фр.)*.

130

Не входи (фр.).

131

Благотворительное учебное заведение, современный адрес — набережная Мойки, 52. Сейчас там располагается один из учебных корпусов Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

132

Что-то говорит мне, что он будет жить *(фр.)*.

133

Арендт меня приговорил, я ранен смертельно *(фр.)*.

Жорж вне опасности! *(фр.)*.

135

Я тоже ему прощаю! *(фр.)*.

136

Что это женщина без сердца *(фр.)*.

137

Камер-юнкер Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков был настолько известным в Петербурге человеком, что современники говорили: «Спросить кого-нибудь в Петербурге, знает ли он Отрешкова, — то же, что спросить, знает ли он, где Казанский собор?» Недаром Лермонтов вывел его в «Княгине Литовской» в лице Горшенко: «Он был со всеми знаком, служил где-то, ездил по поручениям, возвращаясь, получал чины, бывал всегда в среднем обществе и говорил про связи свои со знатью. волочился за богатыми невестами, подавал множество проектов, продавал разные акции, предлагал всем подписки на разные книги, знаком был со всеми литераторами и журналистами, приписывал себе многие безыменные статьи в журналах, издал брошюру, которую никто не читал, был, по его словам, завален кучею дел и целое утро проводил на Невском проспекте». Хорошо известен он был и Третьему отделению, состоя его негласным сотрудником.

Бель-сёр (belle-sœur — *фр.)* — жена брата, невестка.

139

Веленевая бумага (от фр. *velin* — тонко выделанная кожа) — высокосортная, вырабатываемая только из целлюлозы без использования древесного сырья, хорошо проклеенная, плотная, желтоватого цвета. При ее изготовлении использовалась форма с тканевой сеткой, не оставлявшей отпечатков, поэтому листы были равномерные на просвет, гладкие, с характерным блеском. *(Прим. ред.)*.

140

Де Местры — знакомые семьи Пушкиных еще со времен московского детства поэта, а потом в пору его петербургской послелицейской юности. В середине 1820-х годов они уехали за границу. Г. Фризенгоф два года прослужил в России в качестве чиновника австрийского посольства в Петербурге. Близость с ним гончаровского семейства началась еще в 1836 году, когда он женился на Наталье Ивановне Ивановой. Та родилась в 1801 году и была побочной дочерью Александра Ивановича Загряжского, так что Софье Ивановне она доводилась племянницей, а Наталье Николаевне двоюродной сестрой, и они были знакомы еще в Москве. Довольно поздно, в 35 лет. Ната, как называли ее по-семейному, наконец, составила себе партию: муж был моложе ее на шесть лет.

141

Этот угловой двухэтажный дом в те времена имел адрес: перекресток Почтамтской улицы и Почтамтского переулка, дом 169 третьего квартала Первой Адмиралтейской части, наискосок от главного здания Почтамта (сейчас это дом 12 по Почтамтской улице). Он принадлежал Егору Андреевичу Адаму, полковнику Корпуса горных инженеров, а затем его вдове Корнелии Мартыновне. Фасад по Почтамтской улице был на 10 окон, а по переулку — в 17. Здание было выстроено в середине XVIII века, принадлежало в ту пору архитектору Христиану Ивановичу Кнобелю, который его и спроектировал. Тогда это было одноэтажное строение на высоком цоколе, ныне вросшем в землю. В 1771 году Кнобель продал его управлявшему Императорским кабинетом А. В. Олсуфьеву для размещения в нем малолетних придворных певчих. Владельцы впоследствии несколько раз менялись, но дом особенным перестройкам не подвергался. И только когда к 1836 году его владелицей стала К. М. Адам, он был надстроен вторым этажом.

142

Привидение *(фр.)*.

143

Как надо быть убежденной в своей красоте, чтобы дерзнуть появиться в подобной прическе! *(фр.)*.

144

Смотрите и восхищайтесь! — Да, прекрасна, в самом деле прекрасна! Ваше изображение таким должно бы было перейти потомству! *(фр.)*.

145

Аграф *(фр.* agrafe — крючок) — застежка или пряжка в виде броши для платьев, шляп, башмаков. *(Прим. ред.)*.

146

А. О. Ишимова, к которой обращено последнее письмо Пушкина, извещающее о переносе их встречи, написанное в день роковой дуэли.

Впоследствии он женился на Марии Алексеевне Сверчковой, приходившейся племянницей Марии Дмитриевне Нессельроде, жене канцлера. Столыпин всё же породнился с Натальей Николаевной: его единственный сын Николай женился на ее внучке, дочери А. П. Араповой.

148

Владимир Петрович Пальчиков — псковский помещик, служивший тогда в Петербурге; лицеист второго выпуска. Был женат на дочери Алексея Никитича Пещурова, дядюшки князя А. Горчакова, бывшего во времена михайловской ссылки Пушкина опочецким предводителем дворянства, а теперь ставший псковским губернатором.

149

Как? Что за чудо: вы не у баронессы? *(фр.)*.

150

Свекровь *(фр.)*.

151

Пахитоса (от *исп.* pajitos — соломинки) — папироса, в которой табак заворачивался в соломинку или лист кукурузы. *(Прим. ред.)*.

152

Екатерина Николаевна умерла за границей в октябре 1843 года.

153

Небо не прозрачнее недр моего… зада *(фр.)*.

154

Антиминс (*греч.* вместопрестолие) — льняной или шелковый четырехугольный плат с изображением положения Христа в гроб и четырех евангелистов, расстилаемый на престоле. Освящается только архиереем для определенного храма, является необходимой принадлежностью литургии. *(Прим. ред.)*.

155

Собственная Е. И. В. канцелярия по учреждениям имп. Марии (Четвертое отделение собственной Е. И. В. канцелярии, 1828–1880) — государственное ведомство, руководившее женскими учебными заведениями, воспитательными домами, Опекунскими советами и другими благотворительными учреждениями. *(Прим. ред.)*.

Табльдот *(фр.* table d'hôte, буквально — стол хозяина) — стол с общим меню в курортных гостиницах, пансионах. *(Прим. ред.)*.

157

Строительство этого дома было начато после больших столичных пожаров в 1736–1737 годах и к 1741-му доведено тогдашним владельцем А. Я. Милютиным до двух этажей. В 1798 году дом был куплен петербургским купцом С. Б. Глазуновым. Его наследники владели зданием до конца 1840-х годов. В те времена, когда в нем жила Наталья Николаевна, оно принадлежало представителям породнившегося с Глазуновыми известного в Петербурге купеческого рода потомственных почетных граждан Яковлевых.

По григорианскому календарю.